Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№ 16

Москва Кремль. ◆ Петроград-Смольный.

Второй год издания

УСТАВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В 1864 году в Лондоне было создано первое Международное Товарищество Рабочих—Первый Интернационал. В уставе этого Международного Товарищества Рабочих говорилось:

«что освобождение рабочего класса может быть завоевано только самим рабочим классом;

что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий и монополий, но к установлению равных для всех прав и обязанностей и к уничтожению всякого классового господства;

что экономическое подчинение рабочего монополъному владельцу средств производства, т. е. всех источников жизни, является главной причиной рабства во всех его формах, всего социального зла, всего духовного вырождения и политического подчинения рабочего класса;

что экономическое освобождение рабочего класса является той великой целью, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство;

что все стремления к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными, вследствие недостатка солидарности между рабочими различных профессий в каждой отдельной стране и отсутствия братского союза между рабочими различных стран;

что освобождение труда, являясь задачей не местной, не национальной, а социальной, затрагивает интересы всех стран, в которых существует современный общественный строй, и для своего разрешения требует теоретического и практического взаимодействия наиболее передовых стран;

что теперешнее одновременное возрождение рабочего движения в промышленных странах Европы, с одной стороны, возбуждает новые надежды, с другой стороны, серьезно предостерегает от повторения старых ошибок и требует немедленного об'единения до сих пор несвязанных друг с другом движений».

II Интернационал, основанный в 1889 году в Париже, обязался продолжать дело I-го Интернационала, но в 1914 году, в начале мировой бойни, он потерпел полный крах. II Интернационал погиб, подточенный оппортунизмом и сраженный изменами вождей, которые перешли на сторону буржуазии.

III Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 г., в столице Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в городе Москве, торжественно перед всем миром заявил о том, что он берет на себя продолжение и завершение великого дела, начатого первым Международным Товариществом Рабочих.

III Коммунистический Интернационал сложился в момент, когда заканчивалась империалистская война 1914—1918 гг., в которой империалистская буржуазия различных стран принесла в жертву 20 миллионов человек.

— Помни об империалистской войне!—вот первое, с чем обращается Коммунистический Интернационал к каждому труженику, где бы он ни жил, на каком бы языке он ни говорил.—Помни о том, что, благодаря существованию капиталистического строя, небольшая горсточка капиталистов имела возможность в течение четырех долгих лет заставлять рабочих различных стран резаться между собою! Помни о том, что буржуазная война ввергла Европу и весь мир в страшнейший голод и нищету! Помни о том, что без свержения капитализма повторение таких разбойничьих войн не только возможно, но и неизбежно.

Коммунистический Интернационал ставит своей целью: борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание международной советской республики, как переходной ступени к полному уничтожению государства. Коммунистический Интернационал считает диктатуру пролетариата единственным средством, дающим возможность освободить человечество от ужасов капитализма. И Коммунистический Интернационал считает советскую власть исторически данной *формой* этой диктатуры пролетариата.

Империалистская война особенно тесно связала судьбы рабочих одной страны с судьбами пролетариев всех стран. Империалистская война лишний раз подтвердила то, что говорилось в уставе I-го Интернационала: освобождение рабочих является задачей не местной или национальной, а задачей *международной*.

Коммунистический Интернационал раз навсегда порывает с традицией II-го Интернационала, для которого на деле существовали только люди белой кожи. Коммунистический Интернационал ставит себе задачей освобождение тружеников *всего* мира. В рядах Коммунистического Интернационала братски об'единяются люди белой, желтой, черной кожи,—труженики всей земли.

Коммунистический Интернационал целиком и безоговорочно поддерживает завоевания великой пролетарской революции в России, первой победоносной социалистической революции в мировой истории, и зовет пролетариев всего мира идти по тому-же пути. Коммунистический Интернационал обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создалась.

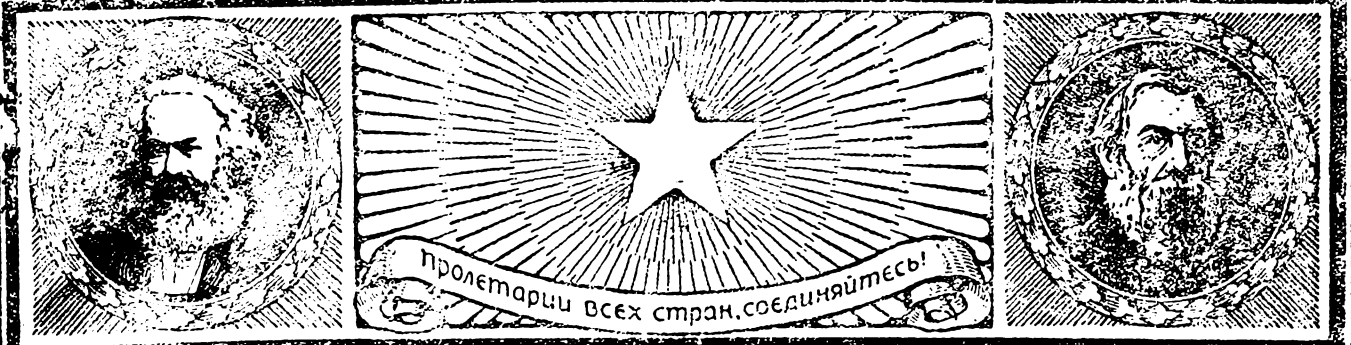
Коммунистический Интернационал знает: для того, чтобы скорее добиться победы, Международное Товарищество Рабочих, борющееся за уничтожение капитализма и создание коммунизма, должно иметь стройную централизованную организацию. По существу дела, Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране. Организационный аппарат Коммунистического Интернационала должен обеспечивать труженикам каждой страны возможность в каждый данный момент получить максимальную помощь от организованных пролетариев остальных стран.

С этой целью Коммунистический Интернационал утверждает следующие пункты Устава:

Ст. 1. Новое Международное Товарищество Рабочих основано для организации совместных действий пролетариев различных стран, стремящихся к одной цели: низвержению капитализма, созданию диктатуры пролетариата и Международной Советской Республики для полного уничтожения классов и осуществления социализма, этой первой ступени коммунистического общества.

Ст. 2. Новому Международному Товариществу Рабочих присвоено название *Коммунистический Интернационал*.

Ст. 3. Все партии, входящие в Коммунистический Интернационал, носят название: Коммунистическая Партия такой-то страны (Секция Коммунистического Интернационала).

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Журнал выходит под редакцией Г. Зиновьева и при ближайшем участии Бухарина, Каменева, Ленина, Луначарского, Покровского, Раковского, Рязанова, Троцкого (Россия); Куусинена, Маннера, Сирола (Финляндия); Гримлунда, Нермана, Стрема, Хеглунда, Кильбума (Швеция); Греппа, Транмеля, Фрийса (Норвегия); Вайнкупа, Равестейна, Роланд-Хольст, Рутгерса (Голландия); Томанна, Штейнгардта, Штрассера (Австрия); М. Альберта, Пика, Радека, Тальгеймера, К. Цеткиной (Германия); Т. Квелча, Маклина, Панкхерст, Роттштейна (Англия); Гильбо, Делиньера, Лорио, Лефевра Р., Монатта, Суварина, Кашена, Перика, Садуля, Фроссара (Франция); Балабановой, Бомбаччи, Бордига, Грамши, Терначини (Италия); Герцога, Мюнценберга, Платтена, Эмбер-Дроза (Швейцария); Альпари, Бела-Куна, Рудаша, Руднянского (Венгрия); Мархлевского (Польша); Благоева, Кабакчиева, Коларова (Болгария); Джона Рида, Джима Ларкина (Америка); и мн. др.

№ 16

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМНАТА 32-33 ТЕЛЕФОН 161-20 и 1-19
РЕДАКЦИЯ: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА

ПЕРЕД ТРЕТЬИМ КОНГРЕССОМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

За последнее время в развитии некоторых партий, принадлежащих к Коминтерну, отмечается некий поворотный пункт. Он заключается в том, что среди верхов некоторых партий, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу, обнаруживается тенденция к созданию *правого крыла* в III Интернационале. Эта тенденция становится особенно опасной теперь, когда темп развития международной пролетарской революции, в силу целого ряда обстоятельств, несколько замедляется. Коммунистический Интернационал должен видеть эту опасность и должен суметь бороться против нее с самого начала.

В центре всех споров, происходящих сейчас в некоторых из наиболее крупных секций Коммунистического Интернационала, стоит, несомненно, итальянский вопрос.

Что, собственно, произошло в Италии? Каждый сознательный сторонник Коммунистического Интернационала должен ясно отдать себе отчет в этом. Итальянская Социалистическая партия одна из первых примкнула к Коммунистическому Интернационалу и в течение долгого времени считалась одной из лучших революционных партий. И коммунисты, и центристы, и даже почти все реформисты в Италии заявляли, что они стоят за Коммунистический Интернационал. Так дело шло до II Конгресса Коммунистического Интернационала.

Принадлежность к Коминтерну до II Конгресса почти ни к чему не обязывала ни одну из партий, примыкавших к нам тогда. Принадлежность была больше символическая. Данная партия, заявлявшая о своей солидарности с Коминтерном, брала от Коминтерна весь его громадный моральный авторитет, но не возлагала при этом на себя почти ни одной серьезной обязанности. Так обстояло и с Итальянской Социалистической партией.

Не то стало после II Конгресса Коминтерна. II Конгресс выработал известные 21 условие. II Конгресс дал понять каждой из партий, что принадлежность к Коминтерну дает не только права и популярность, но возлагает и обязанности. Главным условием II Конгресса было изгнание реформистских и полуреформистских элементов из всех примыкающих к Коминтерну партий. И вот тут-то, когда вопрос встал ребром, оказалось, что не все то золото, что блестит. В Итальянской Социалистической партии оказалось большинство, отнюдь не желающее порывать со «своими» реформистами.

Сплошь и рядом повторялась одна и та же картина. В каждой стране, где находились колеблющиеся «коммунисты» типа Серрати, они обращались к Исполкому Коминтерна и заявляли: «наши» реформисты совсем особые реформисты, они совсем, совсем похожи на коммунистов, они почти—коммунисты. В других странах реформистов, безусловно, следует исключать, но в нашей стране реформисты очень хорошие революционные ребята и в нашей стране их надо обязательно оставить в партии.

Уже на самом II Конгрессе Коминтерна тов. Серрати, выступавший представителем большинства Итальянской Социалистической партии, сделал целый ряд двусмысленных заявлений, наводивших на самые грустные размышления всех нас. А после Конгресса тов. Серрати повел себя так, что оправдал все самые худшие предположения, высказывавшиеся по его адресу. Он оказался самым горячим защитником «своих» реформистов, он не остановился перед разрывом с Коммунистическим Интернационалом чтобы только сохранить в рядах своей партии заведомых реформистов.

При таком положении вещей Исполком Коминтерна вынужден был вступить в острый конфликт с тов. Серрати и его сторонниками. В ходе этого конфликта мы должны были высказать тов. Серрати много горьких истин. Оглядываясь сейчас на истек-

шую борьбу, мы, к сожалению, не можем взять назад ни одного слова, сказанного нами против тов. Серрати. В самом деле, что сделал тов. Серрати? Во имя «единства» он предпочел расколоться с 60.000 лучших итальянских пролетариев-коммунистов и не пожелал пожертвовать 11.000 заведомых оппортунистов. Сколько бы громких слов о пользе единства ни произносил т. Серрати, сколько бы он ни доказывал свою невиновность, перед каждым сознательным рабочим, сторонником Коминтерна, стоит ясный и непреложный факт: на с'езде в Ливорно Серрати имел 97.000 голосов, коммунисты 60.000 голосов и оппортунисты 11,000 голосов, и Серрати соединился с оппортунистами *против* коммунистов. Что такие факты нельзя об'яснять ни случайностью, ни горячностью, ни отдельными ошибками, в этом не усомнится ни один толковый революционер. Если Серрати соединился с реформистами против коммунистов, то единственно по той простой причине, что он чувствует к первым влечение, род недуга, что он испытывает к реформистам больше родства и симпатий, чем к коммунистам. Перед этим серьезнейшим фактом отпадают все жалкие слова о мнимых ошибках, якобы сделанных итальянскими коммунистами или Исполкомом Коминтерна, который будто бы «оттолкнул» бедненького Серрати к оппортунистам. На самом деле Серрати был оттолкнут к реформистам потому, что *он хотел* быть к ним оттолкнут. Он оказался в союзе с Турати против итальянских коммунистов по той единственной причине, что *он этого союза хотел* и добивался. Кто этого не видит, тот просто напросто младенец в политике.

К моменту, когда заседал II Конгресс Коммунистического Интернационала, об'ективно положение в Италии становилось все более и более революционным. Кризис обострялся, борьба итальянских рабочих разгоралась все ярче и ярче. На целом ряде совещаний с итальянскими делегатами мы указывали Серрати и его единомышленникам, что партия должна готовиться к решающим битвам, что она не должна упускать момента и не давать возможности итальянской буржуазии укрепиться. Вскоре после II Конгресса Коминтерна борьба итальянских рабочих разгорелась еще ярче. Началось памятное движение итальянских рабочих, захватывавших революционным путем фабрики и заводы и приступавших к образованию вооруженных рабочих красногвардейских отрядов. Это великолепное движение могло бы развиваться дальше, если бы не пассивность партии и не предательство итальянских реформистов. Вождь итальянской буржуазии Джиолитти в тесном союзе с итальянским вождем оппортунистов Дарагона (друг тов. Серрати!) сломили спинной хребет этому превосходному движению рабочих. Итальянские реформисты совершили самую черную измену по отношению к итальянским пролетариям. А сам Серрати не нашел ничего лучшего, как оправдывать Дарагона и изображать дело так, будто указанное движение итальянских революционных пролетариев было просто напросто цеховым узко-профессиональным движением, ничего общего с началом непосредственной революционной борьбы не имеющим.

Со ступеньки на ступеньку! Кто сказал «а» тот должен сказать «б». Кто не хочет расстаться с реформистами, тот должен защищать их даже тогда, когда они совершают подлейшую измену по отношению к рабочему классу. Кто не хочет разрыва с Турати и Дарагона, тот должен молча глотать те реформистские пилюли, которые эти господа преподносят ему. В таком положении оказался тов. Серрати.

Правота Исполкома Коминтерна в оценке общего положения дел в Италии теперь яснее ясного. Для всякого революционера, внимательно наблюдающего развитие событий в Италии, теперь ясно, что, благодаря колебаниям партии, в Италии был упущен момент. Итальянская буржуазия с замечательной ловкостью использовала колебания серратианцев для того, чтобы укрепить свои позиции. Итальянская буржуазия вооружилась с головы до ног. Итальянская буржуазия вырастила и выхолила белогвардейское движение фашистов, которое взяло теперь инициативу в свои руки. Буржуазная реакция в Италии растет с каждым днем, с каждым часом. Итальянские реформисты открыли дверь буржуазной реакции. Благодаря шатаниям бесхарактерного «центра» в Италии, борьба итальянских рабочих будет много труднее, чем она могла бы быть, жертв будет больше, путь будет тяжелее и длиннее. Вина за это лежит на тех, у которых, как у Серрати, есть глаза, чтобы *не* видеть, и уши, чтобы *не* слышать.

Италия—страна наиболее близкая к революции. При таком положении вещей все партии в Италии неизбежно кажутся левее, чем они на самом деле. Так было в свое время и в России. Надвигающееся красное зарево революционного пожара бросает свои отблески на все итальянские партии. Желтый цвет кажется бледно-розовым, бледно-розовый кажется красным: итальянские реформисты на словах кажутся революционерами, итальянские центристы кажутся почти что коммунистами. На этот обман зрения одно время поддались все мы. Многим казалось, а иным кажется и теперь, что итальянские серратианцы являются на самом деле коммунистами. Увы, это не так. Среди *рабочих*, идущих за Серрати, разумеется, громадная часть таких, которые завтра будут с нами. Но вожди во главе с Серрати на деле являются выразителями направления центристского, только окрашенного в яркие итальянские цвета. Это центристы с бо́льшим темпераментом, с бо́льшей беззаботностью на счет теории, менее последовательные, более способные колебаться в нашу сторону, но это все-таки

центристы. Мы будем сами очень рады ошибиться в этом нашем диагнозе, мы будем очень рады, если ближайшие события опровергнут этот наш взгляд и докажут, что Серрати и его ближайшие единомышленники лишь по недоразумению заключили союз с реформистами. Мы будем счастливы, если Серрати и его ближайшие единомышленники на третьем с'езде Коминтерна окажутся в лагере коммунистов. Но ход событий, к сожалению, до сих пор дает на это очень мало надежд. И Исполком Коминтерна *обязан* был заявить, что группа Серрати поставила себя вне Коминтерна и что *единственной* секцией Коминтерна он признает молодую итальянскую Коммунистическую партию.

В лице Серрати и его ближайших единомышленников мы ведем, в сущности говоря, борьбу с последними «могиканами» модернизированного и «революционизированного», на итальянский лад прикрашенного и припомаженного каутскианства. В лице Серрати и его ближайших единомышленников мы, в сущности говоря, ведем борьбу с итальянской более «революционной» разновидностью двухсполовинного Интернационала *Уступить теперешним взглядам Серрати означает уступить двухсполовинному Интернационалу и тем самым дать один палец II Интернационалу.* Вот чего не поняли некоторые из наших сторонников, например, в Германии.

В Об'единенной Коммунистической партии Германии, как известно, также намечался некий кризис. Коснулся ли этот кризис только верхов партии или же он затронул также широкие массы членов партии, пока сказать трудно *). Будем надеяться, что болезнью затронуты только верхи. Внешним поводом для проявления недовольства политикой Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала в Германии послужили итальянские дела. Часть наших сторонников в Германии была обескуражена тем, что на с'езде в Ливорно сторонники Коммунистического Интернационала оказались в меньшинстве. Отход тов. Серрати от Коммунистического Интернационала эти наши германские товарищи об'ясняли излишней непримиримостью Исполкома Коминтерна, не понимая того, что отказаться от требования исключения реформистов из Итальянской партии было бы равносильно полной идейной капитуляции III Интернационала. П. Леви заговорил о «механических» расколах, которые будто бы производит Исполком Коминтерна. Леви стал повторять меньшевистские обвинения против Коминтерна.

Увы, есть и среди коммунистов люди, которые любят быть всегда в большинстве и которые не понимают того, что интересы пролетарской революции иногда повелительно требуют того, чтобы меньшинство непреклонно и непоколебимо заявило большинству: hier stehe ich, ich kann nicht anders (здесь стою я, я не могу иначе). Такое именно положение создалось для наших друзей, итальянских коммунистов.

В Германии в защиту Серрати выступил член Центрального Комитета Об'единенной Германской Коммунистической партии тов. Леви. На основании всех тех документов и сведений, которыми мы располагаем, мы, члены Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, все единодушно приходим к тому выводу, что тов. Леви *и до* с'езда в Ливорно, *и на самом с'езде* в Ливорно, и *после него* систематически поддерживал тов. Серрати против итальянских коммунистов и, стало быть, против Исполкома Коминтерна. По нашему убеждению, итальянские дела являются только поводом для тов. Леви. На самом деле та оппозиция, которую он делает Исполкому Коминтерна, вызвана его недовольством нашей общей политикой и нашей оценкой германских дел. Тов. Леви пытается образовать правое крыло в Об'единенной Коммунистической партии Германии. Вполне естественно поэтому, что он пытается проделать то же самое и на международной арене, в частности в Италии. Слабые попытки организовать правое крыло Коминтерна тов. Леви делал уже накануне II Конгресса Коминтерна и на самом этом Конгрессе. Эти попытки тогда не увенчались успехом и, надеемся, не увенчаются и теперь *).

Лиха беда начало. Трудно было сделать первую крупную политическую ошибку. А теперь, когда П. Леви удалось образовать на этой ошибочной платформе целую группу, эта группа с неизбежностью будет стараться по каждому вопросу противопоставлять себя Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала.

Подобное же явление замечается в Чехо-Словакии. Здесь тов. Шмераль, повидимому, переживает рецидив оппортунистских настроений и также пытается образовать нечто вроде правого крыла коммунистов. Каковы будут результаты усилий тов. Шмераля, мы не знаем еще. Мы пишем эти строки накануне чехо-словацкого конгресса. Но чем бы ни кончился с'езд, совершенно несомненно,

*) По последним сведениям, верно первое

*) Вместе с тов. Леви из состава Центрального Комитета Об'единенной Германской Коммунистической партии вышла также тов. Клара Цеткина. Мы глубоко убеждены, что ее выход об'ясняется действительно недоразумением. При каждой новой политической перегруппировке неизбежны вначале случайные выходы и присоединения к той или другой стороне. К таким эпизодам, надеемся, относится также и выход тов. Клары Цеткиной. Из многочисленных бесед с нею во время ее пребывания в России, из того, как превосходно представляла она Коминтерн на французском конгрессе в Туре, из всей ее предыдущей работы мы приходим к тому выводу, что она, во всяком случае, не может являться организаторшей правого крыла коммунизма. Как только положение раз'яснится, мы глубоко убеждены, тов. Цеткина перестанет покрывать своим авторитетом группу, руководимую тов. Леви. Будем надеяться, что это относится также и к тов. Дейчу и остальным товарищам, вместе с Леви вышедшим из рядов Центрального Комитета Об'единенной Коммунистической партии в Германии.

что в рядах чехо-словацкого движения правое крыло сорганизуется.

Все это вместе взятое побуждает нас по возможности ускорить III Конгресс Коминтерна. Коммунистический Интернационал есть такая организация, которая менее всего может мириться с неясностью, с расплывчатостью. Коммунистический Интернационал должен создать полную ясность на счет каждой из партий, уже принадлежавших и желающих принадлежать к Коминтерну. Мы хотим иметь Интернационал действия, международную организацию, вылитую из одного куска, единую всемирную коммунистическую партию с отдельными разветвлениями в различных странах. Мы ни в коем случае не должны гоняться за количеством в ущерб качеству. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала должен работать в таких условиях, чтобы крепкая международная пролетарская дисциплина была обеспечена. Если те или другие крупные партии недовольны тем или другим важным решением Коммунистического Интернационала, их законное право аппелировать ко всемирному Конгрессу Коминтерна. И Исполком Коминтерна нарочно ускоряет всемирный Конгресс, чтобы дать возможность всем недовольным тем или другим нашим постановлением аппелировать к этому Конгрессу. Только так организация Коминтерна будет становиться все более сплоченной и единодушной, только так все партии, принадлежащие к Коминтерну, научатся защищать свои права и исполнять свои обязанности.

Мы под'итоживаем теперь целую полосу в развитии Коммунистического Интернационала. В течение семи месяцев, прошедших со времени II Конгресса Коминтерна, целый ряд партий провел широчайшую дискуссию по вопросу о тезисах II Конгресса. Мы одержали за это время ряд блестящих побед над реформистскими и полуреформистскими элементами. Мы имели громадный успех в такой стране, как Франция. Мы знаем, что и там неизбежны еще известные рецидивы и колебания, но в основном, вчерне работа размежевания выполнена во Франции. Мы видим особенно из превосходных статей тов. Варина и других сотрудников «Bulletin Communiste» («Коммунистического Бюллетеня»), что во Франции имеется руководящая [коммунистическая группа, с которой у нас *полное единодушие и абсолютная солидарность* во всех крупнейших вопросах французского и международного рабочего движения. Мы видим также, что такие деятели, как тов. Кашен, умеют честно и мужественно отстаивать то знамя, под которое они встали. Мы не сомневаемся ни одной минуты, что Французская партия скоро станет коммунистической партией в подлинном смысле этого слова и что ей предстоит громадное будущее.

Коммунистический Интернационал имел за эти 7 месяцев очень серьезные успехи также в борьбе против желтого Амстердамского Интернационала профсоюзов. И в Германии, и во Франции в профсоюзах кипит борьба между «Москвой» и «Амстердамом». Тактика, намеченная II Конгрессом Коминтерна в вопросе о профсоюзах, несомненно, оправдала себя. Предстоящая после III Конгресса международная конференция красных профсоюзов в Москве подведет итог этой нашей борьбе. Международная конференция красных профсоюзов и III Всемирный Конгресс Коминтерна будут отделены во времени небольшим промежутком. Работа этих двух конгрессов должна быть связана внутренним единством. Каждый из них дополнит друг друга.

Но рядом с нашими успехами мы должны видеть также и те опасности, которые нам угрожают.

Мы выкажем достаточную идейную непримиримость по отношению к «левым» путаникам анархического толка, пытающимся сбить с правильного пути международное рабочее движение. Третий всемирный Конгресс поставит вопрос об этих «левых» ребром. Но мы будем, по крайней мере, столь же непримиримы по отношению к тем, кто пытается создать правое крыло в Коминтерне. В нынешний переходный момент нужно особенно твердо держать руль коммунистических партий во всех тех странах, где обнаруживаются тенденции в духе Серрати и Леви. Предстоящий III Всемирный Конгресс, мы уверены в этом, поправит колеблющихся, одернет ошибающихся, подтолкнет отстающих и, об'единивши все, что есть революционного и коммунистического во всем международном рабочем движении, создаст еще более сплоченную интернациональную боевую организацию всемирного пролетариата.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ОСНОВАНИЕ II½ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

I. На рубеже двух эпох.

Крушение II Интернационала, происшедшее 4 августа 1914 года, показало, что еще до войны, исторически, ходом самих событий, он был подточен извнутри и изжит. Рост влияния оппортунистов за последнее десятилетие до войны, наблюдавшийся вопреки все обострявшимся классовым противоречиям, среди отдельных социалистических партий, и неспособность II Интернационала серьезно воспротивиться опасности войны доказали, что для краха недоставало только внешнего повода. И тем не менее, вера в возможность его возрождения, иллюзия возможной его реформы даже у революционных элементов были так велики, что констатировавший его кончину в ноябре 1914 года манифест Центрального Комитета российских большевиков прозвучал, как преждевременное надгробное слово у ложа тяжко больного, способного, однако, поправиться. Тщетны были все попытки, еще в Циммервальде, со стороны большевиков, польских и голландских марксистов и германских левых радикалов закрепить, по крайней мере, сознание необходимости основания нового действительно-революционного Интернационала. До самого конца войны элементы, ставившие своей задачей создание революционного Интернационала, представляли ничтожное меньшинство. Даже после того, как выяснилось, что II Интернационал и после трех лет войны все еще был не в силах выступить на борьбу за мир, даже на Стокгольмской конференции циммервальдистов влиятельная группа «интернационалистов» сочла возможным принять участие на конференции социал-патриотов в Стокгольме. Больше того,—после победы русской октябрьской революции и даже полтора года спустя, после победы германской, ноябрьской, революции такие передовые революционные деятели Коммунистического Интернационала, как Роза Люксембург и Лео Иогихес, считали основание III Коммунистического Интернационала несвоевременным. И когда теперь читаешь недавно появившийся протокол I Конгресса Коммунистического Интернационала, состоявшегося 6 марта 1919 г., становится ясно, как медленно сплачивались массы на революционную борьбу, без коей немыслим никакой Коммунистический Интернационал.

Крушение II Интернационала было решительнее, чем мог бы ожидать самый крайний пессимист. Оно состояло не только в предательстве вождей, но и в том, что до войны II Интернационал опирался в первую голову на квалифицированных рабочих, на рабочую аристократию, которой, вопреки всем социалистическим фразам, жилось сравнительно сносно в условиях капиталистического государства, что, в свою очередь, давало основу всем тем демократическим и пацифистским иллюзиям, которыми старательно кружила ей голову социалистическая бюрократия. Несмотря на крупные жертвы, потребованные у масс, война не привела к немедленному перелому в их настроении. Рабочие, сражавшиеся на фронте, позволяли вновь и вновь убаюкивать себя надеждой, что именно ценою этих своих жертв и страданий они покупают себе лучшее будущее. Трудящихся в тылу задабривали высокими заработными ставками и пайками, которыми вознаграждалась тяжелая работа в производствах, важных в военном отношении. Протест выявлялся в Западной Европе первоначально через массы работниц и пролетарскую молодежь и хотя и перебросился затем на более широкие круги рабочих масс, но все-же не пошел дальше платонических пацифистских выкриков против войны и стремления путем давления на правительства принудить их к заключению справедливого мира. Только в двух странах оппозиция сплотила широкие массы: в России и Италии. Это об'ясняется не тем только, что в этих странах империалистский характер войны выступил особенно ярко и беззастенчиво, и не тем, что буржуазия, весь ее государственный аппарат в этих странах был особенно дряблым и прогнившим, но главным образом слабостью и неразвитостью в обеих странах рабочей аристократии. В этой пассивности международного рабочего класса об'яснение, почему война окончилась не восстанием пролетариата, а победой одного из обоих империалистических лагерей. И для побежденной стороны поражение явилось не результатом открытого бунта рабочих в солдатских шинелях, а результатом пассивно-перенесенных страданий, физического изнеможения под тяжестью лишений, пролития крови и превосходства силы противника.

В странах - победительницах рабочие массы возвратились домой отчасти в хмелю патриотизма, отчасти в уверенности, что буржуазия окажется благодарной за перенесенные ими страдания и труды, что наступит демократическая полоса, эпоха мира.

Не пролетарская революция, а вильсонизм был лозунгом рабочих масс в странах-победительницах. У побежденных, напротив над всеми прочими пролетарскими чувствам

преобладало одно—жажда мира и покоя: кусочек сала был ценнее всяких мечтаний об освобождении человечества. Все грозившие этому освобождению опасности для этих масс не существовали. В декабре 1918 г. рабочие толпы в веселом возбуждении теснились по улицам крупных городов Германии и радовались каждому источнику наслаждения, доступному им теперь, как бы скромен он ни был, ни минуты не задумываясь о том, что таит в себе грядущий «мир».

Во всех странах буржуазии без затруднения удалось провести демобилизацию. И так как после войны из-за чудовищного недостатка в товарах производство повсеместно пышно расцвело, покупатель платил любую цену, а буржуазия не останавливалась ни перед каким вознаграждением за работу, то прошли целые месяцы, прежде чем общественный конфликт вступил в свою острую фазу.

На знамя, развернутое Коммунистическим Интернационалом весною 1919 г., в Западной Европе был направлен взор лишь незначительной группы трудящихся. Не только Независимая Рабочая партия Англии, не только французские лонгетисты, только-что закрепившие тогда за собой большинство, но и германские независимцы сочли возможным со спокойной совестью отправиться в Берн, дабы там, в обществе сторонников Шейдемана, Реноделя и Гендерсона изыскивать способы возрождения II Интернационала.

Два фактора вызвали перемену в этом положении вещей. Во всех странах буржуазия быстро оправилась от страха, который нагнала на нее Октябрьская революция, так же как опасения, что при демобилизации трудящиеся пред'явят ей свои счета. Буржуазия обычно делает уступки только под натиском; считает же она себя обязанной только тогда, когда чувствует на своем горле кулак пролетариата. Так как пролетариат не хватал ее за горло, то она пыталась постепенно его оттеснить, и во всяком случае не помышляла о каких-либо уступках.

В Германии с помощью социал-демократии она принялась восстановлять элементы своей власти, отбирая у рабочих и крестьянских советов все их государственные функции. В Англии она ничего и слышать не хотела о национализации горных промыслов. Во Франции она собрала во-едино все реакционные элементы под лозунгом борьбы с большевизмом. Одновременно с обострением социального положения во всех странах, для масс стало очевидным, несмотря на то, что они и были напичканы вильсоновскими иллюзиями, полнейшее неуменье буржуазии установить сколько-нибудь прочный хотя бы и капиталистический мир. Версальский мир воочию показал этим массам то, чему не могла научить их коммунистическая пропаганда,—что не только справедливый, но вообще никакой мир неосуществим, пока буржуазия не будет устранена от кормила государственного правления.

Вместо того, чтобы упрочить мир, капитализм Антанты привел к краху центральную Европу действием губительных условий Версальского договора и начал открытое разрушение Восточной Европы своими выступлениями против Советской России, чем быстро положил конец полосе временного хозяйственного расцвета, последовавшего за перемирием.

И по мере того, как становилось все очевиднее, что мировое хозяйство не будет в состоянии подняться, если половина мира будет осуждена превратиться в руины, перед рабочими массами все резче вставал вопрос: кому расплачиваться за войну? В силу внутренних и внешних обстоятельств, благодаря, с другой стороны, все яснее обрисовывающемуся развалу капиталистического мира и его неспособности восстановить хотя бы прежний капиталистический порядок, рабочие массы все более революционизировались. Даже в странах-победительницах, даже в Сев. Америк. Соединенных Штатах прошла волна стачек, организованных профсоюзами, вопреки воле Гомперсов или даже проведенных без всякой предварительной подготовки.

В Англии профессиональное движение вылилось в революционную форму: рабочие не ограничились на этот раз требованием повышения заработной платы, а настаивали на национализации железных дорог и копей.

Во Франции рабочие массы не только высказывали все откровеннее свои симпатии к российским Советам, но и стали принимать все более явно-оппозиционную позицию по отношению к буржуазной демократии. Чем глубже революционизировались трудящиеся массы в буржуазных демократиях, тем значительнее переростали они их идейно. В Германии все быстрее изживалась одна демократическая иллюзия за другой. В Италии забастовка следовала за забастовкой и одно вооруженное столкновение с государственной властью за другим.

В таком положении не могли дольше оставаться те пролетарские партии, которые не становились открыто на платформу соглашения с буржуазией, являя из себя подвижной кадр рабочего класса. Они не могли дольше отстаивать своего отрицательного отношения к Коммунистическому Интернационалу. Чтобы удержать массы на своей стороне, они должны были сделать уступки их новой идеологии и молодой жажде действия. Еще до войны между радикальным крылом рабочего движения и его оппортунистическим крылом существовало среднее направление, державшееся радикальной доктрины марксизма и в то же время воздерживавшееся от последовательных практических выводов из нее. Это троепутие рабочего движения ярче всего сказалось в Германии, которая независимо от России еще до войны видела у себя подготовительные схватки Коммунистического Интернационала: в борьбе каутскианства с леворадикальным движением и в вопросах о массовых забастовках, и им-

периализме. Если в других странах тройкое подразделение на откровенных реформистов, настоящих марксистов и лжерадикалов (центр) теоретически обнаруживалось и не так отчетливо, тем не менее, везде были элементы, исповедывавшие радикальные доктрины, не воплощая их, однако, в действие. Эти элементы во время войны либо открыто перекочевывали на сторону реформизма, либо ограничивались пассивным протестом против социал-патриотической политики; они и теперь остались верными себе. Они не могли стать активным деятелями радикального рабочего движения, но и не могли, подобно реформистам, открыто стать против него.

В своей политике они должны были поставить себе задачей привязать к себе массы более или менее явным приятием их новой революционной идеологии, но с целью удержания их от революционных выступлений.

На что же опирались эти элементы и каковы были основы их политики? Реформисты опирались на два социальных слоя: на рабочую аристократию крупных центров, которая не признавала революционной борьбы, надеясь обойтись и без революционных выступлений, и на рассеянные мелко-мещанские рабочие единицы, которые еще не могли решиться поднять знамя восстания в патриархальной провинциальной среде.

Представители центра до войны опирались на те же элементы. В странах со старыми социалистическими традициями, в роде Германии или Франции, было не мало материально обеспеченных рабочих, которые усвоили себе, тем не менее, социалистические навыки мышления и ощущали потребность в социалистической идеологии, как в доброй воскресной сигаре.

С началом войны и после нее положение рабочей аристократии становилось все более шатким, что, в свою очередь, привело к революционизированию большой части прежней рабочей аристократии, и это доставило центру новую социальную базу.

Она-то, эта прежняя рабочая аристократия, все более теряя свою былую уверенность, порывается теперь к выступлениям, но, разумеется, перед каждым шагом вперед озирается вокруг, бледнея при одной мысли о возможных последствиях борьбы, и в решительные моменты старается от нее уклониться. Рихард Мюллер, ныне коммунист, честный рабочий с глубоким классовым сознанием, в пору своего постепенного развития до коммунизма, в 1919-ом году, будучи председателем Берлинского Рабочего Совета, когда он уже стоял в оппозиции к германскому центру и независимым социал-демократам, произнес речь, в которой ярче, чем это возможно было бы в любом документе, обрисовал это боязливо-опасливый переход квалифицированных рабочих на революционный путь действия.

Ко времени произнесения своей речи Рихард Мюллер теоретически уже стоял на почве диктатуры пролетариата, и, тем не менее, в один из решительных моментов действия воскликнул с тревогой: если так будет продолжаться, Германию ожидают все большие беды, за которые мы не отвечаем и которых не будем в состоянии предотвратить! И он цеплялся за идею какого угодно спасительного положительного построения. Здесь, точно на картине, предназначенной для историка, запечатлелась эта жуткая тревога в душе даже настоящего пролетарского борца перед перспективой необходимости и неизбежности борьбы. В то мгновение он с содроганием отступил перед борьбой и, если—к чести его сказать — сумел преодолеть эту жуткую тревогу путем вступления в ряды боевого коммунизма, то миллионы пролетариев проходят путь этого развития очень медленно. И эта медленность служит материальной основой для политики центра.

В главарях серединного слоя рабочего класса отнюдь нельзя видеть сознательных контр-революционеров; это—или интеллигенты по своему развитию, которые в своей переоценке, свойственной ученой братии, никак не могут проникнуться верой в творческую роль рабочих масс, или же—это бюрократы из среды рабочей аристократии, так напитавшиеся буржуазной и реформистской ересью, что они не в состоянии освободиться от нее даже, когда они формально приемлют идею диктатуры пролетариата и революции. Вся политика их состоит в том, что революцию, признаваемую ими теоретически, на бумаге, они низводят до программной фразы, к которой прибегают в важных случаях и при торжественных парадах, не думая и пальцем шевельнуть для торжества этой самой революции путем обострения, расширения и углубления классовой борьбы. Главным мотивом, побуждающим их к такой политике, является неизменная ссылка на международное положение. Они все ждут революции в какой-либо другой стране, где условия для революционной борьбы благоприятнее, нежели у них дома. Сторонники подобной политики не редки во всех странах. Типичнейшими образчиками их являются германские независимые социал-демократы и французские лонгетисты.

II.

Интернациональный центр.

Здесь совершенно излишне подробно повторять историю германской Независимой Социал-демократической партии. Приведем всего несколько дат для памяти. Она возникла путем раскола старого радикального крыла германской социал-демократии на каутскианцев и лево-радикалов. Когда она находилась еще в составе германской социал-демократии, ее первыми делами были: распространение пацифистских иллюзий о возможности реформы империализма, отклонение пропаганды и агитации в пользу массового протеста против опасностей войны и против

прогрессирующей капиталистической реакции, и поддержка (совместно с Шейдеманом и Эбертом) выборного союза с либералами в 1912 г. Когда вспыхнула война, большинство теперешней независимой социал-демократии находилось на одной платформе с социал-патриотами. Когда впоследствии, под давлением рабочих, она вступила в борьбу с социал-патриотизмом и войной, она все же ограничивалась лишь позицией протеста. Когда вспыхнула германская революция, она вместе с Шейдеманом и Эбертом образовала правительство, первым актом которого было об'явление неприкосновенности частной собственности. Она помогала организовать первую белую гвардию в Прибалтике, об'явила себя стоящей за демократию и против диктатуры. А когда за последствия такой политики, она была изгнана из правительства, чтобы социал-патриоты могли заключить союз с буржуазией; когда борьба рабочих настолько обострилась, что борющиеся Независимые-рабочие были расстреливаемы белой гвардией демократического правительства и начинали кричать о диктатуре пролетариата,—тогда вожди Н. С. П. старались задержать развитие партии, бросая в массы идею компромисса между буржуазной и пролетарской диктатурой, — идею внесения рабочих советов в конституцию Носке. Когда рабочие прошли равнодушно мимо этой блестящей идеи и точно и определенно встали на платформу пролетарской диктатуры и системы советов, правые вожди Независимых тоже ухватились за эту идею, чтобы только удержать массы в своих руках. Но одновременно на партейтаге в Лейпциге они об'явили себя решительными противниками террора, т. е. безоговорочной защиты рабочей диктатуры.

Французские лонгетисты образовали во время войны сильно смягченную копию германских Независимых. В течение всей войны они не только голосовали за военные кредиты, но старались представить войну оборонительной со стороны Франции. Они об'явили целью войны защиту демократии и беспрекословно поклонялись отчаяннейшему пацифизму. За все время войны они не выпустили ни одной нелегальной листовки, не произнесли ни одной революционной речи в парламенте. Их оппозиция политике французской буржуазии и французских социал-патриотов выражалась только в стремлении к мирным переговорам с Германией, в протестах против фальсификации целей войны, производимой империалистами. Когда Антанта, во главе с Францией, приступила к войне против Советской России, когда героическая борьба Советской России стала возбуждать все большие симпатии в рабочих массах, когда рабочие массы Франции все решительнее стали высказываться за пролетарскую диктатуру, — тогда лонгетисты не могли уже не защищать Советской России. Против нападок на Советскую Россию они должны были выдвинуть идеологию великой французской революции. Все, что контр-революцией возводится теперь против русской революции, в свое время возводилось феодальной контр-революцией против французской революции. Этим путем Жан Лонгэ и его сторонники дошли до признания диктатуры пролетариата. И ясно, что в стране старейшей буржуазной демократии, в стране испорченнейшего буржуазного парламентаризма, в стране, где рабочий класс, борясь с буржуазной демократией и парламентаризмом, построил синдикалистскую теорию, видящую в профсоюзах источник силы и осуществления социальной революции,—в такой стране пролетариат идейно легче всего прошел мимо буржуазного парламентаризма. Но, когда лонгетисты соглашались с диктатурой и советской системой, как с допустимой перспективой, они, конечно, отнюдь не думали делать идею диктатуры и советов осью своей агитации и пропаганды, а тем менее думали использовать все рычаги движения масс, чтобы осуществить ее или содействовать ее осуществлению. Их пресса и парламентская деятельность вовсе не служили пробуждению революционной энергии масс. В лучшем случае они служили слабой защитой возрастающей буржуазной реакции. И так как Лонгэ и его товарищи смотрели на революцию, как на предмет разговоров и, в лучшем случае, сентиментальной мечты, то они и не видели причин к разрыву с социал-патриотами и открытыми реформистами. Подобно тому, как во времена разлада между марксизмом и реформизмом во французском рабочем движении Лонге качался маятником между тем и другим, он и сейчас проповедует единство партии и пробует доказать рабочим массам, что невинные овечки реформизма — Ренодель и Тома — никому не замутят водички. Они готовы соблюдать дисциплину, как и он соблюдает ее по отношению к ним. Ясно, что при такой позиции лонгетисты не могли прийтись по сердцу радикальному крылу профессионального движения, которое становилось все более коммунистическим.

Третьим в союзе европейского центра была английская Независимая Рабочая партия. Она возникла, как оппортунистическая реакция против мертвого буквоедского радикализма Гайндмана, который никогда не мог связать идеи социальной революции с практической борьбой пролетариата. Против буквоедского марксизма Гайндмана она выставила тупой англо-саксонский эмпиризм и мягкое, религиозно окрашенное стремление к борьбе за реформы. Последнее обстоятельство об'единило вокруг нее ядро живых, жаждущих действия, хотя и несознательных пролетариев. Пацифизм Независимой Рабочей партии образовал мост между нею и идеей «Малой Англии» (Little England) либеральной торговой буржуазии, которая надеялась вернее сохранить свой барыш в мире, чем в войне. Когда вспыхнула великая мировая война, большая часть английских либералов не знала, на что решиться: за или против участия в войне. Этим крылом, представлен-

ным в правительстве Симоном, Тревельяном и Джоном Бэрнсом, руководил вождь Независимой Рабочей партии Макдональд и так как он, обращаясь к рабочим массам, само собою разумеется, должен был выражаться значительно сильнее и радикальнее, то после начала войны у него уже не было возможности переменить свою политику. Партия заняла позицию борьбы с войной, а на практике эта позиция была еще больше обострена двумя элементами: революционными честными пролетарскими элементами, которые были против войны, потому что она была капиталистической, и религиозными квакерскими элементами, которые были против войны, потому что, по их убеждению, она была грехом против Бога и людей. Соединившись между собою, эти элементы во время войны довели партию даже до принципиального отрицания защиты капиталистической родины, от чего Макдональд и Сноуден отбивались уже и руками, и ногами. Приверженцы Н. Р. П. не только принимали участие в массовых демонстрациях в Англии во время войны, но в лице отдельных своих членов навлекли на себя величайшие преследования, за то, что,—следуя голосу своей совести, не принимали участия в войне. Когда после войны, на декабрьских выборах 1918 г. либерально-консервативная коалиция одержала решительную победу, и снова начались массовые демонстрации, левое крыло Н. Р. П., под предводительством Аллен Клифорда и Нью-болльда, постепенно развилось до коммунизма, тогда как правое, с Макдональдом и Сноуденом во главе, спекулировало на предстоящей победе Рабочей партии и ее коалиции с лево-либералами асквитского пошиба. Между ними стоит центр партии под предводительством Уоллхэда, агитатора и организатора безо всякого положительного направления. Под давлением левого крыла он должен был официально признать идею революции, но так как он не хочет порывать с выдающимися старыми вождями партии, то и не может покинуть своей двойственной политики. Между тем, Макдональд и Сноуден готовятся играть роль спасителей демократической Англии от пролетарской революции. Они пользуются Н. Р. П. только, как трамплином, чтобы поделить будущую власть с либеральными или полулиберальными вождями профессиональной бюрократии, Гендерсоном и Томасом.

Вокруг этих трех главных партий центра группируются подобные же элементы в других странах. Так вожди большинства швейцарской социал-демократии, вроде энергичного Роберта Гримма, своим тонким носом чувствуют, что надо повторять то, что говорят радикальные массы столиц, но вместе с тем не хотят рвать и со старыми вождями, которые от имени швейцарского пролетариата поставляют полицейских и финансовых директоров швейцарской буржуазии. Так вожди австрийской социал-демократии, которые как Фридрих Адлер и Отто Бауэр, еще недавно участвовали в правительстве вместе с Реннером и Зейтцем и христианскими социалистами, которые в идее коалиции видели спасение пролетариата, с помощью коалиций старались выклянчить помощь Антанты, ради коалиции предали венгерскую революцию, теперь, когда коалиция рушилась, когда нужда пролетариата неимоверно возрасла, бросают этому пролетариату радикальные лозунги. Это вполне отвечает их прошлому. И до войны примешивали они марксистскую теорию к насквозь оппортунистической политике австрийской социал-демократии. Во время войны Фридрих Адлер осмеливался вести борьбу с бесстыдной изменой пролетариату императорско-королевской социал-демократии только в закрытых партийных собраниях. Его гамлетизм зашел так далеко, что из политической трусости он стал личным героем, застрелив Штюргка только потому, что не решался восстать против своей партии. С момента австрийской революции оба играли жалкую двойственную игру. В то время, как Фридрих Адлер, в качестве председателя немецко-австрийского имперского рабочего совета, изображал будущего Марата грядущей австрийской пролетарской революции и тем мешал рабочему классу действенно проявить свое недовольство, Отто Бауэр играл роль Талейрана в социал-демократическо-христианско-социалистическом правительстве и в анонимных брошюрах утешал голодающих австрийских рабочих приближением мировой революции в странах-победительницах. Теперь, когда социал-демократия исчезла из правительства, они оба играют роль интернациональных революционеров с парашютом. Отто Бауэр, который в своей брошюре «Большевизм или социал-демократия» дает теорию интернационала центра, и Фридрих Адлер, еще полгода тому назад с пеной у рта доказывавший, что об учреждении Интернационала можно будет думать лишь тогда, когда будут устранены все противоречия, раз'единяющие теперь рабочий класс,—оба они стоят теперь во главе стремлений к интернациональному об'единению центра.

И как будто нарочно, чтобы особенно ярко показать, чем будет этот Интернационал, в числе его основателей выступают и русские меньшевики. Во время войны до момента русской революции они раскололись на не имевшую влияния группу интернационалистов с Мартовым во главе, которая участвовала в циммервальдском движении, большинство, принимавшее участие в комитетах военной промышленности и, наконец, выступавшую между нами в качестве посредника парламентскую фракцию. Когда вспыхнула революция, большинство меньшевиков стало на платформу защиты буржуазной демократии. Они принимали участие в буржуазном правительстве и помогали ему тормозить борьбу пролетариата за власть. Меньшинство возмущалось предательской политикой своих партийных товарищей, но не решалось выйти

из партии. Когда русский пролетариат смел правительство Керенского, меньшинство в партии меньшевиков сплотилось с большинством для борьбы против рабочего правительства. Борьба эта велась некоторыми, как, напр., Мартовым, только принципиально, многие же другие боролись с оружием в руках на стороне контр-революции. Меньшевики, с Мартовым во главе, называли пролетарскую советскую Россию новым царизмом. Но в моменты, когда возникала опасность победы контр-революции, они призывали массы к защите советского правительства и завоеваний революции. Когда русский пролетариат боролся против буржуазного правительства, меньшевики считали романтикой желание осуществить социализм в России. В первые месяцы пролетарской диктатуры их пресса требовала возврата к капитализму. Теперь они требуют «умеренного социализма», не об'ясняя, что это должно означать. Партия меньшевиков, историю которой мы здесь набросали, является любимейшим детищем интернационального центра. На его судьбах в Советской России демонстрируют они злостность коммунизма, который подавляет и преследует даже социалистическую партию. Судьбы этой партии, без сомнения, показательны для всего центра. Пользовавшиеся пощадой и поддержкой под властью буржуазии и принимавшие участие в этой власти, они должны были подвергнуться преследованию со стороны пролетарского правительства, так как или открыто боролись с ним или сеяли смуту среди рабочих. Неверием в пролетарскую мировую революцию об'ясняли они свое участие в буржуазном правительстве, а теперь выступают, в качестве основателей нового интернационала, который тоже хочет стать интернационалом мировой революции.

III.

Попытка компромисса с Коммунистическим Интернационалом.

На первых порах центристы всех стран смотрели на Коммунистический Интернационал с высоты своего величия, не видя в нем силы, с которою следовало бы считаться. Призванный к жизни в период величайших затруднений Советской России, он казался им, подобно первой стране пролетарской диктатуры, обреченным на верную смерть. Еще в сентябре 1919 г. лидер германских независимцев Рудольф Гильфердинг как известно, заявил, на сентябрьском партийном с'езде, что III Интернационал, это — Советская Россия, и не мешает обождать, пока судьба ее не выяснится; нельзя-де садиться на тонущее судно. Что так откровенно высказал этот особенно не стесняющийся, особенно беззастенчивый и особенно циничный представитель центра, думали все центристские Паппенгеймеры. В то же время они были убеждены, что утрата на войне II Интернационалом своей девственности—дело поправимое; не даром же все они приняли участие в бернской и люцернской конференциях, этой диверсии мировой буржуазии. Когда же на их глазах рабочие, которые еще не порывали отношений с ними и которых они еще надеялись удержать, все решительнее стали поднимать голоса в пользу III Интернационала, вожди центра приняли решение примкнуть к III Интернационалу, лишь бы удалось вырвать у него страшные зубы. Опасным пунктом Коммунистического Интернационала для этих опытных политиканов была, разумеется, не доктрина коммунизма. Теория .современного коммунизма, это — теория Маркса об общественном развитии и общественной борьбе. Они долгие годы искажали Маркса и долгие годы принимали резолюции принципиального характера, ровно ничего не изменяя в своей оппортунистической тактике. Диктатура пролетариата, даже террор могли быть приняты с оговоркою в виде пары *но* и *если*, ибо они не покидали надежды, что капиталистическая реставрация оградит их от необходимости применять подобные ужасы. Но на что они ни под каким видом не могли пойти, это на обязательство сделать какие-либо конкретные шаги, которые служили бы подготовкой к революционной борьбе, примкнуть к какой либо из организационных форм III Интернационала, после чего им был бы уже отрезан путь отступления от основных положений Коммунистического Интернационала. Прибегая к старому приему оппортунистов всех стран, они об'явили о своем принципиальном согласии с Коммунистическим Интернационалом. Им бы хотелось только обсудить сообща с ним вопрос о способах слияния всех социал-революционных партий. Смысл этого заявления был тот, что интернациональный центр, как одно целое, предполагает рассмотреть с Коммунистическим Интернационалом, на каких основаниях возможно было бы создать компромиссный орган в целях слияния коммунистических принципов с тактикой центра. Маневр этот не удался. Партии центра не пришлось добиться совместного совещания с представителями Коммунистического Интернационала. Вследствие того, что давление рабочих масс в отдельных партиях центра было неодинаково, сперва пришлось представителям французского центра начать сношения с Советской Россией, за ними последовали английские и германские независимцы. После этих совещаний французские центристы раскололись на два лагеря — большинство их, с Кашеном и Фроссаром во главе, решительно вступило на путь, предложенный Коммунистическим Интернационалом. Традиции гэдизма и ярость французской реакции сыграли при этом решающую роль. Представителям английского центра, руководимым Уолхедом, не было нужды немедленно выносить решение. После того, как английское рабочее движение поднялось до угрозы всеобщей стачкой в случае выступления Англии

войною против России, оно опять поникло после неудач Красной армии в Польше. Мистер Уолхед с единомышленниками увез с собой в Англию открытое ответное обращение Исполкома, в котором перед английскими трудящимися разоблачалась игра, долженствовавшая маскировать их напускные подчеркивания чрезвычайного своеобразия английских условий. На этом они успокоились. Таким образом Интернационалом дано было решительное сражение самой значительной массовой партии центра — независимцам.

Дитманы и Криспины, делавшие у себя дома от времени до времени «критические» заявления по поводу констатируемых ими марксистских недочетов программы Коммунистического Интернационала, молчали в Москве, как глухонемые, или смущенно заявляли, что в общем они не находят возражений против основных линий, «по скольку они могут себе их уяснить». Центральным пунктом борьбы был вопрос об исключении реформистов из германской партии Независимых.

Отдавая себе ясный отчет, что в данном случае дело идет не только о Каутском и Гильфердинге, но и о сотнях и сотнях мелких бюрократов из среды профсоюзов и реформистской партии, об известной части парламентской фракции, которые вообще не в состоянии проводить условий Коммунистического Интернационала, они всеми средствами пытались спасти Гильфердинга и Каутского — одного, отрицая его оппортунизм, другого, выставляя его потерявшим всякое влияние старикашкой, которому из пиэтета следует предоставить мирно кончать свои дни в добровольном венском изгнании. Но еще больше опасности представлял для их политики тот факт, что Коммунистический Интернационал должен сложиться не как неспаянная федерация разнообразных партий, а как единая централизованная интернациональная боевая партия.

Подобный характер конструкции Интернационала отнимал у них раз на всегда всякую возможность саботировать постановления Конгресса и Исполкома Коммунистического Интернационала. Таким образом план их рухнул. На с'езде в Галле они перешли к бешенным принципиальным нападкам по адресу Коммунистического Интернационала, который силились представить смесью романтического издательства с самым беспринципным оппортунизмом, партией, созданной для того, чтобы служить орудием внешней политики Советской России. Они допустили до откола от партии ядра революционных рабочих, только бы не скомпрометировать до единения с профессиональной бюрократией. Они избрали своим знаменем Амстердамский желтый Интернационал, сделав из единения Легинов с Гендерсонами палладиум интернациональной пролетарской борьбы.

После того как замысел интернациональной клики центра действовать саботажем извнутри против Коммунистического Интернационала — сорвался, им оставалось либо решиться примкнуть ко II Интернационалу, либо создать в замен его другой. Такой заменой и явилось основание II½ Интернационала, к которому они теперь и перешли.

IV.

Манифест и принципы II½ Интернационала.

а) Диктатура пролетариата и Интернациональный центр.

Бернский манифест 10 декабря 1920 г., с которым отцы II½ Интернационала обращаются к социалистическим партиям всех стран, замечателен не только тем, о чем говорит, но и тем, о чем умалчивает. Если при настоящих условиях мировой кон'юнктуры учреждают пролетарскую партию, не говоря уже об учреждении интернационального союза, то первый вопрос, по которому необходимо выскажаться ясно и определенно, это вопрос о мировом положении. Разумеется, дело тут не в общих разглагольствованиях о низостях империализма или одной из империалистических групп; здесь приходится *решить совершенно определенно вопрос, находимся ли мы в периоде развития мировой революции или нет.* Можно осуждать империализм со всей строгостью, можно вполне соглашаться с Коммунистическим Интернационалом относительно принципиального взгляда на империалистическую политику, но тем не менее придется держаться совсем другой политики по отношению к империализму, если уклониться от позиции Коммунистического Интернационала при обсуждении вопроса: находимся ли мы в процессе мировой революции или же в процессе начавшегося и представляющего все шансы на успех нового укрепления системы империалистических государств? В первом случае политика пролетарских партий будет направлена к низвержению капиталистического государства путем массовых действий, причем для подготовки этих действий должны служить все исторически преподанные политические и организационные средства; во втором случае придется сознательно избегать столкновений с капиталистической государственной властью, поставив себе ближайшей задачей *организацию пролетариата для улучшения его положения в рамках капитализма,* причем сохранение конечной социалистической цели должно служить лишь для освещения пролетариату пути и для удержания его от вступления на путь реформизма.

Этот решающий вопрос манифест II½ Интернационала старается обойти молчанием. Ни единым словом не обмолвился он о мировой революции. Он говорит о революции в России и Средней Европе, о грозящей этой революции мировой реакции, говорит о таких фактах, умолчать о которых не дерзнёт ни один из политических деятелей капитализма, потому именно, что это — факты, существование которых мог бы отрицать

только заведомый глупец. Но на подобие того, как Ллойд-Джордж совершенно открыто говорит о германской и русской революции, остерегаясь, однако, говорить о находящейся в периоде своего развития пролетарской революции всего мира (с одной стороны, вследствие мещанской трусости смотреть фактам прямо в лицо, с другой — из опасений, как бы ясным определением положения не ускорить выяснения борющимся классам также их политической точки зрения), точно также и партии II½ Интернационала боятся высказать свой взгляд на мировое положение. Они боятся прямо высказать, хотя многие из них это думают: на время, поддающееся учёту, капиталистическое общество спасено, поэтому оставьте всякие революционные иллюзии. Они не решаются высказать этого, потому что боятся оттолкнуть от себя революционный пролетариат. Они не смеют сказать: мировая революция развивается, несмотря на поражения, хотя и не так быстро, как многие желают, а гарантия ее конечной победы лежит в усиливающейся дезорганизации капиталистического хозяйства. Ибо, если бы они это сказали, то им пришлось бы, во всех странах, несмотря на различие в степени капиталистического разложения каждой из них в отдельности, по крайней мере, *сконцентрировать агитацию и пропаганду на доказательстве пролетариату необходимости и неизбежности революционной борьбы.* В виду этого, они стараются увернуться здесь от необходимости ясного определения своей истинной точки зрения и прибегают к такой фразе: «Эта капиталистическая система становится всё более не совместимой с экономическими и социальными потребностями пролетарских масс даже в странах победителей». Этот растяжимый, как резина, пароль ровно ничего не говорит, потому что империализм *никогда* не совмещался с жизненными потребностями пролетариата и вполне ясно, что чем дольше он существует, тем все несовместимее становится.

Руководящие тезисы, выработанные 22 февраля в Инсбруке подготовительной комиссией конгресса II½ Интернационала (Адлер — Гримм — Ледебур — Уолхед) оставляют вопрос: мировая революция, или сохранение капиталистического строя? — точно также нерешенным. На констатировании нами этого факта духовные вожди II½ Интернационала, Гильфердинги — Бауеры — Мартовы, возразят: только коммунистическая слепота может отрицать, что в условиях мирового положения революционные и контр-революционные силы перекрещиваются, что рядом с течениями, ведущими к разложению капиталистического строя, действуют также силы, работающие в сторону восстановления мощи капитализма. Уже в силу соображений исторической предусмотрительности надо остерегаться предсказывать, которая из этих двух тенденций возьмет верх. Если бы упомянутые ученые мужи прибегли к такого рода аргументации, — а другого исхода им не остается, — то придется им ответить: дело не в отрицании исторических возможностей; Коммунистический Интернационал вовсе не слеп и прекрасно понимает, что, если не произойдет крупных революционных движений в тех странах, где капитализм еще мало поколеблен, или если эти революционные движения потерпят поражение, то вовсе не исключена возможность капиталистической реставрации. В речи, которою был открыт Конгресс Коммунистического Интернационала, не кто нибудь, а сам Ленин сказал: безвыходных положений не бывает; если бы интернациональный пролетариат не нашел в себе достаточно сил для низвержения буржуазии, то буржуазия, теми или другими путями, найдет средства к восстановлению капиталистического общественного строя за счет закабаления миллионных пролетарских масс. Разница между марксистом-революционером Лениным и оппортунистами, в роде Гильфердинга и Бауэра, не в том, что они считаются с возможностями, а он разыгрывает страусовую политику: разница — в выводах, в заключениях. Революционер Ленин говорит пролетариату: «мировая революция, несомненно, развивается; она питается все усиливающимися революционными потоками, бьющими из самых недр общества; но, одновременно действуют также и силы инерции и контр-революции. Если вы не найдете в себе достаточно сил и решимости для борьбы и победы, то потерпите поражение. Поэтому вы должны с величайшей энергией собрать и пустить в ход все силы революции, чтобы дать ей возможность одержать победу». Перспективу развивающейся мировой революции Ленин делает исходной точкой своей тактики и показывает, как надо конкретно действовать для осуществления мировой революции. Между тем, оппортунист, играющий помыслами о мировой революции, но в душе опасающийся ее, оставляет будущее неразгаданным, чтобы избежать ясного определения своих ближайших шагов, чтобы выждать, что скажет история. В глубине души он со стоном восклицает: «Господи, да минет меня чаша сия!» Но подталкиваемый своими собственными сторонниками, он не дерзает высказаться открыто и ясно за восстановление капитализма, как это делают реформисты, исходящие совершенно открыто из перспективы контр-революции.

Любезность истории не доходит до того, чтобы давать политическим деятелям перспективы абсолютно несомненной точности. Не подлежат сомнению лишь одни факты. Следовательно, после оценки всех действующих в данную эпоху сил, политический деятель должен стараться установить их общее направление, определить, которая из этих борющихся между собой сил одержит победу, и решить, в каком направлении он должен пустить в ход силы того класса, представителем которого является. Всякой перспективе соответствует определенная

политика. Определенной революционной перспективе Коммунистического Интернационала соответствует определенная революционная политика. Определенной контрреволюционной перспективе реформистов, честно заявляющих, что революция не входит в их соображения, соответствует и контрреволюционная политика. Так как II½ Интернационал не дерзает высказаться *ни за одну* из этих двух перспектив, то его неопределенная перспектива имеет следствием и неопределенную политику. Мы знаем это и из практики всех II½ партий, и из подтверждения этой точки зрения Бернским манифестом по вопросу о диктатуре и советской системе.

б) *Вопрос о диктатуре пролетариата, ее формах и II½ Интеркационал.*

Вот уже три года, как в рабочем классе кипит борьба по вопросу о путях, которым он должен следовать. Сознание интернационального пролетариата борется в направлении двух вопросов. Первый гласит: достижимо ли преодоление капитализма на почве буржуазной демократии и при помощи ее средств, или необходимо будет прибегнуть к революционному ниспровержению буржуазии и установлению пролетарской диктатуры? Второй вопрос гласит: какие формы должна принять пролетарская диктатура? Посмотрим же, какой ответ дают вожди II½ Интернационала, не только после интернационального трехлетнего дебатирования, этих вопросов но, что гораздо важнее, после трехлетнего опыта, приобретенного европейским пролетариатом в русской, финской, венгерской, германской и австрийской революциях и контр-революциях и в «мирном» развитии стран, составляющих Антанту. Вожди II½ Интернационала дают на вышеупомянутые два вопроса не один, а два ответа. Один в манифесте от 7 декабря, а другой—в руководящих тезисах 10 января.

«Как только пролетариат захватит политическую власть—всюду, где буржуазия будет саботировать пролетарскую государственную власть или оказывать ей сопротивление, пролетариат будет применять диктаторские меры»—так гласит манифест. Позвольте спросить, да найдется ли такая страна, такое место, где буржуазия *не* станет саботировать пролетарской государственной власти? Допустимо ли, чтобы она не оказывала ей сопротивления? Спросим коротко и ясно: *надежда на добровольный отказ буржуазии, представляющая основное воззрение реформистов—принимается ли она теоретиками II½ Интернационала за реальность?* Если да, то они—*реформисты*, что мы всегда утверждали, между тем как они отрицали это с негодованием. Если же они не реформистские иллюзионисты, если надо смотреть на это, как на тактическую хитрость, то эти двухсполовинники сеют в пролетариате опасные иллюзии, за которые ему придется расплачиваться поражением. Самое крупное препятствие для развития революции состоит в том, что большая часть мирового пролетариата не оставила еще надежды на мирное спасение от нужды и нищеты. Только потому, что пролетариат еще верит, что он как-нибудь сумеет избегнуть тягот и ужасов гражданской войны, только потому он дает буржуазии и ее реформистским агентам вовлекать себя в обман. Задача всякой революционной рабочей партии состоит в том, чтобы изо дня в день внушать и вразумлять пролетариат, что нет третьего выхода, что надо выбирать между диктатурой буржуазии и своей собственной, то-есть, пролетарской диктатурой. Только тогда, когда пролетариат проникнется этим убеждением, он найдет в себе силу для решительной борьбы. II½ Интернационал пробуждает в пролетариате надежду на возможность иного решения стоящих перед ним задач, помимо пролетарской диктатуры, чем и отвлекает его от революционной борьбы, а потому действует в качестве *Интернационала смущения и путаницы.*

С одинаковым успехом II½ Интернационал действует и в вопросе о *форме диктатуры.* «Принятие той или другой формы диктатуры зависит от данных экономических, социальных и политических условий отдельных стран. Если бы пролетариату удалось завоевать власть мерами демократии, то и демократическая государственная власть, в случае сопротивления буржуазии, была бы вынуждена применить диктатуру. Если же в периоде решающей борьбы за власть демократия оказалась бы разбитой, не выдержав обострения классовых противоречий, то диктатуре неминуемо придется принять форму *диктатуры организаций пролетарской классовой борьбы.* Органами диктатуры могут стать, в зависимости от условий отдельных стран: советы рабочих, солдат, крестьян, местные организации самоуправления (коммуны) или другие, свойственные данной стране, классовые организации».

Итак, что же говорит II½ Интернационал? Во-первых, что господство рабочего класса можно осуществить и общими демократическими учреждениями, например, через парламенты. Во-вторых, что господство пролетариата должно быть осуществлено через его классовые организации только в случае сопротивления буржуазии. Какие это будут классовые организации, манифест не ведает: могут быть советы, могут быть коммуны—причем манифест не требует исключения буржуазии из состава местных организаций самоуправления,—наконец, это могут быть и другие, не указанные в точности, рабочие организации. Как в последних случаях должна быть организована центральная революционная власть, об этом манифест умалчивает. Что обозначает такого рода позиция? Она означает сущий нуль, подносимый II½ Интернационалом в качестве боевого лозунга.

В чем состояло значение лозунга советской системы? Прежде всего, этот лозунг пока-

звывал пролетариату, что он должен создать свои классовые организации, аппарат своего господствования. Во-вторых, он говорил ему, что для этой цели не могут служить прежние классовые организации, об'единяющие пролетариат, в зависимости от его политических убеждений или от его профессии. Для этой цели необходимы организации, об'единяющие пролетариат в качестве класса, *по отраслям производства, по предприятиям, вне зависимости от профессии, вне зависимости от политических убеждений.* При возникновении рабочих советов в русской революции не было еще известно, станут ли они также и формой пролетарской диктатуры в *мировой революции.* Финская, австрийская и германская революция доказали, что там, где пролетариат борется за власть, он—в поисках наиболее пригодной организационной формы,—избирает форму рабочих советов, как преподанную уже самой историей. И повсюду, в Испании, в Англии, где пролетариат только еще начинает свое революционное движение, в нем обнаруживается стремление к образованию рабочих советов. II½ Интернационал не признает лозунга «рабочих советов» в качестве проводника мировой революции; контрреволюционный характер этого отказа явствует, прежде всего из того, что отказ от этого лозунга равносилен отказу от лозунга, служащего для об'единения и организации рабочих в их борьбе за власть.

Там, где революция вступает в свой острый период, там лозунг «рабочих советов» указывает пролетариату почву, на которой он может собрать свои силы в качестве класса, чтобы противопоставить их буржуазии. Таким образом, вопрос о будущей форме организации диктатуры—вопрос о рабочих советах—превращается в политический вопрос о борьбе за диктатуру.

Возможно, что при дальнейшем развитии мировой революции будут различные формы организации диктатуры, как показала, например, русская революция. Возможно, что в известных стадиях особенно резкого обострения гражданской войны окажется необходимым защищать власть пролетариата, хотя бы только временно, при помощи еще более строгого отбора пролетарских сил, еще более энергичного ведения борьбы, чем этого можно требовать от рабочих советов, организаций немного громоздких по своей природе. Однако, ясно одно: для периода борьбы «советы рабочих» являются центральным, политически-организующим лозунгом. Отказ от него, наводнение его всяческими, придуманными политическими возможностями — все равно, что отказ от *революционно-организующей роли Интернационала.*

Господа Гильфердинги, Бауэры и Мартовы стараются придать этому отказу историческое облачение и историческую обоснованность. С видом великих ученых они раз'ясняют: «на подобие того как буржуазная революция в различных странах протекала в различных формах, пролетарская революция в отдельных странах будет так же принимать различные формы, тем более, что и степень капиталистического развития отдельных стран неодинакова». Исторические познания теоретиков II½ Интернационала находятся на одинаковой высоте с их революционной волей. Буржуазные революции выливались повсюду в форму революционной борьбы за парламент. История буржуазных революций учит нас, что, *не взирая на разницу в степени развития различных стран, исторически руководящий класс данной эпохи борется всюду за одну и ту же цель одними и теми же средствами.* Пролетарская революция отдельных стран будет представлять крупные различия. Но так как проводит ее один и тот же класс для одной и той же цели, то в основных своих формах она представляет один и тот же процесс. Не признавая этих фактов, теоретики II½ Интернационала доказывают только то, что, теоретически, они из-за деревьев не видят леса, лишь бы только избежать обязанности основать *действительный* Интернационал.

Месяц спустя после составления своего манифеста, мудрецы из II½ Интернационала сами себя поправляют. Опуская свои мудрые изречения о различных формах диктатуры в отдельных странах, они, в своих руководящих тезисах о методах и организации классовой борьбы, высказываются вдруг, безоговорочно, впервые, за идею диктатуры пролетариата, каковая диктатура — какими бы путями пролетариат ни достиг власти — потребуется для поддержания этой власти. Даже более того: в своем берисском манифесте, как мы видели, они заявляли: «органами диктатуры могут быть, в зависимости от условий отдельных стран, советы рабочих, солдат, крестьян, местные организации самоуправления (коммуны) или другие свойственные данной стране классовые организации». А теперь они пишут: диктатуру пролетариата необходимо осуществлять на основе рабочих, солдатских и крестьянских советов, профсоюзов и других тому подобных пролетарских классовых организаций. Как видите, за промежуток времени с 7 декабря по 10 января «демократические органы самоуправления»—в качестве органов диктатуры—успели уже исчезнуть. А так как «другие пролетарские классовые организации», кроме рабочих советов и профсоюзов, являются псевдонимом чистейшего нуля, то выходит, что мудрецы из ½ Интернационала, в конце концов, открыли, что основать пролетарскую диктатуру можно только на одних рабочих советах и профсоюзах, с чем мы их и поздравляем. Ибо, если профсоюзы, группировавшиеся по профессиям, перегруппируются по предприятиям, а этого требует дух времени, требуют не только коммунисты но и все передовые профессионалисты, — то различие между рабочими советами и заводскими комитетами — низшими органами профсоюзов — исчезнет почти до неузнаваемости. Резолюция содержит еще и дальнейшие успехи. Она говорит

что в открытой борьбе за завоевание и удержание пролетарской диктатуры, «впредь будут решать не избирательные бюллетени, а экономические и военные силы борющегося класса. Рабочий класс отвоюет власть только, путем массового действия, путем массовых забастовок и *вооруженных восстаний*». Независимая германская социал-демократия готовится к вооруженному восстанию! Рудольф Гильфердинг и Артур Криспин за пулеметом! Что за прогресс! Что за прогресс!

V.

II½ Коммунистический Интернационал.

Чем же отличается II½ Интернационал от III? Он высказывается против шаблонного копирования методов русской рабоче-крестьянской революции. Но еслиб подписавших резолюцию (Адлера, Ледебура, Гримма и Уоллхэда) поставили даже перед дулом пулемета, то и тогда они не могли бы сказать, какие другие методы, отличные от упомянутых в их собственной резолюции,—предлагает Коммунистический Интернационал. Второе различие, которым они хотят обосновать существование II½ Интернационала, это, якобы, неправильная оценка Коммунистическим Интернационалом многообразия структуры различных стран и той тактики, которую следует в них применять. Но еслиб их снова прижали к стене, они вторично не могли бы сказать, какую другую тактику, помимо упомянутой рекомендуемой ими, они считают допустимой. Может быть, дело следует понимать так: *в качестве общей тактики, мы рекомендуем революционное выступление вплоть до массовой забастовки и вооруженного восстания, в качестве же специальной тактики, мы допускаем коалицию с христианскими социалистами, вместе с которыми партия Фридриха Адлера участвовала в одном и том же правительстве?* Мы думаем, что вопрос имеет именно *этот*, а не какой-нибудь иной смысл. Иначе эти господа не дрожали бы так за сохранение самостоятельности отдельных партий, на которую будто бы посягает Москва, ибо, если автономия служит лишь для того, чтобы применять общие революционные принципы к отдельным странам, то тогда она вовсе не составляет противоречия тесной интернациональной централизации, но является даже орудием последней. Отношение четырех названных пророков к вопросу об их отделении от реформистов доказывает, что для них дело заключается в том, чтобы, набрасывая революционные лозунги на бумагу, проводить на деле реформистскую политику. С выражением лица порядочных людей они заявляют, что характер партий меняется, меняется и характер людей. Под влиянием совершенных ошибок они становятся умней. Нельзя сыбросить кого-нибудь из Интернационала на том лишь основании, что он прежде был воциал-патриотом. Не следует также его за это унижать. Нельзя требовать от него, чтобы он босиком, в одежде кающегося, посыпав пеплом свою лысую главу, совершил паломничество в Каноссу. Все это трогательно и гуманно. Но Коммунистический Интернационал до сих пор и не требовал ни от одной из присоединившихся к нему партий, чтобы она, в честь Ленина, принесла в жертву на алтарь в Кремле тех реформистов, которые отреклись от реформизма. Коммунистический Интернационал требует лишь исключения реформистов и социал-патриотов, оставшихся таковыми. Тут Ледебуры, Гриммы, Адлеры и Уоллхэды возражают—зачем же, когда такое бедное человеческое существо, называемое реформистом, тихо, с соблюдением приличий, остается в партии и подчиняется партийной дисциплине,—зачем его выбрасывать, как паршивую собаку, из партийной семьи? Ведь, он может с горя умереть. Какие плуты те, кто написали эти слова! Роберт Гримм прекрасно знает, что в том свином хлеву, который называется швейцарской социал-демократической партией, находится дирижерская палочка не в его, Гримма, руке, а в руке реформистского меньшинства. Густавы Мюллеры, Грейлихи, Жаны Зиги и кружащийся около них рой полицейского и финансового начальства сидят во всех парламентских и общинных фракциях; в их руках партийный аппарат власти. На партийном с'езде они подчиняются партийной дисциплине и, в то же время, каждый день, плюют на его резолюции.— А каково положение в социал-демократической партии немецкой Австрии? Может быть, господа Зейтц, Элленбоген, Лейтнер и Реннер станут заботиться о тех революционных принципах, которые Фридрих Адлер в Инсбруке нашел в глубине своего сердца? Они пошлют к черту эти принципы, ибо, раз их оставляют в партии, то тем самым доказано, что ради сохранения партийного единства хотят избежать раскола. Жан Лонге об'единился ныне со старыми лакеями французской буржуазии, с Реноделем и его кликой, в партии, которая будет принадлежать к II½ Интернационалу. Есть-ли человек, который хоть на мгновение поверил бы, что Ренодель из соображений партийной дисциплины, когда того потребуют обстоятельства, откажется на практике от национальной защиты, на чем настаивают инсбрукские тезисы? Оговорка о терпимой тактике II½ Интернационала превращает его из боевого сотрудничества для борьбы против капитализма, в отдел терпимости, где всякий может остановиться: кто для скромного сна, кто для нескромного «бдения».

Отношение к реформистам — вот центральный пункт всего вопроса о построении Интернационала. Кто не хочет расстаться с реформистами, являющимися выразителями буржуазной тактики в рабочем движении, тот никогда не станет проводить на практике тезисы, как бы революционно они ни звучали. Последние послужат ему для усы-

пления революционных масс, а реформисты — для налажения связи с буржуазией. Камил Гюисманс, умный циник, был совершенно прав, когда следующим образом выразился о представителях II½ Интернационала: «Думают они как мы, а говорят как москвичи». Мы можем лишь прибавить: «Они не только думают, как социал-патриоты, но и действуют, как социал-патриоты». Ничто ярче не освещает сущности II½ Интернационала, чем тот факт, что главные его основатели — те самые Криспины и Гильфердинги, которые в тот самый момент, когда они создают так называемый революционный Интернационал, т. е. когда будто хотят вести пролетариат к общему активному выступлению против капитализма, — одновременно идут против об'единения с коммунистами для совместных действий, тем самым связывая себя с социал-демократами общей тактикой бездействия. По таким поступкам следует судить о II½ Интернационале, но отнюдь не по его словам и провозглашаемым принципам. Оппортунистами принципы оцениваются так же низко как ягоды, лишь бы они были пригодны для удержания пролетариата от революционных выступлений.

Будущее II½ Интернационала.

II½ Интернационал — организация, лишенная самостоятельного комплекса политических идей. Это организация, далекая от намерения проводить в жизненной практике идеи, заимствованные ею от Коммунистического Интернационала и ею же опошленные. Она, вообще, не является интернациональной организацией пролетариата, но она сознательно стремится быть интернациональной, слабо связанной федерацией национальных центристских социалистических партий. Насколько мало она доверяет собственной боеспособности и жизнеспособности, доказывается лучше всего судорожным хватанием за желтый Амстердамский Интернационал профсоюзов. Было бы, тем не менее, ошибочно предполагать, что II½ Интернационал неспособен к жизни. В том случае, если революционное движение в западно-европейских странах не получит в скором времени более быстрого развития, если процесс революционизирования рабочих масс будет протекать медленно, тогда II½ Интернационал сумеет удержать революционные массы, еще стоящие на перепутьи, от присоединения к III Интернационалу. II½ Интернационал станет убежищем для тех бесприютных, которые все еще не могут решить, в какую сторону им пойти. Существование его будет, конечно, существованием призрачным. Неспособный к действиям, неспособный стать живым духом революционного авангарда мирового пролетариата, он будет лишь иллюзией для арьергарда пролетариата до той поры, пока арьергард этот, волею событий, не будет придвинут к фронту мировой революции.

Как еще велики массы этих находящихся в нерешительности людей, лучше всего показали события недавних дней, разыгравшихся в Итальянской Социалистической партии. Последняя считалась одной из крупнейших партий Коммунистического Интернационала. Стоящие за ней десятки (и более) тысяч рабочих проявили свою доблесть в авангардных боях итальянской революции. Они на деле выказали свою симпатию к Советской России, когда последней грозила величайшая опасность. Они высказались за диктатуру пролетариата. Они восприняли идею рабочих советов и даже пытались революционным путем осуществить контроль над производством через промышленные советы. Но, несмотря на все это, тесные узы продолжают связывать их с реформистским прошлым, — узы, значение которых для них самих неясно, хотя они угрожают удавить итальянскую революцию. Благодаря расколу реформистов еще до войны, и благодаря тому, что часть их, открыто исповедывающая империализм, выделилась из партии, большинство итальянского пролетариата не видит опасности в засорении состава партийного руководительства демократически-пацифистическими элементами, враждебными социальной революции и диктатуре пролетариата. И эта пролетарская масса, считавшая себя авангардом Коммунистического Интернационала, когда ей надлежало выбрать между реформистскими вождями и Коммунистическим Интернационалом, — высказалась за реформистских вождей. Тот факт, что стоящие за Серрати рабочие глубоко убеждены, что они, тем не менее, сохранили верность III Интернационалу, служит доказательством не *против*, а *в пользу* существования большой опасности для рабочего движения со стороны центристов.

Яд центристской мысли глубоко проник в психику рабочего класса. Только продолжающееся расширение мировой революции способно вывести его наружу. Ни путь теоретических изысканий, ни путь пропаганды не приведут к победе над ним. Справиться с этим ядом можно только путем борьбы, которая вдохнет в массы твердость и убеждение, что всякое колебание в решительный момент — смерти подобно.

Соображение, что центристский дух должен еще быть побежден в условиях мировой революции и посредством нее, отнюдь не означает, что Коммунистический Интернационал может дать этому духу место в своих недрах, чтобы он впоследствии был преодолен революцией. Само собой разумеется, что те зараженные органы, в которые незаметно успел проникнуть центристский яд, должны быть удалены, дабы они не заразили всего тела.

Пусть Гильфердинги преспокойно глумятся, называя нас сектантами, отворачивающимися от масс, лишь только последние не из'являют готовности принять, не разсуждая, все наши предписания. Коммунистический

Интернационал—*революционный авангард пролетариата.* И чем больше он сознает необходимость соприкосновения, постоянного контакта с медленно развивающейся рабочей массой, тем больше он должен заботиться о том, чтобы в его *собственных* рядах,—в рядах авангарда революции, царило трезвое и ясно-определенное понимание предстоящих задач и путей. Кто хочет вести массы в революционный бой, тот должен, разумеется, быть с ними в теснейшем контакте. Он не должен стремиться к определению по своему усмотрению пути для их произвольного продвижения. Коммунистический Интернационал этого не делал никогда. Он ставит себе цели, основываясь на понимании тенденций развития мировой революции. Придерживаться целей Коммунистического Интернационала вовсе еще не значит доктринерски противоставлять рабочей массе свои собственные желания. Это значит: на основании сегодняшнего дня думать о завтрашнем дне рабочего класса; не терять из виду цели, виднеющейся из-за извилин пути; это значит: в процессе движения массы, колеблющейся, часто отступающей перед последствиями борьбы и еще только развивающейся,—образовать крепко спаянный авангард, и, при его помощи, постоянно увлекать массы вперед, ведя их к победе.

Из указанной зависимости вытекает не только необходимость связи с еще колеблющейся рабочей массой, но и обязанность—вести самую беспощадную борьбу со всеми ее иллюзиями, со всеми ее колебаниями и, в первую голову, с идеологией центра, с его вождями и организациями. Отношение между Коммунистическим Интернационалом и II½ Интернационалом, должно быть поэтому прежде всего состоянием войны.

Чем беспощаднее, чем систематичнее будет наша борьба с ложью и обманом, тем теснее мы сплотим наши ряды и тем сильнее будет наше влияние на стоящие за II½ Интернационалом массы. С ними мы хотим действовать заодно, где-бы и когда-бы они ни завязали бой. С их же вождями мы будем воевать беспощадно везде и всегда, где и когда они будут вводить в заблуждение рабочие массы, или тогда и там, когда и где они изменят своему долгу.

История правых германских независимцев показывает, как, после раскола в Галле, когда они потеряли груз, состоявший из революционных рабочих элементов, они быстро отклонились вправо. Снятием с себя маски, они ускорят победу Коммунистического Интернационала. II½ Интернационал — продукт революционного процесса, который переживает весь мир, но это не такой продукт, в котором выявляется творческий дух мировой революции, это — накипь истории, продукт, выделяющийся в кипении мировой революции. Поэтому-то II½ Интернационал будет смыт потоком мировой революции, лишь только он придет в более быстрое движение. До того мы должны бороться с ним, как с косной традицией, задерживающей момент, когда пролетариат воспрянет от сна и ринется в революционный бой.

Карл РАДЕК.

„Против превращения государственных органов из слуг общества в его повелителей, неизбежно происходившего во всех существовавших до сих пор государствах, Коммуна приняла две самые надежные меры. Первая: все должности — учительские судебные, административные, замещались посредством выборов, причем выбирали все те, которые были заинтересованы в исполнении данных обязанностей; они же имели право в любое время сместить своих ставленников. Вторая: все служащие в Коммуне, и низшие, и высшие, получали жалованье, не превышавшее заработной платы рабочего. Высший размер жалованья не превышал 6.000 франков. Таким путем был положен конец карьеризму и погоне за местами, даже без помощи императивных мандатов, которыми представители народа снабжались от своих избирателей и которые, в сущности, были лишними“.

Фридрих Энгельс.

ОБ ИНОСТРАННЫХ КОНЦЕССИЯХ.

I.

Декрет Совнаркома об иностранных концессиях, изданный 23 ноября 1920 года, в самых общих чертах намечает условия, на которых иностранный капитал мог бы получить в Советской России право на разработку определенных статей, — лесных и минеральных богатств. Однако уже этого оказалось достаточно, чтобы вызвать в буржуазии тревогу. Каждая национальная группа страшится, как бы ее не опередили другие.

Слухи о том, что с некоторыми группами капиталистов дело концессий уже налаживается, не могли содействовать успокоению. Французская буржуазия заявляет о своих преимущественных правах на эксплуатацию всех природных богатств России и обращается с горькою укоризной к английским капиталистическим группам, которые, в забвении священных прав на Россию, приобретенных французской буржуазией ценою займов, отсрочивших крушение романовского режима, по слухам, уже готовятся подписать концессионные договоры. Япония в свою очередь протестует против американских капиталистов, которые, домогаясь камчатских концессий, непозволительным образом игнорируют японские исключительные права на рыбные ловли.

Повидимому, с вопросом о концессиях разыграется такая же бесконечная и отвратительная канитель, как с вопросом о снятии торговой блокады с Советской России. Вот уже год, как было возвещено, что возобновление торговых сношений с Россией поставлено на ближайшую очередь. В конце марта исполнится год с того времени, как наша делегация выехала на Запад, — сначала как делегация Центросоюза: правительства Антанты не желали открыто признать свое поражение в попытках задавить Социалистическую Республику и лицемерно избрали такую форму, как будто они смогут торговать в обход Советской власти с русскими кооперативами.

Однако, здесь их ждало новое поражение: из белогвардейской русская кооперация быстро превратилась в советскую, рабоче-крестьянскую. Вместо силы, затаенно или даже открыто враждебной Советской власти, пришлось договариваться с силой, фактически являющейся органом этой власти; вместо силы, которая постаралась бы использовать товарообмен в ущерб упрочившемуся в России режиму, пришлось бы торговать через советскую организацию. А такая торговля могла бы содействовать лишь дальнейшему упрочению советского строя в России. Понятно, что буржуазия постаралась всеми вообразимыми и невообразимыми способами затормозить переговоры о возобновлении торговых сношений. Затем наступление белополяков и Врангеля опять вдохнуло надежду на то, что, наконец-то, удастся контр-революционный переворот в России, и что власть захватит какое-нибудь правительство, являющееся верным холопом Антанты.

К годовщине начала переговоров о товарообмене вопрос о торговых сношениях настолько осложнен правительствами Антанты, что только энергичное давление западного пролетариата способно столкнуть его с мертвой точки. Иначе не будет конца новым и новым произвольным требованиям, которые выдвигает то французское, то английское правительство, то оба вместе, и которые не стояли ни в какой связи со снятием торговой блокады, одинаково необходимым и для России, и для Запада.

Концессии задаются в первую очередь одной целью: усилить и ускорить то действие, которое должен оказать товарообмен. Европейское хозяйство тяжело расплачивается за империалистскую войну и ее последствия. Оно переживает глубокий и все обостряющийся кризис. Причина его — не только в невозможности возродить капиталистическую дисциплину и принудить рабочих по-прежнему жить и работать для обогащения буржуазии: причина и в том, что европейское хозяйство страдает от все более чувствительного недостатка топлива и сырых материалов. К этому присоединяется нужда в хлебе и других продовольственных продуктах, ускоряющая наступление революционного взрыва.

С апреля 1919 года Антанта подвергла нас решительнейшей торговой блокаде, которая, кроме экономического удушения Советской Республики, задавалась целью создать своего рода «санитарный кордон» и предотвратить распространение социалистической заразы с Востока на Запад. Но палка оказалась о двух концах. Нельзя безнаказанно исключать из системы международных торговых сношений огромную страну, которая играла крупную роль в снабжении Запада хлебом (до 50% всего ввоза приходилось на русский хлеб), топливом и сырьем. Вместо того, чтобы задержать нарастание революционной войны, эта мера, обостряя муки голода и безработицы, в величайшей мере усилила его и ускорила.

Но буржуазия не может просто признать, что она сделала глупость, и открыто пойти на товарообмен с Советской Россией. Несмотря на все лицемерные фразы, она слишком хорошо знает, что товарообмен с Западом поведет к дальнейшему упрочению советского строя. В войне он отстоял себя *политически*, в мире он укрепится *экономически*; и рабочий класс Запада убедится, что социализм—единственный путь к преодолению хозяйственной разрухи и к высшим общественным формам.

Мы не скрываем, что блокада чрезвычайно тяжело ударила нас. Все наше хозяйство выросло при самых тесных меновых отношениях с заграницей. Промышленность, земледелие и транспорт будут налаживаться с величайшей медленностью, если мы не получим с Запада некоторых предметов оборудования. Нельзя в несколько лет создать и развить до необходимого уровня отрасли промышленности, которые выросли на Западе в течение многих десятилетий. Сложившееся при капитализме мировое разделение труда—исходный пункт нашего социалистического строительства. Насильственно оторгнутое от связей с остальным миром, социалистическое общество будет строиться слишком медленно и с великим расточением сил.

Однако, наш товарообмен с Западом на первых порах стал бы развертываться довольно медленным темпом. Размеры его ограничиваются размером нашей отпускной способности, — количеством продуктов, которыми мы станем оплачивать ввозимые к нам промышленные изделия. Но наша добывающая промышленность и транспорт жестоко пострадали не только от империалистской войны, но и от той классовой войны, которую нам пришлось вести против всего капиталистического мира целых три года.

Получается заколдованный круг. Запад не может отпустить нам необходимого количества машин, электрических принадлежностей, паровозов и т. д., без чего невозможно быстрое увеличение тех избытков сырых материалов, топлива и хлеба, которые мы могли бы отпускать за границу. В свою очередь, без ввоза от нас некоторого количества этих продуктов, положение западной промышленности безнадежно. Революционное брожение на Востоке скоро чувствительно сократит снабжение ее сырыми материалами и пищевыми продуктами. Ростовщическая эксплуатация американским капиталом еще больше усилится.

Способом концессий мы предлагаем западному капиталу ускорить разработку неисчерпаемых природных богатств, которыми располагает Россия. Концессионеры могут ввезти те средства производства, которых у нас не хватает, и известное количество квалифицированных рабочих и технических сил, которых не умела создать наша промышленность. Расплачиваясь с нами определенной долей добычи, западный капитал в сравнительно короткое время мог бы усилить снабжение Европы строевым и поделочным лесом, бумажно-древесинной массой каменным углем, хлебом и т. д.

Мы не боимся, что это замедлит нарастание революционной волны на Западе: мощный сдвиг совершился и дополнительное количество хлеба, сырых материалов и топлива для Запада неспособно предотвратить пролетарскую революцию.

Западная буржуазия хорошо знает, что концессии могли бы облегчить положение мирового хозяйства вообще и рабочего класса в частности. Она хорошо знает, что разработка лесов и шахт в России дала бы ей крупные барыши, и, что, если она действительно откажется от повторных попыток военного подавления страны пролетарской диктатуры, ей нечего опасаться за целость капитальных затрат на концессионные предприятия. Но правильно оценивая надежность и высокую прибыльность такого помещения капитала, буржуазия каждого крупного государства, услышав, что кто-то уже получает от нас концессии, поднимает негодующий крик, что ее опередили и обошли.

Начинается та же тревожная и бестолковая борьба и игра, как с вопросом о возобновлении торговых сношений. Положение таково, что оно ни в каком направлении не сулит буржуазии исхода. В какую бы сторону она ни пошла, ее ждет или революционное заострение противоречий у себя дома, или укрепление социалистического строя у нас, что в свою очередь сделает невозможным продление капиталистического государства на Западе.

II.

Было бы ошибочно думать, будто концессии для нас просто средство поскорее покончить с терзающим нас голодом и холодом. Они—не способ простого восстановления того, что отняла у нас шестилетняя война; они—способ быстрейшего продвижения от завоеванных нами политических предпосылок социализма к его действительному осуществлению во всех общественных отношениях. Концессии—дополнительный рычаг, который поможет завершить переход от капитализма через диктатуру пролетариата к коммунистическому строю.

Мы все знаем, что технический базис, доставшийся нам в наследие от капитализма, если бы даже он не был в конец расшатан войной, оказался бы слишком слабой опорой для диктатуры рабочего класса. Представляя численно небольшой процент всего населения, со всех сторон окруженный мелкобуржуазными формами, он не только не находит благоприятных об'ективных условий для своего социалистического творчества, но и сам в лице некоторых слоев лишь с трудом подавляет в себе мелкобуржуазную душу.

Капитал, приступив к восстановлению промышленности, разрушенной за годы вой-

ны, будет рабски держаться того, что унаследовано им от до-военного времени. Он будет больше восстанавливать, чем воссоздавать на новых основах. Отношения собственности выступают здесь, как неподатливое препятствие технической рационализации промышленности, земледелия и транспорта. Капиталист будет налаживать свое предприятие на прежнем месте, потому что здесь у него уже есть собственный участок земли, собственные копи и шахты, хотя бы на-половину выработанные; он возвратится к паровой технике, так как у него осталось несколько паровых котлов; он построит здания по прежнему плану, потому что сохранились стены от прежних фабричных и заводских зданий. Его стремлением будет по возможности сократить капитальные затраты и скорее пустить предприятие в ход, так как иначе конкуренты опередят его, да и кредиторы не ждут. Таким образом прошлое через капитал на каждом шагу диктует свою волю предпринимателю. Веления современной техники прорываются лишь спорадически и лишь постольку, поскольку они идут на компромисс с прошлым.

Пролетариат, уничтожив капиталистическую и феодальную собственность, расчистил землю и развязал промышленность. Он может приступить к производственным проблемам свободно и рационально. Старое, прошлое—просто исходный пункт для его строительства, не больше. Основные данные—природные условия и возможности новейшей техники. С великой, почти безграничной свободой он может отнестись ко всему экономически случайному для настоящего времени, к унаследованному от исторического прошлого, которое строилось не только в паровую эпоху промышленного капитала, но в некоторых существенных элементах даже в торгово-капиталистическую эпоху. Он может строить свое хозяйство по свободно и рационально выработанному *современному плану*, а не по тому остову, который достался ему от старой-старой истории, откристализовавшейся в отношениях собственности.

Выдача концессий не была бы *революционным* шагом, если бы при этом Советская власть стремилась просто «обернуться», получить средства на текущие нужды, произвести некоторые поправки и починки. Тогда перед нами была бы замаскированная форма займа, непроизводительного в своей главной части и почти столь же бесплодного для нашего хозяйства в целом, как все непроизводительные за[illegible].

В действительности концессионные предприятия должны послужить элементом широкой и целосшной программы, намечающей план воссоздания всего нашего хозяйства на совершенно новых началах. Там, где капиталистическое общество ограничивается робкими, мелкими и половинчатыми «реформами», пролетарская власть подходит к делу рационально, свободно. *революционно.*

В конце истекшего года вышел большой сборник: «План электрификации Р. С. Ф. С. Р.». В него вошли работы нескольких десятков выдающихся специалистов по электротехнике, разрабатывающих разные стороны вопроса. Но эти работы в свою очередь основываются на многочисленных подготовительных работах, частью уже изданных, частью печатающихся и изучающих различные стороны нашей экономики в связи с проектированной электрификацией. В обширном введении, написанном главным образом тов. Г. М. Кржижановским, дана замечательно стройная, глубокая и всесторонняя сводка этих работ, показывающая, что автор — не только талантливый электротехник, но и выдающийся экономист, обладающий редким даром строго научного, но в то же время ясного, отчетливого изложения, увлекательного по продуманности и обоснованности всех положений и по широте теоретической мысли.

Книга дает много больше, чем обещает ее название, так как электрифицированная Россия, это—совершенно новая Россия, Россия XX века, разорвавшая все оковы, которыми опутывали ее собственнические отношения. Это—Россия планомерно организованного, широко общественного производства, охватывающего не только промышленность и транспорт, но и земледелие. Это—Россия величайшей производственной рациональности, какую только допускает современная наука. Это—трудовая республика, положившая конец расточению труда. Коротко говоря, это страна *осуществленного* социализма, преддверие коммунистического общества.

Громадная работа выполнена не фантазерами, не мечтателями, не утопистами. Ее выполняли практики, которые каждый свой шаг, каждое предположение контролируют сопоставлением с нашими экономическими возможностями. Их построения взяты не из головы; это — *требования* современной техники, веления которой до сих пор заглушались узостью капиталистических форм. Этот план, к осуществлению которого приступает социалистический хозяин страны, столь же реалистичен, как всякий план, который для капиталистического предпринимателя, приступающего к делу, вырабатывают научно подготовленные и прошедшие практическую школу инженеры и техники. Все дело именно в том, что мы устраним ли всех капиталистических предпринимателей и, отбросив вместе с ними все ограничивающее и стесняющее, взглянули на общественное хозяйство так, как отдельный капиталист смотрел на свое отдельное предприятие.

К сожалению, за недостатком места я не могу останавливаться на этой замечательной книге, написанной техниками, и в каждой главе, в каждом параграфе представляющей обвинительный акт против капитализма с его расхищением сил природы и неумением их использовать, с его расточением живых человеческих сил, с его глубокой нерациональностью. Отмечу только, что пле

номерное *общественное* использование даже того инвентаря, который достался нам от капиталистической эпохи, способно дать полезный эффект, во много раз превышающий достигавшийся до настоящего времени (см. «Основания проекта электрификации Северного Района». Стр. 62 и сл.).

VIII С'езд Советов, по докладу тов. Кржижановского, принял эту программу полного обновления России, которая подведет широкую и устойчивую базу под нашу рабочую республику. План,—по крайней мере его первоначальные, основные элементы,—рассчитан на десять лет. Авторы не ограничились выработкой общей программы: они показали, как, идя в определенной последовательности, мы превращаем ее в *осуществимую* программу, выполнимую даже при наших рессурсах, глубоко расшатанных и истощенных империалистической войной и последующими наступлениями капиталистического мира. Они показали, что, выполняя громадные работы, полные результаты которых получатся лишь через несколько лет, можно планомерно распределить их во времени таким образом, что через самое короткое время многое станет ощутительным даже в деревне. Более того: начиная с работ, требующих относительно незначительных капитальных затрат, например, с рациональной эксплуатации лесов Севера, мы сравнительно быстро получим средства, необходимые для выполнения более сложных и капитальных элементов программы.

На выполнение этой захватывающей дух, но в то же время трезвенной, реалистической программы в течение 10 лет потребуется не больше половины, а может быть, не больше трети тех средств, которые Россия Романовых и Керенского расточила за три года империалисшической войны.

Но мы хотим быстрее итти вперед. И мы сократим все предположенные сроки, если западный капитал, побуждаемый стремлением к высокой прибыли и подстегиваемый обостряющимся недостатком хлеба, сырых материалов и топлива, возьмет некоторые из предлагаемых нами концессий. Он получит ожидаемую прибыль и необходимые для него продукты в большем количестве, чем мог бы получить в порядке медленно налаживающегося и развертывающегося товарообмена. Мы ускорим выполнение некоторых элементов программы и добудем дополнительные средства на ее скорейшее завершение.

Предложение — ясное. В этой сделке капиталисты преследовали бы свои капиталистические цели, а социалистическое общество двигалось бы к своим социалистическим целям.

Но это — как раз основание для того, чтобы капиталисты отнеслись к нашим предложениям с величайшей сдержанностью и опасениями.

Они понимают, что наше предложение— не только обращение к ним, но и призыв к пролетариям всего мира.

Предложением концессий в связи с программой воссоздания всего нашего хозяйства на новых началах мы говорим пролетариям всего мира: смотрите, каких ничтожных средств по сранению с теми, которые затрачиваются на содержание армий, флота и всего угнетательного аппарата капитализма, достаточно для того, чтобы превратить землю из ада для рабочего класса в ясный, сияющий радостью мир.

Смотрите, какими цепями сковывал капитализм не только вас, но и производственную технику.

Разбейте же эти цепи!

И. СТЕПАНОВ.

„Цивилизация и справедливость буржуазного порядка выступают в своем истинном, полном ужаса, свете, когда рабы этого порядка восстают против господ.

Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются неприкрытым ничем варварством и беззаконной местью“....

„Буржуазия всего мира наслаждается массовым убийством людей после битвы, и она же возмущается, когда „осквернят“ частные жилища“!

Карл Маркс: „Гражданская война во Франции“.

ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ФРАНЦУЗСКОГО КОММУНИЗМА.

В прекрасной статье «Новое в русской революции», помещенной в «Обозрении русской печати» (Revue de la presse russe), между прочим говорится: «Наша революция, завершая собою доисторическую эпоху развития человечества и открывая первую страницу действительной его истории, особенно интересна и поучительна, благодаря новым опытам, производимым ею в гигантском масштабе».

Для нас, женщин, в особенности французских женщин, русская революция вдвойне интересна, ибо она на деле осуществляет принцип эмансипации в двояком отношении: как работницы и как женщины. Между тем принцип эмансипации женщины не только не осуществлен на практике, но даже не признан в теории в той стране, которая до сего времени считалась самой революционной в мире. В этой стране более чем где-либо в Европе нам часто приходится вспоминать полные глубокого смысла слова Ибсена: «Род человеческий не обнимает всего человечества,— он—лишь род мужской».

Наиболее прискорбным было всегда отношение к этому вопросу передовых (?) представителей социализма и синдикализма—Реноделя, Жуо и К°—и стоящего за ними огромного большинства членов различных организаций. Со свойственным им недомыслием и ничем не прикрытым эгоизмом, столь блестяще проявляемыми ими всегда, эти господа постоянно противились всякой пропаганде идеи эмансипации среди женщин.

Что касается области законодательной, то существует весьма незначительная группа законов, несколько смягчающих бесправную участь французской женщины: предоставление права розыска отца судебным порядком (recherche de la paternité), разрешение замужней женщине самой распоряжаться своей заработной платой, требование избирательных прав для женщин и т. п. Эти законы ни в какой мере не являются результатом парламентской деятельности социалистов. Конечно, социалисты по крайней мере не голосовали против этих законов, но к стыду их они также не являются их инициаторами.

В политической жизни социалистическая партия всегда занимала в этом вопросе двойственную и неопределенную позицию. Под сильным давлением феминистского движения она оказалась вынужденной, начиная с 1903 г., выставлять кандидатуры женщин на выборах как в муниципальные, так и в законодательные учреждения. Однако партия постоянно заботилась о том, чтобы эти кандидатуры были малочисленны и выставлялись бы лишь в совершенно «девственных» округах—никогда не проведших еще социалистических кандидатов,—именно там, где неудача была вполне очевидна заранее, где можно было рассчитывать лишь на смехотворно ничтожное число голосов и где предстояла особенно неблагодарная задача. Если бы партия действительна принимала близко к сердцу женский вопрос, она могла бы поставить вопрос о женской кандидатуре в широком масштабе в социалистическом округе, где избрание партийных кандидатов было бы заранее обеспечено. Быть может, это смелое нововведение повлекло бы за собой признание выборов недействительными,—партия рисковала бы потерей одного места, но зато как велико было бы агитационное значение этого факта для женщин, какой это был бы прекрасный жест! Нашим мнимым «великим людям» это не в домек.

И в профессиональных союзах положение женщин не было лучшим. Громадное большинство союзов, входящих в состав Амстердамского Интернационала, чрезвычайно неохотно принимало женщин. Для этих господ еще вопрос—имеет ли женщина право на труд Во всяком случае они отрицают за ней право на хорошее вознаграждение за свой труд—право на основательное техническое образование, и терпят ее лишь в предприятиях, где не требуется квалифицированных рабочих и где труд плохо оплачивается. Но со времени мировой войны рамки женского труда все более и более расширяются. Женщина стала требовать за одинаковый с мужчинами труд одинакового вознаграждения, — что является совершенно «недопустимым» с точки зрения большинства членов профессион. союзов, как это было открыто заявлено в Париже, в мае 1920 года, тремя мало известными чиновниками профессионального союза. «Что они работали столько же, сколько и мы — это возможно, заявил один из них, — но они не должны получать одинаковую плату с мужчинами, они все-таки только женщины». Другой чиновник прибавил (с чем согласился и третий): «иначе не стоило бы быть мужчиной».

Подобные речи являются ужасающим симптомом. Эта психология рабов, желающих

во что бы то ни стало самим иметь рабов, достойна сожаления и свидетельствует о чрезвычайном нравственном упадке. Понятно, что при таких условиях женщины и в особенности женщины-феминистки всегда держатся в стороне от социализма, синдикализма и всего того, что было или слыло «освободительным движением».

У них не будет подобного же отрицательного отношения к коммунизму, как только они с ним ознакомятся и узнают, чего он желает добиться для них. Дело коммунистов пойти им на встречу, подобно тому, как коммунисты идут на встречу морякам, солдатам, крестьянам, т. е. коммунистам необходимо начать специальную пропаганду применительно к особым условиям женского рабства.

Этого, однако, французские товарищи коммунисты не понимают Вы, русские коммунисты, мужчины и женщины, должны раз'яснить это своим французским товарищам. Ведь вы нашли это необходимым для России, и Москва стала центром специальной работы среди женщин. Если это необходимо в России, легко понять, насколько это в еще большей мере необходимо у нас, где в течение 130 лет мужская и буржуазная демократия поддерживала уродливые условия социальной действительности.

Будьте уверены, что эта специальная агитационная работа среди женщин не окажется бесплодной. Вы лучше других знаете, какую роль играют в период революции женский энтузиазм и женская революционная воля. Вы видели русских женщин в их революционной работе. Если вы еще не видите этого у французских женщин, то лишь потому, что до сего времени никто не подумал о пропаганде среди них, об их просвещении, привлечении их к делу всеобщего освобождения. Находясь в стороне от всякого общечеловеческого движения, оне—ждут. Идите к ним, вы, которые дерзаете на все и можете все совершить. Оне немедленно же станут на вашу сторону и будут бороться вместе с вами, со всем боевым пылом, на который оне способны. Лить тогда будет для Франции обеспечена победа пролетариата над его угнетателями — победа труда, который, как сказано в вышеупомянутой статье, «открывает собою первую страницу действительной истории человечества»

Элен БРИОН.

„Величайший героический подвиг, на который старый мир еще был способен, это—народная война; но и она теперь оказывается только чистейшей мошеннической проделкой правительства; эта проделка не имеет никакой другой цели, кроме отсрочки классовой борьбы, и она сразу летит к чорту, как только классовая борьба вспыхивает пожаром гражданской войны. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едино суть!“

„Империализм есть самая проституированная и самая последняя форма той государственной власти, которая была создана зарождавшимся буржуазным обществом, как орудие его освобождения от феодализма и которую буржуазия, когда она вполне развилась, превратила в орудие порабощения труда капиталу“.

Карл Маркс: „Гражданская война во Франции“.

ВРАГИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ.

I.

Капиталисты и рабочий класс в Англии находятся в открытой борьбе друг против друга, как две враждебные армии. Оба класса резко разделяются: классовая обособленность выражена столь ясно, что ни в коем случае нельзя усомниться в том, кто—капиталист и кто—рабочий. Оба класса прекрасно организованы. Капиталисты об'единены в их Торговых Палатах, в Союзах Предпринимателей и Промышленников. Рабочие же организованы в своих могущественных Профессиональных Союзах (Trade Unions) или в Индустриальных Союзах (Industrial Unions), как то: в Федерации Горнорабочих Великобритании, в Национальном Союзе Железнодорожников, в Конфедерации Рабочих Железного и Стального Производства, в Об'единенном Обществе Механиков и в Федерации Транспортных Рабочих.

Хотя много их осталось еще вне профессиональных союзов, но организованные рабочие играют решающую роль во всех жизненных и наиболее существенных вопросах, держа в своих руках все главнейшие отрасли производства. Другими словами, промышленность страны могла бы обойтись без рабочих, не входящих в профессиональные организации, между тем как без организованных в профессиональные союзы рабочих она не могла бы существовать.

Кроме этих двух основных классов, мы находим в Англии недифференцированную массу представителей отдельных профессий, литераторов, коммивояжеров, мелких буржуа, составляющих привесок капиталистического строя. Эта масса — реакционна, продажна, она лишь одной ступенью выше пролетариата, и то благодаря только лжи и обману. Она поставляет человеческий материал белогвардейским организациям, союзам буржуазии и т. д.

II.

Правящий, капиталистический класс Англии самый проницательный и хитрый, самый изворотливый и гордый в мире. Таким он стал благодаря столетнему опыту воровства, грабежа и насилия во всех частях света. Ему пришлось иметь дело со всеми народами и странами мира. Он научился «управлять» благодаря тому, что владел колониями во всех уголках земли. Происходящие в течение последних пяти лет в Ирландии насилия, грабежи и убийства как будто подтверждают справедливость правила, что «государственные деятели ничему не научаются». Этот класс умеет создавать атмосферу свободы и в то же время грабить и править железной рукой. Он умеет жонглировать демократизмом. Он знает, как надо дать такую «свободу слова» и «свободу печати», которые вовсе не будут «свободами». Он умеет подавлять всякие зачатки восстаний. Он знает, чем можно подкупить вожаков народных масс в Индии и в Египте, в Южной Африке и у себя дома, покупает рабочих лидеров почестями, лестью, социальными привилегиями, деньгами. Он обладает обширным и глубоким опытом, экономическим и политическим. В его распоряжении находится хорошо организованная тайная полиция. Британские торговые и тайные агенты являются, пожалуй, наиболее опытными и искусными в мире, при чем число их громадно: они находятся всюду.

Этот правящий класс, естественно, в совершенстве владеет искусством самозащиты как от восстания внутри страны, так и от нападений извне. Самой макиавеллистической, самой подлой и хитрой была всегда политика Великобритании. Не даром капиталистическая Англия стала известной всему миру под названием «коварного Альбиона». Как часто подстрекала Великобритания континентальные государства броситься друг на друга, для того, чтобы, ослабив их, самой сохранить господствующее положение! Как часто восстания рабочего класса внутри Англии подавлялись при помощи подлого предательства, усмирялись и потоплялись в крови!

В распоряжении капиталистического класса Великобритании находятся, во-первых, все «силы государства». К ним относятся: парламент, хорошо организованная бюрократия, сильный судебный аппарат, могущественная полиция, армия и флот. Армия уже не составляется путем принудительного набора, но солдат-добровольцев держат в казармах и отделяют от народа. Еще в большей степени изолирован от масс британский флот—гордость правящего класса. Матросов — этих доблестных сынов рабочего класса — только изредка отпускают на берег. Время отпуска обыкновенно проводится в таких портовых городах, как Портсмут, Уэтем, Дувр, Ливерпуль или Глазго, и проходит в нездоровых развлечениях, являющихся естественным следствием про-

должительного заточения на борту военного судна.

Во-вторых, в распоряжении британских капиталистов — могущественная печать, достигшая поразительного развития. Капиталистические газеты в Англии не похожи ни на какие другие газеты в мире. Они—единственны в своем роде, и влияние их на массы безгранично. Два раза в день, утром и вечером, миллионы экземпляров этих газет распространяются среди рабочих; чтение их дает соответственную окраску взглядам рабочих на жизнь, в значительной мере определяет их политические воззрения, дает направление их образу мыслей, воспитывает их ум для рабской покорности существующему строю или же для признания того строя, который желателен руководителям этих капиталистических органов. Недавно, на митинге в Лондоне, Роберт Вилльямс сказал: «Дайте мне власть над Флит Стрит (центр британской печати) и через две недели у нас будет революция». Вилльямс был прав. Столь велико влияние, например, «Дэйли Мэйль», «Дэйли Монитор», «Дэйли Ньюз», «Дэйли Скэтч», «Дэйли Кроникл» и прочих капиталистических газет, что, если бы контроль над ними перешел, хотя бы на две недели, к коммунистам, в Англии, несомненно, вспыхнула бы революция. Капиталисты понимают это и пользуются своей силой; вот почему в Англии только одна ежедневная газета, «Дэйли Херольд», которая считает себя органом рабочего движения, и по этой же самой причине так мало рабочих еженедельных журналов.

В-третьих, британский капиталистический класс и его интересы защищаются многочисленными религиозными и полу-религиозными организациями—начиная с государственной церкви и кончая религиозным Веслейанским Братством (Wesleyan Brotherhood). Религия, сама по себе, не интересует рабочие массы, но во многие из этих организаций входят тысячи членов, на которых оказывается определенное влияние, создается известная социальная среда, посредством кружков, клубов, гимназий, при помощи игр, развлечений, концертов и т. д.

Всеми этими способами английский капитализм подчиняет себе народные массы.

III.

Но, кроме того, в Англии имеются также в большом количестве свои меньшевики и социал-предатели и псевдо-вожди рабочего класса. Эти люди не настолько хорошо образованы, как их европейские, собратья на континенте,—так, например, существует неизмеримая разница между Артуром Гендерсоном и Эмилем Вандервельде. Первый — жалкий, ограниченный и скорее пуритански настроенный человек, с довольно скромными дарованиями, тогда как второй — ученый, литератор, блестящий лингвист и незаурядный мыслитель. И все же, не считая Рамзея Макдональда и Филиппа Сноудена, — этих искренних меньшевиков по своему существу,— Артур Гендерсон есть лидер всех этих псевдо-вождей. Гендерсон представляет собою тип, ибо британские рабочие лидеры представляют собою совершенно особенный тип. В большинстве случаев это люди, не имеющие представления о социализме; они почти ничего не знают из истории рабочего движения и страдают всеми «островными» предрассудками и той тяжеловесностью мысли, которая свойственна массе их соотечественников. Карьера рабочих вождей в Англии начинается, обычно, в местных отделах профессиональных союзов, затем они проходят в окружные советы этих союзов и, наконец, входят в исполнительные комитеты союзов. Этот путь дает им возможность приобрести и развить в себе способность свободно и гладко излагать свои мысли, находчивость ума—обычно, впрочем, весьма поверхностную — и некоторую долю хитрости.

В другом месте нам уже пришлось указать, что на этих рабочих вождях покоится *первая линия* обороны британского капитализма.

Но что забавнее всего в лидерах рабочих, так это то, что они отнюдь не «лидеры», т. е. они никого за собою не ведут. Они сами себя называют «лидерами», т. е. «*вождями*». Открыто или косвенно так говорят о себе, например, достопочтенный Джон Томас или достопочтенный Артур Гендерсон. На самом же деле, они никого не ведут. Они лишь задерживают; они ставят препятствия; они тянут назад. Капиталистический класс ими пользуется для того, чтобы пресечь всякое прогрессивное движение со стороны рабочих.

Как только рождается слух о недовольстве на фабрике, заводе, в шахтах, или же возникает угроза забастовки, этих лидеров немедленно отправляют в угрожаемую зону, где они должны использовать силу убеждения, дипломатию и хитрость своего ума для того, чтобы обеспечить в дальнейшем гладкий ход работы производственного механизма.

Правительство потратило много тысяч фунтов стерлингов на вождей рабочих во время войны и продолжает тратить на них тысячи и сейчас. На с'ездах профессиональных союзов и на главных конференциях рабочих представителей, в то время, когда развалины Франции и Фламандии пропитывались кровью британских рабочих, и когда каждый день еще новые тысячи посылались на смерть, каждый, кто был сколько-нибудь знаком с рабочим движением, мог выделить этих лидеров и указать, какие *платные* должности и в каких правительственных комиссиях и комитетах они занимали. Эти правительственные комитеты вырастали тогда, как грибы после дождя, и, при желании, можно было бы приблизительно определить размер денежных сумм, которые они получали, как вознаграждение за поддержку дикой военной политики капиталистического класса Великобритании. Эти лидеры торгуют своим

влиянием на массы, продавая его господствующему классу за свое социальное положение, за почести, за деньги. В этом отношении, они похожи на вождей плебса древнего Рима, которые нередко продавали плебеев патрициям. Капиталистическая пресса всячески возносит этих рабочих лидеров; она расточает похвалы их уму, здравому смыслу и здоровому патриотизму. Капиталисты приглашают их на всякие чествования и обеды. Когда, по мнению капиталистов, они становятся в достаточной мере безопасными и превратились уже в послушные орудия, тогда им дают титул «достопочтенный» (right honourable), т. е. назначают в члены Королевского Тайного Совета, нагружая их всякими наградами и знаками отличия. Лидеры Британской Рабочей Партии — «достопочтенный» Артур Гендерсон, «достопочтенный» Джон Р. Клайнс, «достопочтенный» Джон Томас и т. д., а также секретарь конгресса тред-юнионов, «достопочтенный» К. В. Боуэрман,—все это весьма «почтенные» люди.

На самом деле, рабочее движение в Великобритании попало в сети, сплетенные людьми, пользующимися особым «почетом» со стороны капиталистического класса и получающими от него деньги. Взятые, главным образом, из бюрократической среды профессиональных союзов, окруженные громкой газетной рекламой и обладая, обычно, гораздо меньшей живостью ума, чем их патроны, — эти люди охотно выступают в роли Иуд.

Том КВЕЛЧ.

Национальный Гвардеец (Парижская Коммуна).

УРОК ВЕНГЕРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

В Венгрии слияние коммунистической и социал-демократической партий состоялось при совершенно иных обстоятельствах, чем в Германии. В Венгрии оно произошло в стадии *подготовительного фазиса* революции, — в то время, когда, с одной стороны, Советская Россия еще недостаточно окрепла, когда в самой России сильный контр-революционный блок грозил удушить советскую диктатуру рабочих, крестьян и солдат, а Антанта извне, посредством экономической блокады и голода пыталась свергнуть советскую власть, — с другой-же стороны, в то время, когда *впервые в мировом масштабе* обнаружилось, что позиции капитализма колеблются, а волна мировой революции нарастала и обещала итти вперед ускоренным темпом.

В момент слияния Германской Коммунистической Партии с Независимой Социал-демократической Партией, Советская Россия переживала уже третий год своего существования. Она победила одну за другой контр-революционные армии, организованные империализмом Антанты на русской территории, и окрепла внутренно; линии ее внутренней и внешней политики обрисовались ясно и стали понятными для мирового пролетариата. Она не только преодолела экономическую блокаду Антанты и успешно подвигается по пути экономического переустройства, но она сделалась также могучим фактором *в мировой политике*. Не только политика Антанты, но и политика всех стран мира характеризуется их позицией по отношению к Советской России.

Кроме этих крайне важных, но все же внешних сопровождающих обстоятельств, имеются еще и другие, существенно отличающие слияние, происшедшее в Германии, от слияния, имевшего место в Венгрии. Революционная волна, нарастающая во время слияния партий в Венгрии, сменилась *отливом*. Устремившиеся после разгрома Германии в мировой войне в пролетарские партии люмпенпролетарии и другие колеблющиеся слои стали отделяться от пролетарской массы и состоять на жаловании у контр-революции. Буржуазия сделалась сознательнее, и контр-революция стоит во всеоружии, готовая свести свои счеты с пролетариатом.

Во време об'единения партий в Венгрии широкие массы мирового пролетариата ошибочно полагали, что революция ограничится одними *побежденными* странами и не коснется государств-победителей, почему последние будут в состоянии реорганизовать капитализм.

В то время в странах Антанты заметны были лишь весьма слабые признаки революции. Об'единение венгерских партий произошло в момент *основания* Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал был в то время еще слаб, отдельные страны были представлены в нем только еще возникавшими партиями и группами, не имевшими большого значения. Большая часть мирового пролетариата верила еще тогда в активность Бернского желтого Интернационала. Наоборот, в настоящее время II Интернационал уже мертв и пролетариат всего мира гигантскими шагами спешит присоединиться к III Интернационалу; даже пацифистски настроенные социал-демократические партии покинули тонущий корабль II Интернационала, беспомощно ожидая, в какую сторону бросит их буря революции. Со времени об'единения венгерских партий свершился процесс революционизирования пролетариата в странах Антанты, и все более широкие слои становятся на сторону Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал сделался сердцем мирового пролетариата, и если он еще и в настоящий момент не является мировой силой, то все же он приобрел значение фактора мировой политики.

Громадный путь пройден мировой революцией со времени об'единения венгерских партий. Этот путь мировой революции, приведший нас к нынешней эпохе, дал мировому пролетариату совершенно иную ориентировку по сравнению с периодом слияния венгерских партий. За время борьбы революции против контрреволюции, особенно германский пролетариат стал совсем не тем, чем был венгерский пролетариат в момент слияния партий.

В течение мировой войны венгерский пролетариат сохранял единство и, хотя в нем и имелся революционный верхний слой, но он был не в силах разбить партийные рамки, накрепко выкованные развращенной бюрократией партии и профсоюзов. Наоборот, рамки германской партии подались уже в начале войны и совсем рухнули в средине войны. Коммунистическая Партия Венгрии образовалась после разгрома в мировой войне, путем выделения из партии — *родоначальницы*, тогда как Коммунистическая Партия Германии образовалась путем выделения из партии *центра*, уже достаточно окрепшего в своем оппозиционном настроении. Между тем как в Венгрии, при первом шквале революции, благодаря быстрому захвату власти венгерским пролетариатом, левое крыло социал-демократической партии было лишено возможности развиться в партию центра, — германский пролетариат имел возможность распознать контр революционный характер социал-демо-

кратии и устремиться, если и не в коммунистическую партию, то, все же хоть в партию центра. В то время, как венгерский пролетариат не имел *вооруженных столкновений* с контр-революцией, два года, прошедшие со времени разгрома в мировой войне, для германского пролетариата были сплошным рядом кровавых боев с контр-революцией, в которых принадлежащий к партии центра пролетариат бился вместе с коммунистами, проливал с ними свою кровь и жертвовал своей жизнью.

Из всех различий между рассматриваемыми двумя случаями партийного слияния, отмеченное сейчас различие имеет наибольшее значение, и это преимущество является главнейшей особенностью происшедшего в Германии об'единения. В Венгрии революционная партия об'единилась со стоявшей у власти социал-демократической партией *для проведения в жизнь диктатуры пролетариата*. Между тем в Германии об'единились две партии, уже имевшие за собой революционное прошлое, для *осуществления революции*, для *прорыва к власти, к диктатуре пролетариата*. Для венгерских социал-демократов слияние их с коммунистами было лишь *признанием банкротства их прежней политики* и означало новую ориентацию исключительно в области внешней политики. Между тем слияние Германской Независимой Социал-демократической Партии с Германской Коммунистической Партией является лишь организационным завершением того, что создалось уже раньше, а именно—революционной готовности и решимости.

Вследствие всего этого, при слиянии партий в Германии не было тех сопутствующих явлений, какие были в столь значительных размерах в Венгрии. В Венгрии слияние партийных организаций могло состояться лишь после преодоления величайших затруднений и личных помех. Между тем в Германии, где слиянию предшествовали тяжелые революционные бои и продолжительная, непрерывавшаяся духовная подготовка, таких затруднений почти-что не было. Не дожидаясь об'единительного с'езда партии, слияние организаций произошло уже во множестве местностей, и об'единительный с'езд превратился скорее в простую формальность для устранения тех пережитков, которые могли бы еще указывать на существование двух партий.

Советская диктатура в Венгрии особенно наглядно показала ту роль, какую должна играть в революции сильная, хорошо организованная коммунистическая партия. Слиянием своих двух партий германский пролетариат делает огромный шаг по пути к завоеванию власти. Путем слияния обеих партий он признает, что одной революционной готовности недостаточно, что победы нельзя добиться без того оружия, которое одухотворяет всю борьбу, указывает ей направление и придает силу, а это наиважнейшее оружие есть *партия*. Об'единительный с'езд является лишь выражением воли германского пролетариата взять в свои руки это наиважнейшее оружие. В великих боях, предстоящих германскому пролетариату, об'единенная партия закалится, в ней исчезнут даже те ничтожные расхождения, которые еще существуют, и, благодаря этому, сделается невозможным появление в этой новой об'единенной партии таких предателей, какие оказались в об'единенной венгерской партии в период советской диктатуры. Уроками, вытекающими из фактов слияния партий и советской диктатуры в Венгрии, воспользуется в ближайшее время германский пролетариат, а за ним и революционный пролетариат всех прочих стран.

БЭЛА САНТО.

„Всякая революция выдвигает рядом с истинными ее представителями еще и людей другого покроя. Таковы, с одной стороны, люди, игравшие выдающуюся роль в прежних революциях, сросшиеся с ними и потому не понимающие смысла настоящего движения, но, не смотря на это, имеющие громадное влияние на народ, благодаря своему мужеству, личному характеру, или просто традиции; таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие свои стереотипные нападки на существующее правительство и получающие поэтому имя революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 17 марта. Им случалось играть и первоклассную роль и, насколько были в силах, они задерживали истинное движение рабочего класса, как раньше они мешали полному развитию всех прежних революций. Они—неизбежное зло, от них можно освободиться только со временем, но этого-то времени Коммуна и не имела".

Карл Маркс: „Гражданская война во Франции".

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ В ИРЛАНДИИ.

Прошло менее девяти месяцев с тех пор, как великий взрыв возмущения охватил ирландский рабочий класс против бесчеловечной жестокости английского правительства: последнее спокойно смотрело на то, как 10 синфейнеров, об'явившие голодовку, умирали в тюрьме. Этот взрыв возмущения вызвал первую национальную всеобщую забастовку, в которой приняли участие также средние классы и интеллигенция. Во всех без исключения отраслях человеческой деятельности наступил полный застой; расстройство всего аппарата управления, было настолько же полным и грандиозным, как это наблюдалось в России во время великой всеобщей забастовки 1905 года. Но в ирландской забастовке была одна совершенно новая и доселе невиданная особенность. Повсюду, как в небольших городах, так и в крупных промышленных центрах — в Голвее (Galway) и Лимерике, в Уотерфорде (Waterford) и Корке — организованные массы рабочих и трудящихся, руководимые представителями своих союзов, распустили органы местного самоуправления (городские и провинциальные советы). Они поступили так, несмотря на то, что почти все эти органы, в которых, в течение предшествовавшего полугодия, синфейнеры (республиканцы) получили большинство и преобладающее влияние, порвали всякую связь с английским министерством внутренних дел, перестали подчиняться его распоряжениям и заявили о своем намерении считаться лишь с теми инструкциями, которые будут исходить от тайного комитета внутренних дел «Dail Eireann», нелегального и революционного ирландского парламента. Таким образом, они сами стали уже нелегальными и революционными органами.

Борясь за спасение жизни людей, являвшихся лишь представителями националистической, чисто-буржуазной, революционной идеологии, ирландские рабочие, в то же время, считали необходимым распустить националистические, революционные учреждения. А учреждения эти до сих пор являлись самыми лучшими и верными выразителями этой идеологии и действительными представителями ирландского народа в его борьбе. Повсюду рабочие срывали революционное знамя, — трехцветное оранжево - бело - зеленое знамя Ирландской Республики. А ведь до сих пор каждый честный ирландец считал своею высшей обязанностью открыто защищать это знамя, хотя это влекло за собой аресты, притеснения и жестокие репрессии со стороны наемников Великобритании.

Вместо республиканских городских и провинциальных советов в целом ряде мест безболезненно возникли и существовали — от трех дней до одной недели — советы депутатов рабочих или трудящихся (Councils of Workers or Labourers Deputies), а вместо республиканского трехцветного флага появилось красное знамя рабочих.

Это движение сразу пошло на убыль, и указанные явления исчезли столь же быстро, как и возникли, когда английское правительство оказалось вынужденным позорно сдать свои позиции и освободить, после длительной голодовки, несчастных узников. Но и в то время, когда все это происходило, и после этого, никто, как будто, не обратил внимания на силу и значение новых тенденций, проявившихся в ходе событий. И лишь немногие сумели извлечь из происшедших событий некоторые уроки.

А между тем, этот опыт может и должен быть использован. Ибо это лишь наиболее яркий и наиболее очевидный симптом из целого ряда симптомов, которые, в своей совокупности, указывают марксистам и коммунистам единственно правильный путь для понимания современного положения Ирландии. Эти новые факты, наряду с многими другими, менее значительными фактами, указывают, что в Ирландии, как это было и в России за пятнадцать лет до Февральской революции, зарождаются *две революции*. Одна из них, по своему существу,—буржуазно-идеалистическая, другая—пролетарская и материалистическая. Одна, хотя еще и не закончившаяся, является последней ступенью в процессе длительного и постепенного развития общего национального восстания. Другая носит определенно классовый характер, развивается в несравненно более быстром темпе и, вероятно, догонит первую в течение каких-нибудь 15—20 лет. Первая революция уже не заключает в себе опасности для существования буржуазного английского государства в будущем. Тогда как другая, впервые за все время борьбы против английского ига, открывает прямую дорогу, с одной стороны—к сердцу капиталистической Англии, а с другой—к окончательному освобождению ирландских рабочих и крестьян.

Одновременное существование этих двух революционных движений, более быстрое развитие *пролетарского* сознания за счет об-

щего *национального* сознания,—все это достаточно ясно указывает на приближение периода диктатуры пролетариата в Ирландии и делает положение в Ирландии особенно интересным и понятным для русских товарищей.

* * *

Ирландия является во многих отношениях Россией в миниатюре. Представляя собой обширную равнину, разбитую на мелкие участки-фермы, обрабатываемые, в буквальном смысле слова, голодными и босыми безземельными батраками, она носит все отличительные черты отсталой или искусственно задержанной в своем развитии земледельческой культуры. Там и сям разбросаны отдельные оазисы промышленности, в виде больших городов, где сельские рабочие-бедняки, не пользуясь защитой могущественных трэд'юнионов, попадают в лапы безжалостных эксплуататоров. Высший класс, пользующийся неограниченной политической властью в стране, долгое время задерживал рост туземной промышленности, из боязни, что она станет конкурировать с английской. А в настоящее время, в силу подобных же побуждений, он противится передаче даже частицы своей власти национальному парламенту, состоящему из представителей буржуазии и интеллигенции. Простой народ всюду, даже в пользующейся особым покровительством англо-шотландской колонии Ульстере (Ulster),—невежествен, некультурен и находится всецело во власти ребяческих суеверий католицизма или фанатически ограниченного протестантизма. Интеллигенция, благодаря общему гнету, донные тесно связана с народом и обладает многими привлекательными национальными чертами, но также и пороками—как, напр., пьянством, привычкой к умственной распущенности, политической безответственностью и неустойчивостью, и, наконец, постоянной склонностью к религиозному мистицизму. Значительный класс фермеров, искусственно созданный в течение последних 30 лет парламентскими актами, раздробившими крупные поместья, долженствующий служить социальной опорой чужеземному—английскому—господству. И эту роль он блестяще выполнял вплоть до самого последнего времени. Во всех этих явлениях, характерных для старой Ирландии, наши русские товарищи найдут чрезвычайно много общего со своей старой матушкой Россией.

Отсюда вполне понятно, почему все попытки буржуазии и интеллигенции создать подлинное национальное движение за освобождение—начиная с восстания Уольфа Тона (Wolfe Tone) в 1798 году и кончая дублинским восстанием на пасхе 1916 года—всегда подавлялись в крови или терпели фиаско. Понятно, почему лишь появление совершенно нового массового движения, характерного для капиталистической эпохи, лишь пробуждение социалистического сознания среди пролетариата впервые смогло вызвать у всего ирландского народа такой небывалый и доселе неслыханный в Ирландии порыв—с целью завоевания свободы.

Двадцать лет тому назад, когда вожди международного рабочего движения полагали, что практическая подготовка перехода к социализму есть дело еще весьма отдаленного будущего; когда лозунг «диктатура пролетариата» ими еще либо вовсе не выдвигался, или, если и выдвигался, то без всякого понимания его истинного смысла,—ирландский рабочий и марксист Джэмс Коннолли, ценою тяжких усилий и лишений достигший ясности классового сознания, основал маленькую революционную газету «Рабочая Республика» («The Workers' Republic»). В этой газете он проводил ту мысль, что Ирландия может стать независимой от английского капитала лишь путем борьбы, отвечающей данным условиям; что Ирландия должна быть либо настоящей рабоче-крестьянской республикой, либо совсем не будет существовать. Десять лет спустя, после того, как Коннолли пожил в Соединенных Штатах и усвоил уроки старого вождя Де Леона, он понял, что таков именно неизбежно будет *повсюду* процесс исторического развития. Он снова стал высказывать свои взгляды в рабочей печати, положив эту идею в основу своей практической деятельности. Деятельность эта заключалась в привлечении всех сознательных и социалистических элементов из среды рабочих и интеллигенции к делу организации профессиональных союзов для широких народных масс. При этом он имел в виду, что когда народные массы поймут пользу совместной борьбы профессиональных союзов и социал-демократов против капиталистов, их легко будет повести и далее по революционному пути.

Неожиданный успех выпал на долю этого движения, в особенности, когда оно, несмотря на разгром забастовки транспортных рабочих в Дублине в 1913 году, потекло по новому руслу и охватило сначала неквалифицированных рабочих, а затем и бедное трудящееся население сельских местностей. В виду этого Коннолли, подобно большинству последователей Де Леона, стал ошибочно думать, что будущий строй должен основываться исключительно на местных советах профессиональных союзов (Councils of Trade Unions). Предположение это было, во всяком случае, недалеко от истины в стране, где профессиональные союзы не успели еще сделаться бюрократической организацией в такой мере, как в Англии. Коннолли противополагал—еще задолго до войны—«рабочую республику» этого типа той «демократической республике», о которой мечтали самые «левые» из революционных интеллигентов; он доказывал, далее—уже во время империалистической войны,—что этот лозунг может быть применен на практике и не является лишь общим местом, «революционным мифом» à la Сорель. Таким образом, не подлежит

сомнению, что Коннолли раньше, чем кто-либо другой, близко подошел к той великой истине, которая была окончательно открыта В. И. Лениным в апреле 1917 года в его тезисах о роли советов.

Накануне войны, наряду с добровольческими армиями, организованными англофилами (унионистами) в Ульстере—с одной стороны, и их противниками (националистами) в остальной части Ирландии—с другой, Коннолли основал в Дублине самостоятельную «гражданскую армию», доступ в которую был открыт только организованным рабочим, которые сами же избирали своих офицеров. В случае столкновения между буржуазными армиями—что казалось вероятным в июне 1914 года—рабочая милиция должна была помочь националистам разбить приверженцев английской буржуазии. Но, в то же время, она сохраняла за собой право на последующие самостоятельные действия в пользу рабочих. Возгоревшаяся империалистическая война, военные обстоятельства и соглашение, заключенное между ирландской буржуазией и английской—не позволили пролетарскому движению развиться в этой форме. Неудачное восстание 1916 года, которое опиралось, главным образом, на это движение (из, прибл., 1400 вооруженных солдат Ирландской республики 1100 принадлежали к «гражданской армии»), подвергло деятельность Коннолли, так же, как и его самого, кровавым репрессиям со стороны английского правительства.

Несмотря на это, деятельность «Liberty Hall»—центрального учреждения, об'единяющего все профессиональное движение,— успешно продолжалась во время войны как до восстания, так и после него. Профессиональная организация сельских рабочих (из которых 10 человек на 1000 входили в профессиональные союзы) послужила, в частности, для первого их ознакомления с политической борьбой, вновь ожившей в 1918 году, и для развития согласованной и планомерной деятельности, когда борьба эта, в следующем году, превратилась в настоящую революцию в общенациональном масштабе.

Восстание 1916 г. представляло собой отчаянную и безнадежную попытку спасти ирландские массы от участия в империалистической бойне — путем насильственного привлечения их к борьбе за национальную независимость. Попытка потерпела полную неудачу, подобно многим прежним попыткам, так как, вопреки ожиданиям некоторых революционеров-оптимистов, ни безучастные и настроенные враждебно к революции массы, ни далекая и слишком занятая своими делами империалистическая Германия не пришли на помощь революционерам. Однако, диалектика исторического процесса превратила это тяжелое поражение в источник и исходный пункт нового, до сих пор еще не закончившегося движения, в гораздо более широком и более внушительном масштабе, чем это могли себе представить сами дублинские инсургенты.

Британское правительство приняло против вожаков восстания кровавые репрессивные меры. Оно возбудило судебное преследование против наиболее видных вождей рабочего движения, — как в центре, так и на местах,—известных своим участием в революционном движении. Наконец, в 1918 г. оно имело бесстыдство пытаться навязать ирландскому народу обязательную воинскую повинность. Несмотря на то, что ирландцы в 1914 г. отказались на время войны от проведения в жизнь гомруля, лишь под тем условием, чтобы их за это избавили от подобных повинностей. Эти и другие, подобные им, жестокие уроки породили в массах то настроение, которого не смогли вызвать своими призывами повстанцы 1916 года.

Начавшись осенью 1918 года с национальной демонстрации протеста и найдя себе выражение в ошеломляющих успехах республиканской партии («синфейнеров», составлявших до 1916 г. незначительную группу интеллигентов) на общих выборах в декабре 1918 г., движение стало переходить от одной победы к другой. Наконец, оно достигло тех колоссальных размеров, о которых свидетельствуют все сообщения «с ирландского фронта» в ежедневной прессе в течение последних девяти месяцев. Существование самостоятельно организованной центральной и местной власти, которая, как было выше указано, взимает налоги и заключает займы; подпольное существование республиканской армии, с вполне налаженным аппаратом управления и с военными штабами, представляющей собою вооруженную силу (вооруженную по настоящему—винтовками и пулеметами) численностью не менее 200 тысяч человек, охватывающей всю страну (все непротестанские области страны, т. е. провинции Мёнстер, Линстер, Коннот и Ольстер); наличие целой сети республиканских «нелегальных» судов, к которым обращается все население — в том числе и англофильские элементы и даже великобританские страховые общества; ежедневные приостановки железнодорожного движения, благодаря отказу рабочих перевозить вооруженных солдат или полицейских; организованные революционные действия, вроде разрушения в течение одной ночи 50 полицейских бараков, или 100 учреждений для сбора подоходного налога; выход в отставку в течение четырех месяцев четвертой части (5,000) общего числа британских чиновников; голодовки политических заключенных, принимающие характер героической борьбы; и — как оборотная сторона медали, деятельность британской оккупационной армии (численностью, по меньшей мере, до 50 тысяч) и черносотенной полиции в качестве героев деяний чисто уголовного и погромного характера. Все это служит доказательством того, что весь народ (в первый раз за всю историю ирландского национального движения) выступил на арену борьбы и напрягает в ней всю свою энергию.

Но для коммунистов всего мира наиболее важен тот факт, что под внешней, националистической оболочкой этого движения, под политической деятельностью этих De Valeras и Dail Eireann сокрыто здоровое ядро, состоящее из революционных пролетариев — наследников традиций Коннолли, борющихся за Советскую революцию. В самом начале современного периода, во время агитации против мобилизации в Ирландии в 1918 г., главную роль в округах сыграли местные комитеты «Ирландского Транспортного и Общего Рабочего Союза». В день национальной демонстрации-протеста, они организовали широкую забастовку, которая хотя и не превратилась во всеобщую, но, без сомнения, подготовила почву для великой всеобщей забастовки 1920 г. Непосредственно вслед за заключением перемирия на империалистических фронтах и накануне общих выборов в декабре 1918 г. Ирландская Рабочая партия и Конгрес профсоюзов (в котором вышеупомянутый союз играет руководящую роль, и его вожди, благодаря деятельности Коннолли, являются не бюрократами, а социалистами, ставшими революционерами в силу самих обстоятельств), в данном частном случае, решили поддержать партию синфейнеров и ограничить число своих собственных кандидатов, путем соглашения с этой партией. Это было сделано единственно с целью добиться возможно полного выражения национальной воли к независимости, — что является необходимым этапом на пути к революции.

Менее чем через шесть месяцев, летом 1919 г., революционному пролетариату уже представился случай показать своему противнику, революционной буржуазии, что он знает, где лежит, в действительности, политический центр тяжести, и что в прошлом декабре он действовал в полном сознании своих классовых задач.

В июне 1919 года во всей юго-восточной части страны вспыхнула забастовка сельскохозяйственных рабочих. Зажиточные фермеры, те самые, которые с 1917 г. пополняли своими денежными взносами фонды синфейнеров, а сыновья которых служили офицерами в армии синфейнеров, коренным образом переменили фронт. Ибо Англия стала угрожать им отнятием рабочей силы для нужд армии, что лишило бы их огромных барышей, наживаемых ими, за счет английских рабочих, на производства предметов продовольствия. И фермеры снова стали обнаруживать реакционные тенденции и обратились за помощью к британским военным властям. Когда эти последние, в ответ на их просьбу, послали солдат для уборки жатвы, железнодорожники отказались грузить и перевозить зерно. Когда затем снова была призвана военная рабочая сила для восстановления порядка, дублинские транспортные рабочие и южная почта забастовали. В конце концов, фермеры вынуждены были уступить.

Другим типичным проявлением того духа, которым проникнуты широкие рабочие массы, образующие авангард современной революции, может служить история героической борьбы из-за молока и молочных продуктов. Экспорт этих продуктов составляет один из самых важных источников дохода для капиталистов-землевладельцев Ирландии. Зажиточные фермеры, которые во время войны стали во главе республиканского движения, привыкли экспортировать, ни с чем не считаясь, наибольшую часть своих продуктов на английский рынок. На долю ирландских рабочих и крестьян оставалось совершенно недостаточное для них количество, да и то по неслыханным ценам.

Весною 1920 г. рабочие в Крокэльве и в ряде других деревень захватили молочные заведения, совершенно таким же способом, как 6 месяцев спустя итальянские металлисты захватили заводы. С тою, впрочем, разницей, что ирландские батраки с энтузиазмом стали на защиту рабочих и помогали им вести эти предприятия, называвшиеся «советскими молочными». В конце концов, в Дублине была созвана чрезвычайная конференция профессиональных союзов, которая избрала контрольную комиссию для установления количества и цен всех подлежащих экспорту продуктов питания. Лишь когда фермеры и экспортеры согласились подчиниться постановлениям этой комиссии, рабочие решили возвратить молочные и другие предприятия их владельцам.

Как и следовало ожидать, наряду с этим переходом революционного движения на экономическую почву — переходом, который в политической области нашел себе выражение в замене (внешней весной) республиканских советов — советами рабочих — проявилось столь же ясно выраженное пролетарское сознание у солдат республиканской армии. В этой армии между нижними чинами и офицерством существует такая же социальная грань, как и во всякой другой армии, организованной буржуазией. Ни для кого не секрет, что только постоянное наличие угрозы насилием со стороны оккупационной армии и Королевской ирландской полиции предотвращает окончательное разделение вооруженных сил революции по линии, наметившейся в 1914 году и уже достаточно ясно определившейся в экономической и политической области. Рано или поздно, когда советы рабочих депутатов вновь появятся в критический момент на исторической арене, они будут пополнены депутатами гражданской армии или красной гвардии — если не до момента фактического свержения английской власти, то в самый этот момент или вскоре после него.

Чрезвычайно важно поэтому, что в Ирландии в настоящее-время существуют и ведут борьбу с современным строем два течения: одно — буржуазное, более слабое, черпающее силы лишь из более глубокого пролетарского потока, а другое — пролетарское, вполне созревшее, прежде всего, благодаря тем революционным условиям, в которых оно

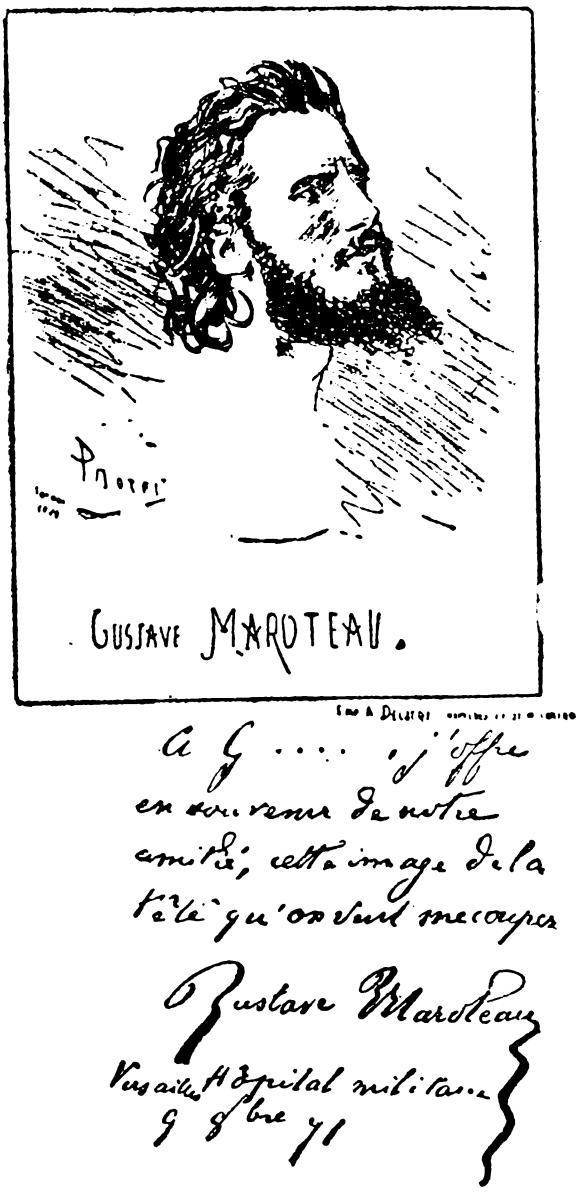
выросло, а также, в значительной мере, благодаря влиянию пролетарской революции в России. Представители второго течения вполне сознали свою задачу и закалили себя для последней борьбы.

Борьба эта может расчитывать на верный успех лишь в том случае, если могучая коммунистическая партия,—отсутствие которой будет чувствоваться все сильнее, по мере того, как массовое движение будет покидать националистическую почву—родится, наконец, из недр многообещающей Ирландской Рабочей партии и конгресса профсоюзов. Образованию такой партии должна быть оказана помощь со стороны мировой организации рабочих, со стороны Коммунистического Интернационала.

Что эта борьба начнется—это предопределено уже всем предыдущим ходом ирландской революции. Безразлично, произойдет ли это в момент великого столкновения между трудом и капиталом в Англии, или после образования меньшевистского, но volens-nolens благожелательного по отношению к ирландским требованиям рабочего правительства, — или, наконец, после победы действительно пролетарской революции в Великобритании.

Завтра, после-завтра, или в будущем году,—но независимая Ирландия, без сомнения, станет не буржуазно-демократическим государством, а Республикой Рабочих Советов.

Британский Коммунист.

„На память о нашей дружбе посылаю тебе изображение головы, которую хотят отрубить

Густав Маротo.

Версаль, Военный Госпиталь, 9 сент. 1871".

СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ В НЕМЕЦКОЙ АВСТРИИ

Совет рабочих депутатов есть незаконнорожденное дитя революционной воли масс и оппортунизма социал-предателей.

Когда в январе 1918 года из начинавшихся массовых забастовок возникли первые легальные советы рабочих депутатов, то вожди социал-демократической партии постарались придать им желательный для них характер. Они хотели иметь в их лице такое орудие, при помощи которого они могли бы подавлять революционные массовые движения и тормозить самопроизвольно возникающие политические и экономические выступления рабочих. Первый же акт деятельности совета рабочих депутатов носил контрреволюционный характер. Положившись на заверения графа Чернина и на успокоительные заявления императорского правительства, совет рабочих депутатов приказал прекратить забастовку и до конца войны придерживался старого испытанного правила: «в ноги!». Совет рабочих депутатов создали для того, чтобы иметь на-готове пригодное оружие против ускользавшего из рук вожаков рабочего движения.

Революционное название должно было прикрыть контр-революционную контрабанду; революционными фразами было убито революционное дело.

В июне 1918 года стало обнаруживаться более радикальное течение. Был снова созван совет рабочих депутатов, на этот раз в соединении с уполномоченными округов социал-демократической партии (об'единенными на венской конференции), и это совместное заседание заглушило вновь обнаружившийся было под'ем. Благодаря этому рушился также нелегальный совет рабочих и солдатских депутатов, об'единявший все революционные группы. Он был создан непосредственно перед январьской забастовкой и вел систематическую пропаганду в пользу идеи советов, несмотря на свою численную слабость. Нелегальное пропагандистское ядро не могло возобновить своей деятельности; вожди, которые оставались еще на свободе, были арестованы. Только небольшие леворадикальные группы влачили существование, не имея возможности войти в контакт друг с другом. В начавшемся крушении октябрьских дней советы рабочих депутатов снова подняли голову.

В отдельных местах им удалось даже захватить в свои руки местную власть, разоружить гарнизон, состоявший в большинстве случаев из чужиземцев, и снабдить оружием рабочих. В то время, как Национальное Собрание устанавливало государственный строй Немецкой Австрии, владения старой немецкой монархии фактически распались на ряд независимых друг от друга округов с монархической диктатурой, пролетарских советских республик или национально-клерикальных кулацких или народных советов. Все эти образования об'единялись в одну слабосвязанную федерацию. Так возник Капфенбергский пролетарский «Комитет Общественного Благополучия», который ставил даже собственную печать на марки, чтобы засвидетельствовать этим свою суверенную власть. Можно указать, далее, на совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Тернице, власть которого охотно признали крестьяне из окрестных деревень. (Он выдавал разрешения на право ввоза и вывоза скота и принуждал владельцев вилл Земмерингского округа нести расходы по содержанию красной гвардии). Точно также и в Нейштадте (часть Вены) влияние советов рабочих депутатов было довольно велико. Вооруженные рабочие охраняли железнодорожный участок, и напуганная буржуазия подчинялась всем их распоряжениям. Если бы социал-демократия сохранила в себе хотя бы каплю революционного духа, ее задачей в то время должно было бы быть об'единение этих местных движений в одно общее движение. Она должна была бы попытаться повсюду захватить власть в свои руки при помощи советов рабочих депутатов. Опираясь на массовое движение вооруженных пролетариев из красной гвардии и народной милиции, учитывая тот факт, что рабочий класс представлял единственную организованную силу в Немецкой Австрии, в то время как реакционные элементы утвердили свою власть только в некоторых отсталых областях, — социал-демократия могла и должна была бы установить диктатуру пролетариата. Но премудрые дипломаты и государственные мужи из социал-демократии продолжали вести соглашательскую политику, сохраняя гражданский мир и поддерживая коалицию с буржуазией. В то время, как рабочие Флоридсдорфа 12 ноября 1918 года устроили демонстрацию, требуя установления социалистической республики, социал-демократическая партия провозгласила демократическую и буржуазную республику. Она проповедывала воссоздание капитализма, как единственную программу. Однако, оппозиционное настроение в массах усилилось: совет рабочих депутатов Линца взял на себя инициативу об'единения советов. Против воли социал-демократических вождей, усматривавших в советах только орудие и

орган социал-демократической партии, было отменено реакционное постановление, гласившее, что только социал-демократы могут состоять в совете рабочих депутатов. (Благодаря именно этому постановлению, первые пропагандисты идеи советов были исключены из состава советов).

В феврале был создан временный центральный комитет, расширившийся позднее в центральный совет. В то же время руководители социал-демократической и коммунистической партий, комиссия профессиональных союзов и некоторые, стоящие правее, организации, как, например, имперский женский комитет, собрались для совместного совещания. Центральный совет, первая форма междупартийного совета рабочих депутатов, был создан на контр-революционных основаниях. В Баварии, несмотря на предостережния коммунистов, возникла якобы советская республика независимых. В Венгрии социал-демократия вынуждена была отказаться от своего прошлого и отбросить половинчатую диктатуру, после того, как ее сотоварищи по коалиции утратили охоту вступать с ней в коалицию. Первым актом венгерской диктатуры пролетариата было обращение к соседним странам. Временное имперское правительство советов рабочих депутатов приветствовало венгерский пролетариат. Однако, приветствие это не соответствовало духу обращения. Вопреки голосам коммунистов, представительство «рабочего класса» постановило отказаться от насильственного захвата власти пролетариатом. Когда 17 апреля 1919 года безработные и возвратившиеся домой солдаты устроили демонстрацию и обратили в бегство выступившую против них республиканскую полицию, центральный совет выразил коммунистам свое порицание. Когда 15 июня 1919 года коммунистическая партия решила сделать последнюю отчаянную попытку, чтобы путем выступления рабочего класса Немецкой Австрии спасти Советскую Венгрию, то именно совет рабочих депутатов своим вмешательством запормозил выступление революционных масс и, благодаря воззванию Фридриха Адлера, развязал руки контр-революции в ее борьбе с коммунистами. «Никакой пощады коммунистам!». Призыв Фридриха Адлера был выполнен полицейскими белогвардейцами, несмотря на то, что коммунистическая партия накануне отказалась от активных действий. Погибшие 15 июня пали жертвой изменнической политики большинства совета рабочих депутатов. Но жертвы были принесены не даром... Лозунги коммунистов захватили рабочие массы, и под их влияниям организуется демонстрация 23 июля, требующая сохранения Советской республики. Это была первая революционная демонстрация всего рабочего класса, ибо она состоялась вопреки воле руководящих органов социал-демократической партии, под давлением фабричных рабочих. Но уже было поздно. Ибо, благодаря предательству венгерской социал-демократии, угрозам и обещаниям Антанты, а также благодоря недостатку решимости у некоторой части коммунистов, пала Советская Венгрия. Австрийский совет рабочих депутатов, который только что на своем имперском с'езде обсуждал вопрос, созрела ли Немецкая Австрия для советской республики, сделался вспомогательным органом буржазного государства. Некоторые, особенно лукавые социал-патриоты хотели даже узаконить его и путем привлечения буржуазии расширить в постоянное представительство для защиты экономических интересов пролетариата, как это рекомендовал бывший в то время статс-секретарем по внутренним делам Маттиас Эльдерш.

Совет рабочих депутатов превратился в свою собственную каррикатуру; его члены исполняли «положительную» работу в жилищных комиссиях, в продовольственных организациях, в качестве комиссионеров и других вспомогательных органов в учреждениях «демократии». Профессиональные союзы всеми силами старались саботировать совет рабочих депутатов. Когда усилилась реакция, Фридрих Адлер готов был заставить совет пойти на капитуляцию. Желая произвести массовую демонстрацию, он хотел созвать соединенное заседание совета рабочих депутатов и лидеров партии. Кроме того, он предполагал создать учреждение, находящееся под контролем профессиональных организаций «Унион» («Union»), по швейцарскому образцу,— чтобы противопоставить его совету рабочих депутатов. Но тут вмешались коммунисты. Они покинули собрание «Унион'а», и этот союз распался. Совет рабочих депутатов был спасен.

Демонстрация против реакции состоялась 13 марта. Весь рабочий класс, включая пролетариев в военной форме, демонстрировал против той опасности, какою угрожала реставрация Габсбургов или Хорти. Совет рабочих депутатов захватил руководство в свои руки и крепко держал его. Правда, коммунисты должны были все время стоять на-стороже, чтобы помешать использованию советов рабочих депутатов для контр-революционных непролетарских актов. Так, когда в мае социал-демократы хотели мобилизовать совет рабочих депутатов для проведения проекта поимущественного налога, внесенного австрийским статс-секретарем по финансам, то коммунисты протестовали против такого злоупотребления организацией советов. И в результате, произошли две отдельные демонстрации: демонстрация социал-демократов в пользу нужд государства и демонстрация коммунистов за вооружение рабочих. Когда нависла опасность конфликта между Советской Россией и Польшей, коммунисты энергично потребовали прекращения доставки снаряжения; при этом они натолкнулись на сопротивление Фридриха Адлера, заявившего, что существующие *договоры о доставке оружия должны быть выполнены*. И только позже, когда война уже разразилась, и возникла опасность

возможного нападения Венгрии на Австрию, была создана контрольная комиссия совета рабочих депутатов, чтобы упорной, планомерной, хотя отчасти уже и запоздалой, работой помешать вывозу в Польшу оружия для братоубийственной войны. Тем не менее, совет рабочих депутатов выполнил в этом отношении большую и систематическую работу. Точно также, во время блокады профессиональными союзами Венгрии Хорти, советский аппарат проявил себя блестяще. Но если блокада и рухнула, то повинна в этом не столько недостаточная помощь делу со стороны части средне-европейского рабочего класса, сколько то обстоятельство, что бюрократия профессиональных союзов, под давлением статс-секретаря по иностранным делам, д-ра Реннера, с первого же дня вступила в сношения с венгерскими белогвардейцами и этим надломила главную опору бойкота. Масса австрийских рабочих, даже ее крайне-правые элементы, выполнили с честью свой пролетарский долг. Уже до об'явления бойкота состоялось заседание избранного надлежащим образом имперского совета рабочих депутатов. Правда, вопрос о вооружении рабочих остался больше в области пожеланий, а не действительности. Однако, заседание имело крупное значение, ибо большинство совета рабочих депутатов высказалось против коалиционной политики и укрепило систему советов. В то же время оно установило и провело выборы в советы рабочих депутатов в таких отсталых областях, которые, как Штирия, не имели ранее советов. Советы рабочих депутатов в Немецкой Австрии стоят перед большими и трудными задачами. Контрреволюция собирается с силами, вооруженные охранные отряды реакционных крестьян, вооруженные офицерские дружины готовятся предпринять попытку реставрации Габсбургов. Необходимо вооружить пролетариат к этой предстоящей борьбе, дабы он был готов к решительному часу. Не избирательный бюллетень может решить это дело, не 17 Октября, день выборов в Национальное Собрание, мог бы явиться решающим днем. В тот момент, когда внешняя и внутренняя контр-революция, когда Хорти и охранные отряды перейдут к открытой борьбе, тогда совет рабочих депутатов станет тем *фокусом, в котором сосредоточится сопротивление всего рабочего класса.* Он станет руководящей силой пролетариата. Не помогут ни дискуссии с буржуазным классовым врагом, ни компромиссы с товарищами по коалиции наших вчерашних и завтрашних социал-демократов. Нет, рабочий класс сам должен будет решить свою судьбу в чуждой всяких компромиссов борьбе, «со всею силой и вооруженной рукой». Но если бы вождям старой партии удалось, при помощи заимствованной у коммунистов безусловной фракционной дисциплины, сделать совет рабочих депутатов своим орудием, орудием соглашательской политики, тогда совет рабочих депутатов был бы, конечно, сильнейшим образом скомпрометирован.

Политика «старых испытанных социал-патриотов» клонится к тому, чтобы при помощи победы над коммунистами на предстоящих выборах в советы, путем уничтожения всяких попыток к оппозиции в собственных рядах, расчистить себе дорогу к новому вступлению в буржуазное «демократическое» правительство. Поэтому многочисленной компании бывших и будущих министров нужно найти средство для запугивания буржуазии, дабы побудить ее к заключению нового договора с социал патриотами *„на приемлемых условиях"*. Социал-демократия нуждается для этой цели в совете рабочих депутатов. Правда, в таком совете, который был бы инструментом, на котором она могла бы играть *все* мелодии, начиная с грозного воинственного гимна классовой борьбы и кончая нежной привлекательной песней для возобновления сношений с классовыми врагами. Но если бы оппортунистам удалось устранить на выборах коммунистов, как соопределяющую силу, то величайшая опасность угрожала бы если не самому коммунизму, то, во всяком случае, существованию совета рабочих депутатов, как пролетарского органа. Преобразовать совет рабочих депутатов в *настоящий* совет—вот лозунг Коммунистической партии и всех революционных рабочих, стоящих далеко за пределами организационных рамок наших кадров.

Совет рабочих депутатов будет орудием классовой борьбы, он будет революционным—или перестанет существовать, он завоюет победу или погибнет в стоячем болоте коалиции. Решающее слово принадлежит рабочему классу.

Франц КОРИЧОНЕР.

БАЛКАНЫ НА ПОРОГЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Балканская война 1912 г. была предвестницей империалистической мировой войны. Война эта велась не за освобождение и не за об'единение балканских народностей, а была завоевательной войной за раздел турецкого наследства на балканах, за новые рынки и за новые торговые пути для балканской буржуазии. Последняя, однако, замаскировала действительные цели войны национальными идеалами, и ей удалось погнать народные массы в бой. Так называемый Балканский Союз образовался под протекторатом России и Антанты. Но Болгария, центр Союза и его агрессивной политики, потерпела полное поражение. Союзники перессорились при дележе добычи. Македония, где проживает около миллиона болгар, была завоевана Сербией. Национальное об'единение болгарского народа достигнуто не было. Так было посеяно семя новой войны—реванша.

Бывшая Болгарская Социалистическая Рабочая Партия, ныне Болгарская Коммунистическая Партия, противилась решительным образом этой, так называемой, народной войне. Тоже делала родственная партия в Сербии. Предсказания обеих партий относительно исхода войны сбылись. Но балканская война была войной не только между балканскими народами. За кулисами ее принимали участие обе империалистические группы: Антанта, желавшая использовать Балканский Союз в качестве своего послушного орудия, и Тройственный Союз центральных держав, который стремился разгромить Балканский Союз, усилить Турцию и перекинуть через Балканы мост в Константинополь. Поражение Болгарии бросило ее династию и правительство в лагерь центральных держав. Они сделались во время великой империалистической мировой войны слепым орудием в руках Тройственного союза. Но в этой войне Болгария потерпела еще большее поражение. Вот итоги: 200 тысяч убитых, 200 тысяч инвалидов;—400 тысяч человек, т. е. половина всего трудоспособного населения, в возрасте от 20 до 50 лет, выбыло из строя. Промышленность Болгарии, поскольку она существовала, была уничтожена войной. Земледелие потеряло не только рабочих, но и большую часть живого инвентаря (волов), ценность коего, при тех первобытных условиях, в которых находится земледелие в Болгарии, не поддается оценке. Сельско-хозяйственный инвентарь износился, а возможности обновить его нет. Транспорт—железно-дорожный и гужевой—испорчен и нет средств его исправить. Экспорт земледельческих продуктов стал невозможен. Вследствие указанных причин, в стране экономический кризис, обостряющийся со дня на день. Во вне он выражается все растущей дороговизной и обесценением болгарских денег. Дороговизна принимает грандиозные размеры: цены на хлеб возросли в 10 раз; на мясо, молоко, масло и сало—в 20 раз; на одежду и обувь—от 25 до 30 раз по сравнению с ценами довоенного времени. Заработная же плата поднялась лишь в 3—5 раз. Доходы малоимущих крестьян (т. е. тех, у которых земли так мало, что она или не в состоянии их прокормить вполне, или прокармливает только с большим трудом, так что о продаже на рынок не может быть и речи), заметно сократились. Положение рабочих и малоимущего крестьянства ухудшилось, и нужда возрастает с неудержимой силой. Рабочие и малоимущие составляют большинство населения Болгарии. Промышленных рабочих, рабочих в мелких мастерских и батраков более чем 400 тысяч человек, а малоимущих крестьян, вместе с их семьями, $^3/_4$ всего деревенского населения. Мы представляем собою страну, где подавляющее большинство владельцев—мелкие крестьяне. После империалистической войны Болгария была ввергнута в такие условия жизни, что в рамках капиталистического строя она не в состоянии дальше развиваться.

Война сильно отразилась и на финансовом положении Болгарии. Государственный долг равняется сейчас 30 миллиардам—это при оценке народного состояния в 1911 году в $10^1/_2$ миллиардов! Смета расходов—5 миллиардов, а доходы $1^1/_2$ миллиарда, несмотря на то, что налоги увеличились в $5^1/_2$ раз. Бумажных денег выпущено на $3^1/_2$ миллиарда, при обеспечении золотом в 40 миллионов приблизительно.

Следствием экономического и финансового потрясения является обесценение болгарских денег. Болгарский лев стоит теперь только 7 швейцарских сантимов. Благодаря этому товарообмен с другими странами невозможен. Невозможно также ввозить машины, которые однако в высшей степени необходимы для восстановления промышленности.

Что же делает буржуазия в то время, когда положение так печально и отчаянно? Она приумножила за время войны, которая оказалась для нее хорошим гешефтом, свои богатства. В 1911 году в распоряжении болгарских банков было 100 миллионов лев. Во время и после войны в Болгарии было осно-

вано более ста банковских учреждений, и вложенный в них капитал равен был 1 миллиарду лев. Но собранные капиталы болгарская буржуазия употребила не на полезные цели, хотя все время и кричала о необходимости под'ема промышленности; деньги пошли на торговлю и спекуляцию. Скупая все продукты сельского хозяйства, предметы питания и сырье, буржуазия монополизирует в своих руках торговлю, произвольно вздувает цены и спекулирует. От этого дорожает жизнь и увеличивается нужда рабочего класса. Одним из главных последствий войны было то, что кучка капиталистов, банкиров и спекулянтов обогатилась, а народ в массе обеднел. Социальная пропасть между буржуазией, с одной стороны, и пролетариатом и мелким собственником, с другой, стала еще глубже. Это обострение социальной розни послужило причиной усиления классовой борьбы в Болгарии.

Болгарская буржуазия себя совершенно скомпроментировала. Во время балканской войны политика руссофильских, а, следовательно, и антантофильских буржуазных партий потерпела поражение; во время мировой войны политике ее противников, приверженцев Тройственного Союза, также не повезло. Национализм—единственное политическое и идейное знамя болгарской буржуазии—окончательно рухнул. У буржуазии теперь нет лозунгов, и она не пользуется у народных масс никаким доверием. Она остается во главе правительства и сохраняет власть благодаря военной и политической диктатуре. Она сыграла свою роль и должна сойти с исторической сцены, чтобы дать дорогу новым, поднимающимся революционным классам — рабочим и мелким собственникам.

Экономический и политический кризис не ограничился только Болгарией. Несмотря на то, что Юго-Славия и Румыния вышли из войны победительницами, они также были захвачены им. Сербия потеряла в этой войне половину своего населения, была совершенно разграблена и разрушена. Только небольшой кучке спекулянтов, которые рисовались своим патриотизмом, удалось извлечь выгоды из победы и завладеть колоссальными богатствами. Лучшим показателем острой нужды, в которой очутился сербский народ, может служить быстрое развитие коммунистического движения в этой стране. Недовольство условиями жизни выражают не одни только рабочие и мелкие собственники. Националистическая политика сербской буржуазии, которая хочет, чтобы Сербия играла роль Пьемонта на Балканах, а свое политическое первенство намеревается, при помощи вооруженной силы, навязать кроатам, словакам, болгарам и боснякам, приведет к восстанию против нее угнетенных народностей. Победа Сербии — новое доказательство того, что национального освобождения и об'единения нельзя достичь на путях буржуазно-националистической политики. Экономический и политический кризис в Юго-Славии обостряется. Буржуазия, как и в Болгарии, не хочет, да и не может вывести народ из критического положения. Наоборот, она усиливает кризис все более и более. Скомпрометированная в глазах народных масс, она потеряла их доверие и держится у власти лишь благодаря диктатуре.

По Румынии также прокатился огненный вал войны. Благосостояние ее рабочих и крестьянских масс также потрясено. Румынские бояре (крупные помещики) все еще держат крестьян в крепостной зависимости. Капиталисты и бояре не дали после войны рабочим и крестьянам ничего, кроме новых налогов и еще большей эксплуатации. Поэтому-то ликование по поводу побед так скоро прекратилось.

Не лучше положение Греции. Она все еще не вышла из состояния войны, она все еще воюет за интересы лондонских банкиров и афинских буржуа.

Благодаря этой преступной и безумной войне, в которой Греция играет роль наемного агента Антанты, греческая буржуазия уничтожит в народных массах последние иллюзии, которые в них оставил издыхающий империализм. Поэтому то растет недовольство среди рабочих и среди малоимущего населения Греции.

Все балканские страны—Болгария, Юго-Славия, Румыния и Греция—в экономическом и финансовом отношениях вполне подчинены в настоящее время Антанте и превращены в ее колонии.

Классы, находящиеся у власти в балканских странах — верные слуги империализма Антанты, и за крохи от его богатой трапезы они продали самостоятельность своих народов.

Балканская буржуазия — для поддержки своего классового владычества внутри опирается на внешнюю помощь Антанты. Эта изменическая игра господствующих классов на Балканах будет последнею в ее исторической роли вообще. Ею они доказали, что их политика несет с собою несчастье и смерть всем балканским народам, которые начинают уже понимать, что свое освобождение получат они не от буржуазии.

Социалистические партии на Балканах все время боролись против националистической и воинствующей политики балканской буржуазии. Еще на первой социалистической балканской конференции в 1910 году в Белграде они стали ратовать за балканскую федерацию. Балканские народности живут до такой степени разбросанно и в перемежку, с этнографической точки зрения составляют такое mixtum compositum (сложная смесь), что об'единение их по народностям возможно лишь в пределах федерации. Но после империалистической войны и Русской революции стало ясно, что не демократическая республика, а победа Федеративной Советской республики на Балканах принесет освобождение рабочему классу и на самом деле об'единит

балканские народности. Другими словами, подтверждается правильность точки зрения, на которой стояли социалистические балканские партии, говоря, что национальное освобождение угнетенных народов возможно лишь в результате социальной революции. В январе 1920 года в Софии собрался новый—третий с'езд коммунистических балканских партий, на котором было положено основание Балканской Федерации. Задача Балканской Коммунистической Федерации состоит в учреждении на Балканах Социалистической Федеративной Советской Республики, что возможно только при условии, если все коммунистические партии на Балканах будут действовать согласованно, и при условии совместной революционной борьбы рабочих и мелких собственников. Конечная же цель балканских коммунистов, равно как и коммунистов всего мира—основание федерации социалистических советских республик всего мира.

Болгарские, юго-славские и греческие коммунистические партии присоединились к III Интернационалу. Они признают его тезисы и 21 условие присоединения, выработанные II Конгрессом Коммунистического Интернационала. Одна лишь Румынская Социалистическая Партия еще официально не присоединилась к Коминтерну. Но ее левое крыло побеждает, и таким образом можно предполагать, что и эта партия скоро присоединится к мировому штабу коммунизма. Коммунистические балканские партии не терпят в своей среде ни реформистов, ни центристов, т. е. они решительно борются против так называемого центра, который в настоящий момент является самым заклятым врагом идеи воссоединения международного пролетариата под знаменем коммунизма. Центр вносит смятение в ряды рабочего класса. К счастью, в среде коммунистической партии Болгарии нет ни оппортунистов, ни центра. В югославской партии на последнем конгрессе центр остался в незначительном меньшинстве, несмотря на то, что вождь его—Драгиша Лапчевич (Lapischewitz)—до последнего времени пользовался большим уважением. В румынской партии рабочие идут за левым крылом.

Националистическая, завоевательная и воинствующая политика балканской буржуазии и империалистическая война поставили балканские народности лицом к лицу с глубоким экономическим и политическим кризисом. Господствующие классы не в состоянии избавить балканские народности от этого кризиса. Наоборот, своей разбойничьей и предательской политикой они еще более обостряют его. Поэтому революционная борьба рабочих и малоимущих классов на Балканах с каждым днем принимает все большие размеры. Балканские коммунисты не могут сказать, когда именно созданные буржуазией условия жизни окончательно толкнут народы на путь революции. Балканские коммунисты усердно работают над созданием *крепко-спаянной* и дисциплинированной организации, они без устали готовятся к тому, чтобы, под знаменем Коммунистического Интернационала исполнить свой долг в решительный час.

Хр. КАБАКЧИЕВ.

София.

„С 18 марта до вторжения версальских войск в Париж, революция пролетариев не была запятнана теми насилиями, которыми отличаются революции и, особенно, контр-революция „высших классов". Враги ее не смогли упрекнуть ее ни в чем, разве только в казни генералов Леконта и Клемана Тома и в стычке на Вандомской площади.

Бонапартовский офицер, генерал Леконт, участвовавший в ночной экспедиции против Монмартра, четыре раза отдавал 8-му линейному полку приказание стрелять по безоружной толпе на площади Pigalle; когда же солдаты отказались исполнить его приказание, он обругал их самым площадным образом. Вместо того, чтобы обратить оружие против беззащитных женщин и детей, они расстреляли его самого Укоренившиеся в них, в школе врагов рабочего класса, солдатские привычки не могли, разумеется, бесследно исчезнуть в них в ту же минуту, как только они перешли на сторону рабочих. Они же расстреляли и Клемана Тома".

Карл Маркс: „Гражданская война во Франции".

РАЗВИТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В НИДЕРЛАНДАХ.

Голландская Коммунистическая партия первоначально представляла собой оппозиционную часть Социал-демократической Рабочей партии. В отличие от других стран, в Голландии оппозиция сложилась в самостоятельную партию еще задолго до начала войны.

В большинстве стран коммунистические партии выросли на почве высоко уже развитого империализма, — Голландская Коммунистическая партия, рожденная на заре империализма опередила развитие экономической действительности, голландского пролетариата.

Она родилась, скорее, из чисто теоретического марксистского познания грядущего интернационального общественного развития.

Этим об'ясняется ее медленный рост. В связи с этим стоит и тот факт, что только после начала войны и ее воздействия на хозяйственное и политическое положение Голландии партия приобрела некоторое влияние на широкие массы.

II.

Началом рабочего движения в Голландии надо считать возмущение обездоленных пролетарских слоев мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, а также ремесленников и кустарей, самостоятельности которых угрожал быстро развивавшийся с 1870 года промышленный капитализм.

После неудачи, постигшей в парламенте основателя партии, Домелу Ньювенгейса, партия отказалась в начале 90-х годов от парламентаризма. Она подпала под влияние анархизма замкнулась в местные федеративные союзы, преследуя исключительно экономические цели.

Под руководством Трёльстра, как политика, и Ван дер Гуса, как теоретика, возникла в 1893 году из этого «старого движения» парламентская социал-демократическая рабочая партия, которой в конце прошлого столетия удалось создать фундамент для политически-самостоятельной, крепко спаянной рабочей организации.

Это политическое движение пролетариата находилось в тесной связи с возникшими одновременно с ним профессиональными союзами. Оно достигло кульминационного пункта своей действенности во время железнодорожной забастовки и связанной с ней всеобщей забастовки 1903 года.

Тогда выяснилось, что наивысшее напряжение сил всего голландского организованного пролетариата, на данной ступени его развития не в состоянии сломить воплощенную в государственной организации власть капитала.

Смутно предчувствуя эту роковую неизбежность, лидер Социал-демократической Рабочей партии Трёльстра в критический момент нанес забастовочному движению предательский удар своей статьей: «Что же теперь?»

Благодаря этому забастовка была сломлена, и рабочим интересам был нанесен ущерб.

Движение пошло на убыль. Кроме того, партия подпала под влияние оппортунистского течения в своих рядах, которое было пропитано профессиональной точкой зрения. Тактика партии была теперь приноровлена к совершенно противоположным интересам самых различных слоев рабочего класса.

При этом необходимо иметь в виду, что тогдашние голландские рабочие, в хозяйственном отношении, представляли собой очень отсталую массу. Они были глубоко погружены в религиозное (или столь же ограниченное мещанское антирелигиозное) сектанство и охотнее всего шли за своими попами (или их противниками).

И когда Социал-демократическая Рабочая партия (S. D. A. P.) начала приобретать, благодаря своему оппортунизму, влияние среди этих масс, то социалистическое рабочее движение Голландии погибло окончательно. Это совпало с изгнанием из партии марксистской оппозиции.

Социал-демократическая Рабочая партия выросла в широкую массовую партию. Но это была партия живущих только мещанскими интересами слоев. Благодаря все более и более возраставшему об'единению своих интересов, эти слои слились в одну *мелкобуржуазную* массу.

Единственная борьба, которую еще вела Соц.-дем. Рабочая партия, ее долголетняя борьба за всеобщее избирательное право, обнаруживала настойчивую волю этой мещанской массы в деле охранения своих полити-

ческих интересов, в деле сохранения демократии.

В начале войны она действовала вполне в духе своих основных стремлений: она согласилась на утверждение военных кредитов для защиты голландского капитала и поддерживала затем всю военную политику голландской буржуазии.

III.

В первой фазе своего блестящего развития, между 1893 и 1903 годами, социал-демократия оказывала влияние также и на буржуазную интеллигенцию. Круги эти отчасти серьезно восприняли социализм и самым усердным образом изучали марксистское учение, стараясь не без успеха распространить его в широких массах. Здесь надо назвать имена Гортера, Роланд Голъст и Паннекука.

Одновременно с этим начались теоретические разногласия в рядах Соц.-дем. Рабочей партии по вопросам о стоимости, о прибавочной стоимости, о концентрации, о кризисах, о теориях обнищания. Эти разногласия, после всеобщей забастовки 1903 года, повели к все усиливавшейся борьбе между оппортунизмом и марксизмом. Этому способствовал опыт русской революции 1905 года, которая произвела глубокое впечатление на поколение молодых марксистов.

Сюда присоединилось еще влияние быстро развившегося в крупных странах Европы империализма. Наши радикальные марксисты, работая в тесном единении с немецкими лево-радикальными товарищами, сочли своей обязанностью вскрыть тенденции этого империализма.

В данном случае, дело шло уже не о чисто теоретических раз'яснениях, а о практических вопросах дня и об их связи с новым развитием империализма. Необходимо было осветить их с марксистской точки зрения и в простом виде преподать рабочим. Это была задача практического применения марксизма.

С этой целью в 1907 году, наряду с научным ежемесячным журналом «De Nieuwe Tyd», была создана еженедельная газета «De Tribüne», которая блестяще справилась с этой задачей.

Как только этот орган приобрел некоторое влияние среди рабочих, тотчас же вожди оппортунизма почувствовали необходимость «задушить» марксистов. Началась борьба за самостоятельное существование «Трибуны». Борьба закончилась тем, что редакторы «Трибуны», ван Равестен, Вайнкуп и Гетон из партии были выброшены на конгрессе в Девенторе в 1909 году.

Однако, этим путем цель Социал-демократической Рабочей партии (S. D. A. P.) — уничтожение марксизма, не была достигнута. Была основана новая партия, Социал-демократическая партия (S. D. P.). Но только лево-радикальные элементы сгруппировались вокруг «Трибуны» и Социал-демократической партии (S. D. P.). «Умеренные» марксисты-центровики остались в мещанской Социал-демократической Рабочей партии (S. D. A. P.), растворились в ней и несут ответственность за все ее дальнейшее развитие.

Так развилась Социал-демократическая партия (S. D. P.), как чисто марксистская, анти-империалистическая и революционная партия, подобная партии большевиков в России. Позже, когда большевики, после своей победы, образовали Российскую Коммунистическую партию, Социал-демократическая Партия (S. D. P.) официально подтвердила свое согласие с русскими товарищами тем, что приняла название «Голландской Коммунистической партии».

Голландские рабочие, жившие среди незаметно изменявшихся условий, лишенные широкого размаха, еще в меньшей мере могли осмыслить мировой ход событий, нежели рабочие тех стран, где развитие капитализма шло явно гигантскими шагами. Поэтому голландские рабочие не могли понять воздействия этого финансово-капиталистического мирового развития на их собственное положение и сделать отсюда соответствующие выводы.

Нужно иметь в виду, что отсталость условий жизни Голландии, в противоположность крупным странам, росла из года в год, вследствие различного темпа развития. Отсюда ясно, что в период между 1909 и 1914 г.г. в Голландии не было благоприятной почвы для развития партии, проводящей самостоятельную, чисто марксистскую, рабочую политику. Такой могла быть только Социал-демократическая партия (S. D. P.). «Трибуна» представляла преходящий иншерес для городского пролетариата. Партия была для нее только прекрасной, но неосуществимой теорией. Социал-демократии не трудно было возводить на нас всякую ложь перед своими приверженцами и, в конце концов, воспретить чтение «Трибуны». Таким образом, борьба за существование партии свелась к упорной борьбе за существование газеты. Ее деятельность на долгие годы свелась исключительно к неутомимой интенсивной защите своих старых позиций. Она не могла думать о приобретени влияния. Но мы, все же, стойко держались. При создании партии насчитывалось немногим более 500 человек, и хотя от этих основателей в партии осталось не более сотни, все же, в 1914 году было еще 500 членов партии.

И когда, наконец, в 1914 году разразилась давно предсказанная марксистами война, Голландия также была захвачена мировыми событиями,

Теперь, наконец, пришло время для Социал-демократической партии. Социал-демократическая партия (S. D. P.) показала скептикам свою истинную природу. В 1916 году к Социал-демократической партии присоеди-

нилась небольшая группа оппозиции. Оппозиция эта, возглавляемая Роланд Гольст, короткое время существовала, как самостоятельная «интернациональная группа».

IV.

Это были те, которые жили в тени всепобеждающих буржуазных массовых организаций социал-демократии и «новых» профессиональных союзов; это были остатки сохранившихся от «старого движения» групп и синдикалистских союзов, которые давали отпор порожденной войной националистической волне.

Под влиянием прогрессирущего хозяйственного развития Голландии, они постепенно обновились, освободившись от прежнего духа анархизма, сохранив, однако, дух возмущения против капитализма.

Синдикалисты уже не являлись самостоятельными местными организациями, предназначенными исключительно для экономической борьбы; они об'единились как на местах, так и в обще-национальном масштабе, в единый профессиональный союз.

Благодаря этому они не превратились в страховые учреждения. Они не сделались, подобно «современным» профессиональным союзам, организациями для защиты мещанских жизненных интересов рабочих, а оставались, скорее, боевыми организациями. Они были против тарифных договоров (в то время, как «современные» профсоюзы заключали таковые на много лет). Благодаря этому, их работа не шла в направлении того нивеллирующего влияния, какое капитализм оказывал на общее положение рабочих.

Они сохранили за своими местными группами свободу действия, — дабы последние имели возможность использовать момент. Они считали всеобщую забастовку кульминационным пунктом своей деятельности.

Достигнутое ими с 1903 года, после предательского поступка Трёльстра, медленное возрождение нашло свой предел во всеобщем настроении умов голландских рабочих. Это настроение привело широкие массы рабочих в ряды новых профессиональных союзов и в ряды Социал-демократической Рабочей партии (S. D. A. P.), которые ставили постоянные препоны деятельности синдикалистов.

Слабость синдикалистских союзов коренится в том, что они лишь с большим трудом в состоянии отрешиться от специфически голландских условий жизни. В то же время, вследствие недостаточного теоретического понимания законов развития империализма, они склонны приспособляться к этим условиям,—в целях достижения наибольшего успеха.

Война заставила их отказаться от последних остатков отрицательного их отношения к политической деятельности.

Товарищи, разочарованные в Соц.-дем. Рабочей партии (S. D. A. P.), синдикалисты, свободные социалистические группы, международный анти-милитаристский союз и христианские социалисты, — все они об'единились с началом войны вокруг Соц.-демократической партии (S. D. P.). Таким образом, подчиняясь ее идейному руководству, они могли бороться с капитализмом в качестве «агитационного», а позже «революционного комитета борьбы против войны и ее последствий».

Сперва агитация велась против милитаризации голландских рабочих, которая проводилась в целях защиты интересов отечественных эксплуататоров, оказавшихся под угрозой. Затем борьба шла против германофильской внешней политики, угрожавшей втянуть Голландию в войну. Борьба эта, в конце концов, захватила массы, когда она превратилась в атаку против основного ядра этой внешней политики,—против экспортной политики. Политика эта заставляла голодать население и, в то же время, приносила колоссальные прибыли капиталистам и военным спекулянтам.

И из наших уст всегда раздавался один призыв: Вперед, на массовую забастовку против капитализма! против войны за мир! не за Германию и не за Антанту, а против империализма! Наконец, когда возникла надежда на мир, этот призыв превратился в другой: мы не за такой мир между заинтересованными капиталистическими группами, который не есть, в действительности, мир—мы за революцию, которая создаст мир между пролетариями. И под лозунгом: «Против голодной политики этого правительства!» ведем мы все большие и большие массы пролетариев, из года в год все более голодающих, — ведем на собрания, на уличные демонстрации и однодневные забастовки — протесты.

Высшим проявлением этой деятельности была планомерно подготовленная и проведенная Соц.-дем. партией (S. D. P.) всеобщая забастовка. Ее проведению значительно содействовали условия, создавшиеся внутри организаций, постепенно захваченных «революционным комитетом»: к началу 1917 г. организации эти вполне созрели для проведения такой забастовки. Забастовка, довольно удачно проводившаяся, потерпела, однако, крушение из-за невозможности увлечь за собой «новую» организацию и стоящие в стороне, лишенные энергии массы. Тем более, что, безработица достигла в это время крайней степени. Всеобщее недовольство голландского пролетариата, при данных условиях, привело лишь к разложению в его рядах.

Это обстоятельство породило и среди организованных революционно-настроенных элементов состояние общей апатии, царившей в то время среди голландского народа. Они опасались повторить этот экс-

перимент, боясь за судьбу своих организаций.

Так, спустя несколько месяцев, весною, голодающие массы захватили с судов и со складов удержанные у них съестные припасы и разгромили магазины. Однако, революционно организованные элементы не смогли превратить это восстание, путем всеобщей забастовки, в крупное революционное выступление народа. И войскам легко удалось, при помощи ружейных залпов, справиться с голодными повстанцами.

С тех пор дух покорности надолго воцарился среди голландского пролетариата. Даже вспыхнувшая германская революция лишь в наших собственных рядах нашла некоторый отзвук. За долгие годы войны мы отвыкли верить в возможность революции в Германии.

И Трёльстра явно лжет, желая затушевать свое личное позорное поведение, свое заблуждение и замешательство в ноябрьские дни 1918 года, когда хочет уверить мир в том, что среди рабочих в то време наблюдалось якобы сильное возбуждение. Демонстрация в Амстердаме, которой руководила наша партия, была рассеяна выстрелами перед кавалерийскими казармами (4 убитых). Всякое дальнейшее движение тотчас же оборвалось, благодаря отмене намеченных собраний Соц.-дем. Рабочей партии (S. D. A. P.). Это означало моральное истощение сил среди революционной части рабочего класса.— Таким образом, Трёльстра своей «революцией» сыграл лишь на руку буржуазии.

V.

Необычайно энергичная деятельность Коммунистической партии среди народных масс ее агитационная работа среди солдат во время войны глубоко прочувствованные речи Вайнкупа о русской революции и его страстные призывы в пользу грядущей революции в Голландии, — все это принесло, наконец, свои плоды. Правда, об'единение всех революционных сил которое мы хотели осуществить с помощью «революционного комитета», не было достигнуто. Но основа для него была создана. Число местных отделений и членов партии возросло в пять раз (ныне 2500—3000). Число подписчиков «Трибуны», превратившейся в 1916 году в ежедневный орган, стало, наконец, устойчивым (в начале 1920 г. оно равнялось 6000).

Короче говоря, Коммунистическая партия (К. Р.) проложила себе дорогу, как партия, как организация борющегося пролетариата. На выборах летом 1918 года, она провела в парламент двух членов: ван Равестейна и Вайнкупа; она приобрела 34 места в общинных советах (из них в Амстердаме 6 из общего числа 45; Соц.-дем. Рабочая партия (S. D. A. P.) имеет 13 членов). Количество голосов, поданных на этих выборах в парламент за Коммунистическую Партию (К. Р.), превысило 30000.

Почему же, в таком случае, рост партии, несмотря на ее долголетнюю неутомимую деятельность и высоту ее теоретического уровня остается, все же, столь незначительным? Почему борьба революционно-настроенных рабочих не ведется с большей силою?

Об'яснение этому можно найти только в своеобразной психологии голландских рабочих, создавшейся под влиянием войны. Во время войны голландский пролетариат, под влиянием инстинкта личного самосохранения, заботился лишь об одном: не быть вовлеченным в войну.

И ради этого он *все принес в жертву*. В течение ряда лет он позволял дурачить себя, что якобы необходимо вывозить все производимые Голландией жизненные припасы, дабы избежать войны. И за эту глупость и страх он покорно переносил в течение 4 лет *голод* и позволил деморализовать себя.

Благодаря тому, что Голландия не участвовала в войне, ее пролетариат стал гораздо беднее переживаниями и опытом,—в сравнении с пролетариатом других стран. Его духовная отсталость значительно возросла, в сравнении с тем, что было раньше до войны. Чувство *зависимости* от капиталистов достигло в голландском пролетариате своего крайнего предела. Его самосознание и классовое сознание настолько понизились теперь, как это никогда не наблюдалось раньше. К тому же, он не сражался с оружием в руках. И в результате явилась трусость, недостаток личного мужества, неспособность отдать свою жизнь на защиту интересов своего собственного класса.

Ясно, таким образом, что и наилучшая коммунистическая пропаганда и тактика, самая пламенная воля революционного, готового на бой авангарда должны разбиться об ограниченность сознания такого пролетариата.

Тот же страх, что голландский народ питал раньше перед войной, охватил его и позже, когда перед ним стал вопрос о грядущей революции и гражданской войне. Ибо то, что гражданская война должна вспыхнуть,—в этом не сомневается в Голландии даже малый ребенок в последней деревушке.

VI.

Война изменила положение Голландии. Во время войны она была отгорожена от внешнего мира. Ее колониальный капитал был отрезан от своих эксплуатационных областей. Ее транспортный капитал бездействовал. Ее земледельческий капитал загребал колоссальные прибыли. Изоляция Голландии превзошла самые смелые ожидания сторонников охранительных пошлин. Исполинский капитал искал себе применения, при наличии неограниченной возможности сбыта и при небывалых ценах.

Голландский капитал вынужден был развивать свою деятельность внутри страны.

были созданы совсем новые отрасли промышленности. Земледелие и молочное хозяйство были индустриализированы. Концентрация банковского капитала шла вперед исполинскими шагами.

Финансово-капиталистическое развитие Голландии достигло мирового уровня. И отныне голландские рабочие знают это по *собственному опыту*. Эта новая фаза хозяйственного развития, купленная дорогою ценой народного голода, вводит и классовую борьбу в новую фазу.

Классовая борьба в Голландии вступает в ту же фазу развития, как и за границей: в фазу и скрытой и явной гражданской войны. Это происходит, во-первых, благодаря все возрастающему обострению классовых противоречий. Во-вторых, благодаря тому, что внутренние и внешние отношения ныне влияют друг на друга в международном масштабе в большей мере, нежели когда-либо раньше. Наконец, благодаря тому, что силы капитализма и пролетарской революции взаимно действуют друг на друга.

Во время войны голландский капитал, охраняемый и поддерживаемый мелко-буржуазной социал-демократией и «новыми» профессиональными союзами, предпринял целый ряд мероприятий против «внешнего врага». Но применял он эти мероприятия *только* против «внутренних врагов» «внешнего врага», т. е. против чужеземных дезертиров и революционеров. После войны эти исключительные отношения были сохранены для иноземных революционеров и одновременно применялись против «внутреннего врага». Там, где было снято военное положение, оно было в административно-судебном порядке об'явлено постоянным, в целях борьбы с «внутренним врагом».

Таким образом, социал-демократия, благодаря своей военной политике, оказалась помощницей буржуазии в ее приготовлениях к гражданской войне.

В июне 1920 года буржуазия увенчала свои контр-революционные мероприятия законом, который позволяет ей пресекать всякую публичную революционную пропаганду и деятельность профессиональных союзов.

Однодневная забастовка протеста против этого закона, к тому же поддержанная Социал-Демократической Рабочей партией (S. D. A. P.) и «новыми» профессиональными союзами, принесли очень мало пользы голландскому пролетариату.

Коммунистическая партия (K. P.) должна будет приспособиться к новому положению вещей. Она должна будет, помимо своей открытой деятельности, приступить к нелегальной работе.

Это представит для нас значительные трудности, ибо лучшие силы партии загружены парламентской работой, и партия, как таковая, всегда боролась за возможно бо́льшую гласность и «демократию». Но опыт, вынесенный из новых узаконений, научит партийных товарищей применяться к изменившимся условиям и вести скрытую классовую войну.

Тогда буржуазия, вероятно, постарается вызвать открытую гражданскую войну, в ожидании которой она вооружилась со времени, так называемого, «картофельного бунта» в 1917 году.

Голландский капитал, так быстро достигший уровня мирового капитала, столь же быстро приготовился к гражданской войне, которая принесет ему гибель.

Таким образом, для Голландии создались те же условия, при каких живет пролетариат всего мира.

Это есть та новая почва, на которой классовая борьба рабочих должна превратиться в борьбу революционную.

И голландский пролетариат, как целое, вынужден будет вести свою борьбу на этой почве. Это будет уже не борьба за свои права в рамках капиталистического строя, а борьба *за власть* пролетарского *класса*, за внеклассовый общественный строй, на основе которого пролетариат воздвигнет свой новый духовный и моральный уклад жизни.

И. ЯНСЕН.

„Коммуна служила истинною представительницею всех здоровых элементов французского общества; она была поэтому действительно национальным правительством. Но, будучи правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась в то же время международной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира".

Карл Маркс: „Гражданская война во Франции".

БОРЬБА ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В ШВЕЙЦАРИИ.

Борьба из-за III Интернационала в политических и профессиональных организациях швейцарского пролетариата ведется с большой резкостью. Несколько крупных местных профсоюзов уже решили выйти из Амстердамского Интернационала и присоединиться к Московскому Интернационалу профсоюзов. С'езд профсоюзов, состоявшийся в октябре 1920 г. в Нейенбурге, должен был также выяснить свою позицию по отношению к III Интернационалу, но, за недостатком времени, вопрос этот не мог быть подвергнут обсуждению, почему и пришлось отложить его до следующего с'езда (в 1921 г.). В Швейцарии мы наблюдаем, в общих чертах, ту же картину, что и в других странах. Большая часть организованных рабочих стоит за III Интернационал. Но большинство вождей профсоюзов и социал-демократической партии—против него. А потому и швейцарский с'езд профсоюзов большинством голосов также отвергнет присоединение к Коммунистическому Интернационалу профсоюзов.

Между тем как в области профессионального движения вопрос сводится к простому «за» или «против»,—в области политической положение гораздо запутаннее. Причина в том, что в среде швейцарского пролетариата имеются различные политические течения и партии. Как правое, так и левое крыло швейцарского социалистического движения знают, чего они хотят. Правое крыло, об'единенное в Грютлианской партии, стоит на национальной платформе и не имеет никакого желания покидать социал-патриотический Интернационал. Левое крыло, образуемое Швейцарской Коммунистической Партией, уже состоит членом III Интернационала. Борьба происходит, следовательно, в центре, обнимающем собою главную массу политически организованных рабочих, то есть в социал-демократической партии. Эта партия также расколота на самые различные политические течения. В нее входят: Грютлианцы чистейшей воды, демократические пацифисты, центровики, христианские социалисты; затем, левое крыло, группирующееся вокруг Вельта, Нобса, Платтена, Гумберта, Дроза, и сверх того еще значительное число коммунистов, состоящих одновременно членами и социал-демократической, и коммунистической партий. В прошлом году, при основном голосовании в секциях социал-демократической партии, присоединение к III Интернационалу было отвергнуто. Но на этом споры не кончились: радикализация швейцарских рабочих продолжалась безостановочно, а вместе с ней росло и желание их присоединиться к III Интернационалу. В виду такого положения, руководители социал-демократической партии признали необходимым вновь поставить вопрос на очередь, и решили, что следующий с'езд должен будет еще раз выяснить свое отношение к III Интернационалу, причем социал-демократической партии придется, под условием сохранения свободы действий, присоединиться к III Интернационалу, а в отношении к своим, швейцарским коммунистам внесена будет полная ясность тем, что их исключат из социал-демократической партии.

Левое крыло социал-демократической партии, незадолго перед вторым конгрессом III Интернационала, после возвращения из России тов. Платтена, собралось в составе 54 человек в Ольтене, там с'организовалось и решило повести в рядах социал-демократической партии борьбу за безусловное присоединение к III Интернационалу; затем оно избрало комитет из тов. Нобса, Висса и Р. Блоха с местопребыванием в Цюрихе и в принципе решило издавать ежемесячный журнал.

Тем временем в Москве заседал II Конгресс III Интернационала. На этот конгресс, наряду с представителями Швейцарской Коммунистической Партии, а также организации социалистической молодежи, явились также,—вопреки воле управления социал-демократической партии,—и представители левых социал-демократов. Постановления Конгресса, его 21 условие, а в особенности постановление Исполкома III Интернационала, гласящее, что Швейцарская Коммунистическая Партия принимается в III Интернационал, и что левое крыло социал-демократической партии обязуется в течение четырех месяцев отмежеваться от оппортунистов и правых социалистов и об'единиться с Швейцарской Коммунистической Партией,—ударили, как молния, в социал-демократическое партийное болото. Левые социал-демократы, собравшись снова и выслушав доклад своего делегата Бринголльфа, возвратившегося из Москвы, решили согласиться на 21 условие, но постановили отвергнуть сотрудничество с Швейцарской Коммунистической Партией в общем комитете действия, предложенное Исполкомом III Интернационала. Президиум социал-демократической партии также собрался 10 октября в Ольтене, и большинством 47 голосов против 21 отклонил предложение Вельта о безоговорочном принятии 21 условия. Точно также президиум отклонил большинством 49 голосов против 8 предложения Шнейдера (Базель) и Нобса (Цюрих), которые хотя и отказывались от принятия 21 условия, но хотели войти в переговоры с Москвою относительно вступления в III Интернационал.

Зато было принято 40 голосами против 18 и облечено в форму резолюции, для доклада его чрезвычайному партейтагу, предложение Гримма. Резолюция эта гласит:

«Президиум партии отменяет свое апрельское решение 1920 года, касающееся присоединения к III Интернационалу. Президиум партии вносит на обсуждение чрезвычайного с'езда партии нижеследующие предложения:

1) 21 условие для вступления в III Интернационал отклоняются в виду их невыполнимости. 2) Управлению делами и президиуму поручается войти в сношения с теми иноземными партиями, которые пожелали бы присоединиться к Коммунистическому Интернационалу, но не согласны на 21 условие, дабы, сообща с этими партиями, добиться пересмотра условий вступления и таким образом сделать возможным интернациональное об'единение революционных рабочих партий. 3) Это решение должно быть поставлено на основное голосование».

Чрезвычайный партейтаг, который кроме вопроса о присоединении должен был обсудить также и вопрос о пересмотре программы, был назначен в Берне на 10, 11 и 12 декабря 1920 г.

За предложение Гримма высказались все принципиальные противники III Интернационала, отвергнувшие раз на всегда 21 условие,— социал-патриоты Грейлих, Грабер, Густав Мюллер, Шмидт, Губер, Кель и компания. Этого уже достаточно для характеристики смысла предложения, внесенного Гриммом. Но это заседание президиума партии, в дальнейшем повело еще и к тому, что левое крыло социал-демократической партии откололось. Шнейдер и Нобс, состоящий председателем комитета левых, голосовали против принятия 21 условий, но соглашались на возобновление переговоров с Москвою, что по существу совпадает с предложением Гримма.

10, 11 и 12 декабря 1920 г. суждено в Швейцарии разделить умы *). Положение теперь следующее: за принятие 21 условия, большинством голосов, выскажутся кантоны Цюрих, Базель-город, Шафгаузен и Женева, так что на ближайшем партейтаге социал-демократической партии будут голосовать за безоговорочное присоединение к III Интернационалу около одной трети делегатов. Вся социал-демократическая партийная пресса отклоняет принятие этих условий. «Фольксрехт» (Цюрих) колеблется, только Базельский «Форверст», а в Западной Швейцарии «Фар» ведут решительную борьбу за принятие 21 условия. Из 54 левых социал-демократов, собравшихся в Ольтене, вряд-ли устоят более 50%. Нобс и Шнейдер уклонились уже вправо.

В различных важных пунктах, как то: в Винтертуре, Берне, Биле, Тургау, Люцерне и т. д., левые пользуются незначительным влиянием на рабочие организации и ничего не могут поделать без товарищей из коммунистической партии.

В предупреждение всяких случайностей Швейцарская Коммунистическая Партия на областном совещании в Цюрихе сделала следующее постановление:

«Коммунистическая Партия в Швейцарии должна развить усиленную агитацию и основать повсюду коммунистические партийные секции. Однако члены соц.-дем. партии, которые уже примкнули к коммунистической партии или примкнут к ней впредь, не должны выходить из старой партии, но обязаны работать внутри нее рука об руку с левыми социалистами в пользу III Интернационала и за разделение партии. Если левые социал-демократы не порвут, согласно постановлениям III Интернационала, на ближайшем партийном с'езде с правыми социалистами и с центром, то члены и группы коммунистической партии, оставшиеся еще в соц.-дем. партии, обязаны коллективно выйти из нее».

Каков бы ни был дальнейший ход событий, революционные массы рвутся вперед. Швейцарская Коммунистическая Партия, в настоящее время еще сравнительно немногочисленная, благодаря этому значительно возрастет. Говорят о 15.000 членов; таким образом по численности она займет второе место среди пролетарских партий Швейцарии. А это поведет, конечно, к усилению ее влияния и ее активности, что при настоящем хаотическом положении дел в Швейцарии, является настоятельной необходимостью.

Яков ГЕРЦОГ.

*) Статья написана до с'езда. Голосование на с'езде, как известно, вполне подтвердило предсказания автора. За III Интернационал высказалось 213 против 350. Меньшинство покинуло зал заседаний, откладывая формальный выход из состава социал-демократической партии до референдума.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ.

Громадное большинство южно-африканского пролетариата принадлежит к племени банту; всюду, кроме Капской колонии, пролетарии-туземцы лишены политических прав и им приходится жить и работать в крепостнических условиях, благодаря паспортной системе, особым полицейским правилам об удостоверениях личности и специальным уголовным законам.

Рабочие индусы и белые составляют меньшинство. К официальным заявлениям и раз'яснениям всякого рода, исходящим от официальных рабочих организаций Южной Африки, следует всегда относиться с некоторой осторожностью: белые рабочие в Южной Африке в весьма значительной мере подвержены той же иллюзии, какая свойственна белым хозяевам. Они считают себя представителями всего населения страны, и вся масса крепостных или рабов, находящаяся под их властью, политически как бы не существующей для них.

Главная же масса туземных рабочих, составляющих три четверти местного пролетариата, до сих пор еще неспособна ясно выражать свою коллективную волю и не доросла до полного сознания своей классовой роли. Эта отсталость об'ясняется в значительной мере тем, что туземцы-рабочие не работают непрестанно в промышленных предприятиях: на известный период года они возвращаются к себе домой.

Политическое рабочее движение.

С образованием, в 1910 г., Южно-Африканского Союза (South African Union), разбросанные по стране рабочие организации и советы проф. союзов (Trade Councils) об'единились в Южно-Африканскую Рабочую партию, с вполне определенной социалистической программой.

На общих выборах (в 1910 г.) Южно-Африканская Рабочая партия провела четырех своих кандидатов в члены Союзного парламента. Затем ряд побед на дополнительных выборах довел это число до восьми к 1915 г., когда парламент был распущен.

Забастовочное и политическое движение.

В июле 1913 г. произошла крупная забастовка горнорабочих, к которой присоединились также и рабочие других отраслей промышленности. Эта забастовка получила известность во всем мире, благодаря погрому, произведенному правительственными войсками на улицах Иоганисберга.

Другая всеобщая забастовка вспыхнула в январе 1914 г. (в ней приняли участие только белые рабочие). Начали ее железнодорожники, за которыми последовали горнорабочие и другие рабочие. Правительство приняло чрезвычайные меры и, благодаря сложным приготовлениям, специальным законам и полицейским репрессиям, ему удалось разбить рабочих; в результате девять организаторов были высланы из края.

На выборах в Провинциальный Совет, в марте того же года, возмущение либеральных кругов и рабочих масс, вызванное военными репрессиями правительства, об'единило и тех и других вокруг Ю.-А. Раб. партии. Благодаря этому из 25 кандидатов партии в Трансваальский Провинциальный Совет прошло 23.

За этот успех партии пришлось поплатиться: в нее хлынуло большое число политических авантюристов. И когда в августе 1914 г. вспыхнула война, партия не успела еще восстановить своего внутреннего равновесия и освободиться от влияния чуждых рабочему классу элементов. Но, все же, из 23 членов ее в Трансваальском Провинциальном Совете десять голосовали за принятие предложенной в Совете резолюции против войны.

Когда, в январе 1915 г., в Ист-Лондоне собралась ежегодная конференция партии, партийный аппарат находился в руках той части членов, которая боролась против войны, и ей же принадлежала на конференции руководящая роль. Но, несмотря на то, что ее горячо поддерживало большинство членов, эта анти-военная группа, во имя сохранения единства партии, воздержалась от использования своей власти, в надежде, что быстрое окончание войны спасет партию от раскола. Лидер анти-военной секции в парламенте и глава партии, товарищ В. Х. Андрюз (W. H Andrews), был вновь избран председателем, и большинство членов, вошедших в Исполнительный Комитет, принадлежало к анти-военной группе.

Конференция приняла всеми голосами, против одного, резолюцию, предоставляющую каждому члену партии в отдельности решать вопрос об отношении к войне, согласно собственному разумению и совести.

Этого компромиссного решения партия придерживалась до июня 1915 года. В октябре того же года должны были состояться общие выборы. Полковник Кресвель (Creswell), парламентский лидер партии немедленно же бросил вызов анти-военной группе, обратившись ко всем членам партии с призывом «война до конца». Двадцатью видными членами было тогда выпущено контр-воззвание

и созвана особая конференция на 22 августа для выработки избирательной партийной платформы. В течение предвыборного периода печать вела энергичную кампанию лжи и клеветы против группы противников войны, и вызванное этим возбуждение страстей нашло свое выражение на конференции. Большинство оказалось теперь на стороне защитников лозунга войны до конца. С приближением выборов были окончательно забыты все разговоры о необходимости соглашения, все прежние связи и отношения, все прежние попытки сохранить для противников войны возможность дальнейшего пребывания в рядах партии; тщетны были напоминания о высоких идеалах, ради которых партия возникла. Кандидаты, не согласные с политикой «войны до конца», были исключены из списков.

Раскол.

Восемь членов Исполнительного Комитета и, в том числе, председатель, секретарь и казначей, сложили свои полномочия. Антивоенные группы об'единились тогда в новую организацию под названием «Международной Лиги Южно-Африканской Рабочей партии», с целью вести самостоятельно пропаганду и добиться вступления партии на путь интернационализма. Но, с усилением предвыборной горячки, подобное положение вещей не могло продолжаться. Почти одновременно с принятым членами Лиги решением выйти из состава Южно-Африканской Рабочей Партии, с целью образования отдельной организации, Совет (Administrative Council) Южно-Африканской Рабочей партии высказался за исключение из партии всех членов Международной Лиги. Последняя начала свое самостоятельное существование с сентября 1915 г., под названием «Международной Социалистической Лиги Южной Африки».

Наш орган „Интернационал".

Немедленно после раскола Лига приступила к изданию своего еженедельника «Интернационал» («The International»), шесть выпусков которого уже вышли. Официальный же орган Южно-Африканской Рабочей партии—«Рабочий» («The Worker»),—перестал выходить еще в 1915 г., вследствие разногласий по вопросу о войне. С тех пор Южно-Африканская Рабочая партия не издавала никакого официального журнала или газеты. Таким образом, «Интернационал» является, в сущности единственным рабочим еженедельником в Южной Африке. Лига имеет собственную типографию, что весьма облегчает задачу своевременного выпуска литературы.

Сравнительно слабое распространение журнала об'ясняется теми трудностями, с какими социалистическому движению приходится считаться в Южной Африке: это наличность значительных масс отсталых чернокожих

Результаты выборов. — После образования Лиги.

На выборах в Трансваальский Провинциальный Совет, в 1917 г., товарищ В. Х. Андрюз выступил в качестве кандидата от округа Бенони. Хотя он и потерпел поражение, и по округу прошел кандидат Рабочей партии, он, все же, собрал 355 голосов. Этого было достаточно, чтобы взволновать капиталистическую печать, которая, нарушив обет молчания, стала обсуждать возможные причины подобного явления

В избирательной борьбе Лига выступала под лозунгами: «война войне», «союзы по производствам (Industrial Unionism), а не по профессиям» (Craft Unionism). Тем самым она защищала и интересы туземцев.

Кандидатура Андрюза на выборах в Бенони вызвала сильное возбуждение не только среди сторонников войны: в борьбе против нее сыграли роль и предрассудки, и ненависть к туземцам, к чернокожим, которая чрезвычайно сильна, особенно среди голландской части населения. Чем больше растет популярность международного социализма, чем опаснее мы становимся, тем чаще и охотнее враги рабочего класса пользуются расовыми предрассудками, как средством для своих целей.

Это оружие, которое пустила в ход против нас Рабочая партия на выборах в Бенони, оказалось настолько действительным, что Лига потеряла все голоса голландской части населения. А последнее, между тем, было настроено против войны постольку, по крайней мере, поскольку состояло из «англофобов» и из мелко-буржуазных элементов.

Расовый предрассудок, использованный на выборах Рабочей партией, стал ее главным оружием и на общих выборах в марте 1920 г., на этих выборах Лига выставила пять кандидатов, стоявших на платформе «диктатуры пролетариата».

Громаднае большинство южно - африканских пролетариев принадлежит к племени, банту - и поэтому туземный вопрос, в связи с идеей Советской власти, был выдвинут на первый план.

В Южной Африке так же, как и в России, имеется значительное сельское население, и так же, как в России, пролетариат фактически ведет за собою не только промышленных рабочих, но и мелких или безземельных крестьян, большей частью, не-европейцев.

Именно эти элементы, независимо от цвета кожи, должны составить в будущем «господствующий класс», который сделает первый шаг на пути к рабочей революции, завоюет и установит диктатуру рабочих и беднейших крестьян.

Проблема социализма в Южной Африке кажется неразрешимой, или, по крайней мере, трудной, ибо белые рабочие, если они даже не являются собственниками, большею частью стремятся стать таковыми, и поэтому

сильно заражены мелко-буржуазной идеологией. А между тем, всякое движение рабочего класса, игнорирующее организацию туземных рабочих, обречено на бессилие.

Всякая революция, которая не коснется низших слоев, будет, в основе своей, носить буржуазный характер. Она будет только способствовать продлению того антагонизма, на котором зиждется современный общественный строй.

Вот этого не в состоянии понять Рабочая Партия, когда, в погоне за голосами, заигрывает на выборах с белыми трэд-юнионистами и просто с белыми, и проповедует исключение чернокожих из рабочего движения,—что, в сущности, неизбежно приведет к удешевлению труда. Без помощи туземцев белые рабочие не могли бы просуществовать и одной недели. Это выяснилось во время больших забастовок на золотых россыпях и во время избирательной кампании в марте 1920 г.

К стыду белых горнорабочих, приходится признать, что они не только не поддержали своих чернокожих товарищей, но, наоборот, своим поведением помогли их раздавить. Несмотря на то, что против Лиги и Рабочая партия и вся буржуазная печать вели непрерывную и отчаянную борьбу на почве расовых предрассудков, Лига немедленно выпустила воззвание к белым рабочим, призывая их не губить чернокожих товарищей (См. «Интернационал», 224). Рабочая партия Южной Африки не только осталась в стороне от этой крупной забастовки туземцев, но постаралась доказать, что за спиною движения стоят «зловредные социалисшы-интернационалисты». Случалось, что наши предвыборные митинги срывались организованными шайками во главе которых стояли члены Рабочей партии. За Рабочую партию нередко голосовали и многие из наших прежних сторонников, интересы которых оказались так или иначе затронутыми забастовкой туземцев, и которые питали, вместе с тем, мещанскую страсть к революционной фразе. Накануне самых выборов, лидер Рабочей партии, полковник Кресвель, заявил в буржуазной прессе о необходимости сохранения связи между Южной Африкой и Великобританией. Благодаря его воззванию, а также благодаря страху со стороны английской части населения перед возможной победой Голландской Националистической партии, выступавшей под лозунгом «Независимой Южно-Африканской Республики», большое число британских националистических избирателей окончательно стали на сторону Рабочей партии. В Союзный парламент прошли 81 человек от Рабочей партии.

Несмотря на тяжелое поражение, начатая нами борьба дала очень ценные результаты, и мы можем с удовлетворением констатировать, что принцип солидарности труда, независимо от расы или цвета кожи, все более и более проникает в сознание белых рабочих.

Если силу и влияние партии измерять только результатами голосования, то можно придти к выводу, что Социалистическая Лига играет лишь очень незначительную роль в рабочем движении Южной Африки. Но чтобы определить степень революционности рабочего класса, необходимо учесть громадные препятствия, которые нам приходится преодолевать, в борьбе с расовыми предрассудками, проделанную нами большую агитационную работу на собраниях и в печати и, наконец, тот факт, что, благодаря самоотверженной деятельности членов нашей организации, главнейший орган рабочей печати Южной Африки продолжает существовать. Если учесть все это, то нужно будет признать, что Международная Социалистическая Лига есть единственная сильная политическая рабочая организация в Южной Африке.

Трест театральных владельцев, в распоряжении которого находятся публичные помещения в Южной Африке, не предоставляет нам помещений для собраний. Многочисленные митинги, устраивавшиеся Лигой, срывались организованной черной сотней. А затем полиция возбуждала против нас судебные преследования за преступления, яко бы совершенные нашими членами, подвергшимися нападению организованных банд.

Выпущенный в августе 1916 г. манифест против продолжения войны послужил поводом к возбуждению против нас дела в полицейском суде. Двое товарищей были приговорены к шести неделям принудительных работ. Однако, в аппеляционной инстанции приговор был отменен.

Неудавшийся замысел правительства.

В июле 1918 г. трое из наших белых товарищей и пять туземцев были арестованы по обвинению в насилии. К тому времени Лига, которая, в течение войны, была единственной организацией, ведшей в Южной Африке социалистическую пропаганду, успела приобрести некоторую популярность среди рабочих, в особенности же, среди туземцев. Впервые за всю историю Южной Африки, туземцы нашли в Лиге рабочую организацию, готовую бороться за туземный пролетариат и всячески содействовать его освобождению.

Организация Индустральных рабочих Африки,—эта революционная туземная организация, созданная Лигой и вышедшая из устроенных Лигой туземных рабочих школ,—стала, наконец, серьезно беспокоить власть. Последняя увидала в ней опасного врага для современного строя.

Индустриальные Рабочие Африки организовали, совместно с Южно-Африканским Туземным Национальным Конгрессом, движение пассивного сопротивления, с целью добиться уничтожения закона о паспортах, а также повышения заработной платы. Это движение

заставило правительство резко переменить свой фронт.

Департаменты «Туземных Дел» и «Тайной Службы» готовились нанести Лиге удар, с целью окончательно ее уничтожить.

Еще за шесть месяцев до ареста наших товарищей, правительство забило тревогу по поводу грозящей стране внутренней опасности. Оно послало в Англию ряд тенденциозных телеграм и даже вызвало обсуждение этого вопроса в Парламенте, начав, таким образом, кампанию для подготовки общественного мнения против Лиги.

На митингах Индустриальных рабочих Африки и в школах Лиги стали появляться полицейские шпионы, которые должны были следить за всем, происходившем на собраниях. Один из этих шпионов-провокаторов согласился даже занять место секретаря в организации Индустриальных рабочих Африки. Аресты последовали, однако, не прежде, чем было опубликовано весьма сенсационное и туманное правительственное сообщение по поводу Лиги. В нем говорилось о немецком золоте, причем о деталях дела, по соображениям «общественного интереса», не сочли нужным сообщить.

Но на суде главный свидетель со стороны обвинения — туземец, ученик школы Лиги,—на которого, наше учение произвело, повидимому, бо́льшее впечатление, чем полученные им от правительства деньги, прочиший длинное заявление о преступных деяниях Лиги, затем сознался, что заявление это не было им составлено или подписано. Этим самым была разрушена вся шести-месячная работа Союзного Правительства, и дело было прекращено.

О Черном пролетариате.

Первые плоды нашей пропаганды против расовых предрассудков обнаружились на конференции южно - африканских социалистов, собравшейся 5 августа 1917 г. для избрания делегата от Южной Африки на Стокгольмскую конференцию 1917 г. Следующие, представленные на первой конференции организации, признали выдающиеся заслуги Лиги в этом отношении: Капштатская Социал-Демократическая Федерация, Южно-Африканское Общество Мира и Третейского разбирательства, Еврейское Социалистическое Общество в Каптоуне, Союз Моряков и ряд других социалистических организаций, не связанных с Лигой непосредственно и стоящих вне ее.

Дурбанский Индусский Союз был представлен индусским делегатом, товарищем Сигамоней. На конференции присутствовали также представители туземных рабочих, один из которых выступил перед собранием с докладом по вопросу о тяжелом положении туземного сельского хозяйства. Европейские товарищи едва ли могут представить себе, какое громадное значение имеет факт участия индусских и туземных представителей на с'езде рабочих Южной Африки. Самый факт проявления классового самосознания среди чернокожих рабочих и об'единения их с белыми на этой почве вызвал чрезвычайный энтузиазм среди участников конференции. Пропаганда среди туземных рабочих идеи классовой солидарности пролетариата считалась большинством белых столь преступной и мятежной деятельностью направленной против существующего порядка и законных властей, что административный совет рабочей партии Южной Африки, заседавший этажем ниже, в помещении Профессионального Союза, перенес свое заседание в соседний стель. В знак протеста против участия туземцев совместно с белыми в конференции рабочих!.. Вследствие этого Лиге было запрещено пользоваться впредь помещением Совета Профессиональных Союзов. Правда, образ действия Совета Профессиональных Союзов вызвал протесты возмущения в Капской колонии, где чернокожие наравне с белыми входят в общие организации. Зато трансваальские организации отнеслись к инциденту безразлично, так как там расовый предрассудок еще довольно силен, и чернокожие не принимаются в профессиональные союзы!

Мы отнюдь не утверждаем, что эти цветные делегаты представляли собою широкие массы черного пролетариата. На них следует, скорее смотреть лишь как на передовой отряд этой массы, стремящейся к проявлению своей воли. Самое существование этих немых масс, лишенных избирательных прав и не организованных, лишает выборы, в которых участвует только *белое население*, их значения, как показателя действительной силы рабочего движения. Мы повторяем, что не число поданных голосов, а лишь, так сказать, удельный вес социальной силы дает делегату от Южной Африки право на участие в совещаниях Интернационала. Мы думаем, что результаты нашей пропаганды среди туземных и индусских рабочих имеют громадное значение для миллионов цветного пролетариата во всех частях мира. Они дают гарантию в том, что черный пролетариат Южной Африки сомкнутыми рядами вступит на путь Рабочего Интернационала.

Со времени упомянутой конференции в Южной Африке происходили две очень крупные и две или три мелких забастовки туземных рабочих. В первой из них были выставлены требования отмены законов о паспортах и повышения заработной платы (о чем выше уже упомянуто).

Забастовочное движение развилось из небольшой забастовки за повышение заработной платы, начатой туземцами - служащими муниципальных учреждений гор. Иоганнисбурга. Так как это была первая забастовка туземных рабочих, то полицейский суд вынес несколько строгих приговоров бастующим туземцам. В связи с этим возникло общее забастовочное движение среди туземного населения. В борьбе против

закона о паспортах туземцы прибегли к следующему революционному приему: они собрали все паспорта в большие мешки, которые затем сожгли у паспортных бюро и у полицейских участков.

В забастовке, разразившейся в Кэптоуне в январе 1920 г., в знак протеста против вывоза из колонии жизненных припасов, белые рабочие позорно изменили своим чернокожим товарищам. А ведь последние начали забастовку по требованию Кэптоунской Федерации Профессиональных Союзов (Federation of Trades).

Третья забастовка возникла среди горнорабочих, в марте 1920 г., когда бастовало, в среднем, около 40.000 туземных рабочих ежедневно. Протекала она следующим образом: когда рабочие одной шахты становились на работу, другая шахта начинала забастовку, и, таким образом, полиции пришлось вести с забастовщиками беспрерывную и беспощадную борьбу.

Все трансваальские забастовки были либо подавлены полицией и насилиями белых хулиганских шаек, либо прекращены вооруженной военной силой. В общем, количество вызванных этим несчастных случаев — убитыми и раненными — было весьма значительно.

В официальном сообщении о результатах расследования по вопросу о причинах недовольства среди туземцев, правительство пыталось уверить общество, что волнения среди туземцев возникли не благодаря тяжелым условиям туземного труда, а под влиянием учений Международной Социалистической Лиги, а также благодаря влиянию белых рабочих. Но туземцы уже доказали, что они сознают значение классовой солидарности. До сих пор, однако, революционный дух туземцев не мог проявляться достаточно сильно, так как им не достает необходимой организации. Но когда будет создана организация, которая сумеет дать их революционным стремлениям надлежащее направление, сила туземцев станет непреодолимой.

Присоединение к III Интернационалу.

Во время войны Лига считала, что самой родственной ей по духу является Циммервальдская группа. До самой русской Революции Лига поддерживала постоянную связь с Итальянской Социалистической Партией и с товарищем Гриммом, в Берне. Она находилась под их идейным влиянием в большей даже степени, чем под влияниями наших английских товарищей, несмотря на то, что наш исполнительный комитет состоит преимущественно из британцев.

На нашей пятой конференции Лига присоединилась к Третьему Интернационалу.

Индустриальное движение в Южной Африке.

Индустриальное движение так же, как и политическое, сильно пострадало от войны.

Покончив с борьбой в январе 1914 г., оно не успело еще оправиться, как разразилась война.

Первая общая забастовка, давшая в июле 1913 г. победу рабочим, уничтожила было всякую национальную рознь между английскими и голландскими рабочими: казалось, действительно, что профессиональное движение в Южной Африке будет развиваться на почве интернационализма. Но война снова пробудила резкий антагонизм между обоими народами, и уже и без того сильно ослабленная индустриальная организация почти совсем распалась.

С самого своего возникновения, Лига повела энергичную кампанию в пользу организации союзов по «производственному признаку». Рабочие поняли, что капиталисты пользуются их неорганизованностью, проистекающей из расового антагонизма в целях ослабления позиции рабочего класса. В течение 1916 и 1917 г.г., Индустриальная Федерация Южной Африки начала в Трансваале энергичную организационную кампанию. Она привела к столь блестящим результатам, что ныне трудно найти во всем Трансваале хотя бы одного белого, не принадлежащего к тому или иному союзу.

Индустриальная Федерация Южной Африки состоит из входящих в ее состав профессиональных и производственных союзов. Предполагалось, что, при существовании как профессиональных, так и производственных союзов, Федерация их будет наилучшим средством для осуществления идеи производственного юнионизма. Но оказалось, что Федерация тормозит всякое революционное движение и мешает применению революционных методов в борьбе рабочего класса.

Единственное, что до сих пор сделано Федерацией в смысле индустриальной организации, это — образование в рамках самой Федерации «Индустриальных Департаментов», причем внутри этих производственные и профессиональные союзы остались нетронутыми.

Индустриальному движению все чаще приходится применять методы Лиги в своей революционной и организационной деятельности.

Три года тому назад индустриальные организации совершенно не признавали туземцев. Последние просто не считались рабочими. На тех, кто проповедовал организацию неквалифицированных белых рабочих, не говоря уже об организации пролетариев из племени банту, смотрели, как на сумасшедших.

В настоящее время вопросу о туземцах уделяется должное внимание. Хотя пока еще ничего не сделано конкретного, но вопрос этот ставится на повестку дня каждого с'езда профессиональных союзов и каждого делегатского собрания или заседания секции. В сравнении с тем, что было три года тому назад, сделан большой шаг вперед в деле

осуществления выдвинутого впервые Лигой лозунга классовой солидарности, независимо от расы и цвета кожи.

В своей пропаганде в пользу солидарности рабочего класса Лига не пренебрегает интересами одной расы в ущерб другой. Белый рабочий, несмотря на свои мелкобуржуазные взгляды, неразрывно связан экономически с туземцем, и потому обе расы должны бороться плечо к плечу.

Движение фабрично-заводских старост.

В Англии движение фабрично-заводских старост началось самопроизвольно, по инициативе рядовых членов профессиональных союзов и вопреки воле официальных союзных чиновников. В Южной же Африке его ввел тов. В. Х. Андрюз, наш делегат на Стокгольмской Конференции, вернувшийся лишь недавно из Англии. В качестве представителя Лиги, он выступил на ряде секционных собраний профессиональных союзов, на общих собраниях членов союзов, наконец, на некоторых специальных митингах, организованных Лигой,—пропагандируя идею фабрично-заводских старост (Shop Stewards' Movement).

Движение это носит, однако, в Южной Африке, более или менее, искусственный характер. Так же, как и в профессиональном движении, туземцев игнорируют; их голоса не слышно, их представителей не видно в фабрично - заводских комитетах. Поэтому движение это не носит характера настоящего, революционного движения.

Сейчас оно всецело связано с Федерацией, благодаря чему оно, в сущности, стало бесцельным. Федерация осуждает всякую попытку со стороны комитета фабрично-заводских старост того или иного промышленного предприятия, как, напр. шахты, электрической станции и т. п., добиваться удовлетворения жалоб и нужд рабочих путем прямого действия. «Мы желаем об'единенного массового действия пролетариата» заявляет Федерация, но, в то же время, принимаются все меры к тому, чтобы такое действие никогда не могло иметь места. Если же какой-либо кризис угрожает вылиться в массовое действие, спорный вопрос направляется в об'единенное бюро, в справочное бюро и, бог знает, еще куда.

Федерация остается по своему характеру мелко-буржуазной организацией, пока туземцы не займут должного места в рядах организованных рабочих. Несмотря на революционную фразеологию, которою Федерация пользуется на каждом шагу, она, в сущности, лишь помогает капиталистам эксплуатировать труд пролетариев из племени банту и укрепляет положение белых эксплуататоров.

Действительно, капиталистическая печать время от времени обращается к белым рабочим с призывом придти к какому-либо мирному соглашению с буржуазией, чтобы дать возможность всем белым совместно высасывать из туземного населения его последние соки.

Революционное движение среди белых индустриальных рабочих.

В Южной Африке произошли два события, оказавшие громадное революционное влияние на сознание рабочих. Это — образование Муниципальных Рабочих Советов в Иоганнисбурге и Дурбане. События эти показали, что революционный инстинкт рабочих опережает их теоретическое социалистическое развитие.

В Иоганнисбурге движение возникло на почве забастовки из-за повышения заработной платы, которая была об'явлена рабочими механиками на электрической станции. В виду отказа со стороны Городского Совета придти к соглашению с рабочими, образовался совет рабочих депутатов. 1 апреля механики и трамвайные рабочие и служащие захватили служебные отделения городского совета, заняли городскую ратушу и возобновили, под своим контролем, деятельность городских трамваев, водоснабжения и освещения. Первый трамвайный вагон, вышедший с красным флагом, свидетельствовал о победе Совета; 16 членов Городского Совета вышли в отставку.

В Дурбане выступление оказалось еще лучше организованным: рабочие захватили там власть во всех городских учреждениях и предприятиях.

Как всегда, не подумали о том, чтобы дать место туземцам в обоих Советах. Сами рабочие выказали в обоих городах предусмотрительность и сознательность. Они вполне правильно поняли, что, при капиталистическом строе, Совет немыслим, как учреждение постоянное. И потому, дав рядовым рабочим вкусить немного собственной власти, эти контрольные комитеты, или советы, сдав свои позиции, сами себя распустили. Подобные опыты могут увенчаться успехом только при том условии, если пролетариат захватит предварительно политическую власть.

Бывает, что одной капли достаточно, чтобы привести насос в действие. В данном случае, однако, революционный дух не охватил еще всей страны. Следует, все же, указать, что революционная дисциплинированность рабочих в обоих советах оказалась великолепной.

Помимо Южно-Африканской Индустриальной Федерации существуют еще Капские Федерации Профессиональных Союзов (Federations of Trades), Натальская Федерация Профессиональных Союзов и Национальный Союз Железнодорожных и Портовых Служащих. Самая крупная из них—Южно-Африканская Федерация Профессиональных Союзов. Остальные насчитывают, вместе взятые, столько же членов, сколько эта последняя.

Делегат Лиги.

НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В КИТАЕ.

Полусонный Китай просыпается. Не малую роль сыграла в этом русская Октябрьская революция. Могучие громовые раскаты ее эхом докатились до долины реки Янтцзе и заставили встрепенуться китайские трудящиеся массы.

За «Великой Китайской стеной», в толще четырехсот-миллионной массы китайского народа, происходит в настоящее время перегруппировка социальных сил. Наростают новые социальные силы, которые все громче и громче заявляют о своем существовании. И не только заявляют, но и выступают активно на арену китайской общественности.

Такими силами в Китае являются в настоящее время, несомненно: китайское студенчество и численно растущий китайский промышленный пролетариат.

В середине 1919 года, в связи с решением Антанты на Версальской конференции об оставлении Шандуня в цепких лапах Японии, в Китае вспыхнуло сильное движение, которое выявило новую силу китайской общественности,—студенчество.

Почти все учебные заведения в Китае забастовали, и учащиеся пред'явили правительству следующие требования: 1) наказание изменников—китайцев-японофилов, 2) освобождение арестованных в Пекине студентов, 3) требование удовлетворения за дурное обращение с китайскими студентами в Японии, 4) требование гарантий со стороны Англии, Франции и Америки, что Цин-Дао будет возвращен Китаю, 5) скорейшее заключение мира между Севером и Югом, 6) немедленная отдача приказа войскам и полиции не мешать народным митингам.

Среди учащихся возник ряд организаций, которые поставили себе задачей: 1) вести широкую пропаганду бойкота всего японского—товаров, пароходов, кредитных учреждений, предприятий и денежных знаков, 2) возможно большее осведомление населения о продуктах отечественного производства, в целях широкого потребления их населением. Пропаганда учащихся имела большой успех среди купечества, которое при своей организованности (китайские торговые палаты) легко проводит в жизнь, бойкот, используя его, конечно, в своих собственных интересах.

Бойкот, как выражение противо-японских настроений, нашел себе применение, главным образом, в торговле мануфактурными товарами, коврами, книгами, писчебумажными принадлежностями и сахаром. Купеческие общества и гильдии установили правила бойкота, нарушение которых грозит виновным большим денежным штрафом, исключением из гильдии и потерей доверия всего купеческого сословия Китая.

Бойкот распространился в последнее время и на различные промышленные предприятия японцев. Так, в Сучжоу все абоненты японской электрической станции отказались пользоваться электрической энергией. Даже рикши отказывались возить японцев, хотя те и предлагали более высокую плату.

Бойкот не везде протекал мирно. В одних городах (Уху, Чанша, Шаси, Кантоне, Шанхае) некоторые японские фирмы были разграблены, и большая часть товаров торжественно сожжена толпой. Разгрому подверглись также и китайские лавки, торговавшие японскими товарами. В других городах происходили нападения на японцев. Особенно планомерно проводился бойкот в провинции Чже-цзян, где многие японские фирмы имеют свои отделения. Здесь китайские торговцы отказывались продавать японцам даже с'естные припасы, и японцам пришлось уехать в Шанхай.

В большинстве городов Китая, особенно на Юге, почти все японские фирмы вынуждены были закрыть свои конторы и магазины, опасаясь разгрома. Слабее всего противояпонское движение проявилось в Манджурии, так как эта часть Китая, в силу ее особого положения и полной экономической зависимости от Японии, не в состоянии была откликнуться на неоднократные призывы к бойкоту, исходившим от Шанхайской Торговой палаты. Только Харбинское коммерческое общество принципиально решило примкнуть к бойкоту. Но и оно проводило его тайком, дабы не вызвать опасных эксцессов. Тем не менее, в Харбине и Фуизядане вскоре появились прокламации, призывавшие китайцев к самому решительному бойкоту. В последнее время среди китайских коммерсантов во Владивостоке и Никольско-Уссурийске также началось подобного же рода движение.

Противо-японские выступления были опротестованы официальными представите-

лями Японии в Китае, а в газетах появились официальные заявления японского министра иностранных дел о намерении Японии передать Китаю Шандунь со всеми верховными на него правами. Эти шаги японского правительства не оказали почти никакого влияния на бойкот. Бойкот продолжал делать успехи, хотя китайские власти и принимают меры к его прекращению.

После ряда распоряжений китайского правительства о необходимости лойяльного отношения к японцам и ареста в Пекине 400 студентов-демонстрантов, в разных городах Китая вспыхнули забастовки протеста, которые в Шанхае охватили все торговые предприятия. К забастовщикам присоединились служащие банков и рабочие на китайских и иностранных верфях, доках, фабриках и заводах. Забастовка стала распространяться и среди железнодорожных рабочих. К забастовочному движению в Шанхае быстро примкнул ряд городов, главным образом, на Юге. Для охраны предприятий муниципальными советами были организованы в помощь полиции особые отряды добровольцев. Забастовщики выставили требование о немедленном освобождении арестованных студентов и увольнении в отставку министров-японофилов. Движение приняло настолько серьезные размеры, что пекинское правительство пошло на уступки: освободило студетов и об'явило об увольнении неугодных министров.

После этого забастовка пошла на убыль. Но бойкот попрежнему продолжал распространяться. В виду этого Япония вновь заявила решительный протест и послала в Китайские воды военные суда.

Ввиду сильного распространения противояпонского движения на провинцию Чже-цзян, японское правительство поставило в известность правительство Китая, что японским войскам на острове Формозе отдано приказание быть готовыми к переброске в пределы указанной провинции.

Это грандиозное по своим формам участие в движении китайского студенчества, поразившее всех наблюдателей жизни Китая, не было, однако, простой случайностью. Оно явилось результатом большой организационной работы, проделанной студенчеством.

В настоящее время весь Китай покрыт сетью ученических организаций, общее число которых достигает цифры 193. В их состав входят учащиеся средних и высших школ в возрасте от 16 лет. Организация построена на строгой дисциплине и централизации. Центральный орган находится в Шанхае. Схема организации такова: местные организации избирают 3 человек и посылают их в Шанхай, где они образуют законодательный орган из 18 человек. Кроме того, избирается исполком в составе 6 человек. В законодательный орган, кроме местных представителей, входят по 2 представителя от китайских студентов, обучающихся в Японии и Америке, и представитель от русского Дальнего Востока.

Исполком состоит из представителей городов Пекина, Шанхая, Тяньцзина, Кантона, Ханькоу и Нанкина. Председателем законодательного органа является Гун-Де-Бей. Председателем исполкома — Ди-Кан. Члены: Кай-Бей-Цзинь, Ван-Дей-Си, Фан-Фу-Гуан, Цен-Цзао-Шен, Яо-Цзо-Зинь.

Гун-Де-Бей — лидер противояпонской партии, Ди-Кан—социалист из партии Го-Минь-Дан (вместе с Сунь-Вен'ом); Кан-Бей-Дзинь, Ван-Дей-Си и Яо-Цзо-Зинь — члены партии Да-Тун-Дан (социалисты-интернационалисты); Фан-Фу-Гуан—коммунист из партии Чжен-Ли-Ше; Цен-Цзао-Шен — японофоб.

В Шанхае выходят две социалистические газеты: «Чхоу-Бао» и «Шанхай-сюз-шен-жи-бао». Кроме того, в общей печати также обсуждаются вопросы социализма. Местные организации учащихся издают свои газеты.

Большую роль в этом движении сыграл Пекинский государственный университет. Он является мозгом страны, центром, в котором сосредоточена лучшая часть революционной молодежи Китая, находящейся под руководством нескольких испытанных в революционной борьбе профессоров, старейших китайских социалистов. Благодаря тому уважению, которым пользуется в стране и среди учащихся ректор Пекинского университета Цай-Юань-Пэй, анархист по убеждениям, Пекинский университет занимает почти автономное положение, и правительство не рискует наложить на него свою руку. Большая часть студентов университета революционно настроена и считает себя анархистами или большевиками. Студентами издаются два либеральных журнала: «Синь-чао» («Новое Течение»), в издании которого принимают участие и профессора, и «Еженедельник» студентов Пекинского университета. Кроме того, выходит «Ежедневная Газета» студентов Пекинского университета. Как в журналах, так и в газете принимают участие исключительно студенты. Первомайский номер журнала целиком посвящен международному рабочему движению. Студенты Пекинского университета имеют большое влияние на Пекинский союз учащихся, в который входят представители от 29 учебных заведений Пекина. Между Пекинским и Шанхайским союзами учащихся отношения натянутые, ибо Пекинский союз считает Шанхайский игрушкой в руках южных милитаристов, осуществляющих свои интриги за его спиной.

Тем не менее, между северным и южным студенчеством установилась непосредственная связь. Связь эта не ограничивается одним только студенчеством, а распространяется также на надежных представителей политических групп в Шанхае (китайских и корейских), на стачечное бюро союза учащихся, на рабочую организацию и журналистов. Благодаря этому, существовал по-

стоянный контакт с Цзинаньфу, Нанкином, Ханькоу и Чжан-чжоу (провинция Фу-цзянь), а также со всеми городами, в которых имеются союзы учащихся. Особенно прочная связь установлена с Чжан-чжоу, где генералом Чень-цзюнь-мином, — губернатором Фуцзянской провинции, устроена коммуна и ведется в широких размерах пропаганда социалистических учений.

Неудивительно, что китайское студенческое движение приковало к себе общее внимание. Китайское студенчество, несомненно, проявило максимум национально-патриотических настроений. В этом отношении оно шло рука об руку с своей отечественной торгово-промышленной буржуазией, торговыми палатами и др. Тут возможен, конечно, косвенный блок и с американским капиталом, который играет не малую роль в экономической жизни современного Китая. Но в то же время китайское студенчество тесно связывает свою идеологию с социализмом и существующими в Китае революционными организациями и принимает самое активное участие в политической жизни страны, как революционная сила. Это лучше всего иллюстрируется последними событиями в Китае.

Так, после разгрома «аньфуистов», в начале сентября, в зале Пекинского университета состоялось студенческое собрание, на которое были приглашены члены восьми наиболее значительных китайских общественных организаций. На этом собрании пекинское студенчество взяло на себя почин в деле постановки вопроса о созыве «Национального Конвента».

Была принята следующая резолюция:

1) Учредить комитет для подготовки созыва «Национального Конвента»; 2) все организации должны об'единиться в один союз.

Комитет по подготовке к выборам должен озаботиться, в первую очередь, подготовкой к выборам в местные (в каждой провинции — одно) народные собрания, а затем уже каждое из таких провинциальных народных собраний посылает двух представителей в «Великое Народное Собрание» всего Китая (Национальный Конвент), резиденцией которого намечается Пекин или Шанхай.

После созыва Конвента, комитет слагает с себя свои полномочия и превращается в контрольную мандатную комиссию конвента.

Согласно проекта комитета по созыву Национального Конвента, выборы делегатов в него происходят таким образом: Пекин, Тянь-Цзин, Шанхай и Ханькоу посылают по три депутата, каждый округ — по одному и каждое провинциальное народное собрание — по два представителя. Избирательными правами пользуются граждане, достигшие 20 лет.

Национальный Конвент, по мнению инициаторов, должен: 1) установить порядок созыва нового парламента, 2) найти средства освободить государство от задолженности; 3) укрепить мощь армии; 4) опубликовать все секретные договоры и соглашения; 5) выработать конституцию.

Этот почин ярко свидетельствует о значении и силе китайского студенчества, как сознательной политической прослойки в толще китайского народа. Неудивительно, поэтому, что революционные организации Китая в настоящее время ведут ожесточенную борьбу за влияние на широкую массу китайского студенчества.

Революционные организации Китая.

Цитадель китайских революционеров, «кеминтанов» — Южный Китай. Еще со времени Тайпингов здесь раскинулась целая сеть тайных обществ, об'единенных в два больших союза. Первый из них — «Троица» (Сантуе-хоне), имевший распространение в Гуандуне, Гуан-си, Фукиене и Чезяне; второй — «Старые Братья» в Хуане и провинциях Янцзы. Позже, к моменту свержения династии Дайцингов, оба эти союза об'единились в «Общество Согласия», председателем которого был известный китайский революционер Сунят-сен. Эта партия была радикальной, с уклоном в сторону социализма.

Вскоре после первой революции, в период ее развития, образовались следующие партии: 1) Гун-хе-дан (республиканская), 2) Тун-и-хе-дан (коалиционная республиканская партия), 3) Го-мин-дан (демократическая). Последняя образовалась из «Общества Согласия. Ее программой было: 1) об'единение Севера и Юга Китая; 2) уничтожение политических и гражданских различий, связанных с расой; 3) улучшение экономического быта китайского народа; 4) поддержание дружественных отношений с иностранными государствами. Впоследствии эта партия раскололась на два течения, из которых одно и до ныне пользуется большим авторитетом на Юге. Наиболее известны из его членов: Сун-ят-сен, Тан-шао-и и Сун-хун-и.

С момента начала Великой Русской Революции в Китае начали возникать новые партийные группировки. Из последних можно назвать следующие две партии: 1) «*Чжен-лише*» — проповедует коммунистические идеи и ставит своей задачей борьбу с северным и южным правительствами милитаристов. Лидером партии считается Чень-Цзюнь-Мин. В 1911 г., во время первой революции, он был командующим войсками; в 1913 году, во время второй революции, он разбитый Юаншикаем, бежал. В 1917 году поднял восстание, организовал военные части и занял провинцию Фу-Цзянь-Чен-Цзюнь-Мин. Сторонник советской системы. 2) Другая партия «*Да-Тун-Дан*» — социалистическая; она постепенно проникается коммунистическими идеями. В нее входят и китайцы, и индусы. Из активных работников можно назвать Вень-Ли.

Чжан-чжоу, столица провинции Фу-Дзень, является центром, в котором сосредоточены все революционно-социалистические элементы Южного Китая. В этом от-

ношении Чжан-чжоу представляет исключительный интерес: в настоящее время в нем собраны лучшие силы страны, революционно настроенные. Пекинский союз учащихся, Пекинский университет и северные союзы учащихся командируют туда время от времени своих представителей на помощь генералу Ченю в его работе. Спустя некоторое время, эти представители возвращаются на Север вполне подготовленными агитаторами. По отзывам побывавших в Чжан-чжоу, там прекрасно поставлен, так называемый, «Образовательный отдел», организация, занимающаяся, главным образом, устной и печатной пропагандой социалистических учений. Рядом с «Образовательным отделом» находится редакция газеты «Минь-син-бао» («Фунцзянская Звезда»), выходящей в двух изданиях (ежедневно и два раза в неделю). Сотрудники редакции составляют брошюры и прокламации агитационного характера, которые раздаются бесплатно всем жителям Чжан-чжоу и рассылаются вглубь страны. Издание газет в Чжан-чжоу имеет целью, главным образом, пропаганду социалистических учений.

В программу училища в Чжан-чжоу введено преподавание социализма. Чжан-чжоу является для революционной молодежи Китая и для китайских социалистов местом паломничества. По временам здесь устраиваются с'езды китайских социалистов и революционно настроенных групп. С'езды приурочиваются к китайским праздникам или школьным каникулам. Так, весной 1920 года в Чжан-чжоу происходили большие манифестации на городской площади. Рабочие, учащиеся, солдаты и крестьяне принимали участие в грандиозной процессии, неся в руках красные знамена. Во время манифестации произносились речи, раздавались прокламации и брошюры анархического содержания, составленные, как говорят, старым анархистом Шифу, проповедником «чистого» анархизма в Китае. Брошюры и листовки под заглавием «Спасайте жизнь!» раздавались школьниками и школьницами, а речи произносились прежними социалистами и вновь обращенными «коммунистами», бывшими пропагандистами противо-японского бойкотистского движения, бежавшими от преследований пекинского правительства в Чжан-чжоу.

Для иллюстрации приводим содержание прокламации, разбрасывавшейся в Чжан-чжоу 1 мая во время манифестации.

В какое время мы живем?

—Когда человек эксплуатирует человека, сильный — слабого, богатый — бедного, преступник—невинного, бесчестный—честного.

В животном мире вы не встретите ничего подобного. *Почему же это происходит?*— Существует государство, правительство, чиновники, буржуазия и солдаты—это сильные. Они то и эксплуатируют слабых.

Существует частная собственность, деньги, существуют мелкие собственники, средняки и капиталисты. Они владеют землей, они захватили машины, они хотят, чтобы жилища, одежда и пища принадлежали только им.

Оттого, что чиновники и капиталисты опираются на силу, преступники могут среди бела дня эксплуатировать людей.

Неповинна в этом только подлинная демократия, простой народ. Спасайте жизнь! Правительство эксплуатирует народ. Капиталисты тоже. Как бедна жизнь нашего народа! Изо дня в день, из года в год он живет без всякого интереса, выбиваясь из сил и терпя невыразимые страдания; пашет, работает, торгует. Как помочь этой беде? Чтобы спасти жизнь, есть одно лишь средство — революция.

Что такое социальная революция? Социальная или экономическая революция не походит на политическую. Но прежде, чем начать экономическую революцию, надо свергнуть правительство эксплуататоров. Еще важнее уничтожить всех капиталистов. Впоследствии не должно быть частных собственников. Кто не работает, тот да не ест! Да будет абсолютная свобода и равенство в пище и труде!

Учащие и учащиеся! Вы учите и учитесь. Приготовьтесь же к тому, что вы будете получать пропитание за ваш труд соответственно вашим способностям.

Вы не должны, кое-как подучившись, превращаться в послушных псов правительства и капиталистов.

Солдаты! Вы должны быть здоровыми и сильными, чтобы быть в состоянии уничтожить правительство и капиталистов; вы должны пожертвовать собой в интересах лучшего будущего нашего народа, ради всеобщего блага.

Землеробы! Об'единяйтесь в союзы. Только тот, кто сам обрабатывает землю, может пользоваться ее плодами. Земля дана природой. Ваш труд и силы принадлежат вам. Вносить подати правительству и платить аренду землевладельцам—это то же, что давать им пить вашу кровь и есть ваше мясо.

Рабочие! Вы умеете строить дома — а потому должны жить хорошо. Вы умеете ткать — и вы должны быть хорошо одеты. Вы умеете делать различные предметы — а потому должны наслаждаться величайшим благополучием.

Почему же ныне вы также терпите лишения? Об'единяйтесь в профессиональные союзы! Захватывайте в свои руки материалы, станки и машины! Кто посмеет угнетать вас?!

Безработные скитальцы! Довольно праздновать! Соединяйтесь в толпы и идите войной на капиталистов! Земля, поля, сады, фабрики, машины и материалы должны быть общими. Тогда у вас будет работа и пища. И не будет безработных.

Слушайте все! Социальная революция — это не пустая комедия замены императора президентом. Это — единственное средство

спасти нашу жизнь. Народы всего мира должны принять в ней участие. Присоединяйтесь! Присоединяйтесь! Чем раньше начнем революцию, тем скорее спасем нашу жизнь».

* * *

Автором этой прокламации называют старого китайского анархиста *Ши-Фу*. Одно не подлежит сомнению: в этой прокламации много данных, указывающих на проникновение в китайскую патриархальную жизнь новых классовых моментов и вытекающих отсюда классовых противоречий. А это тесно связано с тем, что на китайском побережьи Тихого океана уже задымились фабричные трубы.

Все чаще и чаще приходится слышать о забастовках китайских рабочих.

Промышленная хроника Китая может уже привести такие факты: более 20.000 углекопов, работавших на самую крупную английскую фирму «Горная администрация Кайлан», забастовали. Забастовкой охвачены были города: Танг-Шан, Макияку, Ликшике и Чао-Куочванг. Положение признавалось серьезным. Рабочие требовали увеличения заработной платы на 100% для тех, кто получает меньше 50 центов в день, и увеличения на 10% всем, кто получает более 50 центов в день. Администрация отказалась удовлетворить это требование. Повсюду у копей поставлены были полицейские. Такие забастовки теперь в Китае не редкость. Они имели место и в Гонг-Конге, и в Шанхае, и в Джилийских каменноугольных копях. За последние годы рабочее движение разлилось по всему западному Китаю и затронуло не только квалифицированных рабочих, но и чернорабочих. Последние, впрочем, весьма редко принимали участие в забастовках, как мало организованные.

Большинство китайских рабочих состоит в союзах («Гильд»), защищающих их интересы. Квалифицированные рабочие Китая, как более развитые, лучше организованы и более сознательны.

В Гонг-Конге недавно бастовали раоочие—техники и токари; в Шанхае была 4-дневная забастовка плотников и маляров; забастовщики требовали увеличения заработной платы и т. п.

Гораздо более широкие размеры приняли забастовки в Кайланских рудниках. Прекращение работ произошло, главным образом, из-за того договора, который существует между рабочими и мелкими предпринимателями—подрядчиками.

Дело в том, что в Китае продолжает еще существовать давно изжившая себя система контрактов, по которой рабочие углекопы подчиняются не непосредственно компании, а мелким предпринимателям, которые заключают с ними контракты на весьма тяжелых условиях и эксплоатируют их труд, присваивая себе значительную долю рабочего заработка.

В связи с начавшимися забастовками среди углекопов, можно надеяться, что недалеко то время, когда более организованные квалифицированные рабочие станут на защиту своих товарищей и положат конец системе подрядничества, «потогонной системе», открывающей такое широкое поле для эксплуатации китайских пролетариев.

Китайская коммунистическая организация «Чжень-ли-ше» учла это развивающееся рабочее движение и пытается опереться на него не покидая своей другой опоры — студенчества. На западном Тихоокеанском побережьи Китая в настоящее время насчитывается уже довольно много рабочих организаций, которые создались в процессе роста классового самосознания китайского пролетариата. Очередной задачей китайских коммунистов является об'единение всех этих, пока еще распыленных сил для создания мощной Китайской Коммунистической партии.

В. Виленский (Сибиряков).

„Члены Коммуны разделялись на две партии: большинство, к которому принадлежали бланкисты, господствовавшие и в Центральном Комитете национальной гвардии, и меньшинство, образовавшееся из членов Международного Товарищества Рабочих—преимущественно последователи Прудона. Бланкисты были тогда социалистами большею частью лишь по революционному, пролетарскому инстинкту; только немногие из них поднялись до более ясного понимания принципов, благодаря Вальяну, знакомому с немецким научным социализмом. Понятно поэтому, что Коммуна упустила в области экономических отношений много такого, что, по нашим теперешним понятиям, необходимо было сделать. Труднее всего понять теперь ее благоговение перед Французским Банком. Это было и политически крупной ошибкой. Банк в руках Коммуны имел больше значения, чем 10.000 заложников. Завладей она им,—вся французская буржуазия начала бы оказывать давление на версальское правительство в интересах мира с Коммуной“.

Фридрих Энгельс.

ОЧЕРК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЯПОНИИ ДО 1917 г. *)

После Японско-китайской войны (1894—95) капитализм получил в Японии быстрое развитие. В качестве неизбежного его спутника впервые появилось в стране и рабочее движение. Тов. Катаяма, долго учившийся в Америке, привез с собою в Японию идеи социализма и рабочего движения. Последнее было сначала чистым рабочим движением и пользовалось некоторой поддержкой или, по крайней мере, сочувствием политических деятелей, профессоров и других представителей интеллигенции. Оно подавало известные надежды. Был образован союз металлистов, который сыграл влиятельную роль в забастовке рабочих японской железно-дорожной кампании в 1898 г.

В 1899 г. образовалась «Ассоциация для изучения социализма». Она собиралась в унитариатской церкви в Токио. Но скоро более передовые члены этого общества перестали довольствоваться одним только «изучением». Они отделились от более консервативной части и открыто повели социалистическую пропаганду. Их группа стала называться «Социалистической Ассоциацией». Духовными вождями ее были: Изо Абе, верующий унитарий, изучавший богословие в Америке, и Катаяма. В 1901 году они образовали «Социал-демократическую Партию» и опубликовали свою программу на столбцах «Иорозу Чого», очень популярной ежедневной газеты. В Японии требуется сообщать правительству имена членов исполнительного комитета всякой политической партии,—потому ему было сообщено о следующих пяти лицах: Катаяма, Абе—лектор Васедского университета, Денжиро Котоку и К. Каваками—сотрудники «Иорозу Чого», Н. Кинозита—сотрудник «Май-Ничи-Шимбун» и Нишикава—, окончивший университет в Васеда (Waseda) Партия была сейчас же запрещена, но все же сумела оказать сильное влияние на широкие круги общества: с тех пор слово «социализм» вошло в обиход каждого интеллигентного человека.

Около этого-же времени некто Яно, Известный либерал, писатель и бывший японский полномочный министр в Китае, выпустил книгу «Новое Общество», которая произвела большое впечатление на читающую публику. Это была утопия в роде «Через 100 лет» Беллами. Тогда же появились «Сущность Социализма» Котоку и «Решения социальных вопросов» Абе. Между тем Социалистическая Ассоциация, которая снова сформировалась, как частная группа, с Абе—в качестве председателя и Катаяма—в качестве секретаря, стала издавать небольшой журнал «Мир Труда», а затем—периодический орган «Социалист». Она стала также ежемесячно устраивать публичные лекции и издала несколько брошюр.

В это-же время и рабочие постепенно стали присоединяться к движению. Многие из них начали посещать митинги. Даже в Юбарских каменноугольных копях в Хоккаидо, на далеком севере Японии, в районе очень отсталом в культурном и промышленном отношениях, социалистические журналы находили себе читателей среди масс.

В 1903 году, в связи с угрожавшей тогда войной между Россией и Японией, возникли разногласия среди сотрудников «Иорозу Чого». Газета считалась социалистической, потому что в ней сотрудничали многие социалисты и социал-реформисты, и она решительно выступила против войны. Но, когда война представлялась уже неизбежной, собственник газеты изменил свой взгляд и стал сторонником войны. Котоку, Ишикава и Сакай (автор настоящей статьи) не согласились с этим взглядом и вышли из состава редакции. (Вышеупомянутый Каваками был в это время в Америке и тоже изменил свои взгляды. Он живет и сейчас в Америке и усиленно старается, повидимому—не без успеха, забыть о том, что он был одним из основателей Японской Социал-демократической Партии). Три названных социалиста вскоре приступили к изданию еженедельника под названием «Геймин Шимбун» («Народные Новости»), который пользовался большим успехом. Это послужило поворотным пунктом в истории японского социалистического движения.

II.

Журнал «Геймин Шинбун» сделался центром социалистического движения. Его смелая оппозиция войне вызвала сочувствие многих. Его тираж превысил пять тысяч. Катаяма (который по личным делам должен был снова отправиться в Америку), Абе, Кинозита, д-р Като и другие влиятельные лица оказывали ему поддержку. Нишикава вошел в состав редакции. Группа «Геймин Шинбун» проявляла большую агитационно-пропагандистскую деятельность. Каждое воскресенье в конторе журнала устраивались вечерние собрания, всегда хорошо посещавшиеся. Группа выпустила много книг и брошюр, а юные товарищи распространяли эту литературу по всей стране. Особое внимание публики привлекали молодые девушки, продававшие и распространявшие социалистические газеты и брошюры. В провинции образовались местные группы. Центр организовал несколько лекционных турне по провинции. Это был

*) Статья эта была послана в Россию в середине 1917 года, но благодаря колчаковщине, отрезавшей Сибирь от центра, только теперь попала в редакцию. Статья тов. Сен Катаяма отчасти ее дополняет.

Ред.

самый блестящий период социалистического движения в Японии.

Скоро начались, однако, репрессии. Нашу газету часто приостанавливали. А когда мы выпустили перевод «Коммунистического Манифеста» Маркса и Энгельса в ознаменование годовщины первого его издания, журнал был вовсе закрыт. Скоро, однако, мы выпустили новый еженедельник «Чокуген» (что по японски означает «высказано») и продолжали борьбу, несмотря на репрессии. Сакай, Котоку и Нишикава были заключены в шюрьму на несколько месяцев. Кинозита, во время выборов, был нами выставлен кандидатом в парламент. Он получил всего 28 голосов, но все же это было успехом, принимая во внимание репрессии и ограничения избирательного права. Абе отстранился от активного участия в движении, в виду своей преподавательской деятельности в университете, хотя он все еще заявлял себя социалистом.

В 1904 году Катаяма участвовал в международном социалистическом конгрессе в Амстердаме, как представитель Японии, и пожимал руку Плеханову, русскому делегату, в самый разгар Японско-Русской войны.

В 1905 г. «Чокуген» был окончательно закрыт, и группа распалась на две части. До того ее направление страдало некоторой неопределенностью. Она включала в своем составе много христиан, морализирующих социалистов и умеренных реформистов. Известное представление о пестроте состава нашей группы могут дать изданные нами иллюстрированные открытые письма: они состояли из пяти серий отдельных портретов: Маркса, Энгельса, Лассаля, Кропоткина и Толстого. Поэтому, когда нашему движению пришлось принять более революционный характер, то те элементы, которые проявляли христианско-этические тенденции, не могли примириться с последовательной прямолинейностью и решительностью других, более радикальных членов. Произошел раскол.

После войны стали выходить два новых социалистических журнала: «Шинкиген» («Новая Эра»)—орган христиански-социалистического направления, издававшийся Тсаикавой, при ближайшем участии Кинозита и Абе, и «Кинари» («Свет»), издававшийся Нишикавой и Ямагучи, при участии Котоку, Сакай и других. Этот журнал отстаивал идеи революционного и материалистического социализма.

Уже тогда Котоку проявлял некоторые анархические тенденции. Пребывание в тюрьме, серьезно расстроило его здоровье, и он предпринял путешествие в Америку, чтобы восстановить свои силы.

Сакай выпустил новый педагогический журнал: «Изучение социализма».

Рабочее движение как будто временно замерло. Внезапно, однако, в Токио вспыхнуло народное возмущение, направленное против Токийского трамвайного общества, решившего значительно повысить проездную плату. Произошли внушительные демонстрации в парке Гибия и наши товарищи приняли в них активное участие. Возбуждение дошло до такой степени, что толпа стала поджигать на улицах трамвайные вагоны. В связи с этим многие из наших товарищей были заключены в тюрьму. (Еще до этого, а также и после этого многие товарищи были заключены в тюрьму за статьи в социалистических журналах. Аресты стали теперь обыкновенной вещью для социалистов).

Парк «Гибия» всегда служил ареной для народных волнений. Здесь разыгрались крупные беспорядки, после заключения мира между Россией и Японией. Благодаря милитаристической агитации, благодаря обещаниям великих побед и славы, а также материальных выгод от войны—японский народ глубоко проникся шовинистическим духом. Японское правительство вышло из войны победителем, но не сумело добиться от России возмещения убытков, и народ, почувствовавший себя обманутым и бесцельно вовлеченным в войну,—испытал глубокое возмущение. Некоторые политические деятели воспользовались этим настроением и повели борьбу против правительства устно и письменно. В конце концов, возбужденные массы собрались в парке Гибия и, быстро возрастая в числе, двинулись по улицам Токио и в течение двух суток громили конторы газет, сожгли здание министерства внутренних дел, находящееся около самого парка, и почти все полицейские участки на главных улицах.

После этого парк Гибия окончательно стал излюбленным местом для всякого рода демонстраций. Массовые беспорядки стали происходить здесь всякий раз, когда народ чувствовал какую-нибудь серьезную обиду. И так как парк расположен вблизи здания парламента, то массовые митинги в Гибия получили название «парламента вне парламента».

III.

После Русско-Японской войны капитализм в Японии начинает развиваться быстрее прежнего. Стали возникать в широких размерах новые отрасли промышленности. «Нарикин» (новые богачи)—выскочки-миллионеры старались выставлять на показ свои богатства. Главные города стали быстро разрастаться, а население деревень стало быстро уменьшаться. Условия жизни трудящихся масс в городе и в деревне стали очень тяжелыми. Назревало всеобщее недовольство.

Котоку вернулся из Америки, и наши товарищи почувствовали прилив энергии. Мы опять об'единились и стали издавать новую ежедневную газету, под старым названием «Геймин Шимбун». Котоку, Сакай, Нишикава, Ишикава, Тазоэ, Ямагучи и Ямакава были в числе сотрудников, Кинозита ушел от движения. Абе, Катаяма, д-р Като и другие помогали нам извне. Като вскоре уехал в Европу и был нашим делегатом на социалистическом конгрессе в Штутгарте 1907 г.

Несмотря на большой тираж (10.000), нашей ежедневной газете с самого начала при-

шлось преодолевать большие затруднения. Недостаток в средствах и правительственные репрессии заставили, спустя три месяца, прекратить ее издание. К тому времени произошла крупная забастовка на медных рудниках района Ашио (Ashio), приведшая к столкновениям между полицией и рабочими. Организаторы и руководители упомянутой уже выше забастовки Юбарских горнорабочих были теперь в Ашио и, разумеется, поддерживали тесную связь с социалистами. Лидеры горнорабочих, Минами, Наговока и многие другие были заключены в тюрьму. Нишикава и другие товарищи-социалисты были также арестованы. В связи с этими событиями усилились репрессии и в отношении нашей газеты.

И в нашей собственной среде обнаружились разногласия. У тов. Котоку все яснее определялись его анархистические тенденции, он стал решительным противником тактики парламентаризма и проповедывал необходимость прямого действия. Катаяма, Тазоэ (Tazoe), получивший также образование в Америке, и другие стояли за парламентаризм. Сакай не был противником прямого действия, но в то же время считал необходимой и парламентскую борьбу. Мы могли сохранить политическое единство лишь в течение короткого времени и вынуждены были созвать партийный с'езд для обсуждения вопроса о нашей тактике в дальнейшем.

На с'езде Котоку предложил резолюцию за прямое действие, Тазоэ — за парламентаризм, Сакай предложил компромиссную резолюцию, признающую как политическую борьбу, так и прямое действие. Эта резолюция и была принята. На этом с'езде присутствовал из Англии и выступил с речью Кейр-Гарди.

Вскоре, однако, мы утратили и нашу газету, и нашу партию. Наше движение разбрелось в разные стороны. Катаяма и Нишикава стали издавать ежемесячник: «Шакай Шимбун» («Общественные Новости»), тов. Маришика — двухмесячник: «Геймин Шимбун» в Осаке; Сакай, Ямакава и Осуги организовали просветительный клуб, который назвали «Клубом вторников». Котоку уехал домой, в провинцию, Катаяма опять уехал в Америку, Нишикава и другие начали издавать новый ежемесячник: «Токио Шакай Шимбун». К сожалению, приходится признаться, что мы тогда вели ожесточенные споры между собою.

У нас были в это время обширные связи с революционерами Китая, Кореи, Индии и Аннама, более или менее социалистическими или анархистическими. Мы часто посещали собрания китайских товарищей в Японии, и многие из них часто принимали участие в наших собраниях. В нашей среде находилось тогда также несколько европейских товарищей: Гершуни из России, Пильсудский из Польши (оба прибыли из Сибири) и упомянутый уже Кейр-Гарди из Англии.

Однажды вечером, когда полиция ворвалась в наше собрание и разогнала собравшихся, мы забрались на крышу дома и оттуда произносили речи перед собравшейся на улице толпой. Многих из нас арестовали. Среди задержанных был китайский товарищ Чанг-Чи, которому, однако, удалось вырваться из рук полицейских и скрыться. Он был заочно приговорен к двум месяцам тюрьмы, но его не удалось задержать в Японии. Теперь он играет видную роль среди китайских революционеров.

IV.

В 1908 году возникло так называемое «дело о красных знаменах». Мы собрались для встречи тов. Ямагучи, только что выпущенного из тюрьмы; к концу собрания Осуги и другие выкинули два или три красных флага с белой надписью. «Анархический Коммунизм» и понесли их по улицам во главе демонстрации. Вскоре появилась полиция и попыталась отнять флаги. Произошла жестокая схватка вокруг красных знамен. Улицы наполнились волновавшейся и бушевавшей толпой народа. Среди наших товарищей было несколько молодых девушек; и вот произошла невиданная в Японии сцена: с горящими глазами и распущенными волосами девушки бросились на помощь товарищам - мужчинам, отбиваясь от полиции и протестуя против нее. Многих товарищей арестовали, в том числе—Сакая. Девушки были через некоторое время освобождены, а Осуги, Ямакава, Сакай и несколько других были приговорены к тюремному заключению на сроки от одного до двух с половиной лет.

Как раз тогда Котоку вернулся в Токио. Он хотел возродить социалистическое движение, но вследствие жестоких репрессий почти ничего не мог сделать. Он стал издавать новый журнал: «Свободная мысль», который вскоре был закрыт. Движению пришлось уйти в подполье. Много анархических брошюр и листков тайно распространялось по всей стране; была переведена и тайно издана книга Кропоткина: «Хлеб и Воля» Правительство было в недоумении и проявляло бессильное бешенство. У дома Котоку была организована постоянная охрана, и несколько полицейских беспрерывно дежурили там в специально устроенном для этой цели помещении. Несмотря, однако, на все эти меры, Котоку и другие все-же продолжали до известной степени свою деятельность, и пропаганда велась по прежнему.

Весной 1910 г. где-то найдено было несколько бомб. Котоку и много других анархистов и социалистов были немедленно арестованы. Консервативное большинство населения было терроризовано сообщением о покушении на жизнь императора. Правительство назначило чрезвычайный суд при закрытых дверях. 24 человека было приговорено к смертной казни по обвинению в том, что они (как сказано было в приговоре) «были более или менее прикосновенны к покушению на жизнь его императорского величества в день рождения императора, 3 ноября». (Автор

этой статьи сам мало знает об этом деле, так как сидел в это время в тюрьме. Но даже то немногое, что он знает, он не вправе рассказывать).

Двенадцати осужденным смертная казнь заменена была пожизненным заключением; остальные двенадцать были повешены 24 января 1911 г. в тюрьме, в Токио. Может быть, будет интересно дать некоторые сведения о повешенных.

Денжиро Котоку—41 года; очень слабого телосложения, худой, небольшого роста; был хорошо знаком с английской и китайской литературой, и всеми признавался одним из наиболее талантливых писателей Японии; был учеником Накаэ (Nakae), известного исследователя истории французской демократии, по своим религиозным взглядам—был последовательным атеистом, и во время своего последнего заключения написал книгу «Бегство Иисуса Христа»; имел старушку мать, которую глубоко любил и которая скончалась перед самой его казнью.

Суга Канно—31 года; весьма образованная женщина, хотя и не окончившая высшей школы; одно время была журналисткой; очень обоятельная подруга Котоку—вплоть до их ареста; страдала чахоткой.

Гудо Учияма—около 35 лет; до отлучения от церкви за свои взгляды был буддийским священником секты Зен (Zen) в Гаконе (Hakone), очень активный пропагандист.

Тадао Ниммура—25 лет; самый молодой из казненных товарищей, сын мелкого фермера, был очень деятельным и обладал весьма решительным характером.

Рикизаку Фурикава—29 лет; садовник, очень интеллигентный человек. (Этот товарищ выглядел мальчиком, будучи слишком маленького роста даже для японца).

Такичи Мияшита — 37 лет; машинист, единственный рабочий среди повешенных.

Сейнозика Оиши (Oishi)—45 лет; доктор медицины, учился в Америке, талантливый литератор и философ, имел много последователей в своей провинции в Кии.

Уичита Матцуво—около 30 лет; буддист, хорошо образованный, издатель провинциального журнала в Кумамото.

Уичиро Ниими—около 30 лет; сотрудник Матцуво в его журнале.

Умпей Моричика—31 года; окончил сельско-хозяйственную школу, был одно время гражданским чиновником; марксист.

Геиширо Наруиши (Heishiro Naruishi) — 30 лет; студент-юрист, последователь Оиши.

Кенеи Окумиа — старый революционер 37 лет; был одно время очень деятельным членом старой либеральной партии, сидел много лет в тюрьме за какой-то политический заговор.

(Возраст вышеперечисленных лиц указывается мною лишь приблизительно верно, поскольку мне не изменяет память).

О пожизненно-заключенных приходится сказать немного. Их положение совершенно безнадежное. Живут они в невозможных условиях. Никого не могут видеть, кроме близких родственников; для чтения им дают лишь религиозно-нравственные книги или сочинения патриотического содержания. Товарищ Кемай Такагис, социалист, бывший раньше буддийским священником, 44 лет покончил самоубийством в Чибийской тюрьме в 1913 году. В той же тюрьме два года позже покончил самоубийством товарищ Сецудо Минао, 32 лет, также социалист и буддийский священник. Из двух других заключенных в этой же тюрьме, Доген Сазаки самый молодой из 24-х, едва достигший ко дню приговора двадцати лет, несколько раз безуспешно покушался на самоубийство и, наконец, умер от болезни; Иожиро Тобиматзу—молодой фермер, еще жив, но болен.

В Аките сидит в тюрьме товарищ Сейма Сакамото, единственный среди арестованных анархист-коммунист, которому приговор был смягчен, все остальные социалисты. Он был террористом и отличался очень пылким характером. В этой же тюрьме сидят Сейчи Сакикубо и Канзабро Наруиши, все еще влача свое жалкое существование. Из пяти товарищей, заточенных в Нагасакской тюрьме—Ястаро Миура—30 лет скончался в 1916 г.; Еличиро Окалюто, бывший студент университета в Васедо, пренебрегший своим общественным положением и сделавшийся рабочим, умер от рака; Тараматзу Окабиаши—бывший врач, сошел с'ума; Киуга Такедаи и Ушижи Комацзу все еще ведут в тюрьме свою замученную жизнь.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить здесь благодарность нашим заграничным товарищам, особенно американским анархистам, выразившим братскую солидарность с нами в протесте против «дела Котоку» и оказавшим нам моральную и материальную поддержку.

V.

После «дела Котоку» наше движение опять прекратилось на время. Правительство было напугано до истерики, самые слова «социальный», «общество» стала в его глазах опасными. Многие из проникшихся нашими идеями, боялись теперь говорить о «социализме и анархизме». Все сочувствовавшие нам и даже некоторые из наших старых товарищей скрылись. Даже тов. Нишикава, один из самых энергичных и красноречивых наших вождей, порвал с нами. За оставшимися товарищами была установлена постоянная полицейская слежка. Всякие издания и собрания были категорически воспрещены.

При таких условиях, при господстве «белого террора», как сказал бы тов. Де-Клейр (De-Cleyre), мы крайне обрадовались возникновению крупной забастовки трамвайных служащих в Токио в начале 1912 года. В 1913 году т. т. Осучи и Арагата начали издавать журнал «Новая Мысль», литературно-философский по своему внешнему ха-

рактеру, но в основе с анархическим и синдикалистским оттенком; его идеи нашли себе живой отклик—особенно в литературном мире, где господствовал натурализм и преобладали анархо - индивидуалистические тенденции. «Новая Мысль» возникла весьма своевременно. Осуги и Арагата скоро приобрели себе репутацию талантливых писателей и революционеров. Вокруг них образовалась группа единомышленников, которая созывала немногочисленные собрания на частных квартирах. Новое движение стало прокладывать себе дорогу. Но когда, просуществовав два года, журнал превратился в орган пропаганды и политической агитации под старым названием «Геймин Шимбун», он был немедленно закрыт навсегда, и этот удар опять приостановил развитие неокрепшего еще движения.

В том же 1915 г. Сакай стал издавать журнал «Новое Общество», который выходит и в настоящее время. Конечно, нет возможности свободно печатать все, что отражало бы взгляды редакции, но все же в журнале помещается все, что возможно при существующих условиях. Журнал «Новое Общество»—марксистского направления, но в нем сотрудничают и синдикалисты и анархисты. Этот журнал принадлежит не Сакаю, а издается совместно несколькими товарищами. Главными сотрудниками, кроме Сакая, состоят: Ямакава, Такагата, Ямагучи, Арагата, Ясунари. Иногда устраиваются небольшие собрания. Новое движение постепенно разростается.

Во время общих выборов прошлой весной тов. Сакай был намечен группой социалистов кандидатом в парламент. Предвыборная кампания была весьма деятельной, несмотря на применявшиеся правительством, по обыкновению, репрессии.

Все наши публичные собрания срывались полицией, наши воззвания, программы и другой печатный материал конфисковывались. Даже заметка, рекомендовавшая кандидатуру Сакая, подверглась запрещению. Сакай получил только 25 голосов, но это не является для нас поражением, принимая во внимание, что только одна сороковая часть всего населения пользуется правом голоса. Массы, собиравшиеся на наших митингах, выражали нам всегда свое горячее сочувствие и их аплодисменты и клики одобрения служили для нас внешним показателем того, что движение медленно, спокойно и на этот раз неотразимо прокладывает себе дорогу.

Еще несколько слов о возникшем около пяти лет тому назад рабочем союзе под названием Ю-Ай-Кай (Товарищеская Ассоциация). Председатель Союза, некто *Сузуки*, окончивший императорский Университет, имеет много друзей в высших сферах и пользуется связями с некоторыми банкирами и купцами. Отсюда легко себе представить характер союза. Сузуки рассматривается в некоторых кругах, как «Японский Гомперс». В прошлом году он ездил в Америку и жал руку своему американскому прототипу, Самуэлю Гомперсу.

Необходимо, однако, помнить, что Ю-Ай-Кай теперь единственная рабочая организация в Японии и что она все более разрастается, насчитывая уже теперь 60.000 членов. Поскольку это рабочий союз, хотя и находящийся в настоящее время под очень сильным консервативным влиянием, мы все же можем многого ожидать от него в будущем.

САКАЙ.

„Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, достигнув власти, не может пользоваться для своих целей старой государственной машиной; что если этот класс не хочет потерять только-что завоеванное господство, он должен, во-первых, устранить весь старый, направлявшийся до тех пор против него самого механизм угнетения, с другой—обезопасить себя со стороны своих собственных служащих и уполномоченных—обезопасить тем, чтобы их можно было в любое время и всех без исключения смещать. В чем состояла до сих пор характерная особенность государства? Простым разделением труда общество создало себе особые органы для защиты интересов. Но современем эти органы и первый среди них—государственная власть, служа своим частным интересам, стали из слуг общества его повелителями. Такое явление происходит не только в наследственных монархиях, но и в демократических республиках“.

Фридрих Энгельс.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЕЯНИЯ В ЯПОНИИ.

Война 1916—1919 г.г. принесла человечеству много тяжких бедствий. Рабочие и неимущее население воевавших стран все еще страдают от ее последствий. Для них мир еще не наступил. Они сделались жертвами милитаризма, который стал господином положения во всех странах мира. Национализм, сильно окрашенный джингоизмом, господствует во всех странах Европы и Америки. В результате войны оказалось, что рабочие и бедняки угнетены более, чем когда-либо.

Единственное различие в стремлениях двух диктатур—диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии—заключается в том, что первая требует господства только на время, а вторая хочет утвердиться навсегда. Диктатура пролетариата существует лишь до тех пор, пока не уничтожено реакционное могущество буржуазии, тогда как диктатура буржуазии имеет постоянный характер и существует для того, чтобы поддерживать господство капиталистического класса.

С тех пор, как Япония усвоила европейскую систему управления, японские рабочие совершенно подавлены самодержавным капиталистическим правительством. Полиция, суд, тюрьмы и солдаты — все эти орудия подавления заимствованы из других стран и сконструированы по германским образцам, Однако, Япония занимала иное положение. нежели остальные союзные державы. Она наживалась благодаря работе своей военной промышленности. Прибыль в этой отрасли промышленности часто достигала 75%—100%. В стране накопилось несколько тысяч миллиардов. Это процветание промышленности и внешней торговли вызвало необычайное повышение цен на предметы первой необходимости, в особенности, на пищевые продукты. Капиталисты повсюду наживали миллионы, а на долю рабочих выпадали лишь жалкие крохи. Рабочие не могли вынести нужды, вызванной повышением цен на рис, эту основную пищу японцев, и возмутились против торговцев рисом.

Крупный бунт вспыхнул в августе 1916 г. Он вылился в большие беспорядки во многих местах; в движение было вовлечено до 10.000.000 человек. У многих торговцев рисом были сожжены дома и склады. Десятки тысяч людей были арестованы. Около 8.000 преданы суду и приговорены к штрафам и тюремному заключению. Ко всем были применены высшие меры наказания. Разумеется. Беспорядки были, конечно, подавлены полицией, многие были ранены и убиты солдатами. После долгой борьбы, властям удалось, наконец, сломить массовое выступление рабочих и бедняков.

Действия японского правительства выяснили рабочим назначение полиции и армии. Они знают теперь, что та и другая являются орудиями капиталистов и существуют только для того, чтобы подавлять выступления со стороны рабочих. У рабочих зародилось большое озлобление против армии, полиции и, вообще, против всего правительственного аппарата. В то же время, народные массы в Японии на опыте убедились в своей силе во время бунта в августе 1918 г. Они знают теперь, что полиция и даже армия оказываются бессильными пред лицом хорошо организованного действия масс.

Благодаря этому опыту, японские рабочие смогли лучше понять значение русской революции. Они с самого начала живо заинтересовались событиями в России. Солдаты и рыбаки, вернувшиеся из Сибири, привезли подробные сведения относительно существующих в России условий жизни. Японские газеты сообщают время от времени что среди японских солдат в Сибири ведется пропаганда в духе большевизма. Эта пропаганда велась в некоторых случаях русскими, а в других—японцами, воспринявшими идеи большевиков. Японские военные власти были охвачены ужасом при этих известиях и принимают строгие меры предосторожности против этой пропаганды.

Пропаганда была весьма успешной. В одном случае, например, 27 солдат, находившихся в Сибири, избили своих офицеров. Взбунтовавшиеся солдаты были отправлены на родину и преданы военному суду. Пропаганда среди солдат ведется также и в самой Японии. В одной армейской дивизии тайно распространялись печатные листки такого содержания, что, в случае обнаружения, их авторов постигла бы смертная казнь. Многие отбывают наказание в тюрьмах по приговорам суда за то, что у них нашли такие листки.

Выдающимся примером является, в данном случае, происходивший недавно процесс, в котором был осужден один из профессоров университета. Этот профессор занимается изучением большевизма. Кто-то прислал ему из Сибири большевистский агитационный листок. Полиция обнаружила его, и одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы профессора приговорили к тюремному заключению на несколько месяцев.

Кроме того, ведется подпольная пропаганда в широких размерах. Правительство наложило запрет на всякую литературу радикального характера,—и в результате развилась подпольная деятельность.

Со времени рисовых бунтов японские рабочие продолжали вести борьбу против

капитализма при помощи забастовок. В Японии забастовка считается преступлением, и забастовщики подлежат аресту и заключению в каторжную тюрьму на шесть месяцев. Рисовые бунты в большинстве случаев представляли собой массовые действия и происходили в городах и крупных промышленных центрах. Движение масс приняло громадные размеры, и теперь забастовки происходят во всех отраслях промышленности, несмотря на закон против забастовок. На фабриках, железных дорогах и горных промыслах забастовки стали обычным явлением. Некоторые из них оканчиваются победой рабочих, другие — поражением, но движение постепенно растет.

Для японских рабочих революция в России и Германии явилась настоящим откровением. Даже кули на улицах Токио резко отвечают полицейскому, напоминая ему об участи царя и кайзера.

За последние 40—50 лет научились пользоваться машинами и инструментами, которые они сперва привозили с Запада, а потом стали изготовлять у себя. Теперь они умеют строить фабрики, пароходы, броненосцы, проводить железные дороги, лить пушки и выделывать боевые снаряды. Разумеется, у них не было времени научиться другому, например, политике и социальным реформам. При каждом движении вперед приходилось считаться с реакционным законодательством.

Теперь, когда они прошли школу настоящего промышленно-технического образования и начали приспособляться к современному капиталистическому режиму, они начали также защищать свои права, несмотря на суровый бюрократический режим. За последнее время они узнали, что забастовки и бунты требуют слишком много жертв. Поэтому они нашли иной способ ведения борьбы против капиталистического гнета—посредством организованного открытого саботажа.

В первый раз удалось успешно провести саботаж 16.000 рабочим на судостроительной верфи в Кобе, в августе 1919 г., в течение 10 дней. Этот саботаж явился первой попыткой этого рода в Японии. Он был произведен в широких размерах, и о нем было заранее открыто заявлено владельцам и всему свету. Рабочие собирали взносы, как всегда, и поддерживали полный порядок и дисциплину. Никто не был арестован. Ни капиталисты, ни правительственные власти, со всемогущей полицией и жандармерией, ничего не могли поделать, чтобы воспрепятствовать саботажу. Рука закона оказалась бессильной. Через 10 дней рабочий референдум высказался в пользу продолжения саботажа. И в результате, рабочие вышли из борьбы победителями без всяких жертв или потери заработка. Неудивительно, что такая неуязвимая тактика была усвоена во всех производствах.

У японских рабочих есть одно преимущество перед американскими, они говорят на одном языке. В стране нет разноязычных федераций и колоний иностранцев, как в Америке. Поэтому они быстро организуются, несмотря на препятствия со стороны закона. Одно время они интересовались всеобщей подачей голосов.—но со времени последних общих выборов в парламент 10-го мая 1920 г., на которых кандидаты буржуазии выказали невероятное вероломство, они оставили всякую надежду на парламентскую деятельность и обратились к прямому действию. Именно поэтому они все больше и больше обращают свои взоры к большевистской России, дабы последовать ее примеру.

Озлобление против армии усилилось со времени рисовых бунтов, когда многие солдаты расстреливали забастовщиков. С тех пор много забастовок было подавлено войсками. Падение престижа армии в глазах рабочих является действительной причиной того, что избиение в Николаевске, о котором столько было шума, не вызвало того озлобления и ненависти к русским, которых ожидали. Но трудящиеся восстановлены против военных властей, вызвавших это прискорбное событие.

О событиях в Николаевске я сообщу в другой статье, посвященной той политике, которую Япония действительно проводит в Сибири. Достаточно, однако, сказать, что милитаристский проект создания благовидного предлога для экспедиции в Сибирь и для нынешней оккупации Николаевска и северного Сахалина путем возбуждения шовинизма среди населения совершенно не удался. Раздражение против армии и правительства распространено в народе сильнее, чем когда-либо. Это раздражение еще более усилилось, когда, по признанию военных властей, стало известно, что японские войска в Николаевске произвели внезапное нападение в 2 часа ночи без всякого предупреждения.

Японские рабочие находятся под более сильным влиянием русского большевизма, чем американцы.

Социалисты, которых до сего времени притесняли, поднимают головы и организуются в партию, бросающую вызов правительству. В ближайшем будущем рабочие смогут поддержать независимость Кореи и подать руку большевикам.

В Японии капиталисты не так сильны, как в Западной Европе, и армия, созданная на основах всеобщей воинской повинности, скоро увидит, что солдаты — рабочие не станут больше сражаться против своих родных братьев.

СЕН КАТАЯМА.

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ.

I.

Советской власти с первых же дней Октябрьской Революции пришлось столкнуться с явлением так называемого саботажа.

Высшее, среднее и громадная часть низшего чиновничества об'единились под лозунгом: «Кто не может или боится с оружием в руках выступить против мятежников-большевиков, тот должен бороться мирным путем—бойкотом и отказом работать у них».

Излишне доказывать, каким серьезными последствиями грозило такое поведение чиновничества, в руках которого фактически находился еще весь технический аппарат управления государством, для неокрепшей Советской власти.

Вполне понятно, что питерский пролетариат, отбиваясь от юнкерских и офицерских банд Керенского, принужден был об'явить беспощадную борьбу саботажу. И учрежденная вскоре после переворота Питерская ЧК. немедленно приступила к делу.

Первое, что выяснилось—это то, что идейным центром и организаторами саботажа являются прежняя соглашательская Городская Дума и «Комитет Спасения Революции.»

Во имя «спасения революции» чиновничество, по их замыслу, должно было об'единиться по профессиональному и классовому принципу.

Почти во всех центральных учреждениях образовались стачечные комитеты, по ведомствам же—соотвествующие Ц. К. Директивы и средства они получали от «Центрального Совета Стачечных Комитетов учреждений и ведомств гор. Петрограда», бывшего фактическим центром по проведению саботажа во всей России. В этот «Совет» входили представители всех «живых сил», от кадетов до бундовцев и меньшевиков.

Последние, как видно из протоколов «Совета», были, в лице Л. В. Теслера, Д. Вендеровича, А. А. Харитонова и др., его идейными вдохновителями и руководителями. Материальную поддержку «Центральный Совет» получал из самых разнообразных источников, начиная со специального фонда, образованного при газете «День,» и кончая пожертвованиями крупных торговых фирм.

Для иллюстрации приведем несколько выдержек из росписок, найденных при его ликвидации.

От Н. И. Кутлера, члена Ц. К. К.—Д., получено Теслером (бундовец) 540,000 руб. плюс 480.000 руб.; приблизительно такие же суммы получены им были от табачного фабриканта Богданова, от торгового дома «Стахов и Ко» в Москве, от банков Гейсана, Менделевича и Оркина, от Тульского Поземельного Банка и т. д. и т. д.

Самым характерным в деятельности господ из «Центрального Совета», было то, что на саботаж ими раздавались деньги, взятые из кассы В. Ц. И. К. первого созыва и хранившиеся у Управляющего делами М. И. Бройдо и П. Филипповой-Грязновой. Указанные суммы были переданы последними члену Центрального Совета гр. Теслеру и, как видно из росписок, деньги распределены им следующим образом:

Богданову—6.500 руб.; М. Бройдо—109.000 руб.; Училищному Совету Св. Синода на имя Кизеветтера—4.000 руб.; Осташкову, члену Исполкома Ком. Прод.—3.000 руб.; членам Ц. К. Р. С .Д. Р. П. Мартову, Дану, Цедербауму?—50.000 руб., и т. д., и т. д.

Наиболее ревностно проводили саботаж служащие кредитных учреждений, в результате чего банки, а также и Казначейство, вынуждены были закрыться. Нельзя было получить нужных, главным образом для продовольственных операций, сумм. Ключи, документы и книги уносились, прятались или приводились в такой беспорядок, что даже при наличии работников нельзя было приступить к нормальным операциям. Служащие и администрация продовольственных органов, пользуясь этим, выпустили воззвание к «народу» с указанием, что большевики грозят удушить всех голодом.

Не отставала в саботаже и высшая железнодорожная администрация.

На Николаевской дороге она рассылала воззвания к железнодорожникам, призывая их к свержению большевиков.

Угроза ареста заставила их всех оставаться на местах. Но Викжелю—Исполкому дороги они подчиниться не хотели и продолжали свою работу, руководствуясь тайными приказами министра Тахтамышева.

Когда же надежда на возврат прежнего окончательно рухнула, вся администрация во главе с начальником дороги инженером Маносом бросила 12-го декабря работу, оставив главную артерию, питающую столицу, без всякого технического руководства.

Почти то же самое произошло на Почте и Телеграфе.

Распоряжения Совнаркома или совсем не передавались или же передавались в невозможном виде. Дошло даже до того, что

один из думских врачей отказался пойти к умирающему больному.

Только железная рука пролетариата заставила всю эту «братию» почувствовать, что Советская власть имеет право требовать от них обычной работы.

Арест «Центрального Совета» и закрытие газеты «День» подорвали источники саботажа.

Один за другим стали возвращаться вчерашние саботажники на прежние места, давая обещание искупить свое преступление работой.

С великодушием, свойственным пролетариату, все были приняты вновь. И от них самих только зависело дальнейшее отношение к ним Советской власти.

II.

Поскольку саботаж, как способ контрреволюционной борьбы, опиравшейся на пассивную, в большинстве своем аполитичную, трусливую массу чиновничества, потерпел поражение, постольку активные контр-революционеры, в лице юнкеров, кадрового офицерства, меньшевиков, с.-р., и до последнего времени не могут примириться с существованием пролетарской власти.

Вскоре же после победы рабочих над юнкерами в Питере и в Москве, образовались на Дону офицерско-юнкерские банды под начальством ген. Алексеева. Одновременно с этим в Питере и в Москве сорганизовался целый ряд групп, поставивших себе целью помощь «Дону» в его активной вооруженной борьбе с Советской властью.

В период между октябрем 1917 г. и апрелем 1918 г. ВЧК был ликвидирован целый ряд организаций, как то: «Союз спасения Родины», «Союз Учредительного Собрания, «Военная Лига» и др., живших одной мыслью—свержения большевиков, но не имевших ни средств, ни людей. И только к средине 1918 г. контрреволюция выступает в качестве более или менее организованной силы — помошницей Донского фронта. Организатором и вождем ее становится небезызвестный Борис Савинков—член существовавшего в то время на Дону у генерала Алексеева гражданского совета. Прибыв в Москву, он начинает группировать вокруг себя все активные, оппозиционно настроенные против Советской власти элементы.

Организуется «Союз защиты Родины и Свободы», выдержки из программы коего приводим:

1) Свержение правительства, доведшего родину до гибели.

2) Установление твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России.

3) Воссоздание национальной армии на основах настоящей воинской дисциплины (без комитетов, комиссаров и т. п.). Восстановление нарушенных прав командного состава и должностных лиц. Некоторым изменениям должны быть подвергнуты только уставы внутренней службы и дисциплинарные.

4) Продолжение войны с Германией, опираясь на помощь союзников», и т. д., и т. д.

Дабы об'единить вокруг себя возможно большее количество недовольных, «Союз защиты Родины» официально об'явил себя беспартийным. Но, как видно из показаний гр. Пинки, одного из активных его членов, в Московскую, например, организацию Союза из политических партий входили: «народные социалисты, социалисты-революционеры и левые кадеты, а сочувствовали и меньшевики, но последние оказывали помощь только агитацией, избегая активного участия в вооруженной борьбе. Единственным же активным элементом, искренне и безоглядно ставшим в ряды борцов за родину, было русское офицерство». Благодаря крупной денежной поддержке союзников, полученной через некоего Виленкина (юрисконсульт), благодаря происках английского правительства и чехословацкому мятежу, «Союз защиты Родины» летом 1918 года достиг наибольшего развития, какого только можно достигнуть в условиях конспиративной работы. Исходя из совершенно правильного рассчета, что вне советских учреждений немыслимо создать серьезную боевую организацию, члены Союза начинают устраиваться в последних. Агенты Союза проникает в Кремль. Они захватывают почти целиком в свои руки военную разведку, продовольственную милицию и т. д. К этому времени относится постановление Штаба Союза о выступлении в Москве. Но трезвая оценка положения заставила Савинкова отказаться от этого плана и заняться разработкой другого. Вот как рассказывает об этом периоде работы «Союза защиты Родины» в белогвардейской газете «Отечественный Вестник» (№ 13, от 24 ноября 1918 г.) некий Деренталь:

«Выступить в Москве значило заранее обречь все предприятие на неудачу: захватить наиболее важные стратегические пункты страны, арестовать Совет Народных Комиссаров и т. д. не представляло для нас в тот момент особых трудностей. Но, захватив город, нужно еще было в нем с'уметь продержаться, сделавшись хозяевами положения в центре с миллионным населением, нужно было взять на себя обязательство прокормить сотни тысяч голодных ртов. Новая власть не смогла бы удовлетворить надежд населения на улучшение жизни и тем самым неизбежно должна была бы опорочить то дело, во имя которого был произведен переворот».

В это время Союзом получены были сведения о готовящемся в Архангельске и на Мурмане союзническом десанте. Одновременно стало известно, что часть чехо-словаков возвращается из Сибири в Европейскую Россию и что на них можно рассчитывать в случае захвата власти Савинковым.

Отказавшись от Московского плана, «Штаб Союза» решил захватить Казань. Были намечены воинские части, установлены условные пункты для предварительной

незаметной их концетрации и т. д. Но в самый разгар подготовительной работы ВЧК на квартире у командира одного из полков внезапно произвела обыск; были найдены документы, и выступление в Казани не удалось. Однако Центр Союза открыт не был и спустя некоторое время опять принялся за организацию нового восстания, на этот раз в Ярославле.

В ночь с 5 на 6 июня Ярославль был захвачен отрядом полковника Перхурова, начальником штаба «Союза защиты Родины». Обезоружив милицию, отряду удалось захватить почту, телеграф, все Советские органы, арестовать и расстрелять местных работников и об'явить власть «Северной добровольческой армии».

Восстание, начавшееся в Ярославле по плану Союза, должно было быть поддержано целым рядом других городов, в которых имелись ячейки союза и, в частности Рыбинском, где находились большие склады артиллерийских припасов. Но в Рыбинске выступление не удалось, так как план был своевременно раскрыт местной ЧК. После упорного, ожесточенного боя, продолжавшегося несколько часов подряд, вошедшему в Рыбинск отряду пришлось сдаться, и только Ярославль остался в руках Перхурова.

Захватив центр города, белогвардейцы бросились усиленно разыскивать членов Губернского и Городского Исполнительных Комитетов и выдающихся советских работников. Расстреляв руководителей, т. т. Нахимсона, Работнова, Закейма и др., белогвардейцы пошли по квартирам—искать советских служащих. Арестованных набралось свыше 200 человек. Все они подверглись всевозможным издевательствам: их выхватывали из квартир в чем попало: без шапок, без верхней одежды, иной раз в одном нижнем белье. Брошенные на баржу с дровами, полную воды, арестованные были обречены в буквальном смысле слова на голодную смерть.

С субботы 6 июля до четверга 18 июля, в течение двенадцати дней, им не давали никакой пищи. Только два раза за все время принесли по два фунта хлеба на 109 человек, при чем приносившие хлеб—милиционер и какая-то барышня, в роде сестры милосердия—ломали его на кусочки и, как собакам, кидали с лодки на баржу.

Когда по городу началась стрельба красной артиллерии, белогвардейцы переводили баржу в места, наиболее подвергавшиеся обстрелу. Вследствие этого три товарища были на барже убиты и несколько человек ранено.

Стоявший на берегу караул не позволял арестованным подниматься даже за водой, и несколько человек, пытавшиеся достать воду, были ранены. Убитые и скончавшиеся от ран оставались лежать тут-же, на барже. Вынести их было невозможно, не подвергаясь обстрелу, и разлагавшиеся трупы заражали воздух.

Сидевшим оставалось одно из двух: или умереть голодной смертью, или рискнуть и пробраться к своим. Они решились на последнее и, улучив момент, когда патруль почему-то исчез, спустили цепь, оборвали веревки и пустили баржу по течению.

Заметив плывшую баржу, как белогвардейцы, так и наши части подвергли ее ожесточенному обстрелу. Баржа, треща от ружейных и пулеметных выстрелов, быстро наполнялась водой. Пудков и несколько человек других выскочили на верх и начали кричать своим, прося прекратить стрельбу. Это спасло арестованных от гибели.

Наши части прекратили огонь, и баржа благополучно пристала у Коровников.

Спасшиеся товарищи были измучены до неузнаваемости.

Дня за два до побега из их среды вызвали по списку 22 человека, из членов Исполнительного Комитета и ответственных советских служащих, и с ругательствами и пинками увели неизвестно куда. Среди них были: т. т. Большаков, Гарновский, Душин, д-р Контон, д-р Троицкий, Попов, Куракин и другие.

В результате от города Ярославля—этой красы и гордости Поволжья, особенно богатого историческими памятниками, почти ничего не осталось. Вся деревянная часть сплошь выгорела, почти все памятники старины разрушены или повреждены. От Демидовского лицея остались буквально одни стены. Находящийся против него собор полуразрушен. Большая часть старинных церквей, памятников XV и XVI веков, или разрушена вовсе, или повреждена. Особенно сильно пострадала церковь Николы Мокрого, хорошо известная любителям старины. В самом городе не осталось ни одной нетронутой снарядами колокольни. Выгорела почти вся торговая часть города, старый гостиный двор, торговые ряды, большая мельница Вахрамеева. Снарядами разрушено много общественных зданий и частных домов. Редкий из них так или иначе не пострадали от снарядов. Сильно, повреждено здание почтово-телеграфной конторы, здание реального училища, депо вольного пожарного общества и проч. Всего не перечтешь.

Оставшееся без крова, имущества и пищи население выгоревшей половины города ютилось во время осады по уцелевшим каменным домам и подвалам. Пока была возможность, многие убегали за город. По улицам валялась масса трупов—людей и животных. Пострадало много мирных жителей, показывавшихся на беспрерывно обстреливаемых улицах в поисках за пропитанием.

События в Ярославле подтвердили лишний раз участие меньшевиков и эсеров в «Союзе защиты Родины и Свободы». Так, например, в штабе Перхурова работали меньшевик Душан, бывш. губернским комиссаром при Керенском, член Государственной Думы Савинов (меньш.), правый с.-р. Мамирин и другие.

Секретарь профсоюза печатников, меньшевик Богданов, в первый день мятежа явился было на собрание железнодорожников, поздравляя их с падением власти большевиков и предлагая присоединиться и послать своих дружинников для охраны будто бы города. Но когда его спросили, кто же встанет во главе новой власти, он уклонился от ответа и, набрав едва сто человек, отправился с ними в город. Остальная масса т. т. железнодорожников, как и вся Карзинкинская фабрика сразу же поняли, к чему это клонится, и отшатнулись от провокаторских речей прислужников буржуазии и контр-революции.

III.

Восстание в Ярославле было поддержано Муромским Отделом «Союза защиты Родины».

Вот, что выяснилось из следственного материала по этому делу.

8 июля поздно вечером, в 10—11 часов, совершенно неожиданно в разных концах города, главным образом на Московской и Касимовской улицах началась ружейная перестрелка. Как выяснилось, белогвардейцы напали врасплох на помещение караульной роты, предательски введя в него свой отряд, ранили трех красноармейцев, одного смертельно, и захватили оружие. Одновременно были заняты Военный Комиссариат и Местный Совдеп и, таким образом, к ночи Муром оказался в их руках. Тотчас же начались аресты советских работников и коммунистов, а также было приступлено к вербовке белой гвардии. По городу расклеены за подписью «Союза защиты Родины и Свободы» воззвания с призывами к свержению Советской власти и приказ Николая Сахарова, начальника Восточного отряда северной (Муромской) добровольческой армии, о явке офицеров в штаб для регистрации. Штабом этим, состоявшим из Сахарова, бывшего офицера Григорьева, купца Алексея Жадина и др., были посланы вооруженные отряды: один на ст. Селиваново, под начальством бывш. офицера Гольберга, другой на ст. Климово, во главе с бывш. офицером Пестряковым, оба отряда для порчи жел.-дор. полотна; третий—на ст. Новашино для боя с выступившими на защиту Советской власти рабочими.

Сторонники буржуазии, когда власть была захвачена белыми, почуяли свою силу. Они радовались, поздравляли друг друга с освобождением от большевизма. Приводимым же в тюрьму советским работникам грозили жестокой расправой.

Однако, кроме буржуазии, духовенства и интеллигенции, никто не переходил на сторону белогвардейцев, несмотря на то, что последние сделали даже попытку подкупить рабочих, отправив из города грузовики с мукой и хлебом для Московско-Казанской железной дороги. Широкие массы населения отнеслись к выступлению белогвардейцев резко-отрицательно. Местным коммунистическим силам, а также рабочим железнодорожных мастерских и заводов и крестьянам окрестных сел и деревень удалось организовать защиту, и к утру 10 июля выступление было ликвидировано. Белогвардейцы бежали из города, успев, однако, захватить около 700 000 рублей из Местного Совдепа, Уездного Военного Комиссариата и некоторых других учреждений. Отряд из красноармейцев и рабочих, под начальством Ярлыкина, к вечеру 10 июля настиг белых у станции «Домики», разбил их и погнал дальше. В ночь на 11 июля у Ново-Дмитровского остатки белогвардейских банд были разбиты на-голову и бежали мимо Выксы к Ардатову, где часть их рассеялась, а другая села на пароход и отплыла по направлению к Нижнему-Новгороду.

В связи с Муромским выступлением, Нижегородской ЧК раскрыты и предупреждены были попытки к устройству восстаний в Нижнем и Арзамасе. В Нижнем во главе организации стоял ад'ютант Корнилова — поручик Громов, который, получив на Дону задания и связавшись с местными бывшими «общественными деятелями», приступил было к формированию отряда.

В Арзамасе, куда с'ехались муромские «беженцы», белые занимались, главным образом, порчей телеграфного и телефонного сообщения, дабы тем самым помочь выступлению в Нижнем.

Заговор в Царицыне, раскрытый ЧК, рисуется в следующем виде.

Для руководства восстанием был организован штаб во главе с бывш. офицером Угневенко, назначенным командующим всеми вооруженными силами повстанцев. Политические функции штаба обслуживал И. И. Котов, представитель «демократии», правый эсер, член Учредительного Собрания от Саратовской губернии. Меньшевики в решительную минуту заколебались и не дали в штаб своего представителя. Восстание было назначено на 2½ часа в ночь на 17 августа.

Силы, на которые рассчитывали белогвардейцы, были следующие: офицерская белогвардейская организация, два сербских отряда и члены кооператива «Фронтовик». Надеялись втянуть также и рабочих, при посредстве эсеров, путем хотя бы обмана. Рабочих намеревались привлечь ложным сообщением, что город занят белогвардейцами и надо идти на выручку; рассчитывали также на милицию.

В общей сложности рассчитывали собрать до 1380 бойцов.

Оружием располагали в достаточном количестве. Сербские отряды и офицерская организация были хорошо вооружены.

Денежные средства имелись в сумме 10 миллионов.

Найденные при аресте штаба документы—воззвание и боевой приказ — весьма

характерны, а посему приводим последний полностью:

Приказ № 1.

Отряду № 1 Французского завода в составе 225 штыков в 2 с половиной часа ночи занять штаб особой обороны Французского завода. Остальным 155 занять военные склады Орудийного завода.

Начальнику отряда № 2 в составе 300 штыков занять нижепоименованные учреждения:

Почтово-телеграфную контору и станцию Царицын Ю.-Вост. ж. д.

Части № 2 в составе 60 штыков и 32 сабель войти в связь с действующим отрядом № 2 и занять Чрезвычайную Комиссию.

Отряду № 6 в составе 100 штыков занять станцию Владимирской ж. д. Команде № 8 в 7 верстах от города разобрать путь.

Отряду Артиллерийской школы занять Клуб коммуны.

На организацию офицеров возлагается занятие радио-телеграфа и казарм по Успенской ул.

Действовать необходимо быстро и спокойно. Никакой стрельбы там, где можно покончить без нее. Желательно, чтобы вперед выставлены были добровольцы для обезврежения охраны.

С часовыми кончать без шума, а потом уже врывается в помещение весь отряд.

В районе Французского завода арестованных красноармейцев и начальствующих лиц расстрелять.

Отличными знаками служат: красная ленточка на левом рукаве, размером в вершок ширины и 3 вершка длины.

В самый последний момент Царицынской ЧК удалось напасть на след штаба и, арестовав главарей, предупредить дьявольский план.

IV.

В это время приволжские губернии были охвачены мятежом чехо-словаков. Вот, что рассказывается об этом в документах.

Большинство чехо-словацких эшелонов, отправляемых во Владивосток, проезжали через Пензу, где, по соглашению Советской власти с чешским командованием, они сдавали оружие и отправлялись дальше. К моменту выступления чехо-словаков, не сдавших еще оружия, в Пензе и по линии до Ртищева было больше 3.000 человек. Получив указания готовиться к общему выступлению, эшелоны эти отказались сдать оружие и заявили, что силой пробьются в Сибирь.

Утром 28 мая они захватили на станции два броневика Пензенского губернского исполкома и начали военные действия. Несмотря на численное, почти в 10 раз, превосходство чехов, советские войска стойко держались до полудня следующего дня и часть с боем отступила из Пензы; другая, которой не удалось прорваться через цепь чехов, вместе с ответственными работниками, рассеялась по городу и поодиночке выбиралась оттуда, группируясь в прилегающих селах.

Во время боя чехам помогали местная буржуазия и контр-революционеры, стреляя из окон домов по красноармейцам. Некоторые офицеры сражались в рядах чехов и указывали, как легче пробраться в тыл Красной армии.

Захватив Пензу, чехи, по указаниям буржуазии, начали обыски и аресты спрятавшихся красноармейцев, советских работников и коммунистов. Задержанных отводили в лагерь и по пути жестоко избивали, при полном одобрении буржуазной толпы. Распущенная Советом городская дума собралась вновь для обсуждения вопроса об организации власти. Она восторженно встречала представителей чехо-словацкого командования и приветствовала аплодисментами решение этого командования расстрелять всех взятых в плен чехов-коммунистов, немцев и мадьяр, сражавшихся в рядах Красной армии.

Кадетская фракция и другие думские буржуазные группы высказались за организацию твердой власти в городе. К чешскому командованию от буржуазии посылалась даже делегация с просьбой задержаться на неделю, чтобы новой (буржуазной) власти дать возможность сорганизовать белую гвардию.

С приближением чехо-словацких банд к Казани контр-революционные элементы воспрянули духом, напрягая все силы, чтобы помочь успеху этой авантюры: была организована тройка для свержения Советов, получавшая средства от казанской буржуазии.

Когда чехи вступили в город, торжеству последней не было конца.

Вот, что пишет о времени господства в Казани чехов газета «Знамя Революции» (№ 176):

«Кровожадность и дикость толпы, состоявшей из мелкой буржуазии, в связи с антисемитизмом, при содействии или непосредственном участии белых, выливались в самые уродливые формы, уступая одним лишь людоедам.

В ночь захвата чехами Казани был застрелен на Гостинодворской против Сибирских номеров молодой человек.

Рано утром, когда толпа проходила мимо, несчастный был еще жив и просил пить, но никто из проходивших мимо буржуев над ним не сжалился. На углу Проломной, против д. Колесова лежал убитый, громадного роста, красавец-латыш. Принесли холст и закрыли лицо бедняги, но из толпы буржуазии то и дело обнажали лицо убитого. — «Оставьте его, говорю, в покое, уж он настрадался и богу даст ответ». — «А не хошь, с ним рядом уложим?»—кричит толстый мужик в поддевке. — «Жидов-то, жидов-то хорошенько проучите», уговаривал стоящих на посту чехов, здоровяк с проседью, в «спинжаке», из номеров Щетинкина. Напротив толкучки тоже лежал истерзанный труп, говорят, какого-то комиссара. Без всякого содрогания стояли и любовались этим буржуазные девицы, подростки и др.

С горы от Воскресенской идет брюнет-еврей, лет 30. — «Комиссар, комиссар!» — заорала буржуазная толпа, подгоняя брюнета к постовому конному белогвардейцу. Тот, ничего не говоря, начал бить несчастного нагайкой по голове и повел «комиссара» под арест.

Минут через 10 слышу, что этот бедняга убит в Петропавловском переулке. Иду туда. Навстречу две молоденькие девицы, лет 15—16. Одна другой рассказывает:—«Повел он его в гору, а тот все оглядывается, что-то сказать хочет. Конный вынул саблю и ну его плашмя бить по-

чем попало, потом как рубнет его по лицу. У того шляпа упала. Он нагнулся, поднял ее, надел на голову. Солдат начал его рубить, а он все вертится». — Девицы, танцуя, показывают, как несчастный повертывается. — «Потом он его уж пристрелил. Уж как я рада, что господь привел меня увидеть, как человека убивают!»—заканчивает рассказчица».

Девяносто человек было расстреляно чехами в тюрьме. По своей жестокости не уступает казанским палачам и комендант города Симбирска. Вот некоторые его приказы:

Приказ № 3.

Приказываю всем торговцам и промышленным предприятиям сегодня начать нормальную работу, в противном же случае не повиновавшиеся лица будут, как саботажники, расстреливаться.

Комендант города *Воробьев.*

13 сентября 1918 года.

Приказ № 4.

Строго воспрещаю производить в городе грабежи, бесчинства и самовольные обыски. Об'являю, что обыски и конфискации всякого рода производятся только по мандату коменданта города.

Об'являю, что все лица, уличенные в грабеже и распространении ложных слухов, с целью наведения паники, будут расстреливаться на месте.

Комендант города *Воробьев.*

г. Симбирск. 13/IX 1918 г.

Из официальных донесений подпоручика Воробьева видно, что в первые дни его власти в Симбирске арестовано около 500 человек; точное число расстрелянных неизвестно.

«Культурные» учредиловцы, во главе с Б. К. Фортунатовым, В. Лебедевым и др. за своими подписями распространяли воззвания к советским войскам: «Истребляйте ваших комиссаров, переходите на сторону Учредительного Собрания и вам будут прощены ваши ошибки и заблуждения»...

Не ограничиваясь агитационными листками к красноармейцам, учредиловцы повсюду старались поднять на ноги кулацкую и белогвардейскую шайку в деревнях. Чтобы убедить крестьян в правоте своего дела, они печатали басни о том, будто Советская власть стремится по твердой цене забрать весь хлеб, чтобы отправить его в Германию, что красноармейцы все отбирают. И, не краснея, они божились перед крестьянами:

«И видит бог, что все, что мы говорим' сущая правда и истина... Да поможет вам бог это почувствовать!»

На свою сторону белые старались привлечь и инородческое население; поэтому, например, в Казанской губернии, ими распространялись подобного же рода прокламации на татарском языке, отпечатанные русским и татарским шрифтами.

V.

Не отставало в помощи белым учредиловцам и духовенство. В Нижнем-Новгороде епископом Лаврентием и протоиереем Порфирьевым от имени епархиального собрания рассылалось по деревням следующее воззвание:

«Революционное Советское Правительство осуществляет свой декрет об отделении церкви от государства захватом капитала Свят. Синода. Приходы в этом случае не только не пришли на помощь и защиту обиженному духовенству, но во многих местах еще и с своей стороны причинили ему большие материальные утеснения и лишения.

К такому положению сельского духовенства нельзя относиться безучастно, ибо положение его не должно быть безразлично для прихожан. Угнетая и прижимая духовенство, оно должно быть унизительно и для прихожан.

Епархиальное собрание призывает народ возвратить причтам отнятую у них землю и восстановить в полной мере все нарушенные в революционное время способы их материального обеспечения.

Этого требует справедливость, долг совести и чести. Пусть же приходы Нижегородской епархии откликнутся на призыв епархиального собрания и примут на себя заботу о причтах, возвратив им отнятую церковную и надельную землю, равно как и все прочее, отнятое или нарушенное в революционное время.

И вы, православные христиане, спешите на помощь своей матери-церкви, она взывает к вам о помощи. Все, все откликнитесь на зов церкви. Посему облечемся во всеоружие, чтобы смело, безбоязненно пойти на дело. Президиум епархиального собрания верит и надеется, что к 1 сентября старого стиля все предварительные работы на местах будут исполнены».

Начались восстания в деревнях. Приводим наиболее яркие факты по официальным следственным данным местных ЧК.

Вечером 5 августа по селу Кучки, Пензенского уезда, разнесся слух, что верстах в 7—6 от села, за лесом, расположился отряд Еланской и других волостей из нескольких тысяч вооруженных людей, под предводительством некоего Севастьянова, гражданина Еланской волости. Действительно, в ночь с 5 на 6 августа, когда продотряд оставил село Кучки, то в него вошел другой, состоявший из вооруженных крестьян прилегающих к Кучкам волостей, и на утро 6 августа началась расправа с гражданами, выбранными в Комитет бедноты. Восставшими было убито 5 граждан села Кучки и человек 7 красноармейцев из продотрядов. Восстанием были охвачены все прилегающие к Кучкинской волости села и деревни. Организованная повстанцами разведка предупреждала о приближении красноармейцев. В Самарскую учредилку была послана делегация с просьбой о поддержке.

Отряды Губчека, прибывшие на место, ликвидировали восстание.

Вскоре вспыхнул мятеж в селе Даде, Саранского уезда. Здесь от самосуда погибли женщины-агитаторы и организаторша комитета бедноты тов. Лус, также политком I Сводного Владимирского Прод. квид. отряда Семенов и красноармейцы того же отряда Лукин, Зотов, Трушин, Крупнов, Максимов, Сазонов и несколько человек избито.

Дело происходило так. На митинге, созванном приехавшими коммунистками - агитаторами, некие темные личности стали натравлять крестьян на Советскую власть.

Задавались провокационные вопросы: почему у власти евреи, которые стесняют нашу православную веру, почему приказано запечатать все церкви, почему Советская власть отбирает хлеб у крестьян и снабжает им германцев? и т. д., и т. д.

С появлением в селе продотряда среди населения распространился провокационный слух, что отряд приехал закрывать церковь, отобрать иконы, а также забрать весь хлеб. Утром 14 ноября к дому попа, в котором жили политком Семенов и женщина-агитатор т. Лус, с базарной площади стали кучками сходиться возбужденные женщины. Потом ударили в набат, и сбежавшийся народ окружил со всех сторон дом попа и ворвался в комнату, где помещались Лус и Семенов, их вытащили на улицу и убили, убили и подоспевших на выручку красноармейцев и начали ловить и избивать других. Через несколько часов прибыл другой отряд и восстановил порядок.

Как только распространилась по окрестностям весть о мятеже в селе Дале, правые эсеры воспользовались этим и решили поднять восстание против Советской власти в более широких размерах.

Для руководства, на митинге был избран «Штаб I Крестьянской армии», обратившийся к населению со следующим приказом:

> «Штаб I Крестьянской армии стеснен в свободе печати, но по мере сил он будет доставлять правильные сведения трудовому крестьянству. Слухам или большевистским газетам верить нельзя.
>
> Считаем долгом оповестить население, что крестьянское движение в Сасове и Рязанской губ. отнюдь не подавлено, а, наоборот, разрастается. Красноармейцы, посланные на усмирение, перешли на сторону восставших крестьян, у которых уже имеется кавалерия и артиллерия и хорошо вооруженная пехота. Из Пензы отправлены последние силы. Есть известия, что они потерпели поражение. В Саранском и прилегающих уездах повсюду выступают против Советов.
>
> Штаб снова призывает крестьян, готовых выступить на защиту I Крестьянской армии, к спокойной организационной работе».

В Курмыше, Казанской губ., крестьяне соседних, Деяновской и Стрелецко-Казацкой, волостей, руководимые бывшими офицерами, овладели военными цейхгаузами и пороховыми погребами и захватили до 300 винтовок и патронов. К восставшим присоединились бывшие в Курмыше мобилизованные и часть крестьян Засурских чувашских волостей и городская молодежь. Подстрекательством крестьян к бунту занимались деревенские кулаки, бывшие офицеры и некоторые граждане во главе с Саверкиным.

В Курмыше стояло два небольших отряда, но часть красноармейцев находилась в командировке по уезду, оставшиеся же в Курмыше были застигнуты врасплох, так что не могли оказать никакого сопротивления белогвардейской банде. Целью восстания было, между прочим, и соединение с чехословаками, находившимися тогда близ Казани. Во время волнений многие члены Исполкома были арестованы и заключены в тюрьму. Председатель Уездного Исполкома, тов. Н. А. Партьянов, зверски убит вместе с двумя красноармейцами. Советскими работниками были посланы о мятеже телеграммы, в результате чего 5 сентября прибывшим отрядом красноармейцев банды были рассеяны и арестованные освобождены.

VI.

Заслуживают особого внимания по своим размерам и количеству жертв восстания в Вятской губернии.

Начало их относится к августу месяцу 1918 года, к моменту напряженнейшей борьбы с чехо-словаками, занимавшими Казань.

В Ижевске инициатором и организатором восстания, его действительной активной силой явился «Союз фронтовиков» во во главе с его председателем, бывшим фельдфебелем Солдатовым. Эта организация, об'единявшая всех прибывших с фронта солдат, в начале преследовала чисто культурные цели.

У них был клуб и столовая, ставились концерты и спектакли, устраивались лекции и чтения и, казалось, политикой они вовсе не интересовались. Но это только казалось. На самом же деле, нашедшее себе убежище в этом союзе контр-революционное офицерство втайне творило свое предательское дело и систематической контр-революционной агитацией с'умело подчинить Союз своему влиянию и сделать его послушным орудием для осуществления своих белогвардейских вожделений.

Момент был выбран весьма удачно. Коммунистическая партия только что мобилизовала большую часть своих членов, отправив их под Казань, чтобы грудью преградить дорогу дальнейшему продвижению неприятеля. Примеру коммунистов последовало и большинство истинных друзей Советской власти из среды рабочих и крестьян. В городе остались только некоторые ответственные работники, которые, будучи перегружены делами, не чуяли близкой грозы, готовой разразиться над их головами, и до последнего момента не принимали никаких мер к предупреждению надвигавшихся событий.

Атмосфера все сгущалась. В город начали стекаться и записываться в Союз фронтовиков доселе скрывавшиеся от Советской власти бывшие офицеры и контр-революционеры. Вскоре Союз повел себя открыто вызывающе, и на предложение образовавшегося 4 августа, после падения Казани, Ревкома вступить в ряды формирующихся отрядов, после некоторого колебания, ответил отказом. Тогда только Ревком спохватился и отдал распоряжение арестовать председателя и некоторых наиболее активных членов союза из числа разыскиваемых. Но это только подлило масла в огонь. И 8 августа, в 12 часов дня, у здания завода начались летучие сходки фронтовиков, на которых выступавшие ора-

шоры разжигали собравшихся, направливая их на Ревком и предлагая требовать немедленного освобождения арестованных. Прибывшая к месту сходок милиция была встречена угрозами, бранью, криками, и рассеять толпу оказалась не в силах. В это же время происходили митинги и на самом заводе, где фронтовики, вкупе с правыми эсерами, призывали рабочих использовать благоприятный момент: взяться за оружие и идти к совету свергать «насильников-большевиков», чтобы установить «истинную демократическую власть, власть Советов, а не партии». Сбитая с толку, темная масса населения, состоящая здесь из рабочих, занятых наполовину в крестьянском хозяйстве, задетая в ее собственнических интересах, поверила громким фразам вождей-предателей, и когда фронтовики, разграбив склад оружия, с криками «ура», «вперед», «смерть большевикам», хлынули из завода по направлению к Совету, значительная часть рабочих присоединилась к ним. Пытавшийся остановить толпу у Долгова моста (через реку Иж) отряд конной милиции был встречен залпом и отступил. Завязалась перестрелка, появились первые раненые и убитые. Озверевшая от запаха крови толпа с проклятиями и угрозами продвигалась вперед. Вот и гора, последнее естественное препятствие перед Советом. Вдруг откуда-то появился отряд гимназистов и оружейников (учеников оружейной школы) и вместе с толпой ринулся штурмовать Совет. После недолгой перестрелки, Совет был взят и, окрыленная новой победой, толпа двинулась дальше по направлению к Военному отделу—освобождать своих арестованных, в том числе своего руководителя Солдатова. По пути к Военному отделу, в перестрелке с толпою пал смертью храбрых председатель Ижисполкома Холмогоров, молодой пылкий юноша, идейный коммунист, любимый вождь Ижевских рабочих, самоотверженно отдавший все свои силы делу революции. Вскоре был взят Военный отдел. Освобождены арестованные фронтовики и арестованы не успевшие скрыться советские работники.

Таким образом, в течение суток, был взят повстанцами имевший громадное значение для Республики Ижевский оружейный завод.

Председатель Союза фронтовиков Солдатов сделался героем дня и вместе с правым эсером, членом учредилки Бузановым, встал во главе новой «демократической» власти.

И с первых же шагов эта власть явила народу свое истинное лицо и показала, как намерена она проводить в жизнь восхваляемые и восславляемые ею свободы! В первые же дни были заполнены арестованными все помещения, которые только могли быть приспособлены для этой цели. Арестовывались не только коммунисты, но и левые эсеры, анархисты, максималисты и даже беспартийные рабочие за выражение одного лишь сочувствия к Советской власти. В три дня арестовано было свыше *трех тысяч* человек.

Потом происходили перевыборы Совета куда вошли меньшевики, правые эсеры и фронтовики.

Первым делом «демократического» Совета было утверждение смертного приговора *восьми* лучшим товарищам, захваченным повстанцами в момент переворота, и таким образом погибли: председатель Военного отдела Исачев, военный комиссар Лихвинцев, председатель Чрезвычайной Комиссии Бабушкин, Председатель Ревтрибунала Михайлов, Начмилиции Рогалев, члены Ревкома Папельмейстер, Посаженникова и Боталова. Причем они были не расстреляны, а зверски заколоты штыками. Об этом на другой же день было торжественно на площади об'явлено Солдатовым с трибуны громадной толпе собравшегося народа.

Так была открыта первая «славная страница» существования истинной «демократической» власти в Ижевске.

Однако, под давлением рабочих слоев, требовавших осуществления «действительных свобод», в тот же день и с той же трибуны было об'явлено тем же Солдатовым, что отныне смертная казнь отменяется навсегда и что расстрелянные вожди предателей-большевиков будут первыми и последними жертвами переворота.

Как исполняли «благородные демократы» это свое обещание, свидетельствуют тысячи ижевских вдов и сирот, состоящих и посейчас на попечении местного соцбеза, и фотографические снимки зверски замученных и умерших под инквизиторскими пытками наших товарищей коммунистов!

Замечателен также изобретенный вождем демократического блока Солдатовым, примитивный способ судопроизводства. В душную, переполненную арестованными камеру тюрьмы, где на грязном полу валялись десятки измученных заключенных, вечером врывается с десятком белогвардейцев-опричников пьяный Солдатов.

— Встать! смирно! раздается зычный голос тюремщика. — На первый-второй рассчитайсь!

Пришибленные заключенные торопливо исполняют грозную команду, выстраиваясь в две шеренги, и с замиранием сердца ожидая дальнейших издевательств пьяных палачей.— За что арестован? — грозно обращается к кому-либо из арестованных Солдатов: — А, молчишь, собака, — рычит, не ожидая ответа, озверевший хам, и со всего размаха ударяет несчастного заключенного револьвером по лицу.—Бей его мерзавца, ребята!—командует пьяный палач, и на глазах остальных заключенных начинается зверское истязание несчастной жертвы. Насытившись расправой, палачи удаляются из камеры, а за ними выносится окравленный, истерзанный товарищ. Выносится на двор, где его и приканчивают. Такие расправы творились чуть ли не каждый вечер и не только фельдфебелем Солдатовы, но и «истинным демократом» эсером Бузановым.

Обезопасив себя таким образом со стороны приверженцев Советской власти, новые заправилы начали с лихорадочной поспешностью формировать добровольческие отряды и проводить мобилизацию, с целью расширить территорию и соединиться с захватившими Казань чехо-словаками.

Добровольческим отрядом, состоявшим из буржуазных сынков, гимназистов и учеников оружейной школы, под командой бывшего офицера палача Куракина, вскоре был взят Сарапуль. Другим отрядом, во главе со старым полковником в отставке Власовым и бывшим офицером Пашичем, был занят Воткинск.

Игра в демократию продолжалась недолго. Уже в десятых числах того же августа месяца власть полностью очутилась в руках военщины. Воцарилась диктатура офицерского сапога. Во главе стал бывший полковник, уроженец города Воткинска Юрьев, провозгласивший себя главнокомандующим всеми вооруженными силами Прикамского края.

Под ружье было поставлено все мужское население, от 18 до 40 лет. Негодные к строю привлекались к работам по укреплению городов Ижевска, Воткинска и Сарапуля. Уклониться от мобилизации—значило обречь себя на верный расстрел.

Такими мерами повстанцам удалось сколотить в короткий срок шак называемую «Народную армию» в несколько десятков тысяч человек, с помощью которой им и удалось отбить первое наступление Советских войск под начальством Антонова, подошедшего 16 августа к Ижевску на расстояние нескольких верст.

Но недолго пришлось им торжествовать победу. Логикой вещей они были обречены на быструю и позорную гибель.

Не взирая на массовый террор, большевизм проник в самое сердце повстанцев, в «Народную армию». Она начала быстро разлагаться и переходить на сторону советских войск целыми частями. Население также, несмотря на всю прелесть «демократических свобод», с нетерпением ждало прихода советских войск, которые избавили бы его от дикого произвола бесшабашной военной банды. Наступление красных войск все развивалось, белые сдавали одну позицию за другой. Красными был взят обратно Сарапуль. В Ижевске началась паника.

Главнокомандующий Юрьев в своих приказах метал громы и молнии против «изменников родины», извещая о мифических победах белых: о взятии ими Перми, о соединении его частей с частями чехо-словаков и тому подобные небылицы. То же повторяла и газета «Ижевской Защитник», всячески изощряясь в клевете, лжи и провокации против большевиков и с пеной у рта призывая продержаться до окончательного соединения с чехо-словаками.

Но ничто не помогало; почва быстро ускользала из-под ног повстанцев. И все свои неудачи они вымещали на арестованных.

Массовый белый террор в отношении всех заподозренных в сочувствии Советской власти проводился с ужасающей жестокостью. Случайные свидетели мучительных пыток в застенках контр-разведки не могут вспоминать о них без ужаса.

Палачи проявляли по истине дьявольскую жестокость в изобретении все новых и новых мучительных пыток над своими жертвами.

Перед сдачей Сарапуля белые посадили всех арестованных коммунистов и ответственных работников в баржи, и буксиры и оттянули их на пристань «Ганьяны». Лишь благодаря безумной храбрости и находчивости командовавшего Волжско-Камским речным флотом, т. Раскольникова, баржи с остатками полуживых заключенных удалось вывести из-под самого носа белых.

Нельзя без ужаса слушать рассказы чудом спасшихся товарищей о днях, проведенных ими в этом инквизиторском застенке. Раздетые до нага, в холщевых мешках на голом теле, заключенные были набиты в грязных темных трюмах, как сельди в бочках. В страшной духоте, грязи и вони обреченные ждали мучительной казни. Несколько десятков товарищей уже погибло на их глазах от руки палачей, бывших офицеров Куракина и Власова. Арестованные по команде выводились наверх и здесь штыками их сбрасывали в Каму.

Ярость белогвардейских палачей при известии об исчезновении барж с заключенными не знала пределов. И для предупреждения каких-либо попыток к освобождению со стороны арестованных в самом Ижевске, Юрьев издал следующий приказ от 5 ноября 1918 г.:

> «Пусть арестованные молят бога, чтобы мы отогнали красных. Если красные приблизятся к городу ближе чем на 3 версты, то все арестанские помещения будут закиданы бомбами. В камерах должно быть полное спокойствие; при малейшей попытке к бегству часовым приказано без всякого предупреждения стрелять. Нарушивших чем-либо порядок выводить во двор и прикалывать».

И действительно, в эту ночь 19 арестованных было выведено во двор и расстрелено А на другой день в приказе по армии выражалась благодарность караульному начальнику за бдительность и решимость. Но это была ярость уже издыхающего зверя. Власть палачей доживала последние дни. Несмотря на все ухищрения белогвардейцев кольцо красных войск сжималось вокруг Ижевска все теснее и теснее.

Для того, чтобы поднять настроение своей армии, белыми были переодеты в казацкую форму и пущены по Ижевску на лошадях несколько десятков солдат. Но ничто не помогало, и 7 ноября Красные войска уже были под самым городом и начали обстрел. Среди белых началась страшная паника, производилась спешная, безпорядочная эвакуация. Солдатов и другие офицеры бегали с револьверами в руках, силясь остановить ла[illegible]у отступавших.

В этот момент арестованные при Военном отделе решили воспользоваться паникой и, сделав вылазку, с голыми руками набросились на караул. Но попытка не удалась. Подоспевший отряд оцепил помещение и начал стрелять в досчатые стенки камер. Стоны, вопли... Лужи крови, хрипы умирающих. Однако, и этот отряд был вскоре увлечен общим потоком отступающих.

Но вот рассветает. Стрельба затихла. Только где-то совсем близко трещит пулемет. И вдруг бодрящие и смелые врываются в окна «мертвого дома» звуки интернационала, и слышен топот приближающейся конницы.

Замученные, полуживые заключенные не верят своим ушам. Но звуки приближаются; слышнее и слышнее; вот они уже у самого дома 7 улицы.

«Кипит наш разум возмущенный и в смертный бой идти готов!» раздается грозно и бодро у самых окон камеры пение Красной конницы Азина.

Больше сомневаться нельзя. Мигом вылетают выбитые с треском двери. С криками «ура» и со слезами радости мученики обнимают друг друга, бросаются на шею к своим избавителям. Некоторые арестованные с смертельно бледными лицами и безумными глазами все еще боязливо выглядывают из камер: не разведка ли белых?...

Со двора слышатся слабые стоны. Бегут туда, и глазам представляется ужасная картина: груда трупов, изрубленных, обезображенных; посреди них в лужах крови несколько раненых со слабыми признаками жизни. Их сейчас же выносят. Один умирает на руках товарища... Откуда-то появляются родственники заключенных. С душу раздирающими криками бросаются они к обезображенным телам близких.

Блестят слезы в глазах суровых, закаленных в боях кавалеристов; грозно сдвигаются брови, и слова мести рвутся из уст. Но военная страда еще не закончена

Кровь замученных вопиет о мщении, и доблестная красная конница ринулась дальше—преследовать отступающих в панике белых палачей. Белые бежали на Воткинск. Вот и река Вотка, и около барж, этих плавучих тюрем, новая груда обезображенных трупов.

Так закончилось трехмесячное кровавое хозяйничанье проклятой памяти «прикамских демократов».

Пред этой правдивой кошмарной картиной Ижевского восстания, происходившего под «испинными демократическими лозунгами», перед памятью сотен и сотен зверски замученных лучших товарищей рабочих и крестьян да умолкнут все лицемеры и болтуны, обвиняющие Советскую власть в жестокости, и да устыдятся все те, кто по темноте и бессознательности осуждал нас за красный террор! Пусть эта кровавая страница из истории Ижевского восстания навсегда запечатлеется в памяти населения Вятской губернии и всего Прикамского края; и да не поддадутся они больше змеиным увещаниям изменников и предателей, обещающих всякие вольности и свободы, и рай небесный на земле после освобождения от «большевистского ига».

Это напоминание я считаю тем более своевременным, что недавно был раскрыт в Ижевске новый заговор: восстание подготовлялось под теми же «демократическими» лозунгами.

Диктатура пролетариата или диктатура буржуазии и офицерского сапога—середины нет! Вот чему учит нас Ижевское восстание 1918 года.

Мятеж в Уржумском и Нолинском уездах начался почти одновременно с первым и преследовал ту же цель — соединение с чехословаками, дабы облегчить им наступление на Вятку.

Ядром для восставших послужил здесь I Московский продовольственный полк, во главе с бывшим офицером Степановым.

Названный полк прибыл в Уржумский уезд летом 1918 г. для охраны вывозившегося хлеба, и вскоре своими бесчинствами, мародерством и грабежами вооружил против Советской власти все население уезда. С бесчеловечной жестокостью подавляет он им же вызванное возмущение в Чер-Турекской волости. После чего, боясь суровой кары со стороны Советской власти за свои преступления, он соглашается на предложение своего командира, предателя Степанова: свергнуть Советы в городах Уржуме, Малмыже и Нолинске и продержаться здесь до прихода белых. Благо в этих городах совершенно отсутствовала реальная сила для их защиты.

Повстанцы продержались в захваченных уездах всего 14 дней, с 7 по 21 августа 1918 г.

При помощи местной буржуазии и офицерства и при деятельном участии местного правого эсера Березовского, образовалось здесь «временное правительство» Южного округа, и вместо Советов были учреждены уездные и волостные земские Управы.

Из приговоренных к расстрелу 12 активных советских работников Уржума успели расстрелять только двух коммунистов, товарищей Дрылевского и Каренина. Остальные были спасены прибывшим 21 августа Полтавским полком, очистившим Уржум от повстанцев.

В Нолинске же повстанцами были зверски сожжены около 70 чел. красноармейцев, засевших в семинарии и отказавшихся сдаться. Но эту бесчеловечную расправу учинила местная буржуазия и офицерство, а не продовольственный полк.

Вообще, в интересах истины, необходимо отметить, что в отличие от Ижевских повстанцев, продовольственный полк в начале действовал весьма нерешительно и всячески избегал расстрелов. Автор этих строк с двумя товарищами сам был захвачен повстанцами в Уржуме с оружием в руках, но они ограничились только тем, что отняли оружие и приказали стоять у стены, пока при-

будет их штаб. Они даже не поинтересовались порыться у меня в карманах, где обнаружили бы мандат Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии на право производства расследования бесчинств этого же самого продовольственного полка и на его обезоружение. Только благодаря их оплошности нам удалось бежать и благополучно добраться до пристани Медведки.

Такое поведение повстанцев в начале восстания об'ясняется, несомненно, значительным процентом рабочих в продполку, примкнувших к восстанию только для того, чтобы избегнуть наказания за мародерство и поживиться. Сами того не замечая, они попали в ловко расставленные провокатором Степановым сети и потом тяготились навязанною им ролью. Этим и об'ясняется сравнительно быстрое поражение повстанцев в боях с Полтавским полком, уступавшим им численностью. Большинство продармейцев, увидев действия примкнувших к ним местного кулачества и офицерства, в ужасе отшатнулось от начатого ими предательского дела и разбежалось. И предоставленные своим силам банды местного кулачества и офицерства быстро были рассеяны. Только незначительная кучка, захватив денежную наличность, пробралась в Казань

VII.

В то время, как в Приволжских губерниях действовали чехословаки, на севере разыгрались следующие события.

В середине июня Архангельская ЧК. получила сведения о брожении в с. Емецке. Брожение вызвано будто-бы предстоящей мобилизацией в Красную армию. Но потом оказалось, что в селе работает «пятерка», именующая себя «Обществом защиты прав граждан». Пятерка вооружила крестьян винтовками, раздобыла два пулемета, организовала разведку и готовилась к выступлению, но в самый последний момент была арестована. В Шенкурске восстание сначала удалось, арестованы были белогвардейцами члены местного Исполкома, приступили и к разоружению находившихся в городе красноармейцев, но подоспевшие отряды Красной армии восстание ликвидировали. Все это убедило ВЧК. в том, что в Архангельске и в губернии что-то замышляется белыми.

В 20-х числах июля в Архангельскую Чрезвычайную Комиссию поступили заявления о готовящемся в городе заговоре против Советской власти. Из полученных заявлений видно было, что руководящая роль в этом принадлежит офицерству. Начало восстания предполагалось устроить ночью 31 июля или 1 августа. Город был разделен на участки с заранее назначенными начальниками, которые к 3 часам ночи, по особому сигналу, должны были занять все советские учреждения, а также радиостанцию и немедленно обратиться к союзникам за поддержкой, в расчете, что до прибытия последних удастся продержаться своими силами. Получив эти сведения, Архангельская ЧК. произвела массовые обыски и аресты среди офицеров, продолжавшиеся до самого занятия города.

У бывшего офицера Григория Рыценковича найдены были, между прочим, планы Архангельской губернии и реки Сев. Двины; при допросе выяснилось, что ему поручено было вербовать белогвардейцев по губерниям и направлять их под видом рабочих в Архангельск. У него же найдена копия зашифрованной телеграммы из Холмогор следующего содержания: «Покупка сена откладывается. Баржа за сеном не придет, немедленно извещайте продавцев. Расход по извещению беру на себя», что обозначало: «восстание откладывается, баржи за отрядами не придут, извести людей».

Все это говорило за то, что выступление, несомненно, предполагалось, но ожидали, что оно будет подавлено, если не вмешаются союзные войска. Рано утром 1 августа над городом появились английские гидропланы, и одновременно Губернским Советом получены были сведения о появлении трех английских крейсеров у острова «Мудьюга», который после некоторого сопротивления и был занят английскими войсками. Вслед за тем командующий Архангельским районом Потапов предложил Губисполкому эвакуировать все учреждения и передать власть его штабу, на что Совет в виду близкой опасности и согласился и приступил к эвакуации учрежденний и ценностей. Этот Потапов потом оказался изменником и агентом белых и англичан. По показаниям матросов, Потапов лично руководил движением белогвардейцев. Характерно, что тотчас же после эвакуации Совета, офицеры штаба Потапова начали величать его «господином полковником». Англичане, действуя вместе с белыми, заняли город, поставили во дворе Городской Думы пушки и во многих домах пулеметы. Здание политфлота обстреливалось ими несколько раз, и после упорного сопротивления небольшого отряда Красной армии город 2 августа целиком перешел в руки белых. Была об'явлена власть Учредительного Собрания и организовано «Временное Правительство» Северного края.

Насчет прочности этого правительства небезинтересно привести выдержку из французской газеты «l'Illustration» от 23 августа 1919 года: «Северный фронт для большевиков исчезнет через несколько недель по той простой причине, что район будет эвакуирован союзными войсками, высадившимися в 1918 году в Мурманске и Архангельске. Русские добровольцы окажутся неспособными к серьезным операциям, когда будут предоставлены собственным силам».

Для поддержки десанта, союзники, пользуясь пребыванием своих дипломатических миссий в Советской Республике, разослали целый ряд агентов по провинции для вербовки добровольцев в Северную армию.

Весной 1918 года такая вербовка не представляла особых затруднений. На Украине,

которая была тогда в немецких руках, находился целый корпус польских легионеров, разоруженных немцами. Их можно было использовать, как боевую силу на других фронтах. За эту работу и взялась французская миссия в Москве.

Под видом отправки на родину французских подданных, она переправляла к белым польских легионеров и чехо-словаков, снабжая их французскими документами. Сборным пунктом был город Вологда. Здесь происходила сортировка и переброска на Архангельск, в Поволжье и в армию Колчака.

Раскрылось это благодаря бдительности наших товарищей, заметивших, что с Ярославского вокзала отправляются на Вологду два вагона с иностранцами, в проводах которых участвовали представитель французской миссии и несколько крупных фабрикантов Москвы. Как только легионеры сели в вагон, ВЧК окружила их и арестовала 45 человек. При них были найдены бумаги, выданные французской миссией, удостоверяющие принадлежность данных лиц к французской армии. Но при допросе оказалось, что они почти ни слова не понимают по-французски.

Дальнейшие розыски обнаружили в г. Воронеже отряд железнодорожной охраны, состоявший из польских солдат, главным образом из бывших легионеров. Чины отряда способствовали переезду солдат на Мурман. В Вологде было накрыто до 600 легионеров; офицерский состав был арестован, а солдаты - добровольцы разбросаны по другим частям. После обстоятельного раз'яснения большинство из них поняло, что их направляли в белогвардейскую армию, проливать кровь за союзных капиталистов, а вовсе не на родину.

VIII.

В начале августа 1918 года ВЧК. установила, что английское дипломатическое представительство в России пытается войти в связь с некоторыми частями войск Советской Республики для организации захвата главнейших опорных пунктов в Москве и ареста Совета Народных Комиссаров.

Установленным наблюдением было выяснено, что прибывшему в начале августа из Петрограда в Москву с рекомендацией к начальнику британской миссии в Москве Локкарту, агенту Шнодхену удалось устроить свидание Локкарта с командиром одной из войсковых латышских частей, на которую англичанами возлагалась обязанность непосредственного захвата Совета Народных Комиссаров.

На этом собрании обсуждали также вопрос о возможности в ближайшем будущем организовать в Москве восстание против Советской власти в связи с движением англичан на Мурмане.

Произвести переворот в Москве предполагалось приблизительно в десятых числах сентября. Англичане были весьма озабочены тем, чтобы на пленарном заседании Совнаркома, где проектировался арест его в полном составе, присутствовали бы Ленин и Троцкий. Предполагалось одновременно занять Государственный Банк, центральную телефонную станцию и телеграф и ввести военную диктатуру с запрещением, под страхом смертной казни, каких бы то ни было собраний, впредь до прибытия английских военных властей. Обсуждался также при участии представителей высшего духовенства вопрос об устройстве всенародных молебствий и произнесении церковных проповедей в защиту переворота. Согласие духовенства было дано. На этом же заседании указанному командиру, согласно обещанию Локкарта, было передано 700.000 рублей на организацию восстания.

Одновременно происходили совещания дипломатических представителей различных «союзных» держав относительно мероприятий, которые могли бы обострить внутреннее положение России и ослабить Советскую власть в ее борьбе с чехо-словаками и англо-французами.

Как выяснилось, ближайшей задачей союзнических агентов, рассыпанных по всем городам Советской России и проживавших там по подложным документам, являлось обострение продовольственных затруднений, в частности, в Петрограде и Москве. Разрабатывались планы взрывов мостов и ж. д. полотна в целях задержки подвоза продовольствия, а также поджогов и взрывов продовольственных складов. Равным образом выяснилось, что у англо-французских заговорщиков широко разработана система шпионажа во всех комиссариатах, что подтвердилось последующими обысками, при которых найден был ряд секретных донесений с восточного фронта. Арестованные в связи с этим офицеры (капитан Фриде и др.) показали, что англо-французы получали от них секретные сведения о передвижении Советских войск и вообще всякого рода секретные данные о внутреннем положении России.

В связи со всем этим как в Петрограде, так и в Москве были произведены аресты, в результате чего установлено наличие заговора дипломатических и военных представителей иностранных держав, направленного на организацию восстания в Москве и захват Совета Народных Комиссаров.

Заговорщики не брезговали ничем. Они создали широко раскинувшуюся сеть конспиративных организаций по всей России, пользовались подложными документами и тратили на подкуп агентов Советской власти громадные суммы денег. Вся работа происходила под защитой и руководством дипломатических представителей. В руках ВЧК имеются собственноручно подписанные гр. Локкартом удостоверения, которые ставили заговорщиков под защиту британской военной миссии в Москве. Заговорщиками был подробно разработан план организации власти на другой день после переворота. Предполагалось установление диктатуры из трех

лиц, намечены были специальные комитеты в войсковых частях и т. п.

По раскрытии заговора виновные были преданы суду Верховного Революционного Трибунала, приговор которого приводим полностью:

«Именем Р. С. Ф. С. Р. Революционный Трибунал ВЦИК Советов, заслушав и рассмотрев в заседаниях своих от 28, 29 и 30 Ноября, 2 и 3 декабря 1918 года дело по обвинению бывшего начальника английской миссии в Москве Локкарта, бывшего французского генерального консула в Москве Гренара, лейтенанта английской службы Сиднея Георгиевича Рейли, французского гражданина Генриха Вертомона, гражданина Северо-Американских Соединенных Штатов Ксенофонта Дмитриевича Каламантино, бывшей директриссы французской женской гимназии Жанны Моренс, великобританского подданного Вильяма Кемберга Хигса, бывшего подполковника Александра Загряжского, артистки Художественного театра Елисаветы Емельяновны Оттен, бывшей надзирательницы женской гимназии Марии Владимировны Фриде, Алексея Владимировича Потемкина, бывшего чиновника Московской таможни Павла Максимовича Солюс, студента Петроградского Университета Александра Клавдиевича Хвальнского, бывшего полковника Генерального Штаба Евгения Михайловича Голицына, бывшего служащего Центропленбежа Леонида Алексеевича Иванова, корреспондента газеты Дмитрия Александровича Ишевского, бывшего генерал-майора в отставке Петра Дмитриевича Политковского, бывшей служащей распределительного отдела ВЦИК Ольги Дмитриевны Старжевской, завед. автомобильным складом Моск. Военного Округа Максима Васильевича Трестера и чешских граждан: Алексея Алойзовича Лингардт, Иосифа Иосифовича Пшеничко, Ярослава Вячеславовича Шмейца и Станислава Фомича Иеллинека,— в организации шпионажа и контр-революционного заговора против рабоче-крестьянского правительства Р. С. Ф. С. Р., признал установленную судебным следствием преступную деятельность дипломатическцх агентов империалистических правительств англо-франко-американской коалиции, пытавшейся при пособничестве представителей русских буржуазных контр-революционных сил, путем организации тайной агентуры для получения сведений политического и военного характера, подкупа и дезорганизации частей Красной армии, взрывов железнодорожных мостов, поджогов продовольственных складов и, наконец, свержения рабоче-крестьянской власти и убийства из-за угла вождей трудовых масс, нанести смертельный удар не только русской, но и международной социалистической революции. Попытка контр-революционного переворота, будучи сопряженной с циничным нарушением элементарных требований международного права экстерриториальности, возлагает всю тяжесть уголовной ответственности прежде всего на те капиталистические правительства, техническими выполнителями злой воли которых являются вышеперечисленные лица. В твердой уверенности близкого суда над преступными империалистическими правительствами и законного возмездия от руки собственных, восставших трудящихся масс, Революционный Трибунал при ВЦИК, соответственно степени виновности каждого из подсудимых, постановил: Обвиняемых Е. Е. Оттен, К. Моренс и С. Ф. Иеллинека—считать по суду оправданными. С. Л. Стражевскую — подвергнуть лишению свободы сроком на три месяца с зачетом предварительного заключения и с лишением права состоять на службе в государственных учреждениях Советской Республики; А. А. Загряжского, А. В. Потемкина, П. Н. Солюса, А. К. Хвальнского, Е. М. Голицына, Л. А. Иванова, Д. А. Ишевского и Марию Владимировну Фриде—подвергнуть тюремному заключению сроком на пять (5) лет, с применением принудительных работ; М. М. Пшеничко подвергнуть тюремному заключению до прекращения чехо-словаками активных вооруженных действий против Советской власти России; Локкарта, Гренара, С. Г. Рейли и Г. Вертомона—об'явить врагами трудящихся, стоящими вне закона Р. С. Ф. С. Р., и при первом обнаружении в пределах территории России—расстрелять; К. Д. Каламантино и Александра Владимировича Фриде—расстрелять.

Приговор привести в исполнение в течение 24 часов с момента об'явления».

Так закончилась тайная попытка иностранного капитала выручить «северных» своих русских «братьев» от постигшей их впоследствии участи.

Г. МОРОЗ.

„В последнее время немецкий филистер опять начинает испытывать спасительный ужас при словах „диктатура пролетариата“. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата“.

Фридрих Энгельс.

П. А. КРОПОТКИН,

КАК ТЕОРЕТИК АНАРХИЗМА.

Умер Петр Алексеевич Кропоткин.

Когда умирает большой человек и особенно, когда человек был общественным деятелем, вокруг его могилы начинается тотчас же ожесточенная битва: друзьям он искренно начинает казаться небывалым гением, враги его хотят убедить мир, что человечество в нем избавилось от злодея или изверга: те и другие непримиримы.

А мне хотелось бы остаться беспристрастным,—да простят мне друзья и враги его.

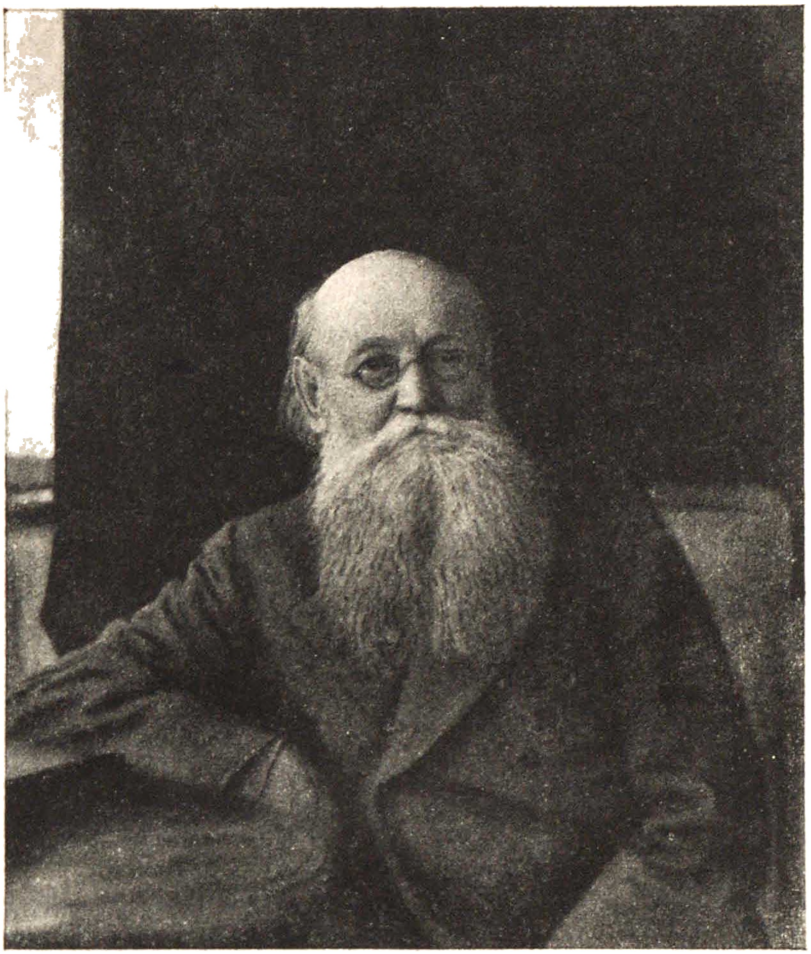
I.

Я встретился впервые с Кропоткиным в 1905 году в Париже, куда он приехал, кажется, нелегально. На частной квартире его друга собралось 2—3 десятка анархистов. Говорили о назревавшей революции в России и о роли анархистов в ней. Петр Алексеевич говорил много, мягко, умно, но, слушая его внимательно, хотелось сказать: «Не то, не то». Он говорил о русской революции в том же тоне и теми же словами, какими он говорил бы о революции в Испании, или на Сандвичевых островах. Приехавшему из России прямо из горячего подполья и видевшему собственными глазами, как в ожесточенной, ужасающей борьбе классов разгорался костер гражданской войны, было странно, как-то приторно слушать стертые, почти ничего не значащие слова: о бунтовском духе, о творческом гении народа и т. д. Когда мы робко попытались поставить вопрос о борьбе классов, Петр Алексеевич, обычно такой доброжелательный, крайне взволновался, пришел в раздражение и стал прерывать нас на каждом слове. Он, конечно, потом трогательно извинялся передо мною и шутливо просил «простить старого дурака за несносный характер». Я не только «простил», но был всецело очарован этой цельной, серьезной и правдивой душою мудреца. Но у меня осталось неискоренимое впечатление, что Петра Алексеевича Кропоткина в сущности уже нет, что он ушел от нас куда-то очень далеко: в прошлое ли, в будущее ли—кто знает?

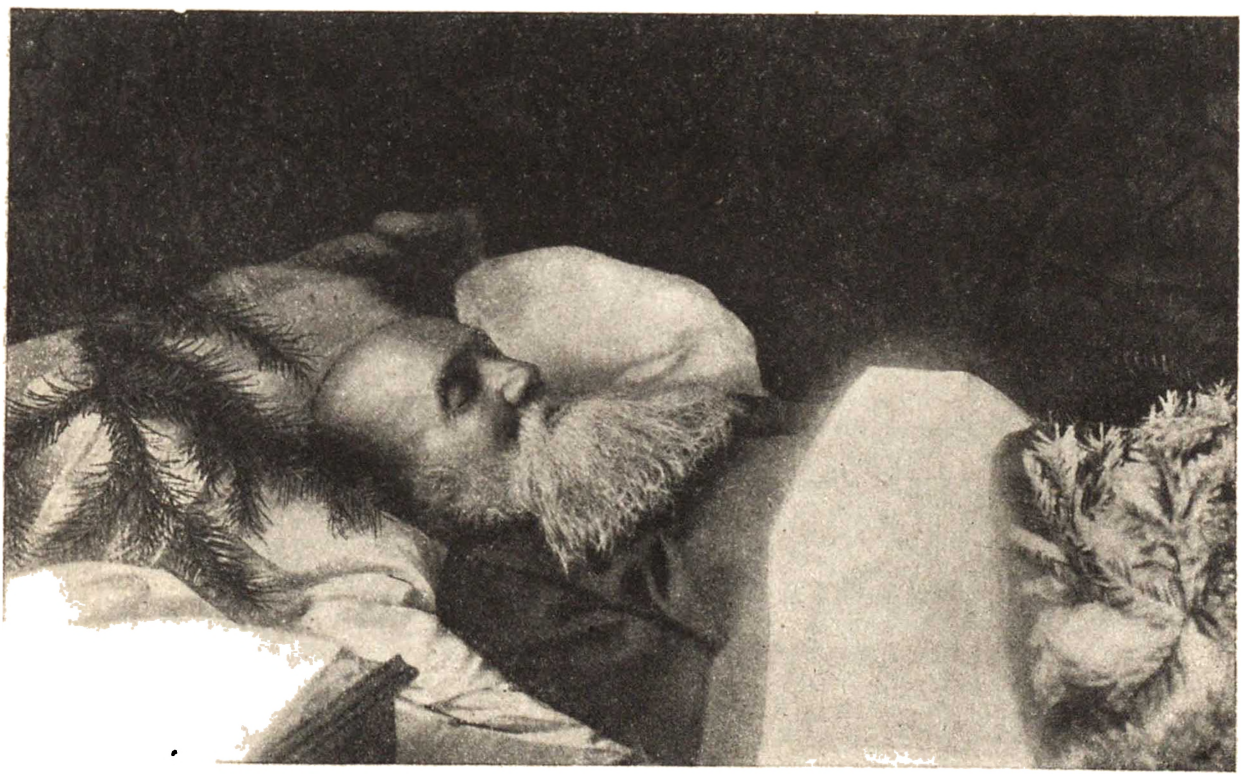
Между нами, молодыми анархистами, и старым учителем, уже тогда, 15 лет тому назад, была непроходимая пропасть. Все анархические течения России выросли в оппозиции и борьбе с учением Кропоткина. «Безначалие», «Черное Знамя», «Новый Мир», «Буревестник», — все эти органы, выражавшие различные оттенки анархической мысли в России, все, в сущности, шли против теории Кропоткина. Была лишь одна кропоткинская группа «Хлеб и Воля», но эта группа пользовалась наименьшим влиянием в России и вскоре слилась с другими.

Летом 1906 года, на обратном пути из Америки, я заехал к П. А., который жил тогда недалеко от Лондона, в маленьком городке Бромлей, где занимал скромную виллу «Виола». Его не оказалось дома. Он лечился в Нормандии, но, получив от меня письмо о том, что я возвращаюсь в Россию на подпольную работу и хотел бы с ним повидаться, он ответил мне большим и ласковым письмом, сократил назначенный срок своего лечения и вернулся в Бромлей. Мы провели много дней вместе, и я никогда не забуду того очарования, которое окутывало меня каждый раз, когда мне случалось оставаться с ним наедине, и он говорил мне своим ласковым, глубоким голосом о человеке, о солидарности, о терпимости к людям, о страданиях народа и о своей собственной жизни. Но как только разговор с заоблачных высот морали и философии опускался чуть-чуть ниже, Петр Алексеевич становился неузнаваем. Малейший намек на теорию борьбы классов, необходимость организации вызывал в нем непреодолимое раздражение, — разговор становился невозможным.

У всех на глазах назревавшая великая революция требовала от всех революционеров абсолютной ясности в программе, абсолютной точности, конкретности в тактике и величайшей организованности. Но напрасны были все наши попытки притти к какому-нибудь определенному соглашению. Великий учитель, проявлявший столько проницательности в исследованиях прошлого, расплывался в самых общих фразах, когда речь касалась современности. Эти фразы были живыми цитатами из его статей, давно собранных в книжки: «Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля» и т. д. Спорить нам не из-за чего было, но и сойтись также не было на чем. Когда нам казалось, что мы вполне поняли друг друга, неожиданно выскальзывал какой-нибудь «мелкий» тактический вопрос, который сразу опрокидывал все принятые пункты соглашения,—и спор начинался с начала. Последним камнем преткновения встал перед нами вопрос об отношении анархизма к «частным экспроприациям».

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН.
Снимок сделан за 2 месяца до смерти революционера.

П. А. КРОПОТКИН В ГРОБУ.

Этот вопрос тогда ставился очень остро, ибо под маской анархизма выступили целые толпы грабителей и хищников, грозившие совершенно затопить молодой идейный анархизм. Лидерам движения надлежало выступить определенно сурово и неумолимо. Молодые идейные анархисты, работавшие в России и видевшие угрожающие размеры зла, об'явили экспроприаторству беспощадную войну.

Когда я сказал покойному Кропоткину, что мои друзья постановили: беспощадно расстреливать всех, злоупотребляющих именем анархизма для своих грабежей и разбоев, он пришел в ужас и закончил свою длинную назидательную речь буквально следующими словами: «Не убивать должны мы молодых людей, которые ошибаются, а учить их и переубеждать. Не только убивать, даже критиковать их не дело анархиста. Анархисты должны учить не критикой, а примером».

Это было, быть может, очень гуманно и не лишено зерна правды, но эта правда была совершенно бесплодна: с такой тактикой можно было создать новую разновидность толстовства, но нельзя было создать единую, великую и могучую партию революции.

Переговоры кончились ничем. История показала, кто был прав. Хлебовольчество исчезло, как сон, без следа, а анархо-синдикализм ассимилировал и поглотил все остальные течения в русском анархизме. И, слушая горячие проповеди, я с горечью думал: «Где же вождь анархизма — раз он не с нами, с борющимися и творящими новую жизнь?»

Прошло еще много лет. Мы пережили еще две революции—мартовскую и октябрьскую. Группа русских анархо-синдикалистов задумала поставить большую политическую анархическую газету. Чтобы ее сделать об'единяющим, организующим центром всего русского анархизма, нам нужно было имя Кропоткина. Мы вступили в переговоры с ним и дали ему понять, с каким восторгом эта идея была принята во всех кругах анархизма, в том числе его личными друзьями. Но Кропоткин нашел, что не время издавать большую политическую газету, что надо создавать кружки, вести пропаганду—действовать личным примером, перепечатывать и распространять статьи из «Les temps nouveaux», «La Révolte», статьи, давно уже ставшие археологической редкостью. И в конце 1917 г. Кропоткин не был с нами, с живыми, а с теми, что давно ушли из жизни.

Когда пришло известие о том, что в городе Дмитрове скончался Петр Алексеевич Кропоткин, все любившие его (а их очень много, ибо любили его все знавшие его) почувствовали, вместе с глубочайшей болью, что вместе с великим старцем сошел в могилу традиционный, оторванный от жизни и мечтательный анархизм. Немудрено, что уже над самой могилой его скрестились мечи давно уже борющихся двух тенденций в русском анархизме, которые можно выразить так: реализм или утопизм? С жизнью или вне ее? И не трудно предвидеть, что победит та, которая все побеждает — жизнь. Скоро все анархисты поймут, что нельзя делать добродетель из дешевой критики и изображать какую-то особую «революционность» под видом молчания. Вот почему исходным пунктом нового движения должна стать об'ективная, чисто научная критика наследства, оставленного Кропоткиным.

2.

Герцен в «Былом и Думах» набросал удивительный портрет Бакунина, образ которого невольно восстает в памяти, когда говоришь о Кропоткине и пытаешься понять, что он хотел дать миру и что он дал ему.

«Бакунин (говорит Герцен) имел много недостатков, но недостатки его были мелки, а сильные качества—крупны. Разве это одно не великое дело, что, брошенный судьбой куда бы то ни было и схватив 2—3 черты окружающей среды, он отделял революционную струю и тотчас принимался вести ее далее, раздувать, делать из нее страстный вопрос жизни»?..

«В этом человеке лежал зародыш колоссальной деятельности, на которую не было запроса. Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, ересиархом, бойцом. Поставьте его, куда хотите, только *в крайний край:* анабаптистом, якобинцем, товарищем Анахарсиса Клоотса, другом Гракха Бабефа, и он увлекал бы массы и потрясал бы судьбами народов».

«Но он любил не только рев восстания и шум клуба, площади и баррикады, он любил также и приготовительную агитацию,—эту возбужденную и вместе с тем задержанную жизнь конспираций, консультаций, неспанных ночей, переговоров, договоров, ректификаций, химических чернил и условных знаков. Бакунин не слишком останавливался на взвешивании всех обстоятельств, смотрел на одну дальную цель... Он увлекал не доводами, а желанием, он *хотел* верить и верил... Он шагал семимильными сапогами через горы и моря, через годы и поколения».

И когда читаешь эту характеристику Бакунина, написанную большим художником, то порою кажется, что она написана для того, чтобы нам показать, чем *не* был ученик его и преемник Кропоткин. Кропоткин не любил «разбирать черты действительности», чтобы в ней отделять революционное. В 1905 году он чувствовал себя солидарным с земцами и кадетами. В 6-ом и 7-ом годах он не видел реакционных черт экспроприаторства. В кровавой бойне, затеянной мировыми разбойниками, он стал рядом с презренным предателем Бурцевым. В течение 3 лет современной революции, он не разглядел революционной природы большевизма и был ближе к правым эсерам, чем к анархистам, пошедшим на соглашение с большевизмом. «Стра-

стные вопросы жизни» он делал только из вопросов личной морали, а не общественной политики. Его тянуло не на «крайний край», а к середине, и к той, что была ближе к правому концу... Оттого он не рожден был «потрясать судьбами народов», хотя ему и выпало на долю величайшее счастье — жить в эпоху самых исполинских потрясений общества. И эту великую эпоху он *промолчал*. Конечно, в юности и он любил «конспирации» и он умел идти на пролом, прикрыв плащем непогрешимую этику, и он хотел верить и другим дарил жизнетворящую веру. Иначе он не прослыл бы «всемирным бунтарем». Но в последние 20 лет он не только сам не верил, но и в нас убивал веру: этика закрыла перед его глазами действительность и книгой об этике он сам закрылся от той, о которой он так страстно мечтал в юности и которой не узнал тогда, когда она пришла к нему на склоне старости—от Революции.

3.

Когда думаешь о Кропоткине и ищешь в его характере той основной черты, которую можно было бы признать господствующей или определяющей, неизменно приходишь к одному—к его доброте. Эта доброта породила его жалость к людям, которая в свою очередь вызвала в нем и укрепила чувство возмущения социальной средой. Не научный анализ жизни, не научный прогноз грядущего руководил им, а жалость. Его дочь А. П. Кропоткина говорит об этом: «Он любил людей той любовью, которая—он всегда говорил—есть любовь русского народа, т. е. жалость». Чувствуя в себе эту жалость, как главную руководящую силу, он, естественно, ее идеализировал, пытаясь превратить ее в какую-то едва ли не космическую силу. В этом еще не было беды.

Но беда началась там, где он это свое глубоко суб'ективное настроение пытался делать основой реальной политики. Когда мы читаем его книги «Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля» и бесчисленные статьи, нам кажется, что мы слышим одну и ту же проповедь: что не надо грабить бедного, не надо угнетать слабого, что надо любить друг друга и жалеть. Когда мы эту проповедь читаем в первый раз, она подкупает нас своей безграничной правдивостью. Вот почему нет во всей всемирной литературе другой агитационной книги, которая могла бы сравниться с «Хлеб и Воля», но когда мы одни и те же слова, одни и те же фразы и одни и те же доводы встречаем потом везде: и в прокламации, и в брошюре, и в научной книге, испытываешь какое-то раздражение. Конечно, ни один писатель на земле не употреблял так часто двух слов «солидарность» и «бунт». А что сделал он для *организации* этой «солидарности» и этого «бунта»?

Кропоткин был великим апостолом. Он был несравненным проповедником человечности, ибо он проповедывал примером, но он—увы, совершенно не был организатором: вот почему в общественной жизни Европы и России он не оставил четких следов ни в программах борющихся, ни в учреждениях современности.

Он все организационные планы и всю тактику сводил к своеобразному народолюбчеству. Он в сущности был народником чистейшей воды. Оттого в его даже ученых работах не хватает какого-то размаха: большой, научный ум и крупный писательский талант бьются в тисках тесной народнической догмы. После Бакунина вряд ли кто либо другой так много потратил силы на борьбу с религией и метафизикой во имя науки, как Кропоткин, но, когда тщательно изучаешь все его научные работы и вместе с автором послушно идешь от эпохи к эпохе, от народа к народу, от одной сферы жизни в другую и приходишь к благополучному концу, испытываешь какую-то досаду: в награду за долгие блуждания, автор награждает тебя парой теплых сентенций, из которых можно еще сделать маленькую проповедь, но на которых немыслимо построить какую бы то ни было положительную программу действий.

К примеру. Он написал довольно большие исследования о средневековых городах, о мелком производстве, о французской революции, о парижской коммуне и т. д., но когда подведешь итоги и спросишь: а что же делать? ответа в сущности никакого нет.

В мае 1920 г. он пишет*) одному анархисту: «Я глубоко верю в будущее. Я верю в то, что синдикальное движение, т. е. движение профессиональных союзов, которое на свой конгресс недавно собрало представителей от 20 миллионов рабочих, выступит великою силою в течение ближайших 50 лет, чтобы приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества»...

«Я верю также, что для организации социалистического, вернее коммунистического общества, среди крестьянства, кооперативное движение и именно *русское крестьянское* кооперативное движение, в течение ближайших 50 лет, тоже представит живучее *творческое* ядро коммунистической жизни»...

Не понятно, каким образом синдикальное движение, во главе которого стоят Жуо, Удегест и другие матерые политиканы и архи-буржуазные «государственники» приведет к безгосударственному коммунизму. Не понятно, каким образом типично торгашеская кооперация тоже начнет «творить» коммунистическую жизнь. Но особенно не понятно, при чем тут анархисты. И что им делать в течение этих 50 лет, т. е. в продолжении двух человеческих поколений.

Конечно, никакой лидер партии не ответил бы так на жадные вопросы дня, как это делает Кропоткин, но апостолу и проповеднику, для которого общественность только поле для приложения своей личной морали,

*) «Анархические организации памяти Петра Алексеевича Кропоткина» 8 февраля 1921 г.

достаточно наивного «верую». Credo quia absurdum.

Конечно, мы не думаем всем этим упрекать покойного. Мы хотели только определенно и ясно очертить его образ в истории анархизма и революции.

Он не был и не мог быть вождем анархизма, но он был его величайшим проповедником.

4.

В теории тех течений, которые идут под лозунгом анархизма, нет, собственно, ни одного принципа, который целиком можно было бы приписать Кропоткину. Часто, однако, приходится читать, что Кропоткин в одном пункте анархистской доктрины произвел будто бы переворот: анархизм, который при Бакунине был коллективистическим, благодаря Кропоткину стал коммунистическим. Это утверждение основано на недоразумении.

«В своих экономических взглядах,—говорит нам сам Кропоткин *),—Бакунин был полнейшим коммунистом, но по уговору со своими друзьями-федералистами из Интернационала, он называл себя анархическим коллективистом, отдавая дань недоверию, которое вызвали к себе во Франции коммунисты-государственники... Для него, как и для друзей, коллективизм означал общее владение всем, что служит для производства, не определяя заранее, в какой форме будет производиться вознаграждение труда среди различных групп производителей: примут-ли они коммунистическое учение или предпочтут марки труда, или равную для всех поденную заработную плату, или какое-нибудь другое решение».

Совершенно очевидно, что нововведение Кропоткина вовсе не означало шага вперед в развитии теории анархизма. Бакунин знал, что общество строится на обладании средствами производства, а не потребления, что необходимо поэтому раньше всего создать определенную форму производства, а формы распределения будут созидаться в горниле самой революции, под влиянием конкретных условий борьбы. И Российская революция вполне доказала правоту Бакунина: раньше всего революционный народ взял в свои руки средства производства: фабрики, заводы и землю, а формы распределения еще до сих пор находятся в стадии развития от буржуазной оплаты труда к полному коммунизму, который станет возможным только тогда, когда новые условия производства настолько поднимут производительность труда, что сделают возможным обеспечение каждого всем необходимым.

Если допустить, однако, что внесение коммунизма в программу анархического учения было шагом вперед в смысле большей ясности конечных целей, то несомненным шагом назад было то, что Кропоткин на место определенной и ясной бакунинской формулы борьбы классов поставил сбивчивое и временами опасное понятие о внеклассовом или каком-то всеклассовом народе. Бакунин, подобно Марксу, обладал тонким аналитическим умом и прекрасно понимал, что между буржуазией и пролетариатом есть масса промежуточных трудовых групп со своеобразными интересами и с собственной идеологией. Правда, он нигде не видел «анти-коллективистического черепа», но он прекрасно понимал, что к мелкой буржуазии и интеллигенции необходим особый подход, что эти группы могут и должны пойти с пролетариатом в одном случае и могут и должны пойти против него в тысяче других случаев. Анализируя, как экономист и психолог, их идеологию, он, как идеолог *рабочего* класса, намечал определенные тактические планы—сделать из вероятных врагов возможных союзников. Но совершенно иначе подходит к этим опасным вопросам Кропоткин. «Всякий честный человек, — говорит он *), — из вас, молодежи, из крестьян и городских рабочих, из ученых и неученых, из бедных и богатых, — если в нем только бьется горячее, чуткое сердце, — должен понять, как попираются теперь права человечества, должен сознать свои права и притти туда, куда его толкает весь современный строй,— он вынужден стать революционером...» Вся тактика революции здесь строится на «горячем и чутком сердце»... В наше великое и жуткое время это звучит как наивная шутка.

А в чем основная идея учения Кропоткина о разрушении государства? Бакунин никогда не отделял капитала от государства, понимая, что это—две ипостаси единой сущности — господства буржуазии. Кропоткин своим рядом серьезнейших и добросовестнейших исследований о происхождении и природе государства внес в этот вопрос такую путаницу, в которой анархизм совершенно смешался с либерализмом.

В одном случае он ставит знак равенства между государством и правительством. В другом он под государством подразумевает только централизованное правительство. Иногда он выражается так, что городская средне-вековая община, которую он пышно именует «вольной коммуной», почти сливается с будущей идеальной коммуной, или, по крайней мере, представляет шаг на пути к ней, а иногда он дает себе совершенно ясный отчет в классовом и государственном характере средневекового города.

В его книге «Хлеб и Воля» мы читаем **): «Как только общинам X, XI и XII века удалось освободиться от власти светских или духовных властей, в них тотчас же стали сильно развиваться начала *общего* труда и *общего* потребления.

*) «Анархия», Изд. «Голос Труда», Петербург, 1919 г., стр, 48—49.

*) «Речи бунтовщика», Книгоизд. «Голос Труда», Петербург—Москва, 1921 г., стр. 78.

**) В издании «Голос Труда», Петербург—Москва, 1919 г., стр. 50.

«Город — именно город, а не частные лица («Господин Великий Новгород» в России) — снаряжал корабли и посылал караваны для торговли с отдаленными странами, и барыши от торговли доставались *не* отдельным купцам, а опять-таки *всему* городу, город же покупал и нужные для жителей припасы.

Все это исчезло. Одна только сельская община еще борется за сохранение последних следов *этого коммунизма*, да и то удается ей только до тех пор, пока государство не бросит на чашку весов свой тяжелый меч».

За то в другом месте «Речи бунтовщика» он говорит *): «Освобождаясь от помещиков, средневековая коммуна освобождалась-ли так же от богатых купцов, наживших большие состояния на торговле товарами и в банках? — К сожалению, нет! Разрушивши замки дворян, горожане по прошествии некоторого времени увидали, что такие же замки начинают воздвигаться богатыми купцами, и что во внутренней жизни коммуны началась борьба между богатыми и бедными, в которую скоро стал вмешиваться король».

Итак, в «вольной коммуне» была борьба классов: одни богатели, а другие беднели, и барыши вовсе не доставались всем, и «город» был просто собирательным именем для класса купцов, как теперь «отечество» только фирма для буржуазии.

Придя к такому выводу, Кропоткин понимал, что такая «коммуна» не только не является идеалом, но даже преддверием будущей коммуны, и вот он естественно пытается внести различие. В той же книге (стр. 118) он говорит: «Для горожанина средних веков его коммуна была государством (!), строго отделенным от других своими границами. Для нас же коммуна уже более не только земельная единица. Это скорее — общее понятие (?) о каком-то (?) союзе равных, не знающем ни городских стен, ни границ... Создается коммуна *общих интересов*, которой члены будут разбросаны в 1.000 сел и городов...»

Признаюсь, мне это кажется странным. Что в коммунах будут отдельные группы, что эти группы одной коммуны будут вступать в разнообразные союзы с другими подобными им или полезными им группами, несомненно. Но возможно ли самое существование какой бы то ни было коммуны без определенной экономической базы? Стало быть, при современных способах производства, при современных средствах сообщения, при современном состоянии науки, которая еще не привела нас к лабораторному изготовлению продуктов питания, невозможно экономическое существование общества, без какой-нибудь определенной территории, — коммуна интересов скорее применима в области чисто умственной деятельности, а никак не в области производства, без планомерной организации которого коммунизм невозможен.

*) «Книгоизд. «Голос Труда», Петербург—Москва, 1919 г., стр. 110.

5.

От экономики перейдем к политике. В своей работе «Хлеб и Воля» Кропоткин говорит: «Каждому экономическому фазису соответствует в истории свой политический фазис; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вместе с тем и нового строя политической жизни...

«Покуда общество было основано на крепостном праве, оно могло мириться с неограниченной монархией, а когда оно основалось на наемном труде и эксплуатации масс капиталистами, оно нашло лучший оплот эксплоатации в парламентаризме. Но общество свободное, взявши в свои руки общее наследие, — землю, фабрики, капиталы, — должно будет искать новой политической организации, соответствующей новой хозяйственной жизни — организации, основанной на свободном союзе и вольной федерации».

В другом месте*) он говорит: «Свободная община — такова *политическая* форма, которую должна будет принять социальная революция...

«Мы также считаем, что если не нужно центральное правительство, чтобы приказывать свободным общинам, — если национальное правительство уничтожается и единство страны достигается помощью свободной федерации общин, — в таком случае таким же лишним и вредным является и центральное городское управление...

«Федеративный принцип, т. е. вольное об'единение кварталов, промышленных союзов, союзов потребления и обмена и т. д., вполне достаточен, чтобы установить внутри общины согласие между производителями, потребителями и другими группами граждан».

Здесь отчасти высказаны несомненно правильные идеи, продиктованные всей историей народных революций и нашедшие себе яркое подтверждение в истории нашей великой революции.

Что мы идем не к созданию централизованного, солдатски - коммунистического государства, а к свободной ассоциации работников, русская революция отметила в своем первом историческом акте, в Конституции Советской республики. Указав, что диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства является лишь временной формой организации «в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти», Конституция говорит: «Российская республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России».

Что касается федеративного принципа, то и он нашел себе свое освящение на пер-

*) «Анархия»; стр. 44—45.

вых же шагах нашей русской революции. Согласно завѣтному желанию Кропоткина, чтобы революционеры, не ожидая официальнаго разрешения парламента, делали революцию на мѣстах, немедленно, русские коммунисты разогнали архи-демократическую учредилку, свалили в канаву буржуазно-социалистическую власть, захватили Петроград, Москву, установили господство трудящихся во всей странѣ, беря город за городом, деревню за деревней. Если революционная Россия до сих пор не превратилась в свободное социалистическое обтество трудящихся, то вина падает не на государственников, а на военные условия, которые требуют величайшей централизации России, на состояние экономической разрухи, вызванной четырехлетней империалистической войной и так же требующую величайшей экономии и, стало быть, централизации.

Но рядом со здоровыми, ясными идеями о будущей политической организации общества, мы встрѣчаем у Кропоткина много неясного, много сбивчивого, ибо он никогда не отличал тенденций от конечной цели и сваливал в одну кучу конкретные задачи настоящего момента с последним этапом длительнаго процесса. Ведь надо быть слепым, чтобы не видать абсолютной невозможности превращения сразу же, в первый же день революции огромной, мало культурной, разоренной страны в свободную федеративную ассоциацию мельчайших сельских общин и городских кварталов.

Такую же странную смесь гениальной ясности в общем прогнозе и досадной сбивчивости во всем конкретном дает нам Кропоткин в своем учении о путях социальной революции.

«Наше дело»,—начинает он совершенно правильно,—«будет—устроить так, чтобы с первых же дней революции и во все время, пока она будет продолжаться, на пространстве, охваченном восстанием, не было ни одного человека, страдающего от недостатка хлеба, ни одной женщины, которой пришлось бы ждать своей очереди у булочной, пока ей бросят, как милостыню, кусок хлеба из отрубей, ни одного ребенка, у которого не было бы того, чего требует его слабый организм*)».

«Чтобы поступить практически нужно, по нашему мнению, чтобы народ немедленно же завладел всеми продуктами, имеющимися в тех местностях, где вспыхнула революция, составил им опись и чтобы он устроился так, чтобы ничего не пропадало даром, но чтобы все могли воспользоваться имеющимся накопленными продуктами и таким образом пережить критический период **)».

Это, конечно, правильно, и именно в эту сторону была направлена тактика русского коммунизма: реквизиция, учет и карточная система.

«Крестьянину», продолжает Кропоткин *), «нужно предлагать не бумаги, а такие предметы, в которых он непосредственно нуждается: веялку и косилку, в которых он теперь отказывает себе, скрепя сердце; одежду, которая защитила бы его от непогоды; лампу и керосин, чтобы заменить его лучину; заступ, косу, плуг,—одним словом всѣ то, чего он лишен теперь»...

Но здесь мы в праве спросить: а если город *не может* предложить крестьянину ничего этого потому, что совершенно разорен, положим, войною, как в наше время? *На это нет ответа у Кропоткина* Он неумолим в своем абсолютном отрицании власти: «Пусть город пошлет в деревню не комиссара, опаясанного красным или разноцветным шарфом, с приказом вести припасы в такое то место, а пусть пошлет туда друзей, братьев, которые скажут крестьянам: «Привозите нам свои продукты и берите из наших складов все, что хотите». Тогда жизненные припасы будут стекаться в город со всех сторон».

Святая истина... А если наши склады пусты и нам предложить крестьянам почти нечего, и крестьяне откажутся возить свои припасы городским «дармоедам»? Не придется ли все-таки послать комиссара (хотя бы и без всякого шарфа) в деревню?

Ответ Кропоткина тем более недостаточен, что он с гениальной проницательностью предвидел такие моменты революции, которые только теперь определились и стали очевидными для всех. «Крестьянин», говорит он, сам «несомненно воспользуется революцией, чтобы распрямить свою спину, согнутую над землею. Вместо того, чтобы работать по 14 и 16 часов, как теперь, он совертенно справедливо захочет отдыхать половину этого времени, что может повести к уменьшению производства главных жизненных продуктов: хлеба и мяса».

«Благоразумнее поэтому предполагать**), что привоз продуктов как из местностей внутри страны, так и из за границы в общем уменьшится. Как же пополнить этот недостаток? Очень просто: заменить недостающее собственными силами», т. е. силами самого города.

Кропоткин не только предвидит величайшее затруднение нашей революции: расстройство промышленности, падение производительности труда, волну «лени», о которой кричат буржуазные экономисты, необходимость товаро-обмена между городом и деревней, но даже необходимость использования свободных городских земель для обработки их. Но ведь последнее решение предполагает длительный и шрудный процесс. А пока: что делать сейчас *уже* голодающему городу, когда он своего производства продуктов питания не наладил, когда городские склады опустошены и крестьянам нечего предложить, когда крестьяне, как он и пред-

*) «Хлеб и Воля», стр. 80.
**) Стр. 83.

*) Стр. 101.
**) Стр. 105.

видел сократили запашки и предлагают городу хлеб по мародерским ценам и совсем отказываются продавать? Неужели город должен совершенно распылиться и погибнуть в угоду некультурной, нереволюционной деревне, которую он сам разбудил к жизни и которой *он* добыл землю и волю? Конечно, проницательный Кропоткин прекрасно видел неизбежность организованного насилия города над деревней, если только не хотят еще более жестокого и нечеловечного насилия деревни над городом, но сказать это означало признать борьбу классов внутри «народа», признать необходимость известной диктатуры, а это противоречило его основным предпосылкам — жалости, солидарности и безвластия. И он вопрос этот *промолчал*.

Не только в политике руководился Кропоткин чистой этикой. Все его ученые работы по биологии, зоологии и даже географии насквозь пронизаны этой любовью, которая в сущности была жалостью. Известно, с какой радостью он подхватил в 70 годах идею профессора Кесслера о том, что «помимо закона взаимной борьбы в природе существует еще закон взаимной помощи». Он в учении Кесслера почувствовал опору для «научного» обожествления жалости. «Лишь в одном пункте» — говорит Кропоткин *), — «я не мог вполне согласиться со взглядами Кесслера. Он упоминал о «родительских чувствах» и заботах о потомстве, как источнике взаимного расположения животных друг к другу...»

«Я обратил главное внимание на установку прежде всего важности взаимопомощи, как фактора эволюции, оставляя дальнейшим исследователям задачу о происхождении инстинктов взаимной помощи в природе» **).

И так, Кропоткин, найдя случайно идею взаимопомощи, сознательно уклоняется от изучения ее происхождения, ибо боится, как бы не оказалось, что факты, собранные им в пользу пресловутой взаимной помощи, как и еще более многочисленные факты, говорящие против нее, ничего общего не имеют с той инстинктивной жалостью - солидарностью, которую он захотел возвести в мировой закон.

6.

В рамках журнальной статьи невозможно коснуться всех сторон деятельности и мысли великого ученого и революционера. Хотелось бы, хотя бы, в самых общих чертах резюмировать то, что он оставил миру. Историк, быть может, с величайшим уважением отметит жизнь, научную, и пропагандистскую работу этого большого человека. Нам — современникам, еще не разрешившим всех тех проблем, вокруг которых вертелась мысль и жизнь Кропоткина, еще трудно установить его место безошибочно и точно: он был слишком многосторонен, слишком самостоятелен, чтобы дать себя обнять одной единой формулой.

Когда пристально всматриваешься в черты Кропоткина, невольно вспоминается другой большой ум, удивительно аналогичный ему: Платон. И тот и другой, вобрав в себя все плоды предыдущего развития, стали центрами гениальных интуиций, и в то же время бесчисленных противоречий. И тот и другой превратили всю свою жизнь в искание *совершенного* общества и этому исканию посвятили не только силы, но и все помыслы, все знания. И тот и другой сделали закон своей личной душевной жизни законом мироздания: *справедливость*, — с той только разницей, что великий грек, не придавленный чувством жалости, видел справедливость в гармонии, а Кропоткин, которого на веки ранили бесжалостные картины крепостничества и бездушного разврата аристократии, в виде умственного протеста против своей среды сделал идею всенивеллирующего равенства — высшим законом. Платон был гордым эллином, а Кропоткин кающимся дворянином.

Кропоткин был таким же рационалистом, как Платон, и так же искренно верил в царство разума, — с той разницей, что Платон свой идеал называл «политией», а Кропоткин «анархией». Платон, в сущности, не возводил принудительность в высший закон: он верил, что путем воспитания будет достигнута *добровольная* солидарность всех членов общества, хотя каждый будет исполнять свое дело. С другой стороны, Кропоткин вовсе не был таким абсолютным анти-государственником, каким он себе самому казался: он стоял за федерализм, за обычное право, третейский суд, за договорное начало, но он не скрывал, что община имеет право производить насилия, — он только не хотел *организованного* насилия, не хотел *писанного* закона, не хотел централизма. В сущности, он в этом пункте мог бы, до известной степени, сговориться со старым Платоном, который тоже не думал править при помощи мертвых законов, которые он считал скорее общими директивами и также идеализировал маленькие коммуны — города. Платоновское государство так и называется: «Полис», т. е. город и несколько окружных деревень.

Можно без особенного преувеличения сказать, что даже в области философии расхождение их не было непримиримым: Платон не был абсолютным идеалистом, ибо не отрицал существования внешнего мира, а Кропоткин считал себя материалистом (этот материализм был довольно смутного характера!), но выдвинул материализм не из философских, а скорее практических соображений, как протест против Церкви. Но в чем Платон и Кропоткин совершенно сливаются, являя собою какой-то общий тип, так это в их отношении к морали: оба в стремлении к совершенству видели смысл всего бытия. Для достижения этого морального совершенства человеческой расы, Платон хотел

*) П. Кропоткин «Взаимная помощь, как фактор эволюции», стр. 4.

**) Там же, стр. 5.

создать идеальное государство, ибо верил, что только в государстве достижение это мыслимо, а Кропоткин, идеализируя народ, наоборот, требовал полного и немедленного разрушения всякого государства, ибо верил, что только государство и мешает народу проявить и воплотить смутные идеалы нравственного совершенства.

Кропоткин редко в своих сочинениях вспоминает Платона, которого он презрительно именует государственным утопистом. Но гораздо более удивительно, что он почти совершенно обходит молчанием другого предшественника—того, кому он обязан одним из главнейших устоев своего учения,—Михаила Бакунина. Кропоткин говорит о нем только вскользь, но всегда в условно хвалебном тоне, в котором чувствуется гораздо больше критики, чем любви. А между тем, он Бакунину обязан столько же, сколько Платону. Греческий философ дал ему идею совершенного общества, окруженного ореолом высшей нравственности,—Бакунин открыл ему путь к желанному общественному идеалу: восстание народа. Идеал совершенства, вышедший из рук Платона слишком отвлеченным, бескрылым и утопическим, обрел у Кропоткина, благодаря Бакунину, твердую почву и крепкие крылья.

Но едва ли еще не сильнее и Платона, и Бакунина оказалось влияние третьего оригинального ума, Пьера-Жозефа Прудона. Бакунин был для Кропоткина слишком реалистом. Бакунин жил и дышал вместе со своей средою, волновался, болел и горел интересами эпохи и класса. Этим конкретным интересам *подчинял* он науки, философию, свою тактику. Видя, вместе с Марксом, основной фактор современного общества в борьбе пролетариата с буржуазией, он всей душой, всецело, до самозабвения ринулся в лагерь пролетариата и смотрел на весь мир и на все задачи дня с точки зрения реальных интересов *этого* класса. Для Кропоткина не было классов, ибо он на общество смотрел, не как боец-гладиатор, а как «кающийся дворянин», которого отравила жалость к народу и для которого поэтому нет ни пролетариата, ни мелкой буржуазии, ни интеллигенции, а есть только угнетатели и угнетенные, честные и бесчестные. Бакунин, естественно, казался Кропоткину слишком узким, он стал развивать «бакунизм» и не заметил, как, в сущности, вернулся к прудонизму. У Прудона он нашел идею кооперации, свободных договоров и федеративной организации промышленности. Прудон же внушил ему руководящую идею исследований: взаимность. И когда Кропоткин услышал от Кесслера это слово в области животного и растительного царства, он сильно обрадовался, ибо перед ним блеснула надежда, так сказать, «опрудонить» естествознание. И он это сделал в своей исвестной книге о взаимопомощи.

Однако, ни Платон, ни Бакунин, ни Прудон не открывают еще нам всех источников мысли этой богатой натуры, так как раньше всего и больше всего Кропоткин был не мыслителем, не революционером и не общественником: он раньше всего и главным образом был *проповедником.* Этика в его глазах покрывала все. Вот почему он так легко отказался от всех своих привилегий и богатства; вот почему он сумел так легко отказаться от того, что ему было еще дороже богатства — от науки; и вот почему могло случиться то, что так непонятно даже для всех его друзей: что он отказался от политической и общественной деятельности, чтобы в эпоху величайших бурь уйти в полудеревенскую тишь и целиком отдаться вечным вопросам морали. Он был проповедником раньше всего. Вот почему он ближе всех подошел к другому великому русскому уму.—Льву Толстому.

Недаром Кропоткин сказал как-то известному толстовцу В. Черткову: «Насколько мне родственны взгляды Льва Николаевича, можно судить потому, что я написал целое сочинение, доказывающее, что жизнь построена не на борьбе за существование, а на взаимопомощи».

«И если,—говорит далее тот же В. Чертков,—Кропоткин со мною всегда обходил молчанием ту «духовную» область, в которой Толстой полагал основу своего жизнепонимания, зато несомненно чувствовалось, что в глубине своей души *П. А. был совсем не материалистом, но идеалистом чистейшей воды».* («Анарх. организации памяти П. А. Кропоткина»).

От Платона через французских энциклопедистов Кропоткин близко подошел к Толстому, и от Бакунина через Прудона он пришел к тому же Толстому. Насколько близко—нам покажет, вероятно, его «Этика»*).

Кропоткин умер, но благодарное потомство его не забудет. Оно не забудет его неистощимой любви к человечеству, его безграничной преданности трудящимся. Оно не забудет того, кто бросил огромное богатство, придворные почести, науку и все радости жизни для того, чтобы служить всемирной революции; того, кто, быть может, ошибался не раз и жестоко ошибался, но всегда, даже в ошибках был так бескорыстен, так душевно чист и так глубоко правдив, что даже враги считали его голос голосом общественной совести. И оно никогда, никогда не забудет того, кто видел величайшую опасность революции в «умственной трусости, в предрассудках, — в полу-мерах», и вместе с Дантоном нам завещал: «смелости, смелости, больше смелости»...

Я. НОВОМИРСКИЙ.

*) Так называется книга, которую покойный писал до самой смерти.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Прошло 50 лет с тех пор, как парижские рабочие обессмертили слово «Коммуна». Много воды утекло с тех пор. Много рабочей крови пролито с того времени.

Никогда еще слово «коммунар» или «коммунист» не было так популярно среди самых широких слоев всемирного пролетариата, как теперь ко времени пятидесятилетия Парижской Коммуны.

Ниже мы помещаем статьи, которые решительно критикуют слабые стороны и ошибки Парижской Коммуны. Но за этими ошибками читатель, разумеется, не потеряет из виду тех бессмертных заслуг, которые имеет она.

Главная беда французских коммунаров заключалась в том, что у них не было коммунистической *партии*. Диктатура рабочего *класса* должна находить себе выражение в диктатуре его *партии*. Это поняли теперь передовые рабочие всего мира. И именно поэтому они создали Коммунистический Интернационал.

Коминтерн воспринял наследство Парижской Коммуны, но понял ее ошибки и слабости. В этом его сила. В этом его непобедимость.

Программа Коммунистического Интернационала есть лучший венок на могилу парижских коммунаров. *Редакция.*

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

1 *).

Утром 18 марта 1871 года Париж был разбужен громовыми криками: «Да здравствует Коммуна!» Что же такое эта Коммуна, этот сфинкс, создавший такую тяжелую задачу буржуазным мозгам?

«Парижские пролетарии», писал в Манифесте от 18 марта Центральный Комитет, видя поражение и измену господствующих классов, поняли, что настал час, когда они сами должны спасти страну, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть».

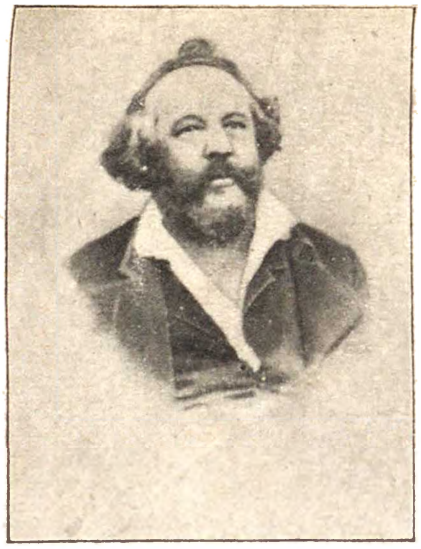
Но рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим собственным целям.

Централизованная государственная власть, со своими вездесущими органами, основанными на принципе систематического и иерархического разделения труда: регулярной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судьями,—существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в борьбе его с феодализмом. Но поместные и дворянские прерогативы, местные привиллегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения—весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла французской революции XVIII столетия смела весь отживший сор давно минувших веков и очистила, таким образом, общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства. Это здание воздвигнуто было при первой Империи, вызванной, с своей стороны, к жизни коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы с новой Францией.

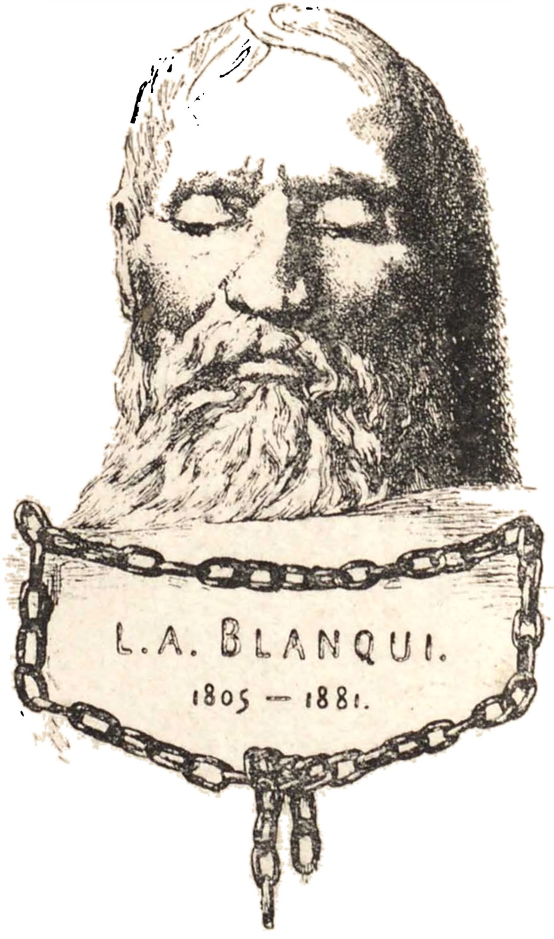
При дальнейшем развитии форм господства правительство было подчинено парламентскому контролю, т. е. непосредственному контролю имущих классов. С одной стороны, оно превратилось в рассадник неисчислимых государственных долгов и тяжелых налогов, оно стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями и авантюристами господствующих классов, которых влекли к нему его административная сила, его доходы и должности, которыми оно располагало; с другой стороны, под влиянием

*) Мы даем здесь четыре больших отрывка из бессмертной работы Маркса: «Гражданская война во Франции» *Редакция.*

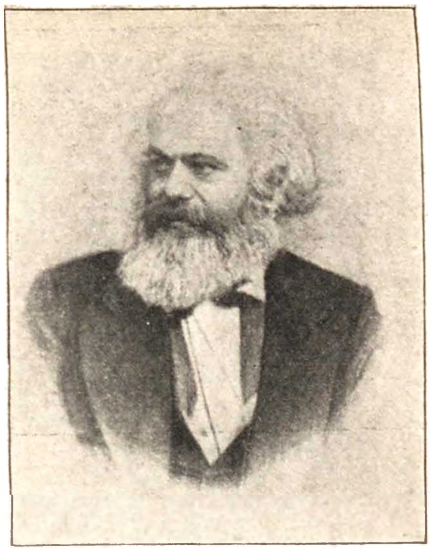
Вдохновители Коммуны.

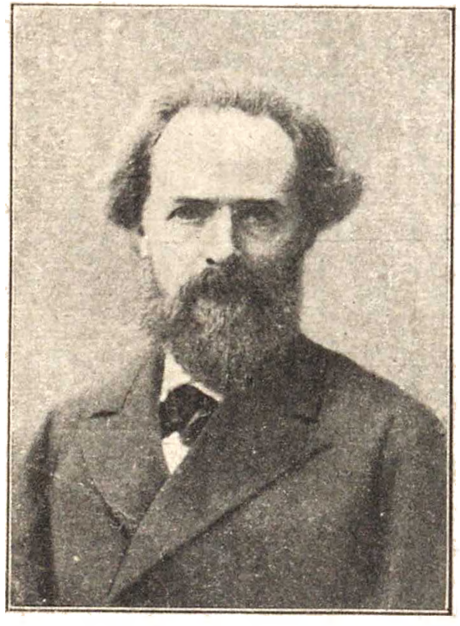
МИХАИЛ БАКУНИН.

Маска БЛАНКИ,
снятая после смерти великого революционера.

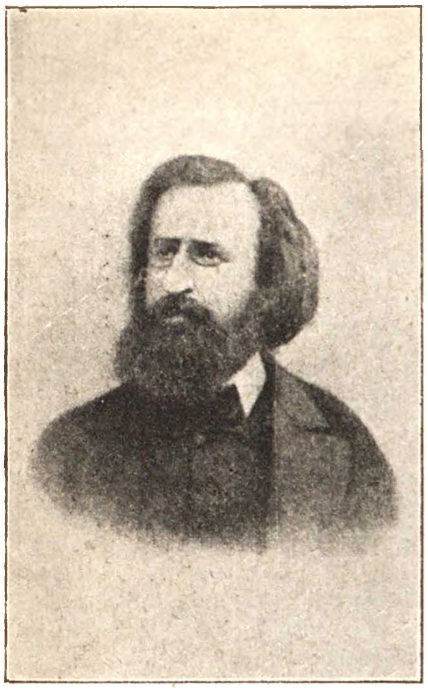
КАРЛ МАРКС.

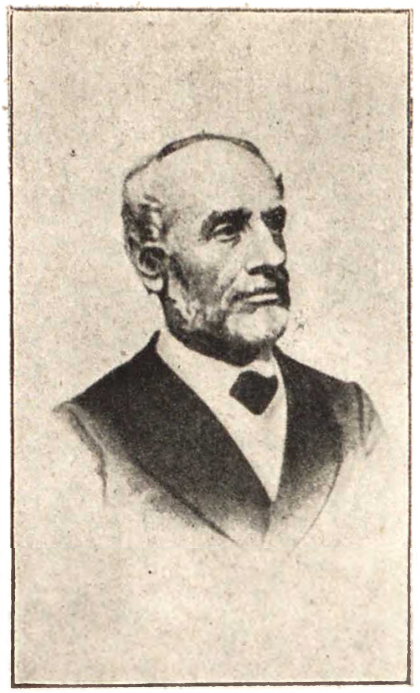
ЭЛИЗЭ РЕКЛЮ,
знаменитый ученый географ и теоретик анархизма, солдат Национальной Гвардии, приговорен к ссылке.

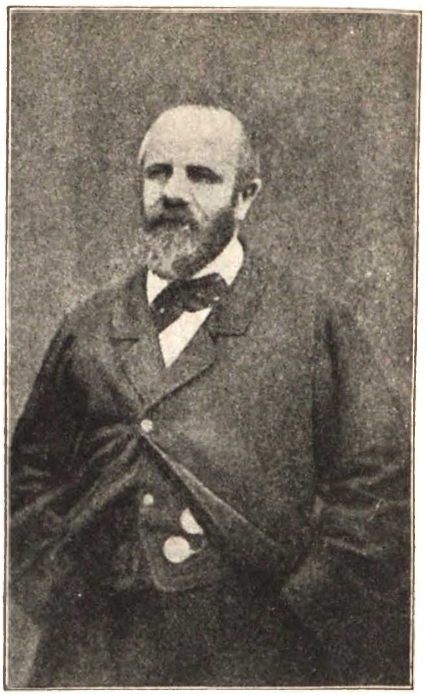
БЕНУА МАЛОН,
теоретик социализма, член Коммуны, осужден на пожизненное заключение и ссылку.

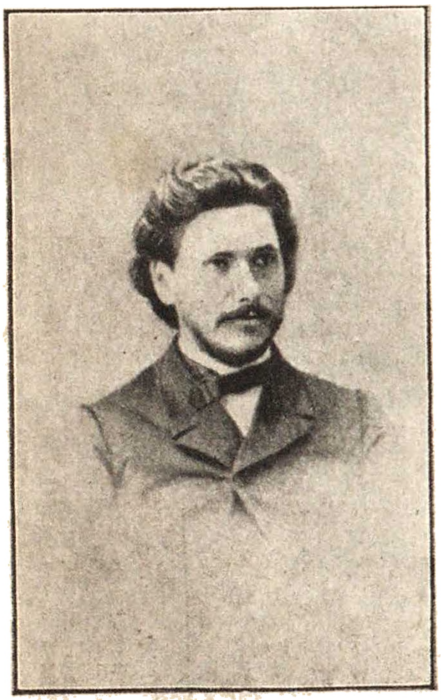
Т. ФЕРРЕ,
член Коммуны, бланкист, крупный политический деятель, растрелян.

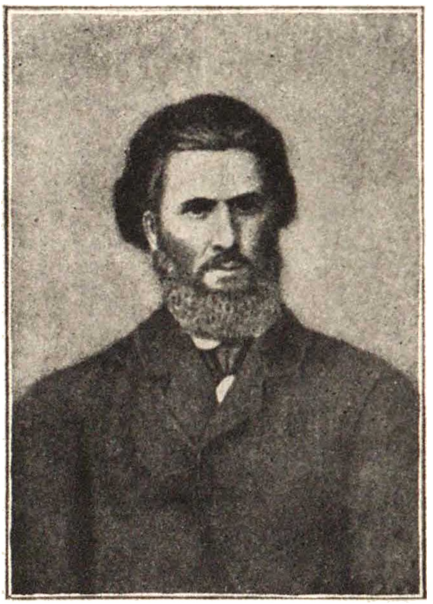
Луи-Шарль ДЕЛЕКЛЮЗ,
член Коммуны, кандидат радикальной партии, уполномоченный по военным делам, погиб на баррикаде.

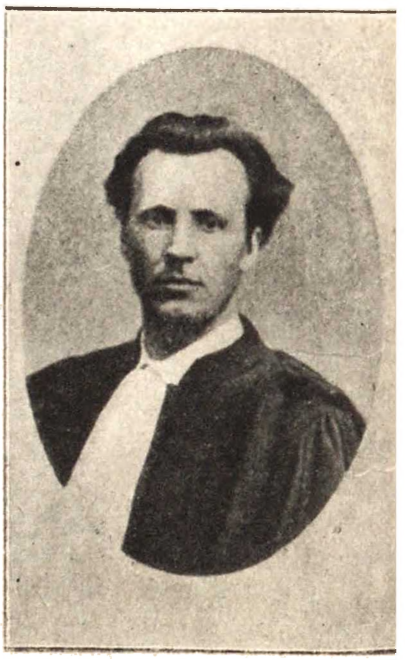
ПУАТЬЕ,
член Коммуны, приговорен к смерти.

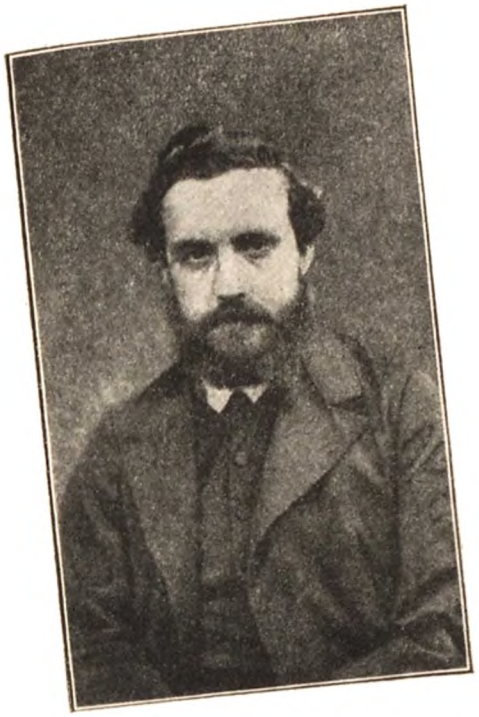
ВАЛЬЯН,
член Коммуны, уполномоченный по делам народного образования, приговорен к смерти.

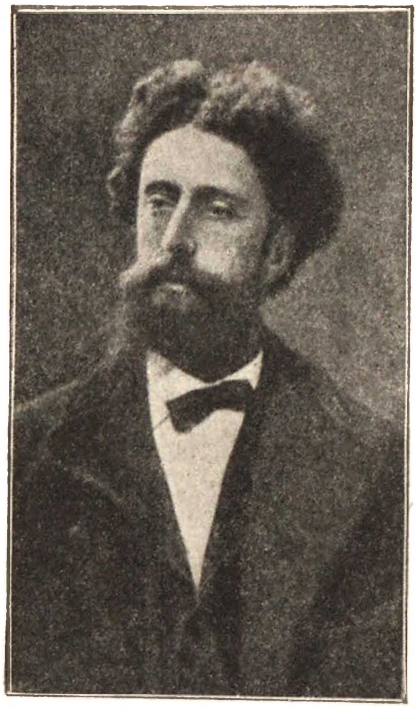
ЛЮСЬЕН-ЭЖЕН ВАРЛЕН,
рабочий, член Коммуны, один из самых видных деятелей Интернационала, расстрелян без суда 28 мая 1871 г.

ПРОТО,
член Коммуны, приговорен к смерти.

МЕЖИ,
Комендант форта Исси, приговорен заочно к смертной казни.

ЖУРД (Франсуа),
член Коммуны, уполномоченный по финансовым делам, сослан на поселение в Новую Каледонию.

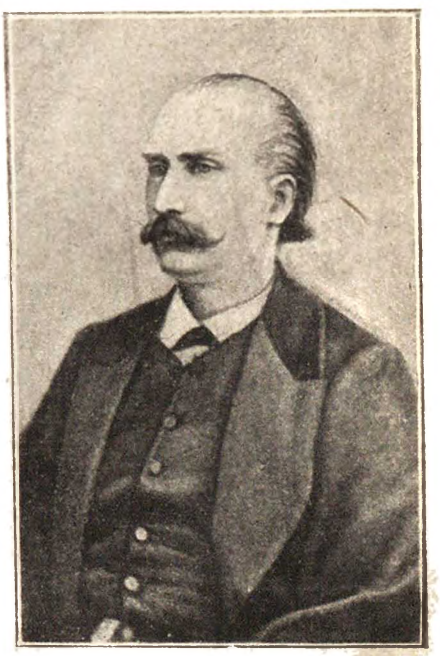
Мартен БИЛЛИОРЭ,
член Коммуны, кандидат в члены Центрального Комитета, приговорен к ссылке

АМУРУ,
член Коммуны, приговорен к бессрочной каторге.

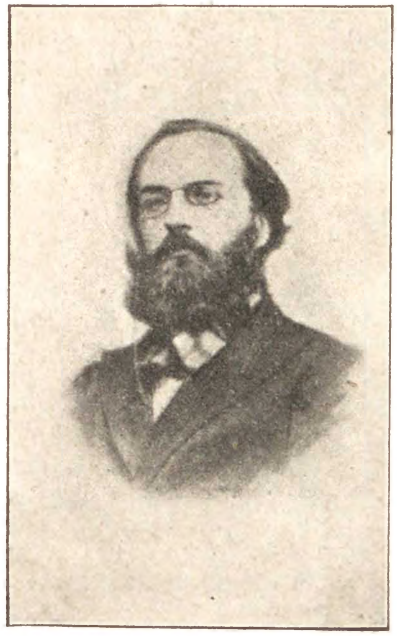
ФРЕНКЕЛЬ,
член Коммуны, уполномоченный Отдела Труда и Обмена, заочно приговорен к смертной казни.

Артур АРНУ,
член Коммуны, заочно приговорен к ссылке.

ГУСТАВ ФЛУРАНС,
убит
жандармским офицером.

РАУЛЬ РИГО,
литератор и известный революционер, член Коммуны, растрелян 24 Марта 1871 г.

РОССЕЛЬ,
уполномоченный по военным делам, расстрелян.

ЛАГРАНЖ,
один из участников восстания, растрелян.

ЕВГЕНИЙ ВЕРМЕРШ,
редактор революц. газеты, заочно приговорен к смерти.

ГАСТОН КРЕМЬЕ,
председатель Революционного Комитета, расстрелян.

экономических изменений в обществе, изменился и его политический характер. По мере того, как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть все в большей степени приобретала характер общественной силы, служащей для порабощения рабочего класса, характер орудия для классового господства. После каждой революции, являющейся шагом вперед в классовой борьбе, характер государственной власти, как орудия только угнетения, выступает все определеннее».

2.

Коммуна была прямой противоположностью Империи. Крик: «Да здравствует социальная республика», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая не только уничтожила бы монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и общественным центром французского рабочего класса, — Париж восстал с оружием в руках против попытки Тьера и его помещичьей палаты восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от Империи. Париж мог сопротивляться Версалю только потому, что осада освободила его от армии, место которой заняла национальная гвардия, комплектовавшаяся большей частью из рабочих. Этот факт надо было превратить в прочное учреждение, и потому первым декретом Коммуны был декрет об уничтожении регулярного войска и о замене его вооруженным народом.

Коммуна была образована из муниципальных советников (городских гласных), выбранных парижскими округами посредством всеобщей подачи голосов. Члены ее были ответственны и сменяемы в любое время. Большинство их было, как это само собою разумеется, рабочими или известными представителями рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией, соединявшей в себе как исполнительную, так и законодательную власть. У полиции, бывшей до сих пор орудием государственного правительства, были немедленно отняты все ее политические функции и она была превращена в ответственное и во всякое время сменяемое орудие Коммуны. Также судьба постигла чиновников и другие отрасли правления. Начиная с членов Коммуны и до самых низов, общественные должности оплачивались жалованьем в размере заработной платы. Привилегии и оклады на представительство, которыми пользовались высшие сановники, исчезли вместе с ним. Общественные должности перестали быть частной собственностью креатур центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

Уничтожив регулярную армию и полицию—эти орудия материальной силы старого правительства, Коммуна приступила немедленно к сокрушению власти духовенства, этого орудия духовного порабощения; она декретировала распущение и экспроприацию всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни честных людей и, подобно их предшественникам — апостолам, жить милостынею верующих. Все учебные заведения, поставленные вне влияния церкви и государства, стали бесплатными для всех. Таким образом, школьное образование сделалось доступным всем; с науки были сняты оковы, наложенные классовыми предрассудками и правительственною властью.

Судей лишили той мнимой независимости, которая только скрывала их подчиненность поочередно сменявшимся правительствам; они каждому правительству приносили присягу на верность и каждому изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они были сделаны выборными, ответственными и сменяемыми.

Парижская Коммуна должна была служить естественным образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы Коммуна водворилась в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинциях. В кратком очерке национальной организации, который Коммуна не успела подробно разработать, прямо говорится, что Коммуна должна стать политической формой самых маленьких деревушек, и что постоянное войско должно быть заменено по всей стране народной милицией с самым кратким сроком службы. Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать уполномоченных в Национальное Собрание, заседающее в Париже; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкций своих избирателей и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но важные функции, оставшиеся у центрального правительства, должны были быть не уничтожены, как ложно говорили враги Коммуны, а лишь переданы коммунальным чиновникам, т.-е. таким, которые были строго ответственны. Коммунальное устройство не разрушало, а, напротив, организовывало единство нации; это единство должно было превратиться в нечто действительное с уничтожением государственной власти, считавшейся воплощением этого единства, претендовавшей стоять

выше нации и независимо от нея, а на деле бывшей только паразитом на организме нации. Уничтожая те органы старой правительственной власти, которые служили только для угнетения, Коммуна вырывала из рук этой власти, претендовавшей стоять выше общества, ее законные функции и отдавала их ответственным слугам общества. Всеобщая подача голосов до сих пор служила народу для выбора каждые три года или шесть лет какого-нибудь члена господствующего класса, который представлял и подавлял народ в парламенте; теперь она должна была служить народу, организованному в Коммуны, точно также, как служит индивидуальное право голоса каждому работодателю при приискании рабочих, надзирателей и бухгалтеров для своего предприятия. Ведь общества, точно также, как и отдельные лица, всегда умеют найти для своих практических предприятий подходящих людей, а если иногда ошибаются, то умеют очень скоро поправить свою ошибку. С другой стороны, Коммуна, по самому существу своему, была безусловно враждебна замене всеобщей подачи голосов иерархическою инвеституpою.

3.

Все новые исторические формы общества принимаются обыкновенно за сколок с более старых, отживших форм общественной жизни, на которые оне сколько-нибудь походят. Точно так-же и новую Коммуну, сломившую современную государственную власть, принимали за возрождение коммун средних веков, предшествовавших возникновению этой государственной власти и составивших основу ее. Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом маленьких государств (о котором мечтали Монтескье и жирондисты) то единство великих народов, которое хотя и создано было насилием, но стало теперь могущественным фактором общественного производства. Антагонизм Коммуны с государственной властью ошибочно считали преувеличением старой борьбы против чрезмерной централизации. В некоторых странах полному развитию той буржуазной формы правительства, образцом которой является Франция, мешали некоторые особые исторические условия; эти условия создали, напр., то, что в Англии главные центральные государственные органы дополняются продажными приходскими собраниями (vestries), корыстолюбивыми членами городских советов, свирепыми попечителями о бедных в городах и фактически наследственными мировыми судьями в деревнях. Все те силы, которые до сих пор общественный организм терял благодаря «государству», этому паразиту, питающемуся соками общества и мешающему ему свободно двигаться, все эти силы вновь отдало бы ему коммунальное устройство. Уже одним этим оно способствовало бы возрождению Франции.

Буржуазия провинциальных городов видела в Коммуне попытку возстановить то господство над деревнею, которым она пользовалась при Луи Филиппе и которое при Луи Бонапарте было вытеснено мнимым господством деревень над городами. В действительности, Коммуна хотела подчинить сельских производителей умственному руководству окружных городов и обеспечить им в городских рабочих естественных представителей их интересов. Уже из факта существования Коммуны естественно вытекало местное самоуправление, но это местное самоуправление, не должно было больше служить противовесом государственной власти, становившейся совершенно излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, употребляющему все время, свободное от интриг, в которых на первом месте всегда кровь и железо, своему старинному, более всего подходящему к его умственным способностям сотрудничанью в «Kladderadatsch»'е,—только такому человеку могло прийти в голову, что Парижская Коммуна в сущ ности стремилась к прусскому городскому устройству, — карикатуре на французское городское устройство 1791 года, превращающей городские советы во второстепенные колеса прусского государственного полицейского механизма.

Уничтожив две крупнейшие статьи расходов: армию и чиновничество, Коммуна осуществила собою идеал всех буржуазных революций—дешевое правительство. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является в Европе, по крайней мере, обычным баластом и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; и то и другое явилось само собою, между прочим.

Различные толкования значения Коммуны, разнообразные интересы, которые она выражала, доказывают, что она была весьма растяжимою государственною формою, между тем как все прежние формы правительства были по существу своему формами угнетения. Тайна ее заключается в том, что она, по существу своему, была *правительством рабочего класса*, результатом борьбы между классом производящим и классом эксплоатирующим, той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия Коммуна немыслима, без него она—пустой призрак. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а, следовательно, и классовое господство. Раз труд освобожден, все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть особенностью известного класса.

Странная вещь: стоит только рабочим где-нибудь взять дело в свои руки, и тотчас, несмотря на все, что за последние 60 лет писалось и говорилось об освобождении труда, начинают раздаваться хвалебные гимны защитников современного общества, с его двумя противоположными полюсами: капиталом и рабством наемного труда (земельные собственники являются теперь лишь безгласными компаньонами капиталистов). Как будто капиталистическое общество пребывает еще в девственной чистоте и непорочности! Как будто не развиты еще его основы, не вскрыты его самообманы, не разоблачена вся его проституированная действительность! Коммуна, говорят они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, Коммуна хотела уничтожить, ту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела создать индивидуальную собственность взаправду, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного и об'единенного труда.

Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако, нашлись же среди господствующих классов люди,—и их не мало,— которые поняли, что настоящее положение вещей не может долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не звук пустой и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии—неизбежные при капиталистическом производстве,—не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?

Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах разрушающегося буржуазного общества.

Вполне сознавая свое историческое призвание, полный геройской решимости стоять на высоте этого призвания, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого оракула изрекают свои лживые общие места и преподносят свои высиженные рецепты.

Когда Парижская Коммуна взяла на себя руководство революцией, когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства» — имущих классов, именно: на привилегию управления, — они взялись за работу при неслыханно тяжелых условиях и исполняли ее скромно, добросовестно и успешно; высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, получаемого, по словам известного авторитета в науке (проф. Гексли), секретарем лондонского школьного совета. Старый мир скорчило от бешенства, когда он увидел красное знамя над городскою ратушею,—символ республики труда.

Это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признал парижский средний класс — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богатых капиталистов. Мудро разрешив вопрос, бывший всегда причиной раздоров в самом среднем классе—вопрос о должниках и кредиторах—Коммуна спасла этот класс. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 году в подавлении июньского возстания рабочих, и сейчас же затем Учредительное Собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и Империей, какой бы ярлык она ни носила. Империя разорила средний класс в материальном отношении своим расхищением общественного богатства, покровительством биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала и вызываемой ею экспроприации значительной части этого среднего класса. Империя политически угнетала его и нравственно возмущала своими орудиями; она оскорбляла его вольтерьянство, поручая воспитание его детей «невежественным патерам»; она возмутила его национальное чувство, затеяв эту войну, которая вознаградила за все ее бедствия только одним— ниспровержением Империи. После бегства из Парижа шайки высших бонапартовских сановников и капиталистов, истинная «партия порядка» среднего класса, выступившая под именем «Республиканского Союза», стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера. Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания—это покажет будущее.

4.

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работы. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их

принадлежали: запрещение ночной работы пекарей; запрещение, под страхом наказания, понижать заработную плату наложением штрафов на рабочих под всевозможными предлогами—обычный прием работодателей, которые, соединяя в своем лице законодательную, судебную и исполнительную власти, кладут штрафные деньги себе в карман. Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение.

Финансовые меры Коммуны отличались расчетливостью и умеренностью; она должна была ограничиться только мерами, совместимыми с осадным положением города. Под управлением Османа *) Париж так обкрадывали банкирские компании и предприниматели построек, что Коммуна имела значительно большие права конфисковать их имущества, нем Луи Бонапарт имущество Орлеанов. Гогенцоллерны и английские олигархи, большая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ, были сильно возмущены Коммуной, которая получила от конфискации церковных имуществ всего только 8.000 франков.

Версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, стало принимать против Коммуны самые насильственные меры; оно давило во всей Франции всякое свободное выражение мнений, запретило даже собрания делегатов больших городов, оно завело шпионов в Версали и во всей Франции и при том в более широких размерах, чем при второй Империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; Национальное Собрание на самую робкую попытку сказать слово в защиту Парижа отвечало неистовым воем, неслыханным даже в помещичьей палате—Chambre introuvable 1816 года. Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались подкупами и заговорами проникнуть в него. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как при глубоком мире, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны было таково же по духу, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты «партии порядка» в Париже и газеты Коммуны в Версали.

Коммуна каким-то чудом преобразила Париж. Распутный Париж второй Империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских крупных поземельных собственников, ирландских абсентеистов, американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге ни одного трупа, нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 48-го года улицы Парижа в первый раз стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского. «Мы уже не слышим,—говорил один из членов Коммуны,—ни об убийствах, ни о грабежах, ни о преступлениях против личности; можно думать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих». Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и особенно собственности. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, всецело отдавшись строению нового общества

Карл МАРКС.

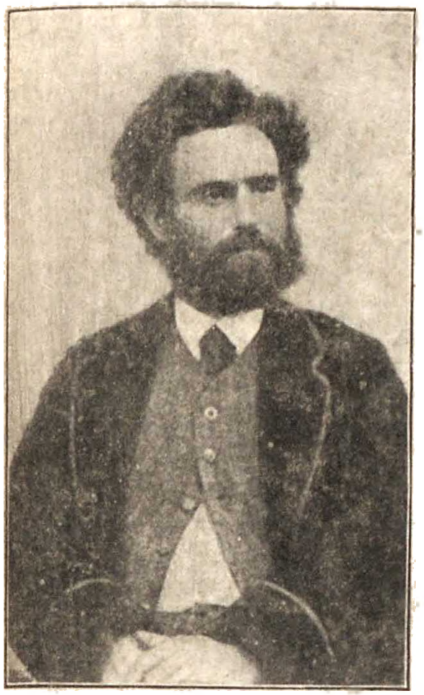
*) Барон Осман (Haussmann) был во время второй Империи префектом сенского департамента, т.-е. города Парижа. Провел ряд работ по проложению новых улиц и проч. в целях облегчения борьбы с рабочими восстаниями.

Примеч. ред. русс. пер.

ОСНОВНАЯ БЕДА ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

Если из исторических событий можно извлекать уроки, то из истории Парижской Коммуны можно вывести твердое заключение, что главной ее бедой было отсутствие организованной коммунистической партии, достаточно сильной, сплоченной и влиятельной, обладающей определенной программой и, в особенности, ясным планом практических действий. Этот вывод, который отчасти уже сделали современники Коммуны, представляет теперь не только академический, но и злободневный интерес. Тем революционерам нашего времени, которые приемлют, в общем, наши лозунги, но не понимают значения коммунистической партии в социальной революции, мы посоветуем внимательно изучить историю Парижской Коммуны. Она просветит их на этот счет лучше, чем все теоретические рассуждения и отвлеченные доводы.

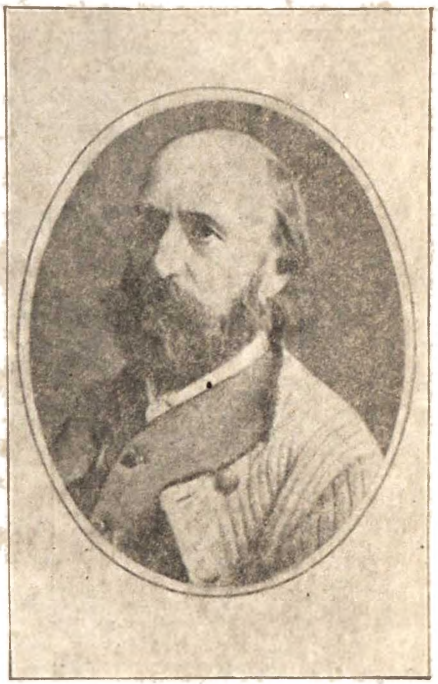
Это изучение убедит их в том, что история Коммуны сложилась бы совершенно иначе, если бы судьбами ее руководила коммунистическая партия. Подчеркиваем: именно коммунистическая, а не какая-либо иная, т. е. партия, не только стоящая на социально-революционной позиции, не только готовая к непримиримой последовательной

Полковник СЕГИНО,
организатор обороны, взят в плен, смертная казнь заменена ссылкой и заключением.

ВЕРДАГЭР,
один из главных участников восстания, расстрелян.

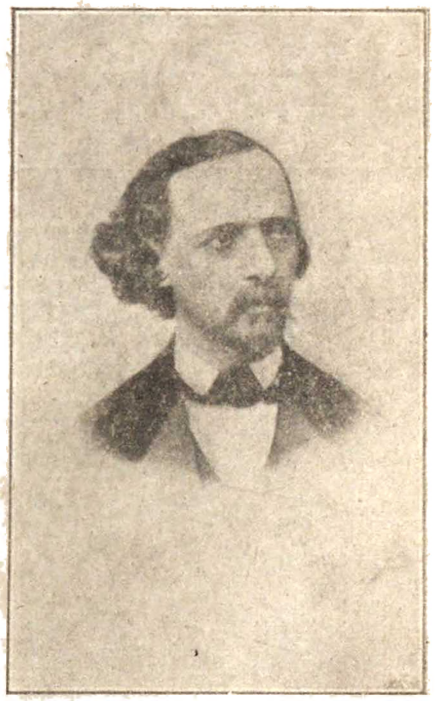
ЭЛИ РЕКЛЮ,
заведующий Национальной Библиотекой при Коммуне. Приговорен к ссылке и заключению.

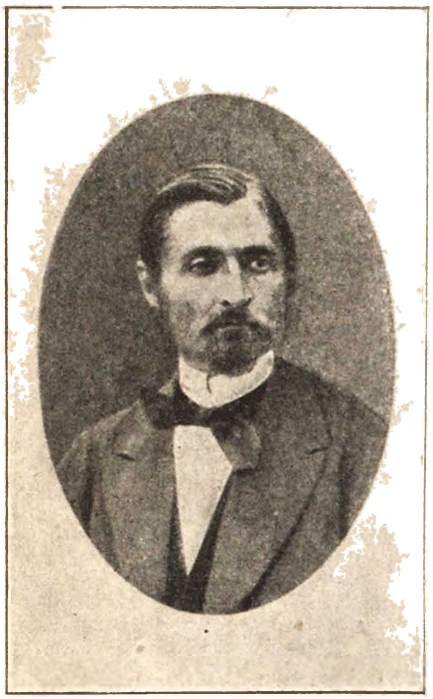
ЖЮЛЬ ВАЛЛЕС,
редактор революционной газеты и член Коммуны, один из виднейших революционных писателей, приговорен к смертной казни.

ПАСКАЛЬ РУССЭ,
редактор революционной газеты, член Коммуны, приговорен к ссылке и заключению.

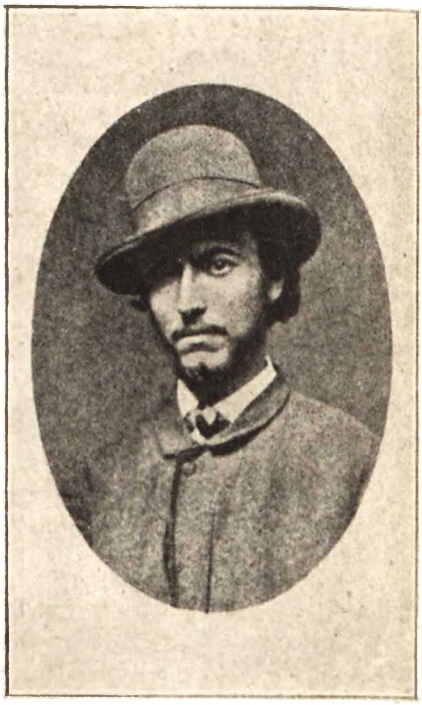
Ж.-Б. МИЛЛЬЕР,
рабочий, политический деятель, расстрелян 26 мая 1871 г.

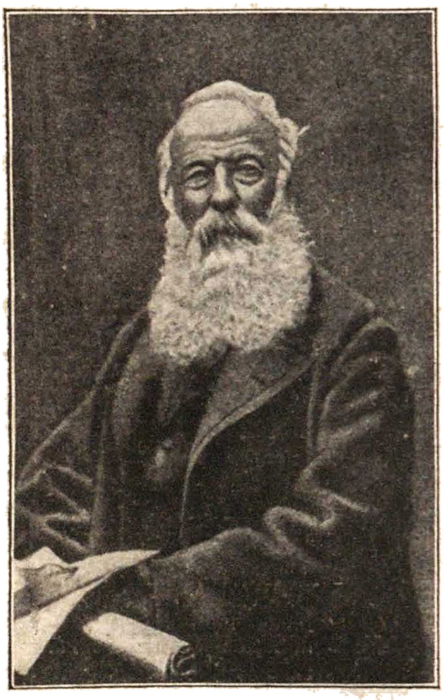
ТОНИ-МУАЛЕН,
выдающийся хирург, расстрелян.

ГУСТАВ МАРОТО,
редактор газеты, приговорен к смерти.

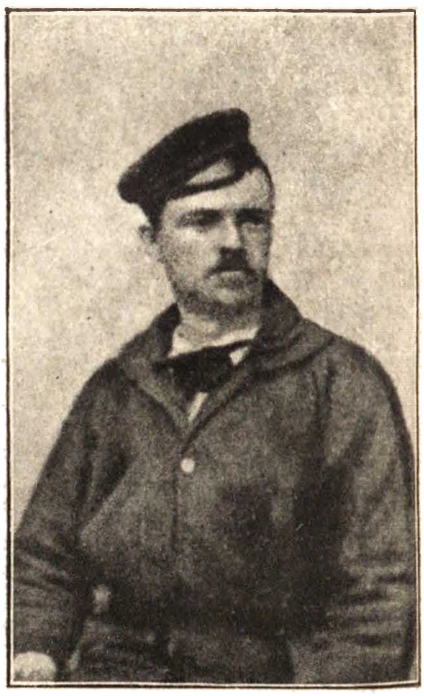
ЛОНГЕ,
член Коммуны заочно приговорен к ссылке и заключению.

ЖЮЛЬ МИО,
член Коммуны, кандидат революционной партии, приговорен к смерти.

БЕЛЭ,
член Коммуны, кандидат Интернационала, выдающийся инженер и крупный революционный деятель.

БЕРНЭР,
начальник батареи.

классовой борьбе, но и отдающая себе ясный отчет в соотношении сил современного общества и имеющая определенный план действий, проводимый через посредство централизованной и дисциплинированной организации.

Какая же партия могла во время Коммуны претендовать на такую роль? В тогдашней Франции не было ни одной организации, заслуживающей названия партии в современном смысле этого слова, т. е. имеющей определенный состав, местные комитеты, связанные между собою и с центром, определенную программу и определенную тактику. Там существовал целый ряд групп и течений социалистической мысли. Были интернационалисты, бланкисты, прудонисты, якобинцы и пр. Но ни одна из этих групп не стояла на высоте задачи, внезапно поставленной перед ними историей, ни по своей организованности, ни по влиянию, ни по пониманию создавшегося положения. Как организованное целое, прудонизм к тому времени умер, но он продолжал жить в умах. Под влиянием прудонистских мелкобуржуазных идей находились не только многочисленные мелкие мастерские Парижа, но и многие рабочие капиталистической промышленности, окруженные сплошной мелко-буржуазной средой. Даже многие вожди рабочего движения, в том числе и некоторые деятели Коммуны, не свободны были от влияния прудонистских идей, что и сказалось как на программных заявлениях, так и на делах Коммуны, и, в частности, важнейшей ее комиссии «труда и обмена» (одно это название достаточно характерно).

Единственной фракцией, которая, казалось, способна была повести французский пролетариат в бой за социальную революцию, была группа интернационалистов. Но она была, во-первых, слишком слаба, а во-вторых, в ней не было внутреннего единства. Среди французских интернационалистов того периода были и марксисты (довольно, впрочем, неопределенные), и бланкисты, и прудонисты, (во всяком случае, вчерашние), и бакунисты. Насколько вообще неясны были воззрения тогдашних французских интернационалистов, видно из того, что до сих пор трудно, например, установить, к какому собственно крылу принадлежал самый замечательный человек, выдвинутый тогдашней рабочей массой, Варлен. И марксисты, и бакунисты считали его своим, и вряд ли бы он сам мог точно сказать, какова его программа и планы. Прокуроры и полицейские насчитывали число французских интернационалистов сотнями тысяч, чуть ли не миллионами. На самом деле, их было очень мало, может быть, несколько сот, вряд ли несколько тысяч. Мы не говорим о тех рабочих, которые после стачек записывались в Интернационал целыми заводами, но так же легко отпадали от него, если вообще когда-либо к нему, действительно, принадлежали. Людей же, усвоивших принципы Международного Товарищества Рабочих до конца и во всем их значении, было чрезвычайно мало. Да и те которые были, не сумели проложить себе дороги к сердцу рабочей массы, не вели ее за собой и не пользовались влиянием на нее.

Были ли они подготовлены к руководству революцией? Нимало. Они даже не ждали ее в близком будущем. Не оценив надлежащим образом всей революционности тогдашней ситуации, они настроились на длительную органическую работу по подготовке элементов будущей социальной революции, внезапное наступление которой оказалось для них сюрпризом. Неудивительно, что интернационалисты, по крайней мере, как организация, не играли заметной роли в революции 18 марта и не сумели наложить свой отпечаток на работу Коммуны. До конца они оставались в роли оппозиции и, в лучшем случае в роли советчиков, и притом не всегда удачных (известно, например, их сопротивление всем террористическим мерам). И, поскольку в провинции интернационалисты выступали в качестве инициаторов революции, это были по преимуществу сторонники анархического крыла, бакунисты, как, например, в Лионе, отчасти в Марсели, Руане. Как отдельные личности, интернационалисты участвовали и в Центральном Комитете национальной гвардии, но там они терялись в общей массе и не играли главной роли.

Поскольку рабочие принимали участие в активных выступлениях, подготовивших революцию 18 марта, они действовали, скорее, под влиянием бланкистов. Инсуррекционные попытки, предшествовавшие Коммуне (31 октября 1870 г. и 21 января 1871 г.), были произведены именно бланкистами. Бланкисты были революционерами старой школы. Глубоко преданные делу рабочего класса и готовые ради его торжества на самые решительные меры, они недостаточно разбирались в условиях современного движения пролетариата. Чувство оскорбленного патриотизма и готовность вести войну с прусскими завоевателями «до конца», сближавшие парижских рабочих с мелкими буржуа, разделялись и бланкистами. Этим последние погубили собственное дело: широкие массы крестьянства, хотевшие мира во что бы то ни стало, были восстановлены шумливой патриотической агитацией против парижских рабочих, а косвенно и против Коммуны, которая связывалась в их уме с продолжением войны. Но даже бланкисты, которые играли активную роль в подготовке Коммуны и неоднократно пытались ее создать до 18 марта, были застигнуты событиями врасплох и оказались не на высоте задачи.

Партии, способной предвидеть события или, по крайней мере, использовать неожиданно вспыхнувшее движение масс, дать ему надлежащее направление, предохранить его от особенно вопиющих промахов, залечить раны, нанесенные этими промахами,—такой партии не было ни в начале революции 18 марта, ни во время существования Коммуны. Парижская Коммуна началась стихийно,

протекала стихийно и закончилась так же стихийно.

Руководящая роль в событиях 18 марта выпала на долю Центрального Комитета национальной гвардии, т. е. организации, возникшей случайно, сложившейся в вихре событий, до известной степени самочинной и состоявшей из людей, внезапно выброшенных на поверхность и до тех пор, в большинстве стоявших в стороне от политической борьбы. Это было нечто вроде совета солдатских или, лучше сказать, красногвардейских депутатов, отражавших все достоинства, но, вместе с тем, и все недостатки выдвинувшей их массы. Эта же масса, национальная гвардия, представляла об'единение пролетариев и мещан столицы, об'единение, в свою очередь, созданное не по какому-либо сознательному политическому плану, а в результате войны и осады, т. е. тоже случайно. Комитет естественно отражал смутные стремления этой массы и в идейном отношении, в общем, стоял ничуть не выше ее. К сожалению, это относится не только к Центральному Комитету, но и к группам, претендовавшим на политическое руководство революцией, в том числе и к бланкистам и даже к интернационалистам.

Часто задавали вопрос, была ли у Коммуны определенная программа. Такой программы не было, да и быть не могло. Слишком пестрые элементы об'единились в этом движении, и ни одна из общественных групп, принимавших в нем участие, не дошла еще до классового сознания и до ясной формулировки своих пожеланий. И упомянутые нами политические группы, и профессиональные организации рабочих (федерации синдикальных камер), и шедшие за ними и стоявшие вне их массы формулировали свои требования общим лозунгом Коммуны. Для широких масс Коммуна означала устранение от власти крупно-буржуазных групп, создание народного революционного правительства, способного изгнать иностранного завоевателя и установить более справедливые порядки внутри страны. Для более сознательных участников движения Коммуна означала захват власти пролетариатом. Где? Во всей стране? Нет, на первое время хотя бы в одном каком-либо крупном промышленном центре, лучше всего в Париже, а по возможности в ряде таких центров. Об'единение (федерация) революционных коммун создаст силу, достаточную для очищения страны от неприятеля и для социалистического переустройства общества. Этого мало: пример Франции увлечет на тот же путь и другие народы, и, таким образом, на развалинах буржуазного строя создастся свободный международный союз всемирной коммуны.

Таковы были общие рамки. Но какое содержание заключалось в них? Это не было ясно ни тогда, ни теперь. Разумеется, то, что Маркс говорит о Коммуне, вполне справедливо. Да, Коммуна была первой попыткой пролетариата взять власть в свои руки и использовать государство, бывшее до тех пор орудием угнетения рабочего класса, в качестве орудия своего освобождения. Это было первое пролетарское правительство, носившее инстинктивно-социалистический характер. И если бы даже оно не ставило себе с самого начала сознательной целью общественное переустройство в социалистическом населении, то в процессе борьбы оно неизбежно стало бы на коммунистический путь. Ибо пролетариат не может употребить завоеванную им политическую власть для обеспечения экономического господства буржуазии, а, напротив, должен использовать ее для экономической экспроприации имущих классов. Он не может быть политически господствующим и, в то же время, экономически порабощенным классом. Это прекрасно понимала и буржуазия, и она была по-своему права, когда, предупреждая события, провозгласила коммунаров коммунистами и «грабителями», несмотря на то, что они не успели никого «ограбить» и ничего социализировать.

И, все-же, остается верным, что у Коммуны не было определенной программы ни в политической, ни в социальной области. Когда Маркс говорит, что Коммуна была «той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда», то это неверно. Как раз политической формы, соответствующей задаче социальной революции, Коммуна создать не сумела. Она не нашла той политической формы, которая отвечает диктатуре пролетариата и его политическому господству. Совершенно очевидно, что это не ее вина. Таков был недостаток эпохи. И показательным в этом отношении является пример самого Маркса, который заметил многие слабые стороны Коммуны, но не связал их с той политической формой, которую она унаследовала по традиции от буржуазной демократии. По идее Коммуна должна была явиться правительством рабочего класса. Но она пыталась при этом опереться на всеобщее голосование, производимое по старым делениям географического характера. И этого капитального недостатка, обусловившего слабость Коммуны в первые, самые важные, недели, Маркс даже не замечает, хотя упрекает ее деятелей в проявленной ими нерешительности и вялости. Но ведь эти недостатки органически связаны были с способом составления и избрания Коммуны. Только русская революция нашла адекватную политическую форму для пролетарской революции: это—советская власть. Во времена Коммуны о подобной форме даже не догадывались.

По форме Коммуна не была организацией господства только рабочего класса. В основе ее лежало всеобщее голосование без различия классов. Это было крупной ошибкой, об'яснявшейся влиянием еще не изжитых пролетариатом демократических иллюзий. Действие чистого, не искаженного избирательными плутнями и административным

давлением всеобщего избирательного права, не было еще в достаточной мере испробовано рабочим классом (пример 1848 года был забыт не только массой), и ему казалось, что только оно может послужить орудием его освобождения. Эта ошибка была еще не так опасна в крупных городах, где сосредоточены были большие массы рабочих и где, как в Париже, мелкая буржуазия временно шла за рабочим классом. Однако, и в Париже она наделала немало вреда. Правда, выборы в Коммуну 26 марта дали 65 представителей разных революционных и социалистических групп и только 21 представителя крупной и средней буржуазии. Впоследствии буржуазные члены Коммуны ушли из нее, и Коммуна фактически превратилась таким, образом, в представительницу одного рабочего класса (если не считать мелкую буржуазию, не игравшую тогда самостоятельной роли). Но это буржуазное меньшинство сумело использовать ошибку Коммуны и на первое время парализовать ее работу, вовлекши ее в бесплодные и расслабляющие переговоры с Версалем. В провинции, еслибы та последовала за Коммуной, применение этого неправильного принципа «общенационального» представительства, совершенно не отвечающего интересам пролетарской революции, принесло бы еще больше вреда. Там влияние попов, помещиков и буржуазии было еще сильнее, чем в столице, и еще больше исказило бы представительство трудящихся в местных коммунах. Многие из них были бы просто в зародыше задушены таким способом голосования.

Еще хуже обстояло дело с социальной программой. Если ее не имели входившие в состав Коммуны партии в отдельности, тем менее могла существовать определенная программа Коммуны в целом. Оставшиеся от нее документы свидетельствуют о том, что такой программы Коммуна не имела сначала, не успела выработать ее и в течение своей недолгой и бурной деятельности. Обстановка меньше всего благоприятствовала такой работе.

Поскольку деятелям Коммуны приходилось выступать с программными заявлениями, последние носили крайне умеренный характер, как-то не вяжущийся со всеми нашими представлениями о Коммуне. Избирательная программа, опубликованная Центральным Комитетом двадцати округов, соединившимся с интернационалистами, была составлена в типично прудонистском духе. Она имела вполне мелко-буржуазный, демократический характер и специфически пролетарского не содержала почти ничего. Поразительно, что столь же неясный характер носит и декларация Коммуны, ее манифест, обращенный к стране для выяснения ей коммуналистских принципов. Манифест с излишней многоречивостью распространяется об автономии коммун (как будто в этом было дело) и почти ничего не говорит о социальном смысле завязавшейся отчаянной борьбы. Единственный туманный намек на цели коммунаров выражен в весьма осторожной форме: «Париж оставляет за собой право создать учреждения, которые могли бы сделать общим достоянием власть и собственность сообразно потребностям момента, желаниям заинтересованных и почерпнутым из практики данным».

Но в том-то и беда, что практика таких данных не давала и отличалась столь же неопределенным характером, как и теория. Это обстоятельство, на первый взгляд, столь странное, давно уже отмечалось всеми историками Коммуны. Что большинство членов Коммуны склонялось к социализму и сочувствовало ему, это не подлежит сомнению. Правда, у большинства социализм этот был крайне неопределенный и инстинктивный. Стоявшие за ними рабочие массы также смутно стремились к социальному преобразованию. Самые разговоры о коммунальной автономии и федерализме, если и интересовали их, то лишь постольку, поскольку они связывали их со своими социальными чаяниями.

В первый период Коммуны, когда союз пролетариата с мелкой буржуазией еще сохранялся и очень ценился коммунарами, некоторые из них могли выражаться осторожно по дипломатическим соображениям, из боязни оттолкнуть от себя ценного союзника. Такие соображения могли, например, играть роль при выработке избирательной программы, о которой мы выше говорили Очень возможно также, что манифест Коммуны был составлен в таком нарочито сдержанном тоне именно для того, чтобы не испугать крестьян, которых он, главным образом, имел в виду. Но уже в середине апреля выяснилось, что мелкая буржуазия в массе отпала от Коммуны. Это показали между прочим дополнительные выборы, в которых принимали участие исключительно рабочие. Они же теперь одни сражались за Коммуну на передовых позициях. Теперь для дипломатических соображений уже не было места. Вопрос о социальном преобразовании должен был выдвинуться на первый план—и не в декларациях, для которых у Коммуны не было ни времени, ни охоты, а на практике, в делах ее. Однако и в этой области Коммуна сделала очень мало и не успела показать, как следует, своей социалистической физиономии.

Общеизвестно отношение Коммуны к Французскому Банку, перед которым робко остановились коммунары из боязни потрясти кредит (соображение чисто буржуазное, показывавшее, как властно тяготели над их умами представления буржуазного мира). Но из Банка Коммуна хоть взяла несколько миллионов на свои нужды. С неменьшей робостью останавливалась она перед всяким покушением на частную собственность. Не только не были национализированы дома, фабрики и заводы, но даже не был своевременно разрешен вопрос о квартирной плате и об уплате по векселям, во-

прос, толкнувший было мелкую буржуазию в об'ятия пролетариата. Рабочим не были во время возвращены вещи, заложенные в ломбардах. В отмене штрафов и запрещении ночного труда (да и то только в булочных) не было ничего социалистического. Да и тот знаменитый декрет 16 апреля, который заставил говорить о социалистическом характере Коммуны, тоже в сущности ничего специфически социалистического в себе не содержал. Приказ переписать мастерские, заброшенные хозяевами, для передачи их рабочим ассоциациям (вот разве—ассоциациям) с целью возобновления в них работ, мог быть принят в осажденном городе всяким, даже не социалистическим правительством, Тем более, что декрет предусматривал в будущем вознаграждение владельцев этих мастерских.

Не было программы, ибо не было партии. Нельзя было показать рабочим и крестьянам широких перспектив, которые могли бы возбудить их энтузиазм и вдохнуть в них готовность к борьбе. Это уже было громадным недостатком. Но еще большим недостатком было полное отсутствие силы, способной предвидеть ход событий, координировать действия, внести планомерность в борьбу, а главное, быстро понять причины неудач и во-время найти пути к их исправлению.

Еще до возникновения Коммуны отсутствие партии нанесло ей жестокий удар. Известно, что Коммуна не была поддержана провинцией. А между тем в последние годы Второй Империи в провинциальных городах назревало революционное настроение, имелись налицо рабочие организации, секции Интернационала, сочувствие довольно широких масс и готовность к борьбе с буржуазией. Но все это было распылено, не организовано, не об'единено. Имевшиеся силы растрепались во время частичных вспышек, предпринимавшихся без общего плана, без связи, без общего руководства. В Лионе, Бресте и Марселе сделаны были разрозненные попытки провозгласить Коммуну в сентябре - декабре 1870 года. Конечно, они были легко подавлены буржуазией. Эти частичные вспышки истощили энергию провинциального пролетариата, так что к моменту провозглашения Парижской Коммуны он оказался не в состоянии активно поддержать ее. Правда, после получения известий о революции 18 марта, в ряде городов сделаны были новые попытки захвата власти рабочими (в Лионе, Сент-Этьене, Крезо, Нарбонне, Бордо, Марселе). Но никем не об'единенные и не направляемые, они были скоро подавлены и не принесли Парижу никакой помощи.

Частичные неудачи и преждевременные выступления могут, разумеется, случаться везде, даже при существовании партии. От них не застрахована никакая революция. Но организованная и дисциплинированная партия может быстро загладить допущенные промахи, усилить ту или иную ослабевшую организацию, дать ей новых работников, приобщить ее к общему движению и поставить дело так, чтобы самая неудача сделалась источником новых успехов (пример: деятельность большевиков после июльского выступления и т. п.). Но такой партии во Франции не было, и то, что там терял пролетариат, он уже терял окончательно.

Парижская Коммуна началась и протекала стихийно—сказать так, значит сказать слишком мало. На самом деле, Коммуна была сплошным рядом грубых ошибок и непростительных промахов, которые свели на-нет весь героизм ее славных защитников. Не было партии,—и вся история Коммуны превратилась в сплошную трагедию. Революция произошла без всякого руководства, в полном беспорядке и без всякой организации. Ни одна мера не была предварительно кем-нибудь обсуждена, ни один план не намечен основательно и не разработан более или менее тщательно. А если иногда и задумывалась какая-нибудь разумная мера, то некому было осуществлять ее и наблюдать за ее проведением.

Несколько фактов поясняют, как тяжело отразилось на судьбе Коммуны отсутствие коммунистической партии, достойной этого имени. Не было ничего легче, как захватить 18 марта членов буржуазного правительства, представителей высшей бюрократии и крупной буржуазии. Но об этом никто даже и не подумал. Один отряд национальных гвардейцев прошел мимо дома, где заседали министры Тьера, и не тронув их пальцем. Ничего не стоило задержать и обезоружить парижский гарнизон (т. е. линейные войска). Армия разложилась, солдаты не хотели подчиняться своему командованию и не оказали бы никакого сопротивления, напротив, перебили бы своих офицеров. Ничего этого не было сделано. Министрам дозволено было свободно выехать из Парижа и вывести оттуда деморализованные войска. А затем в Версали их «обработали» и превратили в палачей парижского пролетариата. Назначенный главным командиром восставшей национальной гвардии, бывший флотский офицер Люлье отпустил даже задержанных было офицеров из чувства «товарищества»! Нужно было немедленно наступать на центр врага, на Версаль, захватить или разогнать засевшую там черносотенную учредилку, разгромить ее силы, в тот момент совершенно ничтожные. Этого сделано не было. Более того, не был даже занят форт Мон-Валерьен, господствовавший над дорогою из Парижа в Версаль. Люлье удовольствовался «честным словом» коменданта форта, что он будет соблюдать нейтралитет в начавшейся гражданской войне (как будто это возможно!)—«словом», которое было, конечно, столь же «честно» нарушено.

Ошибки неизбежно присущи всякой революции, как и всякому живому делу. Не свободна от них и Коммунистическая Партия. Разве мы, большевики, мало делали ошибок?

ДОМБРОВСКИЙ (Ярослав),
Генерал Коммуны, убит на баррикаде 23 мая 1871 г.

Генерал КЛЮЗЕРЭ,
член Коммуны, уполномоченный по военным делам, приговорен к смерти.

Генерал ДОМБРОВСКИЙ,
(с посмертной фотографии).

Генерал ЛЯ-СЕСИЛЬЯ
(Наполеон),
заочно приговорен к ссылке и заключению.

Генерал ЭД,
член Коммуны, уполномоченный по военным делам, приговорен к 20 годам каторги.

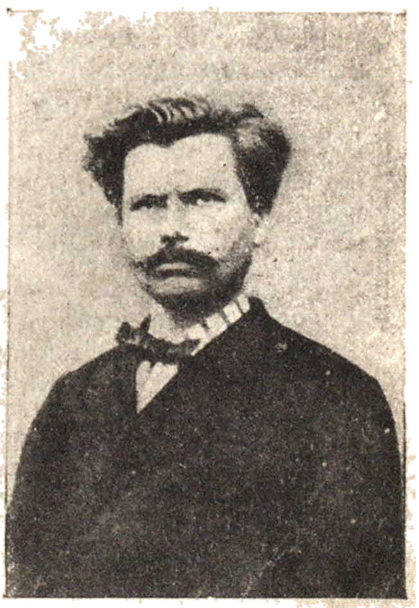
Генерал ВРУБЛЕВСКИЙ,
командир II части.

ГАЙЯР (Наполеон),
начальник внутренней обороны, заочно приговорен к ссылке и заключению.

Генерал БЕРЖЕРЭ,
член Коммуны, приговорен к смерти.

Генерал ЛЮЛЬЕ,
приговорен к смерти, но смертная казнь заменена ссылкой.

СТЕНА ФЕДЕРАТОВ НА КЛАДБИЩЕ ПЕР-ЛАШЕЗ
(с картины Эрнеста Пиккио).

Место, где тысячи доблестных коммунаров и масса людей, ни в чем неповинных и ни к чему не причастных, пали жертвами палачей, опьяненных жаждою крови и мести.

И мы назначали авантюристов Муравьевых командующими фронтами, и мы отпустили на честное слово генерала Краснова и т. п. Но мы умели делать не только ошибки, — мы умели, кроме того, быстро сознавать свои ошибки и принимать энергичные меры к их исправлению. Коммуна же была сплошной ошибкой. В ней не было силы, способной работать толково и планомерно. Вот что ее погубило.

Отсутствие единого нервного центра влекло за собой паралич воли. Плох или хорош был Центральный Комитет, который выдвинут был событиями в первые ряды, но еслибы он проявил побольше инициативы и энергии в первые дни революции до избрания Коммуны, когда он представлял единственный орган действия, дела пошли бы не так скверно, и положение Коммуны не оказалось бы таким безнадежным. Первые дни революции, в сущности, определяют всю ее дальнейшую судьбу. Но Комитет никем и ничем не руководил, ибо им самим никто не руководил. Он считал себя не совсем «законным» и ждал образования Коммуны. Но когда последняя, наконец, возникла, Комитет отнюдь не сложил своих полномочий. Именно теперь он захотел действовать, чего не делал раньше, когда был один на сцене. В результате от его вмешательства получилась только лишняя бестолочь. А направляющего центра так и не было.

С точки зрения материального оборудования, Коммуна была поставлена недурно. Снабжение столицы во все время осады ее версальцами совершалось без перерыва, и продовольственный вопрос не стоял остро. Военного снаряжения так же было достаточно, имелось много бойцов, но все это не было использовано и постепенно утекло между пальцев. В момент революции 18 марта в распоряжении восставшего Парижа насчитывалось 300.000 штыков и 2.000 орудий. Национальные гвардейцы были настроены революционно и рвались в бой. Но, имея в своем распоряжении такую силу, которая во многом превышала вначале рессурсы Версаля, Центральный Комитет не сделал ровно ничего. В самый решительный момент он занялся подготовкой выборов в Коммуну, вместо того, чтобы, разгромив решительным наступлением вражеские отряды и заняв все важные стратегические пункты, подготовить для нее возможность безопасной работы.

Но и Коммуна действовала не лучше. Своей вялостью, неспособностью и бессистемностью она довела до окончательного разложения те силы, которые она, правда, уже в ослабленном и дезорганизованном виде, получила от Центрального Комитета. Известно, какой беспорядок царил в военном ведомстве Коммуны. Она была несчастна в выборе «специалистов». Буржуазное чиновничество ответило на революцию саботажем. Но в гражданских ведомствах рабочие сумели с успехом заменить старую бюрократию, и свидетели утверждают, что во время Коммуны Париж управлялся ничуть не хуже, чем в прежние эпохи. В военной же области, в тот момент самой важной, этого не удалось достигнуть. Главнокомандующие, назначаемые Коммуной, были один хуже другого. Полусумасшедший Люлье, авантюрист Клюзере, проникнутый армейскими предрассудками Россель — все они не годились на роль вождей революционной армии, не понимали положения, не умели использовать имевшихся в их распоряжении сил и средств, не способны были ввести в вверенных им частях порядок и революционную дисциплину. Коммуна не сумела переварить «спецов» и заставить их служить рабочему делу. Это было ее больным местом. Но она не сумела также провести в своих войсках принципы пролетарского порядка и дисциплины. Все военноначальники в один голос жаловались на повсеместный беспорядок и на общее нежелание подчиняться распоряжениям. Все это было бы невозможно при существовании коммунистической партии. Русская революция находилась одно время не в лучших условиях, чем Коммуна. Однако, ей удалось преодолеть затруднения, организовать армию, ввести в ней революционный порядок и дисциплину, подчинить себе специалистов, поставить их в надлежащую обстановку и создать из среды самих рабочих многочисленные кадры красных командиров. Всего этого ей удалось достигнуть благодаря существованию Коммунистической партии.

Коммуна не сумела победить ни саботажа, ни измены. Не было хозяйского глаза, который за всем бы смотрел и во-время замечал, где что плохо. Достаточно напомнить, что грозная артиллерия Коммуны, поставленная на высотах Монмартра, молчала в самый решительный момент общего штурма версальских войск. Большинство орудий оказалось испорченными какими-то предателями. Революционная цитадель, на которую так рассчитывала Коммуна, сдалась почти без боя. Версальские войска вошли в Париж без выстрела со стороны Пуэн-дю-Жура: оказалось, что место это никем не охранялось, и одному изменнику удалось войти в сношение с передовыми цепями версальцев, залегших в нескольких десятках шагов от города. И в таком пункте (с юга, т. е. особенно уязвимом) не было охраны. Это наиболее пикантные факты. Но вообще беспорядок и анархия характеризовали всю военную работу Коммуны. Не было руководящего сплоченного центра, не было обдуманного плана, ибо некому было принимать и проводить его.

Неудивительно, что постепенно энергия рабочих ослабела, и ими начала овладевать апатия. Вместо трехсот тысяч бойцов Париж имел на линии огня каких-нибудь пятьшесть тысяч штыков, и притом почти одних и тех же людей. Агитационная часть, столь важная для революции, была поставлена из рук вон плохо. Провинция совершенно

не осведомлялась о целях Коммуны, буржуазная клевета оставалась без опровержения, симпатии масс к делу Коммуны не завоевывались. Правда, это и трудно было сделать при отсутствии ясной программы, способной увлечь за собою массы. Но даже при создавшемся положении в этой области можно было многое сделать, если бы было кому делать, если бы была партия, интересующаяся этим вопросом, понимающая все значение агитации и располагающая аппаратом для ее проведения. При таких условиях Коммуна не только не привлекла новых сторонников, но и растеряла тех, кто шел за нею прежде и кто создал ее. Сначала отошла мелкобуржуазная масса, а затем и рабочие стали проявлять все больше уныния и безразличия. В последний момент, когда версальцы уже ворвались в Париж и двигались вперед, устилая свой путь трупами своих жертв, вспыхнул присущий парижанам героизм, но было уже поздно: теперь можно было только с честью пасть, а не победить. Да и то сражалась сравнительно незначительная кучка рабочих из предместий, главным образом, из Бельвиля.

Неудивительно, что уже немедленно после разгрома Коммуны общий вывод гласил: необходимость создания рабочей партии, политической организации рабочего класса, способной руководить его борьбой и внести в нее единство и планомерность. Кроме кучки анархистов, к этому выводу склонялись сторонники самых различных воззрений. И бланкисты вроде Вайяна, и марксисты вроде Лафарга, и прудонисты вроде Шарля Лонге—все единогласно настаивали на участии пролетариата в политической борьбе и на создании рабочей партии, противополагающей себя всем буржуазным партиям и руководящей борьбою рабочего класса за его полное политическое и экономическое освобождение. Лондонская конференция 1871 г. и Гаагский конгресс Интернационала 1872 года в своих известных резолюциях о политической борьбе лишь подвели итог печальному опыту, вынесенному международным пролетариатом из истории Парижской Коммуны.

Вся дальнейшая история рабочего движения подтвердила правильность этого вывода. Но до сих пор она подтверждала его от отрицательного,—примером неудач и поражений, вызванных отсутствием единого руководящего сознательного центра. Русская революция дала ему положительное подтверждение, показав пример первой удачной рабочей революции, обязанной своим успехом деятельности организованной партии пролетариата. Параллельное изучение истории Парижской Коммуны и русской революции, с этой точки зрения, должно окончательно открыть глаза тем революционным социалистам, которые, искренно стремясь к торжеству рабочего дела над капиталом, до сих пор не поняли роли и значения коммунистической партии в социальной революции.

Ю. СТЕКЛОВ.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

ПАМЯТИ И. Ф. ДУБРОВИНСКОГО (ТОВ. ИННОКЕНТИЯ).

I.

Коммунары не понимали великого исторического значения своей борьбы.

Они своей кровью вписали неизгладимую страницу в историю человечества,—но сами они не в состоянии были расшифровать эту страницу.

Они боролись и умирали. Некоторые из них, что оставались в живых, старались потом осмыслить для себя и рассказать другим, за что боролись их товарищи и падали под пулями тьеровских палачей.

Но тот смысл,—или различные смыслы, которые вкладывались разными авторами в великое историческое событие, — был бесконечно ниже его истинного, исторического значения.

Маркс дал ему гениальное истолкование. Но только нарождающаяся мировая пролетарская революция раскрывает всю глубину этого истолкования, прозревавшего в XIX веке условия пролетарской революции в XX веке.

II.

Во всех революциях есть нечто пророческое. Они не только ставят и, в меру конкретного соотношения борющихся классовых сил, разрешают очередные задачи. Они—удивительная реторта, в которой с изумительной быстротой нарождаются, назревают и сталкиваются противоположности, которые затем в более или менее медленном «органическом» ходе только через несколько лет, если не десятилетий, развернут эволюционный процесс развития. Рабочее движение 1848 года было «антиципацией»,—предвосхищением грядущих форм классовой борьбы, в течение дальнейших десятилетий. В русской революции 1905 года легко раскрыть зародившиеся формы позднейшей революционной борьбы рабочего класса вплоть до октябрьского переворота 1917 года.

Для тех, кто наблюдал и продумывал до конца явления революции 1905 года, было ясно, что рабочий класс, если бы ему удалось в союзе с крестьянством захватить

политическую власть в свои руки, не остановится на полпути. Я никогда не забуду одного разговора, который в 1907 году был у меня и М. Н. Покровского с безвременно погибшим тов. Иннокентием (И. Ф. Дубровинским). Он отчетливо видел, что в капиталистическом обществе всякий класс—«максималист» по своим тенденциям. «Максимализм» всякого класса ограничивается только противодействием других классов, таких же «максималистов», как он. Аграрии только потому идут на уступки, что к этому их вынуждает общественная сила капиталистической буржуазии, а затем и рабочего класса. Буржуазия лишь постольку отступает от последовательного осуществления «идеи третьего сословия», поскольку встречает препятствие со стороны аграриев и в особенности со стороны рабочего класса.

Можно ли было ожидать, что рабочий класс России, доведя демократическую революцию до конца, т. е., захватив власть в союзе с революционным крестьянством, и выбив из седла не только помещика, но и буржуа, сам ограничил бы себя «программою—минимум»? И. Ф. Дубровинский с изумительной убедительностью показал мне и Покровскому, что революционная борьба рабочего класса на этом не остановится, и что, если только захват власти не окажется мимолетным эпизодом, от программы—минимум он перейдет к осуществлению «программы—максимум». Более того: тов. Дубровинский привел целый ряд фактов, из которых следовало, что уже в конце 1905 года пролетарии, действительно, шли дальше чисто демократической программы и в своих требованиях перешагивали рамки того, что осуществимо при сохранении капитализма. В самом деле, почему мы выставили на своем знамени: национализация помещичьей собственности, и почему не присоединяем к этому: национализация *капиталистической* собственности,—национализация заводов и фабрик? Не исключительно ли по той причине, что, хотя мы и надеемся преодолеть сопротивление помещиков, мы считаем непосильным для нас преодолеть еще и отчаянное сопротивление буржуазии? Не исключительно ли по той причине, что, получив энергичную поддержку крестьянства в борьбе с помещиками, мы опасаемся отпадения значительной части крестьянства, когда поставим сравнительно далекий для него вопрос о капиталистической собственности? Ну, а если бы сложилась такая обстановка, что эти опасения оправдались бы? И сумеем ли мы убедить рабочих, что отношения, созревшие для действительной национализации земли, еще не созрели для национализации заводов и фабрик?

Тов. Иннокентий приводил свои наблюдения. В декабре 1905 года некоторые фабрики и заводы были покинуты собственниками, управляющими и конторщиками. Охрану их взяли на себя сами рабочие. Но они тщательно охраняли их не для капиталистов, а *для себя*. И охраняли не по тому элементарному соображению, что с расхищением имущества они могли бы остаться без работы и заработка. Нет, у них мелькало уже и то, правда, еще смутное, соображение, что все это должно перейти к народу и, во всяком случае, к рабочему классу.

Если бы русская революция 1905 года не была задавлена иностранным вмешательством в форме займа, предоставленного царизму французскими капиталистами, если бы она пошла дальше, это смутное требование превратилось бы в ясный и неотложный пункт программы.

Конечно, в первичной, туманной формулировке тенденция к захвату заводов и фабрик носила синдикалистский характер: каждым предприятием овладевают рабочие данного предприятия.

Но рабочий класс успел тогда сказать только свое первое слово. И это слово услыхали только такие удивительно тонкие и вдумчивые наблюдатели, каким был покойный тов. Иннокентий. Со временем это слово услыхала бы вся наша партия. Передовой авангард рабочего класса, она и тогда не оторвалась бы от развертывающейся революции. Революционный инстинкт указывал пролетариату России на очередные шаги, которых потребует наступательное движение революции. Партия революционного пролетариата претворила бы этот революционный инстинкт в революционное сознание и в руководимое им революционное действие.

Понятно, почему революция 1917 года нашла ее подготовленной к выдвинутым громадным задачам.

III.

Главную массу борцов Парижской Коммуны дал не крупнопромышленный пролетариат и даже не пролетариат вообще. Главную массу, в особенности в первые недели Коммуны, дали разлагающиеся ремесленные формы, охваченные процессом пролетаризации. По типу промышленных предприятий и по относительной роли крупно-капиталистических форм Париж начала 1870 годов стоял много ниже Петербурга или Москвы 1905 и 1917 года.

Движение началось при несомненной гегемонии мелко-буржуазных элементов, распадавшихся на многочисленные фракции, зачастую с абсолютно непримиримыми воззрениями; все они в одинаковой мере характеризовались спутанностью и туманностью экономических программ, — иногда положительным страхом перед постановкой экономических вопросов, способных только вскрыть безнадежность положения мелко буржуазных форм в данное время и полное отсутствие перспектив в будущем.

Движение началось, как патриотическое движение: как страстный протест против правительства, которое призывами к обороне просто прикрывало свою фактическую измену, свою уже налаженную сделку с гер-

манским правительством. Умы восставших в первое время были в плену воспоминаний о революционных войнах конца XVIII века. Коммуна в своем начале, это была *война*. Как пламенный патриотический взрыв, как напоминание об успешной революционной обороне, которая в XVIII в. развернулась в наступление, она увлекла за собой и буржуазные элементы.

Если бы парижское восстание увенчалось успехом еще в октябре 1870 года, оно, столкнув Тьера, дало бы национальное, общефранцузское правительство. Это правительство было бы правительством действительной, а не показной, не лицемерной обороны. Но оно так и осталось бы *правительством обороны*,—оно не стало бы *Парижской Коммуной*. Оно осталось бы бессильным воспоминанием прошлого,—оно не было бы предвестником будущего.

Первоначальное преобладание неорганизованных и неспособных организовать и организоваться, межклассовых, колеблющихся, спутанных, шатких мелкобуржуазных элементов заставило Коммуну потерять много драгоценного времени. Восстание против правительства измены и обмана—и старания найти пути к соглашению и примирению с ним; революция против правительства Национального Собрания — и демократическая привога за допустимость борьбы против этого Собрания, созданного «всенародными выборами»; решительный революционный разрыв со всем существующим государством и со всеми историческими прецедентами—и тревожные поиски за внешними формами законности, за оправданием исторических образцов; фактический вызов всему старому миру—и отказ от мер, единственно способных раздавить его сопротивление. По прекрасному выражению П. Л. Лаврова, Коммуна, являясь *баррикадой*, воображала себя *правлением*. Поставленная в условия, повелительно требующие *диктатуры* рабочего класса, она с поразительной слепотой цеплялась за демократические формы *).

IV.

Никто не подготовлял Коммуну, никто не готовился к ней. Она явилась неожиданно и для врагов и для сторонников—для последних, пожалуй, с большей неожиданностью, чем для первых. В своих течениях она отразила величайшую пестроту тогдашнего Парижа, который уже разлагался и разворачивался капитализмом, но еще и отдаленно не был доведен до капиталистической прозрачности общественных отношений и классовых антагонизмов. Шла борьба между группами и группками, фракциями и факциями, школами и сектами,—но не было ни одной партии, которая по справедливости могла бы сказать о себе, что единственно она является той партией пролетариата, за которой он пойдет на решительный штурм капитализма: не было даже ни одной партии, которая наперед видела бы всю непредотвратимость этого штурма. Поэтому, когда крепость была взята, никому не пришло в голову, что она отбита у *капитализма*, и что открывается новая эра в истории человечества.

Было много доктрин и рецептов, много исторических воспоминаний, но не было ясной программы, не было плана действия и не было организации для действия. Были широкие группы пролетарских элементов, клокочущих от бурной революционной энергии, но не было влиятельной организации, которая сознательно дала бы классовое направление этой энергии, которая связала бы развернувшуюся борьбу с непосредственными и основными интересами рабочего класса.

«Якобинцы», словесно признававшие необходимость диктатуры, но фактически неспособные организовать ее, так как она могла бы быть плодотворной и осуществимой только как диктатура рабочего класса; прудонисты разных оттенков, не возвышавшиеся над различными формами ремесленной взаимопомощи; знаменитости прошлого времени, превратившиеся в ходячие трупы, «чистые» демократы, для которых весь смысл переворота сводился к политическому преобразованию Франции, которая должна была бы превратиться в сочетание автономных коммун, реставрирующих в XIX веке архитектуру средневекового общества; вожди рабочего класса, распинающиеся за частную собственность, люди, выдвинутые пролетарской революцией и опасливо сторонящиеся мер, которые могли бы расшатать условия буржуазного кредита: все эти группы способны были дезорганизовать пролетарские массы, расточить их силы, но отнюдь не организовать их в стройную силу, сознательно приступающую к разрешению выдвинувшихся классовых задач.

Среди членов Коммуны было некоторое количество сторонников Интернационала, были они и в рабочих массах. Но это была слабая группа, которая не пользовалась сколько-нибудь заметным влиянием. Да и до голов этой группы идеи Интернационала доходили многократно и причудливо преломленными все еще предкапиталистическим или ранним капиталистическим строем Парижа; идеи Маркса еще уживались в этих головах с мелкобуржуазными отражениями глубоко расшатанного, захваченного капитализмом,

*) Необходимо самым усиленным образом рекомендовать «Парижскую Коммуну 18 марта 1871 года» П. Л. Лаврова, на которую указывал уже тов. Троцкий в своем «Терроризме и коммунизме». Написанная еще в 1879 году она теперь приобретает величайшую поучительность. Вдумавшись в нее, должен не раз покраснеть всякий эс-эр, в котором имеется хотя бы крупица революционности. Но она оказалась бы чрезвычайно полезной и для тех западно-европейских товарищей, которые еще не окончательно порвали с беззубыми демократическими иллюзиями Каутского. К юбилею Коммуны Государственное Издательство выпускает ее новым изданием. Было бы очень своевременно издание ее хотя бы на одном из западно-европейских языков.

Луиза МИШЕЛЬ,
прозванная «Красной Девой», одна из виднейших коммунарок; приговорена к ссылке в Новую Каледонию.

Луиза МИШЕЛЬ,
перед военным судом в 1871 г.

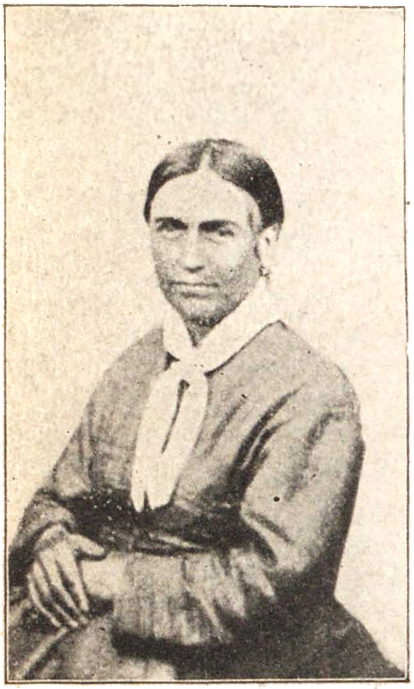
Луиза МИШЕЛЬ,
в 1901 году.

Клара ФУРНЬЕ,
артиллеристка - наводчица (служила во флоте Коммуны).

Гортензия ДАВИД,
артиллеристка - наводчица (служила во флоте Коммуны), приговорена к ссылке.

Мари МУСЮ,
приговорена к ссылке.

Катерин ОЛИВЬЕ,
приговорена к ссылке.

Мари ЛЕРУА,
приговорена к ссылке.

Изабелла РЕТИФ,
приговорена к смертной казни.

Христина д'АРЖАН,
канонир на баррикаде Порт-Майо.

но все еще широко распространенного ремесла.

Так случилось, что, фактически захватив политическую власть, пролетариат не сумел воспользоваться ею, как орудием своего освобождения, и даже не подозревал в течение долгого времени, что политическая власть—в его руках.

Путаные головы спутывали его. К совершенно новым условиям он подходил со старыми мерками.

V.

Начавшись, как движение патриотическое, движение, с тенденцией развернуться в «обще-национальное», охватывающее «все классы» единым лозунгом «обороны до последней возможности», оно, однако, скоро стало делаться более однородным.

Буржуазия, руководимая верным классовым инстинктом, стала уходить в Версаль, к правительству, вышедшему из «всенародного избрания» и представлявшему «всю нацию», т. е. существовавшие до того времени отношения, т. е. диктатуру собственности. Подчиняясь приказам этого правительства и своим собственным социальным влечениям, оставляли Париж чиновники и всевозможные служащие разных рангов, в особенности высшие и отчасти средние, стараясь таким образом вынудить подчинение парижских революционных масс «общенародной воле», т. е. воле буржуазии. Мелкая буржуазия и все промежуточные элементы, убедившись, что Версаль не пойдет ни на какие уступки, и что вопрос решится кровавой борьбой между «законною властью» Версаля и революционной властью Парижа, тоже стали уходить из Парижа или, по крайней мере, устраняться от мятежных парижских масс. В результате, с развертыванием борьбы, Коммуна стала утрачивать первоначальную пестроту своего классового состава; чем дальше, тем отчетливее парижское восстание приобретало характер *пролетарской революции*.

Как наиболее решительный, революционнейший и последовательнейший в своей революционности класс, пролетариат наложил свою печать на некоторые первые меры Коммуны. Для дальнейшего развития социалистического разрушения и социалистического строительства борьба не оставила времени. Но рабочий класс наложил свою печать и на эту борьбу, на ее последние недели. Конечно, в ней он оставался без действительной организации, без руководителей, без вождей; для выработки *своих* военных специалистов у него не было времени, а немногие специалисты, перешедшие к нему из старой армии или не заслуживали доверия, или были плохими специалистами, или совершенно не понимали, что перед ними — война, с совершенно иными задачами, с совершенно иным человеческим материалом, с совершенно иными методами.

Во внутренно организаторской деятельности массы оставались одни: без руководителей, без ясных голов, которые прозревали бы широкие горизонты, без партии, в которой масса могла бы распознать отчетливое, рациональное выражение своих еще смутных классовых инстинктов и стихийных стремлений, в которой она могла бы осознать сама себя. Так и во внешней, вооруженной борьбе с внешним, капиталистическим миром массы шли в бой без действительной организации, без планомерного руководства. Они дали изумительные, незабываемые образцы пролетарского героизма, они дали десятки тысяч мучеников за грядущую революцию рабочего класса. Но сама их борьба осталась зарницей, предвестием надвигающейся мировой грозы. Пролетарский инстинкт, предчувствие того, что за погибающими тысячами идут миллионы и миллионы непреклонных борцов, которые доведут до конца дело коммунаров, заставляло их высоко поднимать головы перед ружьями версальских убийц. Они взором бросали эту угрозу,—сознание еще не могло дать отчетливой формулировки в ясных понятиях.

Вот почему Коммуна боролась одна. Она еще взывала к городам Франции, — но она, руководимая неясным классовым инстинктом, она, начавшая лозунгами, которые на время спутали патриотов и привлекли их на сторону Коммуны, еще не могла обратиться с призывами к пролетариату всего мира.

Для того еще не пришло время. Для этого потребовалось еще пятьдесят лет борьбы, страданий, измен вожаков, мелкобуржуазных иллюзий, кровавых кошмаров—и ужасного пробуждения в мире, полуразрушенном капитализмом.

VI.

Пролетариат Коммуны еще не был пролетариатом в современном, крупно-промышленном значении этого слова. В своей подавляющей массе это был, употребляя выражение Фр. Энгельса («Великая крестьянская война в Германии»), еще только, *предпролетариат*.

Он еще не порвал пуповины, связывавшей его со старым миром, на половину ремесленным, на половину торгово-капиталистическим. Поэтому останки того, что называлось Луи Бланом и что только благодаря разным случайностям не успело открыто и жестоко обанкротиться в 1848 году, были окружены в его глазах ореолом. Поэтому рецептура прудонистов все еще находила здесь массы сторонников. Поэтому и «якобинцы», для которых история не пошла дальше 1793 года, пользовались несомненным, хотя и временным, успехом в этой среде.

Но при всем том это был нарождающийся *новейший* пролетариат, это был класс, которому, хотя бы в лице следующего поколения или даже внуков, предстояло уничтожить себя, как класс, т. е. зарыть, взорвать

все капиталистическое общество до самых его широких устоев, до глубочайших его недр. Это был нарождающийся новый класс, который тогда уже отрицал все эксплуататорское общество инстинктивно,—и который потом должен был отвергнуть и ниспровергнуть его сознательно.

В страданиях осады прусскою армией, среди обманов «правительства обороны» рабочий класс изжил иллюзии буржуазной республики. В муках осады версальцами он порвал с капиталистическим миром.

Оклад для чиновников, не превышающий заработка искусного рабочего: это поднимала свою голову пролетарская революция.

Низвержение Вандомской колонны: даже здесь сказался разрыв с государством буржуазии, со всем, что было для нее свято и дорого. Это было также разрывом с патриотическим полетом первых дней Коммуны, это было полным отрицанием ее первоначального смысла: Коммуна, это — война. Теперь Коммуна возвещала приближение того мира, где не будет войн и военных героев.

И даже решительное отречение Коммуны от церкви и изгнание религии из школ: и в этом проявилась революционная решительность и революционная последовательность пролетариата. Как далеко это от тех российских мещан, которые называют себя социалистами-революционерами, и которые открыли работы своей Городской Думы в Москве молебном! И как бесконечно далеко это от тех грузинских мещан, которые называют себя социал-демократами, и которые до сих пор начинают общественные торжества молебствиями!

Переход к Коммуне заводов и мастерских, покинутых владельцами, бежавшими в Версаль: это, конечно, только начало,—но за этим началом не последовали более решительные продолжения только потому, что за ним скоро наступил последний конец: торжество версальских палачей...

Да, пролетариат Парижа был только предпролетариатом. Но в напряженной, наэлектризованной атмосфере, в борьбе с эксплуататорами, превратившимися в озлобленных палачей, в великих муках этой борьбы, предпролетариат быстро проделал путь, на который при иных условиях потребовались бы десятилетия.

Как ни отрывочны, ни единичны меры, которыми успел проявить себя парижский пролетариат, однако они показывают, что ими он начинал осуществление «программы—максимум», приступал к социалистическому перевороту.

Он выходил из под влияния всех якобинцев, прудонистов, освобождался в горниле борьбы от всех мелкобуржуазных шлаков,—но вместе с тем возвышался и над бланкизмом, возводившим в систему чисто стихийную революционность предпролетариата. Он переходил на тот путь, где эта революционность должна была сочетаться с широким всеохватывающим кругозором и дать в таком сочетании программу революционного действия: ту программу революционного действия, которую начертали в ее основах Маркс и Энгельс, и которую теперь начинает осуществлять пролетариат всего мира.

* * *

Российский пролетариат, пока единый борец мирового социалистического переворота, перенес и несет невыразимые муки в своей одинокой борьбе. На новом уровне развития, в совершенно иной исторической обстановке, он до сих пор разделял судьбу Парижской Коммуны

Но обогащенный всем опытом Парижской Коммуны, он избежал бесконечных излишних страданий,—и до сих пор отражал всех противников потому, что, быстро отбросив всех мелкобуржуазных попутчиков, внес в борьбу свою последовательность и энергию. Он, подобно парижскому пролетариату 1871 года, сравнительно быстро мог идеологически разделаться с буржуазным миром, так как этот мир еще не успел внутренно его искалечить и подчинить себе. Он мог быстрее организоваться, потому что формы русских капиталистических предприятий выше парижских эпохи Коммуны.

Современный пролетариат Запада глубже подчинен буржуазным обществом. Он все еще рвет те цепи, которые приковывают его к этому обществу. Те уроки, которые Коммуна усвоила в несколько недель, для него растянулись на многие месяцы.

Но атмосфера становится все напряженнее. Раскаты грома все чаще раздаются со всех сторон. При вспышках грозы рельефно выступает весь механизм эксплуататорского общества, и все безнадежнее становится стремление «посредничающих» изменников удерживать от взрыва новый пролетарский, революционный Париж, в который превращается вес пролетариат и все угнетенные всего мира.

Близится время, когда над могилами коммунаров с обнаженными головами, с развернутыми красными знаменами, с пением Интернационала встретятся представители победоносного пролетариата всех стран и представители всех угнетенных теперь областей, сбросившие рабские цепи.

Этот день будет днем величайшего торжества победы побежденной Парижской Коммуны.

И. СТЕПАНОВ.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КОММУНЫ.

ЭПИЗОДЫ МАЙСКОЙ НЕДЕЛИ.

У народов память коротка. Они склонны слишком легко забывать тяжелые времена и прощать врагам. Теперь, будучи свидетелями героической и на этот раз победоносной борьбы русского пролетариата против международной реакции, вспоминают ли рабочие Парижа, да и всей Франции, как расправились с ними самими буржуазия и генералы,— исполнители ее гнусных деяний?

Камиль Пелльтан, с тех пор, увы, не раз отрекавшийся от своих грехов, в 1880 году выпустил в свет об'емистый том, содержащий весьма ценные документальные данныя о кровавой неделе в Париже. Никто не заподозрит бывшего министра радикала в чрезмерных симпатиях к коммунарам. Его книга, пожалуй, только выигрывает от этого в смысле ее полного беспристрастия.

Почти все члены Коммуны, арестованные версальцами, так же, как и все лица, обвиненные в сочувствии восстанию пролетариата, погибли во время резни. Мы ограничимся здесь приведением подробностей убийства граждан Варлэна, Ж. В. Милльера и Тони Муалэна.

Мы из этой книги заимствуем несколько эпизодов. Мы приводим некоторые документы, касающиеся тех застенков, где заключенные избивались войсками правительства порядка, а именно: страницы, относящиеся к военному суду в Шателэ и к резне в казарме в Лобо. Это для примера только, так как то же самое происходило повсюду в Париже. Меньшие бойни происходили в ратушах, в школах, на пустырях, в каменоломнях предместий и т. д.; были и большие побоища, как например при тюрьмах Мазас и ля-Рокет. Массовая резня происходила и в Пантеоне, в Бютт-Шомон, на кладбище Пер-Лашэз.

Несколько страниц будет отведено описанию взятия версальцами Монмартра. Мы лишь добавим, что Белльвиль и ла-Виллэт превратились буквально в вымершие кварталы после резни.

Репрессии, расстрелы и ссылки продолжались до августа месяца. Делая подсчет убитых и проверяя официально об'явленную цифру — семнадцать тысяч (число, установленное генералами порядка), Камиль Пелльтан приходит к заключению, что в течение кровавой недели в мае 1871 года было убито тридцать тысяч парижских рабочих.

К этой цифре нужно еще прибавить известное число пленников, убитых на понтонах, сосланных в Новую Каледонию и в другие места (Рошфор и Луиза Мишель были в числе последних) и погибших там от лихорадок. Пусть вспомнят, что сорок тысяч человек, мужчин, женщин и детей, было арестовано в Париже, направлено в Версаль и заключено в Сатори в нечеловеческих условиях, и что палачи порядка должны были сами признать за двумя третями этих несчастных полнейшее отсутствие какой бы то ни было вины; и тогда, может быть, удастся составить себе, хотя бы приблизительное понятие о том, как расправляется с рабочим населением торжествующая буржуазия.

На этом кладбище при содействии мясника Галлифе была основана Третья буржуазная Республика так же, как вторая основалась в 1848 году на кучах трупов, нагроможденных в рабочих предместьях палачем Кавеньяком.

Таково доблестное происхождение буржуазных республик.

Редакция.

I.

Жан Батист Милльер.

28 мая в половине третьего Тьер отправлял по департаментам телеграмму следующего содержания:

«Прославленный Делэклюз был подобран мертвым войсками генерала Клэншана. Не менее известный Милльер расстрелян за то, что произвел три выстрела из револьвера в арестовавшего его капрала».

Человек, о смерти которого сообщил Тьер, был народным представителем. Казнь его была поэтому двойным преступлением.

Мне пришлось впервые увидеть Милльера во время судебного разбирательства в Туре. Высокий, худощавый мужчина; складки одежды, очки, седые волосы, ниспадающие на плечи, придавали всей его длинной фигуре какую то своеобразную незабываемую физиономию. Отпечаток энергии в чертах лица производил впечатление контраста с корректной внешностью обыкновенного канцелярского чиновника. Милльер добился своего положения напряженной энергией и упорным трудом. Будучи сыном бочара, кажется, он сперва достиг степени доктора прав. Он уже прошел через опыт долгой борьбы, прежде чем выдвинулся в первые годы Империи.

Он весь горел неукротимой страстью человека, которому пришлось много страдать. Но он умел владеть и управлять собой. Его размеренные и спокойные движения, его необыкновенный дар слова производили удивительное впечатление. Процесс в Туре был для него тем более блестящим успехом,

что успех этот был неожиданным. Его показание было настоящей речью врожденного оратора; напрасно старались умалить произведенный ею эффект. Были опрошены сопровождавшие его жандармы; он сумел расположить к себе даже жандармов. И ответы их подтвердили его слова.

Миллер был членом Национального Собрания, когда началось движение 18 марта. Никто не скорбел о нем больше, чем он. Он присоединился к депутатам и городским головам, пробовавшим достигнуть какого-либо соглашения. Один из членов Национального Собрания, консерватор по убеждениям, Де-Сен-Пьер, в анкете о событиях 18 марта в следующих выражениях говорит об отношении к ним Миллера (II том, стр. 519):

«Миллер плакал у меня в кабинете: «Вот вам народ Парижа! Хорошими бывают только люди в деревне. Все остальные проходят через искусственное воспитание». Это были его слова, и он плакал, говоря, это. Он казался безумным»!

Весьма вероятно, что Де-Сен-Пьер невполне верно передает слова Миллера, но, тем не менее, по ним можно судить, как далек был парижский депутат от движения 18 марта.

Разразилась гражданская война. Миллер остался в Париже. Но в то время, как Флокэ, Клемансо, Локруа послали в Версаль заявления о своей отставке, пытаясь достигнуть примирения, которое предотвратило бы сколько ужасов, он остался депутатом и ограничился лишь тем, что поместил в печати письмо, в котором нападал на Собрание, не оставляя своего мандата.

С какой бы точки зрения ни рассматривать его поведение и об'яснения, ясно, что Собрание не могло ни дать отставки, о которой его не просили, ни начать преследование, на котором никто не настаивал, и Миллер сохранил мандат народного представителя.

Оставаясь в большом городе под обстрелом правительства, пытавшегося взять его измором, Миллер понемногу проникся общим духом возмущения; но он отнюдь не был причастен к правительству Коммуны и не принял в ней никакой должности. Играл он известную роль, только на большом митинге, устроенном гражданами из провинции во дворе Лувра; на этом митинге он был председателем и держал речь. Люди, заседавшие в городской ратуше, смотрели на газету, которую он издавал вместе с Жоржем Дюшэном, как на враждебный им орган, и издали декрет об ее закрытии накануне прихода войск в Париж. Поэтому-то Жюль Симон в своей Истории правительства Тьера относит Миллера к числу тех, которые отделились от Версальского правительства, не присоединившись, однако, к Коммуне.

Какова была его роль во время боя? Говорят, будто он явился в редакцию газеты «Moniteur Universel» с федералистами, произведшими там обыск; рассказывают также (Максим Дюкан подтверждает это), будто его видели в тюрьме Сантэ («de la Santé). Повидимому, это достоверно, так как накануне взятия Пантеона его видели приходившим в этот квартал и уходившим без оружия и в штатском платье.

В «Times» от 25 мая я читаю следующую телеграмму: «Вчера один из наших стрелков, отказавшийся присоединиться к коммунарам, спасся лишь с помощью Миллера».

У него был тезка в рядах коммунаров, полковник из федератов: их смешали. Читатель знает сам, сколько жертв было последствием таких смешений.

Об его расстреле у меня кроме газетных заметок имеется три свидетельства очевидцев: во-первых, известный рассказ капитана Гарсэна в парламентской анкете; затем рассказ Луи Ми, выдающегося оратора, умершего впоследствии депутатом Жиронды, который случайно присутствовал при разыгравшейся драме. Он прибыл из Перигэ в качестве делегата Городской Думы, со своим коллегой Лемари, чтобы увидеть Тьера; проездом в Париже он видел, как расстреливали Миллера; он составил и опубликовал описание этой казни, начинающееся словами: «Клянусь, что это правда и только одна правда». Его спутник Лемари подписался под этим рассказом, подкрепив его той же формулой и той же клятвой. Наконец, издатель «La Justice» Марнен, имевший книжную торговлю под галлереями Одеона, оказался вместе с одним из своих друзей свидетелем этой казни и сообщил мне некоторые подробности, которые совпадают с рассказом Луи Ми.

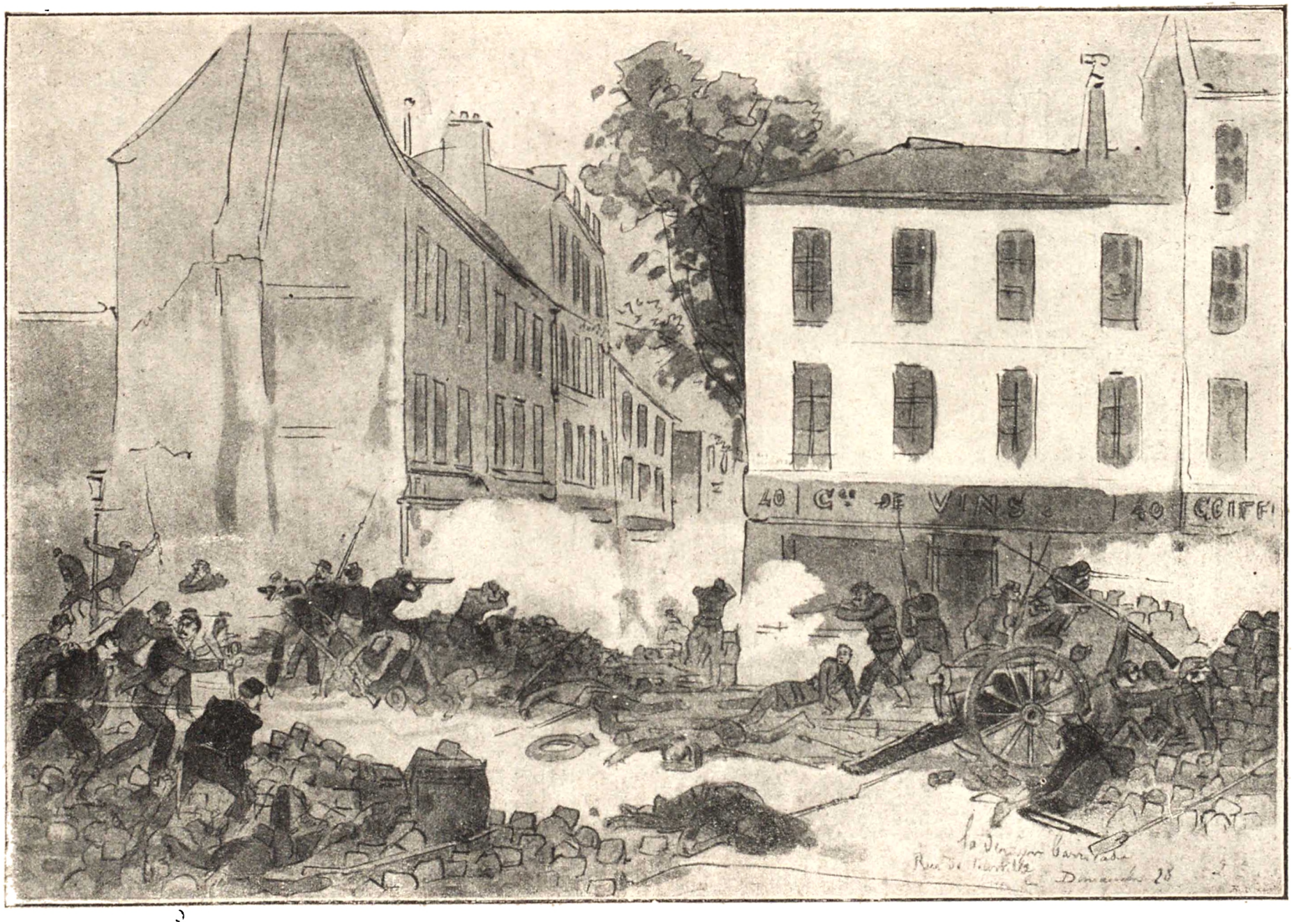
Гарсэн говорит (Парламентская анкета, стр. 230):

«Миллер был арестован около десяти часов утра, в своем собственном доме, кажется. Он оказал некоторое сопротивление арестовавшим его жандарму и капралу, выстрелив из револьвера и тем доведя их до крайнего раздражения; толпа была вся наэлектризована, когда его вели, и хотела растерзать его».

Это вступление абсолютно неверно. Миллер был арестован не у себя и не думал стрелять в арестовавших его солдат.

В «Figaro» от 16 июня помещено интересное письмо Анри Монто, эскадронного командира, делегата V округа. Этот представитель военной власти того времени посылает в газету письмо, начинающееся словами: «Милый Вилльмессан...» Умилительный пример сближения бульварной прессы и военной диктатуры.

Анри Монто рассказывает, что спустя несколько дней после казни Миллера, он принимал у себя в кабинете госпожу Фурэс, тещу Миллера, просившую его облегчить ей доступ к дочери, задержанной в Версали. И он прибавляет: «Она внесла две поправки в мой рассказ, который, впрочем, и она нашла весьма точным». Миллер был найден скрывающимся у нее и вовсе не стрелял в

ПОСЛЕДНЯЯ БАРРИКАДА НА УЛИЦЕ ТУРТИЙ, ВЗЯТАЯ 28 МАЯ В 2 ЧАСА.

СТЕНА ФЕДЕРАТОВ.
По оригинальному наброску, сделанному 28 мая 1871 г. Денисом Дерош.

людей отряда. «Он и в руках-то никогда не держал оружия», плача, уверяла она.

В сообщении, посланном впоследствии 12 февраля 1873 года Гарсэну вдовой Милльера, сказано, что Милльер был арестован 26 мая 1871 г., около десяти часов утра у супругов Фурэс, он был сапожником, родителей его жены, что подтверждает и письмо, помещенное в «Figaro». Что касается выстрелов из револьвера, которых Тьер насчитал три, то Гарсэн упоминал о них более туманно, а показания Луи Ми позволяют нам разгадать правду.

Тотчас же после совершения казни Ми и Лемари, глубоко взволнованные, бросились в экипаж и отбыли в Версаль. Там, не переменив даже платья, они отправились просить аудиенции у Бартелэми-Сент-Илэра.

Я передаю подлинный рассказ Луи Ми:

«Улучив минуту, я сказал Бартэлеми-Сент-Илэру:»

«Только что на наших глазах расстреляли Милльера».

«Значит, перебил он меня, вы слышали выстрелы, произведенные в солдат».

«Выстрелы в солдат? Но, возразил я, прежде чем он попал в Пантеон, он уже около часу находился с пустыми руками между двумя шеренгами солдат».

«Мы имеем официальное донесение, подтверждающее мои слова». . . . . .

. . . . . .

По прошествии нескольких часов, беседуя с Лемари, я обратил его внимание на странное обстоятельство: мы уехали с площади Пантеона почти в самый момент смерти Милльера и, прибыв очень быстро в Версаль, уже застали там протокол о его казни».

Заметьте, что до расстрела Луи Ми видел, как солдаты, только что арестовавшие Милльера, привели его в Люксембург; и солдаты эти, и собравшаяся толпа, следовавшая за ним от Пантеона, осыпали его бранью; в течение некоторого времени Милльер оставался у стены Люксембурга под градом ругательств и ни Ми, ни Марпон, ни друг последнего, присутствовавшие при этом и освистанные за какое-то сделанное ими замечание, ничего не слышали о будто бы произведенных Милльером выстрелах. Между тем, этот шум должна была прежде всего услышать публика; слово об этих выстрелах, конечно, солдаты бросили бы сами в толпу, как только сами выстрелили, и крикуны, конечно, этот упрек раньше всего швырнули бы несчастной жертве.

Между тем обо всем этом и речи не могло быть; и пресловутый револьвер появляется на сцене только в Версали, в официальном донесении военных властей, сообщающих о приведении в исполнение смертного приговора над народным представителем (и оправдывающих этот приговор).

Не думаю, чтобы здесь возможны были какие-либо сомнения. Милльер был арестован в пятницу, около десяти часов утра, у своего тестя Фурэса, сапожника, проживавшего в Ульмской улице 38, и вовсе не стрелял в арестовавших его солдат.

Теперь перейдем к его казни.

* * *

Луи Ми прибыл из Версали в Париж 25 мая. 26-го, рано утром, он купил «Petite Presse»; в ней об'являлось о расстреле Милльера.

Затем он зашел в ресторан Фуайо; за соседним столом сидело восемь или десять офицеров, и он услышал их громкий разговор: «Правда ли, что вчера расстреляли Милльера? Да, мне об этом рассказал Х.».

Позавтракав, выйдя на улицу, Ми встретил солдат, окружавших арестованного. Это был Милльер.

Под проливным дождем, среди давки ревущей и угрожающей толпы, среди двойной шпалеры конвоиров, шел Милльер в черном, наглухо-застегнутом сюртуке, в высокой шляпе. Один солдат и один агент в штатском с двумя огромными револьверами за поясом, держали его за шиворот и за кисти рук.

Охрана остановилась у входа в Люксембург, под окнами ресторана Фуайо. В первом этаже, Сиссэ, генерал, командовавший 2-м корпусом, маркиз Де-Кэнсона, роялист, член Собрания, капитан Гарсэн, в обязанность которого входил опрос арестованных, и другие сидели за завтраком и высунулись в окно, чтобы посмотреть на зрелище.

Раздавались беспорядочные крики: «Милльер! Смерть Милльеру!» Один из солдат, державший ружье за конец дула, без штыка, кричал: «Это я его захватил». Луи Ми и Лемари слышали, как он добавил: «я должен и расстрелять его!» Марпон и один из его друзей слышали его непочтительные слова: «Сойдите вниз, генерал», обращенные к зрителю в окне и показывавшие, до какой степени этот арест вскружил ему голову.

Суда никакого не было даже для виду. В двух шагах в одном из зал Люксембургского дворца помещался яко бы военный суд. Но мысль свести туда депутата Милльера никому не пришла в голову, даже командиру 2-го корпуса, наблюдавшему эту сцену из окна.

Один из солдат национальной гвардии с трехцветной нашивкой на рукаве, широкоплечий малый, схватил его за руку и оттащил к стене фасада. Кругом толпа продолжала вопить: «Вор! Убийца! Поджигатель!» Кто-то крикнул: «Шапку долой, мерзавец». Милльер сохранял полное спокойствие; он положил шляпу на подножие колонны и скрестил руки.

Священник в высокой шляпе вышел из здания Люксембургского дворца; это был духовник расстреливаемых.

Убийцы из Люксембурга, а также из казармы Лобо, оказывали это внимание своим жертвам и предлагали им религиозную поддержку; и часто священники совершали свои обряды в то время, когда края их рясы волочились в крови.

Миллъер спокойным жестом отстранил священника. Аббат настаивал; один из офицеров предложил ему удалиться. Вслед за тем, среди солдат произошло какое-то движение; они стали выстраиваться взводом, но, по словам Луи Ми, так растерянно и неловко, что, если бы они тогда выстрелили, пули задели бы рикошетом их самих.

Казнь была приостановлена появлением офицера, вышедшего, по словам Луи Ми, из Люксембургского дворца; рассказ капитана Гарсэна показывает, что это был он сам Гарсэн, только-что вышедший из ресторана Фуайо. Что произошло между ними? Об этом мы узнаем со слов самого Гарсэна (Парламентская анкета):

«Я обратился к нему со словами: «Вы, действительно, Миллъер?» — Да, но вам не безызвестно, что я депутат. — «Весьма возможно, но мне кажется, что вы утратили ваше депутатское звание. Впрочем, среди нас есть депутат, г. Де-Кэнсона, который признает вас».

Затем я сообщил Миллъеру, что, по приказанию генерала, он приговорен к расстрелу. Он спросил: «За что?» Я ответил: «Я знаю вас лишь по имени. Я читал некоторые из ваших статей, глубоко возмутивших меня. Вы — гадина, которую следует раздавить. Вы презираете общество». Он остановил меня словами, произнесенными многозначительным тоном: «О, да! Это общество я презираю».— «Ну, что же, оно вас выкинет из своей среды. Оно присуждает вас к расстрелу». — «Но это произвол, варварство, жестокость».—«А все совершенные вами жестокости, их вы ставите ни во что? Во всяком случае, раз вы заявляете, что вы Миллъер, ничего другого не остается делать».

Генерал отдал приказ, чтобы расстрел состоялся в Пантеоне, причем Миллъер должен был стоять на коленях, как бы испрашивая прощение у общества за то зло, которое он ему причинил...»

Это происходит во Франции в девятнадцатом веке.

А у окна сидит в это время командующий корпусом, Сиссэ, генерал правительства Тьера, которому предстояло через несколько дней сделаться его военным министром и который покинул его два года спустя. И этот генерал, этот будущий министр, присутствует при этой сцене и отдает бесчеловечный приказ, по которому убийство депутата сопровождается продлением мучений и обставляется театральными эффектами; ему нужна колоннада Пантеона, театральное коленопреклонение народного представителя, которого будут убивать по его распоряжению; ему, сверх того, нужно выставить всю эту агонию на поругание, нужна нравственная пытка, нужны грубые оскорбления, переполняющие до краев чашу унижения...

Подобная мысль приходит в голову генералу во время завтрака, в то время, как он наблюдает всю драму, сидя у накрытого еще стола... И этот человек—Сиссэ, которого мы видели, с безжизненным, как маска, лицом, словно отяжелевшими от сна веками, невнятной речью, напоминающей барабанный гул и выражением никогда непроходящей усталости. Это—тот министр, которого даже сам Мак-Магон принужден был уволить... За что?.. Не все ли равно?

А тот депутат? Там был депутат, правый, маркиз, некий Де-Кэнсона,—который мало чем отличился за всю жизнь. Всего навсего 18 марта он был задержан в предместье Сент-Антуан. Он гордился этим и, попав в комиссию «историков», которым было поручено произвести анкету о 18 марта, всячески старался напомнить об этом аресте, продолжавшемся всего лишь несколько минут. И во время чтения протоколов анкеты он не раз прерывал всех свидетелей, пересказывая в сотый раз свое маленькое происшествие.

* * *

Звание представителя нации выпало на долю этого безызвестного маркиза; он присутствует здесь же, при нем приводят человека, жизнь которого вдвойне священна: и как человека вообще и как лица, облеченного известной частью народного суверенитета; и маркиз, коллега его, не говорит: «Имейте уважение к верховной власти Национального Собрания, имейте уважение к инвеституре всеобщего голосования»... Нет, он там играет роль любопытного, он беседует с Сиссэ, быть может, он даже совместно с ним вырабатывал программу празднества. О нем вспоминают и в самый момент расстрела... не для протеста, отнюдь нет... просто для того, чтобы он опознал и выдал арестованного, чтобы он сказал: «Да, это Миллъер». Это было первой мыслью капитана Гарсэна: «Среди нас есть депутат, Де-Кэнсона, который признает вас».

Оставим же этих двух, генерала и маркиза, мирно доканчивать прерванный завтрак.

Конвой снова выстроился вокруг Миллъера. Двинулись в путь по направлению к Пантеону. Гарсэн тоже отправился туда. Толпа, которую не рассеял даже проливной дождь, в беспорядке следовала за шествием. Подошли к воротам Пантеона, железная решетка распахнулась и внезапно закрылась за вошедшим Миллъером. Несчастный был поставлен между двумя средними колоннами. Он медленно растегнул одну за другой все пуговицы своего жилета и обнажил грудь. Луи Ми видел, как он вынул из кармана письмо и снял с шеи часы или медальон, передав и то и другое стоявшему возле офицеру. Затем офицер (я привожу рассказ Луи Ми) поставил его таким образом, чтобы он был расстрелян в спину. Миллъер повернулся резким движением и, скрестив руки, спал лицом к солдатам. Это было единственным, на сколько я заметил, проявлением его возмущения и гнева. До этих пор он сохра-

нял полнейшую невозмутимость. Последовали краткие переговоры. Повидимому, Миллъер отказывался подчиняться какому то приказанию.

Гарсэн передает нам дальнейшее:

«Он отказался стать на колени перед расстрелом. Я заменил ему: «Это приказ, вы будете расстреляны на коленях, не иначе». Он слегка поломался, раскрыл платье, показывая взводу свою обнаженную грудь. Я сказал ему: «Вы бьете на эффект, вы хотите, чтобы потом говорили о том, как вы умирали. Умрите спокойно. Так лучше». «Никто не может препятствовать мне делать то, что я хочу делать в моих собственных интересах и в интересах моего дела».—«Отлично, становитесь на колени!» Тогда он заявил мне: «Я стану лишь в том случае, если ваши люди заставят меня сделать это». Я поставил его на колени...»

Действительно, все свидетели, рассказы которых находятся передо мной, видели, как офицер снова подошел к части, затем, по его приказанию, от нее отделился солдат, который направился к Миллъеру и силой заставил его опуститься на колени, напирая на его плечи.

Этот офицер, грубо издевающийся над человеком, приговоренным к смерти, считающий, что человек этот разыгрывает комедию потому только, что бесстрашно глядит в лицо смерти; офицер, не щадящий даже храбрости своей жертвы и оскорбляющий ее беспримерными словами: «Вы бьете на эффект», и все это делается не в порыве ярости толпы или солдат, ожесточенных сражением, но по приказанию начальника, хладнокровно отданному в промежутке между двух блюд... кто бы мог поверить в этот ужас, если бы сам Гарсэн не постарался похвастаться всеми этими подробностями, изложенными в официальном документе?

Когда Миллъер стал на колени, последовала команда—стрелять. Здесь я предоставляю слово Луи Ми:

«Лишь половина ружей взвода опустилась на прицел; остальные остались неподвижны. В этот момент, считая, что для него наступили последние минуты, Миллъер три раза воскликнул: «Да здравствует Республика»

Несомненно, команда была плохо выполнена, так как залпа не последовало, и офицер, подойдя к пикету, заставил снова поднять слишком поспешно опустившиеся ружья. Затем он указал шпагой, как он даст приказ стрелять.

«Да здравствует народ! Да здравствует человечество!» воскликнул Миллъер.

Часовой, стоявший вплотную возле меня, ответил на эти слова грубым ругательством. Не успел он договорить его, как Миллъер упал, сраженный пулями.

Какой-то военный, по предположению Луи Ми, унтер-офицер, быстро взошел по ступенькам и в упор выстрелил из револьвера в лицо убитому.

У Гарсэна значится просто:

«Было приступлено к казни. Он крикнул: «Да здравствует человечество» и хотел еще что-то крикнуть, но упал мертвым».

Час или два спустя мой собрат и друг Дестрэм увидел на улице Нотр-Дам-де-Шан сидевшего на тумбе солдата, окруженного кольцом прохожих. Солдат, деревенский малый, рассказывал о казни Миллъера, в которой он только что принимал участие. Он рассказывал просто, равнодушно, без всякого отвращения к убийству, без озлобления против жертвы, изъясняясь на своем грубом мужицком наречии точно также, как если-бы он рассказывал о купле на ярмарке какой нибудь коровы.

В Мольеровском Дон-Жуане есть комический рассказ крестьянина Пьерро. Представьте же себе такого Пьерро, расписывающего сюжет подобной драмы и примешивающего свой жаргон ко всем ее ужасам. Солдат беспрестанно повторял: «он кричал: «Да здравствует человечество! Да здравствует человечество!» Повидимому, эти слова поразили его, как какая-нибудь кабалистическая формула.

В 1873 году, вдова Миллъера начала дело против капитана Гарсэна по поводу расстрела своего мужа. Гарсэн даже не дал себе труда взять поверенного. Он был прикрыт докладом префекта полиции Сены и Уазы и нижеследующим документом:

Военное Министерство.

Главный Штаб.

Кабинет Министра.

Версаль, 26 марта 1873 г.

«Капитан Гарсэн, состоявший при главном штабе 2-го корпуса во время вторичной осады Парижа, действовал, лишь исполняя приказания, данные ему начальством».

«А потому пред'явление к нему какого бы то ни было рода исков не может иметь места. Ответственность за все падает всецело на тех, кто отдавал ему приказания, в частности, в деле Миллъера он только выполнял данные ему инструкции.

Военный Министр Генерал *Сиссэ*».

Вдова Миллъера должна была еще радоваться, что дело ограничилось для нее одной потерей процесса.

Уже самый факт, что она осмелилась выражать протест по поводу убийства депутата, ее мужа, рассматривался, как циничный вызов с ее стороны.

Если верить газетному сообщению, помещенному в «Progrès de Lyon» того времени, Сиссэ, возмущенный этой дерзостью, настойчиво требовал ее ареста, и это требование военного министра не было приведено в исполнение лишь благодаря упорному сопротивлению со стороны Дюфора.

Всякое доброе дело вознаграждается.

В то время, как офицеры, отличившиеся своими блестящими действиями в период прусской войны, попадали в немилость и лишались отличий, заслуженных ими на поле сражения, в то время, как Данфер оставался полковником и все представления защитника Бельфора о дальнейшем производстве сражавшихся под его командой офицеров систематически отклонялись, Гарсэн получил необычно быстрое повышение. Миллер принес ему счастье.

II.

Казнь Тони-Муалена.

Я говорил выше, описывая процесс Уллиса Парана перед военным судом в Люксембурге, что в момент, когда судьи обсуждали его участь, совещание их было прервано.

Я передаю подлинный рассказ Паран:

«Внезапно всеобщее внимание было привлечено страшным шумом и криками, доносившимися снаружи; дверь с треском распахнулась и целый поток людей ворвался в зал. В самой середине толпы был человек, которого они тащили с собой и с торжествующими возгласами бросили трибунал. Когда этот бледный, истерзанный человек поднялся, я узнал доктора Тони-Муалена».

«С этого момента обо мне забыли, и начался новый допрос».

«Из показаний свидетелей и заявлений самого Тони-Муалена, я узнал, что его разыскивали уже с неделю; сперва он нашел приют у товарища, но последний, опасаясь ответственности, упросил его перейти в другое место. Отчаявшийся Тони-Муален возвратился ночью к себе на улицу Сены».

«Надо ли добавлять, что донос, по которому он был там захвачен, исходил от одного из его соседей, доктора медицины, его собрата»?

«Когда эти основные пункты были точно установлены, председатель снова приступил к допросу: «Известно-ли вам, какая участь ожидает тех, кто поднимает оружие против регулярных войск, особенно в том случае, когда они, подобно Вам, занимают командный пост»?

«— Я никогда не занимал никакой командной должности, возразил своим обычным медленным, спокойным тоном обвиняемый; я был всего на всего батальонным хирургом в своем квартале и мне слишком много приходилось возиться с моими хирургическими инструментами, прибавил он с грустной улыбкой, чтоб я мог еще думать об употреблении своей шпаги или ружья».

«Вот именно! Вы лечили тех, которые были на стороне Коммуны, и расстреливали наших солдат!»

«— Я одинаково лечил всех,—снова возразил Тони-Муален и никого не расстреливал».

«С 18-го марта вы заняли городскую ратушу VI округа и сделались самым ревностным приверженцем Коммуны».

«— После отставки Правительства я был назначен исполняющим должность начальника VI округа, эту должность я занимал всего лишь несколько дней; что же касается моих взглядов на Коммуну, — то они не соответствуют вашим предположениям».

«Тут Тони-Муален умолк. На него внезапно напала какая-то глубокая задумчивость; взгляд его стал рассеянным; казалось, он забыл даже, где он, забыл и о пред'явленном к нему обвинении; и я уловил, как он тихим голосом произнес, скорее говоря сам с собою, чем обращаясь к трибуналу, несколько отрывочных фраз, словно прерываемых судорожными спазмами»:

«— Да, Коммуна совершила много ошибок... Она сбилась с пути... Нужно было действовать иначе... Они не сумели разрешить задачу»...

«Он обхватил голову руками, точно желая удержать осаждающие ее беспорядочные мысли, и сейчас же вслед за тем гордо выпрямился, поднял руку и с просветленным лицом, торжественным тоном ясно и громко воскликнул»:

«— Я стою за всемирную республику и за всеобщее равенство людей.»

В зале раздался смех, тотчас же остановленный председателем.

«Эта сцена глубоко взволновала меня; я знал весьма мало Тони-Маулена, но неоднократно встречал его в публичных собраниях в 1868 году. Я знал о его увлечении идеями социальных реформ, но кое-что слышал и о его несколько парадоксальном складе ума, склонного к химере, о его крайней чувствительности, мягкости и приветливости. В нем чувствовалась чисто апостольская вера в идею».

Председатель продолжал:

« — Высказываемые вами принципы только подтверждают сведения, которые мы имеем о вас; впрочем уже одна известность вашего имени является для нас достаточно убедительной. Вы состоите одним из вождей социализма и являетесь крайне опасным элементом; от таких людей надо избавляться. Имеете-ли вы что-нибудь прибавить в свою защиту?»

«Обвиняемый удивленно поднял взгляд и отрицательно покачал головой».

Последовало краткое совещание; затем председатель встал и голосом, в котором слышалось волнение, торжественно сказал: «Господин Муален, вы присуждены к расстрелу, вам будет выдана копия приговора».

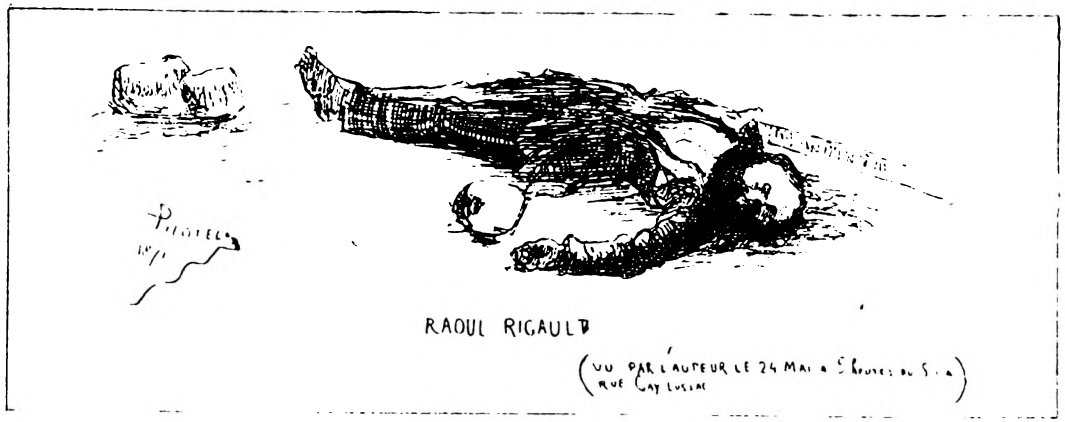
В этот момент я забыл о своем собственном положении и не отрывал глаз от этого приговоренного к смерти человека, сердце мое разрывалось от жалости и муки.

Лицо его передернулось и нервный тик, который я замечал и раньше, появился снова. Тем не менее, голос его звучал сдержанно, когда он заговорил:

«Милостивые государи, умирая, я оставляю подругу, женщину. Не разрешат-ли мне перед смертью узаконить наши отношения»?

В ТЮРЬМЕ ДЕ-ШАНТЬЕ В ВЕРСАЛЕ.
Место заключения женщин, заподозренных в участии в Коммуне.

РАУЛЬ РИГО,
убитый на улице Гей-Люссак.

РАССТРЕЛЯННЫЕ КОММУНАРЫ НА УЛИЦЕ УДИНО.

Он остановился и прибавил с легкою дрожью в голосе и с некоторым усилием скрыть свое волнение:

«Я очень просил бы об этом».

—«Если это возможно, сказал председатель, будьте уверены, что ваша просьба будет уважена. Теперь можете удалиться».

«Тони-Муален отошел и сел на отдельно стоявшую в углу залы скамью: скамью *изолированных*».

Минуту спустя председатель заметил Улисса Парана, которого нечаянно оставили на другом месте, и перевел его на ту же скамью, что было равносильно смертному приговору.

Тони-Муален молча обменялся с ним рукопожатием.

«И вы тоже»,—сказал доктор.

Затем оба замолчали.

Около полуночи заседание закончилось, и осужденных раз'единили.

Между тем вызвали жену Муалена и во время этого ужасного процесса заставили ее дожидаться в полуподвальном помещении. Тони Муалена привели туда: «Что решено?» В пять часов я буду расстрелян. И они провели всю ночь в тихой беседе, в этом ужасном помещении, под надзором стражи.

Они обменивались последними словами; они говорили о своем союзе, который хотели узаконить; и не знаю, какое горькое сомнение мучило душу этого человека, готового жизнь положить за свою веру; он боялся завещать той, которая была подругой его жизни, вместе со своим именем кровавый ужас своей смерти.

Тот самый человек, который ждал казни с высоко поднятою головой, тихо спрашивал: «Тебя не пугает мысль сделаться женой казненного»?

Затем госпожа Муален остановилась на мысли, что через несколько часов от ее мужа, с которым должен был связать ее закон, ничего не останется; даже останки его не будут принадлежать ей; пули превратят его в растерзанный, изборожденный, исковерканный труп, который исчезнет в общей могиле... И вот, этот труп был тем свадебным подарком, о котором она просила; она умоляла Тони-Муалэна добиться от своих палачей, чтобы они разрешили ей получить его тело, и чтобы это тело не было слишком ужасно изуродовано.

Так протекла для Тони-Муалена эта страшная свадебная ночь, время от времени нарушаемая трескотней расстрелов, и заря последнего для него дня осветила окна низкой комнаты. Сходили за жившим по близости, на улице Конде нотариусом, чтобы составить брачный контракт. Его приход прервал беседу супругов, охраняемых тюремной стражей. По совету нотариуса, этот печальный союз был оформлен в виде завещания вместо контракта. Акт был составлен в семь часов утра. Мэр, г-н Эриссон, прибыл в восемь часов и грустно приступил к совершению брака. И он, представитель власти и закона, должен был соединить руку женщины с рукой мужчины, которого доставили к нему убийцы и которого они сейчас же снова должны были взять в свои руки.

Супругов снова привели в залу, где они провели ночь. Затем, спустя минут десять вызвали госпожу Муален. Она вышла и беспрепилась со священником. Читателям известно, что руководители резни были ярыми приверженцами религии.

«Сударыня, сказал он, следует узаконить ваш союз и перед лицом бога»! И он пустился в разглагольствования о мистическом значении брака, о душе и матери и, поминая бога, разрешающего своему священно-служителю исполнять обязанности духовника при узаконенной резне. Не странно-ли, что у служителя евангелия, на этой бойне, находятся слова для жертв, но нет слов для палачей»?

Госпожа Муален сбещала передать мужу увещания священника. Но Муален не дослушал и первых ее слов: «Разве ты переменила убеждения»?

—А что, если мы ошибались!

«Мы не ошибаемся».

И Тони-Муален пошел сам с ответом: «Мы покажем вам, что и у нас, как и у католицизма, могут быть свои мученики», заявил он. Аббат попросил позволения, по крайней мере, сопровождать его на казнь. На это Тони-Муален охотно из'явил свое согласие, заявив, что если он отклоняет до конца поддержку священника, это не значит, что он отказывается от приятного общества любезного человека.

Предстояло еще отбыть допрос Гарсэна. Осужденные должны были пройти через руки этого офицера генерального штаба, которому было поручено вырвать у них для Мак-Магона сведения, касающиеся восстания.

Каждая из жертв перед казнью попадала словно «человеческий документ» к этому проницательному историку. Он стал расспрашивать Тони-Муалене о его взглядах на Коммуну; ему даже пришла блестящая мысль спросить у него имена иностранных вождей Интернационала. Для подобных ему господ Коммуна представлялась не чем иным, как каким-то мрачным сплетением романических и фельетонных приключений, руководимых извне людьми вроде «старшин Горы», и Гарсэн мечтал найти *нить* того романа, который сам сочинил.

Преследуемый допросом Тони-Муален коротко и упрямо возражал:

«Имена людей, о которых вы спрашиваете, мне неизвестны, а если бы они были мне известны, я бы их вам не сказал».

Наконец, появился взвод. Осужденный обнял свою жену и пошел к месту казни. Несчастная женщина не хотела уйти. Это было ужасно: Гарсэн всегда был окружен сворой доносчиков. Все эти Ф., Д., Ж. подлые и жестокие буржуа, следовавшие по пятам за Тони-Муаленом и предавшие его, были тут, около капитана генерального штаба. Приходилось терпеть их омерзитель-

ное присутствие. Госпожу Муален поддерживала лишь надежда увидеть и получить останки расстрелянного. Священник обещал ей, что они будут ей отданы, если только это представится возможным. Она заранее просила через Тони-Муалена выпустить последний заряд в сердце, чтобы не уродовать головы. Знаете где заставили ее ждать? В комнате, окна которой выходили в сад, как раз против места, где расстреливали ее мужа. Она должна была забиться в угол и повернуться спиной, чтоб не видеть происходящего. Кстати напомню, что женщина эта была в периоде беременности.

Осужденного подвели к подножию каменного льва, стоящего налево от нескольких ступенек, ведущих к главной Люксембургской аллее. Пьедестал был испещрен следами свежих пуль.

Минуту спустя к госпоже Муален подошел вернувшийся бледный, как полотно, священник: «Не просите теперь трупа... Вам отдадут его завтра...» Оказалось, что труп был намеренно изуродован пулями до неузнаваемости.

Надо-ли описывать, как несчастная женщина была отведена домой под конвоем, как у нее производили новые обыски; как на следующий день доносчик Ф. осмелился придти и сказать ей: «Вы ничего не потеряли, он был ужасен после расстрела», как издевались над ней в течение целых двух месяцев, отказывая ей в выдаче тела, гоняя ее из Версали в префектуру полиции, из префектуры на кладбище, заставляя ее нести расходы, посылая ее к Тьеру и префекту за разрешениями, которым никто не придавал никакого значения?.. Был дан официальный приказ ни в коем случае не отыскивать трупа.

Послушайте теперь, как передает все происходившее Гарсэн:

«Тони-Муален был арестован в девять часов вечера. Он выразил желание сделать некоторые распоряжения. Надо заметить, что почти все вожаки имели незаконные связи. Тони-Муален попросил разрешения легализировать свою связь; он хотел завещать свое имущество гражданской своей жене; в течение всей ночи ему было предоставлено приводить в порядок свои личные дела. Я узнал обо всем этом только на следующий день утром и пришел распросить его, как и остальных, в чем выразилось его участие в восстании и каковы его взгляды на Коммуну, которую он хотел основать. Он ответил: «Я решительно отвергаю все одиозные деяния Коммуны; я хотел основать такую республику, какая жила в моих мечтах; мне это не удалось, в этом мое несчастье».

«Я заметил: «Но как можете вы в общем одобрять все эти гнусные поступки, как допускаете вы эти пожары?» Он отвечал:—«Да ведь это война».

«А! Вы называете это войной — поджигать все кварталы, взрывать на воздух женщин, детей, которые не знали, где им укрыться.

«Это была война.—«Одни эти ваши слова снимают всякую ответственность с людей, присуждающих вас к смерти. Вы не заслуживаете никакого сострадания». Последние его слова были обращены к жене: «Ты должна научить моего ребенка ненавидеть тех, с которыми я боролся». Это было его последней волей.

«Госпожа Тони-Муален просила, чтобы при расстреле оставили нетронутой голову и чтобы ей отдали труп.

«Главнокомандующий не счел нужным дать ход этой просьбе. Он был погребен в общей яме и был отдан приказ не разыскивать его тела».

(Анкета по делу 18 марта, стр. 239, 240).

III.

Казнь Варлена.

Казнь члена Коммуны Варлена была одной из наиболее патетических.

Луи-Эжен Варлен был тридцати одного года от роду. Будучи рабочим-переплетчиком, он неустанно работал над собственным развитием. Вместе с Толеном и Малоном он был одним из основателей первого Интернационала, в который входили лишь вполне испытанные люди.

В период Коммуны он принадлежал к меньшинству, тщетно боровшемуся против разнузданности. Ему был поручен отдел финансов, которым он и заведывал вместе с Журдом, внося во все дела дух порядка и редкой честности, отмеченный даже такими историками, как Жюль Симон и Максим Дюкан.

Чтобы дать в одном месте сходные эпизоды, я помещаю здесь описание его казни, хотя она была приведена в исполнение в воскресенье 28-го, тогда, когда сражение уже прекратилось, и весь Париж был во власти войск. Передо мною несколько описаний смерти Варлена: во-первых, описания помещенные в газетах того времени; затем, описание, данное Максимом Дюканом, который, вопреки своему обыкновению, останавливается на этой расправе и пространно говорит о ней.

25 января 1878 года наконец состоялось постановление суда, констатировавшее смерть Варлена. Речь защитника Энгельгарта дает нам много весьма ценных подробностей и содержит подлинный документ: донесение лейтенанта Сикра полковнику об аресте и казни уполномоченного по финансовой части.

Варлен сидел за столиком в одном из кафе улицы Лафайэт; он не изменился в своем лице. Священник с орденом на груди, в гражданском костюме, выдал его проходившему мимо лейтенанту Сикру (67 линейного полка). Все это подтверждает и сам лейтенант.

«Варлен пытался спастись бегством, продолжает он, бросившись в улицу Кадэ. Схватив его за шиворот, я задержал его и

донацил до улицы Лафайэт, где вызвал несколько человек из воинской части».

Ему связали руки. Максим Дюкан отрицает этот факт: «Насколько мне известно, этого не было», пишет он. Нам же доподлинно известно, что на самом деле было именно так; в донесении лейтенанта Сикра официально сказано: «После того, как ему были крепко скручены за спину руки ремнем...» Бывший капрал, свидетель смерти Варлена, мне пишет: «Его вели до самого места казни с крепко связанными руками». Затем для несчастного началось это ужасное шествие, продолжавшееся под градом всевозможных оскорблений до самой улицы Роз». «Утверждали», говорит Дюкан, «что для того, чтобы измучить его сильнее, Варлена довели до самой вершины Монмартрских холмов. Однако, в этом отнюдь не следует усматривать намеренной жестокости, так как это был самый обыкновенный факт, вызванный подчинением воинской дисциплине». Читатели знают сами, насколько такое об'яснение мало правдоподобно и насколько такие меры, как расстрел, зависят главным образом от личного произвола, а не от санкции высших властей.

Пленника повели со связанными руками к генералу Лавокупэ, помещавшемуся тогда в 18 округе. По словам Максима Дюкана, издевательства начались только на Монмартре; заявление это мало правдоподобно и противоречит выдержкам из органа орлеанистов. «Le Tricolore», подтверждающего, что путь до Монмартра был тяжким для арестованного. Издевательства были так ужасны, что сам Дюкан говорит об этом шествии, как о «пытке» и называет оскорбителей из толпы «палачами».

«Солдатам, описывает он, стоило не мало труда защищать его... раздавались крики: смерть ему! более тысячи женщин в сопровождении нескольких мужчин напирали на солдат. Варлен, бледный, как полотно, но твердый духом сохранил наружное спокойствие.. какой то шалопай шапкой сбил с него шляпу».

Теперь посмотрим, как лейтенант Сикр передаст в своем донесении эту сцену, возмутившую даже автора «Конвульсии Парижа».

«В пути его узнавали все встречные и по прибытии в главный штаб ему ничего другого не оставалось, как назвать себя».

Генерал Лавокупэ тотчас же отдал приказ расстрелять его. Максим Дюкан употребляет весьма любопытные выражения, упоминая об этом приказе: Варлэн назвал себя. Дюкан по этому поводу говорит: «Признания, сделанные твердым, но *несколько вызывающим тоном*, повлекли за собой приказ о казни». Видимо, вся суть была именно в «вызывающем тоне».

Тут произошло нечто отвратительное,— я передаю рассказ газеты «Tricolore».

«Генерал серьезным, пониженным голосом сказал: «Тут, за этой стеной».

До нашего слуха долетели лишь эти четыре слова. Когда осужденный достиг означенного места, раздался чей-то, до сих пор неизвестно кому принадлежавший, но тотчас же поддержанный многими другими, крик: «Надо еще поводить его, еще слишком рано».

Чей - то отдельный голос прибавил: «Пусть местом расплаты будет улица Роз, где эти негодяи убили генералов Клемана Тома и Леконта».

Осужденного привели на улицу Роз, но расквартированный там главный штаб воспротивился казни в этом месте.

«Пришлось снова повернуть на дорогу, ведущую к Монмартрским холмам, в сопровождении ежеминутно возраставшей толпы»...

Толпа эта вопит: «Пусть еще помучается, ведите его снова на улицу Роз», и офицер, возглавляющий шествие, якобы подчиняется этому требованию.

В донесении Сикра эта подробность опущена. По его словам, генерал Лавокупэ сразу назначил место казни. Но Максим Дюкан, путая несколько местность, приводит рассказ очевидца, сообщившего свои наблюдения газете «Tricolore». Он подтверждает, что толпа кричала: «Пусть еще погуляет! Еще, Еще! Пусть обойдет холмы»!

Варлен был отведен затем к садовой стене, возле которой 18 марта были убиты генералы Леконт и Клеман Тома (донесение лейтенанта Сикра).

Присутствие духа не изменило ему ни на мгновение. Прапорщик, говорит Дюкан, имел глупость обратиться к нему с краткой речью».

Двое солдат, приблизившись, хотят выстрелить в упор,—ружья дают осечку. Двое других стреляют... и тут только кончается долгая агония Варлена.

«Он пал, рассказывает бывший капрал, о котором я упоминал выше, сраженный несколькими залпами, все время крича: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика»! В промежутке между вторым и третьим залпом, напрягая последние усилия, он поднялся, пытаясь еще раз крикнуть: «Да здравствует Коммуна»! Толпа рукоплескала.

По словам лейтенанта Сикра, на трупе было найдено 284 франка 15 сантимов, перочинный нож, серебряные часы и визитная карточка Тридона.

Я извлекаю следующий отрывок из речи Энгельгарда на процессе, о котором я уже говорил выше (в передаче газеты «Lanterne»).

«В донесении лейтенанта Сикра упоминается о найденных на трупе серебряных часах. Эти часы могли служить доказательством, что расстрелянный был именно Варленом, а не кем-либо иным, так как на внутренней стороне крышки имелась надпись. Часы эти были подарены Варлену товарищами в знак их признательности и, по свидетельству гравировщика, внутри были выгравированы следующие слова: «Эжену

Варлену на память от товарищей». Тот, кто нашел часы на трупе, конечно, не преминул открыть их и на следствии. Он может подтвердить эту надпись.

Имя человека, взявшего себе эти часы и по сию пору носящего их, мне известно.

Могу даже привести странную подробность. Несколько лет тому назад обладатель часов присутствовал на обеде, где зашла речь о расправах, произведенных в Париже в момент вступления туда версальских войск. Кто-то упомянул имя Варлена, утверждая, будто он бежал в Лондон. Лицо, которое я не хочу назвать, ответило:

«Варлен, несомненно, умер, я... присутствовал при казни. Часы, найденные на трупе, вполне устанавливают его личность».

И, вытащив часы из кармана, он поднял крышку и взорам ошеломленных собеседников представилась надпись: «Эжену Варлену признательные рабочие переплетчики».

Я не хочу называть это лицо, но если вы прикажете произвести следствие, то и это лицо и читавшие надпись будут вызваны.

Кто же это лицо, нашедшее на Варлене предметы, перечисленные в донесении лейтенанта Сикра?

В чьем кармане покоятся эти часы? Как бы то ни было, но Варлен уже не требует их обратно, так как спустя два года после расстрела, 30 ноября 1872 года, он был заочно приговорен к смерти.

IV.

НА МОНМАРТРЕ.

... Армия двинулась с рассветом. Пруссаки уступили ей нейтральную зону за укреплениями: она была занята дивизией Монтодона. Отряды Клэншана и Ламиро атаковали холм со всех сторон сразу. Небольшие, круто спускающиеся улицы в северной части, как, например, улица Мон-Сени, улица Пото, улица Де-Соль даже не были защищены баррикадами. Войска встретили там лишь нескольких стрелков, прятавшихся в углублениях стен. Около полудня, по словам Винуа, регулярные войска достигли вершины холма. Через четверть часа на нем развевался уже трехцветный флаг. Все державшиеся еще баррикады взяты были с фланга и с тыла.

Таким образом, войска овладели Монмартром, который защищался лишь беспорядочной толпой отчаявшихся бойцов, без всякой организации, без вождей.

Винуа пишет по этому поводу:

«В своем полнейшем неведении военных приемов, федераты не позаботились о прикрытии своих флангов».

Если вступавшим в Париж войскам было внушено, что они сразу же попадут в сумасшедший дом и в разбойничий притон, то можно судить об их настроении при виде этого Монмартра, который считался очагом восстания. Каждый проживавший там уже тем самым являлся в их глазах подозрительным. Им казалось, что все дома были заселены убийцами Клемана Тома и Леконта. Можно себе представить, что должно было произойти на холме.

Об этом я и хочу рассказать, но я колеблюсь уже в самом начале рассказа. Во время войны и, особенно, гражданской войны, возможны всякие ужасы. Начать с того, что бойня увлекает; наступает момент, когда она становится машинальной; в человеке как бы пробуждается первобытный зверь. Кроме того, при большом скоплении народа, каким является население или армия, выступают наружу все разновидности человеческой природы; дикие инстинкты, сдерживаемые в обыкновенное время, в период бедствий словно прорываются наружу и берут верх над всем остальным.

Поэтому-то все гражданские войны, как и войны вообще, изобилуют проявлениями подчас нелепой, подчас утонченной жестокости. Все эти факты, которые при позднейшей их передаче, приводят в замешательство здравый рассудок.

Когда резня делается дозволенной, можно ожидать всяких гнусностей. Как-то особенно больно касаться этих ужасных воспоминаний; и как ни бывает иной раз необходимо пролить свет на те или иные события, часто перо отказывается воспроизводить самые точные и самые положительные показания.

На Монмартре убивали повсюду.

Резня на улице Дэз-Абэс, на углу улицы Жермэн-Пилон. Везде столько трупов, сколько защитников баррикад.

Резня на улице Лепи, напротив улицы Толозэ. Двадцать трупов лежат в ряд на тротуаре вдоль дома № 48.

Резня на улице Де-ля-Мэри. Настигнутых здесь федератов закалывают штыками.

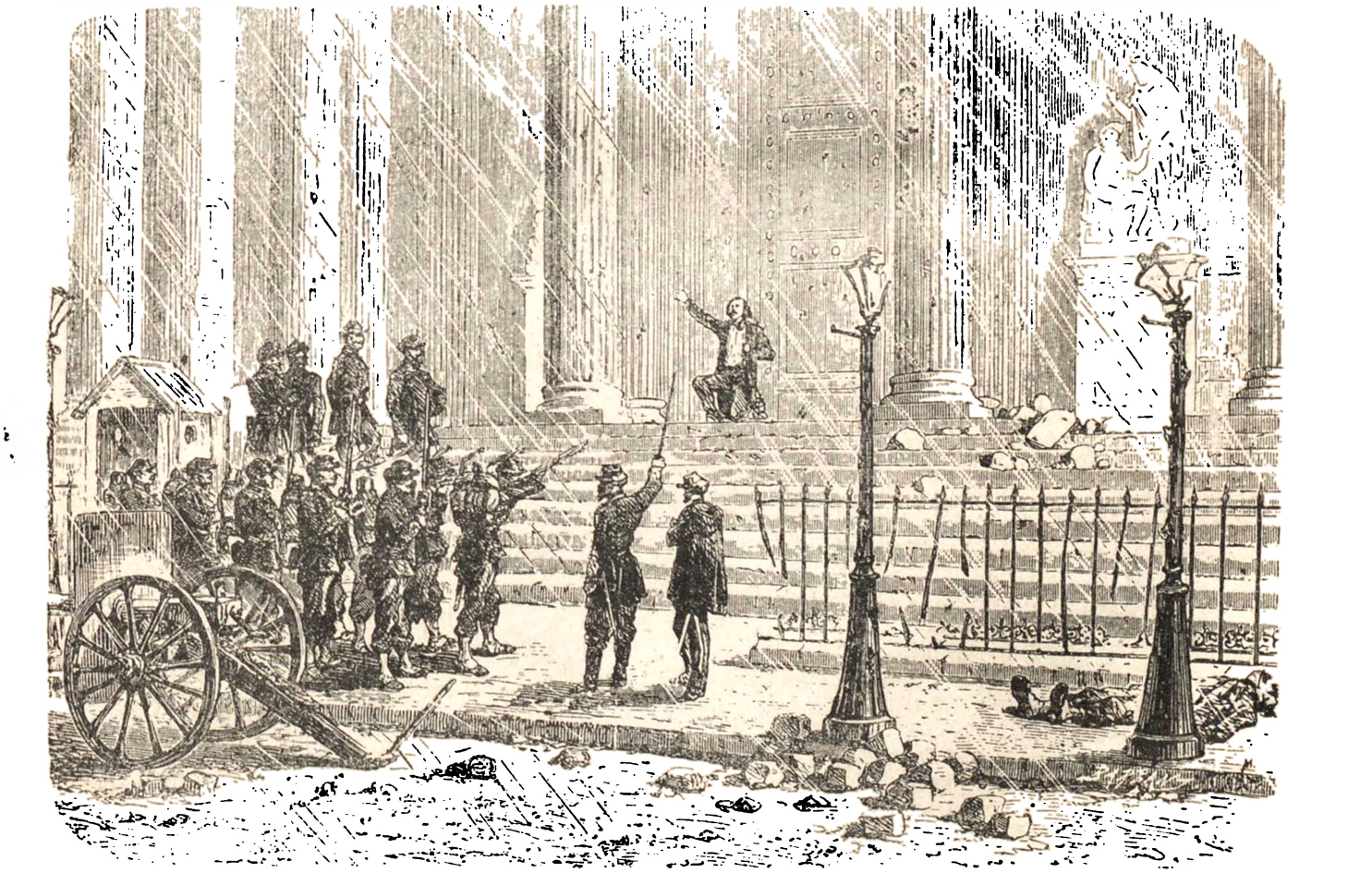
Та же картина на улице Дэ-Пуассонье.

Та же картина на Мулен-де-ля-Галэт. Настигнутая здесь национальная гвардия окружена, обезоружена. Некоторых казнят тут же на месте; других отводят на вершину холма, к северному склону, на место стоянки батареи которая во время осады обстреливала прусские батареи Стэнса, и там расстреливают.

Такая же резня в Шато-Руж. Трупы переносили во двор, помещавшийся рядом со школой, где был устроен морг. Один из сви-

РАССТРЕЛ НА МЕСТЕ КОММУНАРОВ НА УЛИЦЕ СЭН-ЖЕРМЕН-Л'ОКСЕРРУА, 25 МАЯ.

КАЗНЬ МИЛЛЬЕРА У ПАНТЕОНА, 26 МАЯ.

Приговоренный к смерти не потерял самообладания—он умер, воскликнув: «Да здравствует республика!... Да здравствует народ!... Да здравствует человечество!»

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ СМЕШНО.
ТЬЕР.
Шарж Андрэ Жиля.

ПОСЛЕ БОЙНИ ВО ДВОРЕ КАЗАРМЫ ЛОБО 25 МАЯ.

детелей за одно утро насчитал пятьдесят семь трупов.

«Я никогда не забуду, — пишет он мне, — трупа старика, у которого грудь была изборождена пулями. С ними была собака, не покинувшая его и следовавшая за ним с раздирающим душу воем. В течение двух дней эта тяжелая картина стояла перед нашими глазами».

«Захваченные федераты расстреливались у одной из школьных стен. Следы пуль сохранились там до сих пор».

Резня в небольшом и загороженном месте по улице Де Каррьер. На этой же улице было схвачено тринадцать человек из защищавших баррикаду, из которых двое были ранены. Их отвели за ограду и расстреляли всех.

Спустя час офицер пришел обследовать место бойни. Он долго присматривался к одному из тел, несколько раз дотрагиваясь до него тросточкой, затем вышел с жестом, который, казалось, означал: «Этот еще жив». Толпа ринулась за ограду тотчас же по его уходе; и сердобольные души вынесли еще подававшего признаки жизни федерата.

В толпе находилась старуха с собакой. Вдруг собака бросилась к трупу, лицо которого было залито кровью. Бедное животное то жалобно выло, то осторожно лизало лицо расстреляного... Женщина подошла и упала, потеряв сознание... Она узнала труп своего мужа.

В эти дни майской недели собаки проявляли чисто человеческие чувства.

Обитатели Монмартра жили буквально среди трупов. Я не знаю более хватающего за душу описания их участи, чем то, которое дает газета «Ле Суар» (№ от 31 мая).

28-го перед кафэ Гран-Дельта опорожняли ужасную, вырытую посреди площади, яму, о которой речь будет еще впереди.

Наполовину разложившиеся трупы складывались в крытые фургоны. Все присутствовавшие были об'яты ужасом.

Я предоставляю дальше слово газете «Ле Суар»:

«Одна молодая девушка, присутствовавшая при этом зрелище, заявила мне: «То, что я видела около башни, где я живу, было еще ужаснее. Там, в одну яму, свалили сто пятьдесят национальных гвардейцев; там стоит смрад, в воздухе тучи мух. Отец мой в воскресенье скончался; мы продержали тело его дома в течение трех дней и, наконец, втроем: сестра, брат и я, отнесли его на кладбище, завернув в простыню».

Подобные сцены притупляют всякую чувствительность, порождая непреодолимую жажду убийства. Убивают человека ни за что, ни про что. Я знаю примеры, о которых страшно говорить. Бывают моменты, когда убийство совершается почти механически.

Я собрал множество описаний отдельных казней. Привожу из сотни те, которые попались мне под руку:

Один певец из кафэ-шантана, проживавший по улице Вьевиль, был расстрелян только за то, что у него было обнаружено военное платье, которое он одевал, выступая на сцене (подобный несчастный случай был ошибочно приурочен к одному актеру из Шателэ).

Каретник, по имени Юнгер, проживавший на углу улиц Рикэ и д'Обервиль, лежал в постели больной: по чьему-то нелепому доносу его схватили и расстреляли.

Торговец красками Танги был арестован потому, что его черные руки вызвали подозрение, не следы-ли это пороха; его били шашками, и он уцелел только благодаря заботам нескольких арестованных вместе с ним федератов, отнесших его в Версаль.

На улице Клиньянкур стреляли по безоружному старику, шедшему в булочную г-жи Л. за хлебом. Г-жа Л. подобрала его труп.

По улице Клиньянкур, в д. № 8, проживали два брата Кабурэ, торговавшие внутренностями. В момент появления войск они, без пиджаков и в фартуках, занимались в подвале своим делом. Старший из братьев поднялся вверх посмотреть сквозь замочную скважину, что происходит на улице. Он видит войска, открывает дверь, зовет брата. На последнем были форменные брюки национального гвардейца. За эти штаны его арестовывают. Старший брат пробует протестовать: „Это мой брат... мы не дрались.. мы работали". Их уводят обоих к яме у баррикады в конце Клиньянкурского шоссе. Держа друг друга в об'ятиях, они так и умерли. Два дня спустя их трупы были извлечены в том-же положении.

Жена старшего из братьев сошла с ума и вскоре умерла.

О смерти братьев Кабурэ имеются еще другие подробности. Тела их были брошены в фундамент строившегося дома на улице Рошешуар. Там среди многочисленных трупов находились и раненые в предсмертной агонии. Швейцар дома № 90, по улице Рошешуар, принес им воды; его схватили и прикончили тут же у стены.

Одна больничная сиделка, застигнутая у себя дома, была приговорена к расстрелу.

Рассказ одного из пленников, С... рисует яркую картину Монмартра в момент появления войск; у него была лавка в квартале. Передо мной лежит его собственное описание своих злоключений. Я привожу его рассказ в последовательном порядке.

Во время сражения он не выходил из дому. Под вечер сержант в сопровождении солдат стучится к нему в лавку, угрожая взломать дверь. С. открывает ставни. Взбешенные солдаты врываются в его помещение. Сержант заявляет, что он только что нашел его имя в списках штаба 18 легиона. При вступлении войск каждый квартал прибегал к подобным уловкам, чтобы задерживать подозрительных лиц. За имя или адрес, найденные в списках, расплачивались жизнью. С. после 4 сентября состоял в комитете

вооружения. В этом заключалось все его преступление.

Сержант начал шарить среди бумаг, солдаты обходили комнаты, весь дом, подвалы. Появился лейтенант, приступивший к обыску вместе с сержантом; кроме торговых документов, ничего не было найдено; но одному из солдат попалась форменная блуза национального гвардейца; С. был арестован. Смилостивившийся лейтенант отдал приказ, чтобы с пленником хорошо обращались, и С. увели после слезных прощаний с семьей.

Вместе с ним повели и кое-кого из арестованных соседей, а именно кондитера, торговавшего неподалеку, вытащенного из подвала, где он спрятался. С первых-же шагов по улице Рамэ, он увидел труп, лежавший на спине и страшно изуродованный; как говорили, это был коммунар, только что расстрелянный солдатами. Издевательства начались на улице Фонтенель.

Пленников избивали кулаками до крови. Благодаря предупреждению лейтенанта капрал оградил С. от побоев.

Остановились на улице Розвер, № 6, роковой по связанным с ней воспоминаниям. Вошли в небольшой садик с затоптанной, окровавленной зеленью, в котором генералы Леконт и Тома были так трагически убиты и в котором смерть их была не менее трагически отмщена. Там находилось около двадцати мущин, несколько женщин с повязками сестер милосердия, семидесятилетний старик, подпоясанный передником. Старик был вне себя от ужаса. Он останавливал каждого солдата: «Правда-ли, что нас расстреляют?» Солдаты отвечали: „Придет и ваш черед: мы уже расстреляли человек двадцать". Появился командир, приказавший офицеру направить пленников к 43 бастиону. Их выстроили по пяти человек в ряд, велели взять друг друга за руки, вывели через ворота, ведущие на улицу Де-ля Бон; шествие спустилось по улице Мон-Сени, повернуло в улицу Маркадэ. Уже совсем смеркалось, когда они достигли бастиона.

Там были жандармы, мобилизованные городовые, отряд 45 линейного полка. Сперва отобрали у всех ножи и всякие железные инструменты; не выполнившему приказания в случае нахождения у него при обыске подобного предмета, угрожал расстрел. Был отдан приказ всем лечь на землю. Поднявшемуся опять-таки угрожал расстрел. Арестованных подсчитали; их было всего восемьдесят человек мужчин и около десяти женщин. Затем их опять повели и поместили на куче отбросов и навоза за казармой пожарных. Прибывали все новые партии арестованных. Места не хватало, теснились один на другом.

Ночь была светлая. Скоро занялся день. Утром прибыло несколько жандармских бригадиров. Один из бригадиров спросил, нет ли среди арестованных некоего Левэка, каменщика, члена Центрального Комитета. Левэк поднялся. С грубым окриком ему указали на холм земли внизу у бастиона и пояснили, что накануне там был зарыт расстрелянный артиллерист Коммуны, и что его самого скоро отправят туда-же. Солдаты, в самом деле, рыли рядом вторую яму.

Прибыл полковник, плотный, коренастый мужчина, с седыми волосами и бородой; его сопровождали офицеры. Держа в руке тросточку, он стал производить смотр несчастным, насмешливо тыча ею в каждого. «Что же, вам так-таки и не удалось уничтожить всех этих молодчиков», спрашивал он, указывая на агентов. Затем, обращаясь к одному из арестованных: „Вот так борода. Настоящая борода коммунара". Дойдя до Левэка и ударив его тросточкой, он спросил: „Сколько тебе лет?"—Тридцать четыре года.—Чем занимаешься? — Каменщик. — „Каменщик, а захотел управлять Францией". Он вытащил газету: „Послушайте-ка, что говорят эти господа". И он прочел последнее воззвание Центрального Комитета, уверявшего, что „братья из армии" войдут в Париж с поднятыми вверх прикладами ружей. Он посмотрел вниз на подписи. „Твоей подписи нет?.." Левэк ответил: „Не всякий раз подписывались".—„Так вот. Пускай-же эти твои братья из армии тебя расстреляют".

Ужасное впечатление производило то, что в этом трепещущем, загнанном стаде людей, из которых каждый опасался участи Левэка, некоторые старались подавить свой ужас и подло поддакивали полковнику, смеясь деланным смехом, в котором звучал животный страх.

Спустя несколько времени несколько офицеров 88 пехотного полка пришли к арестованным за солдатами своего полка, перешедшими 18 марта на сторону Коммуны. Некоторые были опознаны, их вывели из рядов и заставили лечь на склоне бастиона. Затем среди солдат произошло какое-то суетливое движение: Левэк был забран и отведен в траншею; солдаты теснились у бруствера, чтобы видеть казнь; раздался залп взвода, затем последний выстрел из револьвера в ухо, приканчивавший раненого.

Тело было зарыто в яму; кроме нее, было вырыто еще несколько ям для других жертв.

Арестованные все прибывали; среди вновь прибывших С. узнал Луизу Мишель. Из рядов вывели раненых и поставили их вместе с дезертирами 88 полка.

Положение было ужасное. Там, где накануне было восемьдесят человек, набралось теперь до пятисот; все они сбились в одну кучу, кто на корточках, кто сидя, не изменяя положения в течение долгих часов, испытывая нестерпимые физические муки, с непокрытой головой под палящим солнцем, голодные (им выдали всего по куску хлеба), с пересохшим от жажды горлом. Некоторые доходили до такого состояния, что теряли рассудок. Одна пара, муж и жена, не будучи в состоянии долее выдержать, попробовали было подняться. Но ударами прикладов их заставили снова сесть и грозили расстре-

лять. Так прошел день. Подошла ночь. Солдаты зарядили ружья и поднялись на бастион для наблюдения за арестованными, направив на них дуло пушки. Был отдан приказ стрелять при первой попытке к побегу. Вид пожарищ приводил стражу в бешенство. Снова наступил день; арестованные едва держались на ногах от усталости и отупления; лежащие в пыли, среди нечистот, под палящими солнечными лучами, пленники дошли до состояния, близкого к помешательству. Один несчастный ежеминутно вставал, пользуясь всевозможными предлогами, чтобы сделать несколько шагов. Выведенный из терпения сержант бросился на него, сбил его с ног и, связав ему, с помощью других, руки и ноги, уложил с краю.

Раздался лошадиный топот. Под'ехал окруженный офицерами генерал. «Я—Галлифэ», сказал он. Мы еще не раз встретимся с этим генералом; судя по рассказам, у него была своего рода привычка об'являть бунтовщикам прежде всего свое имя. Не трудно догадаться, какие угрозы и речи последовали дальше. «В чем провинился этот человек?»—вдруг спросил он, указывая на только что связанного пленника. И, выслушав данное ему об'яснение, коротко приказал: «Расстрелять его на бастионе». Приказ был тотчас-же исполнен. «Есть-ли здесь между вами дезертиры, особенно из стрелков?» Ему указали на молодого человека. Он вызвал его из рядов. Несчастный пытался сопротивляться, об'яснять... его поволокли, чтобы казнить... Он продолжал говорить, молить о пощаде даже еще в тот момент, когда залп взвода свалил его с ног.

Наконец, генерал удалился. И вечером, после 48 часового пребывания на бастионе, пленников повели по направлению к Мюэт.

V.

Бойни.

Городские ратуши Парижа являлись естественными центрами организации репрессий. По мере того, как они переходили во власть войск, случайные лица тотчас-же захватывали в них власть в свои руки. Я уже приводил несколько подобных примеров. Я рассказывал, как в VIII округе офицеры национальной гвардии версальцев выгнали молодого человека, снабженного полномочиями от Бартелэми Сент-Илэра; в V округе появился офицер генерального штаба, друг Вильмессана; в Монмартре—это был полковник Перье, вместе с гражданским делегатом, бывшим биржевым зайцем, настолько же жестоким и свирепым, насколько полковник был умеренным.

Понятно, всех арестованных приводили в ратуши, и, куда их ни приводили, везде происходили казни. Газета «Патри» от 28 мая, приводя выдержку из «Ле Сьекль» говорит:

«В некоторых ратушах, где появились прежние мэры, были учреждены военные суды, функционировавшие непрерывно».

И газета описывает ратушу, где в зале мирового суда заседают трое офицеров в гражданском платье, окруженные национальной гвардией и производящие допрос всем подозрительным лицам, арестованным в округе с момента прекращения борьбы.

По всей вероятности, ни в одной из ратуш не было произведено столько убийств, как в ратуше Пантеона. По словам одного очевидца, она была «перегружена трупами».

Другой очевидец сообщает мне о следующем факте: «Офицер входит во двор в сопровождении Б., кавалера ордена Почетного Легиона. Легко раненый старик, проведший ночь среди убитых и сошедший с ума, улыбаясь, шарил рукой в пустой табакерке. «Этого по истине пощадил сам бог»—заметил Б. Не говоря ни слова, офицер подходит к старику и выпускает заряд ему в голову». Но, помимо ратуш, были и иные центры казней. Во-первых, на левом берегу, в тюрьме Шерш-Миди. «Ежедневно, особенно по утрам,— питут мне, — расстреливали несчастных, иногда и женщин. Так, например, погибла одна молодая восемнадцатилетняя девушка, служившая в одном из магазинов на улице Тронтэ и обвиненная в том, что она, якобы с намерением отравить солдат, давала им пить. Расстрелы производились в северной части наружного двора тюрьмы. Крытый фургон увозил трупы на кладбище Монпарнас. Он следовал по улице Регар и улице Рен. И на всем пути его следования виднелись следы крови»...

Казни продолжались и в течение июня. «Начиная с 10 июня, пишет мне доктор Робинэ, по требованию жителей, перестали расстреливать днем и во дворах, а производили расстрелы исключительно ночью и в подвалах». Я сам долгое время слышал по ночам зловещий гул выстрелов.

Пленников V округа приводили на расстрел также и в Политехникум.

Если вообще существовал квартал, в котором, казалось бы, должны были отсутствовать расстрелы, то это был именно XVI округ. Он был в безусловной оппозиции по отношению к Коммуне, был занят первым и, к удивлению, почти без боя. Тем не менее, и в этом округе имела место своя бойня. Комендантское управление, рассказывал мне один почтенный коммерсант этого квартала, помещалось на улице Франклин, № 22. Туда беспрерывно приводили несчастных арестованных по доносу. Способ, которым производились расстрелы, был ужасен. Взвода не оказывалось под рукой в нужный момент. Вся процедура расстрела возлагалась целиком на старого сержанта. Приставлять жертвы к стенке было невозможно, т. к. при каждом промахе пришлось бы гоняться за ними. Он привязывал арестованного ремнем к дереву, растущему во дворе, и стрелял в него до тех пор, пока несчастный не умирал. Трупы относились на кладбище Пасси.

Казнили также на Монмартре в двух различных местах: около улицы Розвер и около Шато-Руж; мне приходилось уже говорить о них.

В госпитале Ларибуазьер: Один из студентов, работавший в госпитале, в настоящее время аптекарь в Париже, был ежедневно свидетелем казней, происходивших под окнами госпиталя на пустырях бульвара Маджента, которые с тех пор застроились.

На Северном вокзале: Я уже говорил об отвратительной свалочной яме, устроенной напротив кафэ Дельта. Вот что говорит по этому поводу «Либертэ» от 5 июня: «Вчера вечером и сегодня утром продолжалось погребение трупов, сваленных в пустыре в верхней части улицы Рошешуар, против кафэ Дельта. Большей частью это—труппы инсургентов, расстрелянных на Северном вокзале».

В Городскую казарму (в настоящее время—полицейское управление) жертв приводили, как мне передают, связанными веревкой по двое и стреляли по ним из-за угла. Один несчастный уцелел после первого залпа, в то время как его товарищ был убит наповал и пытался бежать, обороняясь от пуль и таща за собою труп.

В казарме принца Евгения:—Один трактирщик из улицы Нотр-Дам-де-Назарет в продолжение всего периода существования Коммуны скрывался в своем погребе. Приход войск был для него праздником. Он решил ознаменовать этот день необычным угощением. Заходят двое друзей, он приглашает их. Вдруг входит капрал: «Лейтенант требует вас к себе.—Что ему надо от меня? «Мне это неизвестно». По всей вероятности, это был донос, основанный на каких—нибудь личных счетах. Трактирщик уходит, оба товарища следуют за ним. Жена говорит ему: «Я иду за тобой» и подымается на верх только чтобы переменить обувь. Затем торопится нагнать их. Ей кто-то говорит, что они отправились в казарму принца Евгения, она спешит туда и, по прибытии, находит три трупа».

В помещении австрийского посольства: Газета «Либертэ» сообщает, что в австрийском посольстве помещался военный суд. Правда, что эта же газета в нумере от 5 числа, считает нужным внести некоторую поправку, утверждая, что военные суды не присуждали к расстрелу.

«Мы имеем новые сведения, которые несколько видоизменяют данные нами в позавчерашнем номере подробности относительно деятельности военных судов и именно военного суда, помещающегося в здании австрийского посольства на улице Де-Гренэль-Сен-Жермен.

«Эти военные советы имеют задачей производить первую сортировку, чтобы не держать напрасно в заключении тех, которые после допроса будут признаны невиновными.

«По отношению к остальным не выносится никакого приговора, и, следовательно, о каких-либо казнях здесь не может быть и речи».

Эта поправка, относившаяся к военным судам, т. е. к Шателэ, к Люксембургу, к Коллэж-де-Франс, а также к австрийскому посольству, являет собой пример редкой смелости из всего того, что писалось в ту пору.

Расстреливали и в помещении Биржи. Газета «Франсэ» от 25 числа сообщает: «Наибольшее число казней инсургентов, захваченных с оружием в руках, происходило в здании Биржи. Сопротивлявшихся привязывали к решетке».

Расстреливали также и в муниципальной казарме, рядом с ратушей Банка. Когда Улис Паран, состоящий ныне членом городского совета, был арестован в первый раз, в четверг 25 (подробности эти я знаю от него лично), его отвели в ратушу Банка, где его допрашивал полковник Кевовильe. Задав несколько вопросов, последний сказал: «Ваше дело будет рассмотрено рядом», и отправил его в казарму. Войдя в помещение, Паран увидел в углу целую груду трупов. Среди них ему указали будто бы труп Лефрансэ. Только благодаря случайности сам Улис Паран не попал в эту ужасную кучу. По счастью, он встретил там майора национальной гвардии, который выручил его. Относящиеся к тому времени газеты говорят о значительном числе казней, имевших место в этой казарме.

Казни на Вандомской площади были еще многочисленнее. Туда присылали арестованных со всех концов Парижа и временно заключали их под стражу. Там помещалось комендантское управление.

Когда войска вошли в улицу Валуа, буквально все находившееся в доме, в котором помещалась редакция газеты «Раппель», были арестованы, включая и жильцов дома и типографщика Балиту. Г-н Балиту и один из моих бывших сотрудников рассказывали мне лично о своем путешествии в Версаль. Сперва их отвели на Вандомскую площадь. Площадь имела вид лагеря. Баррикады еще не были разрушены, но между ними были устроены проходы. Войдя туда, они увидели справа груду трупов, напоминающую сложенные на дровяных складах дрова». Офицер пояснил им, что их «дело тотчас же разберут». Однако старший офицер изменил приказание, и их отвели в погреб, где уже находились другие арестованные. До места их заключения доносились раскаты выстрелов.

Я уже приводил выдержку из газет «Таймс» от 29 мая, в которой говорится о пленницах, присужденных к казни на Вандомской площади. Во французских газетах того же времени часто упоминается об этих казнях: так, напр., «Турналь» от 28 мая сообщает:

«В четверг мы были свидетелями того, как вели в генеральный штаб на Вандомской площади тринадцать женщин, большей частью, молодых...

Несколько мгновений спустя раздались глухие раскаты выстрелов, свидетельствовавшие о том, что правосудие исполнено»...

Я только что перечислил некоторые места бойни. Нужно было бы добавить еще не мало других, чтобы сделать этот список полным. Я хотел только привести несколько примеров, дающих понятие о том, как было организовано это массовое избиение.

VI.

Шателэ.

В эту майскую неделю ничто не могло сравниться с теми ужасами, которые творились в военном суде в Шателэ. Их одних было бы достаточно, чтобы заклеймить вечным позором самое воспоминание о подавлении Коммуны.

Впоследствии история будет удивляться, что подобные ужасы могли происходить открыто среди бела дня в середине XIX века, в самом сердце Парижа, что они продолжались в течение нескольких дней установленным официально порядком и собирали на площадях толпы зрителей, в то время, как правительство ничего не предпринимало, чтобы прекратить эту совершавшуюся во имя его резню; что с французской трибуны не раздалось ни одного слова протеста, и что в последующие годы самое воспоминание о всех этих событиях, казалось, совершенно изгладилось из памяти.

О военном суде в Шателэ имеется весьма много документов. Так, наприм.: «Сьекль» и «Голуа» от 29 мая, «Ла Патри» и «Фигаро» от 30, «Ле Деба» от 31 описывают это жестокое судилище. Аббат Видье, викарий церкви Сен-Рош, напечатавший в 1876 г. «Историю Парижской Коммуны», дал, в качестве очевидца, самые точные подробности этой ужасной бойни. Наконец, процесс газеты «Лантерн», проливший свет на обстоятельства, сопровождавшие смерть Виллэна, вызвал в памяти всех воспоминание о военном суде в Шателэ.

Кроме того, у меня сохранились неизданные документы и сведения, позволяющие дополнить мрачную картину убийств, совершавшихся в Шателэ.

Здесь дело идет уже не о единичных казнях, как было в Люксембурге; жертвы посылаются на бойню целыми пачками.

Это подтверждается и газетой «Ле Деба» от 31 мая:

«Время от времени появлялась группа от пятнадцати до двадцати человек, состоящая из национальных гвардейцев, штатских, женщин, детей в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет, захваченных с оружием в руках и уличенных, по достоверному свидетельству очевидцев, в активном участии в мятеже. Это—люди, приговоренные к смертной казни».

Перейдем теперь к рассказу аббата Видье:

«Осужденные выходили из театра группами по 20—40 человек под конвоем солдат... По прибытии их к казарме, дверь раскрывалась и закрывалась за ними, поглощая их, словно пасть огромной печи; это сравнение постоянно повторялось везде, где только собиралась толпа. Затем раздавались залпы взвода, за которыми следовало несколько коротких, торопливых выстрелов: печь исполнила свое дело!...

Английский консервативный орган «Стандард» помещает депешу агентства Рейтера, замечая по поводу военных судов в Шателэ, на Марсовом поле и в парке Монсо:

«Инсургентов расстреливали пачками по пятидесяти и по сто человек зараз».

Наконец, один из свидетелей пишет мне, что он видел, как 28 мая, после двух часов дня шесть подобных кортежей проследовало из Шателэ в Версаль и столько же в казарму Лобо.

Группы от пятнадцати до двадцати осужденных, по свидетельству газеты «Ле Деба», от двадцати до сорока человек, по словам аббата Видье,—и это через небольшие промежутки времени. Сотни людей в Париже видели эти мрачные процессии осужденных и могут подтвердить, что в показаниях аббата Видье отнюдь нет никакого преувеличения.

Военный суд в Шателэ начал функционировать со среды и только во вторник приговоры прекратились. Заседания его происходили и днем и ночью. Можно ли подвести итог общему числу убитых? При самом умеренном подсчете их надо считать сотнями.

Как мне передавали, хвастались тем, что там было расстреляно от двух до трех тысяч человек. Эта цифра, стоявшая на дверях казармы, была указана одному свидетелю, который сообщает мне:

«Я слышал, как там сказали одному господину с орденом в петличке, что было всего расстреляно не менее трех тысяч». В Люксембурге имелись документы и списки; не знаю, существовали ли таковые в Шателэ. Конечно, впоследствии военные власти неизменно утверждали полнейшую невозможность установить имя какой-либо жертвы. Было ли это искренно, или же они просто хотели избежать огласки подробностей гибели жертв в Шателэ?

Это остается загадкой и по сегодняшний день.

С военным судом в Шателэ связано имя одного человека, а именно имя полковника национальной гвардии Вабра.

Вабр служил сперва в армии унтер-офицером; он рано вышел в отставку и стал торговать углем, на улице Анвер, на углу у моста.

Говорят, что дела его процветали, и что ему удалось скопить кое-что, когда подошло 4 сентября. При учреждении национальной гвардии, он был выбран командиром 34 батальона в Клиши. 31 октября он примчался к Городской Думе и сумел проявить такое ревностное отношение к делу, что был назначен комендантом Думы. Меня уверяли, что его рекомендовал генерал Дюкро; эта

рекомендация говорит за него. Так он попал в полковники.

Те, которые бывали в Городской Думе в конце осады, помнят полковника Вабра, горевшего во время прусской войны страстным желанием поразить пруссаков при первом удобном случае. Не даром же он получил орден в конце осады.

Когда накануне капитуляции мобилибретонцы разогнали толпу на площади ружейными залпами, он командовал ими. 18 марта он получил приказ отступить по направлению к Версалю, где и оставался в течение гражданской войны. Вернувшись с войсками в Париж, он приступил к самому ожесточенному реваншу.

Нам уже известно, и мы еще увидим дальше, во что он превратил военный суд в Шателэ, в котором председательствовал. Оказанные им доблестные услуги получили должное вознаграждение. Год спустя он был произведен в офицеры ордена Почетного Легиона. Это было необычайно быстрое повышение.

Следственная комиссия, под председательством Дарю, пожелала выслушать его свидетельские показания; само собою разумеется, не в целях освещения событий, имевших место в Шателэ. Об этом не было и речи.

Рассказывают, будто Вабра после всех этих прискорбных событий неотступно преследовали воспоминания о бойне и мучительные галлюцинации; что, вернувшись к себе на родину в Родэз, он вынужден был снова удалиться оттуда, вследствие оказанного ему приема; что, будучи уличен «Журналь-де-Тулуз» в совершенных им подвигах в Шателэ, он угрожал правительству, что примет меры защиты и представит приказ, данный ему, как главе суда, Тьером. Кажется, после этого он и получил орден Почетного Легиона.

С тех пор и пошло его материальное процветание.

Помощниками полковника Вабра были армейские офицеры. Как явствует из одного из последующих рассказов, в ночь с 28 на 29 обязанности председателя военного суда исполнял жандармский капитан С., сосланный тотчас-же после всех событий на Корсику. Повидимому, в этом суде, являвшемся прерогативой армии, была замешана полиция. Газета «Лантерн» во время различных инцидентов, связанных с ее процессом, несмотря на все опровержения, упорно настаивала на том, что там было два полицейских офицера.

Целый парижский квартал был преисполнен ужасом от убийств, творившихся в Шателэ.

Пленников приводили в самый театр и там судили.

Приговоренные отводились, со связанными руками, в казарму Лобо. Трупы фургонами доставлялись в сквэр Сен-Жак-ля Бушери.

Горы трупов, толпа, всюду скоплявшаяся, и осыпавшая жертвы бранью, процессии пленников со связанными руками, кровь, стекавшая ручьями в Сену, охваченные пламенем Лирический театр, здание Городской Думы, улица Риволи—вот что представляла собой гражданская война с первого же дня.

Надо нарисовать во всех подробностях картину бойни в Шателэ.

Фасад Шателэ, этого образца Османовской архитектуры, хорошо известен. Два глубоких портика вдаются в него, один на уровне улицы, куда выходят наружные двери, другой в первом этаже, образуя нечто в роде прохода в фойе, предназначенного для публики.

В среду в театре начался было пожар. Его удалось, однако, быстро потушить. Пламя, пожиравшее фасад дома Вебера и Моцарта, пощадило сцену, предназначавшуюся для военных драм и феерий.

В последние дни майской недели (от среды 24-го до понедельника 29-го) в Шателэ шло совсем иное представление, привлекавшее, тем не менее, много любопытных. На площади кишела и бушевала толпа. Городовые верхом (как во время больших представлений в Оперном и Французском театрах) грудью лошадей сдерживали напор масс и очищали широкий тротуар, окружающий театр. Вдоль этого тротуара стояли или расхаживали офицеры, солдаты, полицейские. Некоторые из офицеров сидели на стульях. Агент сыскной полиции, длинный человек с наружностью висельника, с ружьем в руках, с револьвером за поясом, с трехцветной лентой на кепи, охранял входную дверь.

Ежеминутно подводили арестованных. Это было беспрерывное движение взад и вперед, то целых процессий, то отдельных людей.

Состав этих групп несчастных арестованных, приводимых воинскими частями, был самый разношерстный. Аббат Видьё упоминает солдат национальной гвардии, рабочих, женщин из предместий, маркитанток, оборванных детей! Прибавьте сюда прохожих, задержанных на улице, людей, арестованных у себя дома, раненых и больных с перевязочного пункта, эвакуированного в помещение военного суда. Их приводили со всего Парижа, начиная с квартала Елисейских полей и кончая предместьем Сент-Антуан.

Чтобы добраться до входа, приходилось пробираться сквозь толпу. Какие при этом раздавались крики, ругань, угрозы—читатель может сам догадаться. Газета «Патри» от 30 мая описывает, в любопытных выражениях, прием, оказывавшийся арестованным: «Их внешность и походка возбуждают презрение и возмущение толпы, готовой ринуться на них. Конвоирам стоит иногда больших усилий удерживать некоторых из присутствующих, готовых наброситься на этих негодяев». Что вы скажете о «возмущении», возбуждаемом внешностью и походкой?

Арестованные и по входе в театр не были застрахованы от бешеных нападок толпы. Они ожидали очереди на крытой террасе в первом этаже и, таким образом, снова

оказывались на глазах толпы, находившейся на верхней галлерее.

Если они здесь и были в безопасности от внешнего насилия, то должны были выслушивать долетавшие до них выкрики, заранее обрекавшие их на все жестокости военного суда. Остававшаяся за дверьми свора продолжала лаять и после того, как дичь уже ускользала из ее рук.

Аббат Видьё так описывает эту сцену: «Видя арестованных, прохаживающихся по террасе, толпа, стоявшая на площади перед Шателэ, посылала им проклятия.

«Надо, впрочем, отметить, что все эти крики и проклятия нисколько не трогали инсургентов, продолжавших стоять с гордо поднятой головой. Таким хладнокровием особенно отличались бойцы и их вызывающие ответы вполне гармонировали с циничным выражением их лиц: «Мы проиграли две первых партии, в июне 1848 и в мае 1871, но наши правнуки выиграют третью».

Как бы мы ни доверяли Сен-Рокскому викарию, нам все же трудно поверить, чтобы арестованные могли с высоты балкона провозглашать свои принципы собравшейся внизу на площади толпе, и все, проходившие в это время мимо Шателэ, будут согласны с нами.

В газете «Патри» говорится, что на арестованных, находившихся на террасе, глазели, как на диких зверей в Зоологическом саду.

Трибунал заседал в обширном пустынном фойе, помещающемся за галлереей. Он выносил тот или иной приговор, в зависимости от криков извне.

Из всех мест казней, существовавших в то время в Париже, Шателэ был центральной бойней. Некоторые из этих мест намечались по выбору старшего офицера, другие — по распоряжению начальника отряда. Что касается Шателэ, то, повидимому, это место для бойни было выбрано самим правительством. Газеты того времени называют Вабра «старшим главой суда». По имеющимся сведениям, он явился туда облеченный полномочиями от самого Тьера. Этот странный трибунал признавался и гражданскими властями.

Так, например, Ансар направил туда человека, которого должны были... судить. В Шателэ постоянно находился полицейский караул.

Это подтверждается и процессом газеты «Лантерн» (допрос свидетелей).

Переаль, командир полицейской бригады, свидетельствует: «Меня послали в Шателэ с тридцатью пятью людьми».

И он указал и на свою роль. «Я видел, как казнили Виллена». Он, следовательно, отводил пленников после суда к месту казни, — о чем, впрочем, свидетельствует и другой его ответ: «по возвращении в Шателэ, я спросил у полковника Фавра или Барра, какие обвинения пред'явлены некоему Виллену» и т. д.

Аббат Видьё наивно уверяет, что все «приговоры военного суда произносились в полном сознании обстоятельств дела». В таком случае надо полагать, что судьи отличались необычайной проницательностью. Пленники приводились сотнями, на казнь их отправляли человек по двадцать зараз. Это показывает, насколько поспешно производилось следствие, как торопили суд, как всячески сокращали защиту и спешили вынести приговор. Никаких документов, никаких свидетелей; вместо прений несколько жалких слов, которые несчастному удавалось вымолвить между двумя грубыми вопросами. Трудно представить себе что-либо более странное, чем те пункты обвинения, которые пред'являлись подсудимым. Так, например, в суд была приведена женщина, все преступление которой заключалось в том, что она исполняла обязанности швейцара у Эдуарда Локруа. Она клялась, что ни в чем не виновата.

«Но, заявил ей суд, вы передавали Локруа его письма» *).

В виде исключения, это преступление не повлекло за собой смертной казни. За то, вот несколько примеров судебных приговоров, вынесенных вполне сознательно.

Виллэн помогал при тушении пожара в полицейской префектуре. Ансар приказывает двум пожарным отвести его в Шателэ. Чем руководствовался Ансар в данном случае? Не смутными ли слухами, обвинявшими Виллэна в соучастии с поджигателями? Что знали пожарные? Только то, что они получили от Ансара приказ арестовать Виллэна. Что знал суд? Лишь то, что могли передать ему пожарные... И, тем не менее, вечером того же дня Виллэн был казнен.

Приводят в Шателэ всех раненых с перевязочного пункта. В чем состоит их преступление? Они ранены. Является предположение, что они участвовали в сражении. Но многие из парижан, совершенно непричастные к военным действиям, пострадали случайно, рискнув выйти на улицу слишком рано. — Это неважно. Все раненые приговариваются к казни, в том числе и один находившийся на пункте больной.

Суд в Шателэ был особенно безжалостен по отношению к иностранцам.

«В списке лиц, осужденных в субботу, был значительный процент иностранцев», утверждает провинциальный консервативный орган от 1 июня, приводя слова парижской газеты.

И Гарсэн говорит в своем показании: «Расстреливали всех итальянцев, поляков, голландцев, немцев». Мне рассказывают об одном человеке, враждебно настроенном по отношению к Коммуне, арестованном у своего хозяина и в пятницу приговоренном к смертной казни; у него было иностранное имя Эйт. Упомяну, кстати, и о голландском книготорговце, арестованном вместе с женой на улице Риволи и казненном за то, что при нем было найдено сто пятьдесят тысяч франков.

*) Эд. Лекруа недавно опубликовал в газете «Рапель» этот факт, рассказанный мне еще в 1871 году.

Также был казнен после суда в Шателэ Анкастр, один из мелких квартирантов дома, в котором маркиз Форбэн-Жансон выдал и заставил арестовать всех своих соседей.

Казнен, после суда в Шателэ, В., шляпочник с улицы Сенп-Оноре, поставщик армии; он стал жертвою доноса, возникшего исключительно на почве личной вражды.

Часовщик Фин едва не подвергся той же участи. Один из его сотоварищей, соперничавший с ним, некто Г., доносил на него шесть раз; шесть раз его водили в Шателэ, где Г. заявил о его принадлежности к Коммуне. По счастью, Фину удалось получить от одного высшего военного чина, проживавшего в доме, удостоверение, освободившее его от преследования; впоследствии он привлек доносчика к суду, который и был приговорен к уплате 2.500 франков в виде возмещения убытков.

Так достаточно было личной мести, самых нелепых подозрений, ранения, какого нибудь экзотического имени или акцента, чтобы человек попал в Шателэ и был присужден к смерти из-за минутного смущения, волнения или просто по капризу судей, напутствуемый при этом диким воем озверевшей толпы.

В Шателэ, как и в Люксембурге, трибунал избегал называть смерть ее именем...

Один из самых свирепых родственников Мехмет-Али, его лейтенант, посланный египетским деспотом к верховьям Нила, придумал для своих приказов об убийстве замечательный аноним. Когда ему хотелось избавиться от человека, он говорил: «Отведите его к судебному следователю». Это была пушка, к жерлу которой привязывали несчастного—затем стреляли.

Вабр употреблял другое, не менее остроумное, выражение: он отправлял не к «судебному следователю», а «в бригаду». Газета «Насион Франсез» от 1 июня пишет:

«Когда председатель суда произносит слова: отведите его в бригаду, это обозначает бесповоротный конец для обвиняемого. Но последний обыкновенно не знает скрытого смысла этих слов и узнает о своей судьбе лишь по входе во двор казармы».

«Голуа» от 29 мая приводит другое сообщение:

По окончании суда председатель направляет арестованных или через правую или через левую дверь, в зависимости от степени их виновности.

Выходящие через правую дверь отправляются в Версаль в процессии арестованных, отводимых в Сатори.

Выходящих же через левую дверь тащат в казарму Лобо и немедленно расстреливают».

При выходе из Шателэ обращение к арестованным также менялось: солдаты называли их «путешественниками» в Лобо и «путешественниками» в Сатори, смотря по тому, присуждались ли они к смерти, или временно избавлялись от нее («Фигаро» от 30 мая).

Оставим пока «путешествующих в Сатори» (мы дойдем и до них) и последуем за «путешествующими в Лобо». Их связывают за кисти рук по двое (Аббат Видьё). Затем шествие направляется по набережным к месту бойни. «Они идут парами, под конвоем взвода пеших стрелков. Небольшие отряды открывают и замыкают шествие («Ле Деба» от 31 мая)». Излишне говорить, что толпа не скупится на бранные слова в то время, как они проходят мимо.

Один из очевидцев обращается ко мне с письмом, в котором в следующих выражениях описывает картину этих шествий арестованных.

«28 мая 1871 года, в два часа дня, я находился против Шателэ. При мне в течение двух часов из Шателэ отправилось шесть процессий в Версаль и столько же в казарму Лобо.

«Во всех этих процессиях было много молодых девушек и женщин.

«Толпа, стоявшая тут же, состояла из мужчин в синих рабочих блузах и женщин в платках на голове. Вся эта масса содрогалась от рева при виде пленников.

«Я видел, как четверо городовых вывели из здания военного судилища шестерых детей. Старшему было не более двенадцати лет, младшему около шести. Бедняжки плакали, проходя сквозь строй негодяев, вопивших подобно дикарям: «Казнить их! Не то из них впоследствии вырастут бунтовщики».

«Самый младший из детворы плелся босой в деревянных башмаках, в одной рубашке и штанишках и плакал горькими слезами.

«Я видел, как они вошли в казарму Лобо. Когда за ними закрылась дверь, у меня вырвалось невольно: «Это преступление убивать детей»! Я едва успел спастись бегством,—в противном случае, мне не избежать было бы Шателэ, подобно многим другим».

* * *

Когда процессии осужденных прибывали в казарму, железная дверь распахивалась, принимая их, и снова закрывалась.

Тотчас же начинались расстрелы. Я был бы рад усомниться в истине того, о чем я буду повествовать дальше, но я с разных сторон получал совпадающие показания: то, что происходило за стенами казармы, было уже не казнью, а охотой. Коллективные казни, столь частые в то время, в обыкновенных условиях представляли здесь много затруднений вследствие неровности местности и возможного рикошета пуль. Расставлять арестованных вдоль стены казалось излишней затеей. Как же быть? Их набиралось подчас до сорока сразу. И вот пленников выпускали во двор, и палачи стреляли по ним, как бы в лет. В то время, как несчастные рассыпались в беспорядке, выстрелы преследовали их повсюду, попадая туда, где было больше людей. Большая часть их падала;

но некоторым удавалось увернуться от пуль; раненые извивались на земле, силясь подняться, другие метались туда и сюда; новые выстрелы тут же укладывали их на месте.

У Сен-Рокского викария, аббата Видье не хватало мужества описывать подобные сцены; впрочем, он стоял за дверьми, но по намекам его можно догадаться о правде. Вот что он говорит:

«Дверь раскрывалась и захлопывалась за арестованными... затем слышались залпы взвода и беспорядочная стрельба: это падала целая партия осужденных». Эти залпы взвода и вслед за ними беспорядочная стрельба,— что это было, как не шум охоты, слышный извне?

Там же присутствовал... кто поверит этому? — духовник; да, там был священник, соглашавшийся принимать участие в этой бойне; священник, подготовлявший жертв к убиению отпущением им их грехов; налагавший печать евангельского освящения на эту гнусную бойню, причащавший этих своих братьев во Христе перед тем, как отправить их на смерть под пули; священник с крестом на груди, шлепавший с приподнятой рясой по кровавым лужам бойни!

Вспомните только, что в казарме Лобо расстрелы продолжались пять дней подряд.

Бойня привлекла массу любопытных. К сожалению, вход воспрещался; все происходило при закрытых дверях; толпа смотрела, как приводили арестованных, слышала, стоя на улице, шум выстрелов и видела, как выносили трупы. Но и это неполное зрелище привлекало массу народа. Меня уверяли, что были даже поставлены скамьи против входа в казарму с платными местами.

Один первоклассный писатель, артист в душе, вполне равнодушный ко всякой политике и, скорее, сочувствующий монархическим партиям в силу личных отношений и своего происхождения, оказался случайным свидетелем этой отвратительной сцены и описал ее одному из наших друзей с редким даром тонкой наблюдательности и глубоким пониманием тех характерных житейских подробностей, которым отличается его необыкновенный талант. Он видел, как входили арестованные; слышал раскаты пальбы, от которой дрожали и гудели металлические части дверей; затем через несколько секунд из канавки, ведущей со двора, словно из перемежающегося источника, выбегал поток свежей крови, разливаясь алыми струйками в уличном ручье. Наконец, дверь отворялась, и из нее выходил духовник с зонтиком в руке, с промокшими в крови подошвами башмаков.

Вероятно, кровавый поток, вливавшийся в воды Сены и не растворявшийся в них, стекал именно с этой бойни. «Вчера на Сене можно было видеть длинный кровяной след, несшийся вниз по течению и проходивший под второй аркой со стороны Тюльери. Эта полоса крови не прерывалась» — сообщает «Ля Птит Пресс», заимствуя эти сведения из «Ля Политик»» от 31 мая 1871 г.

Указание на вторую арку от Тюльери как раз соответствует местоположению казармы Лобо. К этому времени сражение уже прекратилось и ближайшим местом, откуда могла появиться эта кровь, была бойня около Городской Думы.

В дальнейшем, я расскажу историю одной из жертв, расстрелянных в казарме Лобо. История эта извлечена мной из весьма драматичных записок, переданных мне доктором Робинэ. В них говорится о том, как друг семьи расстрелянного дважды ходил в казарму, надеясь получить какие-нибудь сведения. Когда он явился во второй раз во вторник 30-го, заседание военного суда было прервано, вход в казарму был открыт настежь, и он увидел во дворе солдат с засученными панталонами, приводящих в порядок двор среди целого моря крови.

После каждой казни, как я уже говорил, трупы убирались со двора; их «временно хоронили, по словам аббата Видье, на откосах, ведущих к Сене, в скверах, везде понемногу». Наибольшее их количество отправлялось в сквер Сен-Жак-ля-Бушери. Театр Шателэ, казарма Лобо и сквер Сен-Жак являлись тремя этапами для обреченных. Сквер приобрел не меньшую славу, чем театр и казарма.

Там рыли широкие рвы, куда и сбрасывали в беспорядке тела. Солдаты инженерных частей, сообщает газета «Сьекль» от 20 мая, при помощи рабочих производили все эти мрачные работы. Зарытых там трупов насчитывается уже свыше тысячи.

Решетки были закрыты; перед входом прогуливались часовые. При приближении взорам представлялось ужасное зрелище.— Ко всем ужасам гражданской войны присоединялась еще весна; известно, какой роскошью и великолепием одевает она редкие экземпляры кустарников, экзотических цветов и растений, придающих такой кокетливый вид садам Парижа; вся эта свежая весенняя зелень была вытоптана, поломанные ветви во всей своей обновленной девственной красе свисали над ямами. Под густой растительностью, среди цветов и листвы, странно приподнятых клумб зловеще торчали из-под земли плохо засыпанные ноги, восковые руки в военных обшлагах, разлагающиеся лица с остановившимся мертвым взглядом. Ко всему этому весеннему обновлению природы примешивалось впечатление неизгладимого ужаса; удушливый запах гниения, от которого делалось дурно, заглушал аромат весны, и ночью, когда вокруг сквера понемногу затихал шум Парижа, слышно было, как из-под зеленых покровов земли раздавался ужасный шопот, слышались сдавленные стоны... Повозки разгружались с большой поспешностью, и случалось, что не один из погребенных еще дышал и хрипел в общей яме.

Быть может, думают, что я преувеличиваю. Прочитайте газеты того времени:

«Кто из видевших, хотя бы в течение нескольких минут, сквер или, вернее, свалочное

место у башни Сен-Жак, может забыть его? Там под тонким слоем земли погребали трупы, подобранные случайно, и затем, когда было время, их снова забирал фургон» (газета «*Тан*» от 28 мая).

«Башня Сен-Жак представляла собой ужасное зрелище. Решетки были закрыты, кругом расхаживали часовые! Обломанные, ободранные ветви свисали с деревьев, и весь газон и клумбы были изрыты большими ямами.

«Из глубины сырой земли, только что вскопанной заступом, торчали головы, руки, ноги; почти наравне с поверхностью земли вырисовывались очертания трупов в форме национальной гвардии. Это было нечто отвратительное... По всему саду распространялся тошнотворный запах, доходящий местами до зловония. Тут же стояли повозки в ожидании ужасной поклажи («*Монитер Универсель*» от 1 июня).

«В сквере у башни Сен-Жак трупы погребались, как и везде, с большой поспешностью, и по ночам часто высовывались руки из-под разрыхленной земли. Среди жителей распространялись страхи, ходили легенды о криках и стонах, заглушаемых дневным шумом, но ясно доносившихся ночью. Передавали жуткие подробности о заживо погребенных вместе с трупами, корчившихся в муках предсмертной агонии без всякой надежды на помощь» («*Фигаро*» от 8 июня, выдержка из «*Тан*»).

Даже консервативный орган «*Стандард*» пишет 8 июня:

«*Тан*»—газета вообще осторожная, отнюдь не склонная помещать сенсационные новости, приводит ужасающие подробности о заживо погребенных людях, которые не были окончательно добиты пулями.

«В том, что раненые часто заживо погребались вместе с трупами, я нисколько не сомневаюсь».

Та же газета (№ от 31 мая корреспонденция от 28 мая) пишет:

«Арестованные пачками отводятся в заранее намеченные для казни места. Одно из этих мест—Военная школа; другое—Наполеоновская казарма, расположенная за Городской Думой.

«Один из служащих сообщил мне некоторые сведения, которые кажутся мне преувеличенными. Он рассказал мне, что с последней ночи в Наполеоновской казарме казнено пятьсот человек, что весь двор залит кровью и загромождён трупами. Чтобы заставить арестованных идти без сопротивления, им говорят, что их ведут в Версаль. И, только дойдя до места казни и увидев кровь и трупы, они начинают понимать, что пришел конец. Среди них всегда находятся женщины и дети, плачущие и молящие о пощаде, но всех подталкивают вперед и немедленно убивают».

Максим Дюкан утверждает во II томе своих оправдательных документов, что в трех скверах, а именно: Батиньоль, Тампль и Сен-Жак погребено всего лишь шестьдесят два трупа.

Сведения эти получены им через полицию.

VII.

Сатори.

Перейдем теперь в лагерь Сатори.

Арестованных приводили туда тысячами, и, в конце концов, их негде было помещать; их собирали в кучу и загоняли, как скот. Добрая часть их попадала в длинные погреба с удушливым и отвратительным воздухом, но большинство отправлялось во двор Сатори, который остался навсегда памятным и где столько несчастных прошло через самые ужасные мучения, как физические, так и нравственные.

Представьте себе обширный двор, обнесенный стеной в три метра высотою и с постройками по одной из сторон. Там, не в здании, а в этом дворе, накоплялось до нескольких тысяч несчастных, приходивших с ногами в крови, с пересохшим горлом, с полупомутившимся рассудком, в изодранном в клочья платье. Спали они на голой земле, подкладывая под голову вонючую солому; вся пища их состояла из небольшого куска черного хлеба; пили воду, которой никогда не хватало, чтобы утолить жажду.

Вот что пишет Пессар в своем дневнике от 30 мая:

«Мы слышали, что депутаты, посетившие лагерь Сатори, нашли заключенных в ужасном состоянии. Несколько тысяч людей проводят дни и ночи под открытым небом, на ветру, под жгучим солнцем, под дождем, лежа на сырой грязной земле. Раздаваемая им пища состоит исключительно из хлеба, но и его никогда не бывает в достаточном количестве. Воды тоже не хватает».

Первый день солнце палило их во всю. Никакого навеса, никакой тени, где бы можно было укрыться. Большинство было без шляп, я уже об'яснял, почему. Физические и нравственные муки помутили их рассудок. Редактору „Таймс", посетившему их, рассказывали, что вожди Коммуны одурманивали их смесью водки с табаком. Это питье будто бы вызывало у них странное длительное опьянение, которого ни длинное путешествие из Парижа в Версаль, ни долгие часы заключения никак не могли рассеять. Читатель понимает, конечно, что все это было выдумкой. Большинство заключенных никогда не соприкасалось с Коммуной, и они были арестованы у себя дома; и не алкоголь, а жестокие пытки, глубокая душевная тоска помрачала их рассудок, доводя их до состояния какого-то полного отупения.

Пока погода была хороша, можно было еще терпеть эти муки. Днем жарились на солнце, не раз бывали случаи солнечного удара. Ночью дрожали от стужи, кутаясь в лохмотья. Но, начиная с четверга, погода изменилась, начались грозы, проливные дожди, от которых почва совершенно размякла. Тут начались пытки, которых не передать словами.

Представьте себе участь этих несчастных в насквозь промокших (за несколько дней) жалких тонких лохмотьях, лежащих ночью под проливным дождем в грязи, которая вместе с розданной им соломой быстро превратилась в сырой вонючий навоз. Они были сплошь покрыты грязью и иногда не могли за всю ночь сомкнуть глаз из-за дождя и пронизывающего холода, от которого их трясло, как в лихорадке.

Уже первый дождь принес с собой не мало мучений. Был отдан приказ лежать, не подымаясь. Невозможно было выдержать восемь часов подряд, валяясь в этой клоаке. Были такие, которые не выдерживали и вставали. Их предупреждали, что по ним будут стрелять, и, действительно, часовые стреляли всякий раз, как чья-нибудь фигура обрисовывалась в полумраке. Те, которым удавалось забыться на несколько минут, пробуждались от шума выстрелов. И там были женщины, дети; так, например, одна женщина была с пятью детьми, из которых младшего она еще кормила грудью. На следующий день, чтобы отогреться, устраивали, так называемое, «море». Один из заключенных, давший мне эти сведения, фабрикант, арестованный по ошибке, так описывает это упражнение.

«Двое становятся спиной друг к другу и начинают раскачиваться. Рядом становятся другие и так дальше, и все делают одно и то же движение, раскачиваясь взад и вперед. Таким образом составляются группы до ста человек. Над ними подымалось облако пара, как над кипящей водой».

Начиная с этой ночи в стене проделали знаменитые бойницы. У каждой из них был поставлен часовой с ружьем или с митральезой, или с пушкой, заряженной картечью, готовой стрелять в массу при первом движении. Версальские газеты и „Таймс" описали эти приготовления.

Одна подробность отвратительна. Я хотел бы иметь возможность усомниться в ней, но, к сожалению, это невозможно. У меня на этот счет имеются убедительные, вполне согласованные, неопровержимые доказательства. Эта подробность подтверждается показаниями самого разнородного происхождения. В виде отхожего места для арестованных был приспособлен закоулок тут же во дворе, против одной из бойниц, на куче земли; и если арестованный случайно подымался настолько, что голова его была видна часовому, стоявшему за отверстием в стене напротив, последний производил по нем выстрел, и товарищи убитого переносили труп.

К стене прилипали клочья мозгов.

В ночь с 27-го на 28-ое ужас достиг крайних пределов. В эту ночь разразилась настоящая буря; грохотал гром; дождь лил как из ведра на сгрудившееся стадо людей в намокших, прилипших к телу отрепьях, погруженных буквально в болото. Было отчего сойти с ума, и некоторые, действительно, потеряли рассудок. Оставаться дольше в этой грязи, в воде было невозможно; казалось, смятение в природе сообщилось и людям, их стадо зашевелилось, многие поднялись, вытягивая онемевшие члены, тщетно ища какого-нибудь крова, не зная, что предпринять... в этот момент из бойниц раздались раскаты выстрелов; пули летели, попадая куда придется в эту кишевшую массу обезумевших людей. Пальба, гром, ливень, хрипение раненых и умирающих всю ночь сливались в какую-то жуткую симфонию смерти, разрушения и ужаса; нашлись арестованные, которые, вдруг поднявшись, шли куда-то вперед на-авось, ослепленные дождем, переступали границы и падали сраженные выстрелами часовых... Бледный рассвет занялся над трупами.

Это было то, что потом называли мятеж в Сатори».

После Коммуны.

„Что вам хочется смотреть, дети, — говорит мать своим дочерям, — развалины или трупы?

— О, и то, и другое, маменька, и то и другое!

„Ну, так вот что мы сделаем: мы поедем сначала смотреть на мертвых... только уж позавтракать придется как попало.

— Ничего, маменька: мы возьмем с собой по кусочку хлеба!

„Хорошо. И если я не слишком устану, мы пойдем смотреть на пожары вместо десерта.

И девочки захлопали в ладоши".

Какой прелестный портрет буржуазии, нарисованный ею самою!

О, девочки! Эти трупы, на которые вы идете смотреть, хлопая в ладоши, это — трупы народа, того народа, труд которого создает вашу роскошь и которого перерезали за то, что он не захотел более терпеть, чтоб его собственным дочерям приходилось выбирать между голодом, самоубийством и проституцией.

Арну: „Мертвецы Коммуны".

Международный Совет Красных Профессиональных Союзов

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ МИРА.

После моего кратковременного пребывания в России, стране пролетарской коммуны, я убедился, что капиталу удалась в широкой степени изоляция рабочих Америки и России. Это становится ясным, когда ознакомишься с тем, что пишут в России по поводу Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.). Одни заявляют, что мы—анархисты; другие указывают на нашу недостаточную революционность; третьи считают нас плохими тактиками. Все это показывает недостаточное понимание дела.

Признаемся, в нашей среде не мало «анархистских элементов»; верно и то, что мы не являемся сторонниками вооруженного восстания и что многие из членов I. W. W., по характеру своей работы, например, дровосеки, с трудом пробивающиеся через огромные леса северо-западных штатов, индивидуалисты; к ним нужно причислить сельско-хозяйственных батраков, в большинстве своем бездомных, бессемейных, не пользующихся правом голоса, щеголяющих в нищенской одежде. Во многих случаях можно причислить к этой категории и рудокопов.

С 1905 по 1912 г. (в особенности в период 1908—1912 гг.) Союз I. W. W. занимался главным образом пропагандой идеи экономической организации, угрожающей господствующим классам смертельной опасностью. Экономические принципы Маркса, провозглашаемые на всех перекрестках, сильно повлияли на жизнь рабочих западных штатов.

Западная Федерация Шахтеров («Western Federation of Miners»), вышедшая из союза I. W. W. в 1908 году, после раскола с сторонниками политического действия, когда политическая часть программы была изъята,—оставила союз в хаотическом состоянии. Благодаря этому, в последний проникло много децентрализаторов анархического типа, которым платформа и уличный способ ведения пропаганды дали удобный случай для проведения в жизнь своего философского идеализма. Однако, несмотря на индивидуализм западных рабочих, такое состояние продолжалось недолго, ибо восточные рабочие показали себя способными привести в 1913 г. к благополучному концу кризис, вызванный людьми, которые, по всей вероятности, действовали непреднамеренно. На с'езде 1913 года шла борьба вокруг вопроса о децентрализации, закончившаяся полной победой сторонников централизма.

Это решение вдохновило союз на борьбу с анархистскими элементами, и большая часть их вскоре исчезла. В руководящих органах и на собраниях началась сильная агитация за создание революционного, более определенного по своим формам и стремлениям союза, и результатом этой кампании был прилив новых членов в сельско-хозяйственных округах западных штатов Америки. В 1914 году началось формирование ныне выдающегося Промышленного Союза Сельско-Хозяйственных Рабочих (Industrial Union of Agricultural Workers); небольшой союз лесных рабочих также продолжал свое существование все это время и оказался даже в состоянии вызвать и руководить довольно серьезной забастовкой (1912 г.) в западной части штата Вашингтон.

Промышленный Союз Сельско - Хозяйственных Рабочих быстро разрастался и имел возможность финансировать Союз Лесных Рабочих, образовав, таким образом, другой большой союз I. W. W. Затем был создан Промышленный Союз Рудокопов; Промышленный же Союз Рабочих Морского Транспорта и Промышленный Союз Текстильщиков стали действовать с новой энергией, которая впервые проявилась у них в период внезапных больших забастовок 1912 и 1913 гг., а затем пала. Все эти союзы и множество других меньших постоянно вовлекались в борьбу, как стачечную, так и в борьбу за свободу слова, за освобождение арестованных и т. д. Началась война, и мы твердо решили развить деятельность своего союза, несмотря на то, что заранее знали, что в борьбе потеряем лучших своих работников. Надо иметь в виду, что тот, кто борется в Америке с капитализмом, рискует своей жизнью, а в Соединенных Штатах одни лишь I. W. W. были готовы, как показывает спи-

сок погибших наших товарищей, на самопожертвование.

Война дала возможность предпринимателям, благодаря военным законам, всей своей организованной силой обрушиться на I. W. W. Они напали на нас с беспримерной в истории американского пролетариата яростью и злобой, и даже наши ближайшие друзья считали, что мы окажемся не в состоянии вынести удар. Признаемся, удар был силен, сократив число наших членов с 300.000 до 75.000; но I. W. W. не признали себя побежденными; мы считали, что «зерно отделилось от мякины», что лучшие, здоровые и надежные элементы остались с нами. Мы остались на своем революционном посту с большой частью наших лучших товарищей по каторгам и тюрьмам, и оставшиеся твердо запечатлели в своих сердцах идею великого освобождения пролетариата. После ареста руководителей союза, были выбраны новые, но в северо-западных штатах нам пришлось уйти в подполье. В целом ряде штатов (Вашингтон, Айдахо, Орегон, Калифорния, Кэнзас), где жестоко применяется закон «о преступных синдикалистах», мы и поныне находимся в положении подпольной организации; этот закон существует также и в других штатах, но применяется менее строго.

К концу войны тысячи наших сочленов сидели по тюрьмам; там, в этих американских Бастилиях находятся многие из них и поныне. Перемирие внесло новое оживление в I. W. W. Члены предполагали, что с окончанием войны преследования несколько сократятся, ибо нельзя будет ссылаться на военное время. С возвращением же солдат I. W. W. стал центром внимания, потому что мы повторяли: старую, но вечно новую истину о классовой борьбе,—ту истину, которую солдаты уразумели за долгие месяцы пребывания в траншеях. Это ужаснуло западных капиталистов, которые в своей прессе подняли крик о нашем влиянии на возвращающихся солдат. Наши помещения для собраний и для ведения текущей работы, незадолго перед тем открытые в виде опыта, вновь были закрыты полицией. Мы обжаловали действия власти, и суд постановил, что мы имеем полное право держать свои помещения и бюро; это дало нам повод считать себя победителями. Однако, мы ошиблись: в целом ряде мест буржуазия, при посредстве своих экономических организаций, торговых палат, произвела давление на начальников полиции, и нас вновь, вопреки распоряжению суда, прикрыли. В указанных штатах мы являемся в настоящее время подпольной организацией, что, однако, не побуждает нас признать себя побежденными.

Это приводит нас к вопросу о тактике и революционной пропаганде. Хотя мы, как сказано, нелегальные во многих штатах, все же, наш генеральный штаб открыт, при нем обширная типография, постоянно действующая и сильно облегчающая нашу работу в тех штатах, где мы находимся на нелегальном положении. Мы были бы плохими тактиками, если бы ввели в наши газеты и книги материал, позволяющий работодателям и государственной власти придраться к нам вновь и окончательно нас разбить. Высовывать голову над траншеей во время атаки, стать самоубийцами мы не хотим.

История I. W. W. говорит, что мы признаем диктатуру пролетариата, хотя официально нигде об этом и не заявляли. Мы не верим в пользу и целесообразность безконечных резолюций, за которыми нет активного действия. Мы считаем, что России следует помогать делом (например, отказом доковых рабочих погрузить военные снаряды для Польши), и смотрим на подобную помощь, как на величайший акт международной солидарности трудящихся. Мы твердо знаем, что хотим революции в Америке, но ни это знание, ни вынесение соответствующих резолюций ни на одну иоту ее не приблизят. Мы также знаем, что диктатура пролетариата есть абсолютная необходимость. Но в то же самое время понимаем, что сперва следует развить необходимые новые силы для создания революционной техники; мы хотим застраховать себя от разгрома совершением необходимаго дела в благоприятное для нас время.

Белогвардейцы в Соединенных Штатах прекрасно организованы. Клубы таких организаций, как Американский Легион, Американский Союз Защиты, Рыцари Колумба, представляют из себя настоящие арсеналы. Последняя из перечисленных организаций, католические Рыцари Колумба, вооружена лучше других и включает в себя Лигу Национальной Безопасности и Американскую Лигу Защиты. Затем имеется регулярная армия бандитов, содержащаяся трестами и корпорациями, которая уже проявляла себя на деле (например, в избиении в 1920 г. наших товарищей в городе Бюте, где 18 работников Союза были расстреляны, один смертельно ранен, а трое других остались калеками на всю жизнь; в том же городе та же армия бандитов повесила в августе 1917 года члена Исполкома I. W. W., тов. Ф. Литтла).

Эта белогвардейская армия, открыто заявляющая о себе лишь в исключительных случаях, готова воевать с I. W. W. Вот в чем смысл ее существования. Наиболее бесчеловечным является трагедия в Централии, где коммерческая палата составила заговор для нападения на наше помещение и убийства наших членов в этом небольшом городе, находящемся в полной власти лесных баронов. Была собрана тайная полиция для руководства парадом в годовщину перемирия (в 1919 г.). Члены Американского Легиона были вооружены с головы до ног, и во время парада комиссия, руководившая им, повела участников по направлению к помещению I. W. W. Индустриалисты, заранее предупрежденные о готовящемся нападении, собрали наиболее надежных товарищей, вооружились для само-

защиты и, когда хулиганы напали, наши товарищи открыли стрельбу по ним, уложив на месте четырех контр-революционеров.

Буржуазия и ее сторонники пришли в неистовство; началась дикая погоня за членами I. W. W., и тов. Веслей Эверетс (Wesley Everetts), находившийся в первых рядах самообороны, после безумной погони за ним по горам, во время которой он убил одного из преследователей, подвергся аресту. Его провели по всему городу «сквозь строй»: кололи штыками, били сучьями, выбили глаза и бросили в тюремный коридор, где его снова безжалостно избили и оскопили. К ночи же он был вывезен на мост и предан суду Линча. Он умер, держась вызывающе, и называл своих убийц «трусами, не имевшими мужества повесить его среди бела дня».

После этой дикой трагедии вся сила буржуазии и услужливого правительства вновь обрушилась на нас и нам вновь удалось отбить удар, не поколебав своих позиций. Все эти испытания были по временам тяжелы для некоторых из наших членов, но храбрые, воинственно и решительно настроенные товарищи собирались тайно и продолжали свое дело: вновь развивали пропаганду, доводя ее до прежних размеров, налаживали связи, создавали комитеты для защиты арестованных и т. д.

В таких условиях борьбы Исполнительный Комитет должен быть отменным тактиком. Он вынужден действовать весьма осторожно, обдумывая и соразмеряя каждый свой шаг. Однако, Исполком нынешнего состава высказался против всякого ослабления борьбы и выработал, в качестве руководства, для прессы (у нас выходит 18 или 19 газет и журналов) определенную платформу, и, таким образом, вся наша пресса, издаваемая на различных языках, действует, за одним или двумя исключениями, единодушно. Наша цель создать в высшей степени централизованную организацию, со строгой дисциплиной, которая так необходима для успешного ведения борьбы. Вот почему мы опровергаем обвинение в анархизме. В основу принципов I. W. W. положен марксизм. Областные Советы, Всеобщие Промышленные Областные Советы и Центральные Городские Советы дают союзу форму организации, столь необходимую для управления промышленностью, и эта форма находится в полном соответствии с организацией профсоюзов в России.

Мы организуем людей, не пользующихся правом голоса, чье участие в выборных кампаниях бесполезно. В Соединенных Штатах миллионы рабочих лишены этого права, и мы всего легче можем организовать этих революционных пролетариев, самую надежную опору в классовой борьбе. Мы сознаем, что нельзя вести и углублять нашу борьбу с помощью одного этого бродячего элемента. Таким составом организации об'ясняется подозрительное отношение его ко всему тому, что клонится в сторону парламентаризма; этот элемент не доверяет политикам. Однако, не его недоверие к политикам представляется опасным. Опасны понятия, внушаемые вследствие недоверия к политикам, а именно, что рабочее классовое движение аполитично, что экономические союзы являются в революционном движении всем и даже способны свергнуть капитализм, не прибегая к помощи отдельного и независимого от экономических союзов аппарата.

I. W. W. стремятся к созданию независимого Промышленного Интернационала. Мы считаем, что предстоящий в мае с'езд Красных Профессиональных Союзов не должен пытаться стать органической частью III Интернационала; нужно дать ему свободно развиваться только в области профессионального движения, развивать свою тактику в зависимости от условий в каждой отдельной стране и сливаться с коммунистической партией добровольно. В некоторых странах партия является подпольной, нелегальной организацией и, как таковая, проповедует тактику, стоящую в полном противоречии с деятельностью экономических организаций. Это происходит в Соединенных Штатах. I. W. W. не следовало бы отвергать пропаганды вооруженного восстания, так как уже и теперь ясно, как поступят правящие классы Америки во время кризиса.

С желтым амстердамским «интернационалом» следует бороться до конца. Шовинистические методы II Интернационала недопустимы в Красном Интернационале Профессиональных Союзов. Горьким опытом убедились мы, на что способны правящие классы в странах, рабочее движение которых возглавляется «вождями» в роде Гомперсов, Лонге, Легинов, Гендерсонов и др. Выносилось много резолюций, поддерживавших всеобщую забастовку на случай войны, но все они остались лишь резолюциями, никто серьезно не призадумался над созданием необходимого для проведения всеобщей забастовки аппарата. И II Интернационал, и Федерация Профессиональных Союзов не обращали на это должного внимания.

Союз Индустриальных Рабочих Мира в Северной Америке и Единый Большой Союз в Канаде являются организациями, которые могут стать частью Промышленного Интернационала Революционных Союзов. Интернациональный Промышленный Рабочий Союз (Workers Industrial Internationale Union), образовавшийся после раскола в I. W. W. в 1908 году, не представляет из себя силы, так как число членов его ничтожно. Союз об'единенных шахтеров Американской Федерации Труда быстро левеет, но левая часть еще недостаточно сильна для определенных действий. В этом союзе еще много реакционных вождей, действия которых не отличались достаточной смелостью во время недавней стачки, несмотря на обещанную со всех сторон поддержку.

Необходимо также разрешить вопрос о чернокожих рабочих Америки (неграх). I. W. W.

организуют их, исходя из того принципа, что все рабочие, без различия цвета кожи, расы и вероисповедания, должны принимать участие в движении. Наша программа и союз привлекают к себе чернокожих, но из-за отсутствия негров-организаторов, работа сильно хромает. В северных штатах нами раздаются прокламации и воззвания, но в южных эта работа ведется плохо. I. W. W., однако, серьезно задумываются над организацией черных рабочих, ибо они, как и бродячий элемент, не пользуются правом голоса и живут в самых невозможных условиях, в специальных городках и поселках для негров, владельцами коих являются плантаторы, лесные бароны, тресты и т. д.

В прошлом году, в Американской Федерации Труда, в особенности среди железнодорожников, было сильно развито движение в пользу отделения от А. Ф. Т. Железнодорожники вызвали забастовку, парализовав все центральные узлы железнодорожной сети и заставив правительство вынести решение, которое в течение девяти месяцев все откладывалось. Но сильные и влиятельные братства железнодорожников отказали сторонникам отделения в праве на участие в переговорах с правительством, оказав этим неоценимую услугу и правительству и железнодорожным магнатам, и разбив новый независимый союз железнодорожников. I. W. W. оказывали всяческое содействие, как этому движению, угрожавшему целости А. Ф. Т., так и ему подобным в металлической и строительной промышленности. Однако, никаких положительных результатов от этих благих стремлений в ближайшем будущем не предвидится.

Безработица увеличивается, и предприниматели пользуются ею для введения системы открытой мастерской, т. е. изгнания всех организованных в профсоюзы рабочих. Американская Федерация Труда потеряет многих из своих сочленов, так как им придется оставить ряды этой организации. I. W. W., наоборот, привлекут к себе новых сторонников, как и во время кризиса 1914 года, ибо наш союз ведет уже усиленную пропаганду среди безработных и подготовляется к борьбе против поползновений капитала на право союзов.

Но, все же, необходимо признать, что от настоящего кризиса и ведущейся в связи с ним агитации нельзя ожидать немедленных революционных действий. I. W. W. усиленно перебрасывают хорошо организованные и дисциплинированные группки товарищей на фабрики, шахты и заводы с тем, чтобы они во время кризиса действовали в качестве руководителей фабричных комитетов и организаторов. Мы должны, где это представляется возможным, спасти промышленность, ибо от нее зависит не только жизнь рабочих, но и исход революции. Мы наблюдаем, как буржуазия собирает силы для выступления против рабочих, и наша обязанность подготовиться к борьбе. Но в то же время главная работа наша должна состоять в агитации и организации пролетариата. Преждевременное выступление приведет движение в Америке к катастрофическим для революции результатам и сыграет на руку нашим врагам...

Я пытался рассказать вам вкратце о положении в стране наиболее развитой промышленности, дав описание, основанное на фактах. Кончаю, исполненный восторгом перед перенесенными вами трудностями революционной борьбы. Несмотря на ваши кажущиеся здоровье и бодрость, вы много перестрадали, но, будьте уверены, ваши страдания не даром! Мировая революция на пути к своему завершению. Вы, переживающие период экономического возрождения, сумеете помочь рабочим других стран знанием и опытом, приобретенными отважной неустанной борьбой, равной которой не было в мировой истории.

Да здравствует Мировая Революция!

Да здравствует промышленная свобода для всех!

Г. Х.

ДОКЛАД О СОЮЗЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ В ШВЕЦИИ.

Во главе шведского профессионального движения стоят социал-патриоты и оппортунисты чистейшей воды. Поэтому в течение последних лет оно стало расплывчатым и бесплодным в своих организационных формах и обуржуазилось. Созданное первоначально для классовой борьбы, оно с годами падало все ниже и превратилось в буржуазно-реформистско-соглашательское течение. Вместо борьбы с работодателями, организация профсоюзов узаконила примирение и соглашение с ними. Благодаря этому, она потеряла способность блюсти экономические и социальные интересы своих членов в условиях капиталистического общества. Застывши в определенных формах и на известных доктринах, она потеряла даже способность обеспечить своим членам те условия труда, которые могла отвоевать в прежнее время. Вследствие этого доверие членов к движению и его руководителям заметно пошатнулось; самопроизвольно зародилась оппози-

ция. Она сорганизовалась в *Союз Профессиональной Пропаганды* и при его посредстве развивает свою деятельность.

Оппозиция первоначально была направлена против форм старой организации, старой тактики и старых методов борьбы, т. е. против самого построения профессионального движения, против долгосрочных тарифов и т. д. Благодаря созданию Союза Профессиональной Пропаганды, она превратилась в течение, которое поставило себе целью завоевать профессиональное движене для коммунизма. Нашей задачей стало вдохнуть коммунистический дух в профессиональное движение и зажечь в нем революционный энтузиазм. Существенной задачей профессионального движения должна, по нашему мнению, быть подготовка социалистического переворота и руководство им; необходимо преобразовать реформистское движение в революционное, имеющее своей конечной целью коммунизм.

Формы организации.

Становым хребтом Союза, его остовом являются коммунистические клубы, основанные в очень многих профессиональных союзах. Эти клубы коллективно примыкают к Союзу Профессиональной Пропаганды. Они вносят 5 эре ежемесячно за каждого члена.

Кроме этих клубов, правом присоединения к Союзу пользуются профессиональные союзы, общие организации, об'единения профсоюзов и отдельные члены профессиональных организаций, при условии признания нашей программы и работы в духе этой программы. Членский взнос тот же, что и в клубах, с значительною скидкою при большом числе членов. Так, профессиональный союз, насчитывающий не свыше 500 членов, платит ежемесячно 5 крон, от 600—1000 членов — 10 крон в месяц и т. д., с надбавкою в 5 крон на каждых новых 500 членов (или часть этого), но не свыше 30 крон. Эта сумма является максимальным взносом. Взнос для отдельных членов 1 крона за 3 месяца.

Таким образом, все профессионально-организованные рабочие, независимо от того, примыкает ли их главная организация к Рабочему Секретариату Швеции или нет, имеют право, при соблюдении вышеупомянутых условий, состоять членами Союза Профессиональной Пропаганды.

Формы деятельности.

Мы ведем свою работу внутри реформистского движения. Сохраняя организационное единство профессиональных союзов, мы развиваем в них свою деятельность и боремся со всяким стремлением выйти из организаци. Наш лозунг таков: движение должно быть завоевано извнутри, но не взорвано извне.

Путем систематической, неустанной письменной и устной пропаганды мы стараемся вербовать приверженцев коммунизма среди членов реформистского профессионального движения. Со времени основания Союза Профессиональной Пропаганды 28 сентября 1919 года до настоящего времени (середина ноября 1920 года) нами было прочитано 300 докладов. Их посетили 65.000 человек.

Письменная пропаганда ведется посредством газетных статей, летучих листков, циркуляров, циркулярных докладов и брошюр. Мы беспощадно разоблачали недостатки и слабости старого движения и, таким образом, способствовали росту оппозиционного настроения среди профессиональных организаций против их правлений. Наши статьи печатаются во всех органах левой социалистической печати.

Две брошюры были изданы и распространены в 10 тысячах экземпляров. Одна из них «Революционное профессиональное движение» излагает существенное различие между реформистским и революционным профессиональным движением. Другая: «Цеховые союзы или классовые организации» трактует об организационных формах и энергично защищает принцип производственных союзов. Обе брошюры составлены Карлом Чильбумом. Мы стали также в оппозицию к мелко-буржуазно-индустриальному и туманному анархизму синдикалистов и боремся с их анархистской идеологией и их отрицающим централизацию тяготением к своей колоколь не.

Правление Союза Профессиональной Пропаганды.

На ежегодном конгрессе избирается представительный орган (бюро), который руководит делами Союза до следующего конгресса. В состав этого представительного органа входят по два делегата от каждого об'единения профессиональных или производственных союзов, имеющего по одному или по нескольку коммунистических рабочих клубов, профессиональных союзов или их отделений, примыкающих к Союзу Профессиональной Пропаганды. Из среды этих представителей выбирается исполнительный комитет из 5-ти человек, который ведает текущими делами.

Численность организации.

В настоящее время к Союзу примыкают 32 профессиональных союза, 2 секции профессиональных союзов и 30 коммунистических рабочих клубов. Общее число членов равняется 5000.

С удовлетворением можно констатировать чрезвычайно быстрый рост цифр, и все большее число членов примыкает к Союзу.

Симпатии к нашей работе растут, и успех нашего Союза очевиден.

Деятельность внутри об'единений профессиональных союзов.

Благодаря двум представителям от каждого об'единения профессиональных союзов, которые входят в Бюро Союза Профессиональной Пропаганды, мы в курсе всего происходящего в соответствующих об'единениях.

Мы пользуемся газетами профессиональных союзов для широкого распространения своих идей, а благодаря содействию товарищей, входящих в наш Союз, имеем возможность помещать статьи в различных органах печати.

Перед конгрессами профессиональных союзов мы организуем выборы делегатов и входим в контакт со всеми коммунистами в соответствующих профессиональных союзах. С их помощью мы стараемся провести в делегаты на конгресс надежных коммунистов.

Кроме того, через этих коммунистов мы имеем возможность вносить свои предложения на заседаниях конгресса. Предложения, вполне согласные с программой Союза Профессиональной Пропаганды, поступают в большом количестве на конгресс изо всех отделений Союза в стране. Большинство этих предложений направляется в Бюро Союза Профессиональной Пропаганды.

Влияние на различные об'единения профессиональных союзов.

Идеи, проводимые Союзом Профессиональной Пропаганды, уже оказывают свое влияние на руководителей некоторых об'единений профессиональных союзов. В правлении Союза Наборщиков Швеции (союз печатников) имеются, напр., 3 представителя оппозиции, из которых, однако, только 2 принадлежат к нашей партии (этот союз насчитывает около 7000 человек). В правлении Союза Металлистов (70.000 членов) оппозиция располагает большинством одного голоса. Эта оппозиция, однако, далеко не однородна, ибо она состоит как из левых социалистов, так и из анархо-социалистов. Первые не все убежденные коммунисты. В общем, принципы, формы организации и тактика Союза Пропаганды имеют приверженцев в правлениях многих союзов. Таковы: «Grow och Fabriks» (союз неквалифицированных фабричных рабочих и др. ремесленников), союз коммунальных рабочих, портных, железнодорожников, союз гражданских служащих в армии, горнорабочих, союз моряков, кочегаров (состоящий из судовых кочегаров), электромонтеров и пекарей.

Наше влияние здесь, однако, пока слабо, и нам надлежит еще завоевать это движение.

Присоединение к Красному Профессиональному Интернационалу.

Ознакомившись с воззванием и проектом программы и устава Международного Совета Профессиональных Союзов, а также с решениями, принятыми на 2 Конгрессе III Интернационала, Правление Союза Профессиональной Пропаганды единогласно постановило присоединиться к III Интернационалу и руководствоваться его директивами.

Стокгольм, ноябрь 1920 г.

Исполнительный Комитет Правления Союза Профессиональной Пропаганды.

Карл Чильбум, Пауль Тунелль, Ион Линдберг, Альберт Бонг и Эмиль Андерсон.

К РАБОЧИМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

Товарищи!

Предстоящий с'езд Международной Федерации Профессиональных Союзов дает удобный случай для внимательного рассмотрения вместе с вами характера и роли той организации, которую мы назвали, к великому гневу людей, вдохновляющих ее и управляющих ею, Амстердамским желтым Интернационалом. Но стоит вспомнить, как эта организация возникла, что она сделала и что еще может сделать, чтобы установить всю правильность данного нами ей названия. Этот, так называемый, рабочий интернационал является в настоящее время самой прочной опорой для международного капитализма.

Необыкновенно быстрое развитие III Интернационала встревожило буржуазию всех стран. Когда полгода тому назад было положено начало его существованию, услужливые перья желтой печати и лидеры реформистов и центристов встретили его с притворным презрением и насмешками. Это даже не интернационал, утверждали они, а кучка людей, не считая русских, никем и ни на что не уполномоченных.

Но эти насмешки и презрение продолжались очень недолго. Уже через год после основания III Интернационала тяга к нему рабочих стала такой сильной, что пришлось держать свои двери на запоре, во избежание наплыва в него нежелательных элементов. Германская Независимая Соц. Партия, образовавшая весьма внушительный блок, об'единявший всех тех, кто хотел держаться между III и II Интернационалом, недавно потерпела поражение на с'езде в Галле. Пролетарские массы Европы и Америки душой и

разумом на стороне Советской России и хотят, чтобы она стала отныне центром международного рабочего движения.

Этот головокружительный рост Коммунистического Интернационала, это могучее развитие его идеи и методов действия ясно показали капиталистам, как победителям, так и побежденным в империалистической войне, что великая опасность угрожает им всем. Однако, для защиты против нее, II Интернационал, оказавший им такие неоценимые услуги во время войны, был уже бессилен помочь им. Интернационал Шейдеманов, Тома, Вандервельде, Брантингов, Реннеров и Гендерсонов окончательно погрузился в бездну стыда и позора. Он перестал быть силой, и, если он еще сохраняет видимость существования, то только благодаря тому, что в нем, среди осколков разных партий, которые его составляют, занимает место и английская Рабочая партия. Капиталистам пришлось искать помощи в другом месте и поискав они нашли ее в лагере вождей профессионального движения.

Накануне войны, вступая в величайший мировой конфликт, они почувствовали крайнюю необходимость привлечь к своей политике руководителей рабочих организаций. Им нужно было застраховать себя от революции, так как вся новейшая история ясно указывала им, как на аксиому, что за каждой войной следует революция: после франко-прусской войны была Коммуна, а после русско-японской вспыхнула революция 1905 года, сильно поколебавшая устои царизма и даже, одно время, грозившая ему гибелью. И вот они сделали этих руководителей рабочих организаций министрами с портфелями и без портфелей, и эта тактика им вполне удалась везде, даже во Франции, где Всеобщая Конфедерация Труда (La Confédération Générale du Travail) была организацией революционной. Когда война кончилась, им оставалось только продолжать эту успешную политику. И таким именно путем, сначала в Вашингтоне, а потом в Амстердаме, стали скоплятся Легины, Жуо, Эплътоны, Гомперсы — и «союзники» и «враги». Во время войны каждый из них защищал свою буржуазию, обеспечивая ей необходимое пушечное мясо и послушные рабочие руки. После войны они снова сошлись, об'единившись для защиты буржуазии всех стран от ее общего врага—большевизма. Сыграв предварительно необходимую комедию, эти заядлые патриоты помирились. Но им хотелось, все-таки, согласовать Версаль с Амстердамом, и вот, по предложению «союзников», Гомперса и Жуо, немец Легин был заменен на посту председателя англичанином Эплътоном.

Не подходящий ли это президент для республики, Эплътон, утверждающий, что он представляет рабочее движение в Амстердамском Интернационале? Ярый джингоист во время войны, он не переставал энергично протестовать против всех крупных стачек, вспыхивавших в Англии, называя их преступлением против народа. Он возбуждал общественное мнение против английских шахтеров, борющихся планомерно и настойчиво с капиталистической эксплуатацией, и делал это в духе самых консервативных газет, как напр. «Morning Post». Он неизменно вел себя, как настоящий желтый, и поистине был предназначен на роль представителя в интернационале ренегатов и предателей рабочего класса. Но подобно тому, как он не имеет никакого основания быть представителем английских рабочих, на что они ему недавно указали, так и Амстердамский Интернационал не может никоим образом претендовать на роль защитника интересов мирового рабочего класса. И по этой-то причине мы хотели создать истинный интернационал профсоюзов, чтобы противопоставить его амстердамскому.

Как только мы возвестили об этом намерении, мы поняли, что затронули самое больное место буржуазии. Капиталистическая печать тотчас же завопила с трогательным единодушием о новой невероятной претензии «московских верховных жрецов». Она с удовлетворением утверждала, что профсоюзы воспротивились этому намерению гораздо сильнее, чем политические партии. Она сокрушалась о судьбе Эплътонов, Жуо, Гомперсов и Легинов, о которых первые воззвания Интернационала Красных Профсоюзов отзывались без всякого уважения. Само собой разумеется, что вышеупомянутые господа не преминули об'явить, что новый Интернационал Профсоюзов существует только на бумаге; они и им подобные так поступили и при создании Коммунистического Интернационала. Но в то же время они поняли всю необходимость для них попытаться оправдать себя в глазах рабочих. Они составили сообщение, в котором перечисляли свои великие деяния: помощь австрийским детям и бойкот Венгрии.

Они помогали австрийским детям! Когда, по окончании империалистской бойни, в которой все эти господа принимали участие, путешественники стали описывать бедственное положение тогдашней немецкой Австрии и страдания малолетних детей в Вене, победителям стало несколько неловко и стыдно. Были образованы специальные комитеты помощи, а Интернационал Профсоюзов пригласил с некоторым опозданием своих сторонников открыть подписку для борьбы с бедствием. Но все это было лишь дело милосердия и благотворительности, которое разные буржуазные общества, как, напр., квакеры, выполняли гораздо лучше, чем это делал Интернационал, помощь которого была слаба и ничтожна. У Интернационала должны быть другие задачи. Но бедственное положение Австрии, как и других стран, является результатом империалистской войны, в которой главари Амстердамского Интернационала принимали деятельное участие, и это бедственное положение еще усугубляется отвратительным Версальским договором, который

подготовили и одобрили все эти Жуо и Гомперсы, состоявшие членами мирной конференции. И если завтра рабочие Австрии и Германии восстанут, чтобы низвергнуть строй, заставлявший их убивать друг друга, и который теперь не в состоянии кормить, то войска Антанты и ее наемники будут содействовать «восстановлению порядка», а Амстердамский, так называемый, Интернационал не двинется с места, чтобы помешать этому новому преступлению буржуазии, подобно тому, как он ничего не сделал, чтобы воспрепятствовать уничтожению Советской Венгрии. Но он ничего не имел бы против того, чтобы ему поставили в заслугу запоздалый бойкот Венгрии, об'явленный год спустя после восстановления самодержавия буржуазии, имевшей достаточно времени, чтобы отмстить во всю,—бойкот, проводившийся частичным образом и не давший, как это теперь установлено, никаких серьезных результатов.

Впрочем, этот именно момент был выбран империалистами для переговоров с Хорти, с целью показать, что они не принимают всерьез слабых попыток в этом направлении Амстердамского Интернационала.

Лидеры последнего пытаются, наконец, доказать, что их организация совершенно независима от Международного Бюро Труда, пристегнутого к Лиге Наций, что его, конечно, сильно компрометирует. Но эта задача непосильная, потому что мы находим одних и тех же лиц и в Женеве, и в Международном Бюро, и в Лиге Наций, и в Амстердаме. Вся разница в том, что в Женеве представители рабочих организаций не одни. Они заседают там вместе с представителями от предпринимателей и правительств. И сам вице-председатель Амстердамского Интернационала, бельгиец Мертенс, в следующих выражениях восхвалял Женевское Бюро: «В ту минуту, когда Международное Бюро Труда, учрежденное в силу статьи XIII мирного договора, начинает функционировать в Женеве, мы считаем необходимым выразить ему всю ту симпатию, которую к нему питаем, и все те надежды, которые на него возлагаем. Это—трудовая организация, которой рабочие вполне доверяют».

Амстердамский Интернационал и Лига Наций преследуют одну и ту же цель: укреплять и охранять капиталистический строй, устойчивость которого поколеблена империалистской войной. Буржуазные государства, которым грозит банкротство, и которые не имеют поэтому возможности швырять деньгами, отдают третью часть бюджета Лиги Наций—семь миллионов золотом из двадцати—Международному Бюро Труда: они знают, что это хорошее помещение для их денег, при помощи которых будут обманывать рабочих, вводить их в заблуждение, вносить в их среду раздор и сводить их с истинного и правильного пути.

Однако, наперекор утверждению вице-председателя Амстердамского Интернационала, рабочие не питают никакого доверия к Интернациональному Бюро Труда, созданному и содержимому империалистской буржуазией. Они узнают в людях, будто бы представляющих там их интересы, тех же лидеров рабочих, которые изменили им во время войны и связали свою судьбу с судьбой буржуазии. С каждым днем они все яснее видят те уроки, которые должны запомнить после империалистской войны. Они понимают, что если капитализму удастся выйти невредимым из того великого кризиса, который он сам породил, то это произойдет лишь в том случае, если будет продолжаться и усиливаться эксплуатация трудящихся, и если не исчезнет вероятность, в более или менее отдаленном будущем, новой бойни, еще более ужасной, чем та, которая погрузила мир в траур и превратила его в развалины. Но сама буржуазия, борясь с беспрестанно растущими трудностями, которых она не в состоянии преодолеть, раскрывает рабочим глаза своей жестокостью и насилием.

Нет, Женевы и Амстердамы не спасут рабочих. Инстинкт и здравый смысл влекут их к Москве, к Советской России. Они хотят бороться и победить вместе с русскими рабочими и крестьянами. Конечно, это борьба суровая и трудная, потому что буржуазия, чувствуя грозящую ей смертельную опасность, защищается, но, ведь, самая маленькая стачка часто требует жертв, и только предатели социализма и синдикализма могут пытаться уверить рабочих, что к освобождению от ярма капитализма они пойдут по ровному и гладкому пути.

Интернационал Красных Профсоюзов будет развиваться так же быстро, как и Коммунистический Интернационал. В него входят, кроме русских профсоюзов, рабочие организации, которые, поняв истинное направление и мысли руководителей Амстердамской Федерации, наотрез отказались присоединиться к ней; сюда принадлежат: союзы «Индустриальных Рабочих» Америки и Австралии, Союз Итальянских Синдикатов, Испанская Национальная Конфедерация Труда, профсоюзы Болгарии и Юго-Славии, немецкие Профессиональные союзы, Союз Норвежских Профсоюзов, Федерация транспортных рабочих в Голландии и Нидерландской Индии, Синдикалистская Федерация Аргентинской республики и, наконец, Союз фабрично-заводских старост и рабочих комитетов Великобритании. В настоящее время красному Интернационалу предстоит работа во Франции, в Германии и в Англии, где профсоюзы примыкают к Амстердамской Федерации, но где значительная часть рабочих организаций рада видеть возникновение истинного интернационала профсоюзов и готова к нему присоединиться. Это выполнено недавно во Франции после с'езда в Орлеане, на котором были представлены более 600 рабочих организаций, т. е. третья часть общего числа членов Всеобщей Конфедерации Труда,

голосовавшая за присоединение к красному Интернационалу.

Проект создания Интернационала был задуман несколько месяцев тому назад, во время пребывания в Москве рабочих делегаций Англии и Италии. Товарищи А. Пурсель, член парламентской фракции об'единенных тред'юнионов, и Роберт Вильямс, секретарь Федерации Транспортных Рабочих, приняли участие в состоявшихся тогда совещаниях. Совместно с итальянскими и русскими делегатами они признали, что Федерация не способна вести необходимую борьбу в целях свержения международной буржуазии посредством диктатуры пролетариата, и они решили, что необходимо созвать более авторитетный и многолюдный с'езд рабочих для организации истинного Интернационала Профсоюзов, ничем не связанного ни с капиталистской Лигой Нации, ни с так называемыми лидерами рабочего движения, оказавшимися во время войны шовинистами и социал-патриотами и продолжающими вести до сих пор ту же политику.

Этот с'езд состоится 1 мая 1921 года в Москве. Мы расчитываем, что рабочие организации Великобритании, понимая необходимость истинного рабочего и международного союза, откликнутся на наш призыв и пришлют на с'езд многочисленных делегатов. Только тогда окончательно создастся Интернационал Профсоюзов, и рабочие всех стран будут располагать могучим и единым центром деятельности, который будет помогать им и направлять их в их борьбе, даст им возможность сопротивляться международной буржуазии, победоносно на нее наступать и построить новый мир на тех развалинах, которые оставит, вместо всякого наследства, капиталистический строй.

Долой капиталистическую Лигу Наций и ее приспешников!

Да здравствует международное единение рабочих!

Да здравствует красный Интернационал Профсоюзов!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Временный Совет Интернационала Красных Профсоюзов.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ I С'ЕЗДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ БАЛКАНО-ДУНАЙСКИХ СТРАН.

РЕЗОЛЮЦИИ.

I.

По международному профессиональному движению.

1. Экономическая борьба, ведущаяся в рамках современного капиталистического строя, при мощных организациях капитала, при сосредоточении всех орудий борьбы в руках господствующих классов, является все менее и менее действительным средством обеспечения интересов трудящихся. Все чаще борьба рабочего класса становится выражением его политической воли. И революционное рабочее движение разных стран, расширяясь и захватывая все более и более широкие слои рабочих масс, принимает характер борьбы за власть.

2. Экономические стачки превращаются в борьбу за средства производства. С фабрик и заводов борьба переносится на улицу, и стачки превращаются в вооруженные восстания угнетенных против угнетателей. Борьба рабочих одной страны оказывает все большее и большее влияние на ход революционного движения рабочих в другой стране.

3. В этой борьбе профессиональные союзы, как экономические организации, охватывающие широкие рабочие массы, играют решающую роль. Но, находясь под влиянием вождей-оппортунистов, союзы оказываются организациями консервативными, неспособными повести борьбу за диктатуру пролетариата, и названные вожди могут — имея в виду опыт социал-реформизма (меньшевизма), в решительный момент предать рабочее движение врагу.

4. Поэтому пролетарская революция, как в отдельных странах, так и во всем мире, может оказаться успешной только в том случае, если массовые пролетарские организации—профессиональные союзы — станут революционными организациями, проникнутся духом коммунизма. Опыт борьбы в России,— с одной стороны, опыт в Венгрии и Италии— с другой, вполне подтверждает это.

5. Буржуазия всего мира зорко следит за революционным движением рабочих, прилагая отчаянные усилия к тому, чтобы удержать за собою власть. В борьбе она опирается не только на свой боевой штаб — «Лигу Наций», не только заставляет служить себе отсталые страны и народы, но и великолепно пользуется рабочими организациями против самих же рабочих. Ценою мелких подачек и жалких реформ буржуазия пытается сохранить свое влияние в пролетарских профессиональных союзах.

6. Амстердамский Интернационал Профессиональных Союзов является в руках мировой буржуазии мощным оружием борьбы с пролетариатом. Благодаря обманам и невыполнимым обещаниям, вожди желтых профессиональных союзов все еще пользуются авторитетом среди рабочих масс. Но, вместо того, чтобы действовать революционно, они занимаются сотрудничеством с буржуазией в Бюро Труда при Лиге Наций. Вот почему Амстердамский Интернационал столь же опасен для пролетариата, как и его прямые враги.

7. Вырывая из рук этого Интернационала миллионы рабочих, мы тем самым непосредственно усиливаем свои ряды—с одной стороны, и лишаем мировую буржуазию могучей поддержки—с другой.

8. Широкие рабочие массы всего мира все чаще и чаще порывают с оппортунизмом вождей; свои симпатии к русскому пролетариату они выражают уже активной поддержкой его борьбы с империализмом, вступая в ряды об'единенного мирового революционного пролетариата. Амстердамский Интернационал накануне полного банкротства. Но даже констатируя этот факт, мы должны упорно продолжать борьбу с Амстердамом.

9. С этой целью в Москве создан Временный Международный Совет Профессиональных Союзов, уже об'единивший 10 миллионов организованного пролетариата. Революционные профсоюзы всех стран обязаны принять самое активное участие в борьбе враждующих двух лагерей и вместе с коммунистическими партиями своих стран стать решительно на сторону Международного Совета III Коммунистического Интернационала, вполне следуя, в области профессионального движения, тезисам II Конгресса Коммунистического Интернационала.

10. Революционное движение в Балкано-Дунайских странах и создание малой Антанты, как авангарда большой, для борьбы с Советской Россией и мировой пролетарской революцией, тем более обязывает профессиональные союзы названных стран скорее порвать с желтым Интернационалом и решительным образом об'единиться с Международным Советом Профессиональных Союзов в Москве.

11. Борьба обостряется с каждым днем, и колебаний быть не должно. Глупо искать точек соприкосновения между Москвой и Амстердамом или сидеть между двух стульев. Время не ждет, пора действовать!

12. Революционное сплочение профессиональных союзов должно происходить под лозунгом: борьба за мировую диктатуру пролетариата, борьба с реформизмом.

Исходя из этого анализа пролетарского движения и роли в нем профессиональных союзов, С'езд профсоюзов Балкано-Дунайских стран постановляет:

1) Начать в Балкано-Дунайских странах самую широкую агитацию идей революционной борьбы в духе тезисов II Конгресса Коммунистического Интернационала для свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата.

2) Усилить борьбу с разлагающим влиянием оппортунизма в профдвижении.

3) Сплотить революционно-классовые элементы профессионального движения Балкано-Дунайских стран и начать борьбу против Амстердамского Интернационала и Бюро Труда при Лиге Наций, причем профсоюзам Балкано-Дунайских стран установить самую тесную связь между собой.

4) Общие профессиональные союзы Балкано-Дунайских стран или их меньшинства, стоящие на точке зрения революционно-классовой борьбы и диктатуры пролетариата и по тем или иным причинам еще не порвавшие с Амстердамом, обязаны сделать это немедленно.

5) Профессиональные союзы Балкано-Дунайских стран, принявшие участие в настоящем С'езде, входят в состав Международного Совета Профсоюзов и будут участвовать в Международном С'езде его, который состоится в Москве в мае 1921 года.

II.

Об учреждении временного Балкано-Дунайского Секретариата Профессиональных Союзов.

I С'езд Профсоюзов Балкано-Дунайских стран, профсоюзов, входящих в Международный Совет Профессиональных Союзов, признающих его программы и стоящих на платформе революционно-классовой борьбы и диктатуры пролетариата, считая, что особенности внутреннего и международного положения Балкано-Дунайских стран делают крайне необходимым сплочение всех наличных сил для борьбы с об'единенным фронтом капитализма и империализма, постановил образовать при Балкано-Дунайской Коммунистической Федерации *Временный Балкано-Дунайский Секретариат Профессиональных Союзов*, как орган Международного Совета Профсоюзов в Москве.

Секретариат будет состоять из представителей профессиональных союзов Болгарии, Юго-Славии, Румынии, Греции, Турции, Чехо-Словакии и Венгрии, от каждой по одному, по определению центральных руководящих органов соответствующих профсоюзов.

Секретариат временно будет находиться в Софии, под руководством центрального органа болгарских профсоюзов.

Очередные собрания Секретариата будут созываться в три месяца раз; чрезвычайные—в случаях крайней необходимости.

Временный Балкано-Дунайский Секретариат ставит целью:

1) Вести широкую агитацию и пропаганду идей классовой борьбы, социальной революции, диктатуры пролетариата и массо-

вых революционных действий для уничтожения капитализма и буржуазного строя.

2) Борются с оппортунизмом в профессиональном движении и с ложным представлением о возможности мирного перехода от капитализма к коммунизму.

3) Об'единить революционно-классовые элементы профессионального движения Балкано-Дунайских стран вокруг временного Международного Совета Профессиональных Союзов под знаменем Коммунистического Интернационала, ведя решительную борьбу против тактики Амстердамского Интернационала Профсоюзов.

4) Установить тесную связь с профессиональными союзами Балкано-Дунайских стран, примкнувшими к Международному Совету, стремиться к об'единению их усилий, содействуя правильному развитию профессионального движения в интересах успешного ведения революционно-классовой борьбы пролетариата.

5) Организовать взаимную моральную и материальную поддержку профессиональных союзов Балкано-Дунайских стран на случай крупных стачечных выступлений и социальных конфликтов.

6) Собирать все материалы, документы и иные данные, характеризующие профессиональное движение в Балкано-Дунайских странах и информировать профсоюзы каждой страны о положении вещей у соседей.

7) Поддерживать регулярную связь с Международным Советом Профессиональных Союзов в Москве и содействовать созываемым им международным конгрессам и с'ездам.

Временный Секретариат будет, по мере надобности, созывать с'езды Балкано-Дунайских профессиональных союзов, при норме представительства: два человека на 50.000 членов и по одному на каждые следующие 50,000, по определению центральных руководящих органов соответствующих профессиональных союзов.

III.

Об отношениях между Временным Балкано-Дунайским Секретариатом Профессиональных Союзов и Балкано-Дунайской Коммунистической Федерацией.

I С'езд Профессиональных Союзов Балкано-Дунайских стран, принимая во внимание тезисы II Конгресса Коммунистического Интернационала и положительную необходимость в установлении единства действий союзов и коммунистических партий,

постановляет:

1) Установить возможно тесную связь между профессиональными союзами и коммунистическими партиями Балкано-Дунайских стран.

2) Балкано-Дунайский Секретариат (орган Международного Совета Профессиональных Союзов) будет непосредственно сноситься с Балкано-Дунайской Коммунистической Федерацией, действуя в полном контакте с секретариатом последней.

IV.

Об участии Балкано-Дунайских Профессиональных Союзов в Международном с'езде профсоюзов в Москве.

Принимая во внимание чрезвычайную важность Профессионального С'езда в деле революционного сплочения профсоюзов и революционно-классовой борьбы пролетариата, собравшиеся

постановляют:

Руководящим органам Балкано-Дунайских профсоюзов принять все меры к обеспечению проезда и своевременного прибытия своих делегатов на Международный профессиональный с'езд, который состоится 1 мая 1921 года в Москве.

V.

Об отношениях между коммунистическими партиями и профессиональными союзами Балкано-Дунайских стран.

В связи с вопросом об отношениях между Балкано-Дунайским Секретариатом профсоюзов и Балкано-Дунайской Коммунистической Федерацией С'езд единогласно принял тезисы, заключающиеся в специальной резолюции об отношениях между коммунистическими партиями и профессиональными союзами, которая должна быть по существу обсуждена и принята в окончательной форме на ближайшем с'езде Балкано-Дунайской Коммунистической Федерации, а до созыва этого с'езда постановлено—рекомендовать Секретариату федерации эту резолюцию в качестве директивы для его деятельности в Балкано-Дунайских странах.

Названная резолюция гласит:

1) Тесная связь экономической борьбы с политической, переход от одной формы борьбы к другой вынуждают революционный пролетариат различных стран с особой настойчивостью подчеркивать, что революционно-классовая борьба, *в каких бы формах она ни выражалась*, должна находиться под руководством коммунистических партий.

2) Лишь постольку, поскольку профессиональные союзы, оставаясь формально беспартийными, становятся, однако, коммунистическими по существу и проводят политику коммунистической партии, — является обеспеченной диктатура пролетариата и социалистическое строительство.

3) Чем больше революционно-классовая борьба переходит национальные границы, превращаясь в борьбу международную, тем не-

обходимее становится самая тесная связь профессионального и коммунистического движения разных стран.

4) Профессиональные союзы, являясь массовыми пролетарскими организациями, должны на деле примкнуть к коммунизму и участвовать в революционной борьбе за диктатуру пролетариата под руководством коммунистической партии.

5) Коммунистическая партия есть авангард рабочего класса; она одновременно руководит *как экономической, так и политической борьбой рабочих.* Вредной явилась бы мысль считать профсоюзы и партию одинаково *революционными* организациями. Такая точка зрения неизбежным образом может в решительный момент повести к дезорганизации пролетарской революции.

Исходя из названных положений, С'езд постановляет:

1) Усилить связь между профсоюзами и коммунистическими партиями Балкано-Дунайских стран не только путем взаимного представительства в руководящих органах, но и непосредственным участием во взаимной работе.

2) Образовать в профсоюзах коммунистические фракции в видах согласования действий всех коммунистических элементов и проведения политики коммунистической партии в профсоюзах, содействуя одновременно сплочению масс и их профессиональных организаций. Коммунистические фракции подчиняются соответствующим партийным организациям.

VI.

Приветствие Международному Совету Профессиональных Союзов в Москве и Всероссийскому С'езду Профсоюзов.

Перед закрытием С'езд голосованием принял текст следующего приветствия:

«Первый С'езд Профсоюзов Балкано-Дунайских стран, состоявшийся в Софии 3 и 4 ноября 1920 г. для учреждения Балкано-Дунайского Секретариата Профессиональных Союзов Болгарии, Юго-Славии, Румынии, Греции, Турции, Чехо-Словакии и Венгрии, шлет свой коммунистический, братский, горячий привет Международному Совету в Москве и Всероссийскому С'езду Профсоюзов.

«Подчеркивая полную солидарность Балкано-Дунайского революционного пролетариата с делом русской пролетарской революции, выражая его глубокую признательность профессиональным союзам Советской России за великий пример, который они показали пролетариату в деле революционного об'единения профессиональных союзов для всемирной пролетарской революции, в противовес предателям желтого Амстердама, С'езд заявляет, что Профессиональные Союзы Балкано-Дунайских стран будут решительно и неуклонно следовать по тому верному пути, который указан и освящен опытом русского профессионального движения».

За I Балкано-Дунайский С'езд

Председатель: Г. ДИМИТРОВ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗАМ РАБОЧИХ

КОЖЕВНИКОВ, САПОЖНИКОВ, ШОРНИКОВ, ПЕРЧАТОЧНИКОВ, ЧЕМОДАНЩИКОВ, ПОРТФЕЛЬЩИКОВ, МЕХОВЩИКОВ И ЩЕТИНШИКОВ ВСЕХ СТРАН.

Уважаемые товарищи!

Всероссийский Союз рабочих и служащих в кожевенной, меховой и щетинной промышленности, об'единяющий в своих рядах свыше 225.000 членов профессиональных организаций сапожников, кожевников, шорников, перчаточников, чемоданщиков, портфельщиков, а также меховщиков и щетинщиков, обратился 30 ноября 1920 г. по радио ко всем трем существующим в нашей отрасли промышленности международным союзам, в лице их генеральных секретарей Симона, Малера и Сассенбаха, с предложением созвать международный с'езд всех названных союзов. Мы предложили созвать его в Москве 20 апреля 1921 года, полагая, что условия в Советской России для такого с'езда наиболее благоприятны. Цель с'езда — создание единой международной организации в названных отраслях промышленности и практическое осуществление целого ряда вынесенных предыдущими с'ездами постановлений о слиянии воедино всех трех международных союзов. Кроме того, мы предлагаем поставить на обсуждение и решить вопрос: Москва или Амстердам? — тот вопрос, который сейчас занимает и волнует сознательные элементы пролетариата всего мира. На предыдущих с'ездах было представлено всего лишь несколько стран, и все существующие об'единения далеко не охватывают всех профессиональных организаций, которым предстоит теперь решить вопрос о своем вхождении в названный международный союз.

Естественно, что при существовании трех международных организаций довольно трудно решить вопрос, в какую из них следует войти. Все это настойчиво диктует необходимость созыва предлагаемого нами

чрезвычайного международного конгресса. Наряду с этим следует отметить, что политика генеральных секретариатов, представляющих пролетариат профессиональных союзов всех отраслей кожевенного труда, отнюдь не отвечает действительным интересам, чаяниям и стремлениям пролетарских масс. Доводя об этом до общего сведения, мы надеемся, что наше предложение о созыве конгресса встретит живой отклик и будет активно поддержано вами.

Председатель Ц. К. *В. Капранов.*

Секретарь Ц. К. *И. Юзефович.*

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА САПОЖНИКОВ И КОЖЕВНИКОВ — СИМОНУ, ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА РАБОЧИХ ПЕРЧАТОЧНИКОВ — МАЛЕРУ И ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ШОРНИКОВ И ПОРТФЕЛЬЩИКОВ — САССЕНБАХУ.

Уважаемые товарищи!

Недавно мы послали вам извещение, в котором заявляли о своем вступлении в ряды международного профессионального союза кожевников, существующего в виде трех интернациональных организаций.

Мы считаем, однако, совершенно ненормальным существование таких самостоятельных и несвязанных друг с другом об'единений и настаиваем на необходимости немедленного их слияния. Мы согласны в этом отношении с постановлением V международного с'езда сапожников и кожевников и с последним национальным конгрессом французских рабочих кожевенной промышленности. Но мы знаем также, что все принятые в этом направлении резолюции до сих пор еще не воплощены в жизнь, и все попытки к слиянию не дали практических результатов.

От имени 225.000 членов профессиональных организаций сапожников, кожевников, шорников, перчаточников, портфельщиков, чемоданщиков, а также меховщиков и щетинщиков, настоящим мы предлагаем вам созвать на 29 апреля международный с'езд профессиональных союзов всех отраслей кожевенной промышленности, а также союзов меховщиков и щетинщиков. Этот с'езд должен, наконец, воплотить в жизнь идею создания единой международной организации кожевников. Мы полагали, вместе с тем, что названный с'езд займется не только вопросами организационного характера, но и выяснит свое принципиальное отношение к Международному Совету Профессиональных Союзов.

Проблема — Москва или Амстердам — должна получить на этом нашем с'езде всестороннее освещение в духе действительных интересов и задач революционного пролетариата кожевенной промышленности.

В настоящее время, когда решаются судьбы не только русской, но и мировой революции, нельзя обходить молчанием этот вопрос, занимающий и волнующий умы пролетариата всех стран. Мы предлагаем созвать этот с'езд в Москве, столице Советской России, центре мирового пролетарского движения, где условия для устройства такого с'езда, естественно, наиболее благоприятны.

Ждем, товарищи, вашего решения. Но позвольте сказать, что если оно не последует до 15 февраля, мы будем считать это уклонением от ответа и нежеланием сообразоваться с волей и пожеланиями русских рабочих кожевников. В последнем случае мы сочтем себя в праве начать самостоятельно активную и широкую кампанию за созыв с'езда.

Председатель Ц. К. *В. Капранов.*

Секретарь Ц. К. *И. Юзефович.*

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС И ЖЕЛТЫЕ ПРОФСОЮЗЫ В АНГЛИИ.

Промышленный кризис, охвативший весь капиталистический мир и ныне принимающий грандиозные размеры, застал желтые профсоюзы и его деятелей совершенно неподготовленными как в теоретическом, так и в практическом смысле к разрешению вопроса о безработице, ни даже к немедленному облегчению участи безработных. Кризис, начавшийся всего несколько месяцев тому назад, со стихийной силой лесного пожара охватывает одну отрасль промышленности за другой, закрывает фабрики, заводы и мастерские разнообразнейших производств, выгоняет на улицу тысячи рабочих ежедневно.

По словам английской газеты «Daily Chronicle» (от 5 января 1921 г.), 4 января с. г. на Бирже Безработных было зарегистрировано свыше шести сот тысяч безработных, а неделю спустя, газета «Daily Herald» (11 января 1921 г.) указывала, что без работы находятся уже 1.448.000 тружеников, что вместе с их семьями составит свыше пяти миллионов. То же самое и в Америке, где в одном лишь Нью-Йорке более 700.000 безработных, а во всей стране, по словам президента Американской Федерации Труда Гомперса, их число превышает два миллиона, некоторые экономисты высчи-

тывают («Daily Herald» 10 января 1921 г.), что к 1 марта число безработных возрастет до 3 миллионов.

Кризис этого года обостряется тем, что предприниматели, при благосклонном содействии правительств, пытаются использовать его как в целях понижения заработной платы, так и в целях изгнания из производств всех организованных даже в желтые профсоюзы рабочих и уничтожения самих профсоюзов. Среди капиталистов раздаются откровенные голоса о необходимости возвращения к добрым, старым до-военным временам, о необходимости покончить с «контролем» (фактически никакого контроля нет) союзов над производством. Секретарь американского Союза Об'единенных Портных в закрытии портняжных мастерских и локауте 18.000 членов этого союза видит заговор предпринимателей для того, чтобы, как он говорит в своей газете «Advance» (см. «New York Call» от 23 декабря 1920 г.) «внести хаос и беспорядок в производство и разбить один из крупнейших профсоюзов Америки. Предприниматели,—восклицает этот деятель желтого профдвижения,—желают повернуть ход прогресса, возвратиться ко дням неограниченного господства в промышленности, когда их слово было высшим и абсолютным законом».

Настало время, таким образом, когда профсоюзы должны показать своим членам, что они способны вести рабочий класс не только во имя капиталистических и империалистических интересов на безумное истребление рабочих других стран, но также и на борьбу за улучшение положения рабочих, не говоря даже о борьбе за свержение капитализма. Однако, всеми своими действиями желтые профсоюзы подтверждают, что они не умеют и не хотят вести такой борьбы и что их предложения о ликвидации кризиса и помощи безработным в сущности ничем не отличаются от предложений представителей правительств и капиталистов.

Английский министр труда, доктор Макномара, ..шет в газете «The Observer» (2 января 1921 г.): «Перед правительством две задачи, которые необходимо немедленно и постоянно преследовать: оно должно напрячь все усилия для приведения колес производства в ход... В то же самое время оно должно изо дня в день оказывать немедленную помощь нуждающимся для облегчения их судьбы». Английское и американское правительства разрабатывают проекты общественных работ (сооружение новых дорог, канализация, постройка жилищ и т. д.); ассигновывают определенные суммы денег как для работ, так и для помощи, но фактически дальше этого не идут, за исключением, разве, предложения о сокращении рабочего времени вместо увольнения всех рабочих из предприятий».

Несколько дальше идет Рабочая Партия (L. P.), Исполнительный Комитет которой совместно с Парламентской Комиссией Профессиональных Союзов требует, чтобы «все влияние правительства и местных властей было направлено к обеспечению работой всех нуждающихся в ней» и чтобы «в случае невозможности доставить через Биржу Труда работу для всех, правительство выдавало пособия в размере 40 шиллингов семейным и 25 шиллингов холостым».

Среди рабочих масс большим успехом пользуется идея немедленного открытия торговых сношений с Россией, что даст возможность, по мнению профсоюзов, если не окончательно ликвидировать, то в значительной степени сгладить промышленный кризис. Целый ряд деятелей желтых профсоюзов, под давлением рядовых членов, настаивает на немедленном разрешении «русского вопроса», т. е. на заключении торговых договоров, признании Советской власти и т. д. Свои требования они об'ясняют, разумеется, не с точки зрения интересов пролетарской России или мировой революции, а исключительно,—как это заявил один из самых желтых вождей Американской Федерации Труда, г-н Андрью Фурусет, председатель Союза Моряков,— потому, что «предприниматели нуждаются в доходах, рабочим же необходимы работа и заработок» (New York Call, 23 декабря 1921 г.).

В Америке организовался специальный союз для пропаганды необходимости торговли с Россией, «American Labor Alliance for Trade with Russia», и председатель этого союза, г-н Тимофей Гили, об'езжает страну и пропагандирует среди профсоюзов идею необходимости установления торговых сношений с Советской Россией. Всюду в среде как рабочих, так и безработных, Союз находит живой отклик, и в крупных промышленных городах организации профсоюзов вынесли резолюции, требующие от правительства «открытия торговых сношений с Россией и сокращения тем самым ужасов безработицы» (Центральный Рабочий Союз городов Питсбурга, Гартфорда, Бриджпорта и многих других менее крупных городов, Совет Профессиональных Союзов гор. Денвера и т. д.). Сан-Францисканский отдел Союза Металлистов не удовлетворился, однако, этим и вынес резолюцию, в которой указывает своему Исполкому на необходимость отправить в Советскую Россию президента союза для заключения от имени 300.000 членов контракта на производство всевозможных изделий. Но и этот желтый профсоюз руководится не чувствами пролетарской солидарности и интересами социальной революции, а лишь тем, что «тысяча квалифицированных членов нашего союза бездействуют и проблема безработицы со всею серьезностью встает перед американским трудом».

Что же касается попыток капиталистов воспользоваться кризисом в своих целях, то желтые профсоюзы, бывшие до сих пор и продолжающие оставаться верными помощниками буржуазии в деле удержания рабочих масс в рабстве, поднимают крик и вой, за которым не видно никакой полезной и решительной деятельности. Американские предприниматели созывают особый конгресс для решения вопроса о проведении системы «открытой мастерской», т. е., другими словами, об изгнании из предприятий всех организованных в профсоюзы рабочих. В ответ на это, секретарь Американской Федерации Труда, Мориссон, нашелся только сказать, как передает «New York Call», что «профсоюзы достаточно сильны, чтобы отстоять завоевания прошлых лет». Редактор газеты «New Majority», органа левого течения в желтых профсоюзах,—на которую, к слову сказать, со всей силой обрушилась вся «машина» Гомперса, — Роберт Бек пишет: «Для того, чтобы подсластить пилюлю, предприниматели называют свою систему открытой мастерской—«американской». Однако, система открытой мастерской, при ее применении, окончательно разобьет организованный труд, и потому-то эта борьба затрагивает все наши жизненные интересы». Но за исключением этих «боевых» заявлений, вожди желтых профсоюзов Америки дальше не пошли, если не считать работы группы видных лидеров Американской Федерации Труда, во главе с г. Ворреном Стоном, президентом Братства Локомотивных Инженеров и г. Джонсоном, президентом Союза Металлистов, — по созданию либеральной коалиции в новом Конгрессе Соединенных Штатов с целью борьбы с попыткой предпринимателей.

Нет ничего удивительного, что рабочие, как продолжающие работать, но изо дня в день ждущие расчета, так и уволенные, перестают возлагать надежды на профсоюзы и помимо их, а, в некоторых случаях, и против них начинают борьбу с кризисом. Трудящихся, по наблюдению английского «Communist», уже больше не удается обмануть. Когда их призывают к экономии, они знают, что сама буржуазия не считается с экономией в расходах на армии, находящиеся в Месопотамии и Индии, на гарнизон в Ирландии и на внутреннюю охрану; они знают также, что буржуазия не соблюдает экономии и сдержанности и попрежнему забавляется грандиозными пирами и балами и что весь крик об «экономии» поднят с целью пустить пыль в глаза рабочим. Их также нельзя обмануть обещаниями «исследовать» вопрос. В ответ на подобные обещания, рабочие отвечают на страницах своих органов, что подобные обещания давались не раз и что более нет возможности ждать «приезда барина», способного все рассудить.

Лондонские безработные создают свои местные комитеты, а эти последние образовали центральную организацию. Движение не связано ни с одной из существующих рабочих организаций, оно является стихийным, пришедшим в жизнь под давлением самой жизни.

Оно не имеет конкретных планов; все выступления диктуются обстоятельствами момента и проводятся в жизнь массовым «прямым» действием. В Лондоне Комитет Безработных после короткой борьбы с полицией взял на себя заведывание публичными банями, библиотеками, общественными зданиями, где и помещают

нуждающихся в жилищах. Интересна и характерна история этого движения, успевшего за сравнительно недолгое время своего существования хорошо организоваться безработных и развить свою деятельность во всей стране. Вот, что сообщает об этом «Communist» (№ 19, от 9 декабря 20 г.):

«При своем возникновении Комитет встретился с затруднениями в подыскании подходящего помещения для своих собраний, а также для хранения и раздачи продовольствия, принесенного в дар местными лавочниками. Библиотека «South East», занятая во время войны отделением Министерства Продовольствия, пустовала, и она оказалась прекрасным помещением для Комитета. В виду этого, последний занял библиотеку, и безработные до сего времени продолжают находиться там... В других предместьях Лондона (Эрмонте, Тотенгаме, Хокии, Саутворки, Камбервелле, Пекгаме и т. д.) безработные также организовались и заняли городские бани, публичные библиотеки и пустовавшие дома. Центральный Комитет собирается ежедневно в библиотеке на Эссекс-Род, в Айлингтоне».

В течение долгого времени власть не решалась оказывать сопротивление движению безработных и даже на занятие всевозможных учреждений и помещений смотрела сквозь пальцы. Но эта выжидательная тактика полиции была непродолжительной и во многих частях Лондона «закон и порядок» уже восторжествовали ценой крови рабочих. В Айлингтоне, в том районе, где помещается Центральный Комитет Безработных, 3 января происходило настоящее сражение безработных с полицией, и были жертвы с обеих сторон. На судебном разборе выяснилось, что в тот день было арестовано свыше 30 безработных; полиция утверждала, что безработные хорошо вооружены, и что во время битвы с полицией они пускали в ход не только дубинки, но также револьверы и кинжалы. Почти все арестованные были присуждены к уплате штрафа в 10 фунтов стерлингов и к тюремному заключению сроком на шесть недель.

Не дремлют также и ныне еще работающие члены профсоюзов, кандидаты в армию безработных. Благодаря их давлению, Парламентская Комиссия Конгресса Профсоюзов на заседании 11 января с. г. совместно с Исполкомом Британской Рабочей Партии пришла к следующим решениям, напечатанным в «Daily Herald» (12 января 1921 г.): «1) Об'единенное Собрание единогласно отвергает предложение правительства о выборе представителей в Комитет по обследованию безработицы и считает необходимым создать свою собственную Комиссию для выработки практических мер по вопросу о немедленной помощи безработным и об окончательном разрешении всей проблемы, как таковой; 2) Об'единенное Собрание категорически заявляет, что проект правительства (предоставить работу всем трудящимся с сокращением рабочего времени) не приемлем... в виду отсутствия всяких гарантий о сохранении заработной платы». 27 января должно было состояться собрание упоминаемой в резолюции Комиссии, которая «найдет способ воздействия на правительство».

Некоторые союзы, не ожидая собраний специальных комиссий, сами обдумывают меры, коими можно повлиять на правительство. Официальный орган Союза Почтовых Служащих «Post» пишет: «Двести тысяч (почтовых) служащих должны сами контролировать Министра Почт, а не быть контролируемыми им. Но этого нельзя добиться, не внося изменений в форму управления государством и в организацию производства. Нельзя провести грань между интересами почтовых служащих и интересами рабочего класса вообще. Борясь с современным общественным строем, Союз Почтовых Служащих борется за интересы своих членов». А газета «Daily Herald» в передовой статье (от 11 января 1921 г.) идет несколько дальше:

«Факты очень ясны, даже черезчур. Рабочие предлагают меры для предотвращения безработицы, правительство их отвергает. Рабочие предлагают ряд других мер, и их постигает та же участь Представители организованного труда, после ряда совещаний, предлагают средства для оказания помощи безработным. Правительство опять не соглашается. Рабочие должны теперь выяснить, какими действиями можно повлиять на правительство и заставить его подчиниться необходимости... Власть находится в руках лиц, злоупотребляющих ею. Для этих людей нет ничего дорогого. Они не знают ни справедливости, ни чести, ни милосердия. Что-нибудь будет сделано только тогда, когда они почувствуют страх. Если бы рабочие обладали властью—все было бы хорошо»...

Рабочие массы также начинают понимать это и на массовых собраниях безработных все чаще и чаще слышится возглас: *„необходимы Советы"*. На рабочем митинге в Лондоне 9 января, на котором выступал «рабочий» член парламента, г-н Клайн, произошел характерный инцидент. Как сообщает газета «Manchester Guardian» (10 января 1921 г.), оратора встретили пением «Красного Знамени» и криками «изменник». Клайна прерывали криками «Необходима революция! Необходимы советы» и пением «Интернационала»... Подобную же встречу оказали безработные и министру труда г. Макнамара во время его выступления 10 января. «Все это,—как справедливо замечает лондонский «Communist» (9 декабря 1920 г.),—еще не дает права утверждать, что надвигается революция. Тем не менее можно считать знаменательным, что безработные решились выказать свое недовольство открыто и организованно, вместо того, чтобы стыдливо затаивать его... Путем горького опыта они научаются коммунистической истине, что только новый общественный строй способен окончательно устранить безработицу. Кроме того, они познают, насколько капитализм бессилен хотя бы самым поверхностным образом решить этот сложный вопрос».

ТЯГА В МОСКВУ.

Германская социалистическая печать уделяет большое внимание состоявшемуся в конце декабря в Лондоне конгрессу Амстердамского Интернационала Профсоюзов. Газеты правых независимых высказывают, разумеется, полное удовлетворение его деятельностью, но, все же, от некоторых его постановлений, носящих уже слишком явный социал-предательский характер, даже эти сторонники Амстердамского Интернационала стараются отмежеваться.

Делегатка германских правых независимых Тони Зендер, в статье о конгрессе («Freiheit» от 2 декабря) признает, что решение конгресса войти в сношения с Международным Бюро Труда при Лиге Наций по вопросам о регулировании валюты и снабжении сырьем не приведет ни к каким реальным результатам, так как вопросы эти могут быть разрешены исключительно лишь путем самостоятельной борьбы рабочих всего мира. Все же, на конгрессе, по ее мнению, обнаружился «колоссальный перелом в настроениях», приведший к тому, что конгресс единодушно принял ряд «революционных» постановлений, о которых, по ее утверждению, «еще несколько лет тому назад нельзя было и помышлять».

Постановления Амстердамского конгресса, приведшие правых независимцев в восторг, на самом деле не бог весть как революционны, и ими Амстердамский Конгресс ничего нового и революционного не дал и не сказал. Постановления эти следующие: признание массовых забастовок и международного бойкота в качестве мер для достижения политических целей, решение начать непосредственную борьбу за социализацию производства.

Правые независимцы пришли в восторг, по всей вероятности, не от этого «колоссального перелома в настроениях», но скорее от того отрадного, по мнению Тони Зендер, единодушия, с каким конгресс «дал отпор московским ругательствам и нападкам» на Амстердамский Интернационал, которые-де оказались

«неуместными и лишенными всякой почвы». Автор и делегат правых независимых находит, что Амстердамский Интернационал будет представлять внушительный фактор, «если только удастся предохранить его от московских попыток внести раскол».

В германских профсоюзах борьба между сторонниками Москвы и Амстердама все более обостряется. Самым крупным событием в декабре явились перевыборы правления Берлинского Союза Металлистов. Сторонники Амстердама мобилизовали все силы, чтобы провести своих кандидатов, они ежедневно выливали на коммунистов целые ушаты грязи, лжи и клеветы и подняли особенно бешеную травлю на тов. Руша, стоявшего во главе коммунистического списка (Руш—председатель Берлинского Совета Профсоюзов и член делегации, посетившей Россию). Союз металлистов играет в германском профессиональном движении настолько крупную роль, что получить руководство в нем значит получить преобладающее влияние на всю профессиональную жизнь, и этого-то, как в том цинично признавалась право-независимая «Freiheit»,—добивались право-социалистические элементы в своей злостной кампании. Ценою бешеных усилий, социал-предателям удалось одержать победу; однако, она такова, что ее трудно назвать даже пирровой победой; их список получил 31.811 голосов против 30.272, поданных за коммунистов, при этом из общего числа избирателей в 160.000 в выборах участвовало немного выше 60.000.

Некоторые провинциальные союзы Германии определенно перешли на сторону коммунистов. Так, союз металлистов в Штутгарте, на дополнительных выборах в правление, избрал коммуниста Вюста и принял коммунистическую резолюцию против редакции «Газеты Рабочих Металлистов» («Metallarbeiter Zeitung»). Тот же союз выпустил обращение ко всем организованным в профсоюзы рабочим Германии, требуя в целях улучшения положения рабочих открытия наступательных действий под следующими лозунгами: 1) уничтожение спекуляции и понижение цен на предметы первой необходомости, 2) возобновление производства в полном об'еме и уравнение, за счет работодателей, денежной помощи безработным с заработком работающих, 3) отмена налогового вычета с заработка; налоги на имущество и конфискация крупных состояний; 4) контроль заводскими советами, профсоюзами и товариществами над снабжением промышленности сырьем и над распределением с'естных припасов, и 5) разоружение «Оргеша» и вооружение рабочих под контролем профсоюзов. Надо заметить, что все эти требования нашли полную поддержку со стороны коммунистов, и им удалось, несмотря на противодействие правых вождей, добиться принятия требований штутгартцев в Берлинском Союзе Металлистов. За эти же требования высказались рабочие завода Борзига в Берлине.

Борьба вокруг Московского и Амстердамского Интернационала в Германии находит свое выражение еще в ряде резолюций, вынесенных, в большинстве случаев, руководящими органами профсоюзов. Последние, в силу своего желто-реакционного направления, высказываются против Московского Интернационала, тогда как среди рабочих масс симпатии к нему явно возрастают. Это с особой силой обнаружилось в союзе переплетчиков, правление которого высказалось против Москвы, а рядовые члены—за Москву. Некоторые союзы, входящие в союз металлистов, как, например, союз рабочих по изготовлению револьверов, высказались за Москву. В Берлинском Союзе Печатников существует сплоченная, хорошо организованная оппозиция, стоящая на платформе Московского Интернационала.

Во французском профессиональном движении замечается то же самое. Реакционные и реформистские элементы в профсоюзах и здесь прибегают ко всевозможным средствам для удержания рабочих масс под крылышком Амстердамского Интернионада. И тут имеются союзы, в роде Союза сельских рабочих, который вынес следующую резолюцию (она помещена в «Journal du Peuple»): «Все профессиональные союзы, примкнувшие к III Интернационалу, к комитетам революционных профсоюзов и ко всем французским и международным группам, о которых не упоминается в уставах Союза и Всеобщей Конфедерации Труда,—считаются исключенными. Совет Союза, в полном сознании своей ответственности, предлагает профсоюзам произвести у себя такое же моральную чистку»...

Но и во Франции попытка желтых профсоюзов не всегда приводит к желанным результатам. На выборах в Федеральный Комитет департамента Сены, значительный перевес в трех секциях (типографов, печатников и литографов) получил список, так называемого, меньшинства (миноритеры), которое теперь, таким образом, стало в этом районе большинством. За список революционеров было подано 28.005 голосов, а реформисты и нереформисты получили только 15.479.

Нескрываемая боязнь перед Москвой как нельзя лучше раскрывает все фактическое бессилие и шаткость Амстердамского Интернационала. Если «28 миллионов», которые он с гордостью считает своими членами, действительно непоколебимо стоят за него, то, казалось бы, нечего бояться каких-то «попыток Москвы внести раскол». Но в том-то и дело, что рабочие все более начинают понимать сущность желтого Интернационала профсоюзов, и все «революционные» его постановления, как вообще вся его деятельность, являются лишь последней безнадежной попыткой удержать в сфере своего влияния отворачивающиеся от него рабочие массы.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ.

Деятельность профсоюзов в Польше, как вообще все рабочее движение, находится под сильным прессом правительственных гонений.

Само собою разумеется, что тяжесть респрессий обрушивалась, главным образом, на тех, кто имеет репутацию крайней левизны или причастности к коммунизму.

Так, редактор органа Центральной Комиссии профсоюзов «Zwiqzkowiec», Ант. Зановский, приговорен к 4 годам тюрьмы. Редактор газ. «Robotnik Miejsk» был приговорен к году крепости (приговор был отменен). Очутились под судом редактор «Robotnik'a Budowlan'ого» (орган этот приостановлен был изданием), также редактор «Robotnik'a Mgern'ого» и «Spoldzielc'a»; подверглись каре еврейские профсоюзы «terejnigte», редактор газ. «Dos Naje Wort» арестован (см. «Swit» № 46 от 21/XI), также—«Robotnik», закрыт «Zwiqzkowiec», орган об'един. свободных профсоюзов в Бромберге («Swit» № 45 от 14/XI), закрыто помещение секретариата профсоюзов в Познани и мн. др.

В виду таких обстоятельств борьба с желтыми профсоюзами, неклассовыми, как и борьба за самое существование классовых организаций превалирует над другими очередными задачами. В классовых профессиональных союзах Польши господствующая роль принадлежит П. П. С. Даже профессиональный Союз земледельческих рабочих, оказавшийся, в своей массе, большевистским, возглавляется П. П. С.-овцами. В июле минувшего года на с'ездах профессиональных союзов и кооперативов Польши были приняты резолюции, требующие, чтобы польские профессиональные организации не участвовали в политической борьбе, ограничиваясь лишь профессиональными задачами. Это, несомненное, П. П. С-ское влияние не могло быть, однако, проведено в жизнь. Ибо политическая реакция и борьба польских правящих кругов с левыми элементами задела и профессиональные союзы так больно, что они не могли не вмешаться в политические вопросы.

Борьба за профессиональный союз земледельческих рабочих.

Союз земледельческих рабочих, насчитывающий до 140.000 членов, был об'явлен под бойкотом правой буржуазно-помещичьей Польши. Союз землевладельцев отказался участвовать в смешанных комиссиях вместе с представителями профессионального Союза земледельческих рабочих. 14 сентября минувшего года должно было состояться в министерстве труда и социального обеспечения заседание главной примирительной комиссии. По закону, в ней должны были участвовать, кроме представителей власти, делегаты двух союзов: рабочего—профессионального Союза земледельческих рабочих, и помещичьего—Союза землевладельцев. Делегаты помещичьих организаций заявили, что они не желают заседать вместе и входить в непосредственные сношения с организацией, члены которой «содействовали большевистскому наступлению и сотрудничали в учреждениях, созданных неприятельской армией». Почти в то же самое время в сеймовой комиссии состоялись выборы членов Высшего Земского Комитета, имеющего своей задачей проводить в жизнь аграрную реформу. В этом комитете должен был быть представитель малоземельного и безземельного крестьянства. Хотя кандидат Союза земледельческих рабочих Квацинский поддерживался также Национальным рабочим союзом, т. е. организацией несоциалистической, комиссия сейма, бойкотируя Союз земледельческих рабочих за «большевизм» и «измену родине», предложила в кандидаты члена партии Х. Д. (Христианской демократии), насчитывающей в своих клерикальных организациях якобы 15.000 малоземельных и безземельных крестьян-батраков.

Партия П. П. С., а равно и профессиональный Союз земледельческих рабочих в первый момент горячо принялись за организацию протестов и противодействия этой официальной травле Союза. Центральный секретариат профессионального Союза земледельческих рабочих в циркуляре от 15 сентября заявляет: «что, во-первых, Союз земледельческих рабочих, как таковой, стоял на позиции обороны против большевистских войск...»; во-вторых, «что Союз землевладельцев, желая использовать политическую ситуацию для своих узких кастовых целей, вполне сознательно прибег к этой клевете, бросив тем самым вызов профессиональному Союзу земледельческих рабочих, в ошибочном предположении, что в настоящий момент Союз не имеет силы для самообороны». В виду этого, Союз, отмечая незакономерное поведение министерства труда и социального обеспечения, предложил: 1) немедленно из'ять представителей Союза из всех примирительных третейских, как земских, так и окружных, уездных и гминных комиссий; 2) все споры между рабочими и землевладельцами разрешать непосредственно в самых имениях; 3) созвать на 19 сентября чрезвычайное заседание главного управления Союза, и 4) к делу самообороны присоединить Центральную комиссию классовых профессиональных союзов, так как весь рабочий класс Польши заинтересован в разрешении этого конфликта.

Официальный орган П. П. С., «Работник» («Robotnik», № 253, IX. 1920), заявляет, что «аграрии хотят спасти свои владельческие права, хотят начать борьбу, поэтому ..... дело правительства противодействовать аграриям. Мы надеемся, что правительство исправит ошибку г. министра труда и научит аграриев умуразуму и уважению к существующим узаконениям».

При такой постановке вопроса широко поднятая кампания борьбы выразилась лишь в целом ряде резолюций, вынесенных разными профессиональными союзами о своей солидарности с Союзом земледельческих рабочих и готовности бороться за их интересы.

Кампания эта, протекавшая в условиях *весьма частых арестов, экзекуций, судебных приговоров по отношению к отдельным членам Союза и к простым батракам*, все же, не вышла за пределы той легальности и тех чисто словесных приемов борьбы, которую с самого начала наметил официальный орган П. П. С. «Robotnik».

Позже, когда вопрос уже несколько заглох, центральная комиссия профессиональных классовых союзов выступила в роли посредника, «во имя блага государства и его граждан, а также для ограждения как государства, так и земледелия от дальнейших нежелательных потрясений и ненужной внутренней борьбы» («Kurjer Polski», № 305, от 6 XII 20 г.). Ясно, что выступление это имело своей очевидной целью затушевать всю эту обострившуюся классовую борьбу в сфере аграрных взаимоотношений.

Оппозиция против оппортунизма вождей профсоюзов.

Эта тактика П. П. С., а равно и центральной комиссии профессиональных классовых союзов не встречает, однако, одобрения среди более левых по своему настроению классовых профсоюзов. Характерна в этом отношении позиция профсоюза строительных рабочих, занятая ими по поводу «Открытого письма» профсоюза земледельческих рабочих к пролетариату Варшавы.

30 сентября Профессиональный Союз земледельческих рабочих поместил в «Работнике» открытое письмо к пролетариату Варшавы. Перечислив ряд насилий и репрессий по отношению к батракам и их организациям, Союз заявляет: «мы не должны поэтому об'яснять вам, что в имениях происходит оргия преследований и издевательств над земледельческими рабочими. Эти насилия и репрессии не производятся бесцельно. Естественно, что если бы польской реакции удалось подавить освободительное движение в деревне, она направила бы свои силы на другие рабочие организации».

Многие члены Союза подвергаются неприятностям, арестам, побоям и даже смерти. Между тем уездные власти не приняли никаких предохранительных мер. Конечная цель этой борьбы — обеспечить за реакцией всю полноту власти. Поэтому, Союз земледельческих рабочих взывает к Центральной Комиссии профессиональных классовых союзов рабочих, дабы она в кратчайший срок созвала конференцию всех профессиональных союзов. Этой конференции Профессиональный Союз земледельческих рабочих предлагает выставить нижеследующие требования:

1) прекращение всяких репрессий и насилий, чинимых над рабочими как административной властью, так и помещиками;

2) роспуск Союза землевладельцев и заключение главного управления этого союза в тюрьму за неповиновение закону;

3) соответственный подбор чиновников, которые исполняли бы законы, а не были слугами одного только класса польского общества;

4) освобождение всех незаконно арестованных;

5) уплата денежных пособий семействам убитых;

6) привлечение к строгой ответственности всех виновных в злоупотреблениях;

7) об'явление собственностью государства помещичьих имений, владельцы которых не желают подчиниться предписаниям закона, и

8) контроль Профессионального Союза земледельческих рабочих над подлежащим доставке земледельцами продовольствием, согласно разверстке.

Такова «легальная» классовая борьба этого союза, вернее руководителей союза.

Обсуждая эти предложения, орган Профессионального союза рабочих строительной промышленности «Robotnik Budowlany» (№ 8, от 17/X) недоумевает по поводу тактики Союза земледельческих рабочих и его открытого письма. Он напоминает, что год тому назад этот же союз обратился в Центральную комиссию по поводу забастовки батраков с просьбой о поддержке. Когда же Центральная комиссия приняла решение об'явить всеобщую забастовку для защиты земледельческих рабочих, то сами заправилы союза батраков испугались этого. П. П. С. противодействовала всеобщей забастовке. Сама Центральная комиссия вследствие этого переполошилась, и уже принятое однажды решение о забастовке было отменено. В результате еще большая наглость буржуазии и издевательство над сельскими рабочими... Нынешние репрессии являются продолжением предыдущих. Эти репрессии возросли вместе с тем в местностях, в свое время

занятых большевиками, т. к. здесь можно было, под флагом государственной измены, кроваво, жестоко отмстить рабочим.

«Robotnik Budowlany» полагает, что только массовое выступление рабочих могло бы оказать противодействие буржуазии. А между тем на конференции профессиональных союзов, состоявшейся 7 октября, представитель Союза земледельческих рабочих Квапинский, как и представитель Центральной комиссии профсоюзов Жулавский, открещивались от всякого массового выступления. Не без иронии «Robotnik Budowlany» разъясняет, что все эти требования в роде роспуска Союза землевладельцев или заключения в тюрьму их главного управления и т. п.—это одна лишь словесность, рассчитанная на внешний эфект резолюция, с целью убедить сельских рабочих, что для них де очень многое делается.

Названный орган считает единственным средством самообороны всеобщую забастовку. Но забастовки не было, так как все усилия П. П. С. и заправил Союза свелись... к соглашательским приемам.

Борьба на с'езде железнодорожников.

Одним из крупных профессиональных союзов Польши является союз польских железнодорожников, стоящий не на классовой точке зрения, — Профессиональный Союз железнодорожников (Z. Z. K.). Недавно состоявшийся во Львове с'езд польских железнодорожников послужил, очевидно, ареной, на которой недовольное меньшинство, считающее, что П. П. С. и Союз сошли с пути классовых пролетарских интересов, пыталось сделать серьезный натиск на заправил Союза. Против формулы доверия голосовало 43 человека.

На с'езде обсуждались, главным образом, вопросы делового характера. Более общее значение имели следующие вопросы: 1) должен ли Союз железнодорожников вступить в, так называемую, Централю, т. е. Центральную Комиссию профессиональных союзов, на общих основаниях или с особыми оговорками. Профессиональный Союз железнодорожников желает выговорить себе автономию, требуя, чтобы вопрос о железнодорожной забастовке решался исключительно исполнительным отделом Союза железнодорожников (а не в Централе) и чтобы Союз железнодорожников имел право на заявления об «особом мнении». Централя, в принципе, согласна принять Союз железнодорожников на некоторых особых условиях. Огромное большинство против 8 высказалось за вступление Союза железнодорожников в Центральную комиссию профессиональных союзов (см. «Naprzód», № 286, от 2 декабря).

Представитель оппозиции Грохульский, высказываясь за вступление в Централю, заявил: «Весь мир стоит накануне социальных переворотов, на пути к созданию социалистического строя. Мелко-буржуазное направление вредит социализму. Только революционный социализм занимает ясную позицию. Исполнительный отдел Союза железнодорожных рабочих предал железнодорожников во время забастовки. П. П. С.—это соглашатели, которые стремятся к созданию буржуазно-демократического государства. В классовой Централе существуют соглашательские тенденции, с которыми должны бороться посланные в Централю делегаты железнодорожников».

По отчетам органов П. П. С. «Robotnik» и «Naprzód» трудно получить ясное представление о борьбе участников с'езда, противников П. П. С. с этой партией и с заправилами Союза. Несомненно, однако, что выступление оппозиции носило бурный характер, осложнившийся еще тем, что на с'езд ворвалась масса рабочих и устроила демонстрацию протеста против официальных руководителей Союза, что вызвало временный перерыв в работах с'езда.

Делеклюз,—

старик с седой головой, худой, энергичными чертами лица и гордым взглядом, образец честности и бескорыстия, якобинец, точно вылитый по модели бронзовых фигур людей Конвента, он был последним и не наименее прекрасным представителем их в наши дни.

Вся жизнь его была одной непрерывной борьбой за то, что он считал правом, справедливостью, истиной.

Его органические, так сказать, симпатии не влекли его к Коммуне, но там был народ, там была его воля.

И Делеклюз с твердостью стоика, преклонился пред нею.

Варлен,—

сын народа и дитя собственных дум.

Он родился в 1839 году от бедных крестьян департамента Сены и Марны. На тринадцатом или четырнадцатом году он пришел в Париж и поступил учеником к одному переплетчику.

В то время он не умел ни читать, ни писать. Но у него хватило энергии самому образовывать себя, урывая время от тех немногих часов отдыха, которые оставляла ему работа в мастерской.

Делеклюз,—человек происхождения буржуазного, воспитания якобинского, представлял собою тип революционера старого закала, перешедшего в социализм, благодаря лишь искренней своей преданности делу народа, делу справедливости.

Варлен, напротив того—воплощение революции нового времени. Он весь принадлежит социализму воинствующему, и в ряду представителей последнего образ его всегда останется одним из самых светлых, самых благородных, самых трогательных.

Дюваль и Флуранс.

Один из них—простой рабочий, как и Варлен; другой—сын одного из сановитых ученых своего времени, профессора, академика, члена Института—Флуранса.

Оба они отдали жизнь за одно то же дело; а они дали бы ему и победу, если бы героизм, посвященный служению справедливости, был достаточен, чтобы восторжествовать над хитрой организацией буржуазного государства, этого сторукого чудовища, стоящего на страже привилегии и эксплуатации против правды и справедливости.

Оба они были молоды; оба, как Делеклюз и Варлен, заседали в Коммуне; оба командовали отдельными отрядами во время вылазки 3 апреля, когда Париж в единодушном порыве поставил на ноги свои двести тысяч человек, которых Тьер выставлял перед Францией, как „горсть разбойников, бежавших с каторги“.

Арну: „Мертвецы Коммуны“.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ОБ'ЕДИНЕНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Переживаемый во всем мире процесс обострения классовых противоречий, выразившийся с одной стороны в создании и укреплении Российской Советской Социалистической Федеративной Республики и в организации во всех странах коммунистических Партий, с другой стороны — в об'единении всех контр-революционных сил вокруг Лиги Наций, не мог, конечно, не отразиться на характере развития кооперативных потребительских союзов, включающих в свои ряды вместе с мелкой буржуазией значительное количество пролетариев.

Созданный около двух лет тому назад генеральный штаб международной пролетарской революции — III Коммунистический Интернационал, а также Международный Совет Красных Профессиональных Союзов провели резкую грань между квази социалистическими элементами, стоящими за соглашение с буржуазией и действительно революционными, коммунистическими отрядами, борющимися за диктатуру пролетариата.

Кооперативное движение во всем мире в еще большей степени, чем профессиональное, было прибежищем всех оппортунистов, изменников рабочего класса, скрывающих, за пышными лозунгами установления социалистического строя, свою боязнь революции, свою привязанность и прикосновенность к буржуазно-капиталистической системе.

Разбойничья империалистическая война встретила у кооператоров всех стран готовые кадры социал-шовинистов, бросившихся в об'ятия своих буржуазных правительств.

Социальный катаклизм, происшедший в России, в результате которого было создание первой в мире Республики Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, встретил у кооператоров в высшей степени отрицательное отношение.

Свежая струя революции, ворвавшаяся в затхлые убежища кооператоров, была невыносима для них, привыкших работать в условиях капиталистической системы.

Кооператоры почуяли в вихре социальной революции, сметающей все старые, прогнившие основы капиталистического строя, опасность, что не у дел останутся они со своим крохоборством, стремлением потихоньку-полегоньку «отвоевывать» мирным путем кое-какие улучшения для рабочего класса, ни в коем случае не покушаясь на капиталистическую систему в целом.

Для них исчезала возможность по русскому выражению, «черпать ложкой горе моря народного».

Воочию вырисовалось буржуазное, сентиментальное, филантропическое, реакционное направление у людей, считавших себя почти социалистами, творцами новой жизни.

Когда империалисты всех стран об'единились в «священный союз» и, во имя борьбы с пролетарской революцией в России, посылали свои войска, обмундировывали и снабжали всем необходимым войска контр-революционных генералов, поднявших восстание против Советской власти, и, наконец, проводили беспощадную блокаду что сделали «независимые», «демократические» кооперативные союзы во всем мире?..

Кроме жалкого лепета и воздыханий по поводу ужасов войны никаких реальных шагов кооператоры не сделали и не подумали сделать. Вся же их реакционная сущность ярко выразилась в постановлении Центрального Комитета Международных Кооперативных Союзов на заседании, состоявшемся в Гааге 9 октября 1920 г.

Коснувшись общих перспектив движения, здесь еще и еще раз были подтверждены для международной кооперации старые принципы Рочдельских пионеров, расчитанные на мир-

ное сожительство с капиталистической системой.

По вопросу же о «сношениях с Россией» была принята следующая резолюция:

«Центральный Комитет, ознакомившись с докладом по вопросу о «сношениях с Россией», представленным-Исполнительным Комитетом, снова протестует против всех мер, которые лишили организацию русских кооперации их полной независимости.

«Центральный Комитет заявляет снова, что он считает представителями только тех лиц, которые снабжены мандатами от Свободной и Демократической Кооперации.

«Согласно а. с. і. настоящие делегаты Центрального Комитета, представители движения русской кооперации, которые, как и другие делегаты, назначаются от одного интернационального конгресса до другого, и следовательно, остаются в силе».

Если по первому вопросу определенно выяснилась оппортунистическая позиция настоящих представителей международного кооперативного движения, которые в момент ожесточенного штурма пролетариями всех стран крепости буржуазного строя, продолжают тянуть лямку соглашательства и скрытой поддержки всех защитников системы гнета и эксплуатации, то по второму вопросу Центральный Комитет выявил свое отрицательное отношение к Советской власти—этого воплощения диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в России и стал открыто на поддержку бывших людей, представителей бывшего соглашательского движения в русской кооперации.

Центральному Комитету достаточно было, что так называемая русская делегация, состоящая из господ Ленской, Беркенгейма и Зельгейма, стоит на одинаковой с ними позиции, хотя эти люди давно уже потеряли всякую связь с русской кооперацией и по существу представляют только самих себя, чтобы допустить их в качестве делегатов Центрального Комитета от России.

Центральный Комитет не счел нужным остановиться на том существенном обстоятельстве, что, по постановлению С'езда Российской Кооперации, состоявшемся в июле прошлого года, деяшельность «русской делегации» была заклеймена позором, сами они были лишены всякого права на представительство и против них возбуждено было преследование за присвоение нескольких сот миллионов рублей.

Самый же текст резолюции, гласящий, что «Центральный Комитет протестует против всех мер, которые лишили организацию русских кооперации их полной независимости», а также «считает представителями кооперации только тех лиц, которые снабжены мандатами от Свободной и Демократической Кооперации», свидетельствует, что Центральный Комитет, умышленно искажая истину, будто в России Кооперация трудящихся подвергается каким бы то ни было стеснениям, еще раз подтверждает свою принципиальную солидарность только с тем кооперативным движением, которое развивается в рамках капиталистического строя, «свободно» от революционных устремлений и «демократично» настолько, насколько демократичен строй, основанный на эксплуатации кучкой тунеядцев, капиталистов, банкиров и рантье миллионов пролетариев, продающих свой труд.

Центральный Комитет не может представить себе, что Российская Кооперация, работающая в условиях уничтожения капитализма и осуществления власти Советов, единственно возможной в настоящих условиях формы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, развивается в самых свободных условиях, какие только мыслимы для кооперативного движения трудящихся масс.

Тот факт, что кооперативное движение в России достигло своего апогея, об'единивши все население Р. С. Ф. С. Р., факт, характеризующий, с одной стороны, жизненность принципа кооперации и невозможность при устранении капитализма оставаться кому либо вне Кооперации, с другой стороны, открывающий ей безбрежный простор развития на пользу трудящимся массам, — остался вне поля зрения Центрального Комитета.

Где и в какой стране распределение всех продуктов питания и предметов широкого потребления в обще государственном масштабе, для всего населения, передано кооперативным органам?..

Где и когда видано, чтобы дело организации бесчисленных кустарных промыслов и поднятие сельско-хозяйственного производства было целиком передано кооперации?

Наконец, можно ли говорить об отсутствии свободы и о недемократичности Российской Кооперации, когда буквально все население Республики привлечено к выборам снизу до верху своих кооперативных органов и, с помощью особых контрольных и ревизионных Комиссий, следящее за правильностью их деятельности.

Только ярый сторонник власти капитала, только противник международного революционного пролетарского движения, разбивающего оковы рабства, может цепляться за основы старой капиталистической кооперации и бороться с новой, действительно социалистической, коммунистической кооперацией.

На такую именно, капиталистическую позицию и стал Центральный Комитет Международных Кооперативных Союзов. Этим он окончательно отрезал себя от трудящихся масс, воодушевленных идеей непосредственной борьбы с капиталом.

Да и не могло быть иначе.

От г. Тома, являющегося министром самого реакционного буржуазного правительства в мире, от г. Мюллера, бывшего министра Шейдемановского правительства, злодейски умертвившего Розу Люксембург и

Карла Либкнехта, от г.г. Вандервельде, Кауфмана, Мансфельда, Пуассона и пр. и пр. ничего другого нельзя было и ожидать!

К счастью, база, на которой оперируют эти господа, все с'уживается и с'уживается. Среди кооперативных союзов разных стран в настоящее время начинают обнаруживаться новые направления.

Поднимаются голоса против политики, господствующей в Центральном Комитете.

По тем скудным сведениям, которые проникают в Россию, о новых течениях в международной кооперации, трудно судить о размерах этого процесса.

Но уже и теперь можно отметить целый ряд отрадных фактов:

Миланский Союз Кооперативов всецело примыкает по тактике к левому крылу Итальянской Социалистической Партии.

В Норвегии на 12-м Национальном С'езде кооперативных союзов, происходившем в конце 1919 года в г. Гамаре, из состава общего числа делегатов в 198 человек выделилась оппозиция в 87 человек, заставившая председателя с'езда, кооператора старого направления Делли, сложить свои полномочия.

На С'езде Центрального Союза Германских Потребительских Обществ в 1919 году в Гамбурге выступали спартаковцы.

Наконец, группа французских кооператоров сравнительно недавно подняла вопрос о создании нового международного кооперативного центра, стоящего на позиции III Коммунистического Интернационала.

Нет никаких сомнений, что во всех странах мира имеются в наличии значительные группы кооператоров, солидарных во взглядах с французскими товарищами.

Можно определенно сказать, что существующий в настоящее время Центральный Комитет Международного Союза Кооперативов ни в коей мере не выражает не только интересов, но и настроения широких трудовых масс, об'единенных в Кооперацию.

Наступил момент разграничения и в рядах кооперации...

Русская кооперация, первая вступившая на путь беспощадной борьбы с капитализмом, соединившая свою судьбу с социалистическим строительством первой в мире Республики Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, должна послужить тем организующим ядром вокруг которого сплотятся все революционные кооперативные Союзы в обще-мировом масштабе.

Подобно тому, как создался III Коммунистический Интернационал, подобно тому, как возник Международный Совет Красных Профессиональных Союзов, из красной Москвы должен раздаться клич:

Революционные кооператоры всех стран, соединяйтесь!

Соединяйтесь для непосредственной борьбы с отжившими устоями капиталистического строя!

Соединяйтесь для осуществления диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, для учреждения Международной Республики Советов!

Соединяйтесь под знамя III Коммунистического Интернационала!

Предлагая вниманию Исполнительного Комитета указанные соображения, нижеподписавшийся от имени Роесийской Кооперации, возглавляемой Всероссийским Центральным Союзом Кооперативных Обществ (Центросоюз), Председателем которого он является, просит поднять в Исполнительном Комитете вопрос о своевременности и необходимости начать кампанию за создание международного об'единения кооперативных союзов под знаменем III Коммунистического Интернационала.

Председатель Центросоюза
Л. ХИНЧУК.

ЭТАПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ.

1. Международный Кооперативный Союз организован в Лондоне в 1895 г.

2. Первый конгресс, состоявшийся в Париже в 1896 г., прошел под знаком участия рабочих в прибылях и примирения труда с капиталом.

3. На конгрессе в Буда-Пеште в 1904 г. произошел раскол между сторонниками «неклассовой», «нейтральной» кооперации и сторонниками «классовой» и связанной с другими формами рабочего движения в борьбе за социализм. Победило второе течение. Результатом явился выход из союза мелко-буржуазных и сельскохозяйственных союзов, образовавших на своем конгрессе в Вене в 1907 г. Международный Союз Сельско-Хозяйственных Кооперативов, и оформление международного кооперативного союза, как союза главным образом рабочей, потребительской кооперации.

4. После конгресса II Интернационала в Копенгагене в 1910 г., призвавшего рабочих участвовать в кооперации и признавшего кооперацию одной из отраслей рабочего движения на ряду с политической и профессиональной, Гамбургский конгресс кооперативного интернационала в 1910 г. выразил свои симпатии II Интернационалу.

5. Глазговский конгресс в 1913 г. организует Международное Общество Закупок и выражает свой протест против подготовлявшейся войны.

6. В 1916 г. состоялась в Париже конференция кооперативов стран Согласия, на которую отказался явиться Исполнительный Комитет Международного Союза Кооперации и итальянские кооператоры.

7. В 1916 г. Исполком восстановил издание Международного Кооперативного Бюллетеня, в котором сотрудничали и немцы.

8. В междусоюзнической конференции кооператоров в Париже (7 февраля 1919 г.) присутствовали представители Франции, Англии, Бельгии, Италии, Соедин.

Штатов, Греции и Литвы. Здесь опять выдвинут был вопрос о Международном Обществе Оптовых Закупок и решено подготовить полное восстановление кооперативного интернационала путем созыва новой конференции с участием представителей нейтральных стран.

9. 26-го июля 1919 г. в Париже состоялась конференция из представителей всех стран, кроме кооперативов Италии, Германии, Дании, Голландии и Швеции.

10. Резолюция, принятая на последней конференции, клеймит политику капиталистических государств, как военную, и выдвигает программу восстановления международных отношений на базе ликвидации империалистической политики, аннулирования всяких военных займов и контрибуций и намечает ряд мер, клонящихся к созданию международного хозяйства.

Факты намечающегося коммунистического движения в международной кооперации.

Англия. 1) В «Coop. News», № 14, от 5/IV 1919 г. помещена статья против интервенции и блокады Советской России и оправдывающая сопротивление Советской России нашествию западно-европейских капиталистических стран.

2) На II конгрессе английских кооператоров были приняты резолюции: 1) об участии кооперативов в политической жизни страны совместно с Рабочей партией (Labour Party) и 2) о национализации и социализации основных отраслей хозяйства и отмене частной собственности на землю.

3) 21 сентября 1919 г. состоялась в Гайд-Парке стотысячная демонстрация Об'единенного Совета Тредюнионов и кооперативов под знаменем национализации рудников и других отраслей промышленности.

Бельгия. Среди кооператоров имеется группа коммунистов, решившая, не выходя из существующей кооперативной организации, бороться за свое влияние в кооперативах.

Германия. 1) Центры кооперации, во главе с Мюллером, признавая невозможным возврат к довоенным капиталистическим формам, не исключают возможности огосударствления кооперативного аппарата, превращения кооперации (и вообще всей системы распределения продуктов) в систему самоуправляющихся общественных хозяйственных органов, наделенных публично-правовыми функциями.

2) Весной 1919 г. появилась книга спартаковца, д-ра Нейрата о социализации, выдвинувшая идею принудительного кооперирования населения и огосударствления ныне существующей кооперации в процессе социалистической революции.

Ферре.

Невозможно забыть эту бледную, сухую, энергичную фигуру и это лицо, пересеченное длинным, падавшим прямо на рот носом, и эти черные глаза с быстрым мрачным взглядом.

В Коммуне он редко принимал участие в прениях. Он занимался полицией вместе с Раулем Риго, которого под конец и заменил в качестве делегата при префектуре.

Всегда спокойный, обыкновенно молчаливый, несколько холодный на вид, этот человек вмещал железную волю и мужество героя в слабом и хрупком теле.

За час до казни он написал сестре письмо без фраз, в котором об'являет себя полным атеистом и материалистом.

В течение двенадцати недель со дня произнесения приговора он ждал смерти!

Версальцы умышленно продолжали предсмертные муки осужденных, надеясь такой пыткой сломить эти геройские души.

Гастон Кремье, из Марселя, был казнен шесть месяцев спустя после своего приговора.

Но палачи ошиблись.

Ни один из них не изменил себе!

У Ферре, как и у прочих, была своя Голгофа.

Мать его сошла с ума от отчаяния и умерла.

Брата его держали, как помешанного, в одной из версальских клеток.

Отец его был в плену.

Сестра его, 19 лет, осталась одна в этом ужасном одиночестве, населенном призраками убитых или помешанных.

Наконец, 25 ноября, в шесть часов утра, Ферре повели на Сатори вместе с Росселем и Буржуа,—бедным солдатом, имя которого тоже следует помнить.

Весь в черном, с сигарой во рту, с лицом, на котором не шевельнулся ни один мускул, медленным и твердым шагом он пошел к столбу, который был ему назначен, встал и взглянул в лицо смерти.

Раздался залп. Россель и Буржуа упали, Ферре остался на ногах.

Раздался второй залп,—он опустился.

Тогда один из солдат подходит и вкладывает ему в ухо дуло своего шасспо и простреливает ему голову.

Его убивают в три приема.

Арку: „Мертвецы Коммуны".

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПРАВИЛА ПОДПОЛЬНОЙ ПАРТИИНОЙ РАБОТЫ.

Не выдавай деятельности партии и не предавай партийных работников ни при каких условиях.

2. Не носи с собой и не храни при себе имен и адресов, если они не надежно зашифрованы.

3. Не храни открыто в своей комнате никаких уличающих документов и литературы.

4. Не подвергай себя ненужному риску во время партийной работы.

5. Не отказывайся от партийной работы из-за связанной с нею опасности.

6. Не хвастай тем, что ты сделаешь или сделал для партии.

7. Не открывай без нужды своей принадлежности к партии.

8. Наблюдай за тем, чтобы шпионы не следовали за тобой, когда ты отправляешься по партийному делу или на собрание.

9. Не теряйся в минуту опасности.

10. В случае ареста не отвечай ни на какие вопросы, задаваемые как на предварительном следствии, так и в суде.

1. Выдать деятельность партии или партийных работников—есть непростительный грех в партийной работе. Сообщить правительству сведения о работе партии и о ее работниках—это значит бесстыдно предать их,—какие бы средства и пытки ни применялись по отношению к тебе в этом случае. *Не будь предателем!* Твердо помни это! Пусть эта решимость настолько проникнет в самое глубину твоего подсознательного «я», чтобы ты мог противостоять всякому влиянию, всякой пытке. Нет достаточных слов осуждения, нет достаточной кары для изменника.

2. Быть задержанным, имея при себе общепонятные записи и адреса товарищей или партийных работников и мест собраний—это почти то же самое, что предать их правительству; по крайней мере, результат будет тот же. Такие имена и адреса не следует записывать в общепонятном виде. Их, вообще, не следует писать полностью. Старайся как можно больше хранить в своей памяти, а записи должны служить ей только вспомогательными знаками. То же, что необходимо записать, записывай в хорошо зашифрованном виде.

Во всяком случае, однако, ты должен быть уверенным в том, что ты знаешь и имеешь при себе *точные* адреса. Совершенно недопустимо справляться о таком-то партийном адресе у прохожих или же у дворника, швейцара или кого-либо из жителей того дома, который указан в адресе. Весьма вредно и опасно также ошибиться адресом при отправлении партийных посылок или корреспонденций: благодаря такой ошибке важные посылки или письма не только могут пропасть, но могут попасть в руки правительства; таким образом, могут быть раскрыты способы секретной передачи партийных пакетов; могут быть обнаружены правильные адреса; и—к довершению всего—такая ошибка может повести к арестам адресатов. *Всегда*, когда даешь или получаешь партийный адрес, или же пользуешься им, проверяй его дважды, чтобы наверняка избежать какой-бы то ни было ошибки.

Чтобы записать то, что, все же, *необходимо* записать, пользуйся хорошим шифром. Для цифр всегда очень легко пользоваться шифром. Возьми для этого слово, состоящее из десяти букв, или два слова по пяти букв каждое (но слова не должны иметь смысла,—иначе их легко расшифровать); возьми, например, слова: «верга дзигу»—одна и та же буква не должна повторяться,—и, затем, заменяй цифру 1 буквой «в», и 2—«е», 3—«р», и так далее до 10—у.

Когда и где только возможно, для партийных корреспонденций и посылок следует пользоваться *не прямыми*, а *косвенными* (indirect) адресами.

Работник-организатор, из-за *небрежности* которого в руки правительства попадают партийные имена и адреса—немногим лучше предателя.

3. Сохраняй всегда свою квартиру «чистой». Малейшая заботливость в этом отношении может оказаться для тебя спасительной при случайном аресте или же при обыске по подозрению. В особенности же наблюдай за тем, чтобы в комнатах не валялись в сколько-нибудь *значительном количестве* наши ли-

стки, газеты и, вообще, литература, на основании чего можно было бы заключить, что ты принимаешь участие в их распространении. За одно чтение революционной литературы тебе не могут сделать ничего особенного, но за ее распространение тебя, несомненно, засадят. И, наконец, чего ради подвергаться опасности благодаря тому, что всякий *случайный* посетитель твоих комнат—неизвестный «друг», разносчик, сборщик и т. д.—будет знать, что ты—коммунист?

4. Следует избегать всякого ненужного риска не только ради самого себя, но также и ради партии, дабы она могла сохранить тебя, как партийного работника. Будь чрезвычайно осторожен при раздаче нашей литературы и при ведении партийной агитации и пропаганды на заводах и в союзах.

Будь еще более осторожным, если тебе доверено ответственное место в партийной организации,

Легко оценить тот вред, который приносит нашей организационной работе арест районного организатора и, вообще, товарища-члена центрального органа нашей организации. Со стороны таких товарищей было бы, например, совершенно бессмысленно подвергать себя риску путем раздачи нашей литературы по домам и квартирам. Эти товарищи не должны были бы, собственно, даже присутствовать при публичных «выступлениях» партии. Им никогда не следует показываться вдвоем или в еще большем числе. Ибо если кого-либо из них подозревают в том, что он ответственный партийный работник, то с какой же стати дать шпикам повод перенести свое подозрение также и на других товарищей?

Чем ответственнее положение данного работника в партии, тем оно опаснее и тем он должен быть внимательнее и осторожнее.

5. Отнюдь нельзя назвать трусом того, кто, работая для партии, отличается крайней осторожностью. Испытание каждого работника заключается в самой его работе: в том, исполняет ли он ее или нет; готов ли он подвергаться *неизбежной* опасности, связанной со всякой подпольной партийной работой, или же, под тем или иным предлогом, он старается избежать всякого риска лично для себя—устраняясь, ради этого, от всякой, вообще, партийной работы? Если товарищ *выполняет* свою долю партийной работы, то его надо считать лучшим работником, он делает свое дело с возможно наименьшим риском. Но если он *не выполняет* своей доли, то он—трус и дезертир и должен быть признан таковым, несмотря ни на что, независимо от его громких слов и хвастовства насчет своей храбрости.

Правило таково: *партийная работа должна быть исполнена,*—при том, с возможно наименьшим риском, и даже совсем без риска, если это только возможно,—*но она должна быть выполнена.*

6. Хвастать, вообще, глупо. Но совершенно преступно—хвалиться своей работой в партии и тем самым подвергать как себя, так и партийную работу совершенно ненужной опасности. Того, что тебе известно, или того, что касается порученных тебе, как партийному работнику, задач, не должен знать никто, кроме тех, кому об этом надлежит ведать для исполнения своих партийных обязанностей; никто—не исключая даже твоего лучшего товарища, жены или мужа, или подруги сердца.

Берегись также, чтобы тебя не подслушали посторонние, когда тебе, все же, *приходится* говорить о партийных делах.

7. Занимаясь партийной работой, агитацией и пропагандой и даже производя сборы в пользу партии среди посторонних или вербуя новых членов в партию—можно и должно скрывать свою принадлежность к партии. В некоторых случаях достаточно указывать лишь на то, что сочувствуешь партийной программе и поддерживаешь партию; в иных случаях—что имеешь связи с членами партии. Только тогда, когда тебе приходится уже ввести партийного кандидата в среду испытуемых членов, следует сказать ему, что ты сам принадлежишь к партии.

Не беда, если на заводе или в союзе, где ты работаешь, тебя будут считать красным, благодаря твоей деятельности—это слишком общая характеристика, чтобы она могла послужить основанием для судебного преследования и наказания; но никто не должен знать, что ты член коммунистической партии.

8. Всякий из нас знает, что во всех городах тысячи шпионов постоянно занимаются выслеживанием наших членов, наших собраний и центров нашей деятельности. Но многие ли среди нас обращают на это должное внимание и думают о том, чтобы за ними никто не следил, когда они идут в условленное место, на собрание, или просто отправляются куда-нибудь на партийную работу?! Особенно, это должны иметь в виду те из наших товарищей, которые находятся более или менее под подозрением или же состояли уже под надзором или были уже арестованы и присуждены к наказанию.

Известно ли тебе, что таких товарищей иногда нарочно выпускают на свободу, как приманку, для того, чтобы шпики могли следовать по их стопам и раскрывать таким образом наших партийных работников и наши адреса?

Конечно, это не значит, что такие товарищи должны бросить всякую партийную работу. Но это значит, что они должны быть особенно осторожны и внимательны.

Известно-ли тебе также, что наши враги—дабы не потерять следов нашей работы—вскрывают наши письма, делают с них снимки и снимают копии, а затем, аккуратно вновь запечатав их, посылают дальше по адресу? Они—видишь ли—не задерживают совсем этих писем, не желая вызвать прекращения дальнейшей корреспонденции,

что могло бы послужить предостережением для наших товарищей.

Не давай себя убаюкивать ложным чувством безопасности на том основании, что в течение некоторого времени не было арестов и налетов; весьма возможно, что это затишье перед бурей; возможно, что полиция просто собирает все доступные ей сведения, перехватывает все доступные ей нити нашей организации, с тем, чтобы напасть на нас неожиданно и постараться разбить всю нашу организацию и парализовать все наши силы, как она это сделала во время январского налета. Вновь добиться таких же результатов полностью—этого им больше уже никогда не удастся. Но, все же, мы можем потерпеть большой урон, если наши товарищи не будут остерегаться.

9. Для подпольной партийной работы весьма важно присутствие духа, полное самообладание, спокойствие и готовность ко всяким случайностям. Приступая к такой работе, следует всегда заранее подумать об опасном положении, которое может возникнуть, и подготовиться к нему, подумать также о том, как избежать такого положения, а—если это окажется неизбежным,—как выйти из него.

Когда ты отправляешься на партийную работу, непременно убеждайся заранее в том, что у тебя нет, ни при себе, ни в твоей квартире, никаких лишних улик, записок или вещей. Имей всегда в таких случаях наготове хорошие ответы на возможные неожиданные вопросы: «Что Вы тут делаете или ищете, куда и откуда идете»?

Будь готов к неожиданной опасности. Заранее думай о ней и вооружайся твердой решимостью, чтобы, при встрече с ней, не растеряться и оставаться спокойным. Хладнокровие и внешнее спокойствие часто могут тебя выручить, а смущение и страх могут погубить тебя. Во всех случаях, когда ты видишь, что тебе не миновать ареста, прячь или бросай и как можно основательней уничтожай все вещественные доказательства. Конечно, не следует решаться на это слишком легко, по малейшему поводу. Прежде, чем поступить так, надо удостовериться, что тут нет ложной тревоги.

Всеми способами надо избегать ареста.

10. Но может случиться, что ты, все-же, окажешься арестованным, ибо у властей имеются достаточные доказательства или же достаточно веские основания подозревать, что ты коммунист, и ты подлежишь поэтому, как смертельный враг существующего строя, заключению в тюрьму (на основании закона или без всякого законного основания). Власть постарается, конечно, сначала использовать тебя для того, чтобы поймать других коммунистов и уничтожить, если возможно, всю организацию; сначала тебя допросят, засадят за решетку и вынудят у тебя всевозможные сведения и, наконец, подвергнут тебя пытке. В таком случае единственно правильное и лучшее, что ты можешь сделать при таких условиях, это—*совершенно отказаться отвечать на все вопросы* (Потребуй защитника. Ты имеешь на это право. И—поможет ли тебе это или нет,—но ты вправе отказаться отвечать на вопросы).

Опыт наших русских товарищей в течение долгих лет их тяжелой подпольной борьбы с царизмом показал, что именно такой образ действий является наилучшим. Свои выводы они изложили в небольшой книжке, под заглавием: «Как вести себя на допросе», в которой дается вполне определенный совет: не отвечать *ни на какие вопросы*.

По каким бы соображениям ты ни отвечал на вопросы: с целью ли постараться выпутаться самому, рассеять все подозрения, для того ли, чтобы тебя отпустили, или же с целью сознаться в собственной деятельности в партии и тем прикрыть остальных товарищей; или же, наконец, с целью повлиять на врагов, обратить, так сказать, в свою веру шпиков и преследователей, — все равно, результат всегда окажется вредным для интересов нашей партии. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно, предвидя последствия своего поведения, или нет, — но, отвечая на вопросы, ты *непременно* сообщишь и кое-какие сведения. Даже одно только подтверждение тех сведений, которые у них, очевидно, уже имеются, может оказаться весьма полезным для них в целях проверки правильности сообщений их шпиков, а также для допроса других товарищей на судебном следствии, где твое показание может послужить основанием для пред'явления товарищам тех или иных обвинений.

Не верь, однако, нашим врагам, когда они станут уверять тебя, что другие товарищи сознались и сообщили им разные сведения; это—лишь один из многочисленных фокусов и хитростей, при помощи которого они хотят заставить тебя начать давать показания и отвечать на вопросы. Не следует также забывать, что во всех тюрьмах сидят их шпики и ищейки. Не доверяйся «тюремному товарищу», если ты не вполне уверен, что он заслуживает доверия.

Что же касается предположения о том, что мы можем использовать зал суда для пропаганды своих идей, то это невозможно. Судья, все равно, не даст тебе ясно изложить свои взгляды, он постарается запутать тебя и привести в замешательство. Печать (не исключая даже и социалистической) извратит и представит в ложном свете твои об'яснения или же обойдет их молчанием. А агитацию и пропаганду, которые мы ведем в своих газетах и листках, мы можем продолжать вести и в том случае, если ты откажешься от допроса совершенно с таким же (а может быть, с еще большим) успехом, как и в противном случае.

Помни, что тебе грозит страшная опасность выдать своих товарищей и изменить Партии,—изменить, быть может, бессознательно—вопреки своему желанию,—*если ты будешь отвечать на какие либо вопросы.* Памятуя об этом, ты, в случае ареста, должен принять решение не отвечать на вопросы, столь же твердо, как ты решил *не быть предателем.*

Центральный Исполнительный Комитет Американской Коммунистической Партии.

БЕЗРАБОТИЦА.

В каждом крупном промышленном центре Америки тысячи и десятки тысяч рабочих и работниц потеряли в последнее время работу и выброшены на улицу. Список безработных увеличивается ежедневно с головокружительной быстротой. В Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Питтсбурге, С. - Луи, Кливленде, Детройте, Чикаго, от штата Мейн до Калифорнии, от Великих Озер до Мексиканского залива — миллионы рабочих лишены работы, и семьи их уже испытывают страдания голода и холода.—Железные дороги, сталелитейные заводы, копи, текстильные предприятия, лесопильные заводы, автомобильные и шинные фабрики, упаковочная промышленность, твейная промышленность, склады и многие тысячи предприятий, производящих предметы первой необходимости, закрываются или работают только частично при пониженной рабочей плате.—Ужасающее понижение промышленной деятельности является для страны катастрофой. Предприниматели уверяют, что они не получают заказов. Банкиры уверяют, что денег мало. Купцы говорят, что нет спроса на товары. Управления железных дорог утверждают, что провоз товара сокращается. Фермеры уверяют, что они принуждены продавать урожай ниже себестоимости. По словам торговцев, им приходится продавать продукты по разорительным ценам. Легко портящиеся товары гниют в доках и складах. Склады переполнены товарами. Урожай фермеров в нынешнем году выше всяких ожиданий, а, *все же, окруженная этими беспримерными богатствами, промышленность останавливает работы и выбрасывает рабочих на улицу голодать и мерзнуть.* В чем состоит причина этого?—Еще недавно капиталистическая пресса кричала, что «увеличение производства» — единственная панацея для страны. Вам говорили, что волнения, недовольство и несущаяся по всей стране «красная волна» явились в результате недостатка производства. Вам говорили, что «подталкивание» производства есть единственный выход при создавшихся после-военных экономических и политических условиях. Но вот производство усилилось, а каковы результаты?—Вы производите так много, что рынки перегружены, и вы теряете заказы. Вместо *улучшения* положения, мы видим *ухудшение.* Вместо более высокой рабочей платы и лучших условий, безработица и понижение заработной платы. Неужели это означает, что вы, рабочие, слишком много выработали? — Отнюдь нет. Рабочий класс легко мог бы потребить бо́льшее количество пищи, одежды, вообще, бо́льшее количество продуктов, чем им выработано. Но, при современной капиталистической системе производства, предметы жизненной необходимости производятся, в первую очередь, ради получения прибыли, а не, для потребления. Рабочие получают всего 1/6 стоимости того, что производят. Остальное, за исключением части, потребляемой капиталистическим классом и теми, на которых он опирается, вывозится на иностранные рынки. Этот излишек должен быть выгодно продан иностранным государствам.—Теперь для нас становится ясной главная причина настоящей волны безработицы и промышленного кризиса, разразившегося в Европе, которая была во время войны и после нее главным покупателем Америки, а теперь разорена. Она истощила свои капиталы и кредит. Европа стонет под бременем ужасающего военного долга. Ее промышленность в полном упадке. Европейские рабочие голодают, недовольны и грозят свергнуть свои капиталистические правительства. Американские банкиры знают это и отказываются снабжать эти правительства кредитом для покупки товаров. Американские банкиры знают, что европейские правительства никогда не будут в состоянии выплатить ни капитала, ни процентов по своим громадным долгам. Им известно, также что будущие рабочие правительства откажутся от уплаты долгов нынешних капиталистических правительств. Поэтому американские финансисты перестали оказывать Европе кредит, и Европа не может уже покупать американские товары. Это и есть положительное доказательство развала европейского капитализма и доказательство того, что американский капитализм, тесно связанный с ним узами империализма, начинает страдать от последствий этого развала.

Остальные же мировые рынки, по различным причинам, неспособны поглотить излишек американской промышленности. Во-первых, условия хозяйственной жизни во всем мире неустойчивы. Массы голодают и страдают от безработицы; фабрики и фермы пустуют; мелкие войны свирепствуют по всему земному шару, небольшие народы и колонии борются за свое освобождение от власти великих империалистических держав Европы. Во-вторых, имеются и некоторые соперничающие с Америкой страны. В-третьих, цена доллара сильно поднялась на международном денежном рынке, хотя на американском рынке доллар остался дешевым.—Конечно, крупные американские капиталисты не пострадали. Они закрывают свои фабрики и отправляются на отдых в Палм-Бич или модные дорогие дачные местности. Но вы, рабочие, страдаете. Вы и семьи ваши вынуждены обходиться недостаточными количеством пищи, одежды и топлива. За время безработицы вы платы не получаете. Вас прогоняют с фабрик и заводов.—Но этот промышленный кризис имеет и другую сторону. *Капиталистический класс хладнокровно пользуется случаем понизить вашу заработную плату и разрушить ваши рабочие организации.* Капиталистический класс (в лице своих союзов купцов, банкиров и промышленников) стал вести политику «свободной для всех мастерской», т.-е. политику изгнания из промышленности всех организованных в профсоюзы рабочих. Лозунг их—«да здравствует Гэри! [1])». Вот положение, с которым вам приходится считаться. *Рабочие должны решить вопрос о том, как справиться с ним.* — Для американского рабочего класса наступил критический момент. Игра капиталистов состоит в натравливании безработных на работающих. Они надеются этим способом внести раздор в наши ряды, вызвать конкуренцию среди рабочих и добиться осуществления принципа «свободной мастерской». Вы должны всеми силами бороться против этих злостных нападений. Вы должны путем давления на ваши рабочие организации заставить их принять вызов капиталистического класса. Если реакционные лидеры и предатели рабочего класса окажут вам сопротивление, то *вы должны от них отделаться и заменить их лидерами из рядовых рабочих, которые будут исполнять ваши приказания!*

Вы должны произвести возможно сильное *давление посредством массовых митингов, демонстраций и протестов. Вы должны воспользоваться массовой забастовкой,—общей и политической забастовкой, чтобы добиться исполнения ва-*

---

[1]) Гэри, — видный капиталист Америки, глава стального треста и вождь американской воинствующей буржуазии. Все выступления против революционеров ведутся под непосредственным руководством Гэри. — *Примечание редакции.*

ших требований. Промышленный кризис является началом революционного движения, которое со временем поведет к свержению современного капиталистического правительства и уничтожению капиталистической системы. Американский капитализм идет тою же дорогой, как и европейский. Развал его начинается. *Вы, рабочие, должны его докончить!* Не пора ли, рабочие, вам сообразить, что вы ничего не добьетесь для вашего класса при капитализме? *При нем вы можете иметь лишь безработицу, голод, дороговизну, грязное жилище или сдаваемые вам внаймы работодателями плохие квартиры, бедность, нужду, болезни и войну. Если вам это не понравится и вы будете продолжать бастовать и протестовать, то вас ждут палки полицейских, ружья „шерифов" (начальник полиции), солдаты, штыки, пулеметы и законы военного времени. Если и это вам не понравится, вас ждет ссылка или тюрьма.*—Разве это не так? Вспомните историю классовой борьбы за два последних года: забастовка рабочих каботажного транспорта, забастовка угольщиков, забастовка рабочих сталелитейных предприятий, «незаконная» железнодорожная забастовка, «незаконная» забастовка печатников, повсеместные обыски, ссылки и заключения в тюрьму.

Как отнеслись ко всему этому суды? Они были на стороне капиталистов против рабочих.—На чьей стороне была полиция, «шерифы» и солдаты? С капиталистами против рабочих. На чьей стороне была церковь? С капиталистами против рабочих.—С кем были рабочие лидеры? С капиталистами против рабочих. С кем было правительство, учреждения местные, высшие органы отдельных штатов и всего государства? С капиталистами против рабочих. — Конечно, они все были против вас. Они всегда будут против вас, и они будут поддерживать разногласия среди рабочих, подавлять ваши забастовки и уничтожать ваши рабочие организации до тех пор, пока будет существовать капитализм и пока вся государственная власть будет оставаться в руках капиталистического класса. — Единственный путь к прекращению этой системы, заставляющей вас переносить нужду, несчастья и унижения и доставляющей все блага жизни имущему классу — *это завоевание политической власти в интересах вашего класса и предоставление рабочему классу первенствующего места в обществе. Вы должны начать с уничтожения современного капиталистического правительства и с насильственного установления рабочего советского правительства — по примеру рабочих и крестьян в России! — Уже пришло время и американским рабочим иметь в виду необходимость установления советского правительства в Америке!*—Правительство рабочих будет действовать в интересах рабочих и против капиталистического класса. *Оно учредит рабочий контроль над промышленностью* под своим наблюдением и руководством. После достижения своей цели, в переходное время от капитализма к коммунизму, после уничтожения частной собственности на орудия производства и на продукты последнего, после уничтожения всех классов и подавления контр-революционных попыток к свержению власти рабочих, после создания рабочего хозяйственного управления промышленностью—*Рабочее Советское Государство само собою „отомрет"* и уступит место коммунистическому обществу, члены которого будут свободно сотрудничать в производстве, будут свободно участвовать в распределении и пользовании предметами жизненной необходимости удобства и роскоши. — Это и есть то, что делает Советское Правительство в России.—Несмотря на блокаду, на контр-революцию и нашествия Колчака, Деникина, Юденича, Польши и Врангеля, финансируемые и направляемые мировым империализмом, Россия постепенно устанавливает *рабочий контроль над промышленностью и прокладывает путь коммунизму.* Но Россия одна не в состоянии насадить коммунизм. Это должно быть делом рабочих всех стран. Лишь победа мировой пролетарской революции и поражение мирового капитализма и империализма могут довести до конца эту гигантскую работу.

Европейские рабочие начинают понимать эту необходимость. Они учатся, глядя на своих русских товарищей. Европейские рабочие понимают огромную ценность существования Советской России, и они твердо стоят за нее. Они заявили своим правительствам, что всякое нападение на Советскую Россию поведет к революции и у них. — В то же время, европейские рабочие готовятся к свержению своих капиталистических правительств и к установлению советского строя. Конечно, европейские рабочие страдали гораздо больше вас, американские рабочие. Они пережили 6 лет одной из самых разорительных и преступных войн, какие только были во всемирной истории. Они теперь понимают, что все понесенные ими жертвы — кровопролитие и разорение послужили лишь в пользу той или иной мировой группы империалистических бандитов и разбойников. Они теперь понимают что «мир» еще хуже войны. Бесчисленные войны все еще продолжаются. Массы обременены военными долгами. Промышленность и торговля в полном упадке, и капитализм на краю бездны. Европейские рабочие стоят теперь лицом к лицу (как и вы, рабочие Америки, скоро будете стоять) перед альтернативой, голод и рабство или пролетарская революция.

Вы, американские рабочие, проходите теперь через тот же горький опыт. Вас тоже вовлекли в мировую войну под лозунгом «обрести безопасность для демократии». Вам также обещали социальную справедливость, работу и благосостояние. Как и четырнадцать пунктов Вильсона, это были одни лишь обещания, которыми вас обманывали, заранее решив не выполнять их. В действительности же их и нельзя было выполнить без уничтожения капиталистической системы. Думается, никто не настолько наивен, чтобы поверить, что капиталисты собираются уничтожать ту самую систему, благодаря которой они имеют возможность эксплуатировать и обкрадывать рабочих и накоплять капиталы.

Рабочие Америки! Не давайте себя больше обманывать капиталистическими «обещаниями»! Вас предадут. Имеется лишь один выход из этого ужаса, нищеты и эксплуатации: вы должны свергнуть современное капиталистическое правительство и установить *Рабочее Советское Правительство.* Это дело не легкое. Капиталистическое государство есть национальная организация, которая силой держит рабочих в повиновении посредством своей полиции, армии, флота, судов, бюрократии и т. д. Пользуясь этим орудием, капиталистический класс имеет возможность оставаться господствующим классом, составляя даже незначительное меньшинство населения. Капиталистическое правительство нельзя уничтожить мирными способами вроде голосования. Голосование само по себе есть орудие капиталистического господства, ловко применяемое к одурачиванию рабочих и убеждению их в том, что они добьются своих целей посредством парламентской деятельности.—Нельзя также уничтожить капиталистическую систему путем захвата фабрик без одновременного захвата политической власти. Рабочие Италии только что прошли через такой опыт, и они поняли, что без политической власти, без государственной власти—рабочие неизбежно будут побеждены.

Единственный путь к свержению капиталистического правительства заключается *в массовом действии,*— демонстрациях, протестах, массовых забастовках, общих забастовках, политических забастовках, которые закончатся открытым столкновением с капиталистическим государством, — *вооруженным восстанием и гражданской войной. Рабочий класс должен противопоставить диктатуре капиталистического класса диктатуру рабочего класса.*

Вашими лозунгами должны быть:

Долой капитализм!
Долой капиталистическое правительство!
Да здравствует Американское Советское Правительство

Центральный Исполнительный Комитет Американской Коммунистической Партии.

ПОПРАВКА К РЕЗОЛЮЦИИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ К ТРЕТЬЕМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

(ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ВНЕСЕННОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА).

Принимая во внимание, что II Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала обязался «установить совершенно определенным образом условия присоединения новых партий», и, вследствие этого, выработан и принят текст 21 условия присоединения партий к Коммунистическому Интернационалу;

что все 21 условия, вместе взятые и санкционированные голосованием II Конгресса, составляют единое и неприкосновенное целое, долженствующее служить законом для Коммунистического Интернационала вплоть до следующего конгресса; что статьею 16 условие это определяется в категорически ясных выражениях: «Все резолюции Конгрессов Коммунистического Интернационала, равно как и резолюции Исполнительного Комитета, обязательны для всех партий, присоединившихся к Коммунистическому Интернационалу»;

что Коммунистический Интернационал и его Исполнительный Комитет являются единственными верховными судьями в деле оценки «столь разнообразных условий борьбы в различных странах» и сохраняют за собой право «принимать общие и обязательные резолюции лишь по тем вопросам, где это возможно»;

что, в виду сказанного, ни Французская партия и никакая другая борющаяся французская группа не имеют права самовольно вносить изменения ни в одно из 21 условий, под страхом аннулирования присоединения;

что в случае, если при применении некоторых условий встретится затруднение, в виду особого политического положения данной страны, — то, все же, необходимо следовать этим условиям, имея в виду, что по утверждении присоединения партии, Коммунистический Интернационал, в силу присущего ему чувства справедливости, внесет те или иные изменения в способ их применения;

твердо, без оговорок и отсрочек, решив голосовать за безусловное присоединение к Коммунистическому Интернационалу,—

Конгресс постановляет принять резолюцию о присоединении к III Интернационалу, предложенную Исполнительным Комитетом последнего, по внесении в нее следующих поправок:

1) Вместо слов: «Партия считает, что исключения, предусмотренные ст. 20 условий в отношении представителей центристского направления, упомянутых в ст. 7, должны, при современных условиях, применяться к Французской Партии. Исключения эти имеют одинаковую силу и для делегатов конгресса, подлежащих действию ст. 21, которые заявят о своем подчинении постановлениям партии»,—

резолюция будет гласить: «*В соответствии со ст. 20 условий, партия предложит Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала, облеченного в этих целях II Конгрессом всей полнотою власти, с возможной терпимостью отнестись, в заранее обусловленных случаях, к представителям центристского направления*»;

2) Вместо: «Однако, в согласии со II Конгрессом Коммунистического Интернационала, партия осуждает всякую попытку раскола в профессиональном движении. Центральные организации профессиональных союзов должны сами порвать с Амстердамским и войти в Московский Интернационал профсоюзов»,—

резолюция будет гласить: «*Коммунистические ячейки, абсолютно и всецело находясь в подчинении партии, будут созданы в кооперативах, в целях пропаганды коммунизма, и в профсоюзах для пропаганды идеи разрыва с Амстердамским Желтым Интернационалом профессиональных союзов и в целях об'единения с Московским Красным Интернационалом Профсоюзов*»;

3) Вместо: «С момента конгресса, партия получает наименование: «Социалистическая Партия, Французская секция Коммунистического Интернационала». Партия обязуется представить Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала соображения, почему она временно принимает такое наименование»,—

резолюция будет гласить: «*С момента конгресса, партия будет именоваться: Французская Коммунистическая партия, Секция III Коммунистического Интернационала*».

А. и **М. Гейне** (14 секция), **Ж. Эрмитт** (16 секция), **Г. Латруа** (18 секция), **А. Легран** (18 секция), **Г. Леруа** (14 секция), **гражданка Рис** (14 секция), **Т. Симон** (14 секция).

ВОЗЗВАНИЕ ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РЕЙХЕНБЕРГЕ.

В связи с недавно закончившимся широким забастовочным движением в Чехо-Словакии, Рейхенбергский Окружный Комитет Социал-демократической партии выпустил следующее возвание, которое мы приводим в сокращенном виде:

«Интернациональный революционный пролетариат Чехо-Словацкой республики только что получил свое первое боевое крещение. В течение двух лет буржуазно-националистическая идеология держала пролетариат в тисках, препятствуя какому бы то ни было серьезному революционному выступлению с его стороны. Ныне эти преграды рухнули. Впервые чешские пролетарии подняли оружие всеобщей забастовки против капиталистического государства; впервые немецкие пролетарии обнаружили на деле свою солидарность со своими чешскими братьями. Впервые почувствовали властители Чехо-Словацкого государства, что почва колеблется под их ногами. Они пустили в ход вооруженную силу. Поле битвы усеяно телами павших; многочисленные раненые были непосредственными участниками кровавой классовой борьбы; сотни лучших и храбрейших товарищей томятся за тюремными решетками. Но впервые также оказалась подорванной слепая вера в незыблемость и неприкосновенность прерогатив господствующих классов Чехо-Словакии. *Чехо-Словацкая республика отныне вычеркнута из числа государств, представляющих собою надежный оплот международной контр-революции в борьбе против России и мировой революции.*

Мы отнюдь не намерены отрицать того, что мощное движение, развернувшееся в нашей стране, оказалось безрезультатным. Мы не добились решительно ничего из всего того, чего мы требовали.

Чем же об'яснить эту внешнюю неудачу? Причина ее лежит в том, что только одна часть чехо-словацкого пролетариата приняла участие в движении, а также в том, что всеобщая забастовка не нашла сочувственного отклика в некоторых областях.

Но кто же повинен в том?

Саботаж и предательство большей части социал-демократических вождей и бюрократических профсоюзов.

О чешских правых социалистах не приходится много говорить. Они до такой степени пропитали значительную часть чешского пролетариата буржуазно-националистической идеологией, они до такой степени вытравили из него классовое самосознание и революционное настроение, что они могли отважиться на самое подлое предательство.

Но что делали наши немецкие правые социалисты, что делало *большинство правления партии* в тот момент, когда это подлое предательство, давно подготовленное, достигло наивысшего проявления, когда контр-революция направила свои пулеметы против чешского пролетариата, и когда этот последний поднялся для того, чтобы, в качестве авангарда мировой революции, в решительный час спасти дело международного пролетариата и свою честь?

Что делало *правление* партии в то время, когда немецкие революционные пролетарии Рейхенберга доказывали на деле свою солидарность со своими чешскими собратьями?

Правление партии заявило, в лице большинства своих членов, что оно *не принимает участия в этой борьбе*, и призывало вас, рабочих и работниц, *соблюдать нейтралитет!*

Рабочие и работницы! вдумайтесь в смысл этих слов! Рабочая партия, считающая себя революционной, говорит о своем нейтралитете в тот момент, когда контр-революция об'являет войну революционному пролетариату, горя желанием его уничтожить! Разве это нейтралитет, если во время всеобщей забастовки призывают продолжать работу? Работа во время забастовки всегда называлась штрейкбрехерством.

Как бы ни толковать постановления правления партии и профсоюзов, они означают, в действительности, поддержку злейших врагов трудящихся, измену делу революционного пролетариата. Господа, позволяющие себе подобное предательство по отношению к пролетариату, *не могут более оставаться в роли партийных вождей.* Если рабочий класс не желает совершенно проиграть предстоящие ему битвы, он должен об'единиться в организованную, проникнутую революционным духом, партию, единственной целью которой является: *сплочение сознательного революционного пролетариата всех национальностей Чехо-Словацкого государства в единую интернациональную боевую партию, присоединение к III Коммунистическому Интернационалу и создание единой Коммунистической Партии в Чехо-Словацкой республике.* Поэтому мы требуем созыва *чрезвычайного партийного с'езда;* мы хотим порвать с социал-предателями и поставить партию перед необходимостью выбрать один из двух путей—*революционный или контр-революционный.* Среднего пути более не существует.

РЕЗОЛЮЦИЯ ИРЛАНДСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АРМИИ.

На митинге Ирландской Гражданской армии, состоявшемся в Дублине по поводу празднования третьей годовщины большевистской революции, была единогласно принята резолюция, помещаемая ниже:

Ирландия находится в настоящее время под пятой военной диктатуры: убийства, грабежи и полнейшее разрушение городов вооруженными силами английского правительства стали ежедневным явлением. Так как все политические собрания запрещены под страхом строжайших кар, то митинг этот происходил тайным образом.

Мы признаем, что резолюции имеют вообще ничтожное значение; однако, позволяем себе надеяться, что в резолюции, вынесенной при подобных обстоятельствах, будет с очевидностью усмотрена готовность Ирландской Гражданской армии претворить свои слова в дело. Этот авангард ирландского пролетариата ждет только благоприятного случая, чтобы принять участие в деле, за которое борются его братья из Красной армии.

На митинге председательствовал тов. Коннолли (Connolly), а тов. Мак Альпин (Mc. Alpine) был главным докладчиком. Его речь сопровождалась прениями, в которых приняли дружное и деятельное участие все члены армии.

Вот текст резолюции:

«Будучи единственной представитель-«ницей ирландского рабочего класса среди «военных и единственной в этой стране во-«оруженной организацией, в основе коей ле-«жит защита подлинных интересов рабочего «класса, Ирландская Гражданская армия при-«ветствует героическую Красную армию «Российской Социалистической Федеративной «Советской Республики, поздравляя ее по по-«воду трехлетней героической борьбы против «милитаристской и капиталистической реак-«ции внутри страны и нападений иностранного «империалистско-воинствующего капитализ-«ма, по поводу ее решительных успехов в борь-«бе против армий Колчака, Деникина, Юденича «и Врангеля; шлет самый сердечный и брат-«ский привет Советской Республике и геро-«ическим трудящимся массам; от всего сердца «выражает свою симпатию революционной «борьбе за освобождение мирового пролета-«риата; обращает внимание своих русских «товарищей по оружию на борьбу в Ирландии, «которая, мы верим, является лишь частью ми-«ровой борьбы, развернувшейся в России, и «клянется памятью павших героев обоих «революционных народов, России и Ирландии, «и, в частности, тех, кто, находясь в рядах «Красной армии и Ирландской Гражданской «армии, ныне пал жертвой на поле брани, «что будет продолжать в товарищеском об-«щении, в братстве и коммунизме борьбу, «ведя ее всеми способами,—пока не добьется «полной победы эксплуатируемых масс над «эксплуататорами.

«Да здравствует Рабочая Республика и Российская Красная армия!

«Да здравствует Рабочая Республика и Ирландская Красная армия!

«Да здравствует Рабочая Республика и Рабочая Красная армия всего мира!»

ВОЗЗВАНИЕ ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕФИНЛЯНДСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

В ЗАЩИТУ НЕСЧАСТНОГО ВЕНГЕРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

ПРОТИВ ЖЕСТОКОСТЕЙ ТЕРРОРА.

Империалистические державы с безумным бешенством в течение нескольких лет бросали миллионы человеческих жизней на алтарь своекорыстия капиталистов. В течение шести лет они собирали всю имевшуюся в их распоряжении человеческую силу и использовали все изобретения человеческого гения для уничтожения результатов труда столетий. Еще и доныне не улеглась буря мировой войны. Ибо есть побежденные, но нет победителей.

Та ложь, которою были ослеплены глаза мирового пролетариата, когда его вели на поля смерти, начинает рассеиваться. Правда разоблачается перед ним во всей своей ужасающей наготе. Эта правда говорит таким языком, что мировые капиталисты предпочитают лучше смерть, нежели признание в совершенных ими деяниях. Начиная мировую войну, они знали, что ставка слишком высока. Но они верили, что возможная победа будет, по крайней мере, равноценна ставке. Они ошиблись в этом, ибо на сцену выступила теперь новая сила—Труд, который настойчиво стремится взять в свои руки захваченную мошенниками власть над судьбами народов. Эта борьба началась—и конца ее не видно. С зверской яростью, зверскими способами защищают капиталисты свое положение. И там, где минутная победа дает им эту возможность, они убивают со слепым бешенством. Они знают, что идущая им на смену сила будет их судьею и палачем. На необ'ятных равнинах России Труд одержал победу. Словно шакалы бродят бывшие властелины у границ России, отыскивая место, где они могли бы вцепиться зубами.

Но та самая рука, которая прежде выковывала сталь для кровавой игры этих хищников, ныне выковывает броню для защиты российской рабочей Советской власти.

Там, где реакция совершала свое победоносное шествие, в Финляндии, Эстонии, Венгрии и др. странах — словно прошли полчища Аттилы. Но всего плачевнее судьба Венгрии. Около двух лет она являла собой страну ужасов. Оттуда доходят приводящие в содрогание известия. Значительная часть рабочих и их руководителей убиты. Тюрьмы переполнены рабочими. Рабочие организации разогнаны. И та ничтожная тайка разбойников-аристократов, которая захватила власть, убивает рабочих деятелей руками своих пособников по всей стране и даже за ее пределами.

Товарищи! Вопль о помощи венгерского пролетариата доносится до всех стран. Эти искалеченные во время мировой войны товарищи получают ныне от своей буржуазии «награду героев». Правительство Хорти щедрой рукой сыплет смертные приговоры на головы доблестных представителей рабочего класса. В последнее время смертные приговоры вынесены венгерским народным комиссарам.

Кровавые деяния с каждым днем все множатся и множатся. Но весь «культур-

ный» мир безмолвно взирает на эти ужасы. В ненасытной жажде крови он потирает руки, ибо жажду его не может уже утолить золото, а только кровь.

Товарищи! Повсюду, во всех странах мира, рабочие массы подымаются на демонстрации, протестуя против венгерского террора. От мирового пролетариата зависит положить конец этому нескончаемому свитку кровавых деяний. Только мировой пролетариат в состоянии отрубить голову у этой ужасной гидры—венгерского капитализма.

Общефинляндская Профессиональная Организация, об'единяя в своих рядах всех профессионально организованных финляндских рабочих, выражает свое глубочайшее отвращение и ненависть к властелинам Венгрии за совершенные ими кровавые деяния и зверства. Она уверена в том, что тот могильный звон, что раздается ныне для буржуазного общества, предвещает начало зари для пролетариата Венгрии и всего мира.

Гельсингфорс, 21 января 1921 г.

Правление Общефинляндской Профессиональной Организации.

ПРИВЕТ-ПРИЗЫВ РАБОТНИЦАМ И РАБОЧИМ ВСЕГО МИРА.

Товарищи! Третий С'езд Представителей Губернских Организаторов работниц и крестьянок Р. К. П. шлет вам, работницам и рабочим всего мира, свой братский привет.

Вот уже три года, как окруженные кольцом враждебных нам капиталистических стран, мы отражаем удары мировых хищников и, преодолевая неимоверные трудности, строим новое коммунистическое общество.

Не легко нам. Порою приходится терпеть лишения, голод, болезни—все страдания и невзгоды переходного времени. Но мы, русские работницы-коммунистки, не падаем духом. Мы видим, что с каждым днем крепнет наша Советская трудовая Республика, что диктатура пролетариата незыблема.

Успехи красных войск заставили самых закоренелых наших врагов оттянуть главные силы свои с красного фронта, и мы бросили теперь наши войска на поднятие производительности в стране, на восстановление промышленности и развитие земледелия.

Нам не легко. Но, товарищи-работницы буржуазных стран Запада и Востока, мы не променяем нашу революционную оборону на кажущееся благополучие пролетариев других стран.

Не меньше нашего страдаете вы от последствий кровавой войны и разрухи мирового хозяйства. Но страдания ваши *бесплодны*. Для вас нет исхода, пока *власть не в ваших руках*. Тяжелы наши жертвы, но зато мы свободны. Мы творим, мы строим новую жизнь. Каждый час существования буржуазного мира несет вам, сестры-товарищи, новые муки сугубых страданий. Каждый час существования Советской России несет нам облегченье от бед, от разорения и анархии производства, от всей неправды былого капиталистического мира.

Товарищи-работницы, вы все еще жертвы двойного закрепощения: вас гнетет капитал, вас порабощают законы и обычаи буржуазного строя. Мы, рабочие и крестьянки трудовой России, мы все равны пред законом и в жизни, мы, строя коммунизм, куем свое полное раскрепощение.

Товарищи, вы, обнищавшие, голодные сестры и братья, вы, что задыхаетесь под гнетом капитализма,—не довольно ли вам бесплодных страданий? Оттяжка революции усиливает развал народного хозяйства, она лишь удесятеряет ваши невзгоды. Не медлите дольше! Поднимите знамя восстания! Мы гордо несем его вместе со своими братьями, но ждем также и вашей поддержки. Мы верим в близость мировой рабочей революции и в вашу растущую все боевую готовность. Оправдайте же наши надежды, пустите в ход самое верное оружие борьбы рабочего класса — мировую рабочую солидарность. Организуйтесь вкруг красных знамен коммунизма! Возьмите власть в свои руки! Мы зовем вас от безысходных страданий на путь решительной борьбы и строительства новой жизни под знаменем диктатуры рабочего класса.

Долой иго буржуазии и собственников!

Долой рабство работниц и рабочих под властью капитала!

Да здравствует диктатура рабочего класса, осуществляемая чрез советы!

Да здравствует единение рабочих всех стран под знаменем III Интернационала!

Да здравствует мировая рабочая революция!

ПРИВЕТ ЛЮБИМОМУ ВОЖДЮ И СОРАТНИКУ ТОВ. КЛАРЕ ЦЕТКИН.

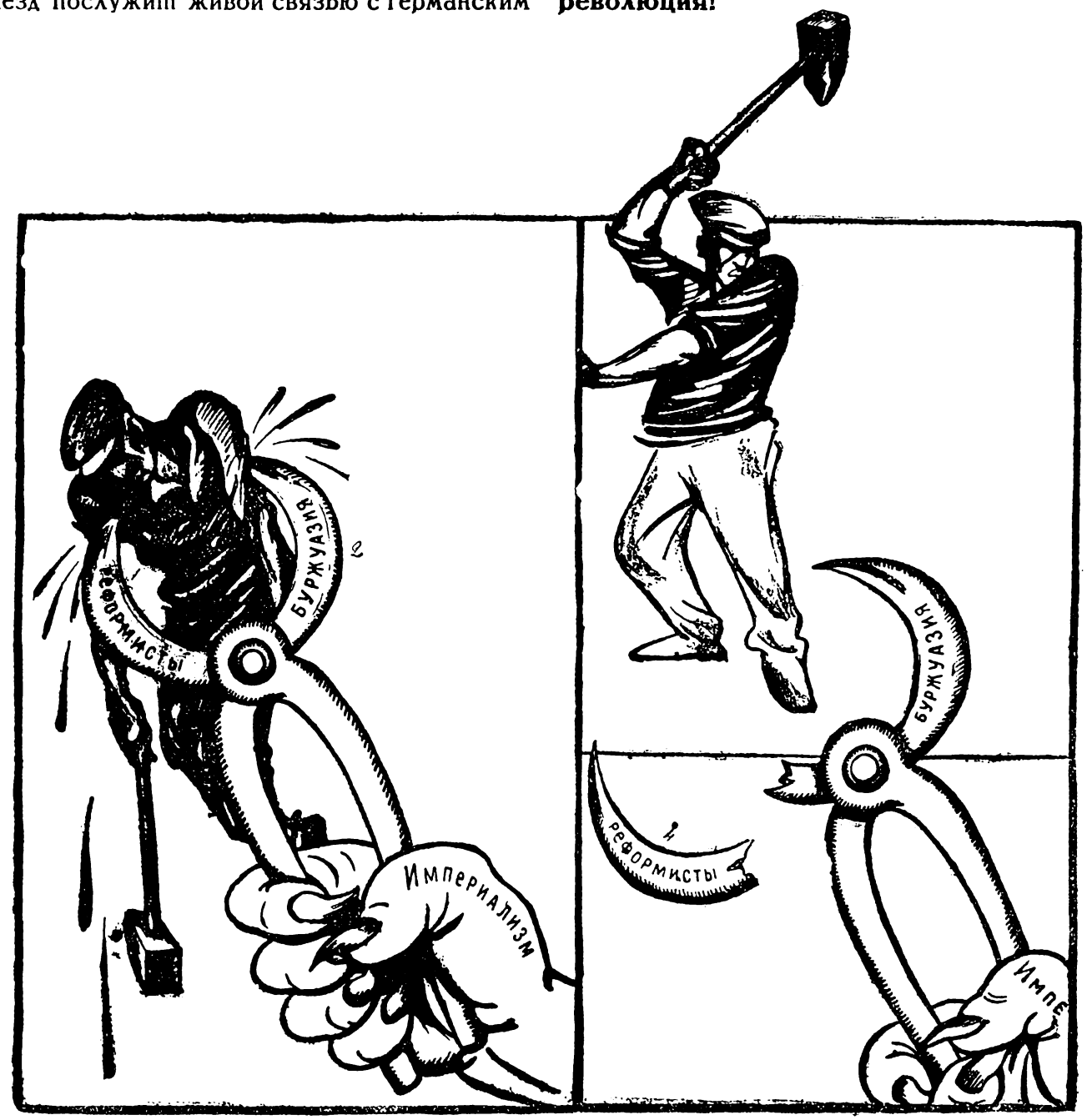
Третье Всероссийское Совещание Губернских Организаторов работниц и крестьянок в Москве шлет свой горячий привет Вам, любимый наш Вождь и соратник в борьбе за великое дело раскрепощения рабочего класса от ига капитала, за освобождение женщины от пережитков и традиций буржуазного строя, за торжество коммунизма!

Ваш приезд в Советскую трудовую Россию оставил по себе неизгладимый след. Он утвердил нас в правильности нашей позиции, в том, что задача наших Отделов—вовлечь работниц, крестьянок и интеллигентных тружениц в славную борьбу за коммунизм и проявить творческую инициативу повсюду, где речь идет об освобождении женщин. Ваш приезд послужит живой связью с германским пролетариатом. Через Вас мы шлем нашим германским товарищам, работницам и рабочим, свой призыв: Не сносите дольше кабалы капитала, а соединенными усилиями, под красным знаменем революционной коммунистической партии мира, возьмите власть в свои руки, провозгласите диктатуру рабочего класса в освобожденной от капиталистов и собственников Германии!

Да здравствует братство рабочих и работниц всех стран!

Да здравствует диктатура рабочего класса, осуществляемая чрез советы!

Да здравствует мировая рабочая революция!

Деятельность Коммунистического Интернационала

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ИСПОЛКОМА.

ЗАСЕДАНИЯ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА 9, 10 и 14 ЯНВАРЯ.

Под председательством тов. *Зиновьева* состоялись пленарные заседания Исполкома Коминтерна.

Порядок дня этих заседаний был следующий:

1) Международная Конференция Профсоюзов,
2) Положение в Австрии,
3) Положение в Италии,
4) С'езд Французской Социалистич. партии в Туре,
5) Коммунистическое движение в Дании,
6) Об'единенная Коммунистическая партия Германии (V. K. P. D.) и Рабочая Коммунистическая партия Германии (K. A. P. D.),
7) Доклад о положении в Грузии,
8) Организационный вопрос,
9) Восточный вопрос,
10) Экономический бойкот Испании.

В своей вступительной речи по первому пункту порядка дня тов. *Зиновьев* указал на то, что с'ездом Итальянской Социалистической партии заканчивается целая эпоха проведения в жизнь основных постановлений II всемирного Конгресса Коминтерна по отношению к политическим партиям. Весь центр тяжести нашей работы переносится теперь на завоевание последнего оплота оппортунистов—этих самых опасных врагов рабочего класса—на завоевание профсоюзов. Тов. *Зиновьев* вносит ряд практических предложений, которые после короткой дискуссии принимаются. Исполком свои пожелания Межсовпрофу формулирует так: а) Международная Конференция Профсоюзов созывается Межсовпрофом в Москве на 1 мая 1921 г., б) к участию в конференции приглашаются все профсоюзы и им подобные организации (а также части организаций), которые против желтого Амстердамского Интернационала и за об'единение революционных профсоюзов; в) в порядок дня конференции: 1) отчеты, 2) роль профсоюзов в переходный к социализму период, 3) профсоюзы, заводские комитеты и советы рабочих депутатов, 4) профсоюзы и контроль над производством (социализация в постановке реформистов), 5) профсоюзы и Коминтерн, 6) организационные вопросы: а) международный стачечный фонд, б) федерализм и централизм в профдвижении, в) международные федерации отдельных профсоюзов; 7) выборы.

В дебатах особенно подчеркивалась необходимость того, чтобы в конференции принимали участие представители всех революционных оттенков профдвижения.

Доклад о положении в Австрии был прочитан представителем К. П. Австрии, тов. *Штейнгардтом*. Докладчик остановился, главным образом, на последних выборах в парламент. Как известно, К. П. А. агитировала все время за бойкот выборов и лишь в самый последний момент, подчиняясь постановлению II Конгресса Коминтерна, решила принять в них участие. Партия не получила ни одного мандата и собрала только 30.000 голосов; на происходивших вскоре после того выборах в советы рабочих депутатов партия потерпела также большой урон: вместо $^1/_5$ общего числа мест, партия на этот раз получила лишь $^1/_{12}$. Необходимо помнить, однако, что австрийским товарищам приходится бороться в исключительно тяжелых условиях против сомкнутого фронта буржуазии, поддерживаемой социал-предателями. Впрочем, от социал-демократической партии откололась теперь целая группа «Рабочее товарищество революционных социал-демократов», насчитывающая от 4 до 6 тысяч членов и готовящаяся слиться с К. П. А. Весьма знаменательно, что раскол среди социал-демократов произошел на почве работы в советах рабочих депутатов.

В дискуссии по поводу доклада, дополненного интересными сообщениями только что прибывшего из за границы тов. Н., тов. *Варга* указал на ненормальность того явления, что отношения между партией и массами всецело определяются позицией партии в таком второстепенном вопросе, как парламентаризм. Тов. *Бухарин* охарактеризовал переживаемый сейчас Австрией период как

эпоху упадка и разложения; происходящий сейчас процесс экономического умирания порождает во всех классах австрийского общества настроение растерянности и безнадежности, и это настроение охватило отчасти и наших австрийских товарищей. Партия должна стряхнуть с себя этот пессимизм, она должна снова обрести веру в себя, в революцию и среди всеобщего развала и уныния, указать рабочему классу яркую, революционную, определенную перспективу.

Собрание, соглашаясь с тов. *Бухариным*, постановило обратиться к австрийскому пролетариату и к К. П. А. с воззваниями, выражающими мнение Исполкома о положении в Австрии и о ближайших задачах австрийской коммунистической партии.

О положении в Италии докладывал тов. *Зиновьев*. В партии, с'езд которой должен открыться 15 января, намечаются три крупных фракции: коммунистическая, во главе которой стоят *Бомбаччи* и *Бордига*, фракция *Сератти*, все более отклоняющаяся вправо и поддерживаемая реформистами, несмотря на всю свою якобы революционную фразеологию и, наконец, фракция открытых реформистов, возлагающая все свои надежды на *Серрати;* есть еще небольшая фракция *Грациадеи*, стоящая между чистыми коммунистами и центром *Серрати;* эта фракция на с'езде, по всей вероятности, будет голосовать вместе с коммунистами. Какое соотношение окажется на с'езде по вопросу о нашей платформе, судить отсюда очень трудно: возможно, что мы получим меньшинство. *Серрати*, хотя и называет себя коммунистом и пишет дружеские письма в Москву, на деле в своей газете всячески защищает реформистов и распространяет нелепые слухи о том, что *Радек* несогласен с *Лениным* и т. д. Он в последнее время все более катится по наклонной плоскости.

Проект письма к Итальянскому с'езду, прочитанный *Зиновьевым*, был принят единогласно *).

Заседание 10 января открывается докладом тов. *Росмера* о только что состоявшемся с'езде Французской Соц. партии в Туре. Тов. *Росмер* указывает, что пока еще у него не имеется оффициальных сообщений от самой партии. Большинство, полученное нами в Туре, оказалось еще значительнее того, чего можно было ожидать, судя по голосованию в отдельных федерациях. Анализируя это большинство, мы констатируем два в высшей степени интересных явления: во-первых, за Коммунистический Интернационал голосовали крупные группы из крестьянских районов Франции, население которых, если верить правым социал-демократам, все поголовно настроено против Советской России; во-вторых, особенно единодушно голосовали за присоединение промышленные районы (департамент Сены, Па-де-Кале и пр.), в которых имеются самые сильные профессиональные организации. Совершившийся раскол очистил партию от всех консервативных элементов. И *Лонге*, которого так усердно старались перетянуть налево, ушел к своим правым друзьям. Большинство (2/3) парламентской фракции, как и следовало ожидать, тоже ушло направо. Выступление *Клары Цеткиной*, несмотря на все полицейские рогатки явившейся на с'езд, произвело сильнейшее впечатление.

Заслушав этот доклад, Исполком постановил послать привет Французской Коммунистической партии и выразить благодарность тов. *Кларе Цеткиной* за ее мужественное выступление на с'езде.

С докладами о коммунистическом движении в Дании выступили датские делегаты: т. *Ю.*—от Коммунистической партии Дании и т. *Е.*—от синдикалистской оппозиции датских профсоюзов.

Датская Коммунистическая партия образовалась в ноябре 1919 года из 3 групп: Социалистической Рабочей партии, Независимой Социал-демократической Партии и Социалистического Союза Молодежи. Партия насчитывает около 3.000 членов и издает ежедневный орган «Arbeydet» (Труд); на последних парламентских выборах партия получила 5.200 голосов. Профсоюзная оппозиция имеет лишь 700 членов, но ее орган «Solidaritets» (Солидарность), существующий с 1911 г., расходится в количестве 7—8000 экземпляров. Синдикалистские тенденции, раньше преобладавшие в оппозиции, мало по малу сходят на нет. Один из самых видных вождей группы *Хр. Христенсен* недавно опубликовал в «Solidaritets» ряд статей о «21 пункте», в которых он заявляет о своем полном согласии с платформой Коммунистического Интернационала. Теперь центры партии и оппозиции решили сделать попытку к об'единению на федеративных началах. Сущность выработанного ими соглашения сводится к следующему: обе организации образуют «Коммунистическую Федерацию Дании» с общим органом, который должен редактироваться в полном согласии со всеми резолюциями Второго Всемирного Конгресса Коминтерна и постановлениями Коминтерна. Обе организации временно сохраняют свои программы; газеты «Arbeydet» и «Solidaritets» закрываются. Профсоюзная оппозиция немедленно же вступает в международный Союз Красных Профсоюзов.

В дополнение к докладам датских товарищей тов. *Кобецкий* сообщил собранию, что им получено письмо от знаменитого датского писателя и пролетарского поэта Мартина Андерсена-Нексе, в котором он шлет горячий привет Исполкому Коминтерна, прося Исполком содействовать об'единению датских товарищей на основе выработанного им соглашения.

По предложению тов. Бела-Куна Исполкомом была избрана Комиссия из 3-х членов для тщательного ознакомления с вопросом. На заседании 14-го января председателем комиссии был прочитан доклад. Комиссия, в которой участвовали и датские делегаты, еди-

*) Письмо это было уже опубликовано в газетах.

нодушно приняла проект соглашения, внеся в него некоторые изменения. Важнейший из измененных пунктов соглашения был формулирован комиссией так: временно (вся федерация носит временный характер) все коммунистические ячейки в профсоюзах, состоящие из членов обоих организаций, примыкают к профсоюзной организации, причем однако для членов партии, входящих в ячейки, всегда обязательны директивы, даваемые Ц. К. партии.

Затем был поставлен на обсуждение вопрос о Германской Рабочей Коммунистической партии (Г. Р. К. П.). Поводом к новому обсуждению этого вопроса послужило письмо Ц. К. Об'ед. Ком. парт. Германии с протестом против принятия Г. Р. К. П. в Коминтерн на правах сочувствующей партии. Свой протест Ц. К. мотивирует следующими соображениями: 1) Г. Р. К. П. не революционная партия, ибо в тех странах, где ближайшей целью борьбы рабочего класса является коммунизм, всякая не коммунистическая партия—не революционна; 2) Г. Р. К. П. партия умирающая, и решение И. К. К. И. искусственно поддержит ее существование; 3) в борьбе с ошибочной тактикой Г. Р. К. П. германские коммунисты будут лишены теперь своего главного оружия—возможности ссылаться на авторитет Исполкома Коминтерна.

Протест этот вызвал оживленные дебаты. Тов. *Штейнгардт* предлагает потребовать от А. Р. К. П., чтоб они в своей полемике против Об'ед. Ком. партии Германии (V. K. P. D.) не переходили границ товарищеского тона. Товарищи Мархлевский и Шаблин настаивали на необходимости предварительно, до принятия какого либо решения, ознакомиться с прессой А. Р. К. П. за время, прошедшее с момента их принятия в Коминтерн. Тов. Зиновьев высказался за оставление в силе принятого уже решения. По его мнению, протест О. К. П. Г. совершенно ошибочен. Исполком действовал в полном согласии с постановлениями II Конгресса, временно приняв А. Р. К. П. в Коминтерн в качестве сочувствующей партии. Решительно отмежевываясь от правых, реформистских элементов, мы должны относиться с величайшей терпимостью к считающим себя более «левыми» революционным рабочим группам, даже если они еще не освободились от своих анархо—синдикалистских заблуждений. Ядро Г. Р. К. П. состоит из подлинно революционных рабочих. Партия за последнее время сделала значительный шаг по пути к коммунизму, исключив из своей среды Лауфенберга, Вольфгейма и Отто Рюле. В том, что К. А. Р. D. критикует наших германских товарищей, еще нет особенной беды. Г. К. П. далеко не свободна от ошибок: достаточно вспомнить хотя бы ее поведение во время Капповского мятежа и при последней забастовке Берлинских электриков. В нашей резолюции мы ясно и определенно говорим, что единственной правомочной секцией Коминтерна в Германии мы считаем О. К. П. Г. и предлагаем членам Г. Р. К. П. теперь же вступать в эту партию. Мы говорим, что тактику К. А. Р. D., особенно в вопросах о профсоюзах и парламентаризме, считаем ошибочной. Принимая их в нашу семью, мы указываем им путь к слиянию с О. К. П. Г.

Подтверждение правильности нашей тактики по отношению к левым и к правым мы видим теперь в Италии: в то время, как Дарагона, исключения которого из партии мы не переставали требовать все время, заседает в паритетных с буржуазией комиссиях, изо всех сил стараясь тормозить революционное движение, синдикалист Армандо Борги, пронятый нами в Коминтер, сидит в тюрьме, у стен которой рабочие устраивают революционные демонстрации.

После дебатов большинством всех против одного голоса и при одном воздержавшемся, принимается предложение Зиновьева о том, чтобы подтвердить прежнюю резолюцию о Г. Р. К. П. и обратиться к К. Р. D. с особым письмом по этому поводу, а также предложение т. Бела-Куна об опубликовании стенограммы заседаний Исполкома от 24-го и 28-го ноября, на которых обсуждался вопрос о принятии Г. Р. К. П. в Комитерн.

Затем вне порядка дня председатель оглашает телеграмму с приветствием Исполкому от эстонской коммунистической парламентской фракции:

Приветствие III Коммунистическому Интернационалу.

После долгой и тяжкой борьбы эстонскому пролетариату удалось провести своих представителей в буржуазный парламент, чтобы принудить буржуазных болтунов услышать классовые интересы рабочих и чтобы через парламент подготовить рабочий класс к сознательной классовой борьбе.

По этому случаю, коммунистическая фракция эстонского парламента приветствует III Коммунистический Интернационал, как единственного представителя организованного классового пролетариата в мире.

Ревель.
1 января 1921 г.

От имени фракции
Председатель (подпись).
Секретарь.

Единогласно принимается постановление:

«Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала братски приветствует революционных рабочих Эстонии и их коммунистическую фракцию.

Коммунизм одержал большую моральную победу в стране, где при помощи белого террора хозяйничает кучка буржуазии, поддерживаемая желтыми социалдемократами.

Да здравствуют эстонские коммунисты.
Исполком Коминтерна».

На заседании 14 января первое слово предоставляется тов. *Цхакая*, который в кратких словах обрисовывает положение в Грузии. Эта «социалистическая» республика,

которой так гордятся вожди II Интернационала—накануне полного экономического краха: производства никакого нет, массового голода до сих пор удавалось избегать только лишь благодаря остаткам прежних урожаев, в настоящее время все с'едено, и некоторые губернии уже голодают. Правительство держится до сих пор только потому, что коммунистическая партия не располагает достаточно сильным аппаратом. Коммунистическая партия Грузии все еще не оправилась от того удара, который был нанесен ей насильственным разрывом с Российской Коммунистической партией, явившимся следствием мирного договора Советской России с Грузией. Социал-демократическое правительство ведет ожесточенную борьбу с коммунистическим движением, высылая и арестовывая наших товарищей, закрывая наши газеты и т. д. Тем не менее, число наших сторонников в Грузии растет с каждым днем. Недавно состоялся партийный с'езд. На с'езде печатников в Тифлисе, на котором, несмотря на полицейскую поддержку правительства, меньшевикам удалось получить большинство лишь в один голос (263 против 262), выбранными оказались 7 коммунистов, 6 меньшевиков и 2 представителя других партий. Самый сильный из профсоюзов—союз жезезнодорожников—также «заражен» большевизмом. Тов. Цхакая заканчивает свой доклад просьбой поддержать грузинских товарищей, обратившись к ним с особым воззванием от имени Исполкома. По предложению тов. *Зиновьева*, Исполком единогласно принимает следующую резолюцию:

«Заслушав доклад представителя Коммунистической партии Грузии тов. Цхакая, Исполком Коминтерна шлет горячий братский привет грузинским товарищам, сотнями томящимися в тюрьмах грузинской социал-предательской республики.

Во главе этой республики, прославляемой господами социал-демократами, как демократический рай, стоит партия меньшевиков, принадлежащая ко II Интернационалу. За спиной палаческого правительства меньшевиков стоят не только прямые агенты правительства Антанты, но и виднейшие вожди II Интернационала—с Вандервельде, Реноделем и Каутским во главе.

Рабочие всего мира должны знать, что нет того преступления против рабочих и крестьян, которого не совершили бы сторонники II Интернационала, если это нужно в интересах буржуазии».

Докладчик по следующему пункту порядка дня—организация работы в Исполкоме — т. *Зиновьев* указывает на то, что с'езд Итальянской партии, открывающийся на днях, заканчивает собой целый период работы Коминтерна—период обсуждения резолюций II Конгресса и консолидации крупных коммунистических партий в Германии, Франции, Италии. Начинается новый период, в котором мы должны обратить главное внимание на *организационную* сторону работы. Необходимо позаботиться о том, чтобы в Исполкоме были представители от всех партий, входящих в Коминтерн, чтобы эти представители имели возможность постоянно сноситься со своими партиями и делиться получаемыми сведениями с Исполкомом, чтобы Малое Бюро, не ограничиваясь одними воззваниями, вело постоянную переписку с центральными комитетами всех партий; наконец необходимо также, учитывая опыт развивающейся мировой революции, подробно разрабатывать отдельные пункты нашей программы. Поэтому тов. Зиновьев предлагает: 1) предложить всем партиям прислать своих представителей в Исполком; 2) расширить Малое Бюро, увеличив число членов его до 7, а именно, кроме имеющихся сейчас 4-х членов, избрать в его состав т. т. Бела-Куна и Росмера; седьмым членом должен быть делегат от Об'единенной Коммунистической партии Германии; 3) избрать две комиссии для детальной разработки отдельных пунктов программы: комиссию по аграрному вопросу и по национальному вопросу.

К этому предложению вносятся следующие поправки: т. *Берзин* предлагает вместо комиссии по аграрному вопросу, или наряду с ней, избрать комиссию для изучения экономических условий жизни в капиталистических странах; т. *Шацкин* предлагает, чтобы Малое Бюро представляло Исполкому доклады о своей деятельности.

Предложение *Зиновьева* с обеими поправками принимается.

По предложению тов. Зиновьева, была избрана комиссия в составе т.т. Шаблина, Янсона и Штейнгардта, которой поручено рассмотреть жалобы и принять меры к устранению недочетов в работе технических органов, если таковые окажутся. Затем оглашается следующее письмо, полученное т. Зиновьевым от Бюро Амстердамского Интернационала Профсоюзов:

«Господин председатель. При сем посылаем Вам на французском и немецком языках экземпляр резолюции, принятой происходившим в Лондоне 22—27 ноября Международным Конгрессом Профсоюзов. Как Вы, вероятно, знаете уже из газет, резолюция эта была принята огромным большинством: только Италия и Норвегия голосовали против нее. Резолюция эта определяет наше отношение к Вашему Интернационалу.

Из этой резолюции Вы увидите, что мы не намерены оставлять без возражения распространяемую Вами клевету на нас; мы будем и впредь представлять интересы около 30 миллионов рабочих так же, как мы делали это до сих пор, т. е. в том духе, в каком должно работать самостоятельное профессиональное движение, а именно: мы не будем—как это делает основанный Вами так называемый Интернационал Профсоюзов — подчинятся команде политической партии.

Если Вас или других вождей представляемого Вами профессионального движения интересует получение более подробных сведений о нашем движении, благодаря чему Вы,

может быть, придете к убеждению, что до сих пор Вы приносили только вред Вашему собственному делу и делу пролетариата,—то мы готовы во всякое время предоставить Вам эти сведения, с тем условием, однако, что Вы будете поступать по отношению к нам так же, как мы поступаем по отношению к Вам, а именно, что Вы во всяком случае будете исходить из того предположения, что мы, предпринимая те или иные шаги, питаем честные намерения и что нами руководит лишь одна общая цель—быть полезными пролетариату и помочь ему выйти из бедственного положения. Лишь такая основа может, по нашему мнению, послужить к пониманию наших общих целей и, может быть, привести также к присоединению русских профсоюзов к нашему Интернационалу. Мы надеемся, что Вы доведете до сведения членов президиума III Интернационала и нашу резолюцию и это письмо.

«Л. Жуо, Эдо Фиммен, Ж. Удегест».

По поводу этого письма единогласно принимается следующее постановление: «Предложить г.г. Жуо и др. добиться в дружественных им правительствах согласия на устройство ряда публичных рабочих собраний во всех европейских центрах—Лондоне, Париже, Амстердаме—для дискуссии между «Амстердамом» и III Интернационалом».

В своем докладе, посвященном задачам Коминтерна на Востоке, т. *Сокольников* указывает, прежде всего, на то, что симпатии буржуазно-помещичьего класса на Востоке к Советской России очень непрочны; симпатии эти вызваны ненавистью к Антанте, но эта ненависть значительно слабее страха перед трудящимися массами собственных стран; этим об'ясняется то, что наши военные союзники на Востоке при первом же удобном случае заключают соглашения с нашими военными врагами-державами Антанты. Обращаясь к вопросу о том, кто является истинным носителем революции на Востоке, мы должны, прежде всего, отказаться от того взгляда, будто Восток является чем то единым и цельным. Капитализм, как известно, вносит единообразие в общественные отношения различных стран, но Восток еще почти совсем не затронут капитализмом. Крупная промышленность развита лишь в Индии, и здесь носителем и вождем национально-демократической революции будет безусловно пролетариат. Об остальных странах ближнего Востока—Персии, Бухаре, Афганистане и пр.—можно в общем сказать, что здесь угнетенным общественным классом является крестьянство, и революция должна носить аграрный характер. В своей работе на Востоке мы должны тщательно учитывать все особенности общественных отношений каждой отдельной страны, избегая шаблона.

Дискуссия по докладу т. Сокольникова откладывается до следующего заседания Исполкома, и слово предоставляется тов. Росмеру для экстренного сообщения об экономическом бойкоте Испании.

Тов. *Росмер* сообщает, что им получено из Испании воззвание Испанской Конфедерации Труда, протестующей против правительственного террора, направленного против рабочих организаций: закрываются рабочие газеты, распускаются профсоюзы, разгоняются собрания, сотни и тысячи революционеров и рядовых рабочих арестованы только за то, что они принадлежат к организации. Конфедерация Труда призывает рабочих всех стран с 15 января, в знак протеста, об'явить Испанию под бойкотом и не пропускать никаких товаров ни из Испании, ни в Испанию. Тов. Росмер предлагает от имени Исполкома Коминтерна и временного Бюро Межсофпрофа призвать рабочих всего мира к проведению этого бойкота.

Предложение принимается единогласно.

Секретарь И. К. К. И.

М. Кобецкий.

III КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА.

Согласно решению Исполкома Коммунистического Интернационала, III Всемирный Конгресс III Коммунистического Интернационала созывается на 1 июня 1921 года. Исполком Коминтерна принял следующий предварительный порядок дня:

1. Доклад Исполкома Коминтерна.
2. Всемирный экономический кризис и новые задачи Коминтерна.
3. Тактика Коминтерна во время революции.
4. Переходный период (частичные требования, частичные выступления и окончательная революционная борьба).
5. Борьба с Амстердамским желтым об'единением профсоюзов.
6. Международный Совет Красных Профсоюзов и Коминтерн.
7. Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы.
8. Организационное строительство Коммунистического Интернационала и его отношение к входящим в его состав партиям.
9. Восточный вопрос.
10. Социалистическая партия Италии и Коминтерн (обжалование решения Исполкома Коминтерна Об'единенной Коммунистической партией Германии).
12. Женское движение.
13. Движение среди молодежи.
14. Выборы Исполкома Коминтерна и местопребывание его.
15. Разное.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ВОЗЗВАНИЯ И ПИСЬМА.

ГРАЖДАНИНУ ЖУО, ПАРИЖ.

ГРАЖДАНАМ ФИММЕН И УДЕГЕСТУ, АМСТЕРДАМ.

Граждане!

Я получил адресованное вами мне письмо, написанное от имени Амстердамского «Интернационала» профессиональных союзов. Согласно вашей просьбе, я доложил это письмо Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала.

Вы заявляете, что говорите не больше и не меньше, как от имени 30 миллионов организованных рабочих. Позвольте вам не поверить, граждане. Вы в такой же мере говорите от имени 30 миллионов организованных рабочих, как, скажем, г. Мильеран, нынешний президент французской буржуазной республики, тоже причислявший и, кажется, причисляющий себя к социалистам, говорит от имени 40 миллионов населения Франции, или в такой же мере, как палач германского рабочего класса г. Эберт, член вашего почтенного Амстердамского «Интернационала» и президент Германской буржуазной республики, говорит от имени десятков миллионов германского населения.

Нет, господа, вам больше не удастся обмануть никого. На деле вы говорите не от имени 30 миллионов рабочих, а от маленькой кучки профессиональной бюрократии, которая во всем основном поддерживает буржуазию *против* рабочих.

В вашем письме ко мне вы требуете от нас, чтобы, критикуя вашу позицию, мы, однако, предполагали в вас только и исключительно честные намерения и искреннее желание служить делу рабочего класса. При всем желании быть любезными по отношению к вам, граждане, этой просьбы, к сожалению, мы исполнить не можем. Разумеется, найдутся и среди вожаков вашего желтого Амстердамского «Интернационала» такие, которые действуют бескорыстно, bona fide, искренно предполагая, что они служат рабочему классу. Но не эти элементы делают погоду среди руководителей Амстердамского «Интернационала». Прожженные дельцы вроде г. Альберта Тома, вроде Вас, г. Жуо, вроде недавно почившего г. Легина, вроде бывшего английского министра г. Хендерсона, вроде Вандервельде, Трульстра, Брантинга и К°, вроде Реноделя, вроде Носке (тоже деятель профессионального движения амстердамского толка!), Санба и тому подобных господ—эти люди знают, что они делают. Не может быть, чтобы все вы, прошедшие огонь и воду и медные трубы, бывшие не раз министрами в буржуазных правительствах тогда, когда буржуазии приходилось особенно трудно и когда буржуазии надо было, во что бы то ни стало, сделать кровопускание рабочим,—не может быть, чтобы вы не знали, что вы делаете.

Кое-кто из вас вышел из среды рабочих, но вы давно душою и телом перешли на сторону наших смертельных врагов—на сторону буржуазии. Это становится все более и более ясным самым широким слоям рабочих. Вот почему и во Франции, и в Германии, и в Англии, и в Америке, и в Италии, и в Швейцарии, и во всем мире, союз за союзом, начинают уходить из вашего зачумленного желтого лагеря и переходят на сторону международного Совета Красных Профессиональных Союзов, основанного в Москве.

Вы потому так и заметались и стали нервничать, господа, что вы чувствуете, как почва ускользает из-под ваших ног. Как в течение последних двух лет одна за другой политические партии уходили из лагеря II Интернационала в лагерь III Интернационала, так теперь один за другим профессиональные союзы будут уходить из лагеря Амстердамского желтого «Интернационала» в лагерь Красного Московского Интернационала. Это так же неминуемо, как то, что после ночи наступает утро. Это так же неминуемо, как неминуема победа пролетариата над дорогой вашему сердцу буржуазией.

На первое мая 1921 г. в городе Москве назначен первый всемирный международный конгресс красных профессиональных союзов, созываемый Международным Советом профессиональных союзов совместно с Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. На этот международный профессиональный с'езд приглашается каждый союз, который хочет действительно бороться с буржуазией. Никаких требований мы не выдвигаем, кроме одного: чтобы тот профессиональный союз, который хочет приехать на наш с'езд, желал бы действительно бороться с мировым империализмом, а стало быть, и с его агентурой—Амстердамским желтым «Интернационалом». И вы увидите, граждане, что этот первый всемирный международный конгресс профессиональных союзов будет торжеством идей III Интернационала и нанесет решительный удар вашему предательскому Интернационалу, основанному в Амстердаме. Каждое ваше выступление, каждое ваше проклятие по нашему адресу, каждая ваша услуга мировому империализму (а в этом заключается ваша главная профессия в последнее время) поможет только III Интернационалу и увели-

чит успех назначенного на 1 мая международного конгресса красных профессиональных союзов.

В вашем письме к нам есть одно практическое предложение. Вы предлагаете нам давать нашим организациям более подробную информацию о вашей работе на основах взаимности. Вы как будто желаете вступить в подробную дискуссию с нами по вопросу о наших и ваших принципах. Позвольте довести до вашего сведения, граждане, нижеследующее единогласное постановление Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала:

По нашему предложению Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, а также Международный Совет профессиональных союзов единогласно постановили принять публичную дискуссию с вами.

Мы хорошо знаем, что, насколько слабо ваше влияние на пролетарские массы, настолько же значительно это влияние в министерских кругах буржуазных правительств. Мы ни на минуту не сомневаемся, что г. Жуо не стоило бы больших трудов убедить г. Мильерана в том, что для пользы дела следует разрешить в'езд в Париж представителям Коммунистического Интернационала для публичной дискуссии с г. Жуо. Очень вероятно, что г. Хендерсону удалось бы добиться того же в Англии, г. Трульстра—в Голландии и т. п.

Исходя из этого, *Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала предлагает, начиная приблизительно с 1 февраля нынешнего года, устроить ряд публичных дискуссий перед рабочими Парижа, Лондона, Амстердама и других европейских столиц с тем, чтобы на этих дискуссиях могли на равных правах выступить представители Амстердамского желтого „Интернационала“ и представители Коминтерна.* Через Лигу Наций, столь дружественную вам, через Международное Бюро Труда, которое является прямым связующим звеном между Амстердамским желтым «Интернационалом» и Лигой Наций, вам, граждане, не трудно будет добиться согласия на это наше предложение. Обсудите же его поскорее в своем кругу, т. е. в кругу бюрократов Амстердамского «Интернационала» и министров внутренних и иностранных дел буржуазных республик, и после этого дайте нам тот или другой ответ. Мы с нетерпением будем ждать этого ответа.

Примите наши уверения, граждане, в том, что мы хорошо понимаем, как трудно ваше положение и что мы догадываемся, что не от сладкой жизни вы обратились к нам с тем письмом, на которое мы в настоящих строках отвечаем вам. Примите наши соболезнования по поводу того, что ваши ряды на глазах у всего мира тают с такой быстротой. И будьте уверены, передовые рабочие всего мира превосходно знают вам цену и уже в последнее время убедились, что для того, чтобы перешагнуть через власть капиталистов, необходимо по дороге перешагнуть и через желтую предательскую организацию, которая называется Амстердамским «Интернационалом» профессиональных союзов.

Готовый к услугам

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Петроград,
17 января 1921 г.

НОВАЯ ПОПЫТКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБМАНА.

О «ДВУХСПОЛОВИННОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ»

Второй Интернационал развалился, как карточный домик. Сознательные рабочие всего мира с презрением называют его ж а н д а р м с к и м «Интернационалом». Все более густыми фалангами сознательные рабочие всего мира переходят в ряды III Интернационала.

Но с этим никак не могут примириться отставные «вожди». И вот из среды сторонников «центра» возникает план построить «новый» Интернационал: не второй и не третий, а—двухсполовинный. Больше года идет суетливая возня вокруг этого замечательного плана построения двухсполовинного Интернационала. Хлопочут и суетятся все: и социал-пацифисты типа Лонге, и заведомые социал-предатели типа Реннера, и контр-революционные «социал-демократы», вроде Мартова, и просто международные шарлатаны типа Грумбаха.

Под видом построения якобы «нового» Интернационала делается попытка восстановить II Интернационал. На ближайшее время в Вене назначена целая «международная» конференция с этой целью.

Кто будет участвовать в этой конференции? Реннер, Бауер и К°., т. е. те господа, которые решительно ничем не отличаются от Шейдемана и Носке, кроме как большей ловкостью рук. Партия австрийских социал-предателей, которая во время войны и после окончания войны вела себя самым позорным образом, которая предавала и предает интересы рабочего класса ежедневно и ежечасно, теперь выступает застрельщицей двухсполовинного Интернационала. Один этот факт достаточно красноречиво говорит о характере будущей конференции. Вчерашние министры в буржуазной республике, сегодня за ненадобностью вытолкнутые из министерств капиталистами, отдают теперь свои досуги на дело восстановления «Интернационала».

Германия будет представлена на предстоящей конференции господами Дитманами и Криспинами, тоже бывшими министрами германской буржуазии. Отвергнутые герман-

скими рабочими, эти господа теперь правеют с каждым днем, и вскоре даже сквозь увеличительное стекло нельзя будет разобрать разницы между Дитманом и Шейдеманом.

Франция, очевидно, будет представлена партией гражданина Лонге. Поставленный недавно в Туре во время конгресса Французской Социалистической партии перед выбором: с французскими рабочими или с социал-предателями типа Реноделя, Лонге, не колеблясь, выбрал этого последнего. Альберт Тома, Пьер Ренодель и вся их шайка достаточно известны сознательным рабочим всего мира. Даже во II Интернационале не так часто встретишь таких грязных предателей и таких подлых изменников, как эти господа. И что же? Эти люди остались членами той партии, которая возглавляется г. Лонге. Эти люди также, очевидно, будут принимать, если не фактическое, то моральное участие в восстановлении двухсполовинного Интернационала. Скажи мне, с кем ты знаком,— и я скажу тебе, кто ты таков. Лонге очень хорошо знаком с г. Реноделем. Господа вроде Ренера и Лонге являются живым мостиком между двухсполовинным и вторым Интернационалом.

Россия будет «представлена» на этой предстоящей «международной» конференции г. Мартовым и другими меньшевиками. Отвергнутые и презираемые рабочим классом всей России, Мартов и К°, однако, являются почетными членами будущего двухсполовинного Интернационала. Все упомянутые нами выше европейские «величины» настолько растрясли свой идейный багаж, настолько обанкротились, настолько растеряли все принципы, что даже какой-нибудь Мартов является для них недосягаемым идейным вождем. Русские меньшевики, предававшие интересы пролетарской революции в России с первых дней ее возникновения, русские меньшевики, сидевшие в министерствах Милюкова, Керенского и Колчака, русские меньшевики, помогавшие в начале империалистской войны даже царскому правительству,—эти русские меньшевики вполне достойны того, чтобы быть вожаками двухсполовинного «Интернационала».

Мы не будем говорить о более мелких партиях, которые, вероятно, осчастливят своим присутствием Венскую конференцию. Швейцарские социал-патриоты и центровики, от которых ушли все честные рабочие, разумеется, поедут в Вену. Все эти Пфлюгеры и Миллеры, которые решительно ничем не отличаются от добрых почтенных буржуа, одинаково согласны быть и членами второго Интернационала и двухсполовинного Интернационала. Латышские социал-демократы—меньшевики, не раз также, как и болгарские «широкие» социал-патриоты, представитель которых министр Пастухов расстреливал рабочих в Перник и Сливене, обагрявшие руки в крови рабочих, тоже торопятся на Венскую конференцию. Одним словом, небольшая, но теплая компания.

Некоторые из инициаторов двухсполовинного Интернационала пытаются уверить рабочих, что Венская конференция созывается для того, чтобы все перечисленные партии организованно могли войти в III Интернационал. Сознательные рабочие всего мира должны знать, что это есть прямой обман. Никогда III Интернационал не примет в свою среду агентов буржуазии. Сознательные рабочие всего мира должны знать, что правые независимые, французские лонгетисты, австрийские социал-патриоты являются врагами пролетарской революции, что их газеты все более яростно клевещут на Советскую Россию, что их вожди все более цинично помогают буржуазии против рабочих. Сознательные рабочие всего мира должны окружить предстоящую Венскую конференцию обманщиков и предателей тем презрением которое она заслужила. Сознательные рабочие всего мира должны об'явить двухсполовинному «Интернационалу» такой же бойкот, какой они об'явили II Интернационалу.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

Председатель **Г. ЗИНОВЬЕВ.**

Ленин, Троцкий, Бухарин, К. Радек (Россия)—*Росмер* (Франция)—*Янсен* (Голландия)—*Бела-Кун, Руднянский, Варга* (Венгрия)—*М. Цхакая* (Грузия)—*Т. Квелч* (Англия)—*Шаблин* (Болгария)—*Штейнгардт* (Австрия)—*Гурвич* (Америка)—*Султан-Заде* (Персия)—*Маннер* (Финляндия)—*Стучка* (Латвия)—*Шацкин* (Междунар. Союз Молодежи).

Москва, 15 января 1921 г.

К РАБОТНИКАМ ВСЕХ СТРАН. КО ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ПРИМЫКАЮЩИМ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Товарищи,

Вот уже два года, как рабочие Испании, в особенности наиболее промышленных и деятельных ее областей, терпят жестокие и варварские преследования со стороны правителей-капиталистов.

Правительство, являющееся агентом крупных предпринимателей, обогатившихся во время империалистской войны с каждым

днем усиливает лютость своего обращения с рабочими.

Уже два года конституционные гарантии уничтожены. Провозглашено осадное положение. Рабочие газеты запрещены, профессиональные союзы распущены, собрания не разрешаются. Наиболее передовые и даже рядовые, об'единенные в синдикаты, рабочие сотнями и тысячами брошены в тюрьмы по произволу провинциальных и местных тиранов.

Однако, наши испанские товарищи не склонились перед этими насилиями. Они организовали сопротивление. Они сохранили, несмотря ни на что, свои профессиональные союзы и укрепили солидарность рабочего класса. На правительственные насилия они ответили удвоенным мужеством и смелостью.

Буржуазия, уже растоптавшая свою собственную законность, прибегла тогда к ряду мер, из коих некоторые имеют характер средневекового варварства.

Она сослала наиболее передовых рабочих на Фернандо По в Африке и в Магаи, на остров Минорку, в Средиземном море. Других она выслала в места их родины, заставив пройти весь путь пешком и под конвоем жандармов, подвергавших их оскорблениям. И так как полиции и войск было недостаточно, она бросила против рабочих свою белую гвардию.

Наши испанские товарищи могут сказать, что они—жертвы такого же террора, какой белые практиковали в Финляндии и в Венгрии. Но они не уступают. Они принимают эту борьбу против всех сил буржуазии. Они просят рабочих всех стран помочь им в этой великой борьбе, защитить их от озлобленной и взбешенной их сопротивлением буржуазии. Помощь эта должна быть оказана немедленно и должна выразиться в полном бойкоте всех испанских товаров, который, согласно желанию наших товарищей,— должен начаться 15 января. С означенного числа рабочие всех стран должны отказаться перевозить и разгружать товары, идущие из Испании или предназначенные для нее, они должны отказаться от употребления каких бы то ни было материалов испанского происхождения. Изолированная и отделенная от всего мира, отверженная за свое варварство пред лицом мирового пролетариата, буржуазия должна будет капитулировать. Коммунистический Интернационал и Международный Совет Красных Профессиональных Союзов настоятельнейшим образом просят рабочих всех стран откликнуться на призыв их испанских братьев. Великая борьба, которую буржуазия им навязала и которую они до сего времени мужественно вели единственно своими собственными силами, должна завершиться их победой. Да будет же помощь, в которой они теперь нуждаются, оказана им немедленно и щедро!

Все организации, принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу, должны откликнуться на призыв Испанской Конфедерации Труда, также примкнувшей к Москве. Они должны осуществить всю пропаганду и всю деятельность, необходимые для того, чтобы обеспечить успех движению. Победа, одержанная над испанской буржуазией, будет торжеством всего пролетариата в целом.

Покажем, что рабочая солидарность, подкрепленная действием, непобедима.

Да здравствует испанский пролетариат!

Да здравствует рабочая солидарность!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Бюро Международного Совета Красных Профессиональных Союзов.

С'ЕЗДУ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ТУРЕ.

Дорогие товарищи!

С напряженным интересом Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала будет следить за ходом работ вашего с'езда, который, несомненно, займет видное место в истории французского рабочего движения.

Мы читали проект резолюции, которая носит подписи товарищей Лорио, Монатта, Суварина, Кашена, Фроссара и других. За исключением отдельных пунктов (например, вопрос о названии партии) мы можем солидаризироваться с этой резолюцией.

Мы читали далее проект резолюции, подписанной Жаном Лонге, Поль Фором и др. Эта резолюция насквозь проникнута духом реформизма и самой мелкотравчатой дипломатии. Тезисы, одобренные вторым Конгрессом Коммунистического Интернационала, допускают известные исключения для тех реформистов, которые теперь подчинятся решениям Коммунистического Интернационала и откажутся от прежнего оппортунизма. Упомянутый проект резолюции, подписанный Лонге и Поль Фором, доказывает, что Лонге и его группа вовсе не желают составить исключения в лагере реформистов. Они были и остаются определенными проводниками буржуазного влияния на пролетариат. В резолюции Лонге и Поль Фора замечательно не только то, о чем авторы ее говорят, но в особенности то, о чем авторы ее *молчат*. О мировой революции, о дикта-

туре пролетариата, о советской системе Лонге и его друзья предпочитают либо молчать совершенно, либо говорить самые банальные двусмысленности. С авторами таких резолюций Коммунистический Интернационал ничего общего иметь не может.

Самую плохую услугу, какую можно оказать при нынешнем положении вещей французскому пролетариату, это придумать какой-либо запутанный компромисс, который потом окажется гирями на ногах вашей партии. Мы глубоко уверены, дорогие товарищи, что большинство сознательных рабочих Франции не допустят до гнилого компромисса с реформистами, а создаст, наконец, в Туре единую и сильную, подлинно коммунистическую партию, свободную от реформистских и полуреформистских элементов.

В этом смысле мы приветствуем ваш с'езд и желаем ему успеха.

Да здравствует коммунистическая партия Франции!

Да здравствует французский пролетариат!

По поручению Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

С'ЕЗДУ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВО ФЛОРЕНЦИИ.

Дорогие товарищи.

С'езд вашей партии, происходящий в момент, когда пролетарская революция стучится в двери вашей страны, будет иметь гигантское значение для судеб международной революции. Итальянский пролетариат, наконец, вплотную подошел к делу создания коммунистической партии, очищенной от реформистских и полуреформистских элементов. Вся обстановка в Италии вопиет против каких бы то ни было принципиальных компромиссов с реформистами. Глубочайшие коренные интересы итальянского пролетариата и мировой революции требуют обязательного и безоговорочного разрыва с реформизмом, как направлением.

Мы получили ответ центрального комитета вашей партии от 31 октября 1920 г. на письмо Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, посланное вашей партии в августе. Мы говорим вам откровенно, товарищи, что этот ответ центрального комитета показался нам крайне неудовлетворительным. Достаточно привести один пример. В упомянутом письме центральный комитет все еще считает возможным брать под свою защиту реформистских вождей Конфедерации Труда во главе с Дарагоной. В упомянутом письме от 31 октября 1920 г. ваш центральный комитет пишет буквально: «хотя они (т. е. Дарагона и его друзья) и принадлежат все еще к Амстердамскому Интернационалу, все же их нельзя ставить рядом с такими социал-предательскими вожаками, как Жуо, Легин, Гендерсон».

Амстердамский Интернационал есть часть II Интернационала. Так называемый Амстердамский Интернационал, во главе которого стоят самые определенные желтые социал-предатели, является ныне главным орудием буржуазии в ее борьбе против пролетариата. Дарагона и К° считают возможным до сих пор принадлежать к этой организации, а ваш центральный комитет находит возможным относиться к этому терпимо.

Еще один лишний раз считаем нужным заявить вам, дорогие товарищи, что Коммунистический Интернационал не имеет и не желает иметь ничего общего с людьми, принадлежащими к реформистскому лагерю. Определенно и ясно мы говорим вам: вам надо выбрать между Турати, Дарагоной и К° и III Интернационалом.

Только фракция коммунистов Италии, имевшая недавно свою конференцию в Имоле, поставила вопрос ясно и определенно. Кто хочет идти вместе с Коммунистическим Интернационалом, тот должен поддержать эту фракцию.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, придавая громадную важность вашему с'езду, намеревался отправить из Москвы двух своих представителей на ваш с'езд. К сожалению, это не удается по независящим от нас обстоятельствам. В ряде документов мы сказали вам откровенно наше мнение по поводу положения вещей в вашей партии. Теперь слово за итальянским пролетариатом и его лучшими представителями, собравшимися во Флоренции.

Да здравствует Итальянская Коммунистическая Партия, очищенная от реформистских и полуреформистских элементов!

Да здравствует пролетарская революция в Италии!

Да здравствует итальянский пролетариат!

По поручению Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИТАЛИИ.

Т.Т. БОМБАЧЧИ, БОРДИГА, ТЕРРАЧИНИ И ДР.

Дорогие товарищи!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала выражает свою полную солидарность с вами и шлет вам братский привет.

Ваша партия является *единственной* секцией Коммунистического Интернационала в Италии. Мы глубоко уверены, что с каждым днем сознательные рабочие вашей страны будут переходить на вашу сторону. Союз Серрати и его группы с фракцией реформистов, являющихся заведомыми противниками пролетарской революции, покажет всем и каждому, что итальянская фракция унитариев «Центра» стоит ближе к буржуазно реформистским элементам, чем к пролетариям - коммунистам.

Весь Коммунистический Интернационал сделает из этого соотвествующие выводы.

Будьте стойки, товарищи, теперь, в момент, когда против вашей партии ополчатся все силы буржуазии и ее многочисленных и многообразных агентов. Рабочие - коммунисты всего мира с вами. Будущее принадлежит вам, а не тем, кто в той или в другой форме через реформистов хочет мириться с буржуазией.

Да здравствует Коммунистическая партия Италии!

Да здравствует итальянский пролетариат!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Председатель **Г. ЗИНОВЬЕВ.**

Москва 25-го Января 1921 г.

Ленин, *Троцкий*, *Бухарин*, *Радек* — Россия.
Цхакая — Грузия.
Квелч — Англия.
Шаблин — Болгария.
Штейнгардт - Австрия.
Росмер — Франция.
Гурвич — Америка.
Янсен - Голландия.
Султан-Заде — Персия.
Бела-Кун, *Руднянский*, *Варга* — Венгрия.
Маннер — Финляндия.
Стучка — Латвия.
Шацкин — Межд. союз молодежи.

ЧЛЕНАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РУМЫНИИ И ВСЕМ СОЗНАТЕЛЬНЫМ РАБОЧИМ.

Товарищи.

Делегация Румынской Социалистической партии, отправившаяся в Россию для ознакомления с условиями вступления в III Коммунистический Интернационал, прибыла. Исполнительный Комитет III Коммунистического Интернационала к ней, как и ко всем делегациям, отправляемым рабочими организациями, даже не входившим в III Интернационал, отнесся с должным вниманием и готовностью облегчить ее задачу, сообщив все необходимые сведения и об'яснения. В то же самое время Исполнительный Комитет воспользовался прибытием делегации, чтобы ознакомиться с состоянием социалистической партии Румынии и прежде всего он постарался получить ответ на естественно возникающий вопрос, почему до сих пор Румынская Социалистическая партия, принадлежавшая раньше к Балканской Рабочей Социал-Демократической Федерации, оставалась вне III Интернационала, тогда как болгарская, сербская партия и даже греческая уже давно восприняли программу III Коммунистического Интернационала. Выяснение этого вопроса представляет для нас не только ретроспективный исторический интерес,—еще важнее для нас было выяснить причины, мешающие развитию коммунистического движения в Румынии, и постараться их устранить. Конечно, здесь мы можем говорить лишь об устранении ошибок, которые до сих пор Румынская Социалистическая партия допускала в своей политической деятельности.

Более близкое знакомство с деятельностью Румынской Социалистической партии и с ее руководящими органами показывает, что исключительно на последних, на Исполнительном Комитете и на вождях румынского рабочего движения лежит ответственность за его отсталость. При ознакомлении с фактами, мы наталкиваемся в Румынии на ту же истину, которую отмечали уже и в других странах, что рабочий класс пошел гораздо дальше своих вождей, что последние сдерживали развитие революционного движения и что если они решались подаваться влево, то лишь под давлением самого рабочего класса. Такие же постоянные колебания в тактике и вправо, и влево, доходящие до несознательного предательства интересам рабочего класса, проявлял румынский Испол-

нительный Комитет Социалистической партии за последние два года.

В первое время под влиянием русской революции и вследствие внутреннего кризиса, переживаемого страной, которая вышла расшатанной, несмотря на свои территориальные увеличения, из международной войны,— Исполнительный Комитет Социалистической партии заявляет о своем намерении принять тактику российских коммунистов-большевиков. В конце 1918 г., после освобождения страны от немецкой оккупации, румынская партия отказывается от своего названия «социально-демократическая» для того, чтобы отмежеваться от оппортунистов, и называет себя социалистической, название, которое, по мнению самих членов Исполнительного Комитета, было равнозначуще слову «коммунистическая». Один из членов Комитета, теперешний его секретарь и депутат в парламенте Илья Москович выступает с докладом перед Бухарестской секцией партии о новой программе, которую должна выработать партия в связи с переменами, происшедшими во время и после войны и, главным образом, в связи с уроками Российской революции. Основная мысль этого доклада выражается в упразднении всякой минимальной программы, в сохранении только максимальной программы партии, т. е. в «завоевании всеми средствами политической власти и социализации средств производства». Эта программа собирает вокруг себя всех членов партии, за исключением маленькой группы левых, возражающих против использования парламентской трибуны даже с целью изобличения парламентаризма. 15 ноября того же года в первом номере газеты под названием «Да здравствует социализм» печатается манифест в духе вышеупомянутой программы, а в начале декабря газета публикует декларацию о принципах такого же направления. Однако, насколько мало были проникнуты вожди румынского пролетариата коммунистическим революционным духом, насколько эти «проекты программы», «декларации принципов» и проч. являлись чистейшей фразеологией, литературными упражнениями, насколько в их душе еще сильно жили обывательское малодушие и оппортунизм,—показывают дальнейшие обстоятельства.

13 декабря румынское правительство устраивает западню рабочим во время демонстрации, стреляет в них из пулеметов, в результате чего оказывается свыше ста убитых и нескольких сот раненых. И в результате этого организованного избиения рабочих румынским правительством, расчитанного не только на запугивание масс, но и на неустойчивость вождей,—прежде всего поддались панике именно эти вожди. Достаточно было румынскому правительству их арестовать, чтобы они сдали все свои революционные позиции. Румынская власть начала один из своих постоянно повторяющихся процессов. Она сочиняла против вождей ряд нелепых, ничем не доказанных обвинений с исключительной целью политического шантажа. Румынское правительство вынуждено было закончить процесс, освободить арестованных еще до окончательного суда, настолько дело было лишено серьезного основания, но цель, преследуемая румынским правительством, была достигнута. С помощью полиции в румынской партии восторжествовал оппортунизм.

Те же самые вожди, которые выдвигали коммунистические лозунги в ноябре, декабре 1918 г., в мае 1919 г. написали программу, взятую из архивов самых оппортунистических партий Европы, в которой перед румынским правительством ставили задачу заменить бабок в деревне «акушерками с дипломами». Нужно отметить, для осведомления румынских рабочих, которые с последней эпохой истории своей собственной партии наверное недостаточно знакомы вследствие господствующих в Румынии цензурных условий, что на майской конференции партии настоящими диктаторами явились от'явленные трансильванские оппортунисты Жуманка, Флуераш и пр., бывшие до того и даже в этот момент членами Трансильванского временного Правительства. Предложение, сделанное некоторыми членами Исполнительного Комитета о принятии за основу предлагаемого в ноябре 1918 г. проекта программы, было ими же самими снято, после заявления трансильванского оппортуниста *Жуманка* и Буковинского оппортуниста *Григоровича*, что они с такой программой не могут согласиться. И без того колеблющийся Исполнительный Комитет Румынской Социалистической партии совершенно поплыл по волнам оппортунизма, когда к нему присоединились трансильванские и буковинские социал-демократы, воспитавшиеся в архи-оппортунистической школе венгерских и австрийских социал-демократов. Румынский Центральный Исполнительный Комитет безропотно подчинился диктатуре трансильванских социал-оппортунистов, подготовлявших уже в то время, вместе с румынским правительством, войну против Венгерской Советской Республики.

Под диктовку двух трансильванских социал-предателей, министров Флуераша и Жуманка, Исполнительный Комитет Румынской Социалистической партии превратился в жалкое орудие румынского правительства. Он принял и утвердил декларацию, которую нужно было Братиану читать на Версальской мирной конференции. Вожди румынского пролетариата стали настоящими лакеями на побегушках у господина Братиану. Вдохновителям румынской империалистической политики, организовавшим декабрьские расстрелы, убийцам Векслера и многих других румынских социалистов, инициаторам участия Румынии в империалистической войне, стоившей рабочим и крестьянам 800 тыс. жертв, самым заядлым реакционным врагам пролетариата понадобилась для Версальской конференции декларация румынских социалистов, что они тоже за национальное об'единение, за при-

соединение Трансильвании к Румынии, т. е. за политику грабежа. Миссию для получения такого документа взяли на себя трансильванские министры социал-демократы Флуераш и Жуманка, которые прибыли в Бухарест и получили от временного тогдашнего Исполнительного Комитета Румынской Социалистической партии заявление о согласии с резолюцией, прочитанной потом на Версальском конгрессе, исходящей якобы от румынского рабочего класса, в которой империалистическая война называется «войной за освобождение народов», а присоединение Трансильвании и все территориальные грабежи, совершенные румынскими помещиками, «свободным об'единением румынского народа». Находившиеся в то время в заключении члены Исполнительного Комитета заявляют теперь, после освобождения, что они, будучи в тюрьме, возражали против подписания этой декларации, и что виновниками этого нужно считать членов Временного Исполнительного Комитета. Однако, когда и бухарестские партийные организации с возмущением протестовали против этого неслыханного издевательства над всем прошлым Румынской Социалистической партии, честно отстаивавшей интересы пролетариата ценою крови десятков рабочих, убитых за то, что боролись против вступления Румынии в войну,— освобожденные уже члены Исполнительного Комитета вместо того, чтобы открыто выступить против декларации и исключить изменников из партии, посоветовали не поднимать шуму вокруг этого дела, т. е. сознались, что они сами были причастны к этой декларации. Здесь следует также упомянуть, что Флуераш и Жуманка во время своего пребывания в Бухаресте обращались к королю с просьбой об освобождении арестованных.

С мая 1919 г. после того, как Румынская Социалистическая партия об'единилась с трансильванской и буковинской, образовав общий Генеральный Совет и общий Центральный Комитет, члены Исполнительного Комитета окончательно попадают в болото оппортунизма. Они предают ради трансильванских вождей, которых через год сами трансильванские рабочие будут гнать из своей среды, революционные традиции румынского рабочего движения.

Дальнейшие действия Центрального Исполнительного Комитета отличаются самым кричащим оппортунизмом. Он ищет случая для сближения с буржуазными партиями, входит в соглашение с теперешним председателем совета министров, генералом Авереску, которого румынская буржуазия выдвигала к власти, в виду его популярности среди части крестьянства, и с той целью чтобы он мог сыграть роль румынского генерала Каveньяка.

Желая получить власть и самим произвести выборы, вместо того, чтобы их производил генерал Войтояну,—Авереску и Таке Ионеску решили бойкотировать назначенные парламентские выборы и повели демагогическую агитацию за бойкот выборов, во время которых впрочем не скупились на республиканские лозунги и всякие обещания. Вместо того, чтобы открыто повести борьбу как против генералов, за которыми скрывалось румынская плутократия, Братиано и К°, так и против бонапартистского генерала Авереску, признанного «последним резервом буржуазии», обнажая перед рабочим классом и крестьянством его демагогию, Исполнительный Комитет заключает с ним тайное соглашение о совместном бойкотировании выборов, представляя этот бойкот перед рабочим классом, как акт революционный. Однако, когда семь депутатов социалистов, большинство которых входило в Исполнительный Комитет, оказались выбранными, главным образом, мелкой буржуазией в то время, как рабочие, подчиняясь партийной дисциплине, тысячами сдавали в партийные помещения свои неиспользованные бюллютени, Исполнительный Комитет забывает свой пароль о бойкотировании «генерального парламента» и разрешает депутатам, т. е. самим себе, занять депутатские места. Голоса мелкой буржуазии, поданные за этих депутатов, весили в глазах оппортунистического Исполнительного Комитета больше, чем неиспользованные бюллетени революционно настроенных рабочих.

Когда Авереску удается на этот раз с поддержкой самих же либералов получить мандат на составление правительства и устранить кабинет Вайда Воеводы, поддерживаемого большинством парламента, и когда, после разгона парламента назначаются новые выборы, Исполнительный Комитет считает, что революционный момент прошел и спешит принять участие в этих новых генеральских выборах. Говорим «новых генеральских выборах», ибо не могло быть сомнения, что насилия, фальсификации и злоупотребления будут применяться генералом Авереску во время выборной кампании не меньше, чем его предшественником. Программа, которую по случаю этих выборов наметил Исполнительный Комитет, была программой мая 1919 года с ее знаменитым требованием о замене бабок дипломированными акушерками, оплачиваемыми государством. В то же самое время Исполнительный Комитет опубликовал прокламацию к крестьянству, которое должно было усилить свой революционный порыв. Напоминая крестьянству об одиннадцати тысячах жертв крестьянского восстания 1907 г.,— манифест обращается к крестьянам с советом не прибегать больше к силе: «Права не приобретаются силой, а организацией и делегированием в парламенты честных представителей крестьянских интересов, которые бы изменили скверные законы на хорошие».

Результат оказался не блестящим. Хотя было выбрано около 20 депутатов социалистов, но из них большая часть выбранных в Трансильвании и Буковине принадле-

жала к крайней социалистической правой и к правому каутскианскому центру. Из всей группы только 4—5 человек стояли на платформе Советской власти. Главные вдохновители оппортунистической политики Исполнительного Комитета фигурировали среди выбранных. Проявляемый с некоторыми оговорками оппортунизм в печати и агитации—здесь, в парламенте совершенно сбросил с себя последние покровы и, не стесняясь, стал конкурировать с буржуазными партиями в «легальности». Каждый из выступающих оппортунистов считал своим долгом в конце своей речи об'явить, что задачей социалистической партии является восстановление «уважения к закону».

Даже сами по себе правильные шаги социалистической парламентской фракции часто сопровождались такой оппортунистической мотивировкой, что они теряли почти все свое революционно-агитационное значение. Так, например, борьба против военной партии, желавшей вмешательства Румынии в войну против Советской России, оправдывалась некоторыми депутатами-социалистами тем, что русская революция дала Румынии Бессарабию. В органе партии «Социазлимул» буковинский сенатор социал-демократ Григорович помещал статьи, где он советовал заключить мир с Советской Россией, во имя «разумного национализма».

Мир нужно заключить с Советской Россией не потому, что, благодаря такому миру румынский пролетариат мог бы направить все свои усилия против собственной буржуазии, опираясь на Советскую Республику, а потому, что «разумный национализм» требует такого мира, потому что, если вместо Советской России будет Деникин, он, пожалуй, об'явит войну Румынии из-за Бессарабии. И, чтобы не оставалось сомнения, что социалисты требуют заключения мира с Советской Россией не потому, что есть Советская Россия, а по националистическим соображениям, Григорович произносит в Сенате речь, в которой он обрушивается на большевиков в то самое время, когда польская белая армия занимала Киев и Борисов. Тот же самый Григорович пользуется всяким случаем, чтобы отмежеваться в парламенте от своих румынских коллег социалистов, которых слишком взыскательные буржуазные газеты называют большевиками.

Что предпринимал Исполнительный Комитет против таких явно предательских действий парламентской фракции? Решительно ничего. Что отвечал оффициальный орган партии на бешеные вылазки Григоровича, направленные против большевиков в этой же газете или в его собственной, печатаемой в Черновицах под его редакцией? Абсолютно ничего. Ответственные учреждения партии дают лозунг: «в интересах единства избегать всякой полемики». Таким образом, оппортунисты и социал-националисты могут безнаказанно поносить Русскую революцию, борющийся русский пролетариат и его вождей.

Другой факт—один из депутатов коммунистов, выбранный в Добрудже, пишет статью, в которой он критикует своих коллег. Редакция отказывается ее поместить. Но после протеста секретарь редакции печатает статью с орфографическими и синтаксическими ошибками и с издевательскими комментариями, что автор статьи недостаточно хорошо владеет, мол, румынским языком. Интересно указать, что секретарем редакции партийного органа является бывший ренегат, бежавший из лагеря социалистов в лагерь бульварно-националистической газеты «Адеверуль», откуда он в самые критические, тяжелые годы для Румынской Социалистической партии обливал ее ушатами грязи, в особенности, в период борьбы за нейтралитет; а теперь, после войны, он вернулся опять в партию, получил пост секретаря редакции и контролирует партийную мысль.

Чтобы закончить беглый обзор деятельности парламентской фракции, мы вынуждены напомнить, что за пару месяцев до того, когда бухарестские рабочие об'явили всеобщую забастовку, чтобы протестовать против реакционного закона правительства, лишающего рабочих государственных предприятий права забастовок, социалистический депутат из Трансильвании Чизер—не социал-патриот Флуераш—присутствует на официальном банкете, данном им министром труда Транкояш. Возмутившиеся служащие из профессионального союза кельнеров отказались обслуживать эту странную товарищескую компанию.

О центральном партийном органе не приходится и говорить, хотя он вынужден, в качестве дискуссионного материала, печатать кое-что из постановлений III Коммунистического Интернационала. Он как раз избегает напечатать те его обращения, каковым было обращение к социалистическим партиям балканских стран и к румынской в частности, отправленные Исполнительным Комитетом III Интернационала. В остальном, если бы не было заголовка, что газета является органом социалистической партии, трудно было бы ее отличить от обыкновенной буржуазно-демократической газеты.

* * *

Здесь нужно отметить также и равнодушное поведение Центрального Комитета, и парламентской фракции, и Центрального Органа во время арестов подпольной группы румынских коммунистов. Не желавший ни за что отмежеваться от оппортунистов, предателей и лакеев, Братиану и Аверескy, — Исполнительный Комитет поспешил отмежеваться от арестованных коммунистов, обрушившись на них градом оскорблений и заявив, что он не разделяет их взглядов и что они сами поставили себя вне движения.

К чести рабочего класса Румынии мы должны здесь признать, что он громко протестовал против действий своих вождей и что громадное большинство рядовых членов Румынской партии решительно осуждает политику Исполнительного Комитета. Несомненно, что так долго оттягиваемое решение о вступлении в III Интернационал было принято под давлением рабочих масс. Но и здесь Центральный Комитет поступил со своим обычным оппортунистическим легкомыслием. Среди членов делегации, которая должна была отправиться в Россию, оказался между прочим, бывший министр, участвовавший в подписании Версальского мирного договора и несущий прямую за него ответственность.

Ни один из приведенных здесь фактов не может быть отрицаем Румынской делегацией. Она их и не отрицает, но, как и все оппортунисты, старается их об'яснить обстановкой.

Все вышеприведенные факты показывают, что деятельность партии, поскольку она зависит от Центрального Комитета — является оппортунистической, явно изменнической интересам рабочего класса, отклоняя его от подсказываемого ему классовым инстинктом революционного пути.

Вместо того, чтоб руководители румынского пролетариата неуклонно вели его к решительной схватке с румынской буржуазией и румынскими помещиками, Исполнительный Комитет до сих пор проявлял указанные слабости. В виду этого румынскому правительству не трудно было подавить стихийное революционное движение (забастовки и т. д.), охватывавшее сотни тысяч рабочих Румынии, но закончившееся неуспехом, потому что руководители его были малодушными, хотя, может быть, и несознательными оппортунистами, сдавшими при первой угрозе и при первом аресте все свои позиции.

Поощряемое слабостью социалистических вождей румынское правительство дошло до наглости и циничности, до совершения ряда преступлений против рабочего класса; избиение арестованных в Румынии приняло размеры, каких оно не имело в России в самую темную эпоху царского режима. Смерть в тюрьме в результате побоев, как это имело место с доктором Армаяном в Бухаринской тюрьме, арестованным во время последней всеобщей забастовки, является новым и вряд ли последним актом проводимого румынским правительством белого террора.

Только устранение оппортунистов от руководства партией только организация решительной борьбы всеми средствами прошив террора румынских помещиков и капиталистов могут вывести румынское пролетарское движение на тот революционный путь, который ведет к низвержению буржуазии и захвату политической власти рабочим классом.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала выражает свою уверенность в том, что румынский рабочий класс, в лице его передового отряда, сбросит с своего пути предателей-оппортунистов и под руководством честных и преданных делу пролетариата революционеров-коммунистов твердо и решительно пойдет к победе.

Председатель И. К. К. И.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Москва.
10 декабря 1920 г.

ПИСЬМО ИСПОЛКОМА РУМЫНСКОЙ СОЦ. ПАРТИИ ИСПОЛКОМУ КОМИНТЕРНА.

Товарищи, мы получили письмо, которое вы нам поручили опубликовать в нашей газете и в котором вы критикуете ошибки тактического характера, сделанные нашей партией со времени окончания войны.

Мы охотно соглашаемся со всякой критикой, основанной на неоспоримых данных, желая избежать в будущем всяких ошибок.

Мы утверждаем, что в вашем письме ваша критическая оценка. Все же мы должны сказать, что в главном лишена оснований...

Чтобы установить истину, которая должна быть известной Коммунистическому Интернационалу, мы укажем, в чем неосновательны обвинения и дадим исчерпывающие доказательства точности наших утверждений на основании архивных материалов и резолюций нашего конгресса.

Вы обвиняете вождей и Исполнительный Комитет в том, что они препятствовали развитию революционного движения, с целью предать интересы рабочего класса. Это обвинение нас не затрагивает, так как мы не задерживали революционный поток, а наоборот, как социалисты и революционеры, способствовали самому широкому распространению организационной пропаганды и революционному воспитанию, развивая классовое сознание и превращая рабочую массу в постоянного бунтаря против капиталистического строя.

В начале декабря 1918 г. Исполнительный Комитет выработал боевую программу, внушенную тактикой русских коммунистов и основанную на наблюдении революционных кризисов, которым подвергались Германия,

Австро-Венгрия, а также и вся Европа. Мы были вправе думать, что об'ективные и суб'ективные условия борьбы таковы, что немедленное осуществление революции стало возможным. На основании таких рассуждений мы вступили в бой, хотя революционная борьба обыкновенно очень тяжела после победоносной войны, и кровавые события 13 декабря нам это доказали, как доказали и то, что наш пролетариат не был еще подготовлен сыграть революционную роль, на что мы надеялись.

Охваченные страхом, многие рабочие нас совершенно покинули, а некоторые даже обвиняли нас перед Военным Советом. Что касается армии, которая не была дезорганизована, то она нас не поддерживала; наоборот, стреляла в нас по приказанию своих офицеров.

Все эти факты показали, что нам необходимо было обратить все наше внимание на организацию и просвещение пролетариата, чтобы вселить в него революционный дух.

Провал классовой революции в Германии и в Австрии и запоздалость революции в государствах Антанты привели к тому, что на конгрессе в мае месяце 1919 г. нам пришлось дать нашей партии практическую программу, подражая нашим итальянским товарищам, которые в то время были нашими вождями; мы считаем впрочем, что эта программа может быть частично применена даже после завоевания политической власти.

Мы очень удивлены, что из всей нашей программы Интернационал выдвинул только самые незначительные и побочные требования, вроде вопроса о повивальных бабках в деревнях, оставив в тени такие пункты, как полная экспроприация земельных собственников, социализация всех капиталистических предприятий, страхование рабочих и передача всей власти в руки рабочего класса. В теоретической части нашей программы мы доказали пролетариату, что ему необходимо немедленно постараться всеми средствами завоевать политическую и экономическую власть и преобразовать капиталистическое общество в социалистическое путем диктатуры пролетариата.

Вы обвиняете Исполнительный Комитет в том, что он по вопросу об аннексиях не признал выпущенной временным комитетом и декларации требований Трансильванской партии в лице Flueras'a и Jumanca.

По этому вопросу вы впали в заблуждение. По выходе из тюрьмы одной части комитета, в продолжение первого заседания были заявлены протесты по адресу заключенных, протесты, не одобрявшие данной декларации и требовавшие опубликования другой, текст которой мы вам пришлем. По инициативе освобожденной части Исполнительного Комитета, организации Бухареста и Плоешти одобрили принятую позицию. Когда весь комитет был выпущен из тюрьмы, он признал решения по данному вопросу, и, вопреки утверждению вашего письма, он ни одной организации, ни одному члену не отсоветовал поднимать шума вокруг декларации, выставленной Трансильванской партией.

Далее, вы утверждаете, что в мае месяце 1919 г. мы слились с Трансильванской и Буковинской партией, выбирая Центральный Исполнительный Комитет и Генеральный Совет. Это утверждение не соответствует истине: слияния партий не состоялось, решение по этому вопросу было возвращено С'езду, и каждая партия в отдельности продолжает иметь свой комитет, действующий согласно уставу, принятому ее же с'ездом. Правда, что мы предоставили вышеуказанным партиям определенное количество мандатов, согласно решению, принятому на конференции в Яссах в декабре 1919 г.

Относительно обвинения, что мы погрузились по горло в болото оппортунизма и что мы пытались сблизиться с буржуазными партиями, бойкотируя выборы, мы заявляем, что такой бойкот был нами об'явлен, как манифестация против осадного положения, против цензуры, с целью добиться демобилизации, и что этот байкот привел к роспуску палат, к снятию осадного положения, цензуры и к демобилизации.

Мы признаем упомянутый вами факт нашего соглашения с генералом Авереску. Мы решились на такой шаг с целью создать революционное положение, и доказательством этому служит декларация генерала Авереску перед Военным Советом, которому поручено разбирательство последних процессов, возбужденных о нашем движении.

Вступление в парламент семи членов нашей партии было решено генеральным советом и принято конференцией в Яссах; что касается обвинения, будто депутаты-социалисты всегда заявляли к концу своих речей, что цель партии заключается в «уважении к закону», то оно просто основано на вымышленных данных.

Обвинения, что мы служили интересам олигархии, также лишено оснований, и террор, под которым жила и продолжает жить наша партия в борьбе с буржуазией, является для этого достаточным доказательством.

Нас также обвиняли, во время нейтралитета, в том, что мы вели борьбу против войны, так как были оплачиваемы немцами и, что мы являлись только агентами румынской олигархии, которая поддерживала политику центральных держав. Но несколько позже было доказано, что наша партия была лойяльной защитницей дела социализма.

Обвинение, согласно которому будто-бы Исполнительный Комитет опубликовал прокламацию к крестьянам, с целью ослабить их революционный порыв, не вполне ясно формулировано. Мы вам докажем на основании манифестов и брошюр, которые мы печатали для крестьян, что говорила о них партия.

Самое серьезное обвинение, которое вы пред'являете нашей партии, заключается в том, что русская Республика нам была дорога только потому, что она нам дала Бес-

сарабию, а не потому, что она произвела самую великую революцию и открыла пролетариату путь к окончательному освобождению. Такое обвинение есть преступление, размеры которого мы не в состоянии даже установить: но скоро мы сумеем доказать, какая это гнусная клевета, которую мы настойчиво опровергаем.

Вы обвиняете ответственные органы партии в том, что они отменили всякую полемику ради «об'единения» партий. Это также не точно. Внутри партий, как и на собраниях и в газетах, вполне свободно допускалась полемика по какому угодно вопросу тактического или принципиального характера.

Вы обвиняете парламентскую фракцию в том, что она, в лице депутатов-социалистов Cizer'a и Flueras'a, присутствовала на банкете, данном в честь министра труда как раз в тот момент, когда рабочие Бухареста об'явили всеобщую забастовку в знак протеста против реакционного закона, запрещавшего забастовки.

Знайте же, что Flueras не был никогда депутатом, и неправда, что он присутствовал на этом банкете. Правда, 3 или 4 месяца тому назад он был назначен делегатом в Бухарест, чтобы протестовать против нарушения какого-то договора по вопросам труда. Он был тогда приглашен в ресторан, где обедал министр и, попав таким образом в ловушку, согласился с ним отобедать и этим поступком навлек на себя порицание за легкомыслие, с которым он действовал.

Вы обвиняете еще орган партии в том, что он избегал опубликовывать воззвания Балканской федерации, а также воззвания III Интернационала. Заявляем, что мы не получали никаких воззваний ни от Балканской федерации, ни от III Интернационала. Все публикуемое нами мы брали из иностранных газет, руководствуясь исключительно нашей социалистической совестью. Что касается оценки, согласно которой наша газета отличается, по вашему мнению, от «обыкновенных буржуазно-демократических газет» только своим названием, то она просто доказывает, что вы вовсе не просматривали отдельных выпусков нашей газеты; и мы протестуем против этого.

Вы обвиняете Центральный Комитет, парламентскую группу и центральный орган партии в равнодушном отношении к тайной группе, которую они будто бы подлым образом покинули. Да, мы отреклись от этой группы, потому что требуем дисциплины в действиях. Способ же действий этой группы мог привести ее только к аресту; без ведома комитета она держала в партийной кассе денежные суммы в неотрезанных купонах, и во время расследования выяснилось, что это были фальшивые деньги. Чтобы не компрометтировать партию, мы тогда отнеслись с осуждением в прессе к тому легкомыслию, с которым действовали наши товарищи.

Вы обвиняете Исполнительный Комитет в том, что он долго сопротивлялся присоединению к III Интернационалу и, что он, наконец, уступил под давлением масс; это неправда, вы ошибаетесь, если полагаете, что массы толкали нас к присоединению.

Деятельность и пропаганда Центральных Комитетов были по духу вполне коммунистичны. Не приписывая себе в том отношении особых заслуг, но мы должны сказать правду. Если бы Центральные Комитеты были против присоединения, то и партия и профсоюзы не стояли бы теперь за таковое. Вы обвиняете Исполком в том, что он послал Flueras'a в Россию; еще одна неточность. Последний был послан партией Трансильвании; правда, что наш комитет его также наметил в делегаты, с целью представить все направления и убедить некоторые из них в том, что их мнение о методах Коммунистического Интернационала ошибочно.

Вы обвиняете Исполком в том, что он предал интересы рабочего класса, ради повседневных завоеваний, отклоняя его от революционного пути, который ему указывал его классовый инстинкт. Это обвинение доказывает, как мало вы знаете историю нашей партии и насколько велики ваши заблуждения по этому вопросу. Мы протестуем против такого обвинения от имени Исполнительного Комитета, который насчитывает за собой десятки лет бескорыстной борьбы и бесчисленные жертвы. Вы говорите, что, благодаря слабости социалистических вождей, румынское правительство применяло самые ужасные способы террора против рабочих и, что при первой угрозе и первых арестах, вожди сдали свои позиции. В данном случае, Интернационал плохо осведомлен; нам очень тяжело вспоминать о том, что перенесли партийные вожди от буржуазного террора со дня основания партии и до наших дней, не сдавая, а наоборот завоевывая позиции. Интернационал должен знать, что борьба, которую ведет наша партия с румынской олигархией, самой злостной в Европе, относительно гораздо тяжелее, чем борьба других социалистических партий.

В безграмотной стране, революционная борьба является одной из самых тяжких. Мы не хотим защищаться от упреков, заслуженных нами благодаря ошибкам, но просим Интернационал быть об'ективным и поучать нас, подвергая критике, ибо ошибается тот, кто действует, и только тот, кто бездействует, не совершает ошибок.

Вся наша работа и борьба есть следствие нашей социалистической убежденности, того, что мы служим революционному делу окончательного освобождения румынского пролетариата.

РАЗ'ЯСНЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОПРОСОВ, ПРЕДЛОЖЕННЫХ ТОВ. БУХАРИНЫМ В ЗАСЕДАНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОМИНТЕРНА 11 НОЯБРЯ 1920 Г.

Нижеподписавшиеся, члены Румынской социалистической делегации в России, только сегодня вернулись в Москву после поездки в Донбас и, к сожалению, не могли принять участия в заседании Исполнительного Комитета Коминтерна от 11 ноября, когда обсуждался вопрос о Румынской Социалистической партии. В виду сего спешим представить раз'яснения по поводу поставленных тов. Бухариным на дискуссии во время заседания вопросов.

1-ый вопрос:

„Что побудило трансильванских товарищей принять участие в буржуазном правительстве (во время оккупации)?"

а) Трансильванские товарищи, вожди партии, исходили из того положения, что *фактическая* оккупация и аннексия Трансильвании румынской буржуазией являлась «освобождением ее от чужеземного ига».

б) Заключенный в Альба-Юлии (в ноябре 1918 г.) и послуживший основою для их сотрудничества с правительством договор они рассматривали, как средство для мирного развития трудящихся классов Трансильвании. Их оппортунизм и предательство в отношении самых элементарных интересов рабочего класса дошли до того, что они оставались у власти даже тогда, когда с неслыханным цинизмом попирались наиболее существенные из демократических условий торжественно заключенного в Альба-Юлии договора.

Они оставили власть. Но это случилось лишь тогда, когда буржуазия сочла бесполезной дальнейшую работу социал-шовинистов в правительстве, когда буржуазия принудила их к уходу враждебной парламентской манифестацией, учиненной при первой же возможности. Таким образом, их уход был вынужденным. И несмотря на это, сами они готовы были взять обратно свою отставку, если бы их не удержали от этого массы, разочарованные в политике сотрудничества. (В трансильванской социалистической газете в то время появилась статья, озаглавленная: *„Или вон из правительства, или вон из партии"*.)

N. B. Упомянутые трансильванские товарищи (Flueras, Jumanca) и их сторонники и поныне не считают ошибкой свою политику сотрудничества и не хотят дать обязательства отказаться от подобной изменнической политики в будущем.

2-ой вопрос:

„Почему партия не навывает себя коммунистической?"

Потому, что ее руководители, в противоположность рабочим массам, настроены не коммунистически.

N. B. Игнорируемые, саботируемые и даже осуждаемые руководителями партии коммунистические подпольные группы выступали, — и нелегальные летучие листки появлялись — всегда под флагом «коммунистической партии», «коммунистических рабочих» и т. д.

3-ий вопрос:

„Правда-ли, что вожди румынской партии тайком вели переговоры с генералом Авереску?"

Да. Они не только вели просто переговоры, но заключили прочный, обязывающий их, политический договор. Переговоры велись тайно. Договор долгое время также сохранялся в тайне и только *впоследствии* Исполнительный Комитет признался в его существовании перед комиссией партийной конференции, причем пытался даже оправдать его необходимость.

Чтобы достигнуть власти, генерал Авереску, как всякий, обычно беспринципный, румынский политикан, пользовался всеми пригодными средствами.

Чтобы успокоить, с одной стороны, влиятельные высшие круги относительно своих намерений, он окружил себя юнкерскими элементами (Argentoianu и т. д.), и, кроме того, заключил открытый союз с определенно реакционной, консервативной партией Таке Ионеску.

С другой стороны, стремясь опереться на городские рабочие массы, чего можно было достигнуть только при помощи социалистического движения, он обратился к лидерам этого движения. Несмотря на свое темное прошлое (убийство 11.000 крестьян в 1907 г.), несмотря на свою политическую свиту, ему удалось странным образом, вследствие политической наивности социалистических вождей, фактически заключить с ними союз, заставить служить себе рабочие массы и, таким образом, приблизиться к столь для него желанной власти.

Мотивы, по которым наши партийные вожди занялись подобной политикой, были следующие:

а) Они поверили неопределенным и секретным обещаниям генерала вызвать революционное восстание. Это, действительно, был с их стороны тонкий план: сделать ответственным за судьбу революции какого то бонапартистского генерала, что, правда, несравненно удобнее, чем подготовить ее на собственный страх и риск.

Этим, однако, они навязали на некоторое время партии основанную на иллюзиях меньшевистско-вспышкопускательную тактику.

б) Они думали, что посредством такого союза удастся сломить режим цензуры и осадного положения. С этой же целью партийные вожди, под влиянием генерала Авереску и вместе с ним, предложили на партийной конференции, а затем и провели бойкот парламентских выборов в 1919 г.

N. B. Указанный представителями Ц. К. мотив, будто договор с Авереску был заключен ради оказания помощи Советской России, кажется, выдуман ими по дороге в Россию. Во всяком случае, мы, нижеподписавшиеся, утверждаем, что по этому поводу никаких обещаний генерал Авереску не давал.

4-ый вопрос:

„Что сделала румынская партия для борьбы с выступлением румынского правительства против Венгерской Советской Республики и с поддержкой русских белогвардейцев?"

Близкое сотрудничество с крайне оппортунистическими элементами Трансильвании и Буковины, а также последствия вышеуказанной сознательной политики, которой старорумынская партия следовала в продолжение последнего времени, страшно понизили инициативную предприимчивость нашего рабочего движения и вообще его революционную действенность.

б) Что касается, в частности, Трансильвании, то тамошние социал-шовинистские министры приняли с легким сердцем на себя всю ответственность за тот смертельный удар, который румынское правительство нанесло Советской Венгрии.

Даже *после* падения Советской Венгрии и полного разоблачения действительных целей румынского наступления, социал-шовинисты сохранили свои министерские посты.

в) В видах защиты Советской Венгрии и Советской России, социалистическая партия все-таки произвела некоторое давление на правительство путем, хотя и очень умеренной, агитации в прессе, на митингах и, наконец, посредством состоявшейся, согласно Лондонскому постановлению 21 июля 1919 г., забастовки, которая в Румынии прошла блестяще, благодаря воодушевлению масс и их горячему сочувствию советским республикам.

г) До бойкота транспорта дело не дошло.

5-ый вопрос:

„Почему Центральный Комитет с начала войны и до сих пор не созывал партийного с'езда?"

До сих пор, со времени войны, не состоялось ни одного с'езда.

Основания следующие:

В виду настроения масс неизбежно было поставить в порядке дня I с'езда на *первом* месте вопрос о присоединении к III Интернационалу. Но вожди колебались, не имея никакой определенной точки зрения. С одной стороны, они предпочитали выжидать, пока большие европейские социалистические партии примут свое решение, с другой стороны, они постоянно откладывали созыв с'езда, ибо знали, что его решение оказалось бы в пользу присоединения к Коминтерну, и они справедливо опасались, что такое решение Румынской социалистической партии сделало бы невозможным в дальнейшем тесный союз с оппортунистическими элементами Трансильвании и Буковины и рассеяло бы прекрасный сон «единого социалистического фронта».

В данном случае вожди отделались тем, что для успокоения рабочих масс, с нетерпением ожидавших с'езда, они созвали конференции, которым преднамеренно не дали решающего голоса. Оттого то массам и пришлось ждать со своим требованием о присоединении до тех пор, пока Флуераш, Григорович, Жуманка и К° (Flueras, Grigorovici, Jumanca) не станут вдохновенными приверженцами коммунизма.

6-й вопрос:

„Почему товарищи нам вообще не сказали ни слова о разногласиях внутри партии?"

Это умолчание о разногласиях, существующих внутри партии, и характеризует «марксистское» умонастроение наших партийных вождей.

Областных социалистических партий — старо-румынской, трансильванской, буковинской — фактически не существует: налицо — политический хаос, в котором можно различить две находящиеся в процессе образования партии:

а) *Социал-демократическую партию* с шейдемановским крылом (Grigorovici, Flueras, Dumareau и т. д.) и крылом центровиков (Pjstoiner, Voinea, Geller); и то, и другое не пользуются никакой поддержкой масс.

Даже в новых провинциях рабочие массы, которые прежде находились под влиянием социал-шовинистов, теперь значительно полевели, благодаря пережитому ими со времени своего «освобождения» опыту (постановления областных конференций в Клюи — август 1920 — и Фемизоаре — сентябрь 1920 г.),

б) *Коммунистическую партию*, в которую входят сознательные рабочие массы, примыкающие к коммунистическо-марксистскому

течению; она на пути к превращению в крепкую организацию: Стефанов, Ольтеану, Фабиан, Добраджану (Stefanof, Olteanu, Fabian, Dobrogeanu) и т. д. Обвиняя себя в том, что не исполнила своевременно и, главным образом, не достаточно твердо, свои боевые обязанности внутри партии, она тем более сознает необходимость удвоить усилия, чтобы наверстать потерянное.

В нее также входит малочисленное, тактически-гибкое, антипарламентарное левое крыло — Ал. Константинеску, Г Тедореску (Al. Constantinescu, Gn. Teodorescu) и т. д. насчитывающее в своих рядах решительных и отважных пролетариев.

За этими двумя направлениями, которые отчасти об'единились, стоит подавляющее большинство рабочих.

с) Среднее положение занимает группа вождей, сидящих меж двух стульев И. Москович, Г. Критеску, Г. Попавич (Ilie Moscovici, Gn. Cristescu, G. Popavici) и т. д.; часть ее, однако, способна придти к настоящему коммунизму. Эта группа, которой ныне принадлежит руководство партией, вела политику конфузионизма, колебаний, умолчания, откладывания, вечных компромиссов с социал-шовинистами и тайного сближения с буржуазными партиями, при чем от времени до времени она позволяла себе заниматься коммунистической демагогией, чтобы в конце концов иметь право торжественно вступить в III Коммунистический Интернационал.

Москва.
24 декабря 1920 г.

ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В ЧЕХО-СЛОВАКИИ.

Чешская буржуазия и помещики в союзе с чешскими социал-демократами и с вождями II Интернационала обрушились на голову чешского пролетариата всей силой своих белогвардейских скорпионов.

То, что происходит теперь в Чехо-Словакии, сильно напоминает события июльских дней 1917 года в России. У власти в тогдашней России также стояли социал-демократы, социалисты-революционеры, действовавшие в тесном союзе с русской буржуазией и помещиками и опиравшиеся на авторитет вождей II Интернационала. Когда буржуазно-эсеровско-меньшевистская контр-революция увидела, что силы пролетарской революции растут не по дням, а по часам, она решила сделать кровопускание коммунистической партии. В союзе с буржуазией меньшевики и эсеры сочинили подлейшее дело о мнимом подкупе вождей партии большевиков германским правительством. На этом основании меньшевики и эсеры в союзе с буржуазной контр-революцией стали громить большевистские организации, расстреливать кронштадтских матросов, разоружать петроградских рабочих. По всей стране была пущена версия о раскрытом большевистском заговоре. Фабриковались подложные документы, сочинялись фальшивые показания, отсталых солдат разжигали против рабочих. Под шумок вводилось осадное положение. Этим путем меньшевики и эсеры надеялись сохранить свою власть и окончательно поделить ее с буржуазией. Случилось, как известно, обратное. Не прошло и нескольких недель, как самые широкие слои рабочих, крестьян и солдат поняли всю подлость меньшевистско-эсеровских проделок и стали сильнее чем когда бы то ни было поддерживать партию большевиков. А через несколько месяцев произошел октябрьский переворот.

Нечто подобное происходит теперь в Чехо-Словакии. Силы пролетарской революции растут и там не по дням, а по часам. Испуганные этим, потерявшие голову, злобные, подлые чешские меньшевики в союзе с буржуазной реакцией повторяют опыт Керенского. Чешские социал-демократы в союзе с чешской буржуазией также вопят о раскрытом ими мнимом заговоре, об установленных ими будто бы «преступных» связях чешских коммунистов с Советской Россией, о найденных документах и т. д. Аресты происходят сотнями, мирные демонстрации рабочих расстреливаются. Вспыхивающие то тут, то там частичные восстания подавляются с беспощадной свирепостью.

Мы обращаемся к рабочим всего мира и говорим им: события в Чехо-Словакии являются как нельзя более показательными. Это как будто бы специальный предметный урок, данный мировой историей рабочим всего мира по вопросу о том, что такое II Интернационал и во что выродились господа социал-демократы.

В самом деле. Непосредственным поводом к началу чешских событий был раскол между чешскими коммунистами с господами социал-демократами. На сторону левых коммунистических элементов Чехии перешло громадное большинство старой партии. Чешские рабочие заняли свой народный дом и взяли в свои руки рабочую газету, памятуя, что и народный дом, и газета построены долголетними усилиями и самопожертвованием самих чешских рабочих. Господа чешские социал-демократы были бессильны сами помешать в этом чешским рабочим. Тогда они обратились в буржуазный суд. Буржуазный суд, разумеется, стал на сторону социал-демократов против коммунистов. Буржуазия послала отборные отряды головорезов-жандармов, они заняли народный дом и редакцию газеты и любовно передали имущество рабочих из рук в руки господам желтым социал-демократам.

И как нарочно, все это происходило как раз в те дни, когда в Праге, в гостях у жел-

тых чешских социал-демократов были г. Вандервельде и несколько других виднейших социал-предателей, приехавших к чешским желтым социал-демократам от имени II Интернационала. Вандервельде и весь II Интернационал стоял за кулисами и вдохновлял ту кровавую баню, которой теперь подвергаются чешские рабочие.

Пролетарии всех стран! Каких еще других доказательств нужно вам, чтобы, наконец, все рабочие до единого поняли, что II Интернационал является теперь нечем иным, как буржуазной организацией, и что пресловутые вожди II Интернационала теперь даже больше не скрывают уже, что они попросту являются бандой агентов капитала? Самые грязные, самые кровавые поручения буржуазия дает теперь именно господам социал-демократам и вождям II Интернационала.

Коммунистический Интернационал шлет братские приветствия чешским рабочим. Коммунистический Интернационал обращается ко всем трудящимся чехам, к чешским солдатам с призывом обернуть штыки против собственных угнетателей. Коммунистический Интернационал призывает пролетариев всего мира оказать поддержку чешским рабочим в трудный для них час. Коммунистический Интернационал призывает рабочих всего мира заклеймить позором презренных убийц из II Интернационала. Коммунистический Интернационал призывает трудящихся всего мира смотреть на вождей II Интернационала, как на заведомых палачей рабочего класса.

Чешским рабочим мы говорим: мужайтесь, товарищи! В России после июля пришел октябрь. То же будет и у вас. Презрение и позор желтым социал-демократам и палачам из II Интернационала. Честь и слава героям—чешским рабочим!

Да здравствует пролетарская революция в Чехии и во всем мире!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Москва.
19 декабря, 1920 г.

ПАРТЕЙТАГУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НЕМЕЦКОЙ АВСТРИИ.

С великой радостью приветствует Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала ваш об'единительный с'езд.

Присоединение революционной группы левых к Коммунистической партии укрепит боевой фронт Немецко - Австрийской секции Коммунистического Интернационала. Как в Германии, во Франции, Италии и других странах, так и в Немецкой Австрии, все во истину революционно настроенные рабочие примкнут к коммунизму в его борьбе за мировую пролетарскую революцию.

Долой II Интернационал, долой лицемеров прислужников буржуазии, прикрывающихся революционной фразой!

Да здравствует III Интернационал!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Москва, 21 Января 1921 г.

ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ БУНДА В МИНСКЕ.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет братское приветствие еврейским пролетариям-коммунистам.

Товарищи, Вам известно, что Исполком Коминтерна после рассмотрения вопроса в особой комиссии постановил предложить вам войти в ряды Р. К. П. Решение это продиктовано стремлением добиться возможно более тесного об'единения всех коммунистических сил.

Исполком Коминтерна ценит и понимает приверженность многих работников Бунда к имени той организации, которая, особенно, на заре революционного движения в России шла в первых рядах. Но Исполком напоминает товарищам, что сами большевики, когда этого потребовали интересы дела, переменили старое название своей партии. Исполком напоминает, далее, что это же сделала германская левая и также поступает сейчас целый ряд партий на Западе. Без самого полного единства коммунистических сил невозможно победить в той тяжкой, но великой борьбе, которую мы ведем. Задаче единства должно быть подчинено все остальное.

С коммунистическим приветом

Председатель Исполкома Коминтерна

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

КО ВСЕМ ПАРТИЯМ, КО ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРИМЫКАЮЩИМ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Товарищи! Весною нынешнего года исполнится 50-летняя годовщина Парижской Коммуны. Целых полвека прошло с тех пор, как впервые в истории человечества парижские рабочие восстали против буржуазии и захватили власть. Парижские коммунары вписали страницу неувядаемой славы в золотую книгу международного пролетарского движения. Парижские коммунары были предшественниками и провозвестниками нынешней пролетарской революции в России и во всем мире. Там, где ныне находится центр международной реакции—в Париже,—там 50 лет тому назад гордо взвилось красное знамя, за которое погибли десятки и десятки тысяч славных парижских пролетариев.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала призывает сознательных рабочих всего мира торжественно отметить 50-летнюю годовщину Парижской Коммуны. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала постановил посвятить этой годовщине специальный номер журнала «Коммунистический Интернационал».

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, далее, принял следующее постановление: рабочие-коммунисты всего мира, об'единенные в лице Исполнительного Комитета Коминтерна, постановляют воздвигнуть памятник французским коммунарам в Париже от имени Коммунистического Интернационала. Исполком Коминтерна берет на себя почин в этом деле и просит французских товарищей помочь ему в выполнении этой задачи.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала будет выжидать, посмеет ли нынешнее французское буржуазное правительство помешать международному рабочему классу поставить памятник героям Парижской Коммуны.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Председатель **Г. ЗИНОВЬЕВ.**

Ленин, Троцкий, Бухарин, Радек (Россия)—*Росмер* (Франция)—*Янсен* (Голландия)—*Бела-Кун, Руднянский, Варга* (Венгрия)—*Цхакая* (Грузия)—*Квельч* (Англия)—*Шаблин* (Болгария)—*Штейнгардт* (Австрия)—*Гурвич* (Америка)—*Султан-Заде* (Персия)—*Маннер* (Финляндия)—*Стучка* (Латвия)—*Шацкин* (Международн. Союз Молодежи).

Москва, 25 Января 1921 г.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Организация Статистико-Экономического Отдела.

С половины ноября 1920 года при Исполкоме Коминтерна функционирует *Статистико Экономический Отдел.*

Цели и задачи этого Отдела изложены в докладной записке, составленной Заведующим Отделом, тов. Махарадзе. Согласно этой записки цель и задачи Отдела заключаются в следующем:

Статистико-Экономический Отдел при Коминтерне имеет своей задачей представить как статистику рабочего движения, так и состояние производства в мировом масштабе, т. е. он стремится выяснить и изобразить революционно-политическую сторону мирового рабочего движения, как об'ективные или же материальные условия этого движения. Следовательно, задача эта чисто практическая: снабжать боевой штаб международного пролетариата—Коммунистический Интернационал—необходимыми статистико-экономическими данными о крахе капитализма и быстром назревании международной пролетарской революции.

При этом мы исходим из того положения, что со времени *Великой Октябрьской революции* весь старый буржуазно-капиталистический мир раскололся на-двое: с одной стороны, имеется Р. С. Ф. С .Р., в которой капиталистическое хозяйство сошло со сцены и уже закладываются прочные основы для организации коммунистического хозяйства; с другой стороны, имеются почти все остальные страны мира, в которых капиталистическое хозяйство хотя и поколеблено во всех своих основаниях и неизбежно идет к гибели, но, тем не менее, во всех этих странах капитализм продолжает еще господствовать. В виду этого главнейшие конкретные задачи

Статистико-Экономического Отдела при Коминтерне в отношении Советской России с одной стороны, и буржуазных государств — с другой, не могут быть одинаковыми.

Эти задачи заключаются:

A. В отношении Советской России:

1) Выяснение на основании цифровых данных степени разрухи, которой подверглась в России промышленность как городская, так и сельско-хозяйственная, за время мировой империалистической войны (1914 — 1917 гг.).

2) Выяснение степени разрушения всего промышленно-торгового аппарата, с одной стороны, и степени уменьшения производительности труда, с другой — в эпоху диктатуры пролетариата и гражданской войны.

3) Организация Социалистического государства, образование новых советских республик и автономных советских областей на территории Р. С. Ф. С. Р.

4) Воссоздание всего общественного производства, как городского, так и сельскохозяйственного, на новых началах, т. е. под'-итоживание всей созидательной и творческой работы, совершаемой рабоче-крестьянской Россией за время господства пролетариата.

5) Российская Коммунистическая Партия, профсоюзы и Союз Коммунистической Молодежи; их роль и работа во всех областях общественно-хозяйственной жизни.

6) Борьба с внутренней и внешней контрреволюцией, организация В. Ч. К., Красной армии, Всевобуч.

B. В отношении буржуазных стран.

1) Перемены и изменения, происшедшие за время империалистической войны в области индустрии, торговли и транспорта в главнейших капиталистических странах мира.

2) Признаки быстро надвигающегося экономического и финансового краха во всех капиталистических странах (рост задолженности, увеличивающееся падение производительности труда, дефициты и т. д.).

3) Новейшие данные о синдикатах, картелях и трестах, а также о банковском (финансовом) капитале.

4) Обесценение денег и товарный голод.

5) Положение рабочего класса в главнейших странах Европы, Америки, Австралии и т. д. в период империалистической войны и после ее окончания на основании цифровых и других данных.

6) Движение безработицы.

7) Забастовки (число и количество бастовавших).

8) Данные об экономическом положении колоний и полуколоний (Китай, Индия, Турция, Египет, Персия и т. д.).

9) Политические партии буржуазии и рабочего класса (II желтый Интернационал), их роль и значение.

10) Коммунистические партии и группы, их зарождение и рост.

11) Профессиональное движение.

12) Союзы коммунистической молодежи.

* * *

В целях наиболее точного выяснения рабочего революционного движения в буржуазных странах, Статистико-Экономический Отдел от имени Исполнительного Комитета Коминтерна, в первую очередь, разослал представителям Коминтерна во всех странах следующее обращение:

„Всем заграничным сотрудникам Коминтерна.

Товарищи,

При Коминтерне недавно организовался Статистико-Экономический Отдел, цель и задача которого заключаются в том, чтобы представить ясную картину мирового рабочего движения во всех его формах и видах, на основании точных статистических данных.

Товарищи-заграничные сотрудники окажут этому делу громадную услугу, если они будут систематически присылать в Исполком всевозможные фактические данные о рабочем движении, о профессиональной и партийной жизни, о с'ездах и конференциях, о стачках и безработице (желательно по годам и даже по месяцам), об экономической жизни капиталистических стран, о трестах и синдикатах, о дороговизне, о финансово-экономических кризисах, о денежном курсе и т. д.

Все эти сведения должны присылаться, по крайней мере, ежемесячно.

Просим также присылать все новейшие книги по рабочему и финансово-экономическим вопросам».

В дополнение к этому обращению в первых числах декабря прошлого года Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала послал коммунистическим партиям и организациям всех стран следующий анкетный лист, составленный Статистико-Экономическим Отделом.

АНКЕТА.

1. Страна . . . . . .
2. Численность городских рабочих . . . . . .
3. Затронут ли рабочий класс революционным движением . . . . . .
4. Какая приблизительно часть рабочих организована: . . . . . .
   а) в Профессиональных союзах . . . . . .
   б) в Фабрично-заводских Комитетах . . . . . .
   в) в Политических партиях . . . . . .
   г) в других организациях . . . . . .
   в каких именно . . . . . .
   . . . . . .
   . . . . . .
5. Коммунистическая партия или группа: . . . . . .
   а) имеется ли одна или несколько организаций групп коммунистического направления . . . . . .
   б) с какого времени существует коммунистическая партия . . . . . .
   в) общее количество членов коммунистической партии, группы . . . . . .
   г) из каких слоев рабочего класса заполняются кадры коммунистической партии . . . . . .
   д) имеется ли связь у партии с сельско-хозяйственными рабочими и каково влияние коммунистической партии на них, вообще на крестьянство . . . . . .
   е) политические течения и, в особенности, коммунистическое течение (по возможности в цифрах) и течения в профессиональных союзах . . . . . .
   ж) число партийных периодических изданий: газет, журналов, их приблизительный тираж и названия . . . . . .
   . . . . . .
   з) положение партии: легальное или нелегальное . . . . . .
   и) число подвергшихся преследованию . . . . . .
6. Левые течения в социалистических партиях . . . .
7. Правые социалистические партии (название, число членов, влияние) . . . . . .
   . . . . . .
   а) Входят ли в парламент . . . . . .
   б) Входят ли в правительство . . . . . .
8. Юношеские организации и союз коммунистической молодежи (число организованных членов в союзах коммунистической молодежи) . . . . . .
   . . . . . .
9. Женское движение среди рабочих. . . . . .
   а) роль женщины в профессиональных союзах (количество) . . . . . .
   . . . . . .
   б) роль женщины в политических партиях (тоже) . . . . . .
   в) коммунистическое движение среди работниц (количество) . . . . . .
10. Буржуазные партии, их подразделение, сила и значение . . . . . .
11. Строительство профессиональных союзов . . . . . по профессиям или производствам . . . . . .
    . . . . . .
12. Статистические данные о безработице за последние годы по месяцам и ее главнейшие причины . . . .
    . . . . . .
    . . . . . .
13. Статистические данные о забастовках рабочих за последние годы . . . . . .
    . . . . . .
14. Движение заработной платы и прожиточный минимум . . . . . .
15. Состояние промышленности: оживление, упадок, кризис и т. д. . . . . .
    . . . . . .
16. Есть ли аграрное движение и в чем оно проявляется . . . . . .
17. Состояние товарного рынка (дороговизна) . . . . .
    . . . . . .
18. Денежный курс . . . . . .
19. Укажите главнейшие источники, откуда можно было бы почерпнуть необходимые данные по поименованным выше вопросам . . . . . .
    . . . . . .
20. Время заполнения анкеты . . . . . .

P. S. Ответы желательно получить подробные, причем ответы можно писать на отдельных листах, соблюдая нумера вопросов по порядку и отмечая их соответствующими цифрами.

Подпись заполнявшего анкету:

До сих пор ни одного ответа ни откуда не получено.

В ближайшее время Отдел разошлет еще особые анкетные листы в страны Востока.

Статистико-Экономический Отдел.

3 февраля 1921 г.

СЕКЦИИ КОМИНТЕРНА.

ПОЛОЖЕНИЕ В НОРВЕГИИ.

Норвегия переживает в настоящее время чрезвычайно острый экономический и социальный кризис. 1 декабря м. г. почти на всех железных дорогах страны вспыхнула забастовка, едва не перешедшая во всеобщую.

Норвегия избегла всех бедствий мировой войны. Но капиталистический класс страны нажил, конечно, огромные богатства за это время; особенно, в области торгового мореплавания и экспорта металлов, строительного леса, бумаги, рыбы и пр. Тем не менее, государственный долг Норвегии за время войны увеличился, приблизительно, с 200 миллионов крон до 1 миллиарда. Сумма, необходимая теперь для оплаты процентов по государственным долгам, соответствует приблизительно всей сумме государственных расходов 20—25 лет тому назад.

Курс норвежской валюты в настоящее время весьма низок. До войны можно было купить доллар за 3,74 кр., теперь же он стоит около 7 кр. В течение войны дороговизна в Норвегии была очень велика. По сравнению с 1914 г. расходы рабочего на домашнее хозяйство увеличились на 400%. Повышение цен продолжалось на протяжении и последнего полугодия. Причиною этому было, между прочим, и то обстоятельство, что новое правительство, принявшее власть в июне месяце, отменило все мероприятия по борьбе с дороговизной и предоставило спекулянтам полную свободу действий. Страна ощущает страшный недостаток в деньгах. Одна из главных причин этого заключается в том, что капиталисты — владельцы пароходных предприятий и экспортеры — держат свои деньги за границей, большею частью в Соединенных Штатах, которые, по их мнению, являются самым надежным оплотом капитала. Недавно Норвегия должна была заключить заем в Соединенных Штатах в 100 миллионов крон на самых бесчеловечных условиях. Эти «американские» деньги на самом деле были норвежскими. Они представляют собою приблизительно четвертую часть того, что норвежские владельцы пароходных предприятий вложили в американские банки.

Недостаток денег в Норвегии влечет за собою, разумеется, общий застой в промышленной жизни страны. Фабрики останавливаются, а городские работы, как постройка мола, сооружения по использованию водопроводов и пр. или сокращаются, или же совершенно прекращаются.

Левое правительство, управлявшее страной во все время войны, заранее предвидело кризис, к которому шла страна, и не раз предлагало свою отставку. Но выйти в отставку не удавалось ему до тех пор, пока, наконец, в июне месяце этого года социал-демократическая фракция не оказалась на одной стороне с консервативной, при голосовании одного из пунктов бюджета: левое правительство осталось в меньшинстве, и партия правых принуждена была принять на себя ответственность за власть. Но и правые были также в меньшинстве. Новое правительство опубликовало поэтому весьма осторожную декларацию. Правительство, говорилось в ней, полагает, что оно имеет «ограниченный мандат» и что его главнейшая задача заключается в том, чтобы усилить власть стортинга. Однако, состав правительства оказался в то же время, достаточно определенным. Большинство состояло из богатых собственников предприятий, директоров и адвокатов, бывших еще недавно поверенными союза работодателей. Поэтому следовало ожидать, что новое правительство, как только к тому явится какой-либо повод, поведет свой курс в весьма правом направлении. Ведь весь raison d'être правительства заключается в том, чтобы заставить рабочий класс расплачиваться за тот кризис, к которому страна была приведена спекулянтами.

Этот повод, которого ожидало правительство, представился в связи с появлением в печати московских тезисов. Одновременно случилось также и несчастие с тем золотом, которое Альфред Мадсен имел при себе в Курляндии. По поводу тезисов и золота началась такая кампания грязи и лжи, какой еще не видел на своем веку ни один из живущих теперь норвежцев. Вся крупная и мелкая буржуазия соединилась в одну огромную воющую массу. Этот страшный вой был на руку правым социалистам, которые надеялись использовать положение и вновь заполучить большинство в партии, или же, во всяком случае, привлечь на свою сторону столь значительное количество сторонников, чтобы быть в состоянии образовать собственную партию.

С этого момента рабочие всюду и в отношении ко всем своим домогательствам стали встречать решительное противодействие. Требования о повышении заработной платы отвергались, при чем указывалось, что теперь плата должна быть уменьшена, а рабочее время (в Норвегии действует закон о 8-часовом рабочем дне) значительно увеличено. Такой именно ответ получили и железнодорожники. Правительство совершенно не пожелало вести с ними переговоров об увеличении заработной платы.

Два железнодорожника одновременно отказавшиеся от выполнения сверхурочных работ, были уволены со службы, при чем один из них с определенной мотивировкой, обвинявшей его в организации забастовки. Значительным большинством железнодорожники постановили начать забастовку 1 декабря. Они выставили требование о пересмотре заработной платы и об обратном принятии на службу двух уволенных товарищей. В последний момент машинисты, которые являются сравнительно консервативным элементом, попытались получить согласие стортинга на третейский суд. Но лидеры буржуазных партий об'явили тогда, что они не пошлют членов стортинга в этот третейский суд. Кроме того, говорили они, *теперь необходимо выяснить, кто же, собственно, имеет власть в стране:* стортинг или Народный Дом *). Они требовали от правительства подавления забастовки всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Злоба буржуазных элементов вызвана была отчасти тем обстоятельством, что они совершенно не представляли себе возможности такой забастовки. Они упустили из виду то стимулирующее действие, какое произвели на рабочий класс московские тезисы уже через несколько дней или недель. По мере того, как рабочий класс все более знакомился с тезисами, он со все бо́льшим воодушевлением присоединялся к ним, и лишь незначительное меньшинство еще колеблется. То, что послужило сначала причиною неуверенности и противодействия со стороны норвежских рабочих — это был принцип *централизма.* Наилучшие партийные товарищи в Норвегии принадлежат к так называемой «Оппозиции профессионального движения», основателем и лидером которой является секретарь партии Транмель. Главный пункт программы «оппозиции» заключается в том, что та мощь, которая теперь сосредоточена в профсоюзах, должна быть передана об'единенным профессиональным организациям в различных городах и округах (местным об'единениям). Последние должны находиться в непосредственной связи с норвежской конфедерацией труда. *Подобный* федерализм, конечно, весьма далек от того, чтобы расходиться с московскими тезисами; наоборот, он может быть вполне согласован с тактикой III Интернационала. Когда тезисы стали известны Транмелю и другим членам оппозиции профессионального движения, они сделались самыми ярыми их приверженцами. Норвежский пролетариат не раскололся, он об'единен теперь так, как никогда прежде. Откровенный, яркий язык московских тезисов подействовал в высшей степени просветляюще и освежающе на норвежское рабочее движение. Когда правые социалисты выйдут, в скором времени, из партии — по доброй-ли воле, или нет — они увлекут за собою лишь небольшую горсть преимущественно мелкобуржуазных элементов.

Таково было фактическое положение норвежского рабочего движения поздней осенью м. г. Но оно не было известно нашему правительству, а потому и решение железнодорожников оказалось для него и его друзей совершенно неожиданным.

В последний момент правительство стало принимать различные меры в широком масштабе. Оно официально вступило в сношения с «Общественной помощью» (техническая помощь) *), и министр-президент, который в то же время является и министром юстиции, дал тайный приказ полицмейстеру внести оговорку в распоряжение о запрете продажи оружия. Теперь разрешается продавать оружие «надежным лицам», которым оно необходимо для самозащиты.

Благодаря этому документу, который удалось раздобыть «Socialdemokraten'у» вопрос о вооружении рабочих стал насущным и практическим вопросом также и в Норвегии. Здесь всякий знает, что *теперь* норвежский пролетариат совершенно безоружен. Но все сознательные рабочие — а их не мало в Норвегии — должны будут понять теперь, что подобное положение безусловно нетерпимо.

Норвежская Рабочая партия имеет в настоящее время около 125.000 членов, а Норвежская конфедерация труда около 160.000 членов (Общая численность населения составляет приблизительно 2,5 миллиона). Партия имеет около 40 вечерних школ, расположенных по всей стране, с общим количеством учеников около 1000. В этих вечерних школах изучаются, между прочим, также и московские тезисы, «Коммунистический Манифест» и «Капитал». 20 лучших учеников вечерних школ проходят трехмесячный курс (полнодневный) в высшей партийной школе в Христиании. Расходы в большей своей части покрываются профсоюзами. Ежегодно курс вечерних школ проходится дважды, так что годовое число учеников достигает примерно 2000 человек.

Кроме того, в настоящее время организуются кадры коммунистических агитаторов во всех союзах. Члены этих агитационных групп обязуются в течение 6 месяцев заниматься агитацией в пользу коммунизма, согласно указаниям Центрального Комитета партии. Точно также введены и «субботники». Бесплатно переведенные брошюры бесплатно же набираются и брошюруются молодыми товарищами - специалистами. Брошюры эти, издаваемые по особому образцу, распространяются в громадном количестве по цене, соответствующей стоимости бумаги.

Нелегальная пропаганда в армии и флоте привела к образованию 42 революционных

*) В «Народном Доме» в Христиании происходят обычно большие собрания рабочих организаций.

Примеч. перев.

*) Правительственная организация штрейкбрехеров, существующая якобы на частных началах.

военных групп. Наиболее сильные группы находятся во флоте, где экипаж круглый год живет вместе и где большинство служащих—пролетарии. На одном из самых больших военных судов—«Harald Haarfagre» 80 процентов экипажа участвует в совете, который уже во многих случаях выступал открыто и проводил свои требования.

Норвежские делегаты на конгрессе профсоюзов в Лондоне внесли предложение о разрыве сношений между Амстердамским Интернационалом и Лигой Наций, но предложение это было отвергнуто всеми против норвежцев и итальянцев. На основании этого можно считать решенным вопрос о выходе Норвежской конфедерации труда из Амстердамского Интернационала и о присоединении ее к новому Интернационалу красных профсоюзов.

Теперешний кризис в Норвегии—сильный толчок к полнейшему экономическому краху. Попытки реорганизации экономической жизни Норвегии на капиталистических началах становятся все более и более безнадежными. У наших рыбопромышленников уже нет рынка для сбыта норвежской рыбы и селедей. Прошедшим летомРоссия выразила желание приобрести нашу селедь, но переговоры по поводу норвежско-русских торговых сношений были прерваны, из-за боязни большевизма, которую испытывает норвежская буржуазия со времени московского конгресса. Пароходное сообщение, являющееся второй по важности отраслью экономической жизни Норвегии, приносит одни лишь убытки. За время войны пароходные фрахты были взвинчены невероятно. Крах теперь неминуем.

Забастовка железнодорожников представляет собою первую авангардную стычку, напоминающую о скором приближении великой решительной борьбы. Норвежский пролетариат от всего сердца желает, чтобы Коммунистический Интернационал все более и более утверждался во всем мире. Норвежский пролетариат чувствует, что его судьба прочно и неразрывно связана с Коммунистическим Интернационалом.

Москва, 10 декабря 1920 г.

Олаф ШЕФЛО.

ПИСЬМО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА*).

7 ноября 1920 г.

Дорогие товарищи!

Ваше письмо за № 191 от 20 августа 1920 года, заключающее в себе ультимативное требование слияния Коммунистической партии (С. Р.) с Об'единенной Коммунистической партией (U. C. P.), нами получено 3 ноября. Спешим официально ответить вам на него настоящим письмом.

Мы теперь уже стараемся выполнять, по возможности, все желания и решения Коминтерна. Прилагаемая при сем, в копиях, переписка между нами и Об'единенной К. П. даст вам возможность судить о правильности тех шагов, которые нами последовательно предпринимались. Вы увидите, что переговоры между нами дошли до мертвой точки из-за неуступчивости О. К. П. по двум существенным пунктам: 1) вопрос о национальных федерациях должен быть, по мнению О. К. П., решен в ее пользу еще до с'езда, и его необходимо из'ять из компетенции Об'единительного С'езда; 2) О. К. П. должно быть предоставлено безусловное преобладание на с'езде, путем обеспечения за ней представительства в 60%, независимо от действительного числа ее членов. На эти требования мы ответили, что мы не желаем ограничивать права Об'единительного С'езда, поскольку он будет действовать на основании постановлений Коминтерна, и что мы можем согласиться только на пропорциональное представительство на с'езде; в случае несогласия О. К. П. на это, мы будем апеллировать к Коминтерну. Мы стали на такую точку зрения, еще не зная о постановлении Исполнительного Комитета Коминтерна, что отныне основанием для представительства должно служить число взносов, действительно уплоченных в течение июля, августа, сентября и октября. Когда мы узнали об этом постановлении, мы немедленно сообщили о нем О. К. П. и ждем теперь ее ответа.

Так как срок, назначенный Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала для созыва Об'единительного С'езда, очень короток, то мы выпустили воззвание, приглашающее к участию в с'езде; выборы на с'езд должны начаться в конце этого месяца.

Мы желали бы обратить ваше внимание на некоторые факты, благодаря которым положение вещей, быть может, предстанет перед вами в новом освещении.

В последних числах октября мы получили сообщение от имени Бюро написанное по-русски и содержащее в себе выдержки из протокола заседания вашего комитета от 20 сентября. В этом

*) В целях полной об'ективности редакция дает ниже место и письму Об'един. Коммунистической партии. *Ред.*

письме, после отчета о С'езде народов Востока в Баку, говорится следующее:

«Поводом к новому обсуждению вопроса об американских коммунистических партиях в Исполкоме послужил приезд из Америки товарища Г.

«Соглашаясь, в общем, с состоявшимся уже решением Исполкома об американских партиях, тов. Г. просил внести в него следующие поправки: крайний срок об'единения отодвинуть до 1 февраля и допустить временно в Исполком представителя К. П.

«Товарищ Бухарин возразил на это, говоря, что, принципиально, он против каких бы то ни было изменений в принятом решении. Он считает возможным, однако, пойти на некоторые уступки, как, например, в вопросе о продлении срока об'единения.

«После краткой дискуссии принимается резолюция, предложенная тов. Зиновьевым, которая гласит: 1) срок окончательного об'единения партий продлен до 1 января 1921 г.; 2) Исполнительный Комитет ультимативно требует об'единения американских партий на основе решений, принятых на II Конгрессе Коминтерна».

И это было *все*, что мы получили.

Затем к нам явились делегаты Об'единенной К. П., Ф. и М. (оба в качестве представителей Коммунистической Рабочей партии), передали нам вашу корреспонденцию и сделали доклад о деятельности Конгресса Коминтерна. Оба они старались убедить нас в том, что Об'единенной К. П. предоставлено 6 голосов (против 4, предоставленных К. П.), не вследствие численного ее превосходства, которого в действительности нет это они сами доказали своим отказом участвовать в Об'единительном С'езде на основе пропорционального представительства, а только потому, что она признана единственной действительно англо-американской коммунистической партией в стране, между тем как К. П. является лишь федеративной группой.

Разве все это не было рассчитано на то, чтобы убедить нас, что нам остается лишь подчиниться их требованиям и дать себя раздавить, «ликвидировать», как они выражаются в своем последнем письме?

С братским приветом

Секретарь *К.*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

5 ноября 1920 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Товарищи!

Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии, внимательно обсудив предложение Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии, в связи с решением Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационада по вопросу об об'единении, пришел к следующему заключению:

1) Вопрос об об'единении с О. К. П. федеративной группы бывшей Коммунистической партии, которая еще не вошла в О. К. П., не может быть предметом обсуждения или соглашения с означенной группой, а является лишь вопросом выполнения безусловной обязанности, возложенной на эту группу властью Исполкома Коминтерна.

О. К. П., как организация через посредство которой Коминтерн проявляет свою деятельность в Соединенных Штатах, надлежит озаботиться выполнением названного поручения.

В виду этого Центральный Исполнительный Комитет О. К. П. находит, что немедленное об'единение, помимо всякого с'езда, является единственно подходящей формой выполнения решения Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала по духу и букве этого решения. Только то соображение, что подобная форма об'единения—без с'езда—означающая насильственную ликвидацию Коммунистической партии и ее федераций, может показаться несправедливой, заставляет признать желательным созыв с'езда. Но, признавая даже необходимость созыва с'езда, Центральный Комитет Об'единенной Коммунистической партии настаивает на том, чтобы об'единение не было поставлено в зависимость от каких бы то ни было предварительных переговоров или соглашений.

Деятельность с'езда, в отношении всего, что касается об'единения, должна заключаться единственно в том, чтобы выполнить техническую сторону об'единения и облегчить ликвидацию федеративной Коммунистической партии.

2) Согласившись на созыв с'езда, Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии обсудил основы представительства на этом с'езде. Возможны были две системы: пропорциональное представительство на основе численности членов вносящих членский взнос, или фиксирование числа представителей для каждой партии.

Выборы по системе пропорционального представительства могут дать большинство Коммунистической партии лишь благодаря применению некоторых манипуляций. Мы отлично понимаем, что подобные манипуляции не совсем чужды практике лидеров федераций. Возможность подобных манипуляций в сильной степени облегчается формой организации федераций Коммунистической партии. Эти федерации насчитывают в числе своих членов такие элементы, которые только номинально принадлежат к подпольной организации. Многие из их членов состоят в партии, главным образом, в силу побуждений классового и националистиче-

ского характера. Подобные легальные члены социалисты больше заботятся о том, чтобы федерации осуществляли их классовые и националистические стремления, чем о создании об'единенной коммунистической организации. Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии не имеет возможности контролировать деятельность таких легальных членов федерации, а между тем он, все же, считает их настоящими, искренними коммунистами и пользуется этими элементами, как основой для своего представительства на с'езде.

Интересы коммунистического движения в Америке настоятельно требуют от Об'единенной Коммунистической партии, чтобы она предотвратила самую возможность образования большинства на с'езде при помощи такого рода манипуляций, ибо: а) позволить восторжествовать в коммунистическом движении в Соединенных Штатах сепаратистскому и догматическому направлению руководителей теперешней федеративной группы, известной под именем Коммунистической партии, означало бы обречь это движение на бесплодие; б) благодаря самой форме организации Коммунистической партии реальная власть не находится ни в руках Центрального Исполнительного Комитета, ни в руках каких бы то ни было других представителей партии, делегированных на с'езд, она находится, наоборот, в руках различных отдельных федераций. Действия таких представителей Коммунистической партии подлежат еще рассмотрению каждой федерации в отдельности, которая может их признать или не признать. Ввиду этого, кажущееся большинство делегатов Коммунистической партии на любом с'езде может, после такового очень легко превратиться в ничтожное меньшинство. Те, кого эти делегаты номинально представляют, никоим образом не связаны обязательством исполнять решения с'езда.

3) По данным, опубликованным обеими партиями, количество членов в О. К. П. было в июле, августе и сентябре 1920 года вдвое больше, чем в Коммунистической партии. Поэтому О. К. П. не было бы причины бояться с'езда, созываемого на основе пропорционального представительства, если бы количество действительных членов, на самом деле, лежало в основе выборов. О. К. П. отвергает пропорциональное представительство из принципиальных соображений. Вопрос, ведь, заключается не в том, насколько Коммунистическая партия численно сильнее или слабее О. К. П. Дело в том, что Коммунистическая партия не является централизованной партией, а представляет собой лишь об'единение, на федеративных началах, разных фракций, которые должны подчиняться О. К. П., как единственной централизованной организации, представляющей Коминтерн в Соединенных Штатах.

Если бы даже отношение 6 : 4, предложенное О. К. П. Коммунистической партии, как норма представительства на с'езде, дало последней более широкое представительство, чем то, на какое она имеет право по количеству своих членов, мы, все же, настаиваем на этой норме. Требуя этого, мы считаемся не с численным превосходством или слабостью федеральной организации Коммунистической партии, а лишь с ее действительным значением в коммунистическом движении.

По вышеуказанным причинам мы должны настаивать на выполнении всех условий, изложенных в резолюции, которую вам сообщили. Мы готовы в любой момент об'единиться на указанной нами основе.

Интересы коммунистического движения в Соединенных Штатах требуют, чтобы об'единение произошло без дальнейшего промедления. О. К. П. уже представляет собою сильную, централизованную и хорошо дисциплинированную партию. Ее пропаганда, агитация и просветительная работа достигли таких размеров, каких еще не знала история американского коммунистического движения. Мы не можем отказаться от этой творческой работы, чтобы вступить в бесполезные переговоры с партией, вожаки которой проникнуты духом сектантства. Поэтому, если вы не подчинитесь этим условиям, мы обратимся к Коминтерну, чтобы он предпринял решительные шаги и заставил выполнить решение об об'единении, и будем просить о ликвидации федераций Коммунистической партии и о безусловном об'единении принадлежащих к ней групп с О. К. П.

С братским приветом

Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии Америки.

Секретарь *П. Х.*

II.

(ВЫДЕРЖКА ИЗ ИХ ПИСЬМА ОТ 3 НОЯБРЯ 1920 Г.).

Так как Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии выразил согласие отказаться от своей прежней позиции и подчиниться решению Исполкома III Интернационала, мы готовы собраться на об'единительный с'езд и назначаем комиссию в составе трех лиц для ведения переговоров с аналогичной комиссией Коммунистической партии.

Мы уполномочиваем их подготовить созыв об'единительного с'езда на следующих условиях:

1) В соответствии с решениями II Конгресса о проведении принципа централизации в партийной организации, в об'единенной партии не должно быть ни автономных групп, ни федераций.

2) Право участия в выборах на об'единительном с'езде должно быть предоставлено лишь тем членам, которые входят в подпольную организацию партии.

3) Основа представительства на об'единительном с'езде будет та же, какая была принята при выборах американских делегатов на II Конгресс Коминтерна, а именно: С. К. П. и Коммунистическая Партия должны быть представлены в отношении 6 : 4.

4) Все тезисы, принятые II Конгрессом, и решения Исполкома Коминтерна должны быть приняты за основание при обсуждении об'единительным с'ездом вопросов, подлежащих его рассмотрению.

5) Для того, чтобы об'единение могло состояться до 1 января (окончательный срок, назначенный Исполкомом Коминтерна), с'езд должен быть созван до означенного срока

III.

20 октября 1920 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ОБ'ЕДИНЕННОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Дорогие товарищи!

14 октября мы случайно прочитали в официальном органе Советской Республики, в «Известиях» от 14 сентября, следующее постановление, касающееся об'единения Коммунистической партии с О. К. П.:

«Обе коммунистические партии Америки обязуются немедленно же об'единиться в одну партию на основе решений II Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала. Это об'единение должно окончательно совершиться не позднее чем через два месяца, т. е. до 10 октября 1920 года. Та группа, которая не подчинится этому решению, будет исключена из III Коммунистического Интернационала».

Согласно этому решению Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии вынес следующее постановление:

«Так как решение Исполнительного Комитета Коминтерна, требующее немедленного об'единения Коммунистической партией, было получено нами уже после срока, указанного для окончательного об'единения, и, признавая, что решение это должно быть нами исполнено согласно его духу и смыслу, на сколько возможно, — без дальнейшего промедления,—

«мы постановляем: немедленно предпринять шаги к созыву об'единенного с'езда совместно с Об'единенной Коммунистической партией в течение двух ближайших месяцев, причем представительство должно быть пропорционально количеству членов, и норма его должна быть справедливой и одинаковой для обеих партий, и—

«довести до сведения Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, что мы вполне признаем его авторитет в данном вопросе, а также сообщить ему о тех шагах, которые мы предприняли, чтобы привести в исполнение его решение, как только оно дошло до нас».

На основании этого решения Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии выработал следующие пункты, имеющие целью облегчить возможность об'единения обеих партий на общем их с'езде:

1) Избирается комитет из трех лиц: уполномоченный вести переговоры с подобным же комитетом, представляющим Ц. И. К. О. К. партии.

2) В случае достижения взаимного согласия центральные исполнительные комитеты обеих партий должны опубликовать воззвание об участии в об'единительном с'езде.

3) В основу этого общего воззвания должны быть положены: а) решения II Конгресса Коминтерна; б) условия присоединения к Коминтерну; в) решения Исполнительного Комитета, касающиеся американского коммунистического движения.

4) Об'единительный с'езд должен быть созван в течение двух месяцев.

5) Выборы на об'единительный с'езд производятся на следующих основаниях: представительство должно быть пропорциональным числу членов и определяется по справедливой и равной для обеих партий норме.

В виду крайне краткого срока, назначенного для созыва об'единительного с'езда, мы ожидаем вашего ответа в самом непродолжительном времени.

С братским приветом

Секретарь (подпись).

Американская Коммунистическая партия.

IV.

3 Ноября 1920 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Товарищи!

Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии принял следующую резолюцию по вопросу об об'единении коммунистического движения в Соединенных Штатах:

Об'единение коммунистических партий необходимо для победы коммунизма. Об'единенная Коммунистическая партия всегда это признавала и выразила это в следующих словах резолюции по вопросу об об'единении, принятой на партийном с'езде:

«Американский капитализм мобилизует все свои силы с целью подавить все шире разрастающееся революционное движение рабочего класса и, в особенности, применяет всякого рода репрессии для подавления коммунистического движения.

«При таких условиях и в виду общности основных принципов, все коммунистические

элементы должны об'единиться в *одну* партию; поэтому О. К. П. и призывает все группы, стоящие пока вне ее, примкнуть к ней».

Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии, сознавая свой долг—об'единить боевой фронт революционных рабочих Соединенных Штатов, приветствовал попытку товарища, предложившего от имени Исполнительного Комитета III Интернационала свои услуги для осуществления окончательного об'единения коммунистических сил. Мы помогали ему всеми возможными способами. Мы глубоко сожалели о том, что враждебное отношение Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии, проявленное им в вопросе о скорейшем осуществлении об'единения, сделало попытку товарища безуспешной. Когда это стало очевидным, мы снова сообщили III Интернационалу о положении дела об'единения всех коммунистических элементов в Соединенных Штатах.

Тем временем состоялся II Конгресс III Интернационала, и вновь избранный Исполнительный Комитет его опубликовал, согласно постановлению Конгресса, ультимативное требование об об'единении коммунистов в Соединенных Штатах.

В виду того, что Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии ныне отказался от своей прежней позиции и выразил готовность подчиниться постановлению Исполнительного Комитета III Интернационала, — мы также согласны на созыв об'единительного с'езда и назначаем комитет, который должен вступить в переговоры с аналогичной комиссией Коммунистической партии.

Мы уполномочиваем их подготовить созыв об'единительного с'езда на следующих условиях:

1) Согласно решению II Конгресса о проведении принципа централизма в организации партий, ни одной автономной группе или федерации не должно быть места в об'единенной партии.

2) Только члены, входящие в подпольную организацию партии, должны получить право участвовать в выборах делегатов на об'единительный с'езд.

3) Норма представительства на об'единительном с'езде должна быть та же, какая была установлена для выборов американских делегатов на II Конгресс Коминтерна, а именно: 6—для делегатов Об'единенной Коммунистической партии и 4—для Коммунистической партии.

4) Все тезисы, принятые II Конгрессом, а также решения Исполнительного Комитета Коминтерна должны служить основанием при обсуждении об'единительным с'ездом вопросов, подлежащих его рассмотрению.

5) Для того, чтобы об'единение состоялось до 1 января, каковой срок окончательно установлен Исполнительным Комитетом Коминтерна, с'езд должен быть созван до этого числа.

С коммунистическим приветом
Центральный Исполнительный Комитет
Об'единенной Коммунистической партии.

Секретарь.

V.

3 ноября 1920 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ОБ'ЕДИНЕННОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ.

Товарищи!

Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии Америки согласен признать за основу представительства на Об'единительном С'езде единственно только количество членов, платящих членский взнос, и будет апеллировать к Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала в случае, если Об'единенная Коммунистическая партия не согласится на это немедленно.

С братским приветом
Секретарь.
Американская Коммунистическая партия.

VI.

4 ноября 1920 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ОБ'ЕДИНЕННОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ.

Товарищи!

В случае, если вы еще не вполне информированы через своих представителей, мы спешим ознакомить вас со следующими решениями Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, о которых нам сообщают наши представители в письме, подписанном ими обоими и полученном нами сегодня утром:

1. «Продлить срок окончательного об'единения до 1 января 1921 г.»

2. «До тех пор, пока наше движение не будет вполне об'единено и пока не будет избран представитель Америки от об'единенной партии в Исполнительный Комитет, каждая партия будет иметь своего представителя в Исполкоме с одинаковым правом голоса».

3. «Это об'единение должно быть осуществлено на основе всех решений II С'езда Коминтерна (это безусловное требование)».

4. «Представители обеих парший должны обязаться подчинитьсярешениям,касающимся об'единения».

5. «Обе партии обладают одинаковыми правами, об'единение должно осуществиться общим с'ездом обеих партий, при равном их представительстве».

6. «Представительство на об'единительном с'езде должно быть определено на основе действительно уплаченных членских взно-

сов в течение месяцев—июля, августа, сентября и октября».

Так как последний пункт касается, главным образом, того вопроса, из-за которого были прерваны переговоры между вашими и нашими подкомиссиями, мы убеждены и надеемся, что вы подчинитесь решению Исполнительного Комитета Коминтерна, и что наши комиссии немедленно снова соберутся, чтобы подготовить все необходимое для созыва об'единительного с'езда.

С братским приветом

Секретарь. (подпись.

Американская Коммунистическая партия.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ АМЕРИКИ ТРЕТЬЕМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ ПО ПОВОДУ ОБ'ЕДИНЕНИЯ.

ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Дорогие товарищи!

Будучи убеждены, что миссия коммунистической партии может быть выполнена лишь в том случае, если все силы сторонников коммунизма будут сорганизованы в одну партию и будут управляться из одного центра, мы всегда стремились к об'единению этих сил и к созданию единой коммунистической партии в Соединенных Штатах. Поэтому мы охотно и вполне искренне ставили при каждом удобном случае вопрос об об'единении, желая этим исполнить свой коммунистический долг. Поэтому мы сочувственно приняли ваш наказ об об'единении Коммунистической партии с Об'единенной Коммунистической партией и немедленно же приступили к необходимым приготовлениям для того, чтобы осуществить его. Лишь благодаря судебным преследованиям, возбужденным против некоторых из членов нашего Центрального Исполнительного Комитета, произошла временная задержка.

Во время этой задержки, из-за которой мы лишены были возможности созвать пленарное собрание Центрального Исполнительного Комитета, мы получили письмо от Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии с запросом относительно вышеизложенного. Копия этого письма приложена к этому докладу (см. приложение № 1).

На это письмо было отвечено нашим Центральным Исполнительным Комитетом, и копия этого ответа приложена к данному отчету (приложение № 2).

2 ноября пленарное совещание Центрального Исполнительного Комитета Об'единенной Коммунистической партии вынесло решение по поводу содержания письма к Центральному Исполнительному Комитету Коммунистической партии, копия которого прилагается к данному отчету (приложение № 4). Когда на последующем об'единенном совещании подкомиссий им было передано наше письмо, они передали нам подлинник приложения № 3. На об'единенном совещании подкомиссий, которое имело место несколько позднее, подкомиссия Коммунистической партии передала нашей подкомиссии ответ, составляющий приложение № 5, и мы на следующий день ответили на него письмом, копия которого приложена к настоящему отчету (см. приложение № 6.)

Несколько дней спустя нашей подкомиссии было передано письмо, копия которого приложена к сему отчету (приложение № 7). Содержание этого последнего письма до сегодняшнего дня не подтверждено донесениями наших собственных представителей и в некоторой части кажется нам в высшей степени неправдоподобным. Присутствие дополнительного члена в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала в качестве представителя Америки противоречит пункту восьмому устава Коммунистического Интернационала. Форма об'единения, которую вы предлагаете и которая изложена вами в пересланном нам письме, представляется нам теоретически возможной, но трудно осуществимой. Мы были уверены, что вы сами признаете, что товарищи в Соединенных Штатах, прекрасно знающие местные обстоятельства и условия жизни, лучше всех могли бы сами решать вопросы, касающиеся об'единения, форма и сущность которого соответствовали бы духу и букве вашего постановления, а равно постановления II Конгресса по вопросу об об'единении коммунистов.

По получении последнего сообщения Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии постановил немедленно предписать своему представителю в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала изложить вам все обстоятельства и просить вас действовать в этом деле безотлагательно. Вслед за этим был послан ответ Центральному Исполнительному Комитету Коммунистической партии, копия которого приложена к настоящему отчету (см. приложение № 8).

Проблема об'единения двух коммунистических организаций в Соединенных Штатах не была связана с вопросом числа членов, платящих паевые взносы. Она представляла собою вопрос, от разрешения которого зависит, будет ли организация, представляющая Коммунистический Интернационал в Соединенных Штатах, живой революционной силой, или же она будет неизбежно превращена в простое общество пропаганды и просвещения масс.

Коммунистическое движение в Америке со времени его возникновения тормозилось в своем развитии борьбой за власть, которую вела небольшая группа.

Эта группа деятелей расколола левое крыло с целью удержать в своих руках влияние. Для того, чтобы раскол продолжал существовать и чтобы сохранить власть, она соединилась с Мичиганской группой, отражающей централистские тенденции и созданной левым крылом Социалистической партии Соединенных Штатов.

Когда впоследствии меньшевистская Мичиганская группа оказалась вне Коммунистической партии, равновесие было нарушено. Снова разгорелась борьба за власть, которая приняла форму борьбы по поводу вопроса об об'единении всех коммунистических элементов.

Коммунистическая Рабочая партия, продукт первого раскола в левом крыле, указывала всегда на настоятельную потребность в коммунистическом единстве. Она вела настойчивую пропаганду за об'единение и неоднократно прилагала усилия к тому, чтобы довести дело до конца. В это время капиталистическое правительство Соединенных Штатов стало применять к коммунистам репрессии в широком масштабе. Эти преследования были в одинаковой степени направлены как против Коммунистической Партии, так и против Коммунистической Рабочей партии. Они совершенно дезорганизовали обе партии, потому что обе были созданы на легальных основаниях и не были подготовлены к таким преследованиям. Необходимо было вновь приступить к воссозданию коммунистического движения в Америке. Тогда стала очевидной преступность расходования энергии и дробления сил для организации двух параллельно существующих, соперничавших между собой партий. Были сделаны попытки к немедленному об'единению.

Те из большинства совета левого крыла, которые теперь стали членами Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии, об'единились с Национальным Исполнительным Комитетом Коммунистической Рабочей партии. Преследования, имевшие

целью положить конец движению левого крыла, предложенного обеими партиями, послужили причиной ухода централистских элементов, и из десятков тысяч сторонников левого крыла остались лишь тысячи, ставшие коммунистами.

В то время, когда еще неокрепшее коммунистическое движение выдерживало нападения капиталистического государства, «священные хранители чистого большевизма» все еще настаивали на необходимости раз'единения и решительно отказывались от об'единения. Тогда бывшие члены большинства совета левого крыла сделали серьезную попытку, чтобы, наконец, достигнуть желанной цели—об'единения. Но этого не могли допустить вожди Коммунистической партии. Усиление Коммунистической Рабочей партии укрепило бы оппозицию против их тактики и угрожало бы их влиянию.

Указанная группа Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии продолжала всеми силами противиться об'единению с Коммунистической Рабочей партией по той причине, будто эта последняя состояла из «централистов» и «желтых». Тем временем назревали события, приведшие к расколу в ее собственных рядах. В виду предстоявшего с'езда, эти лидеры, проповедующие девиз «властвуй или разрушай», подготовили изгнание той группы членов, которая была несогласна с их тактикой. Большинство в совете левого крыла выразило свой протест против этого, и так возник раскол. Товарищи из совета левого крыла, до момента раскола бывшие членами Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии и работавшие в качестве секретарей и издателей, теперь превратились в «контр-революционеров» и «централистов» и на них нападали, как на изменников коммунистического движения. Но более того: Коммунистическая Рабочая партия, которая вчера еще была «централистской» и «желтой», и слияние с которой казалось делом невозможным, вдруг стала желательной союзницей и получила неожиданное приглашение приступить к переговорам об об'единении. Представители идеи «властвуй или разрушай» заставили теперь Коммунистическую Рабочую партию принудить своих революционных членов вернуться в ее ряды.

Коммунистическая Рабочая партия отказалась быть игрушкой в руках этих людей и стала подготовлять слияние с теми элементами Коммунистической партии, которые искренно сочувствовали об'единению и составляли ядро Коммунистической партии. Только таким путем возможно было провести об'единение всех коммунистических элементов в Соединенных Штатах. Об'единенная партия никогда не упускала из виду задачи об'единения и всегда была готова приступить к ее решению на любых основаниях, лишь бы об'единение обещало быть прочным. Об'единенная партия всегда считала своим долгом остерегаться элементов, которые видят в Коммунистической партии лишь об'ект для своей власти.

Стремясь завоевать господство, они дошли до того, что совершенно изменили свою программу. Они всегда понимали, что не могут просто и открыто вести борьбу за власть. Поэтому весьма заботливо прикрывали свои действия прекрасными коммунистическими фразами и лозунгами. Поэтому, после раскола они уже не могли просто сказать своим членам, что суть дела заключалась в вопросе о власти, но им пришлось ссылаться на всякого рода надуманные принципиальные расхождения лишь бы как-нибудь оправдать свою разрушительную тактику. Мы уже выше указали на то, что вчерашние «настоящие коммунисты» в течение одной ночи становились в их глазах «желтыми». Доказательством такого превращения считалась попытка, предпринимавшаяся теми, кого лидеры Коммунистической партии называли «желтыми», для сближения с массами, что было признано тяжелым преступлением против большевизма. Идея связи с массами, которую хотели осуществить эти товарищи, легла потом в основу программы Об'единенной Коммунистической партии для агитационной деятельности в предприятиях и союзах.

Эта программа исходила из того, что деятельность рабочего класса во всех ее формах должна быть всецело проникнута коммунистическим сознанием. Это признание того принципа, что коммунистическая партия должна быть партией действенной, придающей бессознательной борьбе рабочего класса сознательно-коммунистическое направление. С целью оправдаться по пред'явленным им обвинениям, лидеры Коммунистической партии извратили программу своей партии и низвели ее на степень организации, имеющей целью лишь вести пропаганду. В программе, предназначенной для заводских групп, Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии ясно ограничивает деятельность этой группы распространением листовок, организацией курсов и сбором денег для партии среди лиц, симпатизирующих ей.

Программа для заводских групп была опубликована в № 10 второго тома их официального органа. Она представляет собой такое превратное истолкование задач партии, что даже ее собственные члены, которые, к их чести будь сказано, являются лишь бессознательным орудием в руках своих лидеров, повидимому, выразили свой протест. Мы заключаем об этом на основании предисловия издателя к статье тов. Зиновьева: «Об образовании Советов», напечатанной в том же официальном органе Коммунистической Партии. Там мы читаем: «Тем товарищам, которые думают, что предложенная Коммунистической партией программа деятельности заводских комитетов не отвечает нашей непосредственной задаче, мы рекомендовали бы вновь перечитать» и т. д.

Вопрос о массовых действиях также получил карикатурно-неправильное решение. Вместо того, чтобы в массовом действии видеть высшую логическую форму развития борьбы революционного рабочего класса за власть, они низвели его до средства повседневной борьбы и призывали отдельные группы рабочих, боровшиеся за незначительную прибавку заработной платы, к организации вооруженного восстания (см. приложение № 9).

Мы обвиняем этих лидеров Коммунистической партии в том, что с целью доказать, насколько велика разница между их принципами и принципами соперничающей с ними партии и с целью оправдать свои нападки на «централистов» и «желтых», они давали неправильное истолкование принципов революционного коммунизма.

Вот доказательство того, что, когда они несколько дней спустя после происшедшего в их рядах раскола, призывали к об'единению с Коммунистической Рабочей партией, они вовсе не имели серьезного желания об'единиться. На с'езде, состоявшемся несколько недель спустя, лидеры Коммунистической партии постарались провести резолюцию по вопросу об об'единении, первое же предложение которой недвусмысленно доказывает, каково на деле их «сочувствие» идее об'единения: «Союз с Об'единенной Коммунистической партией, как с партией центровиков, *невозможен*". Эта резолюция напечатана в № 8 второго тома их официального органа.

Даже теперь, призывая к выполнению вашего предписания по поводу об'единения, Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии рассылает своим членам циркуляр, копия которого приложена к этому докладу (см. приложение № 10), в котором можно прочесть следующее:

> «*Об'единение с Об'единенной Коммунистической Партией не означает ни мира, ни даже перемирия* с такими центровиками, как Кэстон (Caston) и Дэмон (Damon), с такими нарушителями партийной дисциплины, как Дэмон и Фишер (Fischer), с теми «американцами», которые не желают допускать национальных федераций, с защитниками Дебса (Debs), с легалистами и с другими разновидностями «горе-коммунистов».

Из этого циркуляра ясно, что они не желают об'единения. Они сами ясно это говорят.

Что же касается той формы об'единения, на которую они согласились бы, но которая была бы гибельной для Об'единенной Коммунистической партии, так как подобная форма об'единения означала бы просто переход всего ее аппарата в руки лидеров Коммунистической партии, Центральный Комитет Об'единенной Коммунистической партии обязан бороться в интересах защиты своих членов и своего организационного аппарата, предназначенного для коммунистической пропаганды и деятельности, в интересах Американской секции Коммунистического Интернационала.

Лидеры Коммунистической партии обвиняют нас в том, что мы-де, «американцы», не желаем допускать национальных федераций.

Товарищи—члены Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, наступила пора раз навсегда покончить с этим вопросом! Это обвинение ведь, в сущности, означает, что «американцы»—националисты.

Национальные федерации были необходимым результатом определенных условий жизни. В старой Социалистической партии уделялось очень мало внимания рабочим, говорящим на иностранных языках. Методом борьбы за освобождение пролетариата у Социалистической партии служили выборы. Поэтому названная партия признавала необходимым обращаться лишь к тем рабочим, которые могли участвовать в выборах. Рабочие, говорившие на иностранных языках, в большинстве своем не имели права участия в выборах. Большинство тех которые стали американскими гражданами, умели читать и настолько понимали по-английски, что агитационная предвыборная литература могла оказать на них свое влияние. Поэтому Социалистическая партия совершенно пренебрегала пропагандой на иностранных языках. Члены Социалистической партии, говорившие на иностранных языках, однако, в конце концов, заставили партию разрешить им образовать федерации для пропаганды среди иностранцев. С самого начала эти федерации были широко использованы вождями партии для их реакционных политических целей, с согласия лидеров федераций. До войны федерации служили противовесом против «красных» в партии. Затем Советская Россия пробудила у членов федераций революционный дух. Использование федераций для реакционных целей облегчалось тем, что члены их, в общем, знали о движении лишь столько, сколько лидеры считали нужным рассказать им. Они лишь едва знали о длительной борьбе, которая велась в партии больше десяти лет между левыми и правыми.

Пролетарская революция в России сразу изменила положение.

В борьбе левого крыла, вызвавшей раскол в Социалистической партии и приведшей, в результате, к образованию коммунистических партий, федерации были с успехом использованы против реакционного крыла Социалистической партии и ее руководителей. Федерации являлись как бы отдельными телами, лишь слабо связанными с телом партии, и ими руководили их собственные национальные исполнительные комитеты. Они действовали, как самостоятельные единицы. Так продолжали действовать федерации и их лидеры и после их отделения от Социалистической партии. Между тем как раньше их сила была использована в борьбе против правого крыла, теперь она послужила средством для завоевания власти в Коммунистической партии. Из орудия пропаганды среди иностранцев федерации превратились в орудие господства, под предлогом пропаганды.

Необходимость в национальных федерациях, как в проводниках пропаганды в среде иностранцев, миновала. Революционная партия может рассчитывать на успех лишь в том случае, если она обращается со своей пропагандой ко всем рабочим. Если они не понимают все одного и того же языка, то с ними нужно говорить на нескольких языках. Этого требуют условия жизни и деятельности коммунистической партии. В данном случае нет опасности, что рабочими-иностранцами будут пренебрегать. Об'единенная Коммунистическая партия организует товарищей, говорящих на иностранных языках, в особые группы, которые ведут пропаганду на своем собственном языке. В каждой местности или округе группы иностранцев организуют отделения, а при отделениях, в свою очередь, образуются окружные комитеты пропаганды. Этот метод действий, с одной стороны, удовлетворяет потребность в пропаганде на иностранных языках, с другой же стороны дает возможность полной централизации управления и сосредоточения партийной работы в руках одного Центрального Исполнительного Комитета. Эта форма организации дает возможность Об'единенной Коммунистической партии управлять из одного центра всем партийным аппаратом и пользоваться *всеми* отдельными группами для *всякой* партийной работы.

С другой стороны, федерации Коммунистической партии, перешедшие к ней от Социалистической партии, являются самостоятельными партиями с особыми национальными исполнительными комитетами. Группы и отделения национальных федераций действуют через свои окружные комитеты, эти же последние, в свою очередь, через соответствующие национальные исполнительные комитеты. Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии является не чем иным, как исполнительным комитетом организации членов, говорящих по-английски, который может передавать свои директивы членам, не говорящим по-английски, через национальные исполнительные комитеты федераций. Самостоятельность федераций препятствует централизации. Благодаря ей, Центральный Исполнительный Комитет не пользуется властью. Вместо того, чтобы быть высшим органом партии, центральный комитет на деле является орудием в руках федераций.

Если лидеры федераций, являющиеся в то же самое время лидерами Коммунистической партии, считают отрицательное отношение к подобной форме организации проявлением «американского национализма», то такого рода американский национализм должен быть признан заслугой Американской секции III Коммунистического Интернационала.

В Об'единенной Коммунистической Партии даже самая незначительная местная организация действует согласно постановлениям Центрального Исполнительного Комитета. Вместе с тем и пропаганда среди иностранцев не остается в пренебрежении. Так, официальный орган Об'единенной Коммунистической Партии регулярно выходит на языках английском, русском, венгерском, югославянском, польском, еврейском, немецком, финском и эстонском. Периодически он издается на латышском, шведском, украинском, итальянском и литовском языках. Подготовляется издание на языках испанском, болгарском и чешском. Брошюры и книги издаются пока на английском, русском, еврейском и югославянском языках. Подготовляется к изданию программа Бухарина на немецком языке. Будут изданы и другие книги на разных языках. Выпущено множество листовок на различных языках. На некоторых из перечисленных языков не говорит ни один член партии. Все это, стало быть, ясно доказывает, что существование самостоятельных национальных федераций не вызывается необходимостью организации пропаганды на иностранных языках. Настаивать в силу этих соображений на их существовании—значит пользоваться мнимым предлогом.

Таков наш ответ на обвинения, брошенные по адресу «американцев», которые-де не выносят идеи федераций.

Что касается упрека в «защите Дебса», то мы всецело предоставляем судить об этом Исполкому, который, без сомнения, получил уже наши раз'яснения и поэтому может сам убедиться в неправильности этого обвинения.

Теперь—по поводу указания на наш «легализм». В письме Об'единенной Коммунистической Партии к Коммунистической Партии (см. приложение № 4), в пункте 2 наших условий, вы найдете следующее: «Право участия в выборах на об'единительный с'езд должно быть предоставлено только тем членам, которые входят в подпольную организацию партии».

Основание этого требования заключается в следующем. Когда, после январьских репрессий, партия вынуждена была уйти в подполье, некоторые из национальных федераций Коммунистической партии отказались признать новую форму организации. Исполнительные комитеты федераций [illegible] мертвые души» не составляют [illegible] необходимо, чтобы члены партии, мужчины и женщины, действительно, платили взносы. Вновь созданная подпольная организация должна была бы изгнать из своих рядов значительную часть членов точно так же, как они были исключены легальной партийной организацией. Многие из прежних представителей левого крыла, по недостатку коммунистической сознательности и революционного мужества, испугались опасности и в своем ослеплении отрицали необходимость создания нелегальной подпольной организации. Некоторые федерации согласились допустить также форму легальной организации. Таким образом, легальные организации продолжают существовать в пределах Латышской и Литовской федераций в Бостоне, Нью-Йорке, Кливленде, Детройте и других городах. Хотя эти легальные организации номинально и подразделяются на группы (?), последние действуют не как

партийные организации, а существуют исключительно в виде певческих, благотворительных и цеховых обществ. Их единственная связь с Коммунистической партией состоит в уплате членских взносов федерации, которая, в свою очередь, вносит известную долю этой суммы в Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии, и на этом основании определяется численность членов. Эти группы являются для партии мертвым грузом. Они стоят за легальное существование потому, что боятся целиком войти в партию и нести регулярную партийную работу.

Об'единенная Коммунистическая партия не может позволить этим людям принимать участие в выборах на об'единительный с'езд, так как они не-коммунисты. Она не может даже допустить, чтобы Коммунистическая партия считала этих людей за своих настоящих членов и на этом основании определяла число своих представителей, ибо в тот момент, когда партии об'единятся и принцип строгой централизации и подпольной организации будет к ним применен на деле, эти мнимые члены уйдут от коммунистического движения— и вполне резонно, так как они и раньше были чем угодно, только не коммунистами. Допуская этих людей в свои ряды, Коммунистическая партия ясно доказывает свой легализм. Говорить о легализме Об'единенной Коммунистической Партии, при таких обстоятельствах, вожди Коммунистической партии, очевидно, не имеют никакого права.

Постоянные заявления лидеров Коммунистической партии о том, что они—верные хранители коммунизма в Америке, были опровергнуты на деле тем, что недавно произошло в Латышской федерации (24 июля 1920 г.). Секретарь Исполнительного Комитета Латвийской федерации обратился от имени Национального Исполнительного Комитета этой федерации к нынешнему капиталистическому правительству Латвии, обещая ему поддержку Латышской федерации Коммунистической партии (копия эта составляет содержание приложения № 11). Часть членов была возмущена этим проявлением национализма со стороны их Исполнительного комитета и потребовала его роспуска, а Центральный Исполнительный Комитет Коммунистической партии хранил по этому поводу молчание. Уверенный в его поддержке, Национальный Исполнительный Комитет Латвийской федерации номинально, для отвода глаз, отстранил своего секретаря, а затем принялся изгонять недовольных членов. Конференция, созванная старым Исполнительным Комитетом и всецело находившаяся под его влиянием, приняла резолюцию о восстановлении секретаря в его правах, подвергла рассмотрению образ действий старого комитета и избрала новый, состоящий из послушных орудий старого, провинившегося комитета. Как бы для того, чтобы придать этому фарсу несколько трагический оттенок, возмутившихся членов изгнали из партии по той причине, что они-де *националисты*. Наконец, конференция попросила Центральный Исполнительный Комитет, чтобы он дал ей свое благословение и одобрил ее действия. Признавая такой ее образ действий достойным всяческой похвалы, Комитет, повидимому, не смог отказать в выражении своего одобрения, и теперь все эти лидеры Коммунистической партии торжествуют.

Все изложенные факты заставляют Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии предложить те условия об'единения, которые изложены в приложении № 4 к настоящему отчету:

1. Не допустимы никакие автономные федерации, так как они противодействуют осуществлению идеи централизации и представляют собою постоянную опасность для единства партии.

2. Лишь одни действительные члены партии будут принимать участие в избрании делегатов на с'езд, так как все остальные только номинально состоят членами.

3. Представительство на с'езде устанавливается в пропорции 6 к 4, для того, чтобы предотвратить возможность повторения прежних действий лидеров Коммунистической партии. Это требование диктуется отнюдь не опасением того, что Коммунистическая партия окажется превосходящей численно Об'единенную Коммунистическую партию. Официальные финансовые отчеты обоих партий, опубликованные в их официальных органах и бюллетенях, доказывают с достаточной очевидностью численное превосходство Об'единенной Коммунистической партии.

4 и 5. Указанные в приложеняи условия не требуют пояснений.

Товарищи, мы пытаемся изложить вам все эти факты и обстоятельства, имеющие отношение к вопросу об об'единении коммунистических партий в Америке. Мы доказали вам, что отказались от об'единения на основах, предложенных Коммунистической партией потому, что *желаем действительного об'единения*, между тем как Коммунистическая партия, соглашаясь как будто на об'единение на самом деле желает сохранить то состояние распада, которому она способствовала с самого возникновения коммунистического движения в Соединенных Штатах.

Существует только один путь для разрешения этой дилеммы: если Исполнительный Комитет III Коммунистического Интернационала не находит возможным поддержать решение Центрального Исполнительного Комитета Об'единенной Коммунистической партии, то он должен *приказать* Коммунистической партии немедленно присоединиться к Об'единенной Коммунистической партии. На предстоящем с'езде будут тогда представлены действительные коммунисты, члены об'единенных во-едино обеих партий и все группы, имеющие право называться коммунистическими будут иметь своих представителей.

Мы предписали своим членам, входящим в состав Исполкома, сообщить вам содержание этого доклада, так же как и другие факты, которые могут раз'яснить существующее положение вещей.

В уверенности, что вы принимаете близкое участие в судьбе Американской Секции Коммунистического Интернационала, мы ждем от вас немедленных действий и постановлений, которые гарантировали бы действительное и прочное об'единение коммунистических сил в Америке.

С коммунистическим приветом

Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии Америки.

Приложение № 1.

Нью-Йорк, 15 октября 1920 г.

ОБ'ЕДИНЕННОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ.

Дорогие товарищи!

Из номера «Известий» от 14 сентября мы только что узнали о нижеследующем постановлении Исполнительного Комитета Коминтерна. Цитируем по газете, которая нами получена 13 октября.

«В отношении американского и английского коммунистического движения Исполком вынес целый ряд решений, требующих от американских и английских товарищей политики сплочения и об'единения. При этом была вынесена следующая резолюция: «Обе коммунистические партии — Об'единенная Коммунистическая партия и Коммунистическая партия обязуются об'единиться в одну партию на основе резолюций II Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала. Это об'единение должно окончательно совершиться не позднее, чем через 3 месяца, т. е. 10 октября 1920 г. Не подчинившиеся этому решению будут исключены из III Интернационала!»

Принимая во внимание вышеизложенное, мы желали бы знать и просили бы сообщить нам о следующем:

1. Получили ли вы ранее сообщения об этом решении? Если да, то...

2. Когда вы их получили?

3. Каким путем вы их получили?... Официальным?... Через?...

4. Что вы предприняли (и предприняли ли вы что-нибудь) в связи с этим решением?

Другой вопрос, по которому мы хотели бы получить от вас раз'яснения, следующий. Мы получили из двух независимых друг от друга и надежных источников сведения о том, что в своем еженедельном бюлле-

тене вы сообщали членам вашей организации, будто Коммунистическая партия просто на просто отказалась вступить в сношения с избранной вами комиссией, в составе двух лиц, для ведения переговоров об об'единении.

На самом же деле, нам совершенно неизвестно, чтобы ваша комиссия обращалась к нам или пыталась тем или иным путем вступить в сношение с нами; во всяком случае, мы не отказались ни от каких переговоров с нею.

Как вы можете об'яснить эти факты, в виду явно ложного сообщения, помещенного в вашем бюллетене?

Очевидно, что эти вопросы в высшей степени важны и требуют раз'яснения в интересах всего коммунистического движения в Америке.

Мы должны получить ваш письменный ответ до 10 ч. утра в понедельник, 18 октября, чтобы быть в состоянии немедленно вынести официальное решение.

С братским приветом секретарь Коммунистической партии Америки.

Приложение № 2.

Нью-Йорк, 21 октября 1920 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ.

Товарищи!

Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии в своем наличном составе обсуждал вопрос, поставленный вашим секретарем Исполкома 15 октября, и в ответ на это имеет сообщить вам следующее:

1. Решение Исполкома III Интернационала, имеющее целью заставить О. К. П. и К. П. об'единиться в течение определенного срока, было нами получено в виде протокола заседания Исполкома около 10 дней тому назад обычным путем, которым мы сносимся с III Интернационалом.

2. С тех пор мы получили также другое сообщение, которое гласило, что 22 сентября наш представитель А. явился в Исполком Интернационала и пытался добиться изменения в некоторых пунктах решения Исполкома по вопросу об об'единении. Исполком отказался изменить прежнее свое решение, за исключением вопроса о продлении срока до 1 января 1921 г., когда об'единение должно быть вполне закончено.

3. Один из наших представителей, который принял участие в Конгрессе Интернационала и присутствовал на заседании Исполкома Коминтерна, только что вернулся в Америку. Его отчет подтверждает решение Исполкома Коминтерна, в том виде, как оно изложено в вашем сообщении и в полученном нами протоколе.

4. Что касается помещенных в нашем бюллетене сведений по вопросу об об'единении, то решение, вынесенное по этому вопросу вашей конференцией, равно как и позиция, занятая вашим официальным органом, а также смешные нападки на нашу программу, которые были самым определенным образом отвергнуты Конгрессом Интернационала, признавшим Об'единенную Коммунистическую партию наиболее значительной партией Соединенных Штатов и предоставившим ей преимущественное право участия в Конгрессе от имени Соединенных Штатов„—все это, на основании этой же самой программы, оправдывает содержащееся в нашем отчете Исполкому сообщение о том, что ваша организация уклонилась от переговоров об об'единении. Упомянутый отчет не имел, однако, отношения к вышеизложенному решению Исполкома, а лишь к попыткам представителя III Интернационала—тов. А.—осуществить об'единение. По просьбе тов. А., мы избрали из среды нашего Центрального Исполнительного Комитета комиссию, которая должна была вести переговоры по вопросу об об'единении с подобной же комиссией, состоящей из членов вашего Центрального Комитета, каковую комиссию он имел в виду (по его словам) просить вас назначить. Позже он сообщил нам, что вы отвергли его попытки осуществить об'единение, и мы, в свою очередь, уведомили об этом своих членов и Исполнительный Комитет III Интернационала.

Мы предполагаем, что, в виду постановления Исполнительного Комитета III Интернационала, вы готовы отказаться от той точки зрения, на которую стала ваша конференция и которая нашла себе выражение на страницах вашего официального органа, и немедленно начнете переговоры по вопросу об об'единении вашей партии с нашей. Наше отношение к этому вопросу оставалось неизменным: необходимо приложить все усилия к тому, чтобы об'единить все коммунистические элементы в Соединенных Штатах в единую партию; для этой цели мы опять назначили комитет из 2 членов, которые должны были встретиться с вашей комисией, с целью предпринять необходимые шаги для об'единения. Так как необходимо быстро повести дело, для того, чтобы исполнить решение Исполнительного Комитета III Интернационала, мы предлагаем вам встретиться еще до конца недели.

С братским приветом

Секретарь Об'единенной Коммунистической партии

Приложение № 3.

Письмо Американской Коммунистической партии Ц. И. К. Об'ед. Ком. партии от 20 октября 1920 г., см. выше, стр. 3845.

Приложение № 4.

Письмо Центрального Исполнительного Комитета Об'един. Коммун. партии Центральному Исполнительному Комитету Коммунистической партии от 3 ноября 1920 г., см. выше, стр. 3845.

Приложение № 5.

Письмо Американской Коммунистической партии Центральному Исполнительному Комитету Об'единенной Коммунистической партии от 3 ноября 1920 года, см. выше, стр. 3848.

Приложение № 6.

Письмо Центрального Исполнительного Комитета Об'единенной Коммунистической партии Центральному Исполнительному Комитету Коммунистической партии от 5 ноября 1920 года, см. выше, стр. 3841.

Приложение № 7.

Письмо Американской Коммунистической партии Центральному Исполнительному Комитету Об'доиненной Коммунистической Партии от 4 ноября, см выше, стр. 3848.

Приложение № 8.

14 ноября 1920 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Товарищи,

В связи с вашими последними двумя сообщениями, Центральный Исполнительный Комитет Об'единенной Коммунистической партии принял следующую резолюцию:

«В ответ на последнее письмо Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии, часть содержания которого представляет собою изложение последнего решения Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала по поводу об'единения, мы заявляем, что можем полагаться лишь на наши средства сношений с Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала и не видим основания, к изменению уже сделанных приготовлений к об'единительному с'езду, равно как и основы представительства на нем».

С братским приветом

Секретарь Об'единенной Коммунистической партии Америки.

Приложение № 9.

Приложение № 9 содержит в себе листовку, изданную Коммунистической партией во время забастовки служащих Бруклинской железной дороги; в этой прокламации партия призывает к вооруженному восстанию, чем совершенно извращает идею вооруженного восстания в коммунистическом ее понимании.

Приложение № 10.

20 октября 1920 г.

ЧЛЕНАМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Дорогие товарищи,

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала вынес решение о немедленном об'единении Коммунистической партии с Об'единенной Коммунистической партией.

В нумере от 14 Сентября московских «Известий», который был получен нами лишь 14 октября, было приведено следующее постановление Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, принятое на заседании 7 августа 1920 г.:

> «Обе коммунистические партии — Об'единенная Коммунистическая партия и Коммунистическая партия обязуются об'единиться в одну партию на основе решения II Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала. Это об'единение должно окончательно совершиться не позднее, чем через 2 месяца, т. е. до 10 октября 1920 г. Не подчинившиеся этому решению будут исключены из III Коммунистического Интернационала».

Ваш Центральный Исполнительный Комитет был немедленно созван и вынес по этому поводу нижеследующую резолюцию:

> «Так как решение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, требующее немедленного об'единения Коммунистической партии с Об'единенной Коммунистической партией, было получено нами уже после срока, указанного для окончательного об'единения, и признавая, что решение это должно быть нами исполнено согласно его духу и смыслу—по мере сил и возможности—без всякого дальнейшего промедления, Мы постановляем: немедленно принять меры к созыву об'единительного с'езда совместно с Об'единенной Коммунистической партией в течение двух ближайших месяцев, причем представительство должно быть пропорционально количеству членов, и норма его должна быть справедливой и одинаковой для обеих партий, и довести до сведения Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала о том, что мы вполне признаем его авторитет в данном вопросе, а также сообщить ему о тех шагах, которые мы предприняли, чтобы привести в исполнение его решение, как только оно дошло до нас».

Товарищи, в качестве секции Коммунистического Интернационала и в полном соответствии с решениями второго его конгресса, в которых говорится, что «все постановления с'ездов Коммунистического Интернационала, как и постановления его Исполнительного Комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коммунистический Интернационал, действующий в обстановке обостренной гражданской войны и долженствующий быть построенным на принципе гораздо большей централизации, чем это имело место во II Интернационале»,—мы должны подчиниться предписанию и немедленно об'единиться с О. К. П. без всяких колебаний и промедления.

Мы отлично понимаем, что в каждой стране может существовать лишь одна Коммунистическая партия, признаваемая Коммунистическим Интернационалом, и мы признаем необходимость данного им предписания об об'единении, раз он не нашел возможным признать одну Коммунистическую партию (а не Об'единенную Коммунистическую партию). Его предписание должно быть выполнено, и мы предприняли необходимые шаги для созыва об'единительного с'езда совместно с Об'единенной Коммунистической партией. Но это не значит, что мы должны прекратить или прекратили нашу борьбу против некоммунистических элементов в Об'единенной Коммунистической партии (особенно в среде их лидеров), так же, как против подобных же элементов нашей собственной партии. Созыв об'единительного с'езда должен состояться в согласии с решениями Коммунистического Интернационала и с его «условиями приема», во втором пункте которых говорится: «Каждая организация, желающая принадлежать к Коминтерну, обязана планомерно и систематически *удалять* со сколько-нибудь ответственных постов в рабочем движении (партийная организация, редакция, профсоюз, парламентская фракция, кооператив, муниципалитет и т. п.) реформистов и сторонников «центра» и ставить вместо них надежных коммунистов, не смущаясь тем, что иногда придется вначале заменять «опытных» деятелей рядовыми рабочими».

Слияние с Об'единенной Коммунистической партией еще не означает ни мира, ни даже перемирия с такими центристами, как Кексгон (Caxton) и Дэмон, с людьми, столь резко нарушающими партийную дисциплину и партийные обязанности, как Дэмон и Фишер (Fisher), с такими «американцами», которые не желают допускать существования национальных федераций, с защитниками Дебса (Debs), с «легализаторами» и другими разновидностями «горе-коммунистов», которые находили в существовании двух партий удобное прикрытие и оправдание для нарушения партийных принципов и партийной дисциплины. Оно только означает, что вместо того, чтобы бороться с ними внутри чужой партии и заставлять подобные элементы уходить из нашей партии в другую, как это сейчас имеет место, мы будем бороться с ними в рядах одной и той же партии и, если окажется необходимым, изгонять их из нее. Нам придется изменить наши способы борьбы с ними, но зато им будет гораздо труднее одурачивать других членов и увлекать их за собою при уходе из партии.

При таких условиях все истинные коммунисты должны быть готовы к тому, чтобы способствовать направлению новой об'единенной партии на верные пути и предохранению ее от блужданий, несмотря на наличие в ней не-коммунистических элементов. Все группы Коммунистической партии должны немедленно приступить к изучению и обсуждению решений II С'езда Коммунистического Интернационала и «условий присоединения» к Интернационалу; а когда придет время выборов на об'единительный с'езд, они должны следить за тем, чтобы только истинные товарищи-коммунисты, твердые, убежденные и непримиримые, были избраны выборщиками и делегатами на с'езд.

Коммунистически преданный вам секретарь Коммунистической партии.

Приложение № 11.

Приложение это составляет номер газеты «Rihts», органа Латышской Федерации Коммунистической партии, от 24 июня 1920 г. Он был послан Исполнительному Комитету III Интернационала.

С'ЕЗД ФИНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКИ.

Нью-Йорк, 6 января.

Закончившийся на днях с'езд Финской Социалистической организации Америки постановил 15 голосами против 3 выйти из состава Социалистической партии Соединенных Штатов. Организация мотивирует свое постановление в пространной резолюции, в которой, между прочим, говорится:

«Социалистическая партия урезала свою программу и очистила себя от всего определенно революционного, и изгнала из своих рядов революционные элементы. Официальные представители Социалистической партии позорят публично классовую борьбу пролетариата и марксизм и пользуются самыми подлыми ухищрениями, чтобы обмануть пролетариат. Ее воззвания и программы часто составлены опытными оппортунистическими политиками так, чтобы рабочие массы не поняли их действительного противосоциалистического характера. Но уже сама деятельность ясно показала массам всю негодность партии, что лучше всего доказывается постоянным уменьшением количества членов партии и совершенной потерей ею своего значения в американском рабочем движении».

«На основании вышеуказанного Финская Социалистическая организация заявляет, что она не желает подвергать тому приговору, который вынесен Американской Социалистической партии III Интернационалом за ее оппортунизм как в области теории, так и практики. Социалистическая партия совершенно перестала быть политической и общественной выразительницей интересов сознательного рабочего класса Америки. Приговор, вынесенный III Интернационалом, отягчается тем обстоятельством, что Социалистическая партия явно ведет интриги с целью создания нового интернационала, который, логически, по своему глубочайшему существу, является международным соединительным звеном контр-революционеров, об'ективною целью которого является подавление русской революции».

На с'езде были опровергнуты позорные намеки и лживые сообщения оппортунистической газеты «Райвая» относительно использования так называемого миллионного фонда. (Этот фонд в миллион финских марок был в свое время собран американскими финскими рабочими для помощи социалистам Финляндии.) Так как фонда из за некоторых практических затруднений невозможно было отправить немедленно в Финляндию, то сторонники «Райвая» воспользовались этим и принялись утверждать, что Исполнительный Комитет использовал эти средства на частные цели. Когда на с'езде теперь была прочитана полученная из Финляндии расписка о получении фонда, то с'езд приветствовал восторженными кликами Финляндскую Социалистическую Рабочую партию.

С'езд получил от Дебса из тюрьмы Атланты следующую приветственную телеграмму:

«Приветствую всех вас во имя международного социализма, который не ставит никаких границ ни в отношении религии, ни расы, ни пола. Вы участвуете теперь в разрешении святой задачи, в деле освобождения мира посредством святой деятельности любви и братства. Каждая капля крови, каждая клеточка в моем организме приветствует тот удивительный образец деятельности и достижений пролетариата, который представлен революционной Россией. Те черные и коварные силы, которые стараются нанести вред этому первому детищу свободы, скоро убедятся в том, что это дитя свободы, плод любви пролетариата, будет жить и напишет свое имя знаками любви на небе международного социализма».

Дебсу было послано ответное приветствие. Также были посланы приветствия Финляндской Социалистической партии, товарищам, томящимся в тюрьмах, и эмигрантам, находящимся в Стокгольме.

О количестве членов в Финской Социалистической организации Америки приведем следующие данные, полученные газетой «Суомен Тюомиес» (18. 1. 21.). Всего насчитывается 205 организаций, из которых ответило на произведенную анкету 145. В этих 145 организациях имеется 8.013 членов (4.744 женщин и 3.269 мужчин). Финское население в тех местностях, где действуют организации, составляет 101.732 чел.

Вопрос об Интернационале в Гельсингфорском союзе металлистов.

На собрании социалистического общества гельсингфорских металлистов обсуждался 19 января вопрос о том, следует ли профессионально организованным рабочим Финляндии присоединиться к Амстердамскому желтому интернационалу профессиональных союзов, или остаться пока независимыми, или же голосовать за присоединение к Московскому Интернационалу профессиональных союзов.

Во время прений все ораторы единогласно выступали против присоединения к Амстердаму. Между прочим было констатировано, что вожди Амстердамского интернационала в начале мировой войны и во все время продолжения ее действовали каждый в пользу капиталистического класса своей страны, мешая пролетариату восстать против организованной капиталистами резни рабочих.

На собрании было констатировано, что профессионально организованные рабочие Финляндии не созрели еще для присоединения к Московскому Интернационалу профессиональных союзов. И хотя при голосовании большинство и высказалось бы за присоединение к нему, то это все-таки угрожало бы расколом финляндскому профессиональному движению, чего в данный момент следует избегать. По мнению собрания, следует для сохранения единства оставаться пока независимыми. Собрание общества постановило поэтому предложить металлистам страны голосовать против присоединения к Амстердамскому Интернационалу и подавать свои голоса за независимость. («Суомен Тюомиес», 28. 1 21).

С'ЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В АНГЛИИ.

Переговоры об об'единении трех коммунистических партий Англии: Коммунистической партии Великобритании, Коммунистической Рабочей партии и Коммунистической Партии (B. S. I. C.) увенчались полным успехом. В продолжение нескольких месяцев переговоры об об'единении происходили между представителями трех указанных партий, и на с'езде в Лидсе (Leeds) делегаты всех партий единогласно решили создать одну Об'единенную Коммунистическую партию Великобритании.

С'езд в Лидсе происходил 29 — 30 января. На нем присутствовало 150 делегатов. Председательствовал на с'езде тов. Джек Тэннер (Jack Tanner).

Первым и главным вопросом на с'езде был, конечно, вопрос об об'единении. Председатель с'езда в краткой речи указал, «что первый долг собравшихся перед интернациональным коммунистическим движением и в особености, перед рабочим классом Великобритании, заключается в создании Об'единенной Коммунистической партии.

После него выступали представители трех партий, принимавших участие в переговорах об об'единении, т.т.: Лекки (Leckie)—от Коммунистической Рабочей Партии; Уоткинс (Watkins)—от Коммунистической партии и Мак Манус (Mac Manus)—от Коммунистической партии Великобритании. Каждый из них, от имени своей партии, указывал на необходимость единения, а тов. Мак Манус в своей речи сказал: «Мы не являемся более слугами секций; отныне мы служим об'единенному движению Коммунистические партии умерли. Да здравствует Коммунистическая партия!». Резолюция, поставленная на голосование после докладов представителей трех партий, была единогласно принята.

На с'езде с приветственными речами выступали тов. Г. Х. Браун (G. H. Brown), представитель левого крыла Независимой Рабочей партии (I. L. P.), тов. Мёрфи (G. I. Murphy), представитель фабричных старост и рабочих комитетов. Будучи также и представителем Интернационала Красных Профсоюзов, тов. Мёрфи указал на причины, приведшие к организации Коммунистического Интернационала, и отметил создание центра для Профсоюзов, недовольных деятельностью Амстердамского Интернационала Профессиональных Союзов. Уже около 12 миллионов членов профсоюзов всего мира входят в Красный Интернационал, и тов. Мёрфи приглашал Коммунистическую партию исполнить свой долг пропаганды в среде британских профсоюзов, дабы они вступили в Интернационал.

С'езд единогласно принял следующую резолюцию, предложенную тов. Беллом (Bell): «С'езд выражает свою солидарность, обещает свою помощь Красному Интернационалу и настаивает, чтобы было сделано все доступное, дабы обеспечить возможно более полное представительство на Конгрессе Красных Профсоюзов 1 мая со стороны профессионально-производственных организаций и их присоединение к Интернационалу. Конгресс поручает своему Исполнительному Комитету в ближайшем будущем войти в сношение с представителями Интернационала и его Британским Бюро».

Во Временный Исполнительный Комитет, председателем которого был избран тов. Артур Мак Манус, вошли следующие товарищи: Маклин (Mac Lean), Киркер (Kirker) — представляющие Шотландию; Хьюлет (Hewlett), Уоткин—представляющие Уэллс; Мёрфи (Murphy), Паул (Paul), Уэбб (Webb)—представляющие северную Англию; Керран (Kerran), Монтефиоре (Montefiore) и Воон (Vaughan)—представляющие южную Англию.

На с'езде выступил с речью прибывший в Англию тов. Фриис делегат Исполкома Коминтерна и представитель норвежских коммунистов. В своей речи он, между прочим, сказал: «Тот факт, что я здесь (ему было отказано в выдаче паспорта) показывает наше твердое решение бороться и наше умение обходить буржуазные законы и правила. Наше движение имеет друзей на каждой границе, имеет товарищей на любом пароходе и помощников на всех станциях... Своей резолюцией вы себя связали с революционным движением всего мира—с Москвой и Норвегией. В прошлом вы иногда разочаровывали нас. В Норвегии нам приходилось бороться с мероприятиями, в которых повинно ваше правительство, и в этой борьбе мы не получали помощи от вас. Благодаря настояниям британского министра был запрещен ввоз литературы из России и вывоз ее в Англию. Норвегия превратилась в британскую колонию И в этом деле, в котором вы заинтересованы не менее нас, мы просим вашей помощи. Мы не хотим подчинятьсся этому решению. Напротив, мы боремся с ним. Все наши партийные газеты предлагают товарищам игнорировать запрет правительства, и за это «преступление» председатель нашей партии привлекается к ответственности»...

Товарищ Фриис исчез из зала заседания так же таинственно, как и появился.

Исполком Коммунистического Интернационала и Исполком Коммунистической партии Франции прислали приветствия с'езду. Их оглашение сопровождалось пением Интернационала.

Коммунистическая пресса Англии («The Workers' Dreadnought» и «The Communist», от 5/II/21) рассматривает решение с'езда об'единиться, как нечто само собой разумеющееся: «Лидсская конференция—говорит «The Workers' Dreadnought» в передовой статье—совершила то, чего мы хотели и чего ожидали. Она об'единила коммунистические элементы, собрав в одну группу все революционные силы, которые до сего времени были разрознены... А «The Communist», (от 5/II/21) издаваемый Исполкомом Коммунистической партией Великобритании, пишет: «Конференция, поставившая себе целью об'единить партии, увенчалась полным успехом. Все занятия конференции—с первого момента до последнего, протекали именно под знаком об'единения, и все делегаты были проникнуты этим же настроением... Необходимость и условия об'единения были известны всем еще до начала конференции. Фактически на с'езде произошло не об'единение во имя принципа единения, но об'единение уже об'единенных по всем основным вопросам программы и тактики».

КОНФЕРЕНЦИЯ НЕМЕЦКИХ ЛЕВЫХ В РЕЙХЕНБЕРГЕ.

9—10 ЯНВАРЯ 1921 Г.

В виду тактики центрального бюро Немецкой Социал-демократической Рабочей партии Чехо-Словакии во время последней всеобщей забастовки, рейхенбергские товарищи признали необходимым созвать на 9—10 января в Рейхенберге конференцию левых. В ней приняли участие 86 товарищей: 73 делегата, 6 гостей, 4 представителя молодежи и 3 представителя чешских левых.

Первый день.

9 января. **Крейбих** (Kreibich) открыл собрание и сообщил присутствовавшим о мотивах, побудивших Рейхенбергское окружное бюро созвать конференцию. Произведенною баллотировкою выбранными в президиум оказались: товарищи **Цорн** (Zorn), **Фрейвальдау** (Freiwaldau), **Брандлеь** (Brandel), **Винтерберг** (Winterberg) и **Вюнш** (Wünsch). По первому пункту:

О политическом положении

Тов. Крейбих представил подробный доклад, краткое содержание которого мы здесь приводим.

«Настоящая конференция созвана не для ведения продолжительных теоретических или принципиальных дискуссий. В основном мы уже в прошлом году достигли полного единодушия. Сегодняшнее собрание должно привести к единомыслию в отношении тактики для ближайшего времени. Принятие на конференции 9 мая известных Рейхенбергских тезисов вызвало в партии оживленное обсуждение: в особенности, пункт, касающийся вступления в III Интернационал. В конце концов, признали необходимым для решения этого вопроса созвать партийный с'езд. Тем временем состоялся II Конгрес III Интернационала, который должен был заняться не только разработкой и ясною формулировкой основных принципов и тактики III Интернационала, но и вопросом о строгом отмежевании III Интернационала от II Интернационала и от других различных политических группировок и партий. Образование III Интернационала, успешная борьба, которую русская революция вела против целого мира врагов, и экономические явления распада капитализма после мировой войны,—все это вызвало сильное брожение в среде рабочих всего мира». Затем тов. Крейбих описал упадок II Интернационала

рост оппозиционных партий в различных странах и историю возникновения III Интернационала.

«Когда, перед созывом партийного с'езда—сказал он—мы собрали окружную конференцию, 21 условие приема в III Интернационал только-что стали известными, и, соображаясь с ними, мы выработали свою программу действий. Тогда мы задавались целью придать нашей партии такой характер, при котором она могла бы быть принята в III Интернационал. Хотя цель социалистического движения с самого начала и до настоящего времени одна и та же, а именно: уничтожение капиталистического строя и осуществление социализма, однако, с момента его возникновения, нами пройден целый ряд стадий развития, и выяснилось, что классовая борьба для достижения этой цели должна также пройти еще ряд фазисов. Поэтому партия, имеющая своей задачей руководить пролетариатом в его борьбе, не может сохранять один и тот же характер. Целью рабочего движения в последние десятилетия было не завоевание политической власти, а лишь подготовка к нему. Вследствие этого конечная борьба и конечная цель откладывались на отдаленное будущее, ибо само собою понятно, что если в течение 40 лет занимались лишь теоретической подготовкой, то конечная цель должна была все более отходить на задний план. Мировая война и ее последствия снова привели к положению вещей, существовавшему в тот исторический момент, когда Маркс и Энгельс основали Союз Коммунистов и выпустили свой «Коммунистический Манифест». Мы снова оказались в положении, когда приходится сказать, что настал момент последнего боя пролетариата, и что к этой цели должно быть направлено все пролетарское движение. Мы выступаем в партии в качестве левого крыла и требуем, чтобы она присоединилась к III Интернационалу и целиком приняла его условия. Поступая так, мы глубоко убеждены, что нам необходимо теперь же организовать последнюю борьбу пролетариата и что, соответственно этому, безусловно необходимо теперь же преобразовать партию в целях осуществления ею своих исконных задач. В своем настоящем виде партия наша не может подойти к решению этих задач: ее программа и вся ее структура не соответствуют требованиям последнего революционного боя пролетариата; ею руководят люди, которые полагают, что никакой мировой революции нет, и что нет поэтому надобности мобилизовать пролетариат для последней решительной борьбы. Поэтому для нас совершенно невозможно оставаться в одной партии с правыми социалистами, и, следовательно, раскол, в той или иной форме, неизбежен. Есть два способа осуществления раскола. Мы можем попытаться сделать нашу партию коммунистической, удовлетворяющею всем требованиям III Интернационала. Если нам это удастся, то этим будет сделан лишь первый шаг по нашему пути. Мы должны будем передать руководство партией и ответственные места в ней исключительно людям, стоящим всецело на указанной платформе, и должны будем сместить всех, кто не согласен с направлением новой партии. Имея во главе колеблющихся вождей, вести борьбу, само собою разумеется, совершенно невозможно».

«К этой-то цели мы и стремились, сделав в Карлсбаде попытку склонить партию на свою сторону. Но это нам не удалось. Нас хотели выгнать из партии, и правое большинство приняло постановление о несовместимости агитации за III Интернационал с принадлежностью к партии. В самый последний момент удалось предотвратить разрыв посредством компромисса, оставившего этот вопрос открытым.

«В настоящее время образование коммунистической партии безусловно является уже вопросом дня для чешского рабочего движения, и образование немцами коммунистической партии, несомненно, послужит стимулом и для чешских рабочих. Коммунистическая партия возникнет и в чешском рабочем движении—если окажется необходимым—даже против воли чешских левых».

В дальнейшем, тов. Крейбих сообщает, что после Карлсбадского партийного с'езда рейхенбергские товарищи нашли необходимым войти в сношения с представителями III Интернационала, и последние согласились на ведение переговоров с рейхенбержцами. В заключение, докладчик сказал: «Мы должны категорически потребовать назначения в самом ближайшем будущем чрезвычайного партийного с'езда; мы не можем допустить, чтобы дело откладывалось в долгий ящик. Забастовка доказала нам, что в руководстве движением безусловно необходимо единство. Это чрезвычайно важно, и мы должны были извлечь из этой забастовки урок, что каждое наше выступление может в любой момент превратиться в последний бой за конечную цель. Мы находимся теперь в таком положении, что всякая предпринимаемая нами борьба может привести нас к необходимости сделать крайние, революционные выводы. Но прежде, чем вступать в бой, мы должны организовать решительный, энергичный революционный штаб, а таковым может быть лишь сплоченная коммунистическая партия. Без этого предварительного условия мы не можем более отваживаться ни на какую борьбу».

Тов. **Нейрат** (Neurat) представил доклад по второму пункту порядка дня:

о пути к Коммунистическому Интернационалу.

«Наша ближайшая задача—сказал он—должна заключаться в пред'явлении Центральному Комитету партии требования о назначении чрезвычайного партийного с'езда, в порядок дня которого должен быть поставлен вопрос о безусловном вступлении в III Интернационал. Не может быть никакого соглашения, не отвечающего этому требованию. Налицо только две возможности: или мы средствами, предоставленными нам уставом партии, заставим Центральный Комитет назначить партийный с'езд, или же Центральный Комитет поставит на своем и не назначит с'езда. Мы уже пред'явили ему такие обвинения, каких не стерпел бы никакой другой центральный комитет. Мы повторим все эти обвинения, и кроме того, потребуем от окружных организаций созыва конференции для обсуждения вопроса о назначении чрезвычайного партийного с'езда. По уставу, достаточно, если 25 организаций, имеющих право посылать делегатов, потребуют созыва чрезвычайного партийного с'езда. У нас достаточно шансов, что такое число организаций выскажется за нас. Требование о созыве с'езда мы будем мотивировать тем, что во время последней стачки Центральный Комитет самым возмутительным образом изменил своему долгу по отношению к пролетариату. И мы потребуем от него, чтобы он об'яснил свои действия.

Большинство присутствовавших, в особенности, иногородние, приняли участие в прениях, из которых выяснилось полное их единодушие (за исключением одного-двух товарищей) в обсуждавшихся вопросах. Почти все ораторы были того мнения, что сознательные рабочие более не желают способствовать политике половинчатости и нерешительности и видят выход из существующего невозможного положения вещей лишь в образовании единой интернациональной коммунистической партии в Чехо-Словакии.

Первым оратором выступил тов. д-р. **Бруннер** (Brunner). Между прочим, он сказал: «Вопрос, пред которым мы стоим, заключается в следующем: хотим ли мы основать новую партию, и если да, то для какой цели? Хотим ли мы основать партию или нет—это вопрос уже предрешенный: если бы вы даже и захотели, вы уже не могли бы повернуть назад. По моему мнению, нам и теперь еще не следовало бы создавать новой партии, а необходимо стремиться к завоеванию уже существующей партии для коммунизма. Я имею в виду постепенное неуклонное движение к цели. Хочу вам сказать еще следующее: если вы расколете партию, я, все же, пойду за вами; я всегда был вместе с революционною частью пролетариата, и, что бы ни случилось, останусь с ней, а не с правым крылом. Но в интересах ли рабочих создание раскола, — это другой вопрос. Думаю, что—нет».

Речь эта, носившая явно меньшевистский характер, не встретила ни малейшего сочувствия. После ряда ораторов, говоривших об условиях движения в различных провинциях, с ответом тов. Бруннеру выступил тов. **Крейц** (Kreutz) (из Рейниберга). Он сказал: «Тов. Бруннер поставил вопрос: желаем ли мы раскола, или нет? Уже в Карлсбаде мы сошлись на том, что при известных условиях раскол желателен; об этом известно т. Бруннеру. А сегодня он с невинным видом

спрашивает нас, серьезно ли мы думаем о расколе? Я позволю себе, в свою очередь, спросить его, нужны ли ему еще десять поражений рабочих, в роде последнего, чтобы понять, что нам необходима коммунистическая партия? Только она может дать нам уверенность, что мы проведем предстоящую борьбу с должной энергией. Лишь теперь понял я, почему III Интернационал поставил такие суровые условия. Действительно, необходимо произвести среди вождей решительный и тщательный отбор. Надо, прежде всего, раз'яснить рабочим существующие между нами и правыми коренные разногласия. Тогда, несомненно, рабочие признают, что точка зрения бонз профессиональных союзов и вождей партии несовместима с нашей пролетарской политикой. То, что утверждал тов. Бруннер, говорят и в других странах представители вполне определенного направления. Если у нас будет своя партия, то нам не придется устранять тех, которые не приняли участие в создании ее, ибо такие товар щи сами не имеют обыкновения приходить к нам. Задача завоевания старой партии, которая была выдвинута, как аргумент, в настоящий момент является недостижимым идеалом. При известном положении вещей эти два понятия—революционная партия и массовая партия—совершенно исключают друг друга. Вам известно, что мы не имеем за собой большинства, раз мы основываем теперь новую коммунистическую партию. Коммунистическая партия должна быть и будет образована, все равно, решитесь вы на это сегодня или нет».

Тов. **Трёч** (Trötsch), из Сеттенца: «Обсуждая столь важный вопрос, как создание новой партии, мы должны отдавать себе ясный отчет, можем ли мы оставаться в существующей партии, или нет. Кто принимал участие в последних событиях, тот согласится с тем, что мы не можем оставаться в партии. Мы видим, что она рассматривает революционные элементы, как меньшинство, готовое отколоться. Все те, кто действуют в духе коммунизма, будут исключены. Я сам принял участие в образовании интернационального исполнительного комитета, и постановлением правых на следующий же день был исключен. Таковы для нас перспективы завоевания партии! Ближайшая наша задача в том, чтобы еще до раскола приобрести возможно большее влияние в местных организациях».

Тов. **Ульбрих** (Ulbrich), из Шлага: «Товарищи моего округа готовы к действиям, они войдут в коммунистическую партию. Нам настоятельно необходимо восстановить связь с армией и, каким бы то ни было способом, осуществить вооружение рабочих, чтобы быть наготове. Организация красной армии представляется мне безусловно необходимой. Большую подготовительную работу могут в этом отношении выполнить наши гимнастические общества. Должна быть организована служба связи; необходимо заранее создать органы для руководства забастовками, которые сразу могли бы приступить к выполнению своих обязанностей в момент возникновения массового движения. Профессиональные союзы, остающиеся в стороне от политики, это— то же, что меч без лезвия. Их необходимо, как можно скорее, революционизировать и склонить на нашу сторону».

Тов. **Бейер** (Beuer), из Моргенштерна: «Экономическое развитие работает теперь на нас, но лишь постольку, поскольку мы делаем из него правильные выводы. Не подлежит сомнению, что капитализм всех видов близок к распаду не только в экономическом отношении. Он находится в стадии разложения. Сокращение производства порождает явления, которые революционизируют рабочих. Это приведет, в конце концов, к тому, что в один прекрасный день произойдет радикальный переворот. В связи с этим пред нами стоит вопрос: необходима ли рабочим революционная организация, чтобы они оказались на высоте своей задачи в этой борьбе, т. е. нужна ли коммунистическая партия? Так как в настоящее время имеются только две возможности— или полный разгром, который похоронит под собой и рабочий класс, или революция и победа пролетариата,— то при таком положении представляется совершенно ненужным спорить еще о третьей возможности. Это свидетельствовало бы о полном непонимании экономических явлений. Положение вещей призывает к образованию коммунистической партии, и положение наше лишь постольку будет благоприятно, поскольку мы используем его в этом именно смысле. Когда мы в Карлсбаде добились у правых отказа от коалиции, то этим мы вовсе не проводили еще коммунистической тактики, а лишь помогли правым реабилитировать себя в глазах рабочих. Наша задача и правильная коммунистическая тактика заключаются в том, чтобы заставлять правых делать из своих теоретических предпосылок соответствующие практические выводы и этим разоблачать себя перед рабочими. Если многие рабочие в настоящее время совсем не желают раскола партии, то это следует об'яснить тем, что правые приучили их к бездействию. Мы должны побороть эту пассивность. Если мы раз'ясним рабочим, почему мы желаем создания коммунистической партии, то от партии отпадут оппортунистические элементы, и, таким образом, естественно осуществится раскол. Завоевание партии представляется мне невозможным, ибо еще до этого нас исключат. Всякая отсрочка в образовании коммунистической партии лишь увеличивает неясность в умах рабочих. Нашим ближайшим требованием является созыв чрезвычайного партийного с'езда. Если предложение это будет отклонено на общей конференции, мы тотчас же самочинно организуем с'езд. Этого требует от нас предстоящая борьба».

Тов. **Гампе** (Gampe), из Лейпы в Богемии: «Если мы раньше говорили о завоевании партии, то это происходило при совершенно иной обстановке. Всеобщая забастовка и последние события показали, что с правыми невозможно дальше совместно работать. Решаясь на раскол, мы не должны смущаться тем, что от нас отпадут центристы. Сейчас ощущается крайняя необходимость в основании коммунистической партии. Насколько окажется возможным, мы будем еще завоевывать себе в партии сторонников, но основание новой партии нельзя ставить в зависимость от получения большинства в существующей партии. Очень многие из нас верили прежде в возможность такого завоевания. Оппозиция, боровшаяся против этого взгляда, была в Карлсбаде разбита тов. Крейбихом, стоявшим тогда на стороне Шмераля. И Ленин придерживается того взгляда, что важно не количество, а качество членов организации. Если мы и теперь не позаботимся об основании коммунистической партии, то может наступить полный хаос; организация распадется на ряд маленьких коммунистических групп. Поэтому-то я и говорю, что мы немедленно должны создать коммунистическую партию, и рабочие богемской Лейпы пойдут за нею».

Следующие ораторы также все высказались за образование новой партии.

Второй день.

Тов. **Рёзель** (Rösel), из Кенигингофа, указывает, что за последние 30 лет социал-демократия изменила своей первоначальной программе, и партия приняла неопределенный характер. Он проводит параллель в этом отношении между развитием социал-демократии и христианства.

Тов. д-р **Ган**: Я вообще не хотел выступать, но при настоящих условиях нельзя молчать, так как из моего молчания товарищи могли бы вывести заключение, что я согласен с ними. Я с самого начала протестовал против того, что рейхенбергские товарищи, а в особенности «Форвертс», выступили с лозунгом основания коммунистической партии и повели пропаганду в этом направлении. Для меня не является аргументом заявление тов. Бруннера о том, что рабочие желают сохранить единство партии, но точно также для меня не аргумент и заявление тов. Гампе, что рабочие желают раскола. Наконец, для меня не аргумент и утверждение тов. Бирера, что мы не можем больше сидеть вместе с правыми. Приятно или неприятно тов. Бireру сидеть вместе с правыми товарищами—это дело вкуса, но, по моему, это еще не может служить поводом к созданию новой партии. Точно также не может служить для этого основанием и то обстоятельство, что в некоторых местах товарищи перестают платить партийные взносы: это об'ясняется агитацией «Форвертса». Единственное, что, по моему, достойно внимания, это—результаты забастовки. Но и здесь я должен сказать, что они не доказывают необходимости образования новой партии. Для меня забастовка не более как эпизод. Во время всеобщей забастовки, как и после нее, правые натворили так много подлостей и гнусно-

стей, что, действительно, тяжело сидеть с ними вместе. Это делает для меня понятным настроение настоящей конференции, но, товарищи, это нисколько не служит поводом к образованию партии. Самый существенный для меня вопрос: какую политику будет проводить новая партия? Но я могу сказать, что ни одна из речей, которые я здесь слышал, не отвечает на этот вопрос, за исключением речи тов. Шиффа. Я полагаю, что наша задача в том, чтобы применить принципы III Интернационала к условиям государства, в котором мы живем. Это, по моему мнению, и есть то, что подлежит обсуждению, в этом—путь от коммунистической теории к коммунистической практике. Важнее всего выяснить, что́ должна предпринять коммунистическая партия. Необходимо выяснить, насколько товарищи чехи готовы или не готовы к выступлению. Необходимо обсудить, какие действия мы можем предпринять самостоятельно в том случае, если товарищи-чехи окажутся еще недостаточно готовы. Как будет действовать коммунистическая партия, если наступит продовольственный кризис? Это весьма важный вопрос. Когда я предлагаю все эти вопросы себе и спрашиваю, какой ответ дали на это все предыдущие ораторы, то нахожу лишь ответ тов. Крейбиха, сказавшего: «мы живем в революционное время, когда в любой момент может разразиться последний решительный бой». Тут я перехожу к пункту, который даст вам возможность осудить меня, как не-коммуниста. Я полагаю, что мы должны сами знать, следует ли довести дело до последнего решительного боя. Для решения этого вопроса необходимо обсудить тысячу разных условий, в том числе—экономическое и политическое положение в Чехо-Словакии, так же, как и мировое политическое положение. Один только тов. Шифф высказал свое мнение по этому вопросу. Я не решаюсь утверждать, что мы обязаны *во всяком случае* выступить, по крайней мере—до тех пор, пока я не знаю точно и определенно, какого мнения держится Исполком III Интернационала в вопросе о Чехо-Словакии. Когда я буду знать, что III Интернационал ставит нам эту задачу, то скажу: необходимо ее исполнить, и тогда, конечно, начну думать о том, что́ необходимо для этого предпринять. В данную же минуту я не знаю этого в точности. Хотя здесь и присутствует представитель III Интернационала, тем не менее, я не уяснил себе этого вопроса. Далее, я хотел бы сказать, что охотно готов пойти за вами, если вы хотите отделиться от партии. Но, если вы думаете, что я в точности знаю, куда это нас заведет, то я скажу: этого я не знаю. И полагаю, что гораздо разумнее заранее заявить об этом, чем впоследствии. Следовало бы сперва подвергнуть тщательному, всестороннему обсуждению вопрос о необходимости раскола и лишь затем приняться за составление первой статьи устава коммунистической партии: не беда, если бы для этого пришлось ждать два, три месяца. Товарищи, по моему мнению, наша тактика доказывает, что мы находимся во власти наших же слов. Мы заранее говорим о своих будущих действиях, и так как рабочий класс ждет от нас перехода от слов к делу, то, разумеется, нам не остается сделать ничего другого. Иначе рабочие разочаруются в нас».

Тов. Д-р **Бруннер** (Аусссиг): «Я и не думал утверждать, что я стою за необходимость завоевания партии. Я только критиковал те выводы, которые рейхенбергские товарищи делали, стоя на этой точке зрения. Но теперь, после прений, я пришел к убеждению, что мне не стоит вновь высказывать свои сомнения, еще не рассеянные предыдущими дебатами. Я полагаю, что правильность всего того, на чем я настаиваю сейчас, выяснится нам в дальнейшем на практике. Я вполне понимаю, что тов. Ган, который обещал не только последовать за нами, но и действовать вместе с нами, исходит из нескольких иных соображений, нежели все другие. В дальнейшем все разрешится на практике лучше и яснее, чем при помощи моих методов. С образом действия тов. Нейрата я согласен. Поэтому я не стану более возражать. Доверие товарищей ко мне и доверие мое к товарищам будет также восстановлено на основании практики. Я убежден, что все социалисты об'единятся в этой новой коммунистической партии».

Тов. Д-р **Штерн** (Галле): «Мне было очень приятно принять участие в ваших дебатах, потому что для меня выяснилось, какое настроение здесь преобладает. Но мне было также весьма интересно увидеть и убедиться на практике, что во всех странах, действительно, вполне отчетливо проявляются одни и те же течения. Я прибыл из Германии, проезжал через Немецкую Австрию, говорил там с политическими деятелями различных направлений, следил за прессою и за дебатами. И что же? Всюду те же противоречия, те же течения, что и здесь. Это не частное дело чехо-словацкого движения, это—вопрос всемирно-политической важности. Вам, правда, пришлось выдержать великую, тяжелую борьбу. Но нам в Германии пришлось уже вести целый ряд тяжких боев, и нет в Германии такой улицы, на которой не пролилась бы рабочая кровь. В этом отношении мы превзошли вас. Нам пришлось бороться против политических деятелей, которые утверждали, что они стоят за диктатуру, что они будто бы всецело принимают политическую программу Москвы; нам приходится вести борьбу с политическими деятелями, которым рабочие еще доверяют. Но во время Капповского выступления правые социалисты слишком уж выдали себя, и рабочие извлекли из этого хороший урок. Они поняли, что всеобщая забастовка должна кончиться провалом, если она не поддерживается вооруженной силой рабочих. Коммунистическая партия безусловно необходима не только для того, чтобы одержать победу, но и как абсолютная гарантия того, что не всякое выступление окончится поражением. Нам постоянно говорили: вы подчиняетесь приказам Ленина и Троцкого. По мнению тов. Гана, утверждение, что в нашем поражении виноваты правые,—является демагогией, так как, на самом деле, решающую роль сыграли чехи. Тут речь идет, главным образом, о чешском пролетариате. Но это называется—рассуждать с национальной точки зрения, а не с интернациональной. Если теперь начнется борьба, то вы можете быть уверены, что и враждебная сторона будет применять не очень-то «чистые» средства. Когда дело принимает серьезный оборот, наши враги считают себя в праве пользоваться в борьбе против нас какими угодно средствами».

Тов. **Нейрат** (Рейхенберг) еще раз указывает на необходимость организационной подготовки для того, чтобы иметь возможность приступить в ближайшем времени к образованию коммунистической партии. В особенности он касается способов борьбы, которую придется вести против правых как в самой партии, так и в профессиональных союзах. Свою речь он кончает призывом приложить все старания для создания коммунистической партии.

Тов. **Крейбих** (Рейхенберг) в своем заключительном слове касается вкратце соображений тов. Гана, которые он опровергает, и рассуждений тов. д-ра Бруннера, которые об'ясняет непониманием наших задач в нашем теперешнем положении, требующем самой энергичной борьбы. Он тоже приходит к заключению, что немецкий пролетариат в настоящее время вообще не имеет такой партии, которая была бы способна вести рабочих. Это неопределенное положение, влияющее также и на широкие массы, может быть устранено лишь основанием коммунистической партии, которая в качестве передового отряда всего движения сорганизует революционные кадры пролетариата.

На конференции ясно обнаружилось, что, за исключением товарищей Бруннера и Гана, все принимавшие в ней участие представители рабочих стоят за скорейшее образование коммунистической партии.

Резолюция.

А. 1. Конференция стоящих на платформе III Интернационала товарищей-членов Немецкой Социал-Демократической Рабочей Партии Чехо-Словацкой Республики самым решительным образом осуждает измену Центрального Комитета партии и вождей профессиональных союзов во время гигантской борьбы революционного чешского пролетариата и выражает свое искреннее удовлетворение по поводу того, что, несмотря на измену, товарищи из областей Рейхенберга и Конотау не поколебались призвать немецких рабочих к проявлению международной пролетарской солидарности.

Обнаружившаяся в этот чрезвычайно серьезный момент полная несостоятельность правого социалистического большинства Центрального Комитета породила невыносимое положение в нашей партии. Во

время гигантской борьбы чехо-словацкого пролетариата Центральный Комитет не только призывал немецких рабочих этого государства к измене,—он осмелился даже обвинять тех, кто не последовал его требованиям и кто проявил естественную солидарность с борющимся чешским пролетариатом, в нарушении дисциплины, и, очевидно, хочет уклониться от расследования этого дела авторитетными представителями партии. Вместо того, чтобы созвать партийный с'езд, он созвал лишь национальный комитет партии, не способный правильно отражать настроение ее членов; он надеется явиться пред этим органом, состав которого всецело соответствует его желаниям, в роли обвинителя, а не обвиняемого, и, давая ложное выражение воле всей партии, создать настроение в пользу своей точки зрения. Центральный комитет хочет, чтобы национальный комитет, а не партийный с'езд, решал даже такой жизненно важный вопрос, как вопрос о принадлежности к тому или иному Интернационалу и предлагает комитету вынести постановление об участии в Венском конгрессе II Интернационала.

В противовес этому, мы настаиваем на немедленном созыве чрезвычайного партийного с'езда, который должен выяснить, желает ли партия в целом, под условием безоговорочного принятия 21 условия, присоединиться к III Интернационалу, порвав с оппортунизмом, сделаться революционной партией и сознательно содействовать образованию интернациональной коммунистической партии Чехо-Словакии, а также исключить из партии всех тех, кто призывал к измене, и этим самым дать возможность дальнейшего пребывания в партии революционному немецкому пролетариату Чехо-Словакии.

2. Последние события ясно показали, что партия в ее теперешнем виде и под руководством нынешних вождей не созрела для великих задач, перед которыми стоит пролетариат в период мировой революции, и что скорейшее создание коммунистической интернациональной партии Чехо-Словакии, которая образовала бы секцию III Интернационала, является такой жизненной необходимостью для пролетариата, что всякое дальнейшее промедление и всякий компромисс, тормозящие образование новой партии, были бы изменою.

Мы предлагаем, поэтому, всем рабочим вместе с нами начать борьбу за созыв партийного с'езда. Следует заставить Центральный Комитет партии показать свое настоящее лицо и выяснить свою позицию Коммунистическая партия должна быть создана либо нашей партией, либо помимо нее.

Б. Конференция клеймит образ действий правых социалистов в Конотау, которые, под руководством Теплицкого окружного комитета, вели себя подобно гиенам на поле брани и постарались немедленно же использовать гонения на рабочих и аресты наших товарищей, а также создавшееся благодаря этим репрессиям в комиссии о печати, большинство из их сторонников, чтобы лишить рабочих округа Конотау их органа. Конференция поручает Исполнительному Комитету сделать все, что в его силах, чтобы вернуть рабочим округа Конотау их газету, выражающую революционную волю, столь блестяще ими проявленную на деле.

В. Конференция шлет свой братский привет всем товарищам, подвергшимся вследствие недавней борьбы карам и преследованиям, всем товарищам, которые, став жертвой жестокости предпринимателей и бешеного террора власть имущих в буржуазном классовом государстве, оказались выброшенными на улицу и изнывают в тюрьмах «демократической» Республики. Она предлагает товарищам стойко поддерживать всех подвергшихся гонениям и наказаниям и заставить профессиональные союзы и партию исполнить свой долг в отношении к ним. Конференция свято обещает всем заключенным в тюрьмах товарищам, что их страдания и испытываемые ими репрессии усилят решимость всех революционно мыслящих пролетариев, чтобы в еще большей мере, чем когда-либо, раньше, исполнять свой долг на пути к достижению конечной цели.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.

ДОКЛАД Т. ЗИНОВЬЕВА НА X С'ЕЗДЕ Р. К. П.

Товарищи. Ц. К. того состава, который только что сдал полномочия С'езду, должен был в текущем году уделить не мало внимания международному рабочему движению. Ни для кого из нас не тайна, что наша секция Коммунистического Интернационала — Российская Коммунистическая партия—является руководящей в Коминтерне. Постольку наши представители должны были принять руководящее участие в разрешении всех наиболее крупных политических и организационных вопросов, стоявших на очереди международного рабочего движения. За истекший год произошел, как вы знаете, II Конгресс Коммунистического Интернационала, который, несомненно, стал историческим,—в этом не может быть ни малейшего сомнения. В истории международного рабочего движения он оставил неизгладимый след. Я не стану подробно отчитываться перед нашим с'ездом об этом конгрессе, так как уверен, что громаднейшее большинство из вас достаточно знакомо с его работами. Остановлюсь только на том, что имело место после этого конгресса.

Международная политическая обстановка, в которой созывался II Конгресс, во многом сильно отличалась от нынешней. Второй конгресс заседал тогда, когда наши армии приближались к Варшаве. В зале висела большая карта, где каждый день фиксировалось передвижение наших войск. И делегаты каждое утро с захватывающим интересом стояли перед ней. Это было до известной степени символом: лучшие представители международного пролетариата с захватывающим интересом, можно сказать, с замиранием сердца следили за каждым продвижением наших армий, и все превосходно сознавали, что осуществление поставленной армии военной цели означало-бы громадное ускорение международной пролетарской революции. Все понимали, что от каждого шага вперед нашей Красной армии зависели тогда в буквальном смысле слова судьбы международной пролетарской революции.

Вы знаете, товарищи, что военное счастие нам не улыбнулось. Отступление привело к известной задержке намечавшегося темпа международной пролетарской революции. Разумеется, тут сыграл роль и целый ряд факторов, не зависящих от Советской России, от ее армий, но, несомненно, что громадное влияние оказали наши неудачи на этом участке боевого фронта, который подлинно был важнейшим участком фронта международной пролетарской революции.

Темп международного пролетарского движения, несомненно, замедлился. Но весь II Конгресс строил свою тактику на два фронта, на две возможности, на две перспективы. Для марксистов, достаточно дальновидных руководителей международного пролетариата, это вполне естественно. Когда наши военные успехи были уже значительными, громадное большинство Конгресса вполне ясно сознавало, что мы должны, так сказать, подковать Коминтерн на обе ноги, что мы должны строить свою тактику достаточно гибкой, достаточно приспособленной на обе возможности,—на более быстрый и на более медленный темп. В связи с этим я полагаю, что основные тактические решения, принятые II Конгрессом, незыблемы и нисколько не поколеблены более замедленным темпом движения международной революции—замедленным более, чем этого мржно было и хотелось бы ожидать в дни, когда наша армия брала сильнейшие польские крепости, как карточные домики. Во всяком случае, решения Конгресса составили эпоху в жизни рабочих партий всего мира. Нет ни одной партии, которая не обсуждала бы их неделями и месяцами. Нет ни одной страны, в которой эти решения не печатались бы полностью, несмотря на все запреты, на все рогатки, военную и проч. цензуру. Во всем мире нет ни одного рабочего союза, и, вероятно, сколько-нибудь большой рабочей группы, группы сознательных пролетариев, которые не изучали бы, не зачитывали бы до дыр тезисы II Конгресса. Это об'ясняется тем, что Конгресс поставил и решил и, надо сказать, правильно решил все злободневные вопросы целой эпохи, которая стояла и стоит перед международным движением. Я попытаюсь дать вам беглый обзор развития событий после Конгресса в важнейших партиях, присоединившихся к Коминтерну, и положения вещей в этих партиях в настоящий момент.

Первым крупнейшим событием после II Конгресса был с'езд в Галле. Это был, несомненно, поворотный пункт в развитии европейского рабочего движения. Вам в основных чертах, разумеется, известен ход событий в Галле, а потому не буду загромождать свой доклад подробностями. Скажу коротко: там создалось своеобразное положение. Накануне с'езда, мы имели в Германии коммунистическую партию, которая насчитывала, примерно, 50 тыс. членов. После с'езда в Галле к ней идейно присоединились 450 тыс.,—положение очень оригинальное: полмиллиона присоединилось к 50-ти тысячам. Понятно, мы не могли ожидать, что такое об'единение произойдет сразу и вполне безболезненно. Следовало ожидать, что не обойдется без известных шатаний и рецедивов к старой тактике партии Независимых, от которой мы откололи около половины—полмиллиона. Мы имели в Галле столкновения наших взглядов и взглядов оппортунизма на евро-

пейской арене, в самой его законченной, утонченной форме, которую представляло правое крыло Независимых. Оно не похоже на грубый, топорный, узкий меньшевизм, а является в известной степени подчищенным «научным» обоснованием оппортунизма. В сущности, мы имели диспут перед всей Европой, перед рабочими всего мира. Это была решительная идейная схватка наших взглядов с взглядами последних могикан старого заплеванного оппортунизма Каутского и Гильфердинга. Нет сомнения, что победителями из этого поединка вышли мы. Это было признано не только нашими друзьями, но и нашими врагами, которые косвенно своим воем, жалобами, бешеной руготней засвидетельствовали, что потерпели в Галле идейное поражение.

Теперь перед нами стоит вопрос, как дальше будет развиваться партия с полмиллионом членов, созданная в значительной мере усилиями Исполкома Коминтерна. Дело, как и следовало ожидать, не пошло достаточно гладко. Сейчас в Германии небольшой кризис. Я получил здесь ряд записок, в которых товарищи просят об'яснить, чем вызван выход из Центрального Комитета Об'единенной Коммунистической партии Германии пяти членов, в том числе таких людей, как Клара Цеткин. Из дальнейшего доклада вы увидите, что у нас очень остро стал вопрос итальянский. Но он не является вопросом только Италии. Наш конфликт с известной частью итальянских социалистов является конфликтом по существу международным. Забегая вперед, скажу, что в Италии происходит борьба коммунистов против центристов в лице Серрати и его группы. Центристские элементы там суб'ективно считают себя коммунистами, но на деле они еще одной ногой стоят в лагере «центра». В момент, когда итальянский вопрос стал острым, в германской партии, которая сама только что вышла из той же самой болезни, началось известное колебание по той же самой линии. Это колебание отразилось в Центральном Комитете Об'единенной Коммунистической партии. Само собою понятно, когда в партии начинается известное брожение, или когда партия доживает старый кризис, когда, по крайней мере, намечаются новые группировки, в начале бывают случайные присоединения, которые быстро отпадают потом. Мы знаем, по собственному опыту, что бывали отдельные группы работников, которые в начале кризиса по причинам более или менее эпизодическим оказывались в таком лагере, в котором им не следовало быть. И потом, когда все выяснялось, эти товарищи занимали позиции там, где им надлежит быть по их мировоззрению, темпераменту и прошлой работе. Примерно, то же самое случилось и с т. Кларой Цеткин. Она не так давно была в России. Мы констатировали полную солидарность с ней почти по всем вопросам. Мы дали ей мандат представлять Исполком на в высшей степени важном с'езде, в Туре (во Франции). Она выполнила это блестяще. Когда же в рядах Центрального Комитета наметилась известная правая группировка Об'единенной Коммунистической партии Германии, она—я уверен, по случайным причинам и не на долго—на первых порах оказалась не в том лагере, где, несомненно, будет завтра, после-завтра. Ее место, несомненно, в лагере левого крыла германской коммунистической партии, которое полностью стоит на платформе Исполкома Коминтерна. Как ни печально, что она вышла из состава Центрального Комитета, мы уверены, что это лишь маленький эпизод в ее жизни, что это чисто преходящее явление. Другой член, вышедший из рядов Центрального Комитета об'единенной партии, всем своим прошлым, наоборот, был подготовлен именно к тому, чтобы в такой момент отклониться в правую сторону. Я говорю о тов. Пауле Леви, который стал выдвигаться в последние годы, после того, как буржуазия отсекла голову Германской Коммунистической партии. На истории Германии мы убеждаемся, как дальновидна иногда бывает разбойничья политика буржуазии. Понятно, мы все, как марксисты, знаем, что роль отдельной личности в истории не так решающа, когда дело идет о движении многих миллионов, но на примере Германской Коммунистической партии мы все же видим, какое решающее значение имело убийство буржуазией вождей Германской Коммунистической партии. Тов. Леви пришлось стать у руля партии тогда, когда она была разбита, когда она потерпела поражение в первом январьском восстании. Он сделал свою политическую карьеру на борьбе против «левых» элементов, которые, действительно, много путали и путают сейчас, но среди которых есть и много преданных делу революции рабочих. Он все время был склонен направлять германскую коммунистическую партию вправо. С тов. Леви у нас был спор на II Конгрессе. Зная, как мало осталось подготовленных вождей в рядах германской коммунистической партии, мы все, и особенно т. Радек, который лучше знал германские условия, чем каждый из нас, старались поддерживать т. Леви, оказывать ему помощь в его борьбе против противников, но чем дальше, тем больше мы убеждались, что т. Леви склоняется к оппортунизму. И теперь среди нас нет ни малейших сомнений, ни малейших разногласий в абсолютной необходимости идейной борьбы против этого товарища. И те из нас, как т. Радек, которые, по вполне понятным причинам, в виду своей большой близости к германскому рабочему движению, больше всего старались оттянуть момент нашего разрыва с Леви, теперь, исходя из интересов рабочего движения Германии, думают иначе. Теперь на этот счет у нас полная солидарность: дальше тянуть нельзя, и т. Радек первый открыл идейную борьбу против Леви и его группы в самой Германии.

Развитие событий пошло следующим образом. Не так давно состоялось заседание расширенного Ц. К. Об'единенной Коммуни-

стической партии Германии,—то, что у нас совпадает с партийной конференцией, — и там был поставлен вопрос об итальянских событиях, вопрос об отношении к левым элементам Германии во всем Коммунистическом Интернационале. Тут-то и произошло известное вам разделение. Через 2—3 дня мы ожидаем приезда двух новых представителей об'единенного Ц. К. Германии, которые выехали 12-го числа. С удовлетворением могу констатировать, что конференция германской коммунистической партии быстро обновила свой Ц. К., поставила во главе его левые элементы и не поколебалась в эти трудные минуты. Есть все основания полагать, что те колебания, которые мы наблюдаем сейчас в Германии, так и останутся колебаниями только на верхах. Нет никакого сомнения, что когда вопрос будет поставлен на обсуждение широких масс, они в подавляющем большинстве выскажутся за непримиримую политику Исполкома Коминтерна.

В Германии не малую роль сыграл вопрос об отношении к Германской Коммунистической Рабочей партии. Это, сравнительно, маленькая партия, которая откололась от основного ядра союза Спартака после январьского поражения, и потом частью вернулась в ряды Коммунистической партии, но одно ядро, довольно сплоченное, осталось особой партией. Это немногочисленная партия. Ее программа чрезвычайно запутана. Она отдает очень обильную дань синдикалистским и анархистским веяниям. Но среди ее членов, несомненно, тем не менее, по общему признанию всех товарищей, есть несколько тысяч рабочих, глубоко преданных идее пролетарской революции, оттолкнутых от старой партии именно ее опортунистским крылом. При таком положении вещей Исполком Коминтерна считал необходимым сделать все, что возможно, дабы не потерять это маленькое, но, все-таки, рабочее, революционное ядро, хотя и настроенное в части синдикалистски. Наше отношение на международной арене к революционным анархистским элементам должно быть такое, как в России перед октябрьской революцией. На международной арене оно должно быть таким, каким было у нас в 1917 г., когда мы не раз и не два шли против буржуазии, против Керенского, против меньшевиков вместе с определенным крылом анархистов и синдикалистов. Тогда дело шло о борьбе против буржуазии. Тут было многое, что нас об'единяло. Всякий из вас, участвовавший в революции, вспомнит не мало случаев, когда мы заключали известные боевые соглашения с синдикалистскими и анархистскими элементами. Часть из них потом перешла целиком в наши ряды, часть работает у нас и сейчас на многих ответственных постах в Советской Республике, будучи ассимилированы пролетарской революцией. Разумеется, *после* завоевания власти пролетариатом, когда начался новый и самый трудный период борьбы, часть анархистов не смогла понять сущности происходящего. Против этой части, которая иногда вредила революции и дезорганизовывала ряды, стала необходима борьба. Но на международной арене, где мы переживаем канун пролетарской революции, там мы должны, исходя из опыта русской революции, советовать нашим товарищам относиться более терпимо, в особенности *к рабочим* группам и к рабочим организациям, которые еще не вполне поняли значение нашей тактики, еще путаются после громадного кризиса социализма, пережитого международным движением в связи с войной. Такова была наша тактика на II Конгрессе Коминтерна и, прилагая ее к германским условиям, мы допустили с совещательным голосом в качестве симпатизирующей нам партии Германскую Коммунистическую Рабочую партию. Это несколько обострило положение в Ц. К. Об'единенной Коммунистической партии Германии. Тов. Леви и его группа, которые выдвинулись в борьбе именно с этими элементами, увидели в этом грехопадение Коммунистического Интернационала, известную поддержку нами этих элементов против группы Леви. Это и привело к создавшемуся положению. На ближайшем Конгрессе мы думаем поставить этот вопрос ребром. Разумеется, долго тянуть такое положение, когда от одной страны представлены две партии, невозможно. Но мы сделаем все возможное, чтобы из Коммунистической Рабочей партии Германии перевести в ряды Об'единенной Коммунистической партии наиболее здоровые элементы. Я думаю, что наша тактика была и остается верной. Те колебания, которые обнаружились на верхах, ни в коей мере не заставят нас изменить свое отнотение к этим элементам.

Перехожу к Франции. Там мы одержали, несомненно, крупнейший успех, сразу исключив и правых и «центр». До Конгресса в Туре Французская партия имела в своих рядах не только сторонников центра, не только Лонге, но и открытых Шейдеманов—Реноделя, Альберта Тома и К°. И нам пришлось «форсированным» маршем проделать во Франции то, что было проделано в других партиях раньше и в два приема. Во Франции сразу удалось изгнать и правое крыло, и «центр». Эта операция блестяще удалась и после этого мы сразу получили очищенную партию. В рядах нашей партии во Франции осталось 160.000 членов. Их ежедневный орган имеет тираж около 300.000 экз. Партия имеет сейчас крупнейший успех и в рядах профсоюзов. Это не значит, что мы имеем уже во Франции 160.000 определенных коммунистов. Вполне возможно, что и там еще последуют известные колебания, что и там будут еще известные кризисы. Но в основном мы завоевали то, что нам необходимо, и очистили партию от враждебных Коммунистическому Интернационалу элементов. Нигде во всем мире социалистическое знамя не было так унижено и опошлено, как во Франции во время войны. И только тем, что теперь из партии изгнаны около 40.000 опортунистов и «центристов», удалось создать иную обстановку. Теперь рабочие видят, что

у них есть честная рабочая газета, что бывают на свете честные революционные парламентарии. Благодаря этому, поднято уважение к рабочей партии и к социалистическому знамени, которое в этой стране было так унижено.

Перехожу к Италии, которая стоит теперь в центре внимания всего Коммунистического Интернационала. Здесь вопрос весьма сложен. Внешним образом на итальянском с'езде мы как-будто потерпели поражение. Это вызвало известное смятение в рядах некоторых германских коммунистов, потому что есть и в Коминтерне люди, которые всегда хотят быть в большинстве, которые боятся остаться в меньшинстве, которые не умеют итти против течения, когда это нужно. В Италии события развернулись следующим образом: прошлым летом к нам приехала итальянская делегация, которая потом участвовала также на Конгрессе. Большинство были профессионалистами и, как потом оказалось, злейшими оппортунистами. Мы долгое время были отрезаны от Европы, не знали тамошних политических отношений и приняли их сначала, как братьев. Но среди них оказалась часть открытых предателей, которые приехали прямо для того, чтобы помочь потом «своей» буржуазии против нас. Нашлись среди них такие, которые печатали настоящие пасквили против Советской России. Нашлись и такие, которые сразу, как только очутились за границей, стали писать белогвардейские доносы на Советскую Россию и Коминтерн. Только после тщательного ознакомления с ними здесь и их возвращения в Италию началось настоящая дифференциация в итальянской партии. Самым сложным было положение с тов. Серрати. С ним мы встречались еще в Циммервальде. Еще там он был нашим противником, когда защищал Мартова. На втором конгрессе, в Кинтале он приблизился к нам. Во время войны он вел себя честно, честно вел и свой центральный орган «Аванти», превратив его тогда в одну из лучших социалистических газет во всей Европе. Но, товарищи, с европейскими социалистами нередко бывает так, что поскобли хорошенько такого европейского «коммуниста»—и перед тобой встанет фигура в роде нашего «левого» меньшевика. Так случилось и с тов. Серрати. Италия находится накануне революции. Как часто бывает с оппортунистами, чем ближе революция, тем больше душа уходит у них в пятки. Когда они чувствуют, что старое равновесие нарушается, они теряют голову и уже не они управляют событиями, а события управляют ими. Вместо того, чтобы направлять развивающееся движение, Серрати запутался и сбил с толку других. Он желает, во что бы то ни стало, оставить в партии оппортунистов, потому что после революции, говорит он, будет большое хозяйство, а в большом хозяйстве каждая веревочка пригодится. Кто же будет миланским городским головой, если такого-то, имя-рек, посадевшего под оппортунистическим знаменем, изгнать из партии? У нас и без того мало людей.—Вот как обывательски ставит вопрос Серрати, прикрываясь фразами об единстве. В рядах итальянской партии остаются подлинные меньшевики во главе с Турати. Турати и сейчас издает свой журнал, где перепечатывает подлую речь Мартова в Галле, как передовицу. Турати смеется над коммунизмом, смеется над пролетарской революцией в Италии,—он реформист чистейшей воды. И вот с такими-то людьми Серрати не хочет расходиться. Во время самого Конгресса итальянская делегация была чрезвычайно пестрая. Почти ни по одному вопросу она не смогла занять однородную позицию. Тем не менее, впоследствии из делегации выкристаллизовалось определенное ядро, которое теперь преобразовалось в настоящую коммунистическую партию. В Италии было определенное крыло против парламентаризма, отдававшее дань синдикалистским настроениям. Руководителем его был тов. Бордига. С величайшим удовлетворением мы должны сказать, что этот товарищ и его группа подчинились международной дисциплине и стали теперь надежнейшей ячейкой новой коммунистической партии. В Италии ореол Коммунистического Интернационала высок и популярность его колоссальна. Там и оппортунисты на словах стоят за Коммунистический Интернационал. В 1905 и 1916 г.г. и у нас было так, что иногда левый кадет выглядел радикальнее иного европейского социал-демократа. Примерно то же самое мы наблюдаем сейчас в Италии. Там все выглядит более левым, чем в действительности. И в связи с этим там оппортунисты произносят революционные фразы, а сторонники центра кажутся более левыми и называют себя коммунистами. На самом с'езде в Ливорно цифры получились следующие: 97.000 «унитаристов» сторонников единства, которые называют себя также коммунистами, это—сторонники Серрати; 11.000 сторонников оппортунизма,—сторонники Турати, и около 60.000 наших сторонников, которые принимают полностью все наши условия. Позиция большинства была чрезвычайно шаткой. Они всюду заявляли и на своем конгрессе говорили, что они также принимают наши условия, но что они «только» требуют «автономии» и применения условий в Италии как и когда они найдут нужным. На нашем опыте мы знаем, что означают все эти рассуждения и желание получить разрешение применить 21 условие так, как кто хочет. Это означает, что они *вовсе не хотят применять* эти условия, а хотят оставить все по старому. Перед нашими сторонниками стоял вопрос, раскалываться с унитаристами или нет. Нашим представителем был там болгарский тов. Кабакчиев, который был солидарен с нами во всем. Он поддержал там делегатов 60.000 коммунистов, которые порвали с Серрати. После этого 97.000 об'единившихся с оппортунистами единогласно приняли резолюцию об

аппеляции III Конгрессу Коминтерна с заявлением, что они также подчинятся постановлениям этого конгресса.

Во всяком случае сейчас положение таково, что ради прекрасных глаз 11.000 оппортунистов, любитель единства Серрати разошелся с 60.000 коммунистов. Это поставило его в самое нелепое положение. Он приезжал недавно в Берлин, чтобы через немецких товарищей вести переговоры с нами и, когда они его спрашивали об его положении, он употребил следующий оборот: «мы в роде тех, которые стоят devant l'église — (перед церковью); мы постоим некоторое время, пока врата раскроются пред нами». Сколько времени придется стоять им в этой позе, мы не знаем. Во всяком случае думается, что нам надо добиться, чтобы врата раскрыли не раньше, как из партии Серрати будет изгнана вся та нечисть, которая называется оппортунистами.

Это обстоятельство создало некоторый особый момент в развитии Коммунистического Интернационала. Итальянская партия была одной из лучших. Положение в этой стране наиболее революционное. И, все-таки, мы и там видим пережитки оппортунизма, и там не хотят изгнать из партии тех, которые являются прямыми агентами капитала. Мы напоминали на II Конгрессе тов. Серрати слова Либкнехта: «Враг стоит в собственном отечестве». «А у вас, говорили мы, враг находится в собственном доме. Туратти и его сторонники—наши враги, они сорвали великолепное революционное движение осенью истекшего года, когда итальянские рабочие революционным путем стали брать фабрики и заводы и организовывать красные отряды. Это движение было сорвано сторонниками итальянских меньшевиков, во главе которых стоят Туратти и Дарагона». Внешним образом, говорю я, мы в Италии имели как бы неуспех, мы собрали там меньшинство, но это к добру. Нам не надо шатких элементов. Еще накануне II Конгресса мы говорили, что слишком много прут в двери Коммунистического Интернационала, и что надо поставить хорошую охрану, чтобы не пропускали ненадежных элементов. То же мы говорим и теперь. Вы видите, что получается целая цепь: Леви требует единства с Серрати, Серрати—единства с Туратти, а Туратти—единства с буржуазией. Само собой понятно, что мы, проделавшие всю борьбу в нашей собственной стране, не для того вели ее в национальном масштабе, чтобы сдать позиции в интернациональном. Тут нельзя сделать ни малейших отступлений. Итальянский узел является центральным узлом, и вокруг него развивается борьба также и в Германии.

Далее, наиболее важная партия—чехо-словацкая. К чехо-словацкой левой примыкает около полумиллиона рабочих. Там с'езд партии состоится 20-го числа этого месяца. Мы не знаем точно, как сложатся там события. Конечно, громадное большинство рабочих за нас. Мы имели там первый случай перехода старого социал-демократа, вождя старой социал-демократической марки на нашу сторону. Он приезжал к нам сюда, каялся в своих грехах, взял согласие от нас на работу по организации коммунистической партии, но в последнее время опять переживает рецидив некоторых колебаний, и коммунистическая партия должна быть, повидимому, построена помимо него. В Чехо-Словакии мы имеем пестрый национальный конгломерат; там живут рабочие различных национальностей, буржуазия натравливала их друг на друга десятками лет, поэтому рождение коммунистической партии происходит там с большим трудом. Эти муки родов мы наблюдаем в теперешние дни. Но мы посылали туда достаточно авторитетное представительство и надеемся, что нашим товарищам удастся выступить легально, и в ближайшие дни мы должны будем услышать окончательное решение чехословацких коммунистов.

В Австрии состоялся откол от старой социал-демократической партии независимых левых, которые перешли в ряды коммунистов. Это укрепило нашу партию, но все же она немногочисленна. В Австрии рабочий класс физически погибает. Нам говорили австрийские товарищи, приезжавшие оттуда: «когда смотришь на рабочих демонстрантов в Вене, когда видишь их лица, когда знаешь, как они голодны, изможденны, иногда апатичны, то понимаешь, что в этой стране, которая попала под особенно жестокий перекрестный огонь всей международной буржуазии, рабочие буквально погибают; там так сильно замучили рабочий класс, заставили его так голодать и холодать, что физически он как бы потерял свое будущее; он настолько обезкровлен, в буквальном смысле этого слова, что, пожалуй, ему, не выбраться на дорогу иначе, как при поддержке международной революции. Там чудовищна была измена социал-демократии, хитра и коварна буржуазия, и безжалостно исковеркало пролетариев колесо истории, сильно прошелся по ним жернов войны и голода».

Перехожу к Балканам. Товарищи, у нас на Балканах достаточно сильные партии в таких странах, как Болгария и Юго-Славия. Наши товарищи там близки к завоеванию большинства в стране, и даже на основе легальной буржуазной конституции, как показал целый ряд выборов. Наша партия является единственным революционным фактором в Болгарии. Мы наблюдаем там массовый переход бывших меньшевиков и некоторых средних элементов в ряды нашей партии. Это свидетельствует об ее громадной силе в Болгарии. Мы наблюдали и у нас, когда началось банкротство меньшевизма, довольно массовый переход к нам целых групп и организаций, переход всего лучшего, что было у меньшевиков. Примерно то же самое происходит теперь и в Болгарии. Надо сказать прямо и определенно, что это таит в себе и определенную опасность для нашей партии. И вожди Болгарской Коммунистической партии, среди которых есть испытаннейшие

марксисты, которые годами и десятками лет показали, что они действительно марксисты, видят эту опасность и вполне четко, надеюсь, будут прислушиваться к процессу, происходящему внутри партии, и тщательно следить, чтобы элементы, входящие в нашу партию, не заразили болгарскую партию, не внесли бы в нее с собой элемента оппортунизма.

Последнее событие—раскол румынской партии. Румынская делегация приезжала сюда. Среди них были прежние министры и, все-таки, они считали возможным приехать сюда с просьбой принять их в Коммунистический Интернационал. Иногда в Исполнительном Комитете Коминтерна мы имели весьма забавные сцены, как это было, например, с представителями Испании и Румынии. Мы ясно видели, что этих людей, рабочие их стран взяли за шиворот и послали к нам: поезжай и добейся, чтобы нас приняли в Коммунистический Интернационал. Иной из них сам реформист, но, приезжая к нам, выполняет свой мандат. Так было, например, с испанцами. Приехал профессор, убежденный оппортунист, и другой делегат рабочий, наш сторонник. Оппортунист говорил: «я не верю в пролетарскую революцию, я читал массу книг, читаю лекции студентам, доказывая, что коммунизм неосуществим, но испанские рабочие говорят: входи в Коммунистический Интернационал». Забавная картина была и с одним румынским делегатом. Один из них, господин Флюераш, бывший министр, приезжает, чтобы обсуждать с нами 21 условие. И надо было вам видеть, как вытянулась его физиономия, когда мы были так невежливы, что официально приняли резолюцию: предлагаем оному гражданину Флюерашу выйти из помещения Исполкома, потому что с такими господами ничего общего не имеем. Конечно, он вынес определенное мнение о нашей международной вежливости. Но в 21-ом пункте нет ни одного, по которым мы были обязаны быть вежливыми с господами оппортунистами. Большинство румынских товарищей теперь перешло на сторону коммунистов и образует коммунистическую партию, несмотря на нелегальные условия, в которых им приходится работать. Все балканские партии проходят через ту же полосу белого террора. Буржуазия вступила с ними почти что в рукопашный бой, потому что видит, что большинство переходит на нашу сторону. В общем Балканский полуостров очень быстро созревает к революции, и мы видим там надежную опору Коммунистического Интернационала.

В скандинавских странах, в Норвегии, мы имеем очень сильную партию. Там было своеобразное положение. Партия ранее принимала в партию целые профессиональные союзы на основании коллективной записи, и мы должны были добиться, чтобы перерегистрация была проведена полная и чтобы отвели те элементы, которые были ненадежны. В Швеции мы имеем партию, вышедшую из старой группы левых социалистов. Теперь эта партия будет очищена от национально - реформистских элементов.

Особенно большие успехи сделали наши товарищи в Финляндии. В той самой стране, где так недавно свирепствовал белый террор, старая социал-демократия разбита на-голову, тысяча за тысячами рабочих переходят на сторону коммунистов. Белая социал-демократия провалилась даже в профессиональном движении. В Гельсингфорсе и во всей стране большинство на нашей стороне. В этой стране, где буржуазия прибегала к самой дикой расправе с рабочими, теперь она вынуждена терпеть коммунистическую печать и не видеть, как рабочие открыто заявляют себя коммунистами. Вот что значит опыт даже побежденной пролетарской революции. Нигде рабочие не поплатились так жестоко, как в Финляндии, и нигде не оправились они так быстро от этого удара. Как говорил мне т. Куусинен, вернувшийся недавно из Финляндии, «теперь агитировать против социал-демократии—потерянное время». Вопрос стоит реально: как организоваться, а не в том, чтобы рабочий не понимал, что ему нужно идти против белой социал - демократии. Это уже пройденная ступень. Даже побежденная пролетарская революция есть величайший фактор освобождения рабочего класса.

Я скажу еще два слова об англо-саксонских странах. Там мы еще сравнительно слабы. В Англии мы имеем об'единение коммунистических групп, достигнутое с большим трудом. Во время II Конгресса мы имели совещание представителей 8 или даже 9 отдельных групп коммунистов. Теперь их удалось об'единить. Они составляют немного больше 10.000 членов, пока не представляющих большой силы. Но надо сказать, что и другие политические партии в Англии также численно очень слабы. Там мы имеем своеобразный комплект полу-профессионального, полу-парламентского об'единения, которое до сих пор водит за нос английский рабочий класс, и там потребуется громадный процесс внутри профессионального движения, процесс, который уже начался и который идет вперед, чтобы создать массовую коммунистическую партию. В Америке такое же положение, только там коммунистическая партия должна вести свою работу нелегально. Мы имели там несколько течений, близких к об'единению. Коммунизм популярен в Америке больше, чем в Англии. Там арестовываются тысячи наших сторонников, буржуазия обрушивается на них самым неслыханным образом, ломает собственные свои законы. Но массовой коммунистической партии в Америке мы еще не имеем.

В общем, мы переживаем сейчас поворотный пункт в развитии Коммунистического Интернационала. Это наш С'езд должен знать твердо. Взятое в целом—кризис в Италии и в Германии, неясность в Чехо-Словакии—показывают, что Коммунистический Интернационал проходит известный период некоторого колебания, шатания на верхах. Это есть

поворотный пункт. И тут для нашей партии, которая является, смею сказать, основательницей Коммунистического Интернационала, и для ее X С'езда важно решить, чтобы наши представители на этом поворотном пункте крепко держали руль и не уступали тем элементам, которые хотят накренить политику Коммунистического Интернационала направо. Было время, когда поколебавшиеся сторонники центра думали, что легко назваться коммунистами, вступить в Коммунистический Интернационал, а на деле продолжать старую политику. Они убедились теперь, что это не так легко. Теперь началось об'единение 2½ Интернационала. Вы знаете, что в Вене состоялось совещание, где было несколько десятков человек и где об'единяются все обломки уцелевших групп и партий. Это совершенная смесь из различных групп, обглодков, остатков отдельных организаций оппортунистских партий, которые уцелели еще в Европе. Достаточно будет сказать, что самым крупным идейным руководителем на С'езде 2½ Интернационала в Вене являлся наш Мартов. И надо сказать, что при идейном убожестве своих коллег, Мартов для них является действительно какой-то недосягаемой звездой. Там собрались и партии, стоящие в лагере II Интернационала, и партии одной ногой вышедшие из него, одним словом, собрались группы, отброшенные ходом истории. Недавно мне пришлось читать статью в газете швейцарского социал-демократа Гримма, который считает себя левым и тоже поехал в Вену. Когда он паковал свои чемоданы, он написал: «Едем в Вену; это недурно. Но, всеже, какое создается странное положение. Кто поедет в Вену из Франции? Из Франции поедет мой друг Лонге. Но у него есть еще друг Ренодель, который тоже остался в рядах старой «социалистической» партии. Для чего мы едем? Мы едем для того, чтобы сговориться и вступить в переговоры с Коминтерном по вопросу о смягчении 21 условия». Выходит, что едет Лонге, а у него справа друг Ренодель. Как же Ренодель будет вести переговоры о 21 условии? Ведь он — сторонник буржуазии. Тем не менее в этом настроении он поехал в Вену. Венский «II Интернационал», разумеется, не имеет будущего. Без веры, без твердого сознания, чего они хотят, без программы организуют они свой 2½ Интернационал и думают, что, если они об'единятся, то мы смягчимся и будем терпимее к ним. Крах этой затеи неизбежен. Но все это, вместе взятое, создает обстановку известного поворотного момента в жизни Коммунистического Интернационала, и задача нашей партии в Коммунистическом Интернационале будет заключаться в том, чтобы на этом повороте не допустить накренения вправо.

Еще два слова о Межпрофсофе и борьбе в лагере профсоюзов. Я уже сказал, что борьба в международном профессиональном движении кипит во всю. Это решающая борьба, потому что в союзах миллионные рабочие массы. В Германии мы отвоевали целый ряд союзов не только у социал-демократии, но у социал-демократии, об'единяющейся с правыми независимыми против нас. Во Франции мы тоже имели целый ряд таких побед. Это же явление началось и в Италии, и оно пройдет по всему миру. В связи с этим мы готовим на первое июня, не позже, международную конференцию профсоюзов. Ее порядок дня будет следующий: 1) Отчеты, 2) Роль профсоюзов в переходный к социализму период, 3) Профсоюзы, заводские Комитеты и Советы Рабочих Депутатов. 4) Профсоюзы и контроль над производством (социализация в постановке реформистов, 5) Профсоюзы и Коминтерн, 6) Организационные вопросы: а) Международный стачечный фонд, б) Федерализм и централизм в профдвижении, в) Международные федерации отдельных профсоюзов, 7) Выборы. В Ц. К. и Исполкоме Коминтерна решено ускорить III Конгресс Коминтерна. И мы просим товарищей поддержать это решение. Это необходимо по целому ряду причин. Во-первых, по итальянскому вопросу, который имеет международное значение; итальянцы аппелируют сейчас к III Конгрессу и заранее заявляют, что подчинятся его решению. Ускоряя III Конгресс, мы вернее добьемся сплочения рядов в Италии, в стране, ближе других к нам по революционности. Во-вторых, мы думаем, что, если ничто не помешает, мы закончим тогда организационную работу Коминтерна. Порядок III Конгресса намечается следующий:

1. Доклад Исполкома Коминтерна.
2. Всемирный экономический кризис и новые задачи Коминтерна.
3. Тактика Коминтерна во время революции.
4. Переходный период (частичные требования, частичные выступления и окончательная революционная борьба).
5. Борьба с Амстердамским желтым об'единением профсоюзов.
6. Международный Совет Красных Профсоюзов и Коминтерн.
7. Организационное строительство Коммунистических партий, методы и содержание их работы.
8. Организационное строительство Коммунистического Интернационала и его отношение к входящим в его состав партиям.
9. Восточный вопрос.
10. Социалистическая партия Италии и Коминтерн (обжалование решения Исполкома К. И. Социалистической партией Италии).
11. К. А. Р. В. и Коммунистический Интернационал (обжалование решения Исполкома Коминтерна Об'единенной Коммунистической партией Германии).
12. Женское движение.
13. Движение среди молодежи.
14. Выборы Исполкома Коминтерна и местопребывание его.
15. Разное.

До сих пор, товарищи, Коминтерн пережил три стадии. Первый период был, если можно так выразиться, утробным, подготовительным: до 1 Конгресса, когда мы бросали семя Коммунистического Интернационала на международную почву. Второй период был периодом агитационным, когда Коминтерн был обществом пропагандистов, когда он выкинул свое знамя, за которым стали подниматься рабочие во всех странах. Третий период — организационный. В нем мы переходим как бы к будням. Партии только сейчас видят, что они должны быть не только солидарны в общем с Коминтерном, а не только прокричать «ура» и поддержать его лозунги,— они начинают понимать, что, раз они входят к нам, они должны подчиняться решению Исполкома, что «автономия», когда можно пошаливать и помогать буржуазии, дана не будет. Мы хотим, чтобы у нас была единая международная партия, и именно из-за этого сейчас и происходит борьба. Противники кричат, что «Москва» все хочет забрать в свой кулак, что партиям необходима-де самостоятельность. Мы говорим, что признаем за партиями самостоятельность в целом ряде вопросов, но ставим основную цель — единая мировая партия, которая имеет свои отделения (секции) в разных странах. Вот этот-то организационный период мы сейчас и переживаем в грандиозном масштабе. Сейчас нет, товарищи, города в Европе, где не было бы нашей ячейки, нашей группы. Я думал сначала прочитать вам список присоединившихся к нам партий, различных организаций, профсоюзов и отдельных групп, но должен был отказаться от этого, потому что этот список, даже при мелком шрифте, наполнил бы больше 16 страниц нашего журнала.

У нас есть теперь сторонники во всех частях света. Наша задача не только привести их к простому признанию идей коммунизма,—это несравненно более сложная, более трудная задача — организационная, в широком смысле этого слова. Дело идет об организации партий, которые не имеют того нелегального опыта, который прошли десятки наших товарищей, не имеют опыта тюрьмы, ссылки в течение длительного периода нелегальной работы. Там товарищей приходится учить буквально самым элементарным началам конспирации и т. п. Сумеем ли мы завоевать не только идейно, но и организационно, сплотить все те могучие силы, которые нужны для дальнейшей работы — вот очередной вопрос. И когда закончится этот третий период, тогда начнется четвертый, непосредственно боевой. Конечно, эти периоды не отрезаны друг от друга, как бы ножом, это один общий процесс. Сейчас, в то время, как в одних странах заканчивается третий период, другие вступают уже в четвертый, а в иных еще только идет второй. Но несомненно, что в общем Коминтерн заканчивает третий период, связанный с массою будничных вопросов, с крупными организационными проблемами в международном масштабе, которые не так легко поддаются решению. Сейчас мы спорили здесь об организационных вопросах в нашей партии, в которой большинство из нас работает десятки лет, работает в одной стране, в одинаковых условиях. Но организационные проблемы в Коминтерне гораздо сложнее, они и решаются в гораздо более пестрой, сложной и трудной обстановке международного масштаба.

Ускорение III Конгресса диктуется само собою еще и тем, что в особой резолюции мы поддержали итальянцев-коммунистов и левое крыло германских коммунистов. Голос нашего Конгресса властно прозвучит для многих стран. И нам важно, чтобы в Италии мы проводили столь же непримиримую коммунистическую линию, как и тогда, когда образовывали маленькую группу Циммервальдской левой. Мы говорим: не гнаться за количеством, не терять голову от того, что в Италии мы на время меньшинство, а добиться монолитного Коммунистического Интернационала, вылитого из одного куска, не боятся того, что некоторые из партий постоят еще у дверей Интернационала год и два, потому что, если мы слишком широко откроем двери, то можем пустить в собственный дом и врага.

Товарищи, если бы вы прочитали список присоединившихся к III Интернационалу; если бы вы видели энтузиазм рабочих, который мне пришлось наблюдать в течение нескольких дней моего пребывания в Германии, когда при слове Коминтерн происходит такое же действие, как при поднесении спички к пороховому складу — взрыв, волна энтузиазма и одушевление у самых лучших сознательных рабочих Германии; примерно, то же самое во Франции, то же самое мы видим и на пробуждающемся Востоке; если бы вы могли наметить на карте те отдельные группы, ячейки, то массовое движение среди женщин и юношества; если бы могли поставить красные точки на карте земного шара всюду, где есть наши друзья,—тогда мы все увидели бы, что хотя Советская Россия и живет сейчас в «капиталистическом окружении», но в то же время происходит и второй параллельный процесс другого окружения—мы заходим в самый глубокий тыл мировой буржуазии через профессиональные организации и проводим там самое настоящее окружение, перед которым уже начинает трепетать буржуазия. И если мы останемся твердыми, если не станем ломать тактику от того, что мировая революция замедлила темп, если мы будем продолжать это окружение капиталистов, то увидим, как Коминтерн все больше и больше будет побеждать в целом ряде стран.

Тов. Ленин был глубоко прав, когда сказал, что Коминтерн стал уже важнейшим фактором международной политики. Если Маркс говорил это о I Интернационале, то мы имеем значительно больше оснований сказать это о III Коммунистическом Интернационале. Он стал самой великой державой во всей вселенной... (Аплодисменты).

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ X С'ЕЗДА Р.К.П. ПО ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФСОЮЗОВ

(ВНЕСЕННЫЙ НА РАССМОТРЕНИЕ Ц. К. Р. К. П. ГРУППОЙ ЧЛЕНОВ Ц. К. И ЧЛЕНОВ ПРОФ. КОМИССИИ ПРИ Ц. К.).

I.

Роль профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата.

1. Общие задачи и роль профессиональных союзов в эпоху диктатуры пролетариата вполне правильно определены целым рядом решений предыдущих с'ездов и конференций — как партийных, так и профессиональных. Уже первый всероссийский с'езд профессиональных союзов, состоявшийся в начале января 1918 года, т. е. непосредственно после перехода власти в руки Советов, указал в своей резолюции следующее:

«Центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны. Самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и деревней, деятельное участие в демобилизации промышленности, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности и т. п. — таковы задачи дня.

«В развитом виде профессиональные союзы в процессе происходящей социалистической революции должны стать органами социалистической власти, работающими, как таковые, в соподчинении с другими организациями по проведению в жизнь новых начал организации хозяйственной жизни».

Уже программа нашей партии (1919 г.) указала на то, что «организационный аппарат общественной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы»...

«Будучи уже, согласно законов Советской Республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профсоюзы — так заявляет дальше программа нашей партии — должны перейти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым. Обеспечивая таким образом неразрывную связь между центральным государственным управлением народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства».

Уже IX С'езд Р. К. П. (1920 г.) постановил:

«Задачи профессиональных союзов лежат, главным образом, в области *организационно-хозяйственной и воспитательной*. Эти задачи профессиональные союзы должны выполнять не в качестве самодовлеющей организационно-изолированной силы, а в качестве одного из основных аппаратов советского государства, руководимого коммунистической партией». IX С'езд партии продолжает: «Так как Советская власть является наиболее широкой организацией, концентрирующей всю социальную мощь пролетариата, ясно, что профессиональные союзы, по мере развития коммунистического сознания и творческой роли масс, должны постепенно превращаться в вспомогательные органы пролетарского государства, а не наоборот».

В таком же духе определили общие задачи профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата второй и третий Всероссийские С'езды Профессиональных Союзов и V Всероссийская Конференция профсоюзов.

Эти определения сохраняют свою полную силу и не нуждаются в каких либо изменениях. Перед X С'ездом стоит не задача найти какие-либо новые теоретические формулировки роли профсоюзов в эпоху диктатуры, а лишь определить пути к проведению в жизнь принятых постановлений.

Не кризис, а рост.

2. Тяжелые условия жесточайшей трехлетней гражданской войны все время мешали профессиональным союзам успешно выполнять указанные выше задачи. Профессиональные союзы, как и все другие рабочие организации, должны были отдавать почти все свои силы фронту *).

Тем не менее, профессиональные союзы играли серьезную роль в деле хозяйственного строительства.

Непосредственно после Октябрьской революции профсоюзы оказались почти единственными органами, которые, на ряду с проведением рабочего контроля, могли и должны были взять на себя работу по организации производства и управления предприятиями. Государственный аппарат управления народным хозяйством в первый период существования Советской власти не был еще налажен, а саботаж владельцев предприятий и высшего технического персонала остро ставил перед рабочим классом задачи сохранения промышленности и восстановления нормального функционирования всего хозяйственного аппарата страны.

В последующий период работы В. С. Н. Х., когда значительная часть этой работы свелась к организации государственного управления предприятиями, профсоюзы вели эту работу *на ряду* и *совместно* с государственными органами экономического управления. Слабость государственных органов не только об'ясняла, но и оправдывала подобный параллелизм.

В этот период работа профсоюзов в области организации производства свелась главным образом к участию в формировании коллегий, главков, центров и заводоуправлений и дала возможность приступить к орабочению этих органов **).

Но откомандирование профсоюзами рабочих в хозяйственные органы до сих пор носило слишком эпизодический характер и, что особенно важно, приводило зачастую к отрыву делегированных в хозяйственные органы рабочих от делегировавших их союзов. Это, в свою очередь, приводило к тому, что как союзы, так и их делегаты в хозяйственных органах не оказывали достаточного влияния на ход работ последних.

Для того, чтобы орабочение хозяйственных органов действительно приводило к желательным результатам, необходимо, чтобы связь работников, делегированных профсоюзами, с их организациями не порывалась ни на минуту и чтобы профсоюзы, как таковые, приняли гораздо более близкое участие в организации производства и в управлении им.

Окончание первой полосы гражданской войны и перенесение центра внимания на хозяйственный фронт, позволяют ныне на деле и в гораздо более широких

*) За один 1919 год на приемные пункты по одной профессиональной мобилизации (производившейся сверх всяких других мобилизаций) явилось 79.368 членов профсоюзов. За одну первую половину 1919 года профессиональные союзы отдали в продовольственные отряды 31.000 членов профсоюзов. При повторных мобилизациях дело доходило до того, что многие из правлений профсоюзов в течение ряда месяцев оставались без председателей и секретарей.

**) Согласно данным В. С. Н. Х., к 1-му января 1921 г. в президиумах В. С. Н. Х. и губсовнархозов, в коллегиях отделов, главков и центров, в коллегиях и среди единоличных заведующих фабрик и заводов числилось рабочих 61,6% (служащих и пр. 7,7%, спецов—30,7%).

размерах, чем до сих пор, установить более тесную связь между хозяйственными органами Советской Республики и профессиональными союзами. Вся современная обстановка повелительно требует, чтобы профессиональные союзы приняли более непосредственное участие в организации производства не только путем персонального делегирования своих членов в хозяйственные органы, но и как профессиональный союз в целом. Только *вместе* с организованными рабочими массами в лице их профсоюзов и только на почве широкой самодеятельности этих последних возможны серьезные успехи на хозяйственном фронте.

Начало нового периода застает профессиональные союзы организационно крайне ослабленными в сравнении с теми громадными задачами, которые выдвинуты на очередь хозяйственным фронтом. Особенности данного переходного времени, как и всякого переходного периода вообще, создают значительные трудности для профессиональных союзов. Но, тем не менее, то, что переживают профессиональные союзы теперь, является не кризисом и не распадом, а симптомом роста. В этом отношении судьба профессионального движения в России ничем не отличается от судеб партии и Советов. Дело идет о том, чтобы создать для профсоюзов все необходимые предпосылки для действительного выполнения поставленных перед ними в новую эпоху задач.

Профсоюзы, как опора пролетарской диктатуры.

3. Российской Коммунистической Партии приходится осуществлять диктатуру пролетариата в стране с громадным большинством крестьянского населения. Ныне, когда крестьянству непосредственно уже не угрожает восстановление помещичьей власти, дело осуществления пролетарской диктатуры встретится с новыми трудностями. Успешное осуществление этой диктатуры возможно только при наличии мощных, проникнутых единством воли и стремлений профсоюзов, как массовых организаций, открытых для всех пролетариев, находящихся на разных ступенях развития их классового сознания.

Профсоюзы, как школа коммунизма.

4. Важнейшей ролью профессиональных союзов и в Советской России остается их роль, как *школы коммунизма*.

Только профессиональный союз, систематически заботящийся о всех сторонах жизни и быта рабочего как на фабрике, так и вне ее, может явиться первоначальной школой организационных навыков и политического воспитания для самых широких и даже отсталых масс трудящихся.

Главной массой членов профессиональных союзов (6,970.000 членов, из которых членов партии только около полумиллиона) являются беспартийные. Коммунизм строится из того человеческого материала, который оставлен нам в наследство капитализмом. Профессиональные союзы в Советской России постепенно становятся организацией, обнимающей *поголовно* всех рабочих. Профессиональные союзы организуют те элементы тружеников, которые при капитализме в массе своей часто были чужды пролетарской семье (бывшие торговые служащие, больничный персонал, работники искусства и т. п.). Перерабатывание всех этих элементов, сближение их с передовыми слоями пролетариата, приспособление их к делу строительства коммунистического общества являются одной из важнейших задач профессиональных союзов, как школы коммунизма.

Для успешного выполнения этих своих задач профсоюзы прежде всего должны стать организациями, в которых каждый отдельный член является сознательным и активным участником общей жизни своего союза. Профессиональные союзы, как школа коммунизма, должны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся масс, постепенно вовлекая самые широкие слои трудящихся в дело государственного строительства, всегда освещая их путь идеями нашей программы, ведя их от частного к общему, постепенно поднимая их от беспартийности к коммунизму.

Для профсоюзов Советской России понятие «школа коммунизма» охватывает равным образом момент хозяйственного воспитания. Свою роль школы коммунизма в данный период профсоюзы на деле выполняют постольку, поскольку они явятся руководителями пролетарских масс в деле коммунистической практики, т.-е. практической реорганизации и построения хозяйства на коммунистических началах. Лишь тот союз в Советской России является подлинной школой коммунизма, который умеет постепенно втягивать самые отсталые слои трудящихся в работу сознательного улучшения советского народного хозяйства.

X С'езд Р. К. П. обращает особенное внимание всех членов партии именно на эту роль профессиональных союзов. Признание и авторитет в профессиональном движении коммунист должен завоевывать только и исключительно длительной и неустанной повседневной работой внутри профессионального союза — так, чтобы сами массы выдвинули его на руководящий пост. Задачи того полумиллиона членов нашей партии, которые в данное время являются членами профессиональных союзов, заключаются в том, чтобы долгой, терпеливой и настойчивой воспитательной работой, личным примером, организаторскими способностями, хозяйственной умелостью, заботой о материальных и духовных интересах трудящихся масс полностью завоевать на сторону нашей партии те миллионы беспартийных рабочих, которые в данное время преобладают в профессиональном движении.

Вопрос об огосударствлении профсоюзов.

5. Быстрое огосударствление профсоюзов было бы крупной политической ошибкой именно потому, что оно на данной стадии развития в сильнейшей степени помешало бы выполнению профсоюзами указанных выше задач.

Нынешнее положение профессиональных союзов в Советской России в смысле их отношения к государству своеобразно. Профессиональные союзы уже и в данный момент выполняют некоторые функции чисто государственных органов (выработка тарифов, распределение прозодежды и т. п.). В советском государстве эти государственные функции профессиональных союзов постепенно будут увеличиваться. Но с'езд, тем не менее, указывает, что какое бы то ни было искусственное ускорение темпа огосударствления профсоюзов, нисколько не улучшая хозяйственного положения Республики, привело бы только к тому, что роль профсоюзов, как школы коммунизма, была бы затруднена. Задача состоит в том, чтобы все больше и больше завоевывать *на деле* для советского государства эти массовые беспартийные организации, оставляя за ними характер организаций, в которые свободно входят рабочие различных политических взглядов и настроений, партийные, как и беспартийные, грамотные и неграмотные, религиозные и нерелигиозные и т. п.

Методы убеждения и методы принуждения в профсоюзах.

6. Главным методом профсоюзов является не метод принуждения, а метод убеждения, что нисколько не исключает того, что профсоюзы, в случае надобности, успешно практикуют и принципы пролетарского принуждения (принудительная мобилизация десятков тысяч членов профессиональных союзов на фронты, дисциплинарные суды и проч.). Перестройка профессиональных организаций сверху совершенно нецелесообразна. Методы рабочей демократии, сильно урезанные в течение трех лет жесточайшей гражданской войной, должны быть, в первую очередь, и шире всего восстановлены в профессиональном движении. В профессиональных союзах, прежде всего, необходимо осуществить широкую выборность всех органов профессионального движения и устранить методы назначенства. Профессиональная организация должна быть построена на правах демократического централизма. Но вместе с тем, в сфере профессионального движения особенно необходима самая энергичная и планомерная борьба с вырождением централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм и казенщину. Вызываемая необходимостью милитаризация труда увенчается успехом лишь в той мере, в какой партия, Советы и профсоюзы сумеют об'яснить необходимость этих мето-

дов для спасения страны самым широким массам трудящихся и организационно втянуть в эту работу хотя бы наиболее передовые слои этих трудящихся масс.

Партия и союзы.

7. Р. К. П., в лице ее центральных и местных организаций, безусловно направляет по прежнему всю идейную сторону работы профсоюзов. Коммунистические фракции профсоюзов целиком подчиняются партийным организациям, согласно особому положению, формулирующему эти взаимоотношения, утверждаемому X С'ездом Р. К. П. Но вместе с тем, X С'езд Р. К. П. настойчиво и категорически предостерегает все партийные организации и всех отдельных товарищей против какой бы то ни было мелочной опеки и вмешательства в текущую работу профсоюзов. Подбор руководящего персонала профессионального движения, разумеется, должен протекать при направляющем контроле партии. Но партийные организации должны особенно тщательно проводить нормальные методы пролетарской демократии именно в профсоюзах, где более всего отбор руководителей должен делаться самыми организованными массами.

Выдвигая на руководящие посты профессионального движения работников-организаторов, хозяйственников, проникнутых пониманием особой важности производственных задач, партия должна наблюдать за тем, чтобы эти качества в кандидатах сочетались с преданностью коммунизму, дисциплинированностью и в особенности с навыком работы в широких рабочих массах и умелостью подхода к ним. Ни на минуту нельзя забывать, что вся практическая работа профсоюзов требует особенно большой внимательности и чуткости порой к самым мелким, но насущным вопросам быта трудящихся масс.

Профсоюзы и политотделы.

8. В ходе гражданской войны партии приходилось в виде исключения санкционировать организацию политотделов, до известной степени временно заменяющих профсоюзы. Таким исключением был Главполитпуть. IX С'езд партии, принявший постановление об учреждении Главполитпути, категорически подчеркнул *временный* характер этого органа. На практике, однако, Главполитпуть и преемственно возникший из него Цектран начали вырождаться в органы, оторванные от союзной массы, противопоставляющие себя общесоюзной организации и все более заменяющие методы нормальной демократии в союзах методами бюрократическими. X С'езд Р. К. П. одобряет упразднение Главполитпути и решение Центрального Комитета партии, указавшего Цектрану на необходимость отказаться от специфических методов работы и стать на почву нормальной рабочей демократии. Признавая необходимым сохранить принцип ударности в проведении хозяйственного плана, X С'езд Р. К. П. находит необходимым постепенный, но неуклонный переход к уравнению в положении различных групп рабочих и соответствующих профсоюзов, все время усиливая *общесоюзную* организацию. ВЦСПС, как орган, об'единяющий несколько миллионов членов профессиональных союзов, усилиями всей партии должен быть превращен в мощную организацию, способную действительно выполнить те гигантские задачи, которые стоят перед всероссийским профессиональным движением. Какое бы то ни было противопоставление части профессионального движения целому недопустимо; какое бы то ни было выделение Центрального Комитета одного из союзов из общесоюзной организации также недопустимо. X С'езд Р. К. П. подтверждает заявление IX С'езда партии, гласящее: «если перед пролетариатом, как классом, стоит задача перехода к работе по-военному, т.-е. к величайшей точности, исполнительности, ответственности, быстроте работы, ее напряженности, беззаветному самопожертвованию со стороны работников, то в первую очередь это относится к органам промышленной организации вообще и, следовательно, к профсоюзам». Красную армию нельзя было построить, не уничтожив выборных комитетов старого типа. А народное хозяйство, наоборот, нельзя поднять на должную высоту, не развивши и не поднявши в то же время организации профсоюзов. Методы, примененные в Красной армии, вполне оправдали себя, дав победу над контрреволюцией, и открыли стране возможность приступить к хозяйственному строительству. Чтобы успешно справиться с хозяйственными задачами, партия должна суметь применить в этой области соответствующие ей методы, т.-е. преимущественно методы рабочей демократии.

II.

С'езд считает необходимым подчеркнуть, что организационно-хозяйственные задачи профсоюзов, сосредоточение их внимания на практических вопросах хозяйства, выяснявшихся всеми проф. с'ездами и конференциями, еще не проникли в достаточной мере в повседневную практику профсоюзов и что осуществление этих задач профсоюзами является очередной задачей дня.

С другой стороны, быстрые и решительные успехи в борьбе с хозяйственной разрухой возможны только при том условии, если профсоюзы гораздо ближе подойдут к хозяйственным задачам, чем это было до сих пор, и примут ближайшее участие в деле организации и управления промышленностью.

В этих целях с'езд считает необходимым немедленное осуществление следующих организационных мероприятий.

Экономические отделы профсоюзов.

1. Систематическое обобщение хозяйственного опыта организованных пролетарских масс и использование этого опыта в интересах единого хозяйственного плана предполагает организацию в союзах и их об'единениях экономических отделов. Принимая непосредственное участие во всех работах по выработке и осуществлению единого хозяйственного плана, экономические отделы профсоюзов являются органами вовлечения широких рабочих масс в дело управления хозяйством Советской Республики.

В круг этих задач входит:

1) Систематическое изучение и обобщение работ хозяйственных органов.

2) Инспекционно-контрольные функции.

3) Участие в разработке хозяйственного плана, разверстке хозяйственных заданий и в составлении производственных программ.

4) Изучение трудовых процессов с технической стороны.

5) Участие в формировании хозяйственных органов.

6) Наблюдение за учетом и распределением рабочей силы и специалистов, а также наблюдение за правильным использованием материалов и сырья.

7) Выработка методов и способов борьбы с нарушением трудовой дисциплины, трудодезертирством, самоснабжением за счет рабочего времени и т. п.

8) Обобщение технического опыта делегатских совещаний, заводских комитетов, производственных ячеек и отдельных групп рабочих для немедленной реализации его через хозяйственные органы (подотдел усовершенствования процессов производства).

9) Не создавая параллельно с хозяйственными органами своих административных органов, экономические отделы должны иметь для выполнения своих задач хорошо налаженный и научно оборудованный аппарат.

10) Выполнение перечисленных задач предполагает организацию экономических отделов, начиная с производственной ячейки (при фабрике), путем связывания в коллегиях этих отделов представителей от хозяйственных организаций с выборными представителями профсоюзов.

Формирование хозяйственных органов.

1) Органы управления промышленности, начиная от предприятий и кончая ВСНХ, формируются по соглашению между союзными и соответствующими хозяйственными органами на основе предложения кандидатур со стороны производственных союзов и их об'единений. Выдвигаемые кандидатуры рекомендуется обсуждать предварительно на делегатских совещаниях, конференциях и т. п.

2) В целях усиления связи союзов с хозяйственными органами, необходимо правильно организовать, дополнить и установить представительство союзов на губернских и всероссийских с'ездах СНХ с обязательным участием представителей экономических отделов союзных об'единений.

3) В этих же целях необходимо, на основании решений с'ездов профсоюзов, вхождение руководителей союзов в высшие органы С Н Х и обратно.

4) В соответствии с этим и другие хозяйственные органы Республики формируются при ближайшем и непосредственном участии профсоюзов.

Участие профсоюзов в выработке единого хозяйственного плана и производственных программ.

1) В целях подготовки союзных органов и охватываемых ими рабочих масс к овладению управлением производства, особенно необходимо непосредственное участие ВЦСПС, Ц. К. Союзов, Губпрофсоветов, Губотделов и т. д. в выработке хозяйственного плана и производственных программ.

2) Это участие должно заключаться не только в делегировании представителей союзов в соответствующие производственные комиссии хозяйственных органов, но и в обсуждении производственных программ по существу на конференциях, совещаниях и т. п. При этом с особенным вниманием должен учитываться практический опыт рабочих масс в деле организации производства.

Контрольно — инспекционная работа профсоюзов.

1) В целях содействия хозяйственным органам в проведении единого хозяйственного плана в жизнь, союзы осуществляют контроль и инспекцию над ходом и состоянием производства в предприятиях и деятельностью регулирующих их органов путем непосредственного наблюдения через свои отделы и низшие ячейки за выполнением производственных программ, своевременным получением технических и материальных средств, рабочей силы и т. д. В связи с этим необходимо установить во избежание вредного организационного параллелизма, что рабоче-крестьянская инспекция, для осуществления отдельных административно-хозяйственных ревизий, пользуется в предприятиях ячейками профсоюзов, не создавая своих постоянных органов для этого.

2) Вместе с тем, союзы наблюдают за тем, чтобы директивы профессиональных с'ездов и конференций как в отношении труда, так и в отношении производства, действительно проводились в жизнь.

3) Контроль и наблюдение союзов за деятельностью хозяйственных органов, осуществляемые через экономические отделы, должны носить инспекционный характер не только в целях улучшения, но и для непосредственного приобщения и вовлечения широких слоев рабочих в дело хозяйственного строительства и управления производством.

Учет и распределение рабочей силы.

Считая учет и распределение рабочей силы подготовительной ступенью к коммунистической организации труда, с'езд полагает, что профсоюзы должны принимать самое близкое участие в этой работе и в принципе высказывается за желательность передачи и сосредоточения всего дела учета и распределения рабочей силы в ведении ВЦСПС и Губпрофсоветов.

Задачи в области тарификации труда.

1) Кладя в основу тарифной политики и практики возможно более равномерное распределение предметов потребления среди трудящихся на основе уравнительности, профсоюзы в то же время используют денежную и натуральную оплату труда, как средство дисциплинирования и повышения производительности труда (премиальная система и т. п.).

2) С этой целью необходимо установить на деле целевую систему снабжения и распределения, согласовав работу продорганов в этом направлении с профсоюзами под углом зрения практических задач СНХ.

3) Обратить особенное внимание на практическое и широкое проведение в центре и на местах декрета С. Н. К. о бесплатном отпуске продуктов и предметов широкого потребления для трудящихся.

4) Довести по возможности в ближайшее время натурфонд премирования до размеров, отвечающих нормам ударного пайка, для всех рабочих и служащих советских предприятий и учреждений.

5) Увеличить по возможности также фонд натурпремирования в целях распространения натурального премирования с ударных предприятий и производств на остальные.

6) Исходя из положения, что денежная оплата труда по необходимости должна быть на ближайшее время сохранена и что, в силу ряда причин, должна быть временно сохранена и разность оплаты труда в зависимости от квалификации, тарифная политика тем не менее должна строиться на возможно большей уравнительности между ставками со включением в общую тарифную систему персональных ставок.

7) В качестве конкретных мероприятий в области натурализации заработной платы необходимо установить через профсоюзы нормы и порядок бесплатного пользования материальным снабжением, средствами передвижения и связи, жилищем театрами и пр.

8) Оплата труда и распределение предметов первой необходимости должны быть приведены в полное соответствие с результатами нормирования труда, на что союзные и хозяйственные органы должны обратить исключительное внимание.

Для осуществления всех этих мер необходимо: а) устранить параллелизм органов нормирования труда путем сосредоточения всей тарифной работы в органах союзов; б) предоставить большую самостоятельность местным губернским профессиональным об'единениям в проведении всех вопросов тарифной политики и практики; в) считать обязательным для всех советских учреждений, военных и гражданских, точное и строгое выполнение всех постановлений органов нормирования труда; г) органы нормирования связать теснейшим образом с рабочей массой через выборные расценочные комиссии и т. п.; д) всеми силами местных партийных организаций помочь профсоюзам укрепить и научно организовать их тарифный аппарат.

Профсоюзы и специалисты.

1) В целях правильного использования в производстве членов союза с техническим стажем и административно-хозяйственным опытом при экономических отделах союза организуется их качественный персональный учет.

2) На основе качественного учета и рекомендации секции технических сил профсоюза и местных заводских организаций профсоюзом производится подбор персонала на высшие административные технические должности.

3) В основу этого подбора кладется: а) действительный технический стаж и научная подготовка; б) личные способности данного члена союза для выполнения возлагаемых на него руководящих обязанностей; в) социальное положение в прошлом; г) отношение к Советской власти, проверенное на опыте советского строительства.

Производственная пропаганда.

1) Быстрая и решительная победа рабочего класса над хозяйственной разрухой мыслима лишь при условии, если вся трудящаяся масса отдаст себе ясный отчет в тех огромных производственных задачах, которые стоят перед нею. В виду этого, производственная пропаганда должна быть направлена прежде всего на усвоение этими массами основных и очередных хозяйственных задач (единый хозяйственный план) и их заинтересованность в этом.

2) Ближайшими практическими задачами производственной пропаганды являются:

а) Вовлечение широких масс трудящихся в круг производственных интересов, как данного предприятия, так и всего производства в целом.

б) Сплочение масс вокруг важнейших производственно-хозяйственных заданий в данный момент.

в) Образование ударных и инициативных групп для заполнения прорывов, как на общепроизводственном фронте, так и в рамках отдельных предприятий и отраслей производства (топливо, сырье, транспорт, продовольствие и т. д.).

г) Поднятие и укрепление трудовой дисциплины и борьба с труддезертирством во всех его проявлениях (прогулы, саботаж, явное и скрытое нарушение нормального хода работ, злоупотребление).

д) Содействие трудмобилизации и систематическому извлечению рабочих, служащих и технически-административного персонала из учреждений для использования их по специальностям: на заводах, фабриках, в транспорте и на рудниках, а также содействие подготовке и извлечению кадра квалифицированных рабочих и организаторов-администраторов из рабочей среды.

е) Втягивание технических сил в советское хозяйственное строительство путем вовлечения их через союзы к участию в проведении единого хозяйственного плана на основе электрофикации и научной организации труда в производстве.

3) Заводские собрания, технические совещания, конференции всякого рода и в их числе производственные, делегатские совещания, печать, искусство, передвижные выставки, кино, промышленные музеи, клубы и т. д.—все это должно быть использовано для производственной пропаганды.

4) Образование при ВЦСПС Всерос. бюро произв. пропаганды должно быть всемерно поддержано партией и должно явиться центром практического изучения различных форм производственной пропаганды, результатом хозяйственной работы профсоюзов и сочетания их усилий с усилиями хозяйственных органов, результатов применения дисциплинарных судов и т. п.

Трудовая дисциплина и дисциплинарные суды.

1) Профсоюзы, будучи органом самовоспитания трудящихся в самом производственном процессе, являются в то же время, как показал опыт трех лет пролетарской диктатуры, и школой дисциплины, где рабочий, работница и служащий учатся повседевно на почве тарифа, премирования, распределения, очередности в пользовании отпусками, домами отдыха, прозодежды, пропитания и т. д. подчинятся общим интересам и основанным на них директивам союза в целом.

2) В виду того, что некоторые отсталые элементы трудящихся еще не уяснили себе своих классовых обязанностей, срывая подчас нарушением трудовой дисциплины общую работу рабочего класса по строительству Советской России, профсоюзы вынуждены были создать особые органы пролетарского принуждения.

3) В общей системе этих органов и мер большое значение имеют институт товарищеских дисциплинарных судов и институт уполномоченных в борьбе с труддезертирством при союзах.

4) Институт уполномоченных по борьбе с труддезертирством, действующий на основе установленных высшими союзными органами положения, разрабатывает и руководит проведением в жизнь мероприятий по борьбе со всеми видами труддезертирства и нарушений трудовой дисциплины на основе об'ективных данных, поступающих из предприятий и учреждений в экономические отделы профсоюзов—в форме системы ежедневных трудовых сводок.

5) Заседания дисциплинарных, товарищеских судов, являющихся в пролетарской среде по своему характеру и по своим задачам судами пролетарской товарищеской чести, должны быть публичны.

6) Компетенция и карающая дисциплина товарищеского дисциплинарного суда распространяется на всех членов союза, как на рабочих, так и на весь высший союзный и хозяйственно-руководящий, административно-технический персонал без исключения.

III.

Очередные организационные задачи союзов.

1) От союзов, построенных по профессиям, наше профессиональное движение за истекшие три года пришло к организации всего пролетариата в 23 централизованные всероссийские производственные союзы, охватывающие всех рабочих, служащих и административно-технический персонал всех отраслей производства.

2) Параллельно с этой централизацией движения шло распространение движения от промышленных центров на губернские центры, от губернии к уезду, и наконец, на местечки и волости (села) путем организации секретариатов. Об'единяя в 1917 г., главным образом, индустриальный пролетариат, союзы охватывали в 1918 г. новые слои (медики, работники искусства и т. п.), вовлекая в союз высший, сперва конторский, а затем, в 1919—20 гг., и административно-технический персонал, включая их в общие союзы рабочих и постепенно перевоспитывая их путем подчинения обще-пролетарской дисциплине, и, наконец, начали втягивать в свои организации кустарей и полукрестьянские элементы (работники земли и леса, артели лесорубов, торфяники и т. п.).

3) Союзное строительство в ближайший период, несомненно, приведет к дальнейшему сокращению числа союзов. Но сокращение числа об'единений и включение разных категорий труда в единый союз, сыгравшее большую организационную роль в смысле уничтожения цеховщины и трений между разными категориями труда, временно имело с точки зрения чисто производственной и известные отрицательные стороны, поскольку некоторые союзы оказались лицом к лицу не с одним, а с многочисленными хозяйственными органами.

4) Несоответствие между количеством союзов и количеством главков и центров, несоответствие об'ема главков и союзных организаций является источником слабости хозяйственных органов и затрудняет влияние рабочих масс на соответствующие хозяйственные органы. Поэтому X С'езд Р. К. П. считает необходимым перегруппировку под углом зрения хозяйственной целесообразности всех наших хозяйственных органов и для этой же цели соответственную организационную перегруппировку внутри производственных союзов — по соглашению В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х.

5) Параллельно с упрощением и уточнением аппарата союзов важнейшей их задачей является восстановление и укрепление союзной дисциплины, точность выполнения заданий, строжайшая отчетность и ответственность, как перед массой избирателей, так и перед высшими союзными органами.

6) Возлагая новые чрезвычайно важные задачи на профессиональное движение, перенося в интересах восстановления народного хозяйства до известной степени центр тяжести работы в профсоюзы, партия и Советская власть должны придти им на помощь всем необходимым, дабы профсоюзы, действительно могли выполнить эти задачи. Аппарат профсоюзов должен быть улучшен. Местные партийные организации и Ц. К. Партии обязаны помочь профсоюзам восстановить, укрепить, расширить и систематизировать низовые ячейки профсоюзов, начиная с цеховых и фабкомов, продолжая делегатскими собраниями и губпрофсоветскими и кончая ВЦСПС. Таким образом, важнейшей задачей партийных, советских и профессиональных организаций является усиление всего аппарата профсоюза в центре и на местах.

О работе профсоюзов в деревне.

Очередной организационной задачей партии и профсоюзов, в настоящий момент, требующей сугубого внимания и напряжения сил, является усиление организационного и идейного влияния городского пролетариата на трудящиеся массы деревни.

Это может быть достигнуто лишь путем создания в деревне достаточно широких организаций, охватывающих наиболее близкие к пролетариату слои деревни, и путем воспитания их в духе пролетарской дисциплины.

Эта задача придает исключительное значение организации общесоюзных секретариатов в волостях, местечках и селениях, а равно и Всероссийскому союзу работников земли и леса и его органам на местах.

Губпрофсоветы и уездпрофбюро должны осознать всю важность работы в деревне и всемерно развивать и укреплять деятельность секретариатов, которые должны стать органами собирания распыленных по деревням фабрично-заводских рабочих и ремесленников и аванпостами городского пролетариата в деревне.

Исключительное значение Всеработземлеса должно быть соответственно учтено партией и союзами, которые должны оказать ему и его органам всемерную поддержку, всячески укрепляя его материальными средствами и работниками.

Профсоюзы должны изыскать практические и достаточно гибкие формы организации широких полупролетарских слоев деревни, связывая эти организации нового типа с общесоюзными пролетарскими об'единениями и вовлекая их в сферу общеклассовых интересов пролетариата».

Н. Ленин, Г. Зиновьев, М. Томский, Я. Рудзутак, М. Калинин, Л. Каменев, А. Лозовский, Г. Петровский, Артем Сергеев, К. Сталин, В. Шмидт, В. Милютин, Г. Цыперович.

От ред. Настоящий проект резолюции с некоторыми дополнениями и изменениями одобрена громадным большинством X с'езда Р. К. П.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ X С'ЕЗДА Р.К.П. ПО ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФСОЮЗОВ.

Введение.

Широкая партийная дискуссия по поводу профессиональных союзов сыграла уже ту положительную роль, что помогала уяснению действительных разногласий и устранению мнимых расхождений и простых недоразумений.

В результате дискуссии можно установить наличность в партии трех точек зрения в вопросе о профсоюзах.

Позиция Десяти, которая по существу санкционирует старую практику президиума В. Ц. С. П. С. и тем самым отказывается от того *«радикального изменения методов и темпа работы»* профсоюзов, необходимость которого установил еще 9-й с'езд партии. Позиция Десяти закрывает глаза на глубокий кризис профсоюзов, выражающийся в чрезвычайной оторванности союзных органов от хозяйства и в несоответствии между методами и приемами союзной работы и стоящими перед союзами производственными задачами.

Справедливо подчеркивая необходимость решительного перехода всех союзов к методам рабочей демократии, позиция Десяти закрывает, однако, глаза на тот факт, что сами по себе методы демократии внутри союзов — *без изменения положения и роли союзов в рабочем государстве* — не разрешают вопроса и не дают выхода из кризиса.

В области своих практических выводов платформа Десяти хотя и делает ряд отдельных уступок нашим взглядам, в общем и целом сохраняет и освящает обособленность профессиональных и хозяйственных организаций, между которыми происходят лишь время от времени «соглашения» (или столкновения).

Платформа «рабочей оппозиции» исходит из вполне законного и правильного стремления сосредоточить в руках профсоюзов управление промышленностью, но дает этому стремлению безусловно неправильное как с теоретической, так и с практической точки зрения выражение, все больше уклоняющееся в сторону синдикализма.

Игнорируя тот факт, что наши хозяйственные органы возникли при содействии самих же профсоюзов и при всех своих бюрократических чертах заключают в себе накопленный организаторский хозяйственный опыт рабочего государства, «рабочая оппозиция» предлагает просто поставить крест над всем предшествующим хозяйственным строительством и, вместо преобразования и орабочения сложившихся хозяйственных органов, пытается механически заменить их выборным представительством рабочих, начиная с завода и рудника и кончая высшими хозяйственными учреждениями республики.

Такое разрешение вопроса неизбежно повело бы — независимо от намерений авторов этих предложений — к взаимному обособлению фабрик и заводов, к разрушению централизованного общехозяйственного аппарата и к утрате партией руководящего влияния как на союзы, так и на хозяйство.

Наша платформа — *производственная* в противовес *профессионалистской* — исходит из признания переживаемого профсоюзами глубокого кризиса, причинами которого являются не только крайнее сужение методов рабочей демократии, имевшее место в истекший период, но и прежде всего крайне неопределенное положение союзов в рабочем государстве, чрезвычайное ослабление связи союзных органов с хозяйственными и крайне недостаточное влияние союзов на организацию производства.

Оттенки, которые имелись в отношении к методам союзной демократии, оказались совершенно несущественными и в процессе дискуссий сошли на нет. Это не только дало возможность окончательного об'единения «производственной» платформы с «буферной», но и позволило нам вопрос о рабочей демократии формулировать в тех же выражениях, как это сделано в платформе Десяти (см. раздел «Методы убеждения и методы принуждения в профсоюзах»). Мы избрали эту формулировку для того, чтобы отнять возможность дальнейшего перенесения прений в плоскость вопроса, кто *за*, кто *против* рабочей демократии. В этой области, как мы утверждали с самого начала, в партии разногласий нет. С'езду придется только зафиксировать все возрастающее применение методов рабочей демократии во всех областях жизни и работы и в первую голову в профсоюзах.

Мы придали нашим тезисам форму проекта Постановления 10-го с'езда партии и приблизили построение нашего проекта к проекту Десяти для того, чтобы облегчить всем товарищам изучение и сравнение обоих документов. Мы устранили из первоначальных тезисов все то, что имело задачей лишь осветить вопрос, но по существу не могло войти в постановление с'езда. Мы устраняли те формулировки, которые возбуждали — законные или незаконные — недоразумения, во всех тех случаях, когда это не подрывало существа нашей позиции. Так, мы не включали в текст нашего проекта термин *«производственная демократия»*, который сперва пользовался молчаливым или открытым признанием наших противников, а затем стал вызывать нападки, столь же острые, сколь и несостоятельные. Мы спорим из-за существа, а не из-за формы, из-за вещи, а не из-за имени. Словом, мы сделали все, чтобы свести разногласия к их действительной принципиальной и практической сути. В настоящий момент каждый член партии может с наименьшей затратой времени уяснить себе, в чем мы все согласны и в чем действительно расходимся.

* * *

Профкомиссия Ц. К. под председательством тов. Зиновьева первоначально стремилась найти общую линию с «рабочей оппозицей» в вопросе о профсоюзах,— стремление вполне законное, ибо «рабочая оппозиция», какие бы недопустимые преувеличения ни делали руководители этой группы, заключает в себе много ценных партийных элементов. Однако, та платформа, которая была выработана комиссией тов. Зиновьева, не

только не дала сближения, но, наоборот, углубила расхождение с «рабочей оппозицией», оттолкнув последнюю еще более в сторону синдикализма.

«Рабочая оппозиция» — если оставить в стороне ее верхушечные элементы — питалась и питается тенденциями двоякого порядка: во-первых, недовольством, жестким характером партийного и советского централизма в прошлую эпоху, во-вторых, протестом против понижения роли и значения профсоюзов в производстве. Всячески выдвигая, подчеркивая, преувеличивая разногласия, будто бы существующие в области применения военных методов, принуждения и убеждения, «перетряхивания» сверху и пр., пр., группа т. Зиновьева именно на почве этих преувеличений искала сближения с «рабочей оппозицией», совершенно замалчивая коренные разногласия с этой последней в вопросе о хозяйственной роли союзов. Когда же выяснилось со всей отчетливостью, что, отстаивая методы рабочей демократии для профсоюзов, комиссия тов. Зиновьева не сделала ни шага вперед в вопросе о повышении производственной роли союзов, — «рабочая оппозиция» не только отшатнулась от этой платформы, но и увеличивает за последнее время в профессиональных организациях свое влияние.

Не только рост рабочей демократии в союзе, но и рост влияния союзов в производстве; «школа коммунизма»—прежде всего в смысле производственного воспитания масс и их уполномоченных; организационное сочетание и сращивание союзных и хозяйственных органов и орабочение хозяйственного аппарата на основе все возрастающей роли союзов, как массовых организаций,—такова защищаемая нами линия в отличие как от профессионалистской бесформенности, нашедшей свое выражение в платформе Десяти, так и от все более возрастающего уклона «рабочей оппозиции» к синдикализму.

Проект постановления X С'езда. Сущность переживаемого профсоюзами кризиса.

1. По вопросу о роли и задачах профессиональных организаций в эпоху диктатуры пролетариата наша партийная программа говорит: «организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все более освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные об'единения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства.

Будучи уже, согласно законов Советской Республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, *профессиональные союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством*, как единым хозяйственным целым. Обеспечивая, таким образом, непрерывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства. *Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства* и привлечение ими к этому широких масс *является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата* Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства».

2. Совершенно очевидная и бесспорная мысль партийной программы состоит в том, что овладение союзами производством—под руководством партии и контролем рабочего государства—есть не единовременный акт, но длительный процесс воспитания, организации и группировки рабочего класса на основе строющегося социалистического хозяйства.

Самый процесс этот, как свидетельствует уже проделанный опыт, проходит через разные этапы, которым соответствуют различные формы участия союзов в организации хозяйства.

Так, после октября рабочий класс—главным образом через посредство профессиональных союзов — выделил из себя первые простейшие органы для овладения национализированными предприятиями.

По мере дальнейшего развития хозяйственных учреждений, их специализации и пр., совершалось их неизбежное в этой стадии обособление от профессиональных союзов. Рост самостоятельности хозяйственных органов повлек за собою неизбежные явления параллелизма, борьбы компетенций, организационных трений и конфликтов. Усилия хозяйственных органов направляются в этот период специализации и размежевания на то, чтобы ввести союзы в известные пределы, ограничив их вмешательство в хозяйственную жизнь.

В том же направлении действовал сдвиг всех усилий и всего внимания партии в сторону фронтов. Хозяйственные задачи разрешались применительно к потребностям войны и преимущественно чрезвычайными мерами. Вопросы профессионального движения отступили на второй и третий план.

Эти две основные причины — обособление хозяйственных органов и война — привели *к несоответствию между методами и приемами работы профсоюзов и стоящими перед ними хозяйственными задачами*, что и было признано IX С'ездом партии.

Война с белой Польшей и Врангелем помешала партии осуществить то «радикальное изменение приемов и темпа работы союзов», которого требовал IX С'езд. Фактически за истекший год *обособление хозяйственных органов от союзных*, в особенности центральных, *еще более усилилось*, что, в сочетании с указанным выше несоответствием методов работы и задач профсоюзов, и составляет существо переживаемого профессиональными союзами глубокого внутреннего *кризиса*.

3. Необходимо величайшее напряжение со стороны не только передовых работников союзов, но и всей партии в целом для того, чтобы в возможно короткий срок оживить, возродить и идейно укрепить союзы, создать более тесную и правильную связь союзов с органами хозяйства, установить соответствие методов союзной работы с хозяйственными задачами и тем обеспечить все возрастающее влияние союзов на организацию производства. Такова задача партии в открывающуюся эпоху хозяйственного строительства.

Профсоюзы, как опора партии.

4. Приступая вплотную к своей основной работе по организации хозяйства, союзы должны не только сохранить, но и развить и углубить свой характер массовых организаций рабочего класса, систематически и неутомимо вовлекающих в жизнь советского государства миллионы трудящихся, вплоть до наиболее отсталых и темных слоев города и деревни.

Действительное, то-есть живое и сознательное, а не только формальное об'единение миллионов рабочих в профсоюзах может быть достигнуто не иначе, как на почве активного и творческого участия самих союзов в хозяйственной жизни страны.

В свою очередь, только вовлечение союзами в сознательную хозяйственную работу миллионов пролетариев может твердо обеспечить партии ее основную классовую опору и тем самым дать возможность советской власти справиться со всеми теми затруднениями, которые вытекают из хозяйственной раздробленности и политической отсталости многомиллионных крестьянских масс.

Воспитательная работа союзов („школа коммунизма").

5. Превращение профессиональных союзов в производственные не по имени только, но по содержанию работы и по методам ее, представляет собою величайшую задачу нашей эпохи.

Воспитательная работа союзов, позволяющая говорить о союзах, как о *школе коммунизма*, радикально меняет свое содержание и методы. Если при буржуазном строе союзы выполняли свою воспитательную работу преимущественно на основе экономической классовой борьбы, то в нынешних условиях главная воспитательная работа союзов может развернуться только на основе все возрастающего вовлечения масс в дело организации производства.

6. Крупная и мелкая повседневная работа союзов, охватывающая разные стороны жизни и быта рабочих масс и включающая в себя борьбу против явлений

бюрократизма, произвола и пр., чем дальше, тем больше должна и будет переноситься центр тяжести своей на почву организации самого хозяйства; забота о жилищах рабочих, одежде, книгах, газетах, театрах и проч. будет давать осязательные результаты лишь при условии успехов в соответственных отраслях хозяйства, что, в свою очередь, связано с ростом производственного значения соответственных союзов (строителей, иглы, печатников и пр. и пр.).

7. Производственный союз должен охватывать всех работников необходимой данной отрасли хозяйства, от чернорабочего и до наиболее квалифицированного инженера, подчиненного режиму классовой пролетарской организации.

Союз должен вести учет своих членов под производственным углом зрения, имея всегда достаточно полную и точную характеристику производственной ценности каждого работника.

Союз должен все больше и больше налагать определенные союзные обязанности на всех работников, занимающих те или другие административные и технические посты. Работа для союза должна составлять необходимое и обязательное дополнение к административно-производственной работе.

8. Нужно, чтобы рабочая масса прониклась сознанием, что лучше всего защищают ее интересы те, которые повышают производительность труда, возрождают хозяйство, увеличивают количество материальных благ. Нужно, чтобы такого рода организаторы и администраторы, поскольку они удовлетворяют необходимым политическим требованиям, выбирались в руководящие органы союзов наряду с рабочими, продолжающими работать у станка, и наряду со специальными работниками-профессионалистами.

Все выборы, выставление кандидатов, их поддержка и т. д. должны проходить под углом зрения не только политической выдержанности, но и хозяйственных способностей, административного стажа, организаторских качеств и проверенной на деле заботы о материальных и духовных интересах трудящихся масс.

Союзы должны всеми мерами поддерживать и воспитывать новый тип профессионалиста, энергичного, инициативного хозяйственника, смотрящего на экономическую жизнь не с точки зрения распределения и потребления, а с точки зрения роста производства, не глазами требующего и договаривающегося с Советской властью, а глазами организатора-хозяина.

С другой стороны, руководящие работники хозяйственных органов должны научиться ко всем вопросам производства, в том числе и к чисто-техническим, подходить прежде всего как к вопросам организации живой, все возрастающей по своей сознательности рабочей силы.

9. Производственная пропаганда, являющаяся составной частью производственного воспитания, имеет своей задачей установить новые взаимоотношения между рабочим и производством. Если при капиталистическом строе мысль рабочего развивалась постольку, поскольку она вырывалась из тисков наемного труда, то в настоящих условиях мысль, инициатива и воля трудящихся должны сосредоточиваться прежде всего на лучшей постановке самого производства и его органов, на более правильном построении и применении инструментов и станков, на механизации и машинизации производства, на научной его организации в пределах мастерской, завода, района, страны, на более правильном построении правлений, главков, комиссариатов и пр.

Эта детальная, неутомимая, снова и снова возобновляемая на основе практического опыта агитация и пропаганда — преимущественно делом и примером, но также устным и печатным словом — должна отныне составить важнейшую часть работы профессиональных союзов. Одним из надежнейших критериев жизненности и ценности союза явится деловитость, конкретность и успешность его производственной пропаганды.

Огосударствление профсоюзов.

10. Фактически огосударствление профсоюзов зашло уже чрезвычайно далеко, поскольку дело идет о воздействии государства на рабочего: через посредство профсоюза государство берет рабочего на учет, ставит его на определенную работу, нормирует и тарифицирует его труд и карает его за нарушение трудовой повинности и дисциплины.

Другая сторона процесса огосударствления—воздействие производственно об'единенных рабочих на организацию хозяйства—значительно отстала в своем развитии. Между тем, только развитие этой второй стороны огосударствления способно обеспечить правильное положение союзов внутри рабочего государства и дать возможность самым широким массам трудящихся осмыслить социалистический характер проводимого через союзы режима трудовой повинности, без чего немыслим широкий и устойчивый хозяйственный под'ем.

11. Постепенное сосредоточение в руках союзов всего управления производством, как того требует наша программа, означает тем самым планомерное превращение союзов в аппараты рабочего государства, то-есть постепенное сращивание союзных и советских органов.

Дело идет не о провозглашении союзов государственными органами, а об их фактическом превращении в производственные организации, охватывающие под руководством государства каждую отрасль промышленности со всех сторон и ответственные за интересы как производства, так и производителей.

Огосударствление есть, следовательно, не единовременный юридический акт, но длительный творческий процесс, совершающийся этапами, в соответствии с действительным ходом коммунистического строительства и воспитания. Нужно внимательно и тщательно определять эти этапы, учитывая общий уровень массы и особенности отдельных отраслей промышленности. Темп развития может быть различным в зависимости от основных условий, в которых будет протекать наше развитие в целом в ближайший период. Но нужно, чтобы направление развития профсоюзов было ясно всем их работникам и определяло собою каждый шаг вперед. Нужно, чтобы фактическому огосударствлению союзов в смысле организации ими живой рабочей силы для производства соответствовало возрастающее воздействие самих союзов на организацию хозяйства.

12. Укрепление позиций профессиональных союзов в области хозяйства является самой действительной формой борьбы против бюрократизма. Наша партийная программа говорит, что именно «участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата». Таким образом, борьба с бюрократизмом не есть самодовлеющая задача, которая может быть разрешена при помощи отдельных организационных приемов, но является прежде всего составной частью работы профсоюзов по производственному воспитанию масс и фактическому овладению производством. Отсюда, в частности, вытекает тот вывод, что в области борьбы с бюрократизмом рабочему государству надлежит расходовать свои силы не столько на создание все новых контрольных органов, сколько на выправление и улучшение существующих хозяйственных органов путем сочетания их с массовыми производственными союзами.

* * *

Методы убеждения и методы принуждения в профсоюзах.

13. Главным методом профсоюзов является не метод принуждения, а метод убеждения, что нисколько не исключает того, что профсоюзы, в случае надобности, успешно применяют и методы пролетарского принуждения (мобилизация десятков тысяч членов профессиональных союзов на фронты, дисциплинарные суды и пр.). Перестройка профессиональных организаций сверху совершенно нецелесообразна. Методы рабочей демократии, сильно урезанные в течение трех лет жесточайшей гражданской войны, должны быть в первую очередь и шире всего восстановлены в профессиональном движении. В профессиональных союзах, прежде всего, необходимо осуществить широкую выборность всех органов профессионального движения и свести к действительно неизбежному минимуму применение назначенства. Профессиональная организация должна быть построена на принципе демократического центра-

лизма. Вместе с тем, в сфере профессиональ̀ного движения особенно необходима самая энергичная и планомерная борьба с вырождением централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм и казенщину. Вызываемая необходимость милитаризации труда увенчается успехом лишь в той мере, в какой партия, советы и профсоюзы сумеют об'яснить необходимость этих методов для спасения страны самым широким массам трудящихся и организационно втянуть в эту работу хотя бы наиболее передовые слои этих трудящихся масс.

Партия и союзы.

14. В виду исключительной важности, какую в ближайший период приобретает профессиональ̀ное движение, партия должна уделить ему несравненно больше внимания, чем это было до сих пор, и усилить партийное руководство всем профдвижением. Это руководство должно, главным образом, заключаться в идейном направлении всей работы профсоюзов, но отнюдь не превращаться в мелочную опеку над ними и чрезмерное вмешательство в их текущую работу. Коммунистические фракции профсоюзов в центре и на местах подчиняются партийным организациям на основе устава партии. Подбор руководящего персонала профдвижения должен протекать при направляющем контроле партии, которая через партийные фракции в союзах обеспечивает занятие передаваемыми и рекомендуемыми ею работниками соответственных руководящих постов в профессиональ̀ных организациях и хозяйственных органах. Но партийные организации должны особенно тщательно проводить нормальные методы пролетарской демократии именно в профсоюзах, где более всего отбор руководителей должен делаться самими организованными массами.

15. Таким образом, будут созданы условия, при которых партийным организациям, при полном сохранении в их руках общего руководства, не придется вторгаться во внутреннюю работу союзов по частям, и органы профсоюзов, руководимые коммунистическими фракциями, получат возможность гораздо более самостоятельно, планомерно, систематически учитывать и распределять своих работников, ставить их на те или другие хозяйственные посты с соблюдением необходимой преемственности в работе, путем учета их стажа, ведения аттестационных списков и проч., и проч.

Профсоюзы и политотделы.

16. В прошлый период, когда внимание и силы партии были направлены преимущественно на фронты, партии приходилось под давлением хозяйственной необходимости создавать особые органы—Политотделы, для выполнения в чрезвычайном порядке тех задач, с которыми оказывались неспособны справиться соответственные профсоюзы. В таком порядке был создан, как временный орган, Главполитпуть, при чем 9-й с'езд партии возложил на него «принятие исключительных мер, которые вытекают из ужасающего распада транспорта и имеют своей задачей нетерпящими отлагательства мерами предотвратить полный его паралич и связанную с этим гибель Советской Республики».

10-й с'езд констатирует, что та непосредственная хозяйственная задача, ради которой создавался Главполитпуть, была им достигнута (что засвидетельствовано в постановлении VIII с'езда Советов по докладу Н. К. П. С.) и признает правильной ликвидацию Главполитпути.

17. В. Ц. С. П. С., как орган, об'единяющий несколько миллионов членов профессиональ̀ных союзов, усилиями всей партии должен быть превращен в мощную организацию, способную действительно выполнить те гигантские задачи, которые стоят перед всероссийским профессиональ̀ным движением, и укрепить союзное единство и дисциплину.

X с'езд Р. К. П. подтверждает заявление IX с'езда партии, гласящее:

> «если перед пролетариатом, как классом, стоит задача перехода к работе по военному, то-есть к величайшей точности, исполнительности, ответственности, быстроте работы, ее напряженности, беззаветному самопожертвованию со стороны работников, то это в первую очередь относится к органам промышленной администрации вообще и, следовательно, к профсоюзам. Красную армию нельзя было построить, не уничтожив выборных комитетов старого типа. А народное хозяйство, наоборот, нельзя поднять на должную высоту, не развивши и не поднявши в то же время организации профсоюзов, основанной на методах рабочей демократии».

* * *

18. Решительный переход к вовлечению и воспитанию широких масс, обсуждению массами всех основных вопросов, выборности снизу доверху, т.-е. к методам рабочей демократии, — должен быть произведен во всех союзах.

В то же время X с'езд констатирует, что сам по себе переход к методам рабочей демократии внутри союзов — *без изменения положения и роли самих союзов в рабочем государстве* — не разрешает коренного вопроса социалистического хозяйственного строительства.

Практические мероприятия.

19. Нынешнее положение, когда В. Ц. С. П. С. и Центральные Комитеты отдельных производственных союзов остаются вне основной хозяйственной работы, отражая этим общее состояние союзных организаций, не может быть признано нормальным. Необходимо устранить такое положение, при котором почти всякий работник союза, успевший выделиться своими организаторскими, хозяйственными и административными качествами, отрывается от союза, следовательно, от массы, поглощаясь аппаратом производства.

20. Для установления более правильных взаимоотношений необходимо прежде всего, чтобы сами профсоюзы участвовали непосредственно в выработке хозяйственных планов и методов их действительного осуществления.

В рабочем государстве не должно быть организационно отделенных друг от друга специалистов по организации производства и специалистов по профессиональ̀ному движению. В качестве общего принципа должно быть признано, что всякий, кто нужен социалистическому производству, тем самым нужен союзу, и, наоборот, всякий ценный профессиональ̀ный работник тем самым должен быть участником в организации производства.

Направление всей работы союзов в эту сторону должно составить ныне существеннейшую задачу В. Ц. С. П. С. и Ц. К-тов союзов.

21. Для достижения внутренней согласованности в работе производственного союза и хозяйственного органа необходимо, прежде всего, чтобы тот и другой были построены однородно в хозяйственно-территориальном отношении, то-есть включали бы в свой состав одну и ту же сумму предприятий, в соответствии со структурой и потребностями данной отрасли производства.

При перестройке и реорганизации профсоюзов, их районов и проч., должно руководствоваться не только потребностями и удобствами союзного аппарата, но и прежде всего потребностями самого хозяйства.

В этих целях X с'езд считает необходимым скорейшее создание центральной комиссии (В. Ц. С. П. С., с одной стороны, В. С. Н. Х., Н. К. З., Н. К. П. С. и пр., с другой) для установления организационного соответствия между союзами и хозяйственными органами, путем соответственной перегруппировки как тех, так и других на основе данных производственного опыта.

22. *С'езды* хозяйственных организаций и соответственных профсоюзов должны приурочиваться к одному и тому же времени и месту. Всероссийский с'езд профсоюзов должен созываться одновременно со Всероссийским с'ездом Совнархозов, с'езд союза металлистов одновременно со с'ездом отделов металла и пр. То же самое в областном, губернском, районном и пр. масштабе. Порядок дня этих параллельных с'ездов должен быть заранее согласован, так, чтобы основная работа (выработка планов, построение органов и пр.) могла производиться совместно, в общих секциях, комиссиях и на об'единенных пленарных заседаниях обоих с'ездов.

Совершенно очевидно, что такой способ работы, уже ныне с успехом применяемый в отдельных местах, будет иметь крупнейшее значение для сближения союзов и Совнархозов, выработки форм организационного сочетания («сращивания»), устранение вредного параллелизма, выдвигания подходящих кандидатур и проч., и проч.

23. При строго централистическом характере наших союзов, как хозяйственных органов, систематическое вовлечение масс в сознательное хозяйственное строительство, на основе определенных плановых заданий, возможно только при том условии, если руководящие органы союзов сами войдут в хозяйственную работу.

Система простого делигирования представителей союзов в состав хозяйственных органов совершенно не обеспечивает, как показал опыт, организационной связи и согласованной работы между ними. Между тем, в этом именно состоит задача. Серьезный подход к разрешению ее, вытекающий из существа дела и уже оправдавший себя в отдельных случаях на опыте, должен состоять в том, чтобы в союзных и соответственных хозяйственных органах участвовало и вело работу известное число одних и тех же работников, обладающих в большей или меньшей степени как профессионалистским, так и хозяйственным стажем.

24. Нужно, чтобы личный состав президиумов В. П. С. П. С. и В. С. Н. Х. совпадал уже сейчас в размере от 1/3 до 1/2 общего числа членов, путем проведения такого состава соответствующими с'ездами. Таким образом, односторонняя специализация и обособленность двух наиболее ответственных производственных коллегий будут устранены. В составе каждой из них будет часть работников, непосредственно обслуживающих административные и технические потребности производства и в то же время неразрывно связанных со всей работой массовой пролетарской организации.

25. Обе коллегии, В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х., в полном составе, на совместных заседаниях периодически отчитываются в своей работе, обсуждают и разрешают все принципиальные вопросы организации хозяйства и организации труда.

26. Подобный же порядок организационных взаимоотношений и совместительства от 1/3 до 1/2 членов, с обязательством правильной работы в обоих учреждениях, устанавливается по отношению к экономическим комиссариатам, отделам В. С. Н. Х., главкам и центральным комитетам соответственных производственных союзов.

27. Этот же организационный принцип применяется в отношении к низшим звеньям хозяйственных и союзных организаций (области и округа, губернии, районы и кусты, дороги, заводы, фабрики и проч.).

28. В тех случаях, где административно - хозяйственный орган построен на принципе единоличия, желательно включение администратора в соответственную ячейку союза (с совещательным голосом).

Поскольку дело идет о работнике, пользующемся полным доверием союза, желательно проведение такого администратора выборным путем в состав союзной ячейки с решающим голосом.

Если дело идет о специалисте, которого союз по тем или иным причинам считает невозможным включить в свою ячейку, союз выделяет своего уполномоченного (комиссара), по возможности из членов своей союзной ячейки данного предприятия, который олицетворяет собою контроль союза над администратором-специалистом.

29. На отдельных заводах, рудниках и проч. организационное и личное сочетание административных и союзных органов станет тем легче, чем решительнее союзы возьмут производственный курс, чем глубже массы усвоят производственный критерий при всякого рода выборах. Представляя вполне целесообразным назначение управляющим заводом одного из членов завкома, при условии, разумеется, подходящего лица.

30. *Экономические отделы* профсоюзов, усиленные лучшими административными и техническими работниками соответственных хозяйственных учреждений, должны стать могущественными орудиями улучшения всей организации хозяйства, научной постановки производства, механизации и т. д.

31. Соответственные ячейки на заводах (ячейки содействия производству и пр.) должны стать в определенные отношения к заводоуправлению, которое обязано рассматривать все технические и организационные предложения, идущие через ячейки содействия и т. п. организации, и периодически отчитываться в использовании внесенных предложений по возможности перед общим собранием завода.

32. Распределение рабочей силы, охрана труда и тарифно-нормировочная регулировка его передаются органам союза. Они будут тем успешнее справляться с этой важнейшей работой, чем теснее будет их организационная связь с хозяйственными органами, применяющими рабочую силу.

Примечание: Наркомтруд упраздняется с передачей его основных функций профсоюзам.

33. Конфликты между рабочими и хозяйственными органами в процессе производства разрешаются профсоюзами за их ответственностью перед Рабоче-Крестьянским государством.

34. Все специалисты без исключения должны пропускаться через фильтр профессионального союза. В силу условий всего прошлого и едва завершенной гражданской войны, специалисты должны быть разбиты на 3 категории: 1) испытуемые (вчерашние колчаковцы, врангелевцы и проч.), 2) кандидаты, 3) полноправные члены союза.

Только специалисты последней категории могут назначаться на ответственные посты без комиссаров. Специалисты второй категории могут занимать ответственные посты лишь при комиссарах от производственного союза. Специалисты первой категории могут быть только помощниками или консультантами при администраторах, состоящих членами союза. Таким путем звание полноправного члена союза получит большой производственный вес, который отразится одинаково благотворным образом как на сознании рабочих, так и на сознании специалистов.

35. На всех лиц административного состава, в том числе и не состоящих членами союза, распространяется компетенция дисциплинарных судов, организуемых профсоюзами.

36. Единство управления в промышленном предприятии остается непременным правилом, несмотря на параллельное существование в переходный период производственных союзов и хозяйственных органов. Распорядительная власть принадлежит тому правлению, которое установлено соответственным порядком. Но самый порядок назначения правления должен все больше и больше превращать правление в административно-хозяйственный орган, выделенный для этой цели производственным союзом и сохраняющий с ним постоянную связь. При этих условиях должен исчезнуть самый вопрос о вмешательстве или невмешательстве союзов в управление производством.

37. Нет и не может быть готовой организационной схемы, охватывающей все случаи взаимоотношений хозяйственных и союзных организаций в переходный период. В этой области необходимы творчество, инициатива, личные и организационные комбинации, отвечающие конкретным условиям обстановки. Но все эти опыты должны быть освещены единством задачи:

> воспитать и выдвинуть в среде профессионалистов — хозяйственников, производственников и администраторов; сблизить и организационно сочетать работу союзов и хозяйственных аппаратов; выделить общую часть их работы и создать условия для совместного ее разрешения; систематически стремиться к тому, чтобы эта общая часть работы становилась все шире и шире и в конце концов поглотила бы всю работу, т.-е. окончательно слила бы союзные и хозяйственные органы.

38. Развивая всесторонне эту систему, все теснее связывая ответственную роль в союзе с ответственной ролью в производстве, мы придем раньше или позже к такому положению, при котором союз, охватывая данную отрасль производства целиком и со всех сторон, будет путем комбинации методов выбора и отбора выделять из себя весь административно-хозяйственный аппарат, под общим контролем и руководством рабочего государства, согласующего работу всех отраслей хозяйства.

39. Вопрос о взаимоотношениях хозяйственных и союзных органов может найти в одних отраслях хозяйства свое разрешение значительно ранее, чем в других.

Политика В. Ц. С. П. С. и хозяйственных органов должна быть в этом отношени гибкой, руководствоваться конкретным учетом особенностей каждой данной отрасли хозяйства и отнюдь не может иметь своей целью механическое уравнение всех союзов и отраслей хозяйства.

Не только не будет никакого ущерба единству и солидарности рабочего класса, но будет величайтая выгода для всей его работы, если более передовые производства будут в своем социалистическом строительстве обгонять более отсталые, давая им образец и тем ускоряя их развитие. В частности же в ближайшем будущем отдельным, более подготовленным к этому по своему состоянию союзам может быть передана организация управления соответственной отрасли промышленности на основе обязательности для союза обще-государственных программ и заданий и подчинения его в области производства Президиуму В. С. Н. Х. на общих с хозяйственными органами основаниях.

40. В области *производства* принцип ударности еще остается для нас решающим: только пройдя через стадию ударности, мы достигнем необходимой пропорциональности в основных отраслях хозяйства.

В области *потребления*, то-есть условий личного существования, необходимо вести линию уравнительности в смысле возрастающего обеспечения всех рабочих прожиточным минимумом как в деньгах, так и натурой.

Только при этом условии *премиальная система*, построенная на серьезно проверенных нормах выработки и обеспеченная необходимым натуральным фондом, может стать могущественным рычагом повышения производительности труда.

41. Вопросы личной жизни и быта рабочих должны составить предмет особого внимания каждого производственного союза. При всех хозяйственных затруднениях нашей страны имеются возможности улучшить жилищное, одежное и продовольственное положение рабочих при содействии местных советских органов, при надлежащей инициативе самих рабочих и работниц и при внесении элементов коллективизма в область житейского обихода (дома коммуны, общественные столовые, ясли, товарищеские починочные мастерския и т. п.). Каждый ответственный работник союза обязан изыскивать пути к улучшению условий существования рабочих и периодически оповещать о принятых им мерах и достигнутых результатах как выше стоящие союзные органы, так и союзную печать.

Настоящий проект предлагают:

Члены Ц. К. Р. К. П.: *Н. Бухарин, А. Андреев, Ф. Дзержинский, Н. Крестинский, Е. Преображенский, Х. Раковский, Л. Серебряков, Л. Троцкий.*

Члены Ц. К. К. П. У.: *Г. Пятаков, Ф. Кон, В. Аверин, П. Кин.*

Члены президиума В. Ц. С. П. С.: *А. Гольцман, Н. Иванов, В. Кассиор.*

Члены Ц. К. Всероссийских Профоб'единений и работники профдвижения: *Гуревич, Калнин, Судик, Я. Аксельрод, Черепов, А. Амосов, Е. Бумажный, А. Розенгольц, И. Шелехес, М. Харитонов, А. Падерин, Гаевский и Хрулев.*

Московские работники: *Ю. Ларин, Г. Сокольников, В. Яковлева, В. И. Соловьев, Миньков, Фельдман, Лисицын, М. И. Рогов, Дрожжин, В. Лихачев, Лавров, Горютин, Ив. Хлоплянкин, Гальперштейн, Н. Меркулов и М. Советников.*

ПЕРЕЧЕНЬ ОРГАНИЗАЦИЙ, ВЫСКАЗАВШИХСЯ ЗА III ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

ПАРТИИ, ОТДЕЛЬНЫЕ ФРАКЦИИ, ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОФСОЮЗЫ И СОЮЗЫ МОЛОДЕЖИ, ВЫСКАЗАВШИЕСЯ ТЕМ ИЛИ ИНЫМ СПОСОБОМ ЗА 21 УСЛОВИЕ И ПРИСОЕДИНИВШИЕСЯ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ, К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ МОЛОДЕЖИ И К ИНТЕРНАЦИОНАЛУ КРАСНЫХ ПРОФСОЮЗОВ ПОСЛЕ II ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ЗА ВРЕМЯ С СЕРЕДИНЫ АВГУСТА 1920 Г.

СПИСОК № 1 ПО 1-ое МАРТА 1921 Г.*)

A. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ГРУППЫ.

I. Великобритания.

1) Коммунистическая партия Шотландии сорганизована согласно принц. Коминтерна.	Дейли Геральд, № 1466, от 6/X.
2) Коммунистическая партия Великобрит. полностью приняла программу Коминтерна.	Сведения изразн. англ. газет.
3) Коммунистическая партия (Британск. Секция Коминт.) — группа С. Панкхерст — считает себя входящей в Коминтерн, но сохраняет характер оппозиции слева.	Сведения изразн англ. газет.
4) Коммунистическая Рабочая партия образовалась в Глазго 11/IX. То же, что и 3).	Сведения из разн англ. газет.
5) Лондонская секция Независимой Рабочей партии Англии всеми голосами против четырех высказалась за присоединение к III Интернационалу.	Венская «Ротэ Фанэ» № 522. 28/I 21.
6) Коммунистическая партия Великобритании, Коммунистическая партия (Сильвия Панкхэрст) Шотландская Коммунистическая партия, заводские старосты и комитеты и ряд отдельных коммунистических групп на с'езде в Лидсе 29—30/I слились в Об'единенную Коммунистическую партию Великобритании.	«Коммюнист» 4/II.

II. Скандинавия.

1) Исполнительный Комитет (Arbetsutskott) совместно с Советом Партии (Representatskap), пополненные представителями партийных организаций на совещании в Стокгольме 17—21/X большинством 13:2 решающих и 26:6 совещательных гол. приняли 21 условие, оставив за собой право представить к следующему Конгрессу Коминтерна проект изменения деталей.	«Ф. Д. П.» № 246 от 22/X.
2) Норвежская рабочая партия на конференции в Христиании 30 — 31/X большинством 280 против 32 голосов высказалась за Коминтерн. Ц. К. Партии большинством 20 голосов против 3 принял 21 условие.	«Ф. Д. П.» № 255 от 2/XI.
3) Датская левая социалистическая партия на чрезвычайном с'езде представителей 43 организаций в Фредериции 7/XI единогласно постановила принять 21 условие и именоваться впредь Датской Коммунистической партией.	«Ф. Д. П.» № 239 от 20/XI.
4) Организация левой социалистической партии Швеции в Гетеборге приняла большинством 2/3 гол. резолюцию о безусловном присоединении к III Интернационалу.	«Интерн.» № 34 4/XII.
5) Партийная организация Алингсоса и отдельно клуб молодежи приняли резолюцию Стрема (о безусловном присоединении к III Интернационалу).	Ф. Д. П., № 284 6/XII.
6) В Худиксвалле партийная организация вместе с клубами женским и коммунистической молодежи приняла резолюцию Стрем.	Ф. Д. П., № 282 3/XII.
7) Митинг в Роннеби принял резолюцию большинства Стокгольмского совещания о присоединении к III Интернационалу.	Ф. Д. П., № 257 4/XI.

*) Список очень неполон.

8) В Экскильстуне принята резолюция большинства.	«Ф. Д. П.» № 272 22/XI.
9) Стокгольмская организация большинством 180:6 приняла рез. большинства.	«Ф. Д. П.» № 279 30/XI.
10) В Андеболе единогласно принята резолюция большинства.	«Ф. Д. П.» № 263 2/XI.
11) Вериландский округ на собрании при участии представителей 4-х организаций (присутствовало около 100 чел.). единогласно принял резолюцию большинства.	«Ф. Д. П.» № 262 10/XI
12) Окружный Партийный Комитет Северного Смоландского Округа большинством 3 против 2 гол. высказался против принятия 21 условия без предварительного их рассмотрения. Несмотря на это, на собрании представителей 19 организаций большинством 12 против 7 голосов была высказана солидарность с резолюцией большинства.	«Ф. Д. П.» № 284 6/XII.
13) Собрание представителей партийных организаций гор. Христиании большинством 148:58 гол. (оппозиция оправа — 13 голосов) приняло резолюцию большинства партийной конференции.	«Социал - Демократ» (Норвегия) № 269, 19/XI.
14) Митинг в Трондьеме 21/XI (присутствовало около 1000 чел.) большинством всех голосов против 6 высказался за резолюцию большинства.	«Социал - Демократ» (Норвегия) № 272, 23/XI.
15) В Ставангере на собрании представителей партийных организаций большинством 180:51 (оппозиция справа — 58 гол.) принята резолюция большинства (но без изменения названия).	«Социал - Демократ» (Норвегия) № 281, 3/XII.
16) Скиенский Отдел союза молодежи всеми голосами против двух принял резолюцию большинства.	«Социал - Демократ» (Норвегия) № 255, 8/XI.
17) Окружное собрание Иевнакера приняло всеми голосами против 8 резолюцию большинства (за исключением переименования).	«Социал - Демократ» (Норвегия) № 259, 8/XI.
18) На собрании организации Харстада всеми голосами против 6 отвергнуто предложение выйти из III Интернационала. Принята резолюция большинства.	«Социал - Демократ» (Норвегия) № 280, 2/XII.
19) Организацией Эврe-Экер всеми голосами против 3 принята резолюция большинства.	«Социал - Демократ» (Норвегия) № 280, 2/XII.
20) В Хамире (Норвегия) на собрании партийного округа значительным числом голосов принята резолюция большинства конференции в Христиании.	«Социал - Демократен» (Норвегия) № 301 26/XII
21) В Анере представительство местного отдела партии на своем собрании 10/XII приняло резолюцию большинства конференции в Христиании 55 гол. против 20. Изменение названия партии отвергнуто 40 гол. против 23.	«Социал-Демократен» (Норвегия № 295 20/XII.
22) Клуб Коммунистической Молодежи в Берknесе (Bjôrknâs) 1/I 21 переименован в клуб коммунистов.	«Stormklockan» № 5.
23) Социалистическая молодежь Юккисиерви (Jukkusjârvi) единогласно решила переименовать свой клуб в клуб коммунистов.	«Stormklockan» № 5.
24) Клуб социалистической молодежи в Сали уже переименован в коммунистический.	«Stormklockan» № 5.
25) Коммунистическая молодежь в Едервалла (Uddervalla) единогласно постановила требовать переименования союза молодежи.	«Stormklockan» № 5.
26) Клуб в Никка уже переименован в коммунистический.	«Stormklockan»
27) Skôrgadskluben (в Сёдергама) стоит за переименование союза в коммунистический.	«Stormklockan» № 8.
28) Клуб в Фанлинде (южное предместье в Стокгольме) стоит за переименование в клуб коммунистов.	«Stormklockan» № 8.
29) В Стокгольме образовался коммунистический студенческий клуб.	«Фольkеше Дагблат Политикен». № 271. 20/XI 20.
30) Организация Хедемаррка (Норвегия) после доклада тов. Инудсена 32 гол. против 8 приняла резолюцию о полном присоединении k большинству.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 1 3/1 21.
31) Округ Суну. 25 голосами против 2 принято присоединение k резолюции большинства.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 2. 4/1 21.
32) Организация Вестеролеса единогласно присоединилась k резолюции большинства.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 7. 10/1 21

33) В организации Гьовика за присоединение к резолюции болъшинства подано 33 голоса, 17 голосов за резолюцию меньшинства и 6 голосов против обеих резолюций.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 7. 10/I 21.
34) В Трондене на собрании 40 представителей от 9 союзов принято присоединение к резолюции болъшинства всеми против 2 голосов.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 8. 11/I 21.
35) Рабочая партия в Нарвине болъшинством 23 голосов против 19 приняла московские тезисы.	«Социал-Демократен» (Норвег). № 15. 19/I 21.
36) В Сельсбане, Оридале и Хомельвине организации рабочей партии присоединились к резолюции болъшинства.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 21. 28/I 21.
37) Организация Пригеро 2/3 голосов приняла присоединение к резолюции болъшинства.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 23. 26/I 21.
38) В Синдефиорде рабочая партия на своем собрании раскололась, причем 32 члена покинули зало и перешли в другое, где и приняли единогласно резолюцию болъшинства, с сохранением старого наименования партии. Правые социалисты в числе около 100 постановили выйти из Норвежской Рабочей Партии и с 1 марта примкнуть к социал-демократической рабочей партии.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 24. 28/I 21.
39) Организация Бумеруса приняла резолюцию болъшинства 74 голосами против 70.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 25. 31/I 21.
40) Рабочая партия в Ивеланде единогласно приняла резолюцию болъшинства, но с удержанием прежнего названия. 4 голоса за изменение его.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 25. 31/I 21.
41) Рабочая партия в Рьенене приняла резолюцию болъшинства 86 голосов против 10.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 29. 4/II 21.
42) Рабочая партия в Сельборде единогласно приняла резолюцию болъшинства.	«Социал-Демократен» (Норвег.) № 29. 4/II 21.
43) Рабочая партия в Сволъвире приняла всеми голосами против 1 присоединение к резолюции болъшинства, с оговоркой по отношению к названию партии.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 29. 4/II 21.
44) Рабочая партия в Лидсе 52 голосами против 36 приняла резолюцию болъшинства. Одновременно вынесено осуждение правым социалистам за внесение раскола в рабочий класс.	«Социал-Демократен» (Норвег.). № 31. 7/II 21.

III. Германия.

1) Социалистическая организация Берлинских студентов распалась на две группы: социал-демократ. и коммунистич.	«Аванти» № 267, 7/XI.
2) Верхне-Силеская социалистическ. партия приняла 21 условие (Берлин, 25/XI из газ. «Интернационал»).	«Правда», № 269, от 30/XI. 1920 г.
3) Левое крыло независ. соц.-дем. партии. Болъшинство нез. соц.-дем. партии (левое крыло) откололось на с'езде в Галле и на объединит. с'езде 4/XII слилось с Коммун. Парт. Герм.	Немецк. газеты.
4) Союз Социалистическ. Пролетарск. молодежи. На всегерманск. Конференц. в Лейпциге 7/XI, болъшинством 10 голос. постановлено ликвид. организ. и слиться с Коммун. Молод. и тем самым присоед. к Коминтерну.	Pote Фане, № 236, 17/XI. 1920 г.
5) Партийный с'езд независимых социалистов в Данциге болъшинством 77 против 9 голосов постановил присоединиться к Коминтерну.	«Pote Фане» № 38. 24/I 21.

IV. Швейцария.

1) Социалистическая организация Рюти высказалась за Московские условия болъшинством 46 против 1 голоса.	«Интерн.» № 17, 18/XI.
2) Швейцарская социалистич. партия. 3 секции Берна высказалась за принятие 21 условия. Комитет Цюрихской секции высказался за присоедин. к Коминтерну и за принятие 21 условия болъшинством 21 против 18 гол.	«Аванти» 10/XI. и 13/XI 1920 г.
3) Чрезвычайный с'езд кантона Цюрих болъшинством 178:97 принял Московские условия.	«Аванти», № 278, 20/X. «Юман.», 19/XI
4) В Базеле 22/XI состоялся учредительн. с'езд левой социал-демократической партии, вышедшей	«Р. Ф.», № 263, 18/XII.

из рядов швейцарских социалистов, в виду нежелания последних присоединиться к III Интернац.

5) Социалисты г. Женевы большинств. 44 против 9 голосов приняли присоед. к III Интерн. с оговоркой, предлагающей пересмотреть 21 условие. «Интерн.», № 27. 27/XI, № 36, 6/XII.

6) Социалисты Базеля высказались за 21 условие. «Трибуна», № 28. 2/XI.

7) Швейц. соц. партия (Люцернский Кантон) на Конгр. приняла 51 гол. против 31 резол. о присоед. к Москве на основе 21 усл. Аванти 13/XI. 20.

8) Конгресс Соц. Партии Шафгаузена постанов. присоед. к Коминт. всеми голосами против 1. «Аванти,» 30/X.

V. Франция.

1) Соц. федерац. молодежи департам. Сены приняла на Конгр резолюцию о присоедин. к Коминтерну большинством 5/6 всех гол. (24 X). «Pome Фане», № 225, 4/XI.

2) Союз Соц. Молодежи Франции на Конференц. в Париже в своем заключительном заседании от I/XI большинством 5443 голосов против 1958 постановил присоединиться к Коминтерну. Правда № 247 4/XI. 1920 г. Юманите, 25/X, Pome Фане, № 451, 3/XI; Аванти, 31/X.

3) Национальный Конгр. A. R. A. C. (Ass. républ. des anciens combattants) принял резолюцию за признание III Интернационала. «Юманите» от 20/VII.

(Подготовка к Национальному Конгрессу в Туре).

1. *Департамент Сены.*

1) Конгресс 20-й секции Сенской Федерации 24/X большинством 376 гол. против 83 принял резолюцию о присоедин. к III Интерн. «Юман.» 25 XI.

2) Секция Пре-Сен-Жерве Фр. Соц. Партии большинством 206 против 13 при 6 воздерж. приняла резол. за присоед. к III Интернационалу (25/X). »

3) 4-я секция Сенской Федерации Фр. Соц. Партии большинством 74 против 8 при 6 голос. за условное присоединение приняла резол. за прямое и безусловное присоед. к III Интерн. (6/XI). «Юман.», 13/XI.

4) 12-ая секция Сенской Федерации большинством 264 гол. приняла прямое и безусловное присоединение к III Интернационалу (за присоедин. с условиями 32, за рез. Блюм-Мейера — 6). «Юманите», 13/XI

5) Секция Аркей-Кашан Ф. С. П. приняла резолюцию о безусловном присоединении большин. 50 против 10 (за рез. присоед. с условиями). (7/XI). «Юманите», 14/XI.

6) Секция Сюрень Ф. С. П. приняла рез. присоед. без условий, больш. 154 против 8 (за рез. присоедин. с условиями (7/XI). »

7) Секция Нейи-ан-Тейль приняла единогл. безусловное присоединение. »

8) Секция Сен-Мор Ф. С. П. приняла рез. безусловного присоединения больш. 43 против 13 (за рез. присоед. с условиями) при 2 воздержавшихся. «Юманите», 12/XI

9) Секц. Жантили Ф. С. П. приняла резол. безусловного присоединения большинством 77 против 16 (за рез. присоед. с условиями). (12/XI). «Юманите», 11/XI

10) XVIII секция Сенской федерации приняла резолюцию присоед. к III Интерн.: 212—за присоед. без условий, 47—с условиями; против присоединения — 37. (1/XI). »

11) IX секция: за присоединение—1222, за резолюц. Лонге-Фора—7 (8/XI). «Юман.», 9/XI.

12) X секция: за присоединение—134, за резолюцию Лонге-Фора — 61, против—28.

13) XI секция: за присоединение—248, за резолюцию Фора—47, против присоединения—3. (6/XI). »

14) XI секция: за резол. Фроссара—271, за резолюц. Лонге—55, за рез. Лориса—10, за рез. «Соц. Жизни»—8, воздержалось—1. «Юман.», 9/XI.

15) Секция Кремлон-Бисерт: за присоединение—77, за рез. Лонге-Фора — 17 против 9. (4/XI). «Юман., 11/XI.

16) II секция: за присоединение—123, за рез. Лонге-Фора — 7, за рез. Блюма-Паоли—10. «Юман., 17/XI.

17) Секция Бра на Марне за присоединение единогласно. «Юман.», 18/XI.

18) Секция Шуази-ле-Ро: за присоединение — 126, за рез. Лонге-Фора—13, за рез. Блюма—2. «Юман.», 18/XI.

19) Секция Фонтеней су Буа: за присоединение—108, за рез. Лонге-Фора—2, за рез. с особыми оговорками—10, за рез. Блюма—4. »

20) Секция Клиши: за присоединение—173, за резол. Лонге-Фора—8, за резолюц. Блюма—2. «Юман.», 19/XI.

21) Секция Монтрейль: за присоединение—178, за рез. Лонге-Фора — 71, за резолюцию Блюма—1, воздержались—115. »

22) V секция фед. Сены: за присоединение—103, за рез. Лонге — 18, за резол. Блюма—32. (20/XI). «Юман.», 20/XI.

23) Секция Иври: за присоединение—108, за резол. Лонге—22, воздержались—1. »

24) Секция С.-Этьен за присоединение (число не указано). »

25) Секция Мушар за присоединение (число не указано). «Юман.», 21/XI

26) Секция Лон-ле Сюнье за присоединение (число не указано). »

27) Секция Ножан на Марне: за присоединен.—24, за рез. Лонге-Фора—8, против присоединения—2. »

28) Секция Сен-Годан: за присоединение—29, за рез. Лонге-Фора — 12, против присоединения—2. «Юман.», 27/XI.

29) XIV секция Фед. Сены: за присоединение — 395, за прибавку Гейне-Леруа—137, за рез. Блюма—117, за рез. Лонге-Фора—33. «Юман.», 27/XI

30) Секция Курнев: за присоединение единогласно. »

31) Секция Со: за присоединение—30, за рез. Лонге-Фора—20, за рез. Блюма—8. »

32) Секция С. Манде: за присоединение—34, за рез. Лонге-Фора—11, за резол. Блюма—6. »

33) Секция Нюжо: за присоединение — 271, за резол. Лонге-Фора—104. «Юман.», 28/XI.

34) Секция Бакаланж: за присоединение большинство. Количество голосов не приводится). »

35) Секция Морли за присоединение единогласно. »

36) Секция Карубль, тоже. »

37) Секция Сен-Сольи, тоже. «Юман.», 28/XI.

38) Секция Фенен, тоже. »

39) Секция Лоффр, тоже. »

40) Секция Ронден, тоже. »

2. *Департамент Сены и Уазы.*

1) Секция Нантерр Ф. С. П. приняла рез. безусловного присоединения больш. 43 голос. против 9 (за рез. присоед. с услов.). (10/XI). «Юман.», 11/XI.

2) Секция Бошам: за присоединение единогласно. «Юман.», 17/XI.

3) IV сектор: за присоединение единогласно. «Юман.», 21/XI.

4) Секция Вожур: за присоединение единогласно. «Юман.», 20/XI.

5) Секция Корбейль: за присоединение — 94, за рез. Лонге-Фора — 7, за резол. Блюма—2. «Юман.», 20/XI.

6) Секция С.-Уаза: за присоединение—159, за рез. Лонге-Фора — 32, за резол. Блюма—6. «Юман.», 27/XI.

7) Секция Крозю: за присоединение — 21, за резол. Лонге-Фора — 2, воздержались—9.

3. *Департамент Геро.*

1) Секция Безье Ф. С. П. приняла рез. безусловного присоединения больш. 58 против 32 (16 за рез. присоед. с условиями, 16—против присоединения). (12/XI). «Юман.», 12/XI.

2) Секция Монпелье: за присоединение — 38, за рез. Лонге-Фора — 2, за рез. Блюма—3, воздержались—2. «Юман.», 19/XI.

3) Секция Муорвиель: за присоединение почти единогласно. «Юман.», 7/XII.

4. *Департамент Лион.*

1) Секция Виллеброн: за присоединение—103, за рез. Лонге-Фора—37 (16/XI). «Юман.», 18/XI.

5. *департамент Сены и Марны.*

1) Секция Кулонье: за присоединение единогласно. «Юман.», 18/XI.

6. *Департамент Норд.*

1) Секция Оннэн: административн. комиссия—за рез. Кашена-Фроссара. «Юман.», 21/XI.

2) Секция Гелемм: за присоединение единогласно. »

3) Секция Акстайнг: за присоединение большинство всех гол. против—6.	«Юман.», 27/XI.
4) Секция Лаллонг: за присоединение единогласно.	«Юман.», 28/XI.
5) Секция Денен: за присоединение всеми гол. против—6.	»
6) Секция Онненг: за присоединение единогласно против—2.	»

7. Департамент Вьень.

1) Секция Канн-ла-Бенна: за присоединение — 12, воздержалось—2.	«Юман.», 21/XI.

8. Департамент Крез.

1) Секция С.-Сюлонис ле-Шан: за присоединение единогласно.	«Попюл.», 13/XII.

9. Департамент Верхней Гаронны.

1) Секция Ильан Додон: за присоед. единогласно.	«Попюл.», 13/XII.

10. Департамент Верхней Луары.

1) Секция Шазелль: за присоединение единогласно.	«Юман.», 18/XI.
2) Секция Шалетт (Луара): за присоед. единогл.	«Юман.», 7/XII.

11. Департамент Ньевр.

1) Секция Ла-Шарите: за присоединен. единогласно.	«Попюл.», 7/XII.
2) Секция Ла-Машин: за присоединен. единогласно.	»
3) Секция Вернейль: за присоединение (число голосов не указано).	»

12. Департамент Вогезов.

1) Секция Эпиналь: за присоедин. 4 манд.—16 гол., за резолюцию Лонге-Фора 1 манд.—4 гол.	«Попюл.», 7/XII.
2) Секция Рамонтан: за присоединение единогласно против 1 гол.	»
3) Секция Жерадме: за присоединение — 18, за рез. Лонге-Фора—1.	»

13. Департамент Верхней Марны.

1) Секц. Ла-Мот Д'Авейнан: за присоед. единогл.	Правда № 270 2. XII/1920 г.

14. Остальные департаменты Франции.

1) Страсбургская секция соц. парт. Франции высказалась за присоединение к III Интернационалу (радио из Лиона).	
2) Собрание секции Паде-Кале Фр. Соц. Партии 24/X (больш. 600 гол.) высказалось за присоединение к III Интернационалу (5/XI).	«Юман.» 13/XI.
3) Секция Лилля: (единогласно). (1/XI).	
4) Секция Ривезальт: за присоединение единогласно.	«Юман.» 18/XI.
5) Секция Дранси: за присоединение единогласно.	» »
6) Секция Масси: за присоединение единогласно.	» »
7) Секция Рюэлль (фед. Шарант) за присоединение 110, за рез. Лонге—40.	» »
8) Секция Метц: за присоединение—24, за рез. Лонге—Фора—2, за рез. Блюма—3, воздержались—2.	«Юман.» 19/XI.
9) Секция Банье: за присоединение—25, за рез. Лонге — Фора — 9, воздержались—1.	«Юман.» 20/XI.
10) Секция Канны: за присоединение единогласно—41.	«Юман.» 21/XI.
11) Секция Мюльгаузен: за присоединение 159, против (за отложение резолюции)—61.	«Юман.» 27/XI.
12) Секция Фекран (нижняя Сена) за присоединение единогласно против 2.	» »
13) Секция Дуэ: за присоединение единогласно против 4.	«Юман.» 28/XI.
14) Секция Эпинэй: за присоединение—34, за рез. Лонге-Фора—1, за резолюцию Блюма—1.	» »
15) Секция Ольнуа ле Валансьен: за присоединение единогласно.	«Юман.» 28/XI.
16) Секция Валансьен: т о ж е.	» »
17) Секция Анзен: за присоединение единогласно против 4.	» »
18) Секция Антер: за присоединение подавляющее большинство.	«Юман.» 7/XII.
19) Секция Сегре: т о ж е.	
20) Секция Берн-сюр-Мер: за присоединение—37, против 17.	» »
21) Секция Мейлан: за присоединение—57, за рез. Лонге-Фора—13.	» »

22) Секция Бургуан (фед. Изер) за присоединение—53, за рез. Лонге-Фора—5. «Попюл.» 13/XII.

23) Секция Рубе: за присоединение—237, за рез. Лонге-Фора—182, за резолюцию Блюма—11. «Попюл.» 7/XII.

24) Секция Сетт: за присоединение—77, за рез. Лонге-Фора—16, за рез. Блюма—5 (27/XI). «Юман.» 29/XI.

15. Федерации.

1) Социалист. организации Прованса на Конгр. 1/XI большинством 5443 против 1958 голос. постанов. присоед. к Коминтерну. (см. список № 1). «Роте Фане» (Берлин), 4/XI, № 225.

2) Федерация Коррез (3000 членов, 100 секций) на Конгрессе решила присоединиться единогласно (С оговорками формул. Фроссара: сохранение названия партии, неисключение фракции центра, неподчинение проф. движения соц. партии). «Юман.» 10/XI.

3) Фед. Верхней Савойи: за присоединение 20 мандатов—200 гол., за рез. Лонге-Фора 8 мандатов—32. «Юман.» 28/XI.

4) Федерация Марны: за присоединение—608, за рез. Лонге-Фора—373, за рез. Блюма—14. «Юман.» 28/XI.

5) Федерация Шарант: за присоединение 22 мандата—880, за рез. Лонге-Фора 6 мандатов—240, за рез. Блюма 1 манд.—40 голосов. «Юман.» 7/XII.

6) Федерация Метц: за присоединение единогласно. «Юман.» 7/XII.

7) Федерация Индре-Луар: за присоединение 50 манд.—2000 гол., за рез. Лонге-Фора 26 манд.—1040, за рез. Блюма 1 манд.—40. «Юман.» 10/XII.

8) Федерация Дуб: за присоединение—53, за рез. Лонге-Фора—5, разные—7. «Юман.» 29/XI.

9) Федерация Луары: за присоединение единогласно (107 мандатов). » »

10) Федерация Дордонь: за присоединение—1311, за рез. Лонге-Фора—22. » »

11) Федерация Нима большинством 1327 голос. против 57 высказалась за присоединение к III Интернационалу. «Д. Г.» 8/XII.

12) Федерация Сены 28/XI большинством 13488 гол. против 1161 приняла резолюцию Кашен-Фроссара. «Юман.» 29/X.

Кашен-Фроссар	13.488
Лонге-Фор . . .	2.114
Блюм	1.961
Гейне	248

13) Федерация Финистер большинством 167 против 98 гол. приняла резолюцию Кашен-Фроссара. «Роте Фане», № 255, 9/XII.

14) Федерация департамента Мозель высказалась за присоединение к III Интернационалу. »

15) Федерация Эвре-Луар: за присоединение 88 манд.—3520, за рез. Лонге-Фора 20 манд.—800, за рез. Блюма 4 манд.—160, воздержал. 1 манд.—40 «Попюл.» 13/XII.

С начала декабря французские социалистические газеты следят только за резолюциями федераций ввиду того, что голосования по секциям невозможно представить в полном об'еме вследствие их многочисленности и разнокалиберности.

За III Интернационал высказались следующие федерации:

1) Авейрон:		«Юманите» 22/XII.
Кашен-Фроссар . .	282 г.	
Лонге-Фор	174 »	
Блюм-Паоли . .	7 »	
2) Аллие:		«Юманите» 13/XII.
Кашен-Фроссар . .	1204 г.	
Лонге-Фор	266 »	
Блюм-Паоли	746 »	
3) Альпы южные *единогласно* за III Интернационал.		«Юманите» 11/XII.
4) Альпы приморские:		«Юманите» 5/XII.
Кашен-Фроссар .	56 манд.	
Лонге-Фор . . .	5 »	
5) Ариеж:		«Юманите» 14/XII.
Кашен-Фроссар .	9 манд.	
Блюм-Паоли . .	1 »	
6) Алжир:		«Юманите» 22/XII.
Кашен-Фроссар .	39 манд.	
Лонге-Фор . . .	1 »	
Блюм-Паоли . .	2 »	
7) Бельфорский округ *единогласно* за III Интернационал.		«Юманите» 5/XII.
8) Устье Роны:		«Юманите» 13/XII.
Кашен-Фроссар .	70 манд.	
Лонге-Фор . . .	20 »	
Блюм-Паоли . .	3 »	
9) Вьенн:		«Юманите» 21/XII.
Кашен-Фроссар .	38 манд.	
Лонге-Фор . . .	6 »	
Блюм-Паоли . .	14 »	
10) Вандель:		«Юманите» 15/XII.
Кашен-Фроссар .	4 манд.	
Лонге-Фор . . .	1 »	
Блюм-Паоли . .	1 »	

11) Вогезы:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	14 манд.	22/XII.
Лонге-Фор . . .	4 »	
Блюм-Паоли . .	3 »	
12) Воклюз:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	42 манд.	21/XII.
Лонге-Фор . . .	3 »	
Блюм-Паоли . .	1 »	
13) Гард:		«Юманите»
Кашен-Фроссар . .	1327 гол.	6/XII.
Лонге-Фор	1057 »	
Блюм-Паоли . . .	215 »	
14) Дром:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	298 манд.	20/XII.
Лонге-Фор . . .	79 »	
15) Севр:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	9 манд.	18/XII.
Лонге-Фор . . .	3 »	
16) Жиронд:		«Юманите»
Кашен-Фроссар . .	1290 гол.	13/XII.
Лонге-Фор	350 »	
Блюм-Паоли . . .	910 »	
17) Изер:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	84 манд.	14/XII.
Лонге-Фор . . .	21 »	
18) Иль и Вилэн:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	8 манд.	22/XII.
Лонге-Фор . . .	4 »	
Блюм-Паоли . .	3 »	
19) Кот Д'ор *единогласно* за III Интернационал.		«Юманите» 21/XII.
20) Корсика:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	17 манд.	15/XII.
Блюм-Паоли . .	5 »	
21) Кот-дю-Нор:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	198 манд.	9/XII.
Лонге-Фор . . .	134 »	
Блюм-Паоли . .	3 »	
22) Кальвадос:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	13 манд.	15/XII.
Лонге-Фор . . .	8 »	
Блюм-Паоли . .	2 »	
23) Крёз:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	37 манд.	15/XII.
Лонге-Фор . . .	6 »	
Блюм-Паоли . .	5 »	
24) Луара Нижняя:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	20 манд.	21/XII.
Лонге-Фор . . .	4 »	
Блюм-Паоли . .	13 »	
25) Луара Верхняя:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	4 манд.	22/XII.
Лонге-Фор . . .	1 »	
26) Луара:		«Юманите»
Кашен-Фроссар . .	592 гол.	16/XII.
Лонге-Фор	90 »	
Блюм-Паоли . . .	58 »	
27) Луара и Шер:		«Юманите»
Кашен-Фроссар 6 м. / Гейне . . . . . 3 »	9 манд.	15/XII.
Лонге-Фор . . .	5 »	
Блюм-Паоли . .	1 »	
28) Ло и Гаронна:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	65 манд.	15/XII.
Лонге-Фор . . .	5 »	
Блюм-Паоли . .	1 »	
29) Лозер		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	5 манд.	9/XII.
Лонге-Фор . . .	2 »	
30) Верхняя Марна:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	9 манд.	18/XII.
Лонге-Фор . . .	2 »	
Блюм-Паоли . .	1 »	
31) Мэн и Луара:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	11 манд.	22/XII.
Лонге-Фор . . .	7 »	
32) Морбиан:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	10 манд.	18/XII.
Лонге-Фор . . .	4 »	
Блюм-Паоли . .	2 »	
33) Манш *единогласно* за III Интернационал.		«Юманите» 20/XII.
34) Мёз:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	2 манд.	21/XII.
Лонге-Фор . . .	1 »	
35) Ниевр:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	30 манд.	20/XII.
Лонге-Фор . . .	6 »	
Блюм-Паоли . .	8 »	
36) Нор:		«Юманите»
Кашен-Фроссар 462 г. / Гейне . . . . . 2 »	464 гол.	20/XII.
Лонге-Фор . . .	247 »	
Блюм-Паоли . .	23 »	
Воздержалось .	81 »	
37) Пиренеи Нижние:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	11 манд.	22/XII.
Лонге-Фор . . .	6 »	
Блюм-Паоли . .	1 »	
Воздержалось . .	2 »	
38) Пиренеи Верхние:		«Юманите»
Кашен-Фроссар . .	107 гол.	14/XII.
Лонге-Фор	2 »	
Блюм-Паоли	19 »	
Воздержалось . . .	34 »	
39) Па-де-Кале:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	267 манд.	21/XII.
Лонге-Фор . . .	145 »	
Блюм-Паоли . .	67 »	
40) Рона:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	80 манд.	21/XII.
Лонге-Фор . . .	7 »	
Блюм-Паоли . .	14 »	
41) Рейн Нижний:		«Юманите»
Кашен-Фроссар . .	102 гол.	13/XII
Против присоедин.	29 »	
42) Рейн Верхний:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	24 манд.	22/XII.
Лонге-Фор . . .	1 »	
43) Саона и Луара:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	55 манд.	15/XII.
Лонге-Фор . . .	15 »	
Блюм-Паоли . .	7 »	
44) Сена Нижняя:		«Юманите»
Кашен-Фроссар .	65 манд.	14/XII.
Лонге-Фор . . .	6 «	
Блюм-Паоли . .	5 «	
45) Сена и Марна:		«Юманите»
Кашен-Фроссар 435 г. / Гейне . . . . . 6 »	441 гол.	10/XII.

46) Сена и Уаза:		«Юманите»
Кашен-Фроссар . .	3472 гол.	20/XII.
Гейне	78 »	
Лонге-Фор	489 »	
Блюм-Паоли . . .	101 »	
Воздержалось . .	60 »	
47) Тарн и Гаронна:		«Юманите»,
Кашен-Фроссар	25 манд.	20/XII.
Лонге-Фор . . .	14 »	
48) Уаза:		«Юманите»,
Кашен-Фроссар	78 манд.	21/XII.
Лонге-Фор:	40 »	
Блюм-Паоли . .	1 »	
49) Шер:		«Юманите»,
Кашен-Фроссар .	24 манд	18/XII.
Лонге-Фор . . .	5 »	
Блюм-Паоли . .	2 »	
50) Нижний-Шарант:		«Юманите»,
Кашен-Фроссар .	29 манд.	7/XII.
Лонге-Фор . . .	8 »	
Блюм-Паоли . .	8 »	
51) Эндр:		«Юманите»,
Кашен-Фроссар .	10 манд.	18/XII.
Лонге-Фор . . .	2 »	
52) Эндр и Луара:		«Юманите»,
Кашен-Фроссар .	2000 гол.	10/XII.
Лонге-Фор . . .	1040 »	
Блюм-Паоли . .	40 »	
53) Эра:		«Юманите»,
Кашен-Фроссар .	71 манд.	22/XII.
Лонге-Фор . . .	2 »	

На Конгрессе в Туре постановлено присоединиться к III Интернационалу:

Кашен-Фроссар	3.208 гол.
Лонге-Фор	1.022 »
Блюм-Паоли	394 »
Гейне	44 »

VI. Италия.

1) 460 рабочих секции Милана решили присоединиться к III Интернационалу.	«Правда», 9/XII.
2) На с'езде в Реджио-Эмилия от 10—11/X Фракция концентрации подтвердила свое присоединение к III Интернационалу и приняла 21 условие.	«Аванти», 23/XI.
3) Социалисты Венеции-Джулии, принадлежащие к фракции унитаристов, в своей декларации заявили, что они стоят за сохранение в силе присоединения к III Интернационалу.	«Аванти», 10/XI.
4) Фракция коммунистов абстенционистов постановила присоединиться к Коммунистической Фракции Ит. С. П.	«Совет», № 26.
5) Временный комитет фракции молодежи партии коммунистов-абстенционистов постановил присоединиться к коммунистической фракции партии.	«Совет», № 27.
6) На с'езде во Флоренции 20—21/XI фракция унитаристов Ит. С. П. (группа Серрати) заявила о своем принятии московских условий во всей их целостности.	«Аванти», 23/XI.
7) Принадлежащие к коммунистическому течению секции провинции Болоньи на совещании 14/XI заявляют о необходимости и обязательности для Итальянской Социалистической Партии оставаться в составе III Интернационала. При этом однако партией сделан ряд существенных оговорок.	«Аванти», 18/XI.
8) Максималистская фракция провинции Реджио-Эмилия, рассмотрев вопрос о существующих внутри партии течениях, подтверждает свое присоединение к III Интернационалу.	«Аванти», 24/XI.
9) На с'езде в Имоле 27—28/XI фракция коммунистов И.С.П. подтвердила свое вхождение в III Интернационал.	

На послеобеденном заседании первого дня Илари от имени комиссии по проверке мандатов докладывает, что к с'езду присоединилась 321 секция (как большинства, так и меньшинства). Секции распределяются нижеследующим образом:

1.	Провинция	Алессандрия . . . 11
2.	»	Аквиля 19
3.	»	Ареццо 16
4.	»	Бари 5
5.	»	Болонья 6
6.	»	Козенца 1
7.	»	Кунео 2
8.	»	Кремона 10
9.	»	Флоренция. . . . 5
10.	»	Феррера 1
11.	»	Форли 7
12.	»	Генуя. 13
13.	»	Мантуя 5
14.	»	Лекче. 1
15.	»	Лукка 1
16.	»	Магерата 1
17.	»	Милан 11
18.	»	Модена. 2
19.	»	Неаполь 10
20.	»	Новара 16
21.	»	Павия 4
22.	»	Пезаро 1
23.	»	Пиза 1
24.	»	Бистойя 6
25.	»	Порт-Маврицио . . 2
26.	»	Потенезо 1
27.	»	Равенна 2
28.	»	Реджио-Эмилия . . 3

29.	Провинция	Реджио-Калабрия .	1
30.	»	Рим	1
31.	»	Таренто	3
32.	»	Терамо.	1
33.	»	Турин	8
34.	»	Трапани	1
35.	»	Венеция	1
36.	»	Венеция-Джулия . .	5

За границей присоединилось 13 секций.

Отдельных товарищей присоединилось 28.

Комитетов провинциальных социалистических федераций с отдельными представителями—2; без представителей—1.

Провинциальных федераций молодежи—14, и кроме того Центральный комитет общеитальянской федерации молодежи в своем громадном большинстве.

Ячейки молодежи прислали заявление о своем присоединении в количестве 85.

Из числа членов Ц.К. Итальянской Социалистической партии присоединились Дженари (секретарь), Беллоне, Марциани, Сесса, Террачини и Тунтар («Аванти» 30/XI).

На утреннем заседании второго дня было сообщено о присоединении новых секций. Они распределяются следующим образом: Аквила—11, Казарта—13, Козенца—1, Кунео—4, Генуя—5, Мантуя—19, Модена—3, Новара—1, Терамо—1, Турин—5, Венеция-Джулия—5.

Присоединился также Миланский союз коммунистической молодежи («Аванти» 1/XII).

Таково было положение дела к моменту первого организационного с'езда нарождающейся партии. С тех пор в течение всего декабря и в начале января присоединения к коммунистам непрерывно продолжаются. Длинный их список идет через ряд номеров «Аванти» и к 14/I («Аванти» № 12. 14/I) общее число социалистических организаций, затронутых коммунистическим движением, доходит до 1263. Во многих секциях присоединились «большинства», в других «меньшинства», в третьих имеются только коммунистические «ячейки» (gruppi).

1) Провинциальный с'езд коммунистической фракции Лигурии 16/XII в Генуе заявил о своей совершенной, полной энтузиазма и самой тесной солидарности с Исполкомом Коминтерна. «Аванти» 18/XII 1920.

2) На партийном с'езде социалистов провинции Лациум большинством 203 против 200 голосов победили коммунисты-сецессионисты. «Аванти» 24/XII 1920.

3) На партийном с'езде провинции Равенна победили коммунисты-сецессионисты большинством 62 против 51 голосов. «Аванти» 15/XII 1920.

4) Партийный с'езд провинции Турин дал следующие результаты: «Аванти» 22/XII 1920.

Коммунисты - сецессионисты . . . . . 3344 гол.
Унитаристы . . 2070 »
Концентрация . 7 »

5) Голоса на Конгрессе в Ливорно распределились следующим образом:
Коммунисты 58783
Унитаристы 98028
Реформисты 14695

В результате этого голосования коммунисты выделились в особую партию.

6) Секция Градо итальянской социалистической партии, присоединившаяся было к унитаристам, взяла свое решение обратно и примкнула к коммунистической партии Италии (телеграмма из Триеста от 10 февраля). «Ротэ Фанэ» 13/II 1921.

7) С'езд социалистической молодежи (унитаристов) во Флоренции, на котором присутствов. представители от 315 секций 12.000 членов, подтверждает свое присоединение к Берлинскому Интернационалу Молодежи, принимая его методы, принципы и программу, и дает полномочия новому исполкому принимать все фактически необходимые шаги для того, чтобы это присоединение смогло быть действительно проведено в жизнь. «Ординэ Нуово» 2/II 1921.

VII. Бельгия и Люксембург.

1. В Генте сорганизовалась Фламандская Коммунистическая Партия, которой предстоит слиться с Валлонской группой (Брюссель). «Интерн.», № 14.

2. Коммунистическая Партия Бельгии на Партейтаге в Брюсселе (31/X—1/XI) окончательно сконструировалась как секция Коминтерна. Признаны все принципы Коминтерна. «М. Правда», №261, 20/XI. 1920 г.

3. В Люксембурге после с'езда в Диффердингене, на котором большинством 67 против 21 голоса было отвергнуто 21 условие Коминтерна, образовалась особая коммунистическая партия Люксембурга. «Ротэ Фанэ» 21/I 1921.

VIII. Австрия.

1) Левое крыло австрийских социал-демократов откололось от партии и образовало новую организацию (Рабочая Социалистическая Партия), которой в ближайшем будущем предстоит об'единение с Коммунистической Партией Немецкой Австрии. На своем учредительном с'езде партия единогласно постановила присоединиться к III Интернационалу.	«Rote Fahne», № 248, 1/XII.
2) Соц.-дем. группа молодежи Ottakring (Volksheim) на общем собрании 9/XI постановила войти в Союз Комм. Молодежи.	Rote Fahne, № 412, 18/IX.
3) На с'езде в Вене 19—20/I левые социалисты и коммунисты об'единились в единую Коммунистическ. Партию Австрии.	«Rote Fahne» (Венская) 21/I 1921

IX. Балканы и славянские государства.

1) Венгерская, немецкая и словацкая социалистические партии Словакии на с'езде в Нейтве об'единились в одну партию, единодушно ставшую на почву III Интернационала.	«Интерн.» № 34, 4/XI. № 37, 7/XI.
2) Представители 10.000 организованных рабочих Тековской Цупы на конференции в Прабле 28/XI постановили положить в основу своей деятельности программу III Интернационала, примкнув к левым социалистам Австрии.	«Rote Fahne», № 255, 9/X.
3) Болгарская Коммунистическая Партия присоединилась на с'езде в конце сентября.	Из румынских газет.
4) Левое крыло Болгарск. Соц.-Дем. партии (меньшинство) откололось и присоединилось к коммунистам и этим самым к Коминтерну.	«Rote Fahne», (Берл.) № 239, 20/XI.
5) Немецкая молодежь Чехии (Deutsch Böhmische Jugend) на с'езде 31/X—1/XI большинством голосов постановила вступить в Интерн. Комм. Молодежи.	«Rote Fahne», № 455, от 7/XI. «И. И. Кол.» от 11/IX.
6) Социалист. Молодежь Словакии на I Конгр. 5/IX единогласно постан. вступить в Интернац. Коммун. Молодежи.	«Rote Fahne», (Вена) № 412, 18/IX. Р. Ф. Берлин, 28/IX, № 194.
7) Чешская левая соц. партия на Конгр. в сентябре поручила президиуму партии осуществить присоед. к Коминтерну.	«Фрейхейт» (Берлин), № 407 веч. от 28/IX. 1920 г.
8) Окружной с'езд немецких социалистов Чехо-Словакии в Иглау большинством 27 против 6 при 3 воздержавшихся высказались за III Интернационал.	«Юманите» 22/II 1921.
9) В Рейхенберге 31/I состоялся учредительный с'езд новой коммунистической партии, выделившейся из рядов немецких социалистов Чехо-Словакии.	«Rote Fahne» № 51. 1/II 1921.
Партия имеет задачей революционизировать немецкий пролетариат Чехо-Словацкой Республики на основе принципов Коминтерна и осуществить на деле безусловное присоединение к последнему. На с'езде присутствов. 350 дел. представлявших 18.000 чл.	Венская «Rote Fahne» № 527. 3/II 1921.
10) В Крайове социалистическая организация высказалась за III Интернационал.	«Социализмул» 24/VII, 1920 г.
11) На первом с'езде социалистической молодежи Семиградия и Баната в Клуже выработана резолюция с обращением к общей партийной организации о необходимости вступить в Коминтерн.	«Социализмул» 31/VII, 1920 г.
12) На конгрессе социалистической партии Семиградии и Баната большинство высказалось за присоединение к Коминтерну. Окончательное решение вопроса предоставляется обще-румынскому с'езду.	«Социализмул» 26/VIII, 1920 г.
13) Секция румынских социалистов в Фокшано решила присоединиться к III Интернационалу.	«Социализмул» 15/VIII, 1920 г.
14) Конгресс социалистической партии Баната в Темешваре 19—20/IX высказался за III Интернационал.	«Социализмул» 24/IX, 1920 г.

X. Испания.

1) Испанская Социалистическая Партия большинством 8.269 гол. против 5.016 постановила принять меры для присоединения к III Интерн.	«Rote Fahne», № 225, 4/X.
2) Испанский Союз Молодежи постановил при-	«Коммунист», № 18, 2/X.

мknутb k Московскому Интернационалу Молодежи.

XI. Португалия.

1) На чрезвычайном конгрессе в Лиссабоне 3/X португальские социалисты решили принять меры для вступления в III Интерн.	«Интерн.», № 1, 27/X.

XII. Прибалтика.

1) Эстонск. Коммун. Партия на с'езде единогл. приняла резол. Коминтерна.	«П. Правда,», 16/X 1920 г.

XIII. Ближний Восток.

1) Турецкая Коммунистическая Партия в Ангоре. 2) Иранская Коммунистическая Партия (Персия). 3) Коммунистич. Партия Азербейджан. 4) К. П. Г. (Комм. партия Грузии). 5) К. П. А. (Комм. партия Армении).	Имели своих представителей на первом с'езде Народов Востока в Баку, 1—8/IX, 1920 г.

XIV. Остальные страны и междунар. организ.

1) В Иоганнисбурге (Трансваль) из состава «Международной Социалистической Лиги» (International Socialist League) выделилась особая группа «Communist League». Она получила приглашение на II Конгресс III Интернационала.	«Коммунизмус», № 45, 3/XII.
2) На острове Кипре образовалась коммунистическая группа, предполагающая работать в контакте с британскими коммунистическими организациями.	«Rote Fane», № 225, 4/XI.
3) В г. Мексике состоялся первый с'езд Мексиканской Коммунистической партии (секция III Интерн.). Присутствовали представители пяти провинций (Мексика, Пуэбло, Вера-Круц, Юкатан, Тамаулипас).	«Лэб. Лид.», 2/XII. «Аванти», № 272.
4) Поалей Цион на всемир. Конгр. в Вене постановл. присоедин. k Коминтерну.	«Форвертс» (Бер.) № 442 утр. 25/VIII 1920 г.
5) Социалистическая партия южно-америк. республ. Уругвай на годичном с'езде в Монтевидео большинством 2/3 голосов постанов. присоедин. k Коминтерну. (Радио аг. Юниграф).	«М. Правда», №215, 28/IX. 1920 г. «Трибуна», № 30 от 4/XI.
6) Предполагается вступление социалистической партии Египта в Коминтерн.	«Rote Fane» 1921 г., № 6.
7) Финская Федерация выступила из социалистической партии Америки, в виду отказа последней принять 21 условие III Интернационала.	«Нью-Йорк Кол» 6/I 1921 г.
8) Согласно сообщению из Сиднея в Австралии образовалась коммунистическая партия.	«Нью-Йорк Кол» 6/I, 1921 г.
9) Аргентинская социалистическая партия интернационалистов на своем партийном с'ездеединогласно приняла 21 условие и именуется теперь коммунистической партией Аргентины — секция Коминтерна. (Телегр. из Буэнос Айреса от 7/II).	«Ротэ Фанэ» 13 II, 1921 г.
10) Социалистическая партия Чили на своем конгрессе в Сант'яго почти единогласно постановила примкнуть k Коминтерну.	«Rote Fane» 13/II, 1921 г.

Список сокращений:

Ф. Д. П. = «Folkets Dagblad Politiken».
Р. Ф. = «Die Rote Fahne».
Юман. = «L'Humanité».
Интерн. = «Die Internationale».
Попюл. = «Le Populaire».
Лэб. Лид. = «Labour Leader».

Б. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

I. Германия.

1) Оппозиция берлинского союза печатников в своем собрании от 29/X стала на точку зрения III Интернационала.	«Р. Ф.,» № 223 от 2/XI.
2) Берлинские древообделочники на собрании 8/XI единогласно решили развивать свою деятельность на почве III Интернационала и довести об этом до сведения Бюро К. П. Г.	«Интерн.», № 15 13/XI.
3) Союз берлинских работников иглы постановил присоединиться k III Интернационалу.	«Р. Ф.», № 241 23/XI.
4) Немецкий союз строительных рабочих округа Кемниц постановил присоединиться k III Интернационалу.	«Интерн.», № 27 27/XI.

5) Профсоюз каменщиков на собрании в Берлине 11/X единогласно принял резолюц. за Москву. «Rote Fahne», № 208, 15/X. 1920 г.

6) В Фюрстенвальде местный отдел союза металлистов принял «штутгардскую платформу». При выборах бюро председателем был выбран коммунист, большинством 427 голосов против 168 голосов блока независимых и правых социалистов. «Rote Fahne».

7) В Гамбурге 14/XII общее собрание отдела союза металлистов приняло резолюцию коммунистов и отвергло резолюцию правления, призывавшего к борьбе с коммунистами (14/XII). «Rote Fahne», 29/XII, 1920 г.

8) В Ауэ (Саксония) в районные управления союза металлистов избрано всего 15 коммунистов. Коммунисты получили 275 голосов, правые—130, независим.—20. «Rote Fahne», 7/I, 1921 г. № 6.

9) В Эссене общее собрание отд. металлистов высказалось огромн. большинством за революционную тактику профсоюзов. «Rote Fahne», 25/XII, 920г. № 269.

10) В Дюссельдорфе 20/XII общее собрание отдела высказалось подавляющ. большинством за революционную тактику и «штутгардскую платформу». «Rote Fahne», 25/XII.

11) В Биннинге (Вюртемберг) общее собрание отд. металлистов единогласно высказалось за Московский Интернационал и за «штутгардскую платформу». «Rote Fahne», 25/XII, 1920 г.

12) В Шрамберге 18/XII собрание отдела металлистов единогласно высказалось за «штутгардскую платформу». «Rote Fahne», 25/XII, 1920 г.

13) В Косвиге единогласно принята «штутгардская платформа». «Rote Fahne», 23/XII, 920г. № 267.

14) В Интельне (Нижняя Саксония) отдел союза рабочих стеклянных заводов в общем собрании принял «штутгардскую платформу» «Rote Fahne», 31/XII, 920г. № 213.

15) В Борзигвальде 23/II рабочие завода фирмы Борзиг сместили законный фабрично-заводский совет и выбрали революционное представительство. Там же общее собрание рабочих приняло штутгардскую программу». «Rote Fahne».

16) Строительные рабочие Лейпцига большинств. 600 гол. против 3 высказались против Амстердама и за Москву. «Rote Fahne», 23/XII, 1920 г.

17) В Берлине собрание рабочих газовых заводов 30/XII приняло голосами всех против трех резолюцию о преобразовании профессиональных союзов в производственные организации для поддержки Московского Интернационала против Амстердама. «Rote Fahne», 4/I, 1921 г.

18) В Кенигсберге 25/XII конференция представителей союза железнодорожников Восточной Пруссии единогласно постановила протестовать против принятых главным президиумом решений. Признана «штутгардская платфома» и вынесена ярко коммунистическая резолюция. «Rote Fahne».

19) Собрание безработных техников Берлинского отдела союза технических служащих и ординарное собрание того же отдела округа «Норден» единогласно приняли «штутгардскую платформу». «Rote Fahne», 29/XII, 1920 г.

20) Должностные лица германского союза железнодорожников в Ильне выразили свою симпатию III Интернационалу, что было подтверждено на общем собрании членов. «Rote Fahne».

21) Железнодорожники Восточной Пруссии приняли резолюцию протеста против поведения Комитета по отношению к III Интернационалу. «Rote Fahne», 22/XII.

22) Конференция хозяйственных советов Свободного Рабочего Союза (Wirtschaftsräte der Freien Arbeiter-Union) в Гельзенкирхене 1/II 1921 г. высказалось за присоединение к III Интернационалу. «Rote Fahne», 10/II, 1921 г. № 68

23) Берлинские рабочие гончарного цеха после доклада тов. Абрамовича все-же решили послать делегатов в Москву. «Rote Fahne», 30/I, 1921 г.

24) Рабочие швейных предприятий Плауена приняли резолюцию за Москву. «Rote Fahne», 9/I, 1921 г.

25) Рабочие II Берлинского газового завода высказались за Красный Интернационал Профсоюзов. «Rote Fahne», 27/I, 1921 г.

26) Собрание рабочих анилиновой фабрики в Трептове потребовало отправки делегатов на конгресс профсоюзов в Москве (24/I).	«Rote Fahne», 27/I, 1921 г.
27) Собрание рабочих-машинистов древообделочного союза в Берлине приняло резолюцию за Москву (24/I).	«Rote Fahne», 25/I, 1921 г.
28) Стекольщики Берлина на заседании 16/I высказались за Москву.	«Rote Fahne», 20/I, 1921 г.
29) Угольщики Берлина высказались за Красный Интернационал Профсоюзов и за превращение профессиональных организаций в производственные.	«Rote Fahne», 10/I, 1921 г.

II. Скандинавия.

Самая крупная профессиональная организация Норвегии — союз каменщиков, землекопов и цементных рабочих принял Московские пункты.	«Социал-демократен» (Норвегия). 4/II 1921 г., № 29.

III. Швейцария.

1) Цюрихские профсоюзы. На собрании делегатов в сентябре постановлено вступить в Московский Интернационал Профсоюзов.	«Фр.», № 13218/IX.
2) Швейцарский союз служащих общественных предприятий высказался за присоединение к Коминтерну.	«Р. Ф.» «Моск. Правда», № 247 4/XI.

IV. Италия.

1) Профсоюз итальянских текстильщиков (Federazione Italiana Operai Tessili) постановил присоединиться к Московскому Интернационалу Профсоюзов.	«Р. Ф.», № 225 4/XI.
2) Конгресс итальянских работников транспорта окончился победой коммунистов. Конгресс обратился с приветствием к Коминтерну и признал себя связанным с новой коммунистической партией Италии.	«Rote Fahne» 2/II, 1921 г.. № 54.
3) Представители более 25.000 рабочих металлистов 80 фабрик Милана на своей конференции 8/II высказались за разрыв с Амстердамом и высказались за присоединение к Красному Интернационалу Профсоюзов.	«Rote Fahne» 18/22, 1921 г. «Аванти» 11/II, 1921 г.
4) Около 10.000 рабочих химических предприятий Милана примкнуло к коммунистической партии Италии и готово придать своему профессиональному союзу определенное движение в сторону Коминтерна.	«Rote Fahne» 18/II, 1921 г.
5) Комитет римских профсоюзов высказался за III Интернационал и за участие в Московском конгрессе 1 мая.	«Ординэ Нуово» 5/II, 1921 г.
6) Палаты Труда в Неаполе и в Нуови Лигури высказались за III Интернационал и протестовали против политики Всеобщей Конфедерации Труда.	«Ординэ Нуово» 10/II, 1921 г.
7) Палата Труда в Кунео высказалась за III Интернационал.	«Ординэ Нуово» 12/II, 1921 г.
8) Конгресс учительских профсоюзов в Модене высказался за III Интернационал.	«Rote Fahne» № 36.

V. Балканы и славянские государства.

1) После заседания Федерального Совета, на котором коммунистическая резолюция, требующая присоединения к Коминтерну, получила 18 гол. (центр—12, правое крыло—8), коммунисты выделились в особую группу. В их руках партийный аппарат и газета «Социализмул».	«Аванти», 9/XII.
2) Болгарские Коммунистические Профсоюзы присоединились на Софийском с'езде в октябре.	Из румынских газет.
3) Греческие профсоюзы на Конгрессе в Афинах примкнули к Московскому Интернационалу Профсоюзов.	«Юманите» Моск. Известия, № 257, 16/XI.
4) Профсоюзы портных и строительных рабочих Юго-Славии на Конгрессе в Загребе всеми голосами против 1 постановили присоединиться к Москве.	«Р. Ф.», 225, 4/XI. «Интерн.». № 16, 14/XI.
5) В Любане (Lubane) на собрании 149 делегатов, представлявших 240.000 рабочих, единогласно принята резолюция, в которой выражается непоколебимое согласие с принципами Коминтерна (17/I).	«Rote Fahne» 20/I, 1921 г.
6) В Острове-Моравском (Мэриш - Острау) окружная	«Rote Fahne» 20/I, 1921 г.

конференция рабочих высказалась за программу рейхенбержцев.

7) По сообщению генеральной комиссии профсоюзов Румынии за III Интернационал, как единственный непоколебимо осуществляющий принципы классовой борьбы, высказались профсоюзы древообделочников, сапожников, металлистов, кожевников, кельнеров, рабочих арсенала, рабочих государственной табачной фабрики Бенведер и государственной спичечной фабрики, пекарей, мукомолов, кондитеров, муниципальных служащих, переплетчиков, служащих кинемо - театров, рабочих портов и доков в Галаце. «Социализмул» 23/VII, 1920 г. № 160.

8) В Крайове профессиональные организации города на общем собрании высказались за присоединение к III Интернационалу. «Социализмул» 24/VII, 1920 г.

VI. Испания.

1) Конфедерация Труда и Всеобщий Рабочий Союз высказались за Москву. Предстоит их об'единение. «Р. Ф.» берл. № 236, 17/XI.

VII. Франция.

1) Синдикалисты средней Франции на Конференции приняли резолюцию о присоединении к Коминтерну. «Моск. Правда», № 217, 29/IX.

2) Конгресс профсоюзов меньшинства (присутствует 86 делегатов, 37 профсоюзов, 1 местный союз, 2 междусоюзных комитета) 5/IX принял резолюцию, настаивающую на вхождении Генеральной Конфедерации Труда в Московский Интернационал Профсоюзов и признающую III Интернационал единственным революционным Интернационалом. «Юманите», от 6, 7 и 11/IX.

3) Конгресс профсоюзов каменоломщиков высказался за присоединение к III Интернационалу (15/IX). Франц. газеты.

4) Конгресс Сенского Профсоюза резчиков по железу за присоединение к III Интернационалу (16/IX). » »

5) Конгресс революционных профсоюзов департамента Вьенн и юго-восточной Франции 15/IX принял резолюцию прямого и полного (pure et simple) присоединения к III Интернационалу, большинством 43 голос. против 5 при 2 воздержавшихся. Было представлено 58 профсоюзов, 2 местных союза (Вьенн и Гренобл), 2 департаментских союза (Изер, Верхн. Савойя и Ду). » »

6) Конгресс профсоюзов металлистов Аржантейля принял резолюцию, высказывающуюся за присоединение Генеральной Конфедерации Труда к Красному Интернационалу Профсоюзов (16/IX). Франц. газеты.

7) Подготовляющее конгресс собрание электромонтеров департамента Сены 15/IX высказалось за принципы III Интернационала. »

8) Совет Профсоюза печатников высказался за присоединение к III Интернационалу (15/IX). »

9) Подготовляющее конгресс собрание землекопов департамента Сены высказалось за присоединение к Московскому Интернационалу Профсоюзов. »

10) Профсоюз возчиков департамента Сены на собрании 18/IX присоедин. к рез. меньшинства (о присоединении к III Интернационалу). »

11) Тоже на пленарном собрании 14/IX профсоюза декораторов. »

12) Служащие транспорта на пленарном собрании высказались за присоединение к III Интернационалу. »

13) Совет профсоюзов колбасников деп. Сены высказался за присоединение к Московскому Интернационалу Профсоюзов (20/IX). »

14) Конгресс профсоюзов меньшинства в Орлеане 26/IX принял единогласно (против 1 голоса) присоедин. к III Интернационалу профсоюзов; были представлены в деп. местных союзов (Верхн. Савойя, Нижняя Шаранта, Индр, Изер, Ду, Дордонь), 3 федерации (парикмахеров, возчиков и преподавателей). »

15) Национальный Конгресс мебельщиков в Орлеане 26/IX принял рез. (18 против 14) стоявших за по- »

сылку делегации в Россию для изучения вопроса присоедин. к III Интернационалу.

16) Профсоюз чертежников, инженеров-чертежников и служащих металлистов 26/IX высказ. за присоединение к III Интернационалу. Франц. газеты.

17) Профсоюз стереотипщиков (тоже, тогда же). »

18) Собрание делегатов профсоюзов меньшинства, после Орлеанского Конгресса 3/X, приняло рез. о присоединении к III Интернационалу. »

19) Секция союза кооперативов приняла рез. о присоедин. к III Интернационалу (10/X).

20) Чрезвычайный Конгресс представителей рабочих организаций Лотарингии большинством 16,429 гол. против 8,642 гол. (при 794 воздержавшихся) высказался за присоединение к III Интернационалу. «Rote Fane» № 255, 9/XI.

21) Союз шоферов г. Парижа постановил присоединиться к Красному Интернационалу Профсоюзов. «Юманитэ».

22) Союз парижских парикмахеров в своем общем собрании принял программу Комитета Революционных Синдикалистов и постановил присоединиться к Коминтерну. «Юманитэ», 20/XII, 1920 г.

Профессиональные организации, принявшие программу Комитета Революционных Синдикалистов, тем самым отказываются от реформистской политики Всеобщей Конфедерации Труда и становятся на точку зрения Красного Интернационала Профсоюзов.

За Комитет Революционных Синдикалистов высказались следующие об'единенные профессиональные организации:

1) Федерация французского союза пищевиков в заседании Комитета Федерации 31/I большинством 13 против 9 голосов (при одном воздержавшемся) высказалась за революционизирование организаций и протестовала против политики В. К. Т. «Юманитэ», 2/II, 1921 г.

2) Рабочие рафинадного производства деп. Сены. «Юманитэ», 23/XII, 1920 г.

3) Союз синдикатов деп. Роны. «Юманитэ», 24/XII, 1920 г.

4) Союз синдикатов деп. Верхней Вьенн. «Юманитэ», 16/XII, 1920 г.

5) Союз синдикатов деп. Устья Роны. «Юманитэ», 9/I, 1921 г.

6) В Союзе синдикатов деп. Мэн и Луара образовался комитет революционных синдикалистов; за него, на основании данных последнего голосования, стоит половина членов организации. «Юманитэ», 20/I, 1921 г.

7) В деп. Шер прежнее меньшинство постепенно усилилось и составляет теперь определенное большинство в союзе синдикатов, стоящее за Красный Интернационал Профсоюзов. «Юманитэ», 4/II, 1921 г.

VIII. Голландия.

С'езд Ц. К. Нидерландского рабочего секретариата и комитетов примыкающих к нему организаций 9/1 выбрал делегацию на предстоящий в мае в Москве конгресс профсоюзов. «Трибуна».

IX. Австрия.

Отдел союза сельских рабочих в Винигене (Австрия) постановил присоединиться к Красному Интернационалу Профсоюзов и поручил своему представительству начать соответствующие переговоры с Коминтерном. «Rote Fane» № 54, 2/II 21.

Интернационал Коммунистической Молодежи

СОЗЫВ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ.

Интернациональная «Корреспонденция Молодежи» сообщает в № 32, что Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала Молодежи постановил созвать в апреле 1921 года второй международный конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи.

На конгресс приглашаются примкнувшие к Интернационалу Молодежи коммунистические союзы молодежи, сочувствующие ему революционные экономические союзы молодежи, существующие социалистические детские группы и воскресные школы, революционные солдатские организации, а также существующие еще группы и союзы коммунистического студенчества. Таким образом, конгресс фактически явится мировым конгрессом всей революционной молодежи. Порядок дня конгресса чрезвычайно богатый. Главнейшие пункты следующие:

1. Доклад Исполнительного Комитета.
2. Мировое политическое положение.
3. Экономическая борьба пролетарской молодежи:

а) экономическая программа в последнюю фазу пролетарской классовой борьбы перед захватом власти;

б) участники этой борьбы (коммунистические организации молодежи, профессиональные группы, ученические союзы). Их положение и взаимоотношения.

4. Коммунистическое воспитание молодежи:

а) проблема воспитания в школе, на фабриках и т. п. после захвата власти;

б) коммунистическая воспитательная подготовка к захвату власти в коммунистических организациях молодежи;

в) коммунистическая воспитательная подготовка в детских группах и воскресных школах;

г) международное об'единение детских групп и их организационное отношение к коммунистическим организациям молодежи.

5. Агитационные методы в коммунистических организациях молодежи:

а) среди молодых рабочих в промышленных предприятиях;

б) среди крестьянской молодежи;

в) среди школьников и студенчества;

г) среди колониального населения.

6. Антимилитаристская тактика коммунистических организаций молодежи.

7. Коммунистический Интернационал Молодежи и революционные националистические союзы молодежи (ирландские, еврейские).

8. Отношение коммунистических организаций молодежи к коммунистическим партиям и Коммунистического Интернационала Молодежи — к Коммунистическому Интернационалу.

9. Изменения в уставах.

10. Организационные вопросы:

а) вопрос о под-секретариатах и их отношение, с одной стороны, к Исполнительному Комитету и, с другой — к обще-национальным организациям;

б) вопрос о газете Интернационала Молодежи,—и ее издание и распространение во всех странах и на всех языках;

в) интернациональное издательство (книги, брошюры, карты, рисунки);

г) международная продажа изданий и т. д.

11. Выборы.

12. Разные вопросы.

Предложения, резолюции и директивы Исполнительного Комитета тотчас же появятся на нескольких языках в особом номере «Интернационала Молодежи».

Насколько можно судить по подготовительным работам и по тем вопросам, которые подлежат обсуждению на конгрессе, последний, несомненно, приобретет громадное значение и явится могучей демонстрацией коммунистического движения.

Интернациональное коммунистическое женское движение

ВВЕДЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ ТЕЗИСОВ ПО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ЖЕНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ.

Некоторые параграфы тезисов, (помещенных в предыдущем номере), могли показаться русским женщинам излишними, отсталыми и неподходящими для интернационального коммунистического женского движения. Таковы, например, раз'яснения нашего отношения к буржуазному суффражистскому движению и его целям, требование полного политического равноправия для женщин перед законом и в жизни, требование более широкой защиты законом женщин-служащих, права для женщин на специальное образование и занятие соответствующих должностей, общественной охраны материнства и пр. Наши русские коммунистки должны принять во внимание, что тезисы предназначены не только для Советской России, но и для всего интернационального коммунистического женского движения. Поэтому приходится иметь в виду и такие общественные явления, которых уже нет в Советской России или которые потеряли всякое значение, но с которыми приходится иметь дело коммунисткам других стран, где пролетариат еще не завоевал государственной власти и не установил диктатуры в форме Советов.

В России, например, буржуазное женское движение никогда не играло выдающейся роли. Здесь борьба за полное социальное и личное равноправие женщин составляла с самого начала часть общего революционного движения и осуществлялась как общее социальное дело всеми революционно-мыслящими мужчинами и женщинами: сначала—как борьба «сыновей» против «отцов», как борьба молодого, либерального поколения против старого, консервативного, носителя и стража унаследованных предрассудков и традиций; затем—как борьба различных социально-революционных и социалистических направлений против царизма и его проявлений в области политики, науки и пр.; наконец—как классовая пролетарская борьба против старого врага, царизма, и против нового врага—капитализма, который создал особые формы эксплуатации, бесправия и порабощения женщины и тем самым революционизировал широкие массы пролетарок. Буржуазный суффражизм был впервые пересажен в Россию после революции 1905 г., как слабый отпрыск буржуазного женского движения в Западной Европе и в Соединенных Штатах, и не получил в ней ни силы, ни сочности.

Иначе обстояло дело в Западной Европе. Здесь социалистическое женское движение с самого начала, и в теории, и на практике,—и идейно, и организационно должно было развиваться в борьбе с буржуазным суффражизмом. Здесь коммунистическое женское движение должно еще и поныне бороться с ним за души женщин—работниц и домашних хозяек трудового народа. Это надо сказать о таких странах, как Бельгия, Франция, Швейцария и др., где женщины все еще не вполне добились политического равноправия, хотя бы на бумаге, которая все терпит. Это же относится и к тем странам, где война и революция опрокинули, наконец, все многоразличные и сильные препятствия к введению всеобщего женского избирательного права. Именно там, где это произошло, коммунисткам больше, чем где-либо, приходится считаться с суффражистской теорией и практикой. В настоящее революционное время суффражистская идеология встречается с сочувствием всеми буржуазными партиями и властями, потому что им хотелось бы, чтобы женщины трудового народа об'единились под знаменем коммунизма для штурма капиталистического государства. Взгляды суффражисток, по поводу которых буржуазные партии раньше кричали «караул», теперь признаются за основные камни той стены, о которую должна разбиться «красная волна большевизма». Для примера сошлемся только на одно обстоятельство. Пресловутую освободительную, волшебную си-

лу единоспасающего избирательного листка восхваляют ныне на все лады в Германии перед пролетарками, мелкими крестьянками и т. п. люди, которым до ноябрьской революции 1918 г. введение женского избирательного права представлялось равносильным началу светопреставления. Суффражизм, с их точки зрения, должен служить насаждению и укреплению в широких женских массах суеверной буржуазной демократии. Внезапно возгоревшаяся любовь к правам женщин при ближайшем рассмотрении оказывается не чем иным, как ненавистью к правам революционного пролетариата, результатом страха перед его освободительной борьбой. Эта любовь поэтому вполне братски уживается с сохранением на практике первенствующего положения мужчины в политической, государственной жизни. Женщине предоставляется, как избирательнице, опускать в урну свой избирательный листок и, как избранной, принимать участие в парламентских прениях и решениях. Но управление и администрация, все, что делает решения политически и социально живыми, превращая их в плоть и кровь, все это остается еще главным образом в руках мужчин. Во всех странах женского избирательного права весьма невелико, даже прямо ничтожно число женщин в исполнительных и административных органах. Чем выше задачи и ответственность—что в капиталистических государствах большею частью выражается в ранге и содержании—тем реже выбирается женщина-администратор и сотрудница. Если дело идет о замещении видной должности, то, при одинаковых качествах и одинаковых способностях, мужчине обычно отдается предпочтение, единственно потому, что он—мужчина, разве что конкурирующая женщина заручится особо влиятельными общественными связями и покровительством. В общем, женщина должна давать больше, чем мужчина, если она хочет конкурировать с ним на одном и том же политическом или общественном поприще. Лишь в общинных самоуправлениях и их различных органах дело обстоит более благоприятно для женщин, и здесь оне доказали свою полную пригодность для общественной деятельности. Но круг деятельности общин в большинстве государств весьма ограничен и в значительной степени находится в зависимости от поставленной над ними государственной власти.

Какими чуждыми, как бы из иного мира исходящими должны представляться русским женщинам эти отношения и вытекающие из них требования! В Советской России женское равноправие не ограничено лишь правом выбирать и быть выбранной, говорить речи и принимать участие в тех или иных решениях. Во всех областях общественной жизни, во всех советских органах, от местных и до высших, всероссийских, всюду женщина является сотрудницей, администратором, руководительницей, она имеет полную возможность положить всю силу своего духа, весь пыл и преданность своего сердца на то, чтобы способствовать расцвету новой общественной жизни, воплощать слова в дела, а идеи и требования—в учреждения и мероприятия. Более того, в Советской России женщину, как равную в правах и обязанностях сотрудницу во всех общественных учреждениях, ищут, зовут к себе, ценят, поощряют.

В коммунистической Советской России проводится требование уничтожить экономическую и общественную противоположность между мужчиной и женщиной, устранить конкуренцию между ними. Здесь ясно сознают, что женские массы, преисполненные понимания и одушевления к новому строю, являются и защитницами Советской России на внешнем и внутреннем фронтах от всех враждебных сил, и строительницами коммунистического хозяйства и всех общественных учреждений, возникающих на основе советов.

К чему же тогда, возникает вопрос, требование о распространении права общественной деятельности женщины на все области жизни в государствах ссоветским строем? На это приходится ответить многое. Во-первых, и прежде всего, это требование имеет иное значение для революционной Советской России, нежели для стран, где господствует капитализм. Здесь это не призыв к борьбе за право женщины на совместную с мужчинами деятельность во всех областях социальной жизни, не об'явление войны всем силам, которые препятствуют женщине добиться названных прав. Это, скорее всего, напоминание самой женщине осуществлять в Советской России свое неоспоримое право воспитать себя и обучаться для фактического использования своего права. Эти требования составляют также моральную поддержку для пред'явления прав женщины и для выполнения ею своего долга там, где, в противоречии с сущностью коммунизма и его целями, пережитки старых предрассудков против женского пола становятся на пути к женской самодеятельности. Кроме того, это требование имеет значение для будущих советских государств, которые, нужно надеяться, скоро присоединятся к русской рабоче-крестьянской республике. Едва ли в каком-либо из них ветхозаветные семейные предрассудки против женщин будут так незначительны и так скоро и легко будут устранены, как в Советской России.

Равным образом требования в отношении охраны работниц, социального обеспечения матерей и детей, общественных учреждений для облегчения положения домашних хозяек, обобществления домашних хозяйственных работ и т. п. имеют для советских государств иной характер, нежели для стран, находящихся под гнетом классового капиталистического господства. В этих странах наши требования нечто более, чем меры для охраны женщины и подрастающего поколения. Они, по своему

значению, стоят выше простых реформ буржуазного общества, цель которых смягчить тяготы и страдания пролетарок, мелких собственниц крестьянок, всех служащих, трудящихся женщин, и поднять их боеспособность в войне против капитализма. Отрешенные от пропитанной ядом и внутренним разложением почвы капиталистического хозяйства, эти требования являются важным краеугольным камнем нового социального строя, который один сможет фактически освободить женщину, обеспечить ей всю полноту настоящего человеческого существования, его свободного проявления, опирающегося на солидарность со всем общественным целым и связанного с этим общественным целым только своею с ним солидарностью. Русских женщин в особенности может смутить содержание тех тезисов, которые касаются закоренелой тенденции вытеснять трудящихся женщин со всех поприщ общественной деятельности и вызываемой этой тенденцией борьбы женщины за право на общественную работу, — разумеется, право, не в узком, буржуазно-суфражистском смысле. В противоположность капиталистическим государствам, в Советской России не существует больше безработицы. Трудовая повинность для всех здоровых, нормальных взрослых людей есть один из высших законов пролетарской республики. Здесь нельзя обойтись без женщины, как работницы, на фабриках, в мастерских, в конторах, в школах, в больницах, в транспорте, в крестьянском хозяйстве и т. д., даже если бы того желали, ибо соединившиеся контр-революционеры всех стран отрывают мужчин от плуга и станка и вынуждают их идти на фронт. Но, конечно, здесь вовсе не хотят и указывать на дверь женщине, как сотруднице в деле народного хозяйства, в управлении страною, в области образования и здравоохранения и т. п. Пролетарская революция поставила здесь титанические задачи, которые могут быть разрешены лишь при условии разумного и самоотверженного содействия женской половины общества. Как далека от всего этого картина положения женщины в тех странах, где господствует разлагающийся капитализм. Неудержимое разложение капиталистического хозяйства извращает существенные черты и тенденции этого хозяйства. Только в дни своей юности и в период зрелости, когда капитализм еще развивался и еще верил в свою силу и мощь, он отрывал женщину от дома и семьи и, втискивая ее, как об'ект эксплуатации в общественное хозяйство и толкая ее на службу во все те области труда, которые раньше были открыты только для мужчин. Он распылял семью эксплуатируемых, превращая всех ее членов в ищущих заработка, в своих данников, конкуренцию которых между собою он поддерживал с целью повышения своих прибылей. В промышленности, в торговле и в транспорте, всюду капитализму нужна была женщина, как дешевая, послушная рабочая сила, которой он пользовался для злостной конкуренции с мужчинами. А теперь, в дни своей дряхлости и развала, он первыми выталкивает женщин и девушек из своего хозяйства, лишая их заработка и хлеба, толкает обратно в тот дом, стены которого он разрушил, и к тому очагу, который он погасил. Но такой оборот дела никоим образом уже не может усилить прежнюю конкуренцию между мужчинами и женщинами из-за работы и куска хлеба. Он должен, вероятно, еще теснее соединить мужчин и женщин для совместной борьбы против общего врага—капитализма, для совместной борьбы за всеосвобождающий коммунизм, ибо завоевание пролетариатом политической власти откроет дверь и выровнит дорогу.

Реакционная тенденция капиталистических государств к вытеснению женщин из хозяйства и культурной работы есть лицемерная черта буржуазного порядка. Она свидетельствует о том, что этот порядок не в состоянии разрешить задач, вырастающих из им же созданных условий. Она громко взывает к женским массам капиталистических стран:

Пробудитесь! Наступает время, которое разобьет ваши оковы! Поймите это, помогайтесь, действуйте, боритесь! Чтобы пролетариат своей диктатурой сбросил в могилу капитализм, это должно быть и вашим делом. Вашим делом должно быть и то, чтобы коммунизм с триумфом восторжествовал.

Клара ЦЕТКИН.

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ДВЕ ЖЕРТВЫ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ.

Союз Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.) в Америке, за сравнительно недолгое время своего существования, понес много жертв. Во время ожесточенных стачечных выступлений, которые приходилось этому союзу вести и которые переходили временами в настоящую гражданскую войну, десятки членов этой боевой организации были убиты, изувечены, как агентами правительства, так и обезумевшей американской толпой. Ни одна борьба индустриалистов, будь то забастовка, демонстрация или выступление за восстановление свободы слова, не протекала и не кончалась мирно, в рамках закона. Сотни и даже тысячи товарищей, членов I. W. W., до сих пор томятся по мрачным тюрьмам Америки, приговоренные к неслыханным мерам наказания: к 20, 30 годам и даже к вечному каторжному заключению. Одно время наша организация насчитывала до 5.000 своих членов, отбывших приговор или ожидавших судебного процесса по концентрационным лагерям по тюрьмам и каторгам. Самосуды толпы, обливание горячей смолой, выжигание на теле раскаленным железом разных знаков и более «милосердные» избиения, как из рога изобилия сыпались на плечи членов I. W. W., — этих самоотверженных борцов дикой Америки за освобождение пролетариата. Поставленные вне буржуазных законов члены организации вечно чувствовали над собой Дамоклов меч, и никто до сих пор не пытался произвести подсчет павшим на поле битвы товарищам.

Но из всех бесчисленных жертв американской буржуазии наибольшей популярностью в среде пролетариата Соединенных Штатов пользуются два товарища, безвременно погибшие, два борца, отдавшие свою жизнь в величайшей войне,—войне труда и капитала. Я имею ввиду товарищей и друзей своих: Джозефа Галлстрома (более известного под сокращенным именем «Джо Гилл») и Франка Литтля. Оба пали от руки палача первый был расстрелян правительством штата Юта 17 ноября 1915 года, а второй был наемными бандами медного треста предан суду Линча 1 августа 1917 года.

Оба были крупной силой в революционном движении, оба — выдающиеся люди, самоотверженные борцы, талантливые организаторы, гениальные стратеги в стачечных схватках. Неудивительно, что именно с ними американский капитал поступил наиболее жестоко, что именно их власть-имущие не захотели держать, как держали нас, пленными в многочисленных тюрьмах своих, а сразу же расправились с ними...

Джо Гилл начал свою революционную деятельность с самых низов. Он был рабочим пильщиком на лесных заготовках, когда организаторы и делегаты союза I. W. W. ворвались в леса северо-западной Америки с лозунгами «организовать тружеников леса». Гилл был одним из первых записавшихся в союз и с тех пор неустанно жил его жизнью, страдал его страданиями, нес тягости его борьбы и умер за него. В Союзе он выполнял все функции: был секретарем, казначеем, организатором, пропагандистом, председателем; неоднократно был делегатом на местные и общие с'езды; сотрудничал в газетах Союза, писал листовки, воззвания, прокламации. Он не гнушался никакой работой в организации, правильно считая, что всякий труд является трудом важным и ответственным и должен быть поэтому выполнен.

В то же самое время Джо Гилл был незаурядным поэтом и талантливым музыкантом. Он был первым *рабочим* поэтом Америки и как таковой навсегда останется в памяти пролетариата Соединенных Штатов. Его небольшая книжка стихотворений и песен уже выдержала 10 изданий с общим тиражем в 250.000 — 300.000 экземпляров.

В своих стихах, большая часть которых им же переложены на музыку в популярных мотивах, он скорбит со всей болью любящего

сердца об эксплуатации человека человеком, о тяжелой физической и духовной жизни пролетариата в гнусной, затхлой, отравленной патриотизмом и дикостью атмосфере американской жизни; он оплакивает судьбу детей, с 12-ти — 14-летнего возраста вынужденных идти в душные и сырые фабрики, спускаться в мрачные подземелья, и по восьми, по девяти и по десяти часов трудиться, своими маленькими ручонками, своим детским потом и кровью создавая неимоверные богатства для других, — своих врагов. Душа его кричит и возмущается по поводу избиения стачечников, предания их суду правительственному и самосуду наемных банд, по поводу неслыханных зверств, проделанных капиталистами Колорадо, Лауренсо и других мест, где рекой лилась рабочая кровь, где дым пожара, охватившего рабочие поселки, поднимался и застилал небеса, где вопль и стон детей трогали даже очерствелые и окаменелые сердца прихвостней буржуазии, где пролетарии проявляли небывалые примеры героизма и этим спасали себя, своих детей, свое будущее, спасали честь рабочего класса. Этим безымянным героям-мученикам он пел гимны, потрясавшие сознательный пролетариат страны Желтого Дьявола.

Его муза рисовала картины фантастических балов буржуазии, свадебных пиршеств, устраиваемых разными современными крезами для своих обезьян и слуг. Особенно сильно нападал он на прихвостней и лакеев буржуазии—на желтых социалистов и изменников из лагеря профессионального движения. Их он безжалостно высмеивал, бичевал, клеймил... Не ограничиваясь этим, он призывал рабочий класс Америки об'единиться с тружениками других стран и идти войной на буржуазию. Он был фанатиком организации и почти все его песни и стихи доказывали необходимость организации, сплочения, единодушия, организованной борьбы и организованной победы.

Песни Джо Гилля были очень популярны. Везде, где соберется группа рабочих, можно услышать песню поэта рабочего про «Джон Фармера» или про «организованных штрейкбрехеров» или о том, «что все труженики должны об'единиться». В бесконечных прериях западных Соединенных Штатов, в девственных лесах Канады, куда только теперь впервые проникает человек с топором и молотом, глубоко-глубоко под землей, на морях и океанах, — всюду слышен боевой гимн его: «Красный Флаг». Ни одно собрание индустриалистов не проходило без пения этого гимна. Мы пели песни нашего поэта во время ожесточеннейших схваток, во время арестов, выслушивая приговоры, следуя на каторгу.

В 1914 году его арестовали по обвинению в убийстве одного лавочника в местности, охваченной забастовкой. Его судили, как и всех политических преступников Америки, не за совершенные преступления, а за то, что он—Джо Гилл, талантливый организатор и любимый поэт I. W. W. Нечего говорить о непричастности его к убийству. Он легко мог спасти себя, если бы согласился сказать судьям имя своей подруги, у которой гостил во время убийства. Он не сказал, и был осужден и приговорен к смертной казни.

Движение протеста, поднятое организацией во время судебного процесса, к моменту приговора охватило все лучшее, все честное в американском обществе. Происходили митинги, устраивались демонстрации, выносились резолюции, вызывались стачки, шла неустанная война за жизнь поэта-борца. Президент Вильсон, который в то время еще считался «идеалистом», требовал пересмотра дела, правительство Швеции, подданным которого был Джо Гилл, требовало его освобождения. Но ничто не помогло: один суд за другим отказывал в пересмотре дела и в помиловании. И на рассвете 17 ноября, в присутствии палачей и правительственных чиновников, Джо Гилл был расстрелян. В предсмертных словах он обратился с призывом к друзьям и к союзу I. W. W.: «Не оплакивайте меня, а организуйтесь».

Это завещание мученика было полностью проведено в жизнь и года два спустя из небольшой группы, Союз I. W. W. превратился в организацию с 300.000 членов—организацию, оказавшуюся в состоянии одновременно вести всеобщую стачку лесных рабочих, всеобщую стачку сельско-хозяйственных рабочих и всеобщую стачку рудокопов.

Тов. Франк Литтль (Frank Little) вышел из рядов Западной Федерации Шахтеров (Western Federation of Miners), первого социалистического профессионального союза Америки. Это была организация, руководившая целым рядом революционных демонстраций и забастовок западных шахтеров, которые под непосредственным влиянием своего председателя, тов. Виллиама Хейвуда (William Haywood), были проникнуты социалистическим духом и жаждали немедленного свержения капитализма. Это была наиболее блестящая эпоха во всей истории американского рабочего движения, и одно имя этой, впоследствии попавшей под влияние консерваторов и погибшей организации до сих пор наводит трепет на предпринимателей, помнящих еще гражданскую войну, которой руководила она в штате Колорадо, в течение 10 лет. Из рядов ее, закаленный в бою, вполне дисциплинированный, пропитанный духом марксизма и вышел тов. Франк Литтль. Впервые он обратил на себя внимание на первом организационном с'езде будущего союза I. W. W. Здесь он, совместно с другими вождями Западной Федерации Шахтеров (Виллиам Хейвуд, Сейнт Джон), вел борьбу за создание такой производственной организации, в которую должны войти все рабочие этой промышленности, независимо от специальности, национальности, расы, пола и все промышленные организации т. е. единого производственного союза Америки, при чем этот союз, в свою очередь, будет лишь частью всемирного

союза трудящихся. Отсюда и название организации: Союз Индустриальных (Промышленных) Рабочих Мира.

Союз I. W. W. был создан главным образом под влиянием Западной Федерации Шахтеров, и Франк Литтль ушел из З. Ф. Ш. в I. W. W. Почти вся жизнь I. W. W. протекла в борьбе и почти всей борьбой, если не руководил, то принимал в ней самое близкое участие тов. Литтль. Он вызвал и успешно провел забастовку рудокопов золотых копей, остановившую жизнь большого рабочего поселка и в том же году (1907) тов. Литтль принимает руководящее участие в стачке сталелитейных рабочих питсбургского района, где стачечный комитет постановил и осуществил угрозу «за каждого убитого забастовщика убивать трех полицейских». Трудно перечесть все стачки и все выступления за свободу слова, в коих принимал участие тов. Литтль. О нем можно сказать, что, когда он не был в тюрьме, он был на поле битвы.

В 1916 году на с'езде организации была вынесена резолюция против мировой войны, в которой Соединенные Штаты тогда еще не участвовали. Когда в 1917 г. Соед. Штатов вступили в войну, союзы I. W. W, не был в состоянии созвать с'езд. Таким образом, самая революционная организация пролетариата Америки не имела официальной позиции по вопросу об участии Соед. Штатов в империалистической войне. Тов. Литтль на собраниях Исполкома требовал издания декларации, за ответственностью членов Исполкома, против войны, на что, по уставу Союза, Исполком не имел права. Было решено, что члены I. W. W. должны руководствоваться резко отрицательным отношением I. W. W. к войнам вообще, а что Союз должен взяться за немедленную организацию рабочих в самых необходимых, с военной точки зрения, отраслях промышленности и вызвать среди них стачечное движение. Организацию рудокопов и руководство их стачкой поручили товарищу Литтлю.

Тов. Литтль исчез, и в широких кругах организации узнали о его работе только через 1½ месяца, когда вспыхнула забастовка рудокопов медных копей штата Аризона. Это была грандиозная борьба. Спаять рабочих различных национальностей было не легким делом. Все же тов. Литтлю удалось не только перебросить забастовку в штат Монтана, но и в штат Мичиган.

Но случилось несчастье... Во время переезда из одного рудничного поселка в другой, автомобиль тов. Литтля попал под поезд. Его привезли в Чикаго в самом плачевном состоянии. После недолгого пребывания в лазарете, он явился на костылях в главный штаб I. W. W. с требованием немедленной командировки в штат Монтана, куда его требовали забастовщики. В продолжение двух часов его уговаривали отказаться от безумной затеи, указывали на его болезненное состояние, на то, что калеке невозможно бороться с рудничным трестом. Однако, он не поддавался ни на какие уговоры, и тов. Литтлю выдали мандат и командировку, сознавая, что его посылают на верную смерть.

И вот, калека, только что поднявшийся с лазаретной койки, тов. Литтль проявляет чудеса. Из центра стачки, города Бюта, он руководит движением 75.000 забастовщиков, боровшихся в различных местах Соед. Штатов. Он несется из одного поселка в другой, произносит по нескольку речей в день, участвует во всевозможных комиссиях, издает целый ряд прокламаций и листовок, становится центром гигантской борьбы против влиятельнейшего треста, за спиной которого стоит правительство, облеченное всеми старыми и новоиспеченными военными законами...

В ночь на первое августа, в его маленькую гостинницу ворвались шесть замаскированных убийц, схватили его в одном белье, поволокли за собой, привязали сзади к автомобилю, провезли через весь город и на железнодорожном мосту повесили. Есть даже основание думать, что он умер по дороге, тащась за бешенно мчавшимся по гористым улицам города автомобилем, и что повесили его уже мертвым. К телу его была приколота записка: «Первое и последнее предостережение. Берегитесь, остальные!»

Так жили, боролись и пали два величайших мученика пролетарской Америки, наши братья: Джо Гилл и Франк Литтль.

В. Л.

ФРАНЦ ВИППЕЛЬ.

КЛАССОВОЕ ПРАВОСУДИЕ В АВСТРИИ.

Недавно в Вене состоялся сенсационный процесс девяти коммунистов, представших, после полуторагодового предварительного заключения перед буржуазным классовым судом.

Судебный следователь мастерски с'умел запутать вполне ясные обстоятельства дела, вполне признанные восемью обвиняемыми. Три совершенно различных деяния, совершенные разными лицами, были намеренно перепутаны, чтобы набросить также тень уголовного преступления и на тех, кто предстал пред судом своих классовых врагов лишь в качестве политических «преступников», в качестве коммунистов.

Эти девять человек, которых, осудили вместе, не имели почти никакого отношения друг к другу. Все они принадлежали к организации коммунистической партии, но одни из них примкнули к партии лишь во время переворота, преследуя свои личные интересы между тем как другие были старыми, испытанными,

борцами за пролетарское дело, действовавшими в то бурное, смутное время с честными революционными намерениями,—и их-то как раз приговорили к суровым карам.

Франца Виппеля,—человека, ведшего во время войны бастующих рабочих на борьбу с высланными против них войсками, человека, посвящавшего все свое время и все свои силы пропаганде коммунистических идей,—приговорили к *четырем годам* тяжелого заключения в темницу. Приговор свой он встретил возгласом: «да здравствует мировая революция, да здравствуют советы»!

За что приговорили этого человека к столь суровому, жестокому наказанию в Австрийской «демократической» республике?

Недалеко от Вены, в небольшом курорте, где находится крупная фабрика, на которой рабочие и работницы отдают капиталу свою кровь и свои силы,—проживает Франц Виппель. Этот поселок в шутку называют «Советской республикой Феслау (Vöslau)». Дело в том, что поселок Феслау действительно был уже раз во власти рабочих, и рабочий совет взял в свои руки управление им. Виппель, правда, тогда еще пользовался расположением местных социал-демократов. То было после муниципальных выборов. Буржуазия и социал-демократы получили на выборах одинаковое число голосов. Могли назначить в бургомистры христианского социалиста. Тогда, не находя другого исхода, социал-демократы обратились за помощью к коммунистам. Франц Виппель, всегда готовый к выступлению против буржуазии, явился во главе феслауских рабочих. «Мы не потерпим клерикального бургомистра,—заявил он. Муниципальные должностные лица могут убраться во свояси. Рабочий Совет возьмет власть в свои руки». И, действительно, Рабочий Совет занял здание муниципального управления, и собирался уже приняться за дело управления. Тогда бюргеры! испугались. Они немедленно согласились назначить в бургомистры социал-демократа. Таким образом Францу Виппелю суждено было вытащить каштаны из огня для господ социал-демократов. Для буржуазии он стал тем же, что красный платок для быка.

В другой раз, также вскоре после переворота, в столь тревожное переходное время, феслауские рабочие были выброшены на улицу. На большой суконной фабрике вышел весь запас пряжи; поэтому пролетарии должны были остаться без хлеба. В курорте, где царит безграничная роскошь, где богатые виноторговцы живут, утопая в изобилии, рабочие голодали и терпели крайнюю нужду. Франц Виппель не мог этого допустить. В один прекрасный день он созвал безработных. Явилось несколько тысяч человек. «Зачем нам погибать?» спросил он: «буржуазия здесь богата; она создала свои богатства из нашей крови и пота. Она поэтому обязана теперь нас содержать». И действительно, благодаря единодушию рабочих, а также энергии и инициативе Виппеля, удалось *по соглашению с государственными учреждениями*, наложить на феслаускую буржуазию контрибуцию, которую обратили на пособия безработным. Собственно говоря, буржуазия оказала эту помощь рабочим «добровольно», но Виппель сделался для нее с тех пор еще более ненавистным. Но в то время, как одни возненавидели его, другие полюбили его и восторгались им. Рабочие всего округа ловили каждое его слово, когда он говорил. А между тем он не был оратором. Он лишь говорил в простых словах то, что хотел и должен был сказать, — то, чем было преисполнено его сердце. Он сам, ведь, принадлежал к их среде! Он сам жил в темной, сырой кухне с своей молодой женой и маленькой дочерью, которых он называл такими именами, как «Ленина», «Спартака», «Роза». У него не было других доходов, кроме того, что ему удавалось выручать от продажи в разнос коммунистической литературы. При произведенном у него полицейском обыске, где варили для него суп, в горшке было найдено собачье и кошачье мясо.

В чем же заключалось его преступление? В чем обвиняли его?

Давно уже полиция, этот исполнительный орган буржуазии, собиралась убрать Виппеля. Но она не отваживалась на это. Она знала, как заботливо охраняла его любовь пролетариата. Все таки, в один прекрасный вечер к нему в дом явились полицейские и увели его.

Его обвинили в хранении и распространении оружия; в том, что он угрожал социал-демократическому бургомистру, — тому самому, которого он возвел в бургомистры; в том, что он задержал в Феслау какой-то поезд.

Виппель на это совершенно просто ответил: «Да, я действительно, зарыл в лесу и спрятал в старых, разрушенных зданиях оружие и аммуницию. Мне дали их с целью сохранения для Венгерской Советской Республики. При содействии надежных товарищей, знавших пароль, эти вещи были переправлены через границу. Товарищи приходили то с котомками, то с тележками, и я переправил бесчисленное множество таких грузов. Бургомистру я угрожал за то, что он хотел увезти оружие, сложенное в Феслау Рабочим Советом для вооружения рабочих».—Но угроза была, конечно, чисто словесной, как признал и сам бургомистр, который был допрошен в качестве свидетеля. «Если оружие не останется здесь, то ты будешь завтра повешен на первом-же дереве»,—так угрожал Виппель, которого все знали, как безобиднейшего человека. Конечно, возможно, что его привела в бешенство неискренняя политика социал-демократов, которые в Рабочем Совете публично высказывались за вооружение рабочих, а потом разными уловками старались этому помешать.

«Да, я также задержал поезд в Феслау,—признался также Виппель. Но то был штрейкбрехерский поезд — т. к. тогда была об'явлена всеобщая железнодорожная забастовка. Было несовместимо с честью Феслауских рабочих пропустить такой поезд».

И за это Франца Виппеля присудили к *четырем годам тяжелого заключения в темнице*. В его лице хотели наказать революционера, который отважился обложить буржуазию налогом, который в сознании своего долга солидарности доставлял оружие Венгерской Советской Республике и который хотел дать рабочим оружие.

ПРОЦЕСС ОСНОВАТЕЛЕЙ ФИНЛЯНДСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Как известно, финляндским правительством в мае 1920 г. было разогнано учредительный с'езд Финляндской Социалистической Партии, причем руководители с'езда были арестованы. Возбужденный против них процесс продолжался до сих пор. 8 февраля дело закончилось приговором, вынесенным гофгерихтом гор. Або.

В постановлении суда указывается, что из документов выяснилось, что обвиняемые, будучи недовольны решениями партии в 1919 году, постановили приступить к основанию новой партии и выбрали для выработки подготовительных мер временное правление. По предложению этого правления, было затем решено на состоявшемся 13—14 мая 1920 года партийном с'езде основать «стоящую на почве зрения классовой борьбы пролетариата рабочую организацию» *). Часть обвиняемых состояла на этом с'езде в качестве должностных лиц, и основанная на нем новая партия решила присоединиться к III или т. н. Московскому Интернационалу.

В об'яснительной записке судебного канцлера, на основании которой было возбуждено обвинение, указывалось, что обвиняемые об'единились для создания такой партии, целью которой было взять власть в

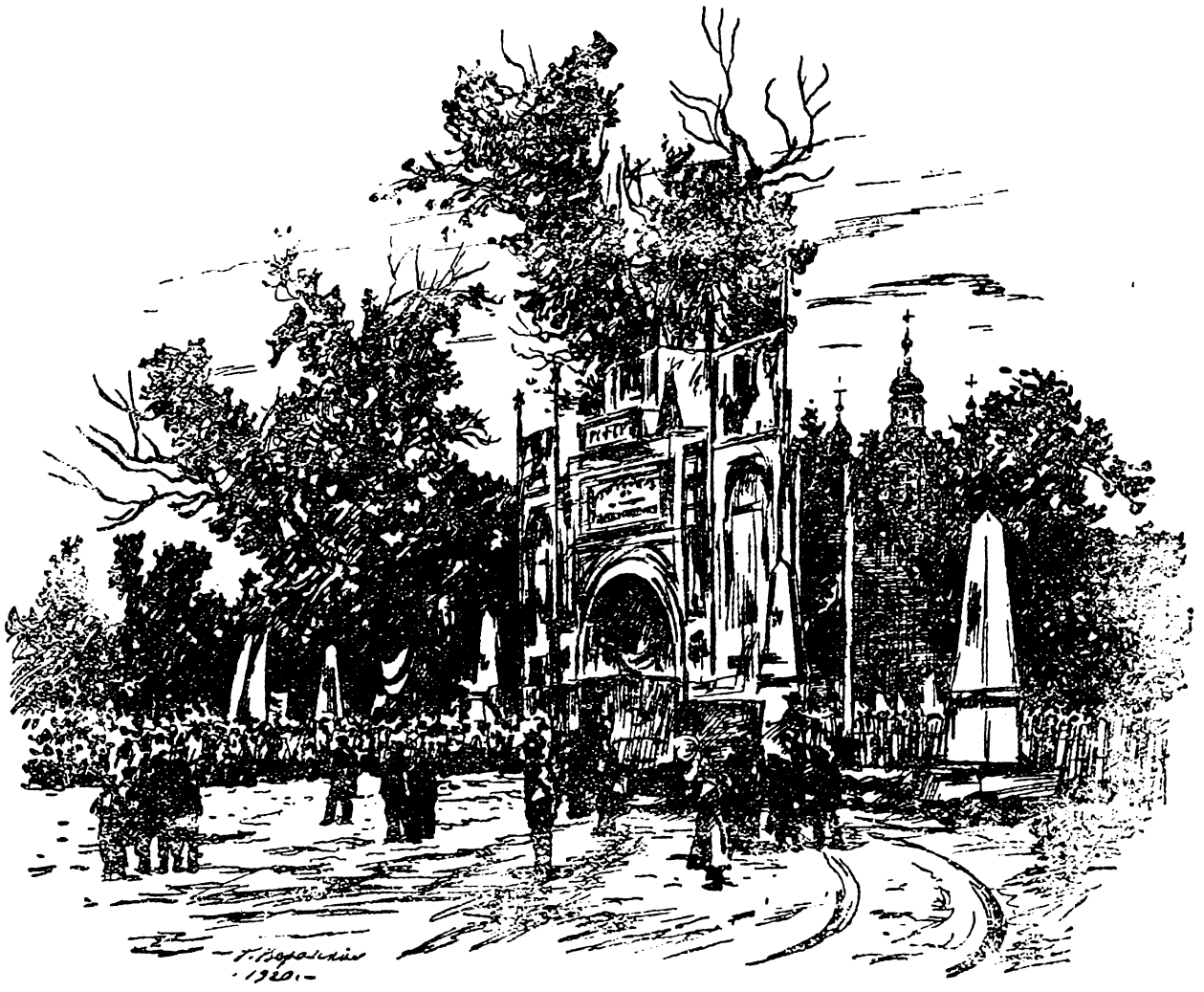
*) См. № 15 «Коммунистического Интернационала».

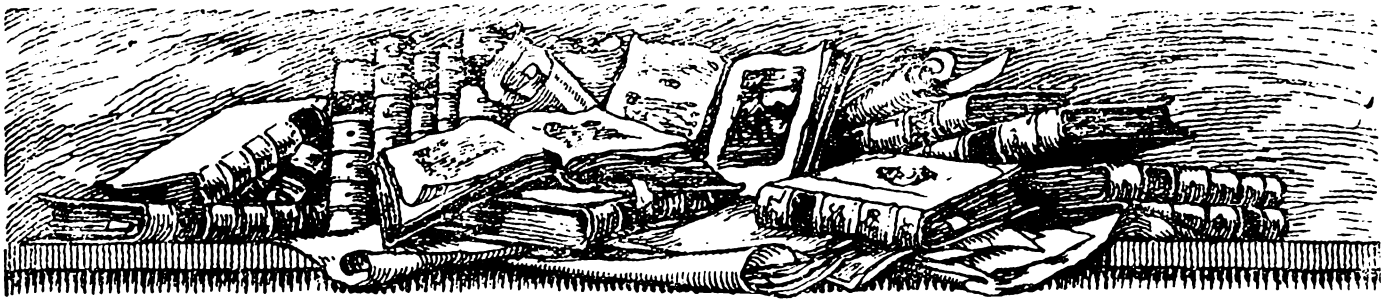
руки пролетариата, уничтожив буржуазный государственный аппарат и изгнав отовсюду бюрократию. Сославшись на эти указания судебного канцлера, гофгерихт признал, что «обвиняемые виновны в том, что содействовали основанию такого сообщества, целью которого является разрушение современной государственной формы Финляндии, и поэтому они виновны в подготовке государственного преступления. На основании этого гофгерихт приговорил обвиняемых: рабочего Ратикайнен, кандидата прав Пеккала, магистра Вуолиоки, наборщика Лехтинен, экономa Лейно, жестянщика Ялава и редактора Хейккиля к 1 году 6 месяц. тюремного заключения и к лишению гражданского доверия на 5 лет сверх срока тюремного заключения. Обвиняемые: плотник Хейнонен, жена рабочего Ватанен, плотник Хайкарайнен, бондарь Лайне, агент по продаже машин Партанен, портниха Кантанен и редактор Вирта приговорены гофгерихтом к 1 году тюремного заключения и к лишению гражданского доверия на 3 года сверх заключения.

В виду того, что некоторые из обвиняемых уже ранее были приговорены на различные сроки и условно освобождены, то срок их тюремного заключения и срок потери гражданского доверия увеличиваются. Ратикайнен должен пробыть в заключении 4 года 10 мес. 21 день и лишается гражданского доверия на 6 лет, Вуолиоки—4 года 10 мес. 21 день и лишается гражданского доверия на 8 лет, Лехтинен—3 года 1 мес. 15 дн. и лишается доверия на 5 лет, Лейно—6 лет 9 мес. 15 дн. и лишается доверия на 8 лет, Ялава—6 лет 16 дн. и лишается гражданского доверия на 7 лет и Хейккиля 6 лет 11 мес. 25 дн. и лишается доверия на 14 лет.

Гофгерихт счел необходимым немедленно подвергнуть всех осужденных задержанию. Судебные издержки должны быть покрыты всеми ответчиками совместно или теми из них, у кого имеются средства.

Об'явив приговор, гофгерихт гор. Або постановил немедленно задержать всех 14 осужденных и отдал по телеграфу соответствующее распоряжение центральной полиции. На основании этого приказа уже арестованы: в Гельсингфорсе — Ратикайнен, Пеккала, Ялава, Хайкарайнен, Хейнонен и Вирта, в Таммерфорсе — Лехтинен, в Васа—Лайне и в Ити—Вуолиоки.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

К 1 ФЕВРАЛЯ 1921 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНЫ.

1. «*Коммунистический Интернационал*», орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Петроград. Основан 1 мая 1919 г. Выходит одновременно на русском, французском, немецком и английском языках, под редакцией Г. Зиновьева.

2. «*Бюллетень Временного Международного Совета Красного Рабочего Интернационала*». Москва. Основан 1920 г. Выходит на четырех языках.

3. «*Народы Востока*», орган Совета Пропаганды и Действия Народов Востока. Баку. Основан в октябре 1920 г. Выходит на русском, турецком, персидском и арабском языках.

4. «Jugend-Internationale» (Интернационал Молодежи). Боевой орган Коммунистического Интернационала Молодежи. Немецкое издание. Берлин. Основан 1919 г. Русское издание — Москва; шведское издание — Стокгольм.

5. «Internationale Jugend Korrespondenz» (Международная Корреспонденция Молодежи). Издание Исполнительного Комитета Интернационала Коммунистической Молодежи. Немецкое издание — Берлин. Основан в 1920 г. Выходит 3 раза в месяц.

6. «Der junge Genosse» (Юный Товарищ). Издается Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала Молодежи. Берлин. Основан 1 января 1921 г. Редактор Эдвин Гернле (Hernle). Выходит 2 раза в месяц.

РОССИЯ.

1. «*Правда*», орган Центрального Комитета и Московского Комитета Р. К. П. (большевиков). Москва. Ежедневная газета. Тираж 250.000 экз.

2. «*Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов*». Москва. Ежедневная газета. Тираж—350.000 экз,

3. «*Коммунистка*», орган Отдела Ц. К. Р. К. П. по работе среди женщин. Москва. Основан летом 1920 г. Редакционная коллегия: Бухарин, Виноградская, Крупская, Коллонтай, Николаева и Ольминский. Вых. ежемесячно, тираж 30.000.

4. «*Юный Коммунист*», орган Центрального, Московского и Московского Губернского Комитетов Российского Коммунистического Союза Молодежи. Москва. Основан в 1919 г. Выходит 2 раза в месяц.

5. «*Петроградская Правда*», орган Петербургского Комитета Р. К. П. Петроград. Основан в 1912 г. Ежедневная газета.

6. «*Юный Пролетарий*», орган Петербургского Комитета и Северо-Областного Бюро Российского Коммунистического Союза Молодежи. Петроград. Выходит 2 раза в месяц.

Кроме указанных руководящих органов в России выходят также многие другие партийные и советские периодические издания.

ГЕРМАНИЯ.

1. «Die Rote Fahne» (Красное Знамя), центральный орган Об'единенной Коммунистической партии Германии (Секции Коммунистического Интернационала). Основан Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Берлин. Вых. 2 раза в день. Тираж—18,500 экз.

2. «Die Internationale» (Интернационал), журнал теории и практики марксизма. Основан Розой Люксембург и Францем Мерингом. Выходит 2 раза в месяц, Тираж 5.000 экз.

3. «Kommunistische Räte-Korrespondenz» (Коммунистическая Советская Корреспонденция). Основан в 1919 г. Издается Ц. К. партии. Выходит нерегулярно. Тираж 10.000 экз. Закрыт. Вместо него с 8 января 1921 г. выходит «Der Kommunistische Gewerkschafter».

4. «Die Kommunistin» (Коммунистка), орган Герм. Ком. партии. Берлин. Основан в 1920 г. Издается общегерманским секретариатом по работе среди женщин при постоянном сотрудничестве Клары Цеткин. Выходит 3 раза в месяц. Тираж 5.000 экз.

5. «Der Pflug» (Плуг), воскресная газета для сельско-хозяйственных рабочих и крестьян-мелких собственников. Берлин. Основана в 1919 г. Выходит еженедельно. Тираж 7.000 экз.

6. «Der Kommunistische Landarbeiter» (Сельскохозяйственный Рабочий-Коммунист). Основан 15 мая 1920 г. Выходит 2 раза в месяц. Тираж 6.000 экз.

7. «Die K. P. D. Propaganda» (Пропаганда К. П. Г.). Издание Ц. К. партии. Тираж 2.000 экз.

8. «Der Kommunistische Gewerkschafter» (Коммунист-Профсоюзник). Еженедельник для работы коммунистов в профсоюзах и производственных советах. Берлин. Ред. Фрицц Геккерт. Осн. 8 января 1921 г.

9. «Kommunistische Rundschau» (Коммунист. Обозрение). Берлин. Изд. Деймигом, Гейером и Штекером. Выходил 2 раза в мес. с октября 1920 по январь 1921.

10. «Schmiede» (Кузница). Еженедельник Ц. К. Об'ед. Комм. Партии Германии (орган агитации и пропаганды). Берлин. Осн. 14 января 1921.

11. «Spartakus» (Спартак). Издается партией. Основан в 1919 г. Выходил в течение 1919—1920 г.г. нелегально и нерегулярно.

12. «Die Internationale» (Интернационал), орган Об'ед. К. П. Г. Берлин, выходил ежедневно с 8 по 31 декабря 1920 г.

13. «Die Rote Fahne des Ostens» (Красное Знамя Востока). Ежедневная газета Об'единенной Комм. партии Германии для Восточной Пруссии. Кенигсберг. Осн. 1920.

14. «Der Kommunist» (Коммунист). Орган К. П. Г. для Вюртемберга. Штутгарт. Вых. ежедневно с 1 января 1921 вместо «Der Sozialdemokrat» (Социалдемократ).

15. «Der Kommunist» (Коммунист), информационный листок для Вюртемберга. Штутгарт. Выходит 3 раза в неделю. Закрыт.

16. «Volkszeitung» (Народная Газета), орган Об'ед. К. П. Г. Аугсбург. Ред. Венделин Томас Вых. ежедневно.

17. «Freiheit» (Свобода), партийный орган для Гессен-Нассау, Гессена и Нижней Франконии. Ганау на-Майне.

Основан в 1919 г. Выходит 2 раза в неделю. Тираж—4.000 экз. С 1 июля 1920 г. перестал выходить.

18. «Der Kommunist» (Коммунист). Эрфурт. Тираж 4.900 экз. С 1 июля 1920 г. перестал выходить.

19. «Der Kämpfer» (Борец), партийный орган для Саксонии. Хемниц. Основан в 1918 г. Ежедневная газета. Тираж 17.000 экз.

20. «Der Rote Kurier» (Красный Курьер), орган Об'единенной Коммунистической партии Германии для западной Саксонии. Лейпциг. Основан 1 февраля 1921 г.

21. «Freiheit» (Свобода). Дуисбург. Тираж 10.000 экз.

22. «Ruhr-Echo» (Рурское Эхо), рейнланд-вестфальский орган партии. Эссен. Основан в 1920 г.

23. «Die Rote Fahne» (Красное Знамя). Мангейм. Тираж 4.000 экз.

24. «Neue Zeitung» (Новая Газета). Мюнхен. Тираж 15.000 экз.

25. «Mitteilungsblatt der K. P. D. des Industriebezirks Chemnitz-Erzgebirge-Vogtland» (Информационный Листок К. П. Г. промышленного района Хемниц-Рудные Горы-Фогтланд). Хемниц. Основан в 1919 г.

26. «Hamburger Volkszeitung» (Гамбургская Народная Газета). Орган Об'ед. К. П. Г. Гамбург. Вых. ежедневно.

27. «Arbeiterpolitik» (Рабочая Политика), еженедельник научного социализма, информационный листок для северного и северо-западного районов К. П. Г. Гамбург.

28. «Das freie Volk» (Свободный народ), орган Об'ед. К. П. Г. Данциг, 1 февраля 1921 г. перешел от Н. С.-Д. П. Г.

29. «Bergische Arbeiterstimme» (Горный Голос Рабочего). Золинген.

30. «Schlesische Arbeiter-Zeitung» (Силезская Рабочая Газета). Партийный листок Об'ед. Комм. партии Германии. Бреславль. Вых. ежедневно.

31. «Klassenkampf» (Классовая Борьба). Галле. Вых. с 1 января 1921 вместо «Volksblatt» (Народный Листок).

32. «Südwestdeutsche Arbeiterzeitung» (Юго-Западно-Германская Рабочая Газета. Партийный орган для округа Гессен-Франкфурт на Майне.

33. «Rote Fahne» (Красное Знамя). Орган для Бадена и Пфальца. Мангейм-Штутгарт. Осн. 3 января 1921, вых. ежедневно.

34. «Freiheit» (Свобода), орган Об'единенной К. П. Г. Дюссельдорф.

35. «Die Junge Garde» (Юная Гвардия), центральный орган Свободной Социалистической Молодежи Германии. Берлин. Основан в 1918 г. Выходит 2 раза в месяц. Тираж 18.000 экз.

36. «Die Arbeit» (Труд), журнал теории и практики коммунистического движения молодежи. Берлин, основан 1 февраля 1921 г.

37. «Jung-Proletarier» (Юный Пролетарий), информационный листок Свободных юношеских групп Северной и Южной Баварии. Мюнхен. Основан в июне 1920 г. Выходит ежемесячно

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.

. «The Communist» (Коммунист), орган Третьего (Коммунистического) Интернационала. Издается Исполнительным Комитетом Коммунистической партии. Лондон. Основан в июле 1920 г. Выходит еженедельно. Тираж 15.000 экз.

ФРАНЦИЯ.

1. Bulletin Communiste» (Коммунистический Бюллетень), орган Комитета III Интернационала. Париж. Основан 2 марта 1920 г. Выходил 2 раза в месяц, а с 1 апреля 1920 г.—еженедельно.

2. «La Revue Communiste» (Коммунистическое Обозрение), научный, политический и литературный журнал. Париж. Редактор—Шарль Раппопорт. Основан в марте 1920 г. Выходит ежемесячно.

3. «Le Soviet» (Совет), орган Коммунистической Федерации Советов (французской секции Коммунистического Интернационала в Москве). Париж, основан в марте 1920 г. Выходит 2 раза в месяц.

4. «L'Avant-Garde ouvrière et communiste» (Рабочий и Коммунистический Авангард), официальный орган Комитета Коммунистического Интернационала Молодежи. Пюто (Сена). Выходит 2 раза в месяц.

5. «L'Humanité» (Человечество). Социалистическая газета. Париж. Вых. ежедневно.

6. «La Voix Paysanne» (Крестьянский Голос), орган Социалистической партии (французской секции Коммунистического Интернационала). Париж. Издается «L'Humanité». Редактор Рено Жан, секретарь редакции—Луи Бернар.

7. «Volkstribüne» (Народная Трибуна), лотарингский орган. Прежде издавался в Диденгофене, теперь—в Меце

8. «Germinal» (Жерминаль). Бельфор. Основан Фроссаром.

ИСПАНИЯ.

1. «El Comunista» (Коммунист), орган Коммунистической партии Испании. Мадрид. Основан 1 мая 1920 г. Ежедневная газета.

ИТАЛИЯ.

1. «Il Comunista» (Коммунист), орган коммунистической фракции Ит. Соц. партии. Болонья. Отв. секретарь ред. Никола Бомбаччи. Осн. 7/XI 1920 г.

2. «L'Ordine Nuovo» (Новый Порядок), коммунистический ежедневник. Турин. Осн. 1 января 1921 г.

3. «Il Soviet» (Совет), орган фракции коммунистов-абстенционистов Итальянской Социалистической Партии. Неаполь. Вых. еженедельно.

4. «L'Operaio agricolo» (Сельский Рабочий), двухнедельный журнал для коммунистической подготовки и культуры. Турин. Осн. в январе 1921 г.

5. «Avanguardia» (Авангард), орган Итальянской Социалистической Юношеской Федерации. Отв. редактор Никола Бомбаччи.

6. «Lavoratore» (Работник), орган Коммунистической Федерации Юльской Венеции. Триест. Осн. 3 февраля 1921 г.

7. «Il Comunista». Центр. орган К. П. Италии. Милан. Осн. 30/I 1921 г. Ред. Луиджи Репосси. Выходит 2 раза в неделю.

ГОЛЛАНДИЯ.

1. «De Tribune» (Трибуна), революционно-социалистический народный листок, орган Нидерландской Коммунистической партии. Амстердам. Основан в 1907 г. Редакторы Ван Равестейн и Вайнкуп. Ежедневная газета.

2. «De Nieuwe Tijd» (Новое Время), революционно-социалистический двухнедельник. Редакторы: Генриетта Роланд-Голст, Антон Паннекук, Ван Равестейн.

3. «De Jonge Kommunist» (Юный Коммунист), орган Коммунистического Союза Молодежи. Гаага. Редакторы: Ван Берн и Доллеман. Выходит ежемесячно.

4. «De Voorbode» (Предвестник), орган работниц.

БЕЛЬГИЯ.

1. «L'Ouvrier Communiste» (Рабочий Коммунист) Брюссель. Основан 1 марта 1920 г. Выходит 2 раза в месяц.

ЛЮКСЕМБУРГ.

1. «Der Kampf» (Борьба), орган Коммунистической партии Люксембурга (Секции III Интернационала). Люксембург, осн. в январе 1921 г., вых. еженедельно.

ШВЕЙЦАРИЯ.

1. «Bieler Vorwärts» («Бильский Вперед»), орган Коммунистической партии Швейцарии. Биль, выходит 2 раза в неделю. Заменен «Neue Ordnung» (см. ниже).

2. «Neue Ordnung» (Новый Порядок), официальный орган Коммунистической парти Швейцарии (Секции III Интернационала). Берн. Основан 1 октября 1920 г. Вых. 3 раза в неделю., с 18 января 1921 г. 4 раза в неделю. Отв. ред. Г. Бобст (H. Bobst).

3. «Der Kommunist» (Коммунист). Издается Коммунистической партией Швейцарии. Винтертур. Тираж 2.500—4.000. Основан в 1919 г.

4. «Der Kämpfer» (Борец). Цюрих. Основан 11 января 1921 г. Председатель редакционной комиссии Гитц-Бай (Hitz-Bay).

5. «Basler Vorwärts» («Базельский Вперед»), с февраля 1921 г. коммунистический ежедневник, официальный орган социалистической левой Швейцарии и Рабочего Союза Базеля. Базель.

6. «Le Phare» (Маяк), коммунистическое воспитание и информация. Официальный орган III Интернационала в романской Швейцарии. Шо-де-Фон. Основан 1919 г., выходит ежемесячно. Редактор Жюль Эмбер-Дроз.

7. «Neue Jugend» (Новая Молодежь), орган коммунистической молодежи Швейцарии. Базель. Выходит 2 раза в месяц.

ДАНИЯ.

1. «Arbejdet» (Труд), орган Левой Социалистическ. партии Дании. С 1 дек. 1919 г. еженедельник, с 10 апр. 1920 г. ежедневная газета.

2. «Fremad» (Вперед). Орган союза молодежи. Копенгаген, вых. 2 раза в месяц.

ШВЕЦИЯ.

1. «Norrskenflamman» (Северное сияние), Лулео. Ежедневная газета. Орган Левой Социалист. партии Швеции. Выходит и на финском языке под названием «Revontulet» (см. № 19).

2. «Västerbottens Folksblad» (Вестерботтенский Народный Листок). Умео. Выходил в 1919 г. 3 раза в неделю, теперь ежедневно.

3. «Nya Norrland» (Новый Норрланд). Соллефтео. Ежедневная газета.

4. «Folkets Dagblad Politiken» (Народный политический ежедневник). Стокгольм. Ежедневная газета. Ред. З. Хеглунд.

5. «Skanes-Folksblad» (Народный листок Сконеса). Треллеборг. Выходил еженедельно, а с начала 1920 г. — 3 раза в неделю.

6. «Hälsinge-Kuriren» (Гельсингский Курьер). Болльнэс, выходит 2 раза в неделю.

7. «Dalarnes Folksblad» (Даларнский Народный Листок). Бурленге. Выходит 2 раза в неделю.

8. «Ofre Dalarnes Tidning» (Даларнская газета). Мора. Выходит 2 раза в неделю.

9. «Nya Värmland» (Новый Вермланд). Карлстад, Выходит 2 раза в неделю, редактор Ион Булин.

10. «Västmanland» (Вестманландия). Вестерос. Выходит 2 раза в неделю.

11. «Ostgöta-Folket» (Остгётский Народ). Линчепинг. Выходит 2 раза в неделю.

12. «Inlandet». Эстерзунд. Выходит еженедельно.

13. «Medelpads-Kuriren» (Медельпадский Курьер). Болльнэс. Выходит еженедельно.

14. «Sörmlands Folksblad (Сермландский Народный Листок). Эскильстуна. Выходил в начале 2 раза в неделю, а затем еженедельно. Прекращен в начале 1920 г.

15. «Örebro Läns Folksblad» (Народный Листок Эребру). Эребру. Выходит еженедельно.

16. «Västsvenska Kuriren» (Западно - Шведский Курьер). Гётеборг. Выходит еженедельно.

17. «Norra Smaland» (Северный Смоланд). Хускварна. Выходит еженедельно.

18. Blekinge-Kuriren» (Блекингский Курьер). Ронneби. Выходит еженедельно.

19. «Revontulet» (Северное Сияние), по фински, Лулео. Выходит 2 раза в неделю.

Общий тираж перечисленных изданий 82.000.

20. «Stormklockan» (Набатный Колокол), официальный орган Союза Молодежи. Стокгольм, редактор Яльмар Викстен. Выходит еженедельно.

21. «Röda Röster» (Красные Голоса), орган Союза Работниц. Стокгольм.

22. «Zimmerwald» (Циммервальд). Социалистический журнал, Стокгольм.

23. «Den tyste kamraten» (Немой Товарищ). Орган глухонемых, Стокгольм.

Тираж последних 5 изданий, стоящих на платформе партии, 32.000.

НОРВЕГИЯ.

Норвежская Рабочая Партия.

1. «Social-Demokraten» (Социал-Демократ). Христиания, редактор Олаф Шефло. Выходит ежедневно.

2. «Arbeidet» (Труд). Берген. Редактор Сверре Крог. Выходит ежедневно.

3. «Ny Tid» (Новое Время). Трондьем. Редактор Альфред Мадсен. Выходит ежедневно.

4. «1 Mai» (1 Мая). Ставангер. Редактор Андреас Гансен. Выходит ежедневно.

5. «Fremtiden» (Будущее). Драммен. Редактор Торгейр Бро. Выходит ежедневно.

6. «Smaalen Soc.-Dem.» (Смооленский Социал-Демократ). Фредрихстад. Редактор П. Моэ Иогансен. Ежедневная газета.

7. «Bratsberg-Demokraten» (Братсбергский Демократ). Скиен. Редактор Эйвинд Рейерсен. Ежедневная газета.

8. «Sorlandets Soc.-Dem.» (Сэрландский Социал-Демократ). Христиансанд. Редактор Ола Сольберг. Ежедневная газета.

9. «Demokraten» (Демократ). Хамар. Редактор Альфред Окерманн. Ежедневная газета.

10. «Nybrot» (Новая борьба). Ларвик. Редактор А. Эйнес. Выходит ежедневно.

11. «Vestfold Arbeiderblad» (Вестфольский Рабочий Листок). Тэнсберг. Редактор Оле Эйсанг. Ежедневная газета.

12. «Tiden» (Время). Арендаль. Редактор Карл Горили. Ежедневная газета.

13. «Glommendalens Soc.-Demokraten» (Гломмендальский Социал-Демократ). Кунгсвингер. Редактор Вальдемар Карлсен. Ежедневная газета.

14. «Tidens Krav» (Требование Времени). Христиансунд. Редактор Ингвальд Б. Якобсен. Ежедневная газета.

15. Ny Dag» (Новый День). Гьёвик. Редактор Нильс Эдегорд. Ежедневная газета.

16. «Haugesunds Folkeblad» (Гаугезундский Народный Листок). Гаугезунд. Ред.: комитет партии. Выходит 2 раза в неделю.

17. «Daggry» (Заря). Хортен. Редактор Оле Бакке. Выходит 3 раза в неделю.

18. «Österdalens Soc.-Dem.» (Эстердальский Социал-Демократ). Эльверум. Редактор Олаф Сэтер. Выходит 3 раза в неделю.

19. «Arbeidets Ret» (Право Труда). Рэрос. Редактор Иэнс Галоен. Выходит 3 раза в неделю.

20. «Nordlands Soc.-Dem.» (Нордландский Социал-Демократ). Бодэ. Редактор Гаральд Галоен. Выходит 3 раза в неделю.

21. «Folkeviljen» (Народная Воля). Харстад. Редактор Альфред Скар. Выходит 3 раза в неделю.

22. «Nordlys» (Северное Сияние). Тромсэ. Редактор Педер Космоли. Выходит 3 раза в неделю.

23. «Fremover» (Вперед). Нарвик. Редактор Аксель Ольсен. Выходит 3 раза в н-делю.

24. «Namdalens Soc.-Dem.» (Намдальский Социал-Демократ). Намсос. Редактор Иоганнес Эйде. Выходит 3 раза в неделю.

25. «Akershus Soc.-Dem.» (Социал-Демократ Акерсгуса). Лиллестрем. Редактор Август Иверсен. Выходит 3 раза в неделю.

26. «Hönefos og Opl. Soc.-Dem.» (Социал-Демократ Генефоса и Опл.) Генефос. Редактор Иерген Тон. Выходит 3 раза в неделю.

27. «Folkets Frihet» (Народная Свобода). Киркенес. Редактор Мартин Гьеснес. Выходит 2 раза в неделю.

28. «Helg. Fremtid» (Хельг. Будущее). Мо в Ранене. Редактор Р. Кнутсон. Выходит 2 раза в неделю.

29. «Vestfinmarkens Soc.-Dem.» (Вестфинмаркенский Социал-Демократ) Гаммерфест. Редактор Хр. Андреас Олаусен. Выходит 2 раза в неделю.

30. «Uttrondelagens Soc.-Dem.» Иттренделагенский Социал-Демократ). Оркедальсерен. Редактор Мартин Фосс. Выходит 2 раза в неделю.

31. «Gudbrandsdalens Soc.-Dem.» (Гудбрандсдальский Социал-Демократ. Лиллегаммер. Редактор О. Россов. Выходиш 2 раза в неделю.

32. «Det 20-nde Aarhundrede» (XX век). Редактор Арвид Ханзен,

33. «Kvinden» (Женщина), орган Женского Союза Рабочей партии.

34. «Klassekampen» (Классовая Борьба), орган Союза Норвежской Социал-Демократической Молодежи, Христиания. Выходит еженедельно.

Помимо перечисленных партийных органов, следующие органы стоят на платформе партии:

35. «Infrondelagens Social-Demokraten» (Интрендский Социал-Демократ). Левангер. Редактор Н. Галлан. Выходит 3 раза в неделю.

36. «Folkets Rost» (Глас Народа). Аским. Редактор Сверре Хвертгольм. Выходит 3 раза в неделю.

37. «Hardanger Social-Demokraten» (Гардангерский Социал-Демократ). Одда. Редактор Эдв. Нэрстад. Выходит 3 раза в неделю.

38. «Finmarken» (Финмаркен). Вардо. Редактор Ион Андро. Выходит 2 раза в неделю.

39. «Sogns Social-Demokraten» (Социал-Демократ Согна). Лердаль. Редактор Эрик Нордберг. Выходит 2 раза в неделю.

40. «Follo Social-Demokraten» (Социал-Демократ Фолло). Дребак. Редактор А. Хр. Хольме. Выходит 2 раза в неделю.

41. «Moss Social-Demokraten» (Социал-Демократ Мосса). Мосс. Выходит 2 раза в неделю.

42. «Folkets Ret» (Право Народа). Мольде. Редактор Як. Дале. Выходит еженедельно.

43. «Romerikes Blad» (Ромерикский Листок). Иессейм. Редактор М. Юл. Гальворсен. Выходит 2 раза в неделю.

ФИНЛЯНДИЯ.

1. «Wapaus». Петроград. Основ. 1918 г., в 1920 г. издание перешло от партии к Центральному Бюро финских организаций Р. К. П. Ежедневная газета.

2. «Kumous» (Революция), журнал. Петроград. Основан 1918 г. Издание перешло к Ц. Б. финских организаций Р. К. П.

3. «Punainen Lippu» (Красное Знамя). Выходил нелегально в Финляндии. Издание прекращено.

4. «Proletaari» (Пролетарий). Еженедельная газета. Основана 26 ноября 1920 г. Выходит нелегально.

5. «Wiesti» (Вестник), журнал. Стокгольм. Основан 1918 г.

ЛАТВИЯ.

1. «Циня» (Борьба). Центральный орган Латвийской Коммунистической партии, в 1919—20 г.г. выходил нелегально с тиражем 7.000 экз.

2. «Известия Ц. К.». Вышло 2 №№. Тираж 1.000 экз.

3. «Коммунист», нелегальный орган Либавского Комитета партии. Вышло 38 номеров. Тираж 2.000 экз.

4. «Батрацкая Борьба», нелегальный орган Либавского Комитета партии. Вышел 1 №.

5. «Известия Либавского Комитета». Вышло 5 №№. Тираж 1.000 экз.

6. «Спартак», нелегальный орган рижской организации. Вышло 3 номера. Тираж 3.000 экз.

7. «Красный Стрелок», нелегальный орган Либавской военной организации. Вышло 5 номеров. Тираж 3.000 экз.

8. «Юный Спартак», орган союза молодежи. Вышел 1 номер. Тираж 1.000 экз.

ЛИТВА и БЕЛОРУССИЯ.

1. «Komunistas» (Коммунист). Орган Организационного Бюро Литовской Комм. партии (большевиков), Смоленск.

2. «Komunistas» (Коммунист). Орган Ц. К. К. П. (б.) Литвы и Белоруссии, Смоленск.

3. «Stern» (Звезда), по-еврейски. Орган Ц. К. К. П. (б.) Литвы и Белоруссии и Главного Бюро еврейских секций Белоруссии. Минск, вых. ежедневно.

НЕМЕЦКАЯ АВСТРИЯ.

1. «Die Rote Fahne» (Красное Знамя), центральный орган Коммунистической партии Немецкой Австрии. Вена. Основан 1918 г. Ежедневная газета.

2. «Klassenkampf» (Классовая Борьба), орган провинциальных организаций партии. Вена. Выходит еженедельно.

3. «Rätekorrespondenz» (Советская Корреспонденция), орган Коммунистической Фракции Рабочих Советов. Вена.

4. «Der Rote Soldat» (Красный Солдат), издание солдатской группы партии. Вена. Выходит 2 раза в месяц.

5. «Der Kriegsgefangene» (Военнопленный), издается партией.

6. «Die Kommunistische Jugend» (Коммунистическая Молодежь), орган Союза Коммунистической Пролетарской Молодежи. Вена. Основан 1919 г. Тираж 3.000—6.000.

7. «Kommunismus» (Коммунизм). Пер. изд. Коммунистического Интернационала. Вена. Основан 1920 г., ответственный редактор Гергардт Эйслер. Выходит еженедельно.

8. «Sowjet» (Совет), коммунистический ежемесячник. Издатель Отто Каус. Вена.

ЧЕХО-СЛОВАКИЯ.

1. «Рудэ Право» (Красное Право), центральный орган марксистской левой Чехо-словацкой Социал-демократической партии. Прага. Выходит ежедневно.

2. «Вечерник Рудэ Право», вечернее издание предыдущего органа.

3. «Свобода», Кладно, редактор Б. Гула. Выходит ежедневно.

4. «Ровность», Брюнн. Выходит ежедневно.

5. «Спага», Табор.

6. «Вольность», Нимбург.

7. «Прубой», Лаун.

8. «Словацко», Годонин.

9. «Ровно Право», Нусле.

10. «Жижкован», Жижков.

11. «Искра», Требич.

12. «Инжи Морава», Зноймо.

13. «Наш Север», Усти над Лабем.

14. «Страж Поизержи», Мл. Болеслав.

15. «Страж Лиду», Кромержиж.

16. «Правда Худоды», Ружанберг-Словакия.

17. «Справедливость», Рокитцан.

18. «Az Ifju Garda» (Юная Гвардия), орган Коммунистического Союза Молодежи Словакии, Козич. Выходит 2 раза в месяц.

ВЕНГРИЯ.

1. «Красная Газета» (на венгерском языке), орган Коммунистической партии Венгрии. Вена. Выходила ежедневно, с июня 1920 г.—еженедельно.

2. «Proletár» (Пролетарий), венгерский орган Коммунистического Интернационала. Вена. Основан в июле 1920 г. Выходит еженедельно.

3. «Az Ifju Proletár» (Юный Пролетарий), орган Союза Молодежи. Выходит нелегально 2 раза в месяц.

4. «Értesitö» (Информационный Листок), орган Союза Молодежи. Выходит нелегально 2 раза в месяц.

БОЛГАРИЯ.

1. «Работнически Вѣстникъ» (Рабочий Вестник), центральный орган Болгарской Коммунистической партии, София. Тираж 25.500—30.000. Ежедневная газета.

2. «Ново Врѣме» (Новое Время), двухнедельный партийно-теоретический журнал. 6.000 подписчиков.

3. «Красный Смех», юмористический еженедельник. Тираж 6.000.

4. «Селски Вѣстникъ» (Сельский Вестник), орган коммунистической пропаганды в деревне. Тираж 8.000.

5. «Партийная Корреспонденция».

6. «Другарче», ежемесячный детский журнал.

7. «Библиотека Другарче», ежемесячное издание для пролетарского юношества.

Общий тираж трех последних органов 20.000.

8. «Равенство», коммунистическая газета для женщин. Тираж 6.250.

9. «Младежка Правда» (Юношеская Правда), орган Коммунистического Союза Молодежи, София. Тираж 5.100, выходит 2 раза в месяц.

10. «Освобождение», орган коммунистической пропаганды среди эмигрантов Македонии, Фракии и Добруджи. Тираж 5.000.

11. «Учительская Искра», орган учительской коммунистической организации. 4.300 подписчиков.

12. «Служащий», орган коммунистической организации государственных, окружных и муниципальных служащих. 2.500 подписчиков.

13. «Инвалид-Борец», орган коммунистической организации инвалидов. 2.018 подписчиков.

ЮГО-СЛАВИЯ.

1. «Радничке Новине» (Рабочая Газета), центральный орган Коммунистической партии Югославии. Редактор Сима Маркович, Белград. Тираж 14.000. Ежедневная газета.

2. «Црвена Застава» (Красное Знамя), орган Союза Коммунистической Молодежи Югославии. Белград. Тираж 6.000. Выходит 2 раза в месяц.

3. «Еднакость» (Равенство), орган женского коммунистического движения. Белград. Выходит 2 раза в месяц. Тираж 5.000.

4. «Будущность», детский журнал, Белград. Выходит 2 раза в месяц. Тираж 5.000,

5. «Борьба», теоретический журнал.

6. «Радник» (Рабочий), Крагуевац. Выходит еженедельно. Тираж 5.000.

7. «Учительская Борьба» (Борьба Учителей), Крагуевац. Выходит ежемесячно. Тираж 3.000.

8. «Народна Воля» (Народная Воля), Пожега. Тираж 2.000.

9. «Социалистичка Зоря» (Социалистическая Заря), Скопле. Выходит 2 раза в неделю. Тираж 3.000.

10. «Глас Слободе» (Голос Свободы), Сараево. Ежедневная газета. Тираж 5.000.

11. «Народни Глас» (Голос Народа), еженедельник для крестьян, Банья Лука. Тираж 3.000.

12. «Нова Истина» (Новая Истина), Загреб (Аграм), Выходит еженедельно. Тираж 8.000. После Вуковарского партийного с'езда остался «социалистическим».

13. «Пролета» (Пролетарий), Вировитица. Выходит еженедельно. Тираж 1.000.

14. «Радничка Лист» (Рабочий Листок), Новый Сад. Выходит 2 раза в неделю. Тираж 6.000.

15. «Радничка Рич» (Слово Рабочего), Оссек. Выходит еженедельно. Тираж 2.000.

16. «Радничка Стража» (Рабочий Часовой). Вуковар. Выходит еженедельно. Тираж 2.000 экз.

17. «Наши Записки». Любляна. Выходит ежемесячно. Тираж 2.000 экз.

18. «Редечи Прапор» (Красное Знамя), на словенском языке. Любляна. Тираж 4.500—5.000 экз.

19. «Ослобождение» (Освобождение). Спалато. Выходит еженедельно. Тираж 4.000 экз.

РУМЫНИЯ.

1. «Tineretul Socialist» (Социалистическая Молодежь), орган Союза Социал-Демократической Рабочей Молодежи. Бухарест. Выходит 2 раза в месяц.

ГРЕЦИЯ.

1. «Эргатикос Агон» (Рабочая Борьба), официальный орган греческой Социал. Рабочей партии (коммунистов). Афины. Выходит еженедельно. Тираж 6.000 экз.

2. «Ридзоспастис» (Радикал), стоит на платформе партии. Афины. Ежедневная газета. Тираж 10.000 экз.

3. «Авангти» (Вперед), на еврейско-испанском языке, орган партии и Биржи труда. Салоники. Тираж 2.000 экз.

4. «Фони ту Эргату» (Голос Рабочего), орган партии и Биржи труда. Салоники. Тираж 2.000 экз.

5. «Эргатисмос» (Труд), партийный еженедельник. Кавала. Тираж 3.000 экз.

ГРУЗИЯ.

1. «Коммунист», орган Временного Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии. Тифлис, осн. в октябре 1920 г., вых. ежедневно. Бр. редактор М. Загания.

2. «Ахали Комунисти», на грузинском языке. Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии. Тифлис, редактор Л. Сухошвили.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

1. «The Communist» (Коммунист). Официальный орган Об'единенной Коммунистической партии. Основан 1920 г. Выходит 2 раза в месяц на английском, венгерском, еврейском, литовском, польском, русском, финском и хорватском языках.

2. «The Class Struggle» (Классовая Борьба). Теоретический журнал. Выходит ежемесячно.

3. «The Voice of Labor» (Голос Труда).

4. «The Communist» (Коммунист), орган Коммунистической партии Америки. Выходит 2 раза в месяц, нелегально. Тираж 8.000.

5. «Новый Мир», орган Коммунистической партии Америки. Основан Л. Г. Дейгем в 1912 г., в 1916—1917 г. в нем участвовали российские большевики, с начала 1920 г. перешел в полулегальное существование, а с июня выходит нелегально.

6. «Rote Fahne» (Красное Знамя), по-еврейски. Орган Коммунистической партии Америки. Выходит нелегально. Тираж 3.000.

Кроме перечисленных, Коммунистическая партия Америки издает нелегальные газеты на литовском, украинском и польском языках, каждая из которых распространяется в количестве около 10.000 экземпляров.

7 «The Communist Unity» (Коммунистическое Единение), издается с середины января 1921 г. группой активных коммунистов из обоих партий. Выходит одновременно на русском, английском и еврейском языках. Тираж 5.000.

Следующие журналы коммунистического направления выходят легально:

8. «The Workers Challenge» (Призыв Рабочих). Нью-Йорк. Тираж 5.000.

9. «The Toiler» (Работник), орган Коммунистической партии. Огайо (Клевленд). Ред. Эльмер Аллисон. Вых. еженедельно. Тираж 15.000.

10. «The Liberator», ежемесячный журнал. Выходил взамен закрытого в 1917 г. «The Masses» (Массы) под редакцией Мак Истмана (Mac Eastman) при ближайшем участии Джона Рида (John Reed), Роберта Майнора (Robert Minor) и др.

11. «Der Proletarier» (Пролетарий), по-еврейски. Иллюстрированный журнал. Нью-Йорк. Издается Пролетарской Издательской Ассоциацией. Тираж 7.000.

12. «Der Kampf» (Борьба), по-еврейски. Выходит еженедельно.

13. «Молот», по-украински. Выходит еженедельно.

14. «Soviet Russia» (Советская Россия). Еженедельник, посвященный распространению правды о России. Официальный орган Бюро Российского Советского Правительства. Нью-Йорк, осн. 7 ноября 1919 г.

Так как составление полного перечня гигантски разросшейся мировой прессы коммунизма—дело крайне сложное, редакция надеется, что ее почин побудит все секции III Интернационала присылать ей подробные сведения об историческом развитии, тираже и современном состоянии коммунистической прессы всего мира.

РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ.

Kommunistische Rundschau. Herausgegeben von E. Däumig, K. Geyer, W. Stoecker. 1. Jahrgang. Nummer 2—4. Berlin.

В № 2 *Эрнст Деймиг* поместил статью, посвященную «С'езду в Галле» (14. X. 20).—«Тридцать лет тому назад, в 1890 г., в том же Галле заседал с'езд Германской Соц.-демократической партии. Этот с'езд выполнил стоявшую перед ним историческую задачу, которая была продиктована тогдашними экономическими и политическими условиями. Но как многое изменилось с тех пор за протекшие 30 лет! «Исчезла детская вера в вечную незыблемость хозяйственного и общественного строя капитализма. Социализм перестал уже быть отдаленным теоретическим идеалом. Воля к социализму выявилась в массах в конкретном, зовущем к действию, слове: социализация!..»

Все республиканско-демократические лозунги, в большей или меньшей мере, осуществились и осуществляются в жизни.

Деймиг вспоминает слова Вильгельма Либкнехта, сказанные им на партийном с'езде в Галле в 1890 году:

«То, что ныне является идеалом,—завтра станет действительностью, а послезавтра—реакцией!»

Тридцать лет тому назад—говорит Деймиг—республика и всеобщее избирательное право были идеалом, в 1918 г. они стали действительностью, а в 1920 г. они превратились в лозунги реакции. Ибо путем защиты этих демократических завоеваний капитализм стремится вновь утвердить свое господство.

К сожалению, демократическая маскировка государственной и политической жизни наших дней вводит в обман широкие круги пролетариата. «Именно пролетарские партии, провозглашающие демократический принцип, как догму, содействуют этому обману пролетариата».

В настоящее время уже недостаточно, чтобы с'езд пролетарской революционной партии провозгласил: «Мы *хотим* социализма, мы *хотим* диктатуры пролетариата! — С'езд в наши дни должен поставить другой вопрос: *Как можем мы сегодня завоевать политическую власть, как можем мы сохранить и удержать ее на завтра и на будущее время, — дабы осуществить в жизни социалистический идеал».*

Такова основная задача, которую должен был разрешить с'езд в Галле в 1920 г.

И он разрешил ее: раскол в Германской Независимой Соц.-дем. партии, слияние отколовшихся левых с Коммунистической партией Германии в одну Об'единенную Коммунистическую партию Германии—это первый и важнейший шаг в деле осуществления указанной выше задачи. Ведь труден только первый шаг...

Вильгельм Кёнен (Koenen) посвящает свою статью вопросу об «Организации партии».

Чтобы достигнуть максимума действенности, партия «должна превратиться из оппозиции активных в *центр активности*... Если мы хотим — продолжает Кёнен — выйти победителями из грядущих тяжелых сотрясений и битв, — то мы должны свою организацию построить так, чтобы она соответствовала условиям, необходимым во время осадного положения, гражданской войны и диктатуры пролетариата».

Лозунг централизации, наряду с присоединением к Коммунистическому Интернационалу, есть прямой путь для этого.

Пауль Бёттхер (Böttcher) затрагивает вопрос о «Проблемах гражданской войны».

«Если—говорит автор—пролетариат организует парламентские выборы, массовые забастовки, то он должен также организовать вооруженное восстание, подобно тому, как имущие классы формируют организации Оргеша, обывательскую охрану, студенческие отряды и т. п. Отказ от этой задачи равносилен измене революционным обязанностям пролетарской классовой партии».

Но как же безоружные массы могут одолеть вооруженную силу современного государства?—могут возразить скептики.

Ответ: Мы *завоюем* необходимые средства вооружения.

Виктор Штерн (Stern) в статье: «Различие в условиях борьбы за революцию на Востоке и на Западе» (№№ 2 и 3) подвергает критическому разбору *) работу *Отто Бауэра:* «Большевики и социал-демократия».

Штерн отмечает один чрезвычайно серьезный дефект в работе О. Бауэра: последний учитывает только моменты различия в хозяйственном и политическом положении на Востоке и Западе, совершенно игнорируя глубокие, существенные и решающие моменты однородности и сходства.

О. Бауэр стремится доказать, что революция на Западе должна встретить на своем пути более мощное сопротивление, нежели это имело место в России. Совершенно игнорируя благоприятные для революции на Западе моменты, он делает, однако, одно крайне любопытное признание: *на Западе, по его мнению, легче использовать в интересах революции социальные различия, существующие среди сельского населения.*

Несомненно,— заканчивает Штерн — что устранение капиталистических классов представляет в Германии гораздо больше трудности, нежели в России; но, в то же время, в распоряжении германского пролетариата имеются и более могучие силы. Кроме того, в Германии существует *суровая необходимость в диктатуре,* ибо промышленное государство сильнее чувствует на себе влияние кризиса капитализма.

Нужно раз навсегда отказаться от мысли, что на демократическом пути соглашательства нас минет горькая чаша гражданской войны. Ибо всякое серьезное начало социализации послужит для капиталистов *сигналом к гражданской войне.*

Hic Rhodus—hic salta!—повелительно возглашает непреклонная богиня Истории.

Третья книжка журнала начинается статьей *Эрнста Деймига:* «Новые пути».

«На партийном с'езде в *Галле* имело место первое крупное поражение московской методы»—самоуверенно и преждевременно провозгласил идейный вождь умеренных независимых, *Рудольф Гильфердинг.*

Но действительность — замечает по этому поводу Деймиг — свидетельствует как раз об обратном: благодаря с'езду в *Галле* «московская метода» во всем мире выдвинулась на авансцену политических исследований. Об этом свидетельствует также усиленная дозировка социал-реформистской гомеопатии, и та возросшая уверенность в победоносной силе Коммунистического Интернационала, которая ярко обнаруживается в прессе коммунистического и революционного пролетариата.

В действительности, достигнутый на партийном с'езде в Галле результат означает об'единение активных революционных сил германского пролетариата. Тем самым он толкает на тот же революционный путь пролетариат других стран.

Автор отмечает крайне любопытное противоречие в заявлениях наших противников.

С одной стороны, «московские насильники» — накануне своего падения. Поэтому они изо всех сил стараются привлечь на свою сторону пролетариат Средней и Западной Европы и Америки, чтобы сделать его орудием своей империалистической, милитаристской и несоциалистической политики.

И тут же нас уверяют, что единственное стремление московских апостолов татарского социализма—это внести раскол и ослабить пролетарские партии мира.

Какие, на самом деле, наивные и—скажем прямо—глупые эти «московиты»: сами роют себе яму, сами обессиливают те элементы, на которые они хотят опереться в своей борьбе.

Еще одно противоречие. По словам наших противников, они желают воссоздать такой интернационал, в который должен войти также и Коммунистический Интернационал.

---

*) См. статью К. Радека, помещенную в предыдущем № нашего журнала.

Но разве могут иудеи сидеть за одним столом с самаритянами?! Ведь над III Интернационалом, говорят они, веет не дух марксизма, а дух Бакунина!

Словно наши отечественные пошехонцы, заблудились наши противники в трех соснах.

«Борьба и жизнь — вот куда направлены наши взоры»,—заканчивает автор.

В той же третьей книжке помещено окончание статьи *Рихарда Мюллера:* «Профессиональные союзы, производственные советы и III Интернационал».

В четвертой книжке журнала *Пауль Бётхер* (Böttcher) посвящает статью вопросу о «Финансировании контр-революции».

Контр-революционная роль нынешней Франции, щедро наделяющей врагов свободы золотом, ярко выступает в сообщаемых автором данных.

Вполне естественно, что контр-революция работает по широко задуманному плану, в международном масштабе. Враги наши не дремлют. И черной рати мы должны противопоставить красную рать борцов за III Интернационал.

Курт Гейер в статье: «К вопросу о хозяйственной политике пролетарской диктатуры» дает критический разбор чрезвычайно интересной книги профессора *Евгения Варга*, бывшего народного комиссара и председателя Высшего Совета Народного Хозяйства Венгерской Советской Республики: «Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur» (Wien, 1920. Genossenschaftsverlag der «Neuen Erde»).

Е. Варга, опираясь на свой практический опыт в Венгрии, впервые пытается научно осветить проблемы, связанные с осуществлением коммунистического хозяйственного строя.

Варга, между прочим, устанавливает, на основании своего опыта, что идеология в революционную эпоху играет гораздо большую роль, нежели это допускали очень многие из марксистов.

В этой ошибочной оценке идеологии, несомненно, повинно, по его мнению, механическое понимание доктрины исторического материализма, которое отрывает от хозяйственного момента сознание, волю, стремления людей.

Роли меньшинства в историческом процессе посвящает статью *Герман Дуккер:* «Меньшинство» в демократическом и революционном освещении.

Мировая история — говорит автор — не знает ясно осознанного действия большинства. Все исторические действия и даже широкие массовые движения обязаны своим возникновением только инициативе меньшинства.

С момента возникновения частной собственности и классового общества, политические действия господствующего класса всегда исходили от меньшинства. Ведь «господа» всегда составляли ничтожную часть народа.

Обо всем этом, по мнению автора, забывают или делают вид, что забывают, наши противники, эти рыцари принципа «демократического большинства».

Кроме отмеченных выше статей, в тех же книжках «Kommunistische Rundschau» помещены еще следующие статьи:

№ 2: *Вальтер Штёккер* (Stöcker), Коммунисты и мы.
Курт Гейер (Geyer), Троцкий против Каутского.
Берта Брауншталь (Braunthal), Женщины накануне решения.

№ 3: *Вальтер Штёккер*, Коммунисты и мы (II).
Политикус, Рижский мир.
Вольфганг Бартельс, «Культ насилия».
Вилли Эльберфельд, Борьба из-за юношества.

№ 4: *М. Филипс Прайс* (Philips Price), Стачка горнорабочих в Англии.
Политикус, Меньшевики в России.
Вильгельм Кёнен, Конгресс советов.

* * *

В 3/4 книжке «Kommunismus», от 1 февраля 1921 г., помещена статья J. L.: «Экономическое крушение Венгерской контр-революции».

Вожди венгерской социал-демократии — говорит автор—не только усердно лягали поверженного льва — диктатуру пролетариата, — но и призывали рабочих назад, к «нормальным» условиям жизни, они горячо убеждали их отдать свои силы делу восстановления «свободного» хозяйства.

О настроении имущих классов — начиная от мелкого крестьянина, ремесленника и мелкого торговца и кончая феодалами и крупной торговой и промышленной буржуазией—излишне говорить: они жаждали возврата назад.

Как же использовала контр-революционная власть это выгодное для себя положение вещей? В чем проявила она свое «творчество»?

В области экономических отношений власть проявила крайнюю нерешительность, неуверенность. Она не решилась даже восстановить в полной мере свободную торговлю. Свободная торговля хлебом то допускалась, то вновь отменялась. Частный вывоз то разрешался, то вновь запрещался. Были установлены твердые цены. Наряду с угрозами по адресу производителей зерна, власть взывала к патриотическим и христианским чувствам имущих. Но все было напрасно.

В то же время, контр-революция не сумела привлечь на свою сторону широкие массы мелкого крестьянства. Ее «аграрная реформа» имеет своей задачей, прежде всего, охранить интересы тех 870 крупных землевладельцев, в руках которых сосредоточена треть пахотных земель Венгрии.

Полное отсутствие определенного плана в экономической области; такое же отсутствие плана в сфере финансового хозяйства (дефицит достигает 15 миллиардов); упадок сельско-хозяйственной культуры в этой, преимущественно, земледельческой стране, — все это подтверждает правильность суждения автора, что «Венгерская реакция потерпела экономическое крушение».

Иначе и быть не могло: ибо реакция не проводила никакой политики: она знала один мотив—месть.

Представляет интерес—по своим цифровым данным—небольшая статья *А. В. Соер* (Голландия): «Восстановление Бельгии».

В этой же книжке журнала помещены, кроме того, статьи:

1. *Генриетта Роланд-Гольст:* «Задача Коммунистической партии в пролетарской революции (продолжение)».
2. *К. S.*, Декабрьская забастовка в Чехо-Словакии.

* * *

Kommunismus. II Jahrg. Heft 1/2. Wien. 15. Januar 1921.

15 января—день убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург,— и вполне естественно, что книжка журнала открывается двумя статьями, посвященными памяти и оценке этих борцов за коммунистическую революцию и ее великомучеников.

Статья *Георга Лукаша* (Georg Lukasz): «Роза Люксембург, как марксистка» характеризует теоретический облик этого выдающегося борца за коммунистический идеал.

Автор преимущественно останавливается на главном труде Розы Люксембург: «Die Akkumulation des Kapitals», который и методологически, и по своим практическим выводам проникнут единой идеей—идеей действенного революционного марксизма, идеей слияния в одно теории и практики—как это заповедал еще Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе».

В согласии с этим, партия не являлась в глазах Р. Люксембург простой формой организации пролетариата: *партия* была для нее, наоборот, *носителем и воплотителем классового сознания пролетариата, совестью его исторической миссии.*

Глубокий теоретический ум и возвышенное моральное чувство Розы Люксембург дали ей возможность понять, что именно классовое сознание являет собой этику пролетариата, единство его теории и практики. И здесь, в этом пункте, экономическая необходимость освободительной борьбы пролетариата диалектически превращается в свободу. Ибо сила партии есть моральная сила.

Вечно-юного К. Либкнехта влекло к юности, к молодежи. Там, в этой, проникнутой энтузиазмом, среде он надеялся найти и, действительно, находил отклик на свои могучие призывы к светлому грядущему строю жизни. Эта сторона чарующего облика К. Либ-

кнехта находит себе оценку в статье *Иоганна Лекаи* (Lekai): «Карл Либкнехт среди юношества».

Жизнь Карла Либкнехта была истинным символом его поколения, на которое судьба возложила священную обязанность умереть во имя будущего.

И К. Либкнехт ярко воплотил этот символ в своей смерти.

В той же книжке журнала помещено начало большой статьи *Генриетты Роланд-Гольст*: «Задача Коммунистической партии в пролетарской революции».

Пауль *Фрёлих* (Frölich) в статье: «Об'единенная Коммунистическая партия Германии» указывает, что окончательное полное слияние об'единившихся частей может совершиться только в процессе общих крупных революционных действий. Общие жертвы, общие раны, общие успехи расплавят металл, выделят шлаки и создадут из партии могучее оружие.

Центр тяжести дебатов на партийном с'езде лежал в практических задачах: это—вопрос о профессиональных союзах и проблема безработицы. По отношению к профсоюзам задача партии заключается не в том, чтобы расколоть профсоюзы, а проникнуть в них, пропитать их своими стремлениями.

Но как в этом вопросе, так и в вопросе о безработице выявилась воля к действию, стремление вести вперед всякое движение, усиливать конфликты и выявлять борьбу.

Атмосфера в Германии—заканчивает автор свою статью—насыщена электричеством.

Активность!—таков лозунг дня.

В той же книжке журнала помещены, кроме указанных, следующие статьи:

1. *St. Sz.*, Борьба из-за Верхней Силезии.
2. *G. Z.*, Кризис в Итальянской Социалистической партии.
3. *Якоб Герцог* (Herzog). Из политической и хозяйственной жизни Швейцарии.

• • •

Bulletin Communiste. Organe du Comité de la Troisième Internationale.

В «Bulletin Communiste» (№ 3, от 20.1, 1921 г.) *Варин* поместил статью: «Коммунистический дух».

Он указывает, что Французская Об'единенная Социалистическая партия всегда обнаруживала слабость, колебания, недоверие к своим собственным силам, она не обладала ни политическим чутьем, ни решительностью. Примиренчество, культ парламентаризма настолько проникли в старую партию, что в самый критический момент своего существования партия заимствовала свои лозунги у Пуанкарэ.

Но дух коммунизма, который исходит из неугасимой ненависти к буржуазным убийцам 20 миллионов молодых, цветущих жизней, проникает в старую партию. Он несет с собой ясное сознание экономических реальностей, понимание доктрины, испытанной и обогащенной опытом и, наконец, правильное политическое чутье.

Теперь, после Турского конгресса, необходимо как можно скорее реорганизовать партию. Нужно, в особенности, бороться против того, чтобы в партию проникали своекорыстные элементы, движимые исключительно личными мотивами.

Не за числом членов должно гонаться, а за их качеством. «Наша старая французская партия,—продолжает Варин,—не была сильна тем, что включала в себе 180.000 членов; напротив, эти 180.000 членов были ее слабым, уязвимым местом». Ведь только четвертая часть приняла участие в решении такого глубоковажного вопроса, как вступление в III Интернационал. *Едва одна сотая часть* составляет ячейку активных, усердных и, действительно, преданных делу революции работников... Социалистическое воспитание масс не интересует их.

Партии предстоит руководить широкими движениями восставших масс. А руководить может лишь партия, вполне сознающая интересы пролетариата и на деле доказавшая свою преданность классу эксплуатируемых. Отсюда один вывод: надо очистить партию от сомнительных элементов.

Но «нормальное развитие партии, — заканчивает свою статью Варин,—может совершаться лишь с притоком в ее ряды революционных синдикалистов, которые вольют в нее свежую кровь, в которой она так нуждается. В свою очередь, и революционные синдикалисты выиграют от политического опыта, приобретенного партией».

В том же нумере помещены, кроме того, следующие статьи:

1. *Л. Троцкий*, «Карл Каутский и его школа».
2. *И. Мархлевский (Карский)*, «Памяти Розы Люксембург и Леона Тышко (Иогихеса)». Личные воспоминания.
3. *Eden et Cedar Paul*, «Совет Действия».

Германия.

«Neue Blätter für sozialistische Literatur. Herausgegeben von der Buchhandlung A. Seehof & Co. Berlin. 1. Jahr. 1. Heft. September 1920. 2. Heft. Oktober 1920 («Библиография социалистической литературы»).

«Среди изобилия новых изданий отличить негодное от ценного, указать по мере возможности на все новое, разоблачить все старое, прячущееся под новым покровом,—такова задача «Новых Листков». Мы считаем нужным отметить здесь, что обсуждение, критика, выдержки делаются исключительно коммунистами, без малейшего намерения быть «беспартийными» или «социалистическими» (в смысле бесцветности»)—говорится в кратком предисловии издателей.

В подобного рода издании давно уже ощущалась потребность. Мы приветствуем это начинание.

Польша.

«Czerwony Sztandar» (Красное Знамя). Издается отколовшейся от Польской Социалистической партии Коммунистической Партией Верхней Силезии. № 1 вышел 8 октября 1920 г. Выходит 2 раза в неделю.

• • •

„Коммунар". Ежемесячный орган Алтайского Губкома Р. К. П. № 1 (Барнаул. 1921 г.).

Далекая Сибирь, сбросив белогвардейское ярмо, вступает на путь коммунистического строительства.

Об этом наглядно свидетельствует № 1 Алтайского «Коммунара».

Статья тов. *В. Аристова:* «К укреплению партии» затрагивает основной вопрос об «изменении качественного состава партийных организаций».—«Нужно во-время предупредить его»,—говорит автор. А для этого необходимо поставить «широкую внутри-партийную пропаганду». Нужно, далее, связать партийные центры с местами. Одним из важнейших звеньев этой связи служит кадр районных инструкторов... Каждому ответственному работнику следует взять на себя поддержку связи с определенным районом... Целью пропаганды нужно поставить воспитание новых, увлеченных революционным под'емом, товарищей—стойких, выдержанных марксистов».

Автор не забывает, что почва в Сибири неблагоприятная, ибо нет чистого пролетариата. Но путь революции настолько определился, что полупролетариат и крестьянство также в состоянии пойти по нему. И автор справедливо заканчивает: «Без твердого, крепкого, убежденного партийного ядра невозможно ни Советское, ни хозяйственное и никакое революционное строительство».

Следующая статья тов. *Т. Дмитриева* посвящена вопросу о «Партизанщине и контр-революции». Автор указывает, что партизанщина, с водворением Советского строя в Сибири, сыграла свою роль, и ныне она способна лишь тормозить дело коммунистического строительства и, в сущности, льет воду на колеса контр-революционной мельницы.

Продовольственному вопросу посвящена статья *П. Канцелярского*: «Не забывайте продовольственного фронта!»

Давать верное отражение многогранной жизни Советской Сибири, указывать возможно прямой и безболезненный путь к грядущему царству коммунизма — такова задача Алтайского «Коммунара».

Желаем успеха нашему юному сотоварищу.

«Tiden». Tidskr. för socialistisk kritik och politik. Utgiv. av Sverges soc.-dem. Arbetar parti.—Red. Gustav Möller. 1920, № 7—8 (Nov.-Dec.).

(Время. — Журнал Социалистической критики и политики. Изд. Шведской Соц.-Дем. Раб. партии. Ред. Густав Меллер.

В характерной для органа сторонников Брантинга статье «Шансы мировой революции» *Густав Меллер* пишет: «Мировая революция или даже только новая революция в Центральной Европе не привела бы к созданию более счастливых условий для страждущего рабочего класса. Более вероятно, что она означала бы крушение нашей культуры».

Анализируя положение в Германии, где в первую очередь и мог бы заняться мировой пожар, социал-демократический страж буржуазной культуры приходит к успокоительному для господствующих классов выводу, что со стороны германского рабочего класса им не приходится опасаться революционной инициативы. Он взывает, поэтому, к благоразумию буржуазии Антанты и Германии, чтобы те не провоцировали—первая непомерной жадностью, а вторая попытками монархической реставрации — жаждущий мирного развития пролетариат.

Н. Странников, по поводу «Концессий Ленина», недовольный краткой формулой Сноудена и К°, что тут-де банкротство и капитуляция Советской власти, вменяет Советской власти в вину то, что она поставлена перед необходимостью сделать выбор, к кому обратиться за помощью в деле возрождения хозяйственной жизни России: к квалифицированным ли пролетариям Европы, согласным покинуть родину, или к капиталистам.

Наконец, в статье «Политическое развитие Восточной Европы» *Мирослав Спичинский*, ссылаясь на авторитет Отто Бауэра, пророчит близкое крушение большевистской власти. Он затрудняется только указать, кому достанется «наследство».

• • •

Центральный Комитет Коммунистического Интернационала Молодежи приступил к изданию на разных языках серии брошюр, печатающихся в Берлине в «Internationaler Jugendverlag». До сих пор вышли след. брошюры на французском яз.:

№ 1. Arrachéz les poteaux-frontières (Долой пограничные столбы!), 2-е изд.

№ 2. *Wilhelm Münzenberg*. Notre programme (Наша программа).

№ 3. *G. Zinoviev*. A la jeunesse paysanne et ouvrière (К крестьянской и рабочей молодежи).

№ 4. La jeunesse prolétarienne socialiste d'Allemagne et l'Internationale Communiste (Пролетарская социалистическая молодежь Германии и Коммунистический Интернационал.

№ 5. *Bernhard Ziegler*. Qu'est-ce que nous apprend la jeunesse ouvrière russe? (Чему нас учит русская рабочая молодежь?)

№ 6. La fédération de la jeunesse ouvrière socialiste d'Autriche et l'Internationale Communiste des Jeunes (Федерация социалистической рабочей молодежи Австрии и Коммунистический Интернационал Молодежи).

№ 7. Une année d'Internationale Communiste des Jeunes (Год работы Коммунистического Интернационала Молодежи).

• • •

Left Wing Communism. An Infantile Disorder by Nikolai Lenin. Издание The Communist Party of Great Britain, 21 a Maiden Lane, W. C. 2. London. Two Shillings.

Тщательный перевод известной брошюры тов. Ленина: «Детская болезнь левизны в коммунизме». С приложением статей: «Раскол в Германской Коммунистической партии»; «Коммунисты и независимые в Германии»; «Турати и К° в Италии»; «Неправильные заключения из правильных предпосылок», и письма представителя Голландской делегации II Конгрессу Коммунистического Интернационала, тов. Д. Вайнкупа.

Bolshevik Russia, by G. E. Rai e in collaboration with Edouard Luboff. Издание Nisbet and Co ltd., 23 Berners street, W. I, London, 1920.

Эта «новая» книга заключает в себе старые и не очень умные нападки на большевиков, в программе и тактике которых авторы усматривают опасность не только для России, но и для всего мира. Этим и об'ясняется, что авторы советуют англичанам «изучить русскую революцию во всех ее последствиях и деталях» и перестать называть коммунизм ложным именем большевизма, так как «если русская революция падет, то наши английские социалисты будут продолжать повторять свои старые басни, что еще один «изм» сошел со сцены. На самом деле, это не так. Социализм Маркса держит Россию за горло, и если он падет, то мы должны проклясть именно социализм Маркса» (стр. 9).

Несмотря, однако, на все негодование авторов на новую систему общественной жизни, на «красный террор», на непризнание Советской властью за рабочими «никаких прав» и т. д. и т. д., они сознают, все же, что «Россия есть страна с богатейшими естественными богатствами, обещающая благосостояние, равного которому не обещает ни одна страна в мире» (стр. 103). Беда только в том, что «большевизм, бывший миролюбивым в 1917 году, превратился в движение милитаристское и агрессивное. И в этом кроется величайшая опасность для европейской цивилизации... Ленин сознательно стремится к тому, чтобы при помощи организованного пролетариата России освободить весь мир...» (стр. 154—156).

Коммунистическому Интернационалу, конечно, также достается от авторов, которые берут под свою защиту вождей примиренчества: Мартова, Аксельрода, Лонге, Каутского, Турати и пр. Но, тем не менее, они признают силу Московского Интернационала, «который проявляет необычайную активность, работает в шахтах, на фабриках и в мастерских Великобритании, и агенты которого весьма многочисленны...» (стр. 156).

• • •

Pioneers of the Russian Revolution, by D-r Angelo & Rappoport. Издание Stanley Paul and Co., 31 Essex Street, Strand W. C. 2, London, 1918.

Эта книга, изданная одновременно в Англии и Соединенных Штатах (в издании Brentano, Нью-Йорк), способствовала, по крайней мере, в Америке, лучшему пониманию исторических предпосылок российской революции и рассеяла целый ряд ошибок и искажений в понимании характера русских революционеров. Автор ее, человек знакомый с общей и революционной историей России, опровергает нелепое мнение, нашедшее широкое распространение в Америке и Англии о том, что русская революция вызвана германскими интригами.

Автор сочувственно останавливается почти на всех главных проявлениях «духа восстания» в русской истории, более подробно трактуя о движениях последнего столетия: декабристах, Земле и Воле, Народной Воле, Черном Переделе и др. движениях. Он попутно дает характеристики наиболее выдающихся деятелей революционной России. Автор, кроме того, посвящает две главы «литераторам, философам и социологам», разбирая главнейшие течения в истории русской литературы и мысли и выясняя их значение для развития и хода революции.

В заключительных главах Раппопорт касается положения инородцев и, главным образом, евреев, в царской России и их влияния на ход революции. Он считает, вполне естественным, что инородцы играли выдающуюся роль в освободительном движении России и что эти группы, действительно, принимали активное участие в свержении царизма. Но автор, «не будучи коллективистом и социалистом», считает, что «интернационализм есть социализм, доведенный до своего логического конца... Логически рассуждая, я не могу понять, как можно одновременно быть и социалистом и националистом, т. е., находиться в оппозиции к интернационалу» (27—28).

О Февральской и Октябрьской революциях 1917 г. автор говорит мало.

К тексту приложена библиография важнейших трудов, изданных на русском, немецком и французском языках, о русском революционном движении и его пио-

нерах. Книга иллюстрирована портретами героев Революции и деятелей самодержавия.

Viator, Die internationale Lage Russlands. Russland und Deutschland. 1918. Genossenschaftsbuchdruckerei. Basel (*Виатор*, Международное положение России. Россия и Германия. 1918 г.).

Автор выясняет противоречия капиталистических интересов в русском вопросе. Он набрасывает общие линии международной политики пролетарского государства, находящегося в тисках двух соперничающих империалистических групп. Хотя брошюра написана до германской революции и до изменения международного положения в пользу Антанты, она сохранила, все же, интерес для настоящего времени.

* * *

Felix Stössinger und Karl Holtz, «Das System Noske». Eine politische und satyrische Abrechnung. 1920. Verlagsgenossenschaft «Freiheit» l. G. m. b. H. Abteilung Buchhandlung. Berlin C., Breitestr. 8—9 (*Феликс Штессингер и Карл Гольтц*, «Система Носке». Политический и сатирический памфлет).

Социал-предательство германской социал-демократии, лакейство Носке перед юнкерами и офицерщиной, вся ложь «демократии» и «республиканской свободы»,—все это обрисовывается в ряде остроумных и ярких карикатур.

Josef Halmi. Das schwarze Buch über Kecskemét. Mit einem Vorwort von Andor Gábor. Wien, 1920. Verlagsgenossenschaft «Neue Erde», Wien VII. Mariahilferstr. 74a III/19. (Иосиф Гальми. Черная книга о Кечкемете. С предисловием Андора Габора. Вена, 1920 г.)

Книга Гальми—ценный вклад в литературу по истории «цивилизации». Автор знакомит нас с кровавым эпизодом из царства Хорти: варфоломеевской ночью в Кечкемете в ноябре 1919 г. На основании документов и выдержек из венгерских газет автор рисует все ужасы белогвардейского террора: гнусные разбои, вымогательства, изощренные насилия над женщинами, садические истязания мужчин, всякого рода зверские пытки и, наконец, мучительную смерть несчастных жертв офицерского разгула. Эта кровавая баня, которая является лишь «каплей в море крови», затопившем поверженную советскую Венгрию, происходила при явном участии самого адмирала Хорти и при полном сочувствии держав Антанты: представители последней не выразили ни единого энергичного протеста против гнуснейших зверств.

Интересно замечание Габора в предисловии, что большая часть из замученных в Кечкемете 200 человек, хотя и обвинялись в участии в Коммуне, на самом деле, не имели к ней никакого касательства. Преобладание сельских кулаков в черных бандах обер-лейтенанта Геджаса и значительный процент зажиточных евреев и имущих горожан вообще среди жертв белогвардейщины наводят на мысль о двойственном характере свирепствующего террора. Он вырисовывается перед нами не только как проявление мести капитала диктатуре пролетариата, но принимает форму ожесточенной классовой борьбы земельных магнатов против городской торговли и промышленности. А для феодалов наиболее яркими представителями последней всегда были евреи. Здесь перед нами социально-экономическая основа мадьярского антисемитизма. Тут же кроется и причина известной оппозиции венгерской буржуазии террору.

Италия.

1. *Graziadei.* La guerra mondiale ed il socialismo comunista. Milano. Biblioteca Avanti, 1920.—80 c.
(Мировая война и коммунистический социализм).—
2. *Nuti.* L'esercito del Lavoro (mobilitazione del Lavoro nena Russia dei Soviet) Lire 1.30.
(Трудовая армия в России).

Венгрия.

Принципы Коммунистического Интернационала. 1-й выпуск Коммунистической библиотеки. Изд. Венгерской Комм. Молодежи Вена. (6000 экз.).

Швеция.

1. Вышел 1-й номер Нового органа шведского союза сельских рабочих «Landarbetaren».

2. Den kapitalistiska Yarlden och III Internationalen. Frams Jörl, Stocholm 1920.
(Капиталистический мир и III Интернационал). Разные тезисы с предисловием O. Grimlund'a.—200 стр. Ц. кр. 3.25.

3. Den communistiska Internationalen. Skandinaviska Upplagen NI. Frams förl. Stocholm 1920. Ц. 4 кр.
(Перепечатка некоторых статей из 12 № Комм. Интерн.

4. *Kilbom, Karl.* Revolutionär fackföreningsrörelse. Frams förl. Ц. кр. 0.50.
(Революционное профессиональное движение).

5. *Vlksten Jalmar.* Hemmabolsevikerha och soldaterna. Frams förl. St. 1919. Ц. 0.15.
(Наши большевики и солдаты). Для военных и штатских.

* * *

1. *Pannekoek.* Die Entwicklung der Weltrevolution und die Taktik des Kommunismus.
Автор рассматривает русскую революцию как начало революции Азии против западно-европейского капитала и считает, что с переходом к коммунистическому способу производства мировым центром станет Россия и Азия. Полемизируя с Радеком, он защищает позицию противников участия коммунистов в парламентских выборах.

2. *Drahn, Ernst.* Engelsbrevier.
Подбор цитат из Энгельса, рисующих разносторонность его дарования, интересов и творческой деятельности, с приложением биографии и характеристики Энгельса и Маркса.

3. *Drahn, Ernst.* Marx-Bibliographie. Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. Charlottenburg 1920.
60 стр. Хронологическая канва биографии и библиографии Маркса.

4. *Krasny, Iosef.* Zum Jahrestag der Kommunistischen Revolution in Russland. Kr. 3.

5. *Pannekoek, A.* Bolschevismus und Demokratie. Kr. O, 30.

Revolution from 1789 to 1906, by R. W. Postgate, издание Grant Richards, *The Bolshevik Theory,* в том-же издании, 1921.
В первой книге помещены обзоры «социалистических и коммунистических движений в революциях Европы за последние 117 лет». Имеются документы из французской революции, движения чартистов, революции 1848 г., Жизни Первого Интернационала, Коммуны, русской революции и т. д.
Вторая книга раз'ясняет с точки зрения коммуниста—большевизм.

* * *

The Crisis in Russia, by Arthur Ransome, издание George Allen and Union, London 1921.
Автор нашумевшей в свое время книги «Six weeks in Russia» выпустил вторую книгу о революционной России, о которой лондонский «Communist» (12/II) говорит: «Эта книга похожа на орех. Внутренние главы... очень хороши, но окружающий материал невозможно переварить». Подходя к книге таким образом, читатель увидит, что «она хороша... и будет просить еще и еще». Книга заключает в себе, между прочим, главы о профессиональном движении, фабричных комитетах, субботниках, трудовой мобилизации, поездах пропаганды и т. д.

* * *

Women in Trade Unions, by the Labour Rescarch Department, издание George Allen and Union, London, 1921.
В ней приведена история «участия женщин в профессиональном движении с первых попыток рабочих об'единиться в начале прошлого столетия и до критического периода» войны 1914 года. В книге приведены уставы и программы важнейших женских организаций; имеется описание современного положения женщин в каждой промышленности. Такие вопросы, как «место женщины в промышленности», «предубеждения профсоюзов

против труда женщин», «равная оплата за равную работу», трактуются в отдельных главах.

* * *

Trade Unions in Soviet Russia, A Collection of Russian Trade Union Documents, Compiled by the I. L. P. information Committee and the International Section of the Labor Research Department,—The Rand School of Social Science New York, 1921.

В книге, как сообщает The Call Magazine (13/II), имеется история русских профессиональных союзов в изложении тов. Лозовского; отчет о Третьем С'езде Профсоюзов России, речь тов. Ленина на этом с'езде, доклады отдельных союзов и т. д.

* * *

The Life and teaching of Karl Marx, by Max Beer, National Labor Press, London 1921.

Эта книга, по уверению the Workers' Dreadgnout (5/IN), «приближает Маркса и его учение к сердцам его последователей».

* * *

Soviet Russia,—еженедельный журнал,—Official Organ of the Russian Soviet Government Bureau, New York, 25 декабря 1920 г. (Vol. III, № 26); 1, 8, 15, 22, 29 января 1921. (Vol. IV № 1, 2, 3, 4, 5), 5, 12, 19 февраля (Vol. IV № 6, 7, 8).

До высылки тов. Л. Мартенса, представителя Р. С. Ф. С. Р. в Соединенных Штатах, журнал «Soviet Russia» (Советская Россия) являлся официальным органом представительства; после же высылки, с 29 января 1921 г. (Vol. IV, № 5), журнал перешел в частные руки и является «еженедельным журналом информации». В обозреваемых выпусках помещены доклады и речи деятелей советской власти, товарищей Ленина, Троцкого, Радека и др.; официальные сообщения и телеграммы о созидательной работе в Советской России, о торговле с Западом, о мирных переговорах с Польшей. В тех-же выпусках есть статьи иностранцев, живущих или посетивших Россию: Мак-Лейна, Альфонса Гольдшмита, М. Каца, Джон Кларка, Розы Люксембург и т. д.

Журнал время от времени также помещает иллюстрации: фотографические снимки, карикатуры, плакаты и т. д., появившиеся как в изданиях Советской России, так и в заграничной прессе.

КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Великая **война 1914—1918 гг. является моментом** перелома во **всемирной истории. Открылась** новая **страница** в летописях человечества, **завершающая эпоху мирного развития** капитализма, открылась новая полоса, полоса войн и революционных бурь, которые должны преобразить лицо земного шара.

Великая война 1914—1918 гг. — переходная грань между старым и новым миром. Она разрушила до основания прежний уклад жизни и поставила человечество **перед дилеммой**: или гибель и **вырождение**, или движение **вперед, к коммунизму**.

Война **необычайно** ускорила темп **исторического развития**. Она обнаружила гнилую подоплеку многих явлений, по внешнему **виду**, казалось, еще вполне жизнеспособных, она ускорила их гибель, заставив **обнаружить** свое подлинное лицо.

Война была кризисом капиталистического строя, его величайшим кризисом, после которого он уже не сможет возродиться к жизни, чтобы продолжать свое существование при новых условиях. Война показала, что капитализм в его последней, империалистической фазе, по слову Маркса, из форм развития производительных сил превращается в их «оковы».

Война обнажила противоречия между назревшими потребностями развития общества и его капиталистической оболочкой.

Но мировая катастрофа была кризисом не только **капитализма**. Она привела и к кризису социализма, **выросшего** на почве мирного капиталистического развития, **реформистского**, оппортунистического социализма **эпохи** II Интернационала.

Этой проблеме и посвящена книга тов. Зиновьева, носящая название «Война и кризис социализма» (Спб., 1920), обе части которой, вышедшие вначале отдельно, изданы ныне в одном томе государственным издательством.

Книга была написана в 1915—1916 году во время эмиграции. 4-м августа 1916 года помечено предисловие, в котором автор без обиняков говорит о крушении II Интернационала, констатируя, что единой германской социал-демократии больше не существует, что Либкнехт и Шейдеман — представители двух различных партий, более того, двух различных классов, что окончательный раскол в германской социал-демократии принесет громадную пользу движению не только в Германии, но и повсюду. Раньше или позже, но против Шейдеманов всех стран об'единятся Либкнехты всех стран, построив новое здание III Интернационала.

Это предсказание, являющееся, по справедливому замечанию автора, «развитием основных тезисов, выдвинутых уже в сентябре 1914 года» Центральным Комитетом партии большевиков, блестяще оправдалось в годы мировой революции, начатой в 1917 году победоносным восстанием российского пролетариата.

Первая часть труда тов. Зиновьева носит исторический характер. Он начинает с анализа двух эпох войн: эпохи войн национальных, начавшихся Великой Французской Революцией и заполнивших собою почти весь XIX век, войн, результатом которых было национальное об'единение Италии и Германии,—и войн империалистских конца XIX и начала XX столетия.

Историческая часть работы имеет, однако, и глубокое **значение для современности**, ибо корни оппортунистического социализма эпохи II Интернационала далеко уходят в историю. Только уяснив себе его происхождение и ту обстановку, в которой происходило развитие социал-демократии в период II Интернационала, можно понять причины катастрофы 1914 года.

Основная теоретическая ошибка оппортунистов II Интернационала заключалась в том, что они не смогли оценить своеобразия империалистской эпохи, что на вновь сложившуюся в конце XIX и в начале XX веков историческую ситуацию они переносили критерий, годный лишь для эпохи войн национальных. Национальные войны характеризовали эпоху прогрессивного развития капитализма, его победоносное шествие по континенту Европы, ту эпоху, когда он подчинял своему влиянию одну страну за другой.

Образование национальных государств являлось тогда потребностью развивавшегося капитализма, и если господствующие классы осуществляли эту тенденцию развития железом и кровью, то это не меняло прогрессивного характера самой линии развития. Вот почему, как указывает тов. Зиновьев, в 1848 году, в 1854 и в 1859, так же, как и в 1870—1871 г.г. Маркс и Энгельс могли «брать сторону» той или иной группы европейских держав против другой.

Они высказывались за поддержку справедливых национальных войн в эпоху, когда на очереди стоял вопрос о завоевании власти буржуазией, о победе ся над пережитками феодализма.

Маркс и Энгельс высказывались так, исходя из того положения, что победа данной буржуазии будет выгоднее для демократии и социализма.

Как известно, этой тактикой Маркса и Энгельса в эпоху национальных войн социал-патриоты всех стран пытались оправдать предательство ими интересов рабочего дела в эпоху империалистских войн, коренным образом отличающуюся по своей природе от прежней. Если Маркс и Энгельс признавали (что происходило в эпоху роста и развития капитализма) прогрессивное значение победы этой или иной буржуазной страны, то — рассуждали социал-патриоты — и спустя пятьдесят лет, в совершенно иную историческую эпоху, когда ход общественного развития уже поставил вопрос о завоевании власти пролетариатом, рабочие должны поступать точно так же, становясь на сторону той или иной коалиции.

Тов. Зиновьев вскрывает полное непонимание учения Маркса социал-шовинистами, забывшими его революционную душу, его диалектику, эту основную черту марксизма. Радикальное изменение исторической обстановки к началу XX века вынудило действительных учеников Маркса, следовавших революционному духу его, отнестись к вопросу абсолютно иначе.

Тов. Зиновьев подвергает подробному анализу отношение Маркса и Энгельса к войне 1870—1871 годов и разоблачает попытки использовать переписку Маркса с Энгельсом, Чернова и Плеханова в целях оправдания позиции социал-патриотов во время империалистской войны.

Еще в 1848 году Маркс защищал в «Новой Рейнской Газете» идею войны революционной Германии против старой России.

В 1891 году Энгельс в своей статье «Sozialismus in Deutschland» также выступал горячим сторонником революционной войны Германии против русского самодержавия.

Этими ссылками немецкие социал-патриоты думали оправдать империалистическую войну, которую Вильгельм с Гинденбургом вели против враждебной коалиции,—ибо в войне 1914 г. противником царизма выступала не революционная, а императорская Германия.

Затем тов. Зиновьев подвергает анализу вопрос об оборонительной и наступательной войне, о войнах «справедливых и войнах нечестивых». Он указывает, что вопрос о том, является ли война оборонительной или наступательной, решается в зависимости от того, кто защищает исторический прогресс от покушений насильников, и независимо от того, кем была об'явлена война, и первый подвергся нападению.

И если, как замечает тов. Зиновьев (стр. 108), «капитализм, по сравнению с феодализмом, есть исторический прогресс, то, по сравнению с капитализмом, историческим прогрессом является только социализм. Поэтому в эпоху национальных войн оборонительную можно было вести только защищая национальное капиталистическое единство против феодальной и полуфеодальной раздробленности. Поэтому в эпоху империалистских войн, в эпоху войн, ведущихся на высшей стадии, при максимальной зрелости капитализма, оборонительную войну можно только вести, защищая тут или там победившее социалистическое государство против капиталистических и империалистических государств».

Анализируя империалистскую политику последних десятилетий, тов. Зиновьев вскрывает, что единственным мотивом войн до конца XIX и начала XX века были интересы грабежа и насилия, борьба за раздел мира рабовладельцами, борьба за захват колоний, за то, кто из конкурентов мирового рынка будет властвовать на земном шаре.

Тов. Зиновьев указывает, что критерий оборонительных войн доказал свою полную непригодность в катастрофе 1914—1918 г.г., ибо к нему прибегали, в целях оправдания своей захватной политики, империалисты и правительства всех стран и народов. Мало того, все официальные социал-шовинистские партии одинаково уверяли, что они—и только они—ведут оборонительную войну. Немцы, французы и англичане,—все утверждали, что они подняли меч для обороны отечества.

Ныне теория оборонительной войны покоронена для всех честных социалистов. Ее похоронил опыт 1914—1916 годов.

Идея защиты отечества привела к катастрофе Интернационала, к позорному краху 4 августа 1914 года, когда в один и тот же день, во имя обороны отечества французские и германские социалисты в своих парламентах вотировали кредиты на «справедливую, оборонительную» войну.

Сложившийся на развалинах Второго III Коммунистический Интернационал раз навсегда кончает с идеей национальной защиты, т.-е., защиты капиталистического отечества с оружием в руках. Пролетариат может защищать только социалистическое отечество. Только построив новую пролетарскую власть, рабочий класс может и должен поднять оружие на свою защиту. Во всех иных случаях он должен быть против войны в империалистическую эпоху, ибо, как замечает тов. Зиновьев, «справедливая война между империалистскими правительствами невозможна, как невозможно представить себе справедливый, с точки зрения честных людей, разбой, борьбу между несколькими разбойниками из-за дележа награбленного имущества. Нет и не может быть справедливой войны между крупными империалистическими державами, которые одинаково ведут империалистскую политику, потому что все их группировки рождаются, живут и действуют под знаком империализма».

Правда, и в войнах нынешней эпохи, в империалистических войнах могут играть роль и национальный элемент, и чисто династические интересы. Но эта роль будет случайной, эпизодической. Во время национальных войн, как мы видели, в борьбу тоже вплетались элементы иного порядка. Но, в историческом смысле, мы можем и должны различать *две особых эпохи:* войн национальных и войн империалистических. И мы должны помнить, что представители империализма, представители всемогущего финансового капитала всегда будут стараться в глазах народа прикрасить империалистические войны, будут стараться «прикрыться национальным чувством» (43).

Империалисты XX века в своей политике обмана масс имеют не мало предшественников в истории.

Правящие классы издавна стремились прикрыть свои завоевательные планы, начатые по экономическим мотивам, густым покровом идеологии.

В IV веке до Р. Х., когда правящие классы Греции замыслили покорение Востока, этой, по выражению ритора Исократа, «богатой, роскошной страны, где мы можем добыть счастье, приволье и избыток», они выводили необходимость войны из религиозных и моральных предрассудков греков. Обращаясь к повелителю Македонии, Исократ говорил ему, что победой над Персией «он освободит род человеческий от варварского деспотизма и осчастливит людей эллинской культурой».

В XI и в XII веках папы, под предлогом освобождения святой земли из под власти мусульман, призывали западное рыцарство к покорению грешного и неверного Востока, богатства которого соблазняли христианский мир.

Наконец, в XV и XVI столетиях, когда европейский капитал открыл дорогу в Индию и Америку, когда он начал грабить громадные богатства Ост- и Вест-Индии, этот грабеж также нашел свое идеологическое знамя в лозунге обращения язычников в христианство.

Известный германский ученый Генрих Шурц писал в своей «Истории первобытной культуры» (Спб. 1910):

«Если смотреть на события глазами древних историков, земля представляется как бы сценой, на которой выступают с напыщенными жестами и словами и сражаются друг с другом короли и герои, а народ только платит да проливает кровь,—хотя, в сущности, дело идет именно о его благе или несчастье,—и лишь изредка, в особенно удавшихся местах, ему разрешается рукоплескать. Даже там, где руководящим мотивом является обыкновеннейший экономический эгоизм, они любят прикрываться щитом идеализма: португальцы искали пути в богатую Индию и ревниво охраняли свою монополию торговли с этой страной и ее эксплоатацию, но им весьма желательно было уверить свет, что главной целью их была борьба с неверными; и это не единственный пример такого мудрого лицемерия. Лишь в новейшее время исторический иссле-

дователь отвращает взор от этого обманчивого блеска и старается выяснить экономическую подкладку политической и даже умственной жизни (стр. 294).

«Ни в одном почти из многочисленных воззваний, с которыми правители обращаются к выступающим армиям, мы не встречаем признания, что начинаемая война будет вестись лишь из-за благ земных;—как бы призрачен ни был идеальный предлог, за него хватаются, его усиленно выдвигают вперед, затушевывая руководящие мотивы экономического характера, — словом, предпочитают, чтобы в них видели карателей и избавителей, но только не грабителей. Если же сквозь культурную оболочку слишком ясно проглядывает голая жадность, как, напр., в войне англичан с Китаем из-за опиума или же в их же войне с южно-африканскими бурами, это вызывает общее возмущение зрителей» (Ib. 297).

Во избежание этого возмущения империалисты и прибегают к обману масс.

Так как в настоящее время религиозные фетиши потеряли власть над умами и правящие классы не решаются апеллировать к этой низшей форме идеологии,— они вынуждены облекать свой «священный эгоизм» в более современные мантии, прибегая к тому, что Маркс в одном из писем своих к Кугельману назвал «новой мифологией, с богинями права и справедливости.

Тяжелую артиллерию этой мифологии—спасение цивилизации и культуры от варваров, во имя победы права и справедливости, — выдвинули господствующие классы обеих коалиций во время последней империалистской войны.

К этой мифологии прибегали одинаково, как юнкера Германии и Австро-Венгрии, призванные спасать культуру от натиска казаков и царского деспотизма, так и банкиры Франции, Англии и Америки, обнажившие меч для освобождения человечества от угрожавшего ему ярма германского милитаризма.

Эта мифология должна была в глазах масс оправдать империалистские войны, прикрыть их неприглядную внутреннюю сущность.

Во второй части своей работы тов. Зиновьев, на основании анализа экономической и политической литературы, дает определение империализма, этой высшей и последней ступени развития капитализма, ввергнувшей человечество в бедствия мировой войны.

Он устанавливает различие между «старой» и «новой колониальной политикой», причем, едва-ли правильно, усматривает отличительную черту первой в том, что «ее душой было дворянство». Вернее было бы сказать, что колониальная политика XV—XVI и XVII веков направлялась торговым капиталом, тогда как колониальная политика XIX столетия была делом рук промышленного капитала, а XX столетия — порождением финансового.

Затем автор говорит о разделе мира к началу войны между империалистскими державами, о разделе, в значительной степени завершенном, но все же не доведенном до конца.

Борьба из-за дележа колоний и перекройки всего мира и явилась причиной войны.

Борьба за колонии и послужила причиной беспрерывных военных конфликтов между империалистскими державами, конфликтов, приведших к новой группировке.

Здесь тов. Зиновьев прослеживает историю наиболее крупных группировок держав — Тройственного Союза и Тройственного Согласия и вскрывает, что обе эти комбинации родились под знаком империализма. По его словам, «империализм был повивальной бабкой и Тройственного Союза и Тройственного Согласия».

Особая глава посвящена антагонизму двух крупнейших центров капиталистической Европы, промышленное соревнование которых явилось главной причиной мировой войны,—Англии и Германии. Империалистская буржуазия Англии преследовала те же грабительские цели войны, что и промышленные магнаты Германии: она развивала планы аннексии земель, бывших под властью Австрии и Пруссии, но ее соперник—германский империализм—не уступал в цинизме своим врагам. Если Брест-Литовский мир показал, к чему сводятся речи о защите цивилизации и прогресса германскими юнкерами, то трактаты, продиктованные побежденным в Версале, Сен-Жермене, Севре, Трианоне показали, что Антантовский лагерь вполне достоин коалиции центральных империй.

«Империалистская война не может кончиться никаким другим миром, кроме мира империалистского»,— писал тов. Зиновьев. Названные договоры полностью оправдали эти слова. «Содержание того мира, который будет заключен великими державами, раскроет истинный империалистический характер войны, вопреки заявлениям о целях войны, делаемых для народа. Кого не научила империалистская война, того, надо надеяться, научит империалистский мир»,—продолжает автор. Эти слова также оправданы могучим ростом революционного движения масс, ускоренного как империалистской войной, так и империалистским миром. Брест-Литовский договор не мало способствовал прозрению германского и австро-венгерского пролетариата. Грабительские условия мира, навязанного победителями побежденным, гигантски ускорил процесс революционизирования рабочих стран Согласия.

К важнейшим и интереснейшим главам работы тов. Зиновьева принадлежат последние главы второй части. Исследуя вопрос об «интернационализме и германской социал-демократии с 90-х годов до новейшего времени», автор указывает, какие глубокие корни пустила старая тенденция деления войн на оборонительные и наступательные. Прежние критерии по инерции продолжали держаться и при новой обстановке. Однако, формально эти традиции стали отходить в прошлое.

Как указывает тов. Зиновьев, «в новейшее время не было ни одного решения партии—ни германской социал-демократии, ни всего II Интернационала,— которое прямо и последовательно признало бы критерий оборонительной войны и заявило бы, что в каждой оборонительной войне социал-демократия идет за своим правительством. Ни один с'езд германской социал-демократии официально не одобрил теории оборонительной войны. Правда, были отдельные заявления влиятельных вождей, были отдельные факты и резолюции, косвенно приводящие к этой теории, были частичные уступки такой точке зрения, но не было таких решений. Все это, однако, не помешало тому, что прекрасные резолюции и прекрасные речи остались на бумаге Победила точка зрения оппортунистов, давно уже сблизившихся с империалистами своей страны против империалистов и шовинистов других стран».

Затем тов. Зиновьев исследует вопрос об отношении к войне французских социалистов. У наиболее видного их представителя, Жореса, была своя десница и своя шуйца. Если одной рукой Жорес сеял семена социализма, семена ненависти к капитализму, то из другой его руки сыпались те злые семена, которые впоследствии дали обильные всходы, семена шовинизма. Его, иногда столь ясный, взор застилали пацифистские мечтания. Он видел залог международного мира в образовании Тройственного Согласия, между империалистами Франции и Англии и царистской России, не понимая, какие материальные интересы буржуазных кругов стояли за этим соглашением.

В позиции Жореса, одного из самых видных представителей II Интернационала, отразилась вся противоречивость политики этого Интернационала.

В ряде резолюций он жестоко бичевал империализм и призывал рабочих к самой активной борьбе против империалистской войны, но вместе с тем он широко пустил в оборот фразу о войне оборонительной и защите отечества. В его речах звучала социал-пацифистская нота, — то, что потом послужило исходным пунктом империалистической вакханалии.

Тов. Зиновьев приводит ряд выдержек из речей Жореса, произнесенных им перед самым началом последней войны. Так, Жорес считает долгом социалиста заботиться о том, чтобы помешать преступлению, которое делается правящими классами, он признает, что в войне виновата колониальная политика Франции. И, однако, автор считает не подлежащим сомнению, что если бы Жорес не был убит, то он в общем и целом вел бы теперь ту же политику, которую вели его преемники, ибо в нем был слишком силен буржуазно-демократический пацифизм, чтобы покончить с идеей защиты отечества, преодолеть те противоречия, жертвой которых пал II Интернационал. Ведь, вся книга Жореса «L'armée nouvelle» основана на идее защиты отечества.

И Жюль Гед, ставший в 1914 году министром без портфеля в министерстве национальной обороны, был когда-то настоящим революционным марксистом и врагом пацифизма. В 1885 году, когда обострился до крайности конфликт между Англией и Россией в связи с вопросом об Афганистане и когда война казалась неизбежной, Гед желал одинакового поражения обоим противникам: он разжигал восстания в колониях против империалистских метрополий, он был пораженцем.

Одной из наиболее важных частей труда т. Зиновьева является глава о социальных корнях оппортунизма. «Если с наступлением войны оппортунизм во всех важнейших странах мира превратился в шовинизм, если рабочая партия почти повсюду стала простым орудием империалистической буржуазии, то это явление должно иметь свои глубокие причины, коренящиеся в классовой структуре общества,—иначе не может подходить к вопросу революционный марксист». И тов. Зиновьев указывает, что одним из источников оппортунизма явились так называемые попутчики, т. е. те слои из мелкой буржуазии, которые принесли с собой в рабочую партию колебание, политическую расхлябанность и другие качества, свойственные промежуточным классам,—они заразили социализм оппортунизмом. Из-за мелкобуржуазных попутчиков германская социал-демократия во время выборов вела борьбу с буржуазией, юнкерством, поповщиной. Голосами этих попутчиков, а не голосами только рабочих, об'ясняются, в значительной степени успехи германской социал-демократии на выборах. Эта зависимость от мелкобуржуазных попутчиков не мало содействовала развитию оппортунистического характера партии. Из боязни потерять попутчиков официальная германская социал-демократия всегда делала значительные уступки мелкобуржуазному патриотизму.

Но еще более важным фактором, питавшим оппортунизм в рядах партии, была рабочая бюрократия. Подробный анализ ее роли в рабочем движении Германии, на основании богатого цифрового материала, принадлежит к лучшим страницам книги. Правда, чиновники партийных и профессиональных организаций большей частью являются выходцами из рабочей среды. Но эти бывшие рабочие давно перестали заниматься своей профессией, они—рабочие только по названию. На деле, это—бюрократы, ведущие образ жизни, совершенно отличный от образа жизни среднего рабочего. Эти чиновники зачастую выходят из среды рабочей аристократии. Рабочая бюрократия и рабочая аристократия — родные сестры. Недаром наиболее дальновидные из германских реакционеров смотрели на оппортунистических вождей германской социал-демократии, как на своих.

Тут же тов. Зиновьев указывает, что «измена вождей сама определяется более глубокими условиями эпохи, но это не должно вести к затушевыванию самого факта измены вождей, которые на деле являются эмиссарами буржуазного общества в лагере пролетариата».

Другим корнем оппортунизма и социал-шовинизма является рабочая аристократия. Если до войны вопрос о ней, о ее консервативной роли в рабочем движении рассматривался почти исключительно, как вопрос об английском рабочем движении, то крах официального социализма в 1914-1918 вынуждает поставить этот вопрос в мировом масштабе.

Английским капиталистам, благодаря их монопольному положению, удалось подкупить своими подачками верхушки рабочего класса и таким образом деморализовать английское рабочее движение. Маркс и Энгельс неоднократно говорили о консервативной роли квалифицированных английских рабочих, но только новая эпоха капиталистического развития дала возможность явственно наблюдать действие тех же сил не только в Англии, но и в ряде других стран.

И в Германии рабочая аристократия перешла на сторону буржуазии, решив, что интересы германского рабочего класса требуют, чтобы отечественный капитализм развивался сильнее и шире, чтобы экономический рост страны совершался возможно быстрее и свободнее.

В этой аргументации социал-шовинисты подменивают интересы рабочего класса интересами рабочей аристократии, причем не действительными ее интересами, а непосредственной материальной выгодой интересами минуты.

Как агенты буржуазии, социал-шовинисты поддерживают раскол между отдельными слоями рабочего класса, откалывая его верхушку и опираясь на небольшие слои рабочей аристократии, которым кое-что выпадает на долю из прибылей пушечных королей.

Тов. Зиновьев, основываясь на статистическом исследовании состава берлинской социал-демократической организации 1906-07 гг., указывает на наличность в ее рядах значительной группы нерабочих и на сравнительно небольшой процент членов партии из числа неквалифицированных рабочих. Главную массу членов социал-демократической организации составляли в то время лучше оплачиваемые слои рабочих, те слои, из которых вербовались и профессиональные союзы Германии, охватывавшие в начале войны более 4-х миллионов членов, не об'единявших в своих рядах главной массы неквалифицированных рабочих. Наиболее эксплуатируемые и угнетенные части пролетариата, как доказано тов. Зиновьевым, были очень слабо представлены в организациях германской социал-демократии, составляя там группу в каких нибудь 15%, причем этой группе противостояла другая, почти столь же малочисленная — 10% — группа нерабочих: содержателей трактиров, лавок, парикмахеров, мелких купцов, мелких фабрикантов и т. д. Из мелко-буржуазных элементов германской социал-демократической организации значительную роль играли трактирщики. Мелкобуржуазный элемент наряду с рабочей аристократией и явился источником оппортунизма.

Кризис 1914 — 16 годов показал, что официальная германская социал-демократия не только не революционна, а прямо контр-революционна. «Только против этой официальной социал-демократии, только в борьбе против специфических интересов рабочей аристократии прокладывает себе дорогу подлинное социалистическое движение в Германии так же, как и в других странах» (335).

Опыт 1918—1920 гг., когда германская социал-демократия с оружием в руках выступила против коммунистического авангарда германского пролетариата, истребляя немецких рабочих, убивая их лучших вождей, целиком оправдал и подтвердил эту характеристику.

Но рабочему революционному движению для своей победы приходится преодолевать не только открытый оппортунизм, во время войны принявший форму социал-шовинизма, союза с господствующими классами против пролетариата своих и чужих стран, но и более тонкие извращения пролетарской идеологии.

Буржуазные влияния на пролетариат проявляются еще в форме социал-пацифизма. Социал-пацифизм связан с буржуазным пацифизмом, который мечтало прекращении войн при существовании частной собственности на средства производства. Европейская война обнаружила банкротство буржуазных пацифистов. Если во время мира они могли еще воображать, что занимают надклассовую позицию, то, с началом войны они вынуждены были повсюду стать на сторону империалистов.

Недалеко ушел от буржуазного филантропического пацифизма и социал-пацифизм. Один из лучших представителей его. Жорес, договорился в 1905 году до заявления, что франко-русский союз не имел наступательного характера, что он не представляет опасности для всеобщего мира. Но, как указывает тов. Зиновьев, «социализм не есть пацифизм, социализм есть воинствующий марксизм».

Партия пролетариата против войн грабительских и империалистских, против войн, направленных к закабалению миллионов трудящихся масс, но она не отрицает положительного значения революционных войн.

Наконец, автор подходит к вопросу об отношении II-го Интернационала к проблеме войны.

В начале 90-х годов Энгельс, с которым всегда солидаризировались Бебель в германской и Плеханов в русской социал-демократии, ставил вопрос о войне революционной Германии против самодержавной России. Но Энгельс и тогда продолжал в новой обстановке, традиции Маркса, традиции «Новой Рейнской Газеты»,

призывавшей в 1848 году к революционной войне против царизма. Но изменили Интернационалу германские социал-шовинисты, перейдя на сторону своего империализма в 1914-ом году. Они использовали революционную ненависть германских пролетариев к кровавому царизму для того, чтобы заставить последних проливать свою кровь за интересы германского империализма. Ибо с самого начала XX столетия, когда определилась новая эпоха в развитии капитализма, которой не могли, однако, еще предвидеть Маркс и Энгельс, лозунгом пролетариата должна была стать борьба против империализма.

На протяжении всей истории оппортунистического II-го Интернационала, вскрывает тов. Зиновьев в своей книге, в течение всей 25-летней его деятельности, в нем всегда было два течения, и в конце концов взяло верх оппортунистическое большинство, никогда не относившееся вместе с центром, серьезно к своим обязательствам, не верившее в страшные слова о революции.

Тов. Зиновьев указывает затем на разницу между точкой зрения революционного марксизма и анархистской позицией Домела Ньювенюиса, выразившейся в резолюции, внесенной им на цюрихском конгрессе 1893 года.

Вновь вопрос о войне был поднят в Штутгарте, в 1907 году, на международном конгрессе, который заседал после русской революции в момент усиленных вооружений, в эпоху когда надвигавшаяся европейская война приняла реальные очертания. В заседаниях комиссии конгресса, где вырабатывалась резолюция о войне, не было принципиальной разницы между позицией французского и немецкого большинства. Те и другие стояли на почве защиты отечества.

Принципиально отличной была только речь Розы Люксембург, давшей обоснование революционной марксистской позиции, от имени русской и польской делегаций. Роза Люксембург не допускала возможности защиты отечества в империалистических войнах, и предложенная поправка гласила: в случае войны, нужно бороться за ее скорейшее прекращение и в то же время, пользуясь созданным войной кризисом, поднимать массы, для ускорения краха всего капиталистического строя.

В то время как и то, и другое большинство стояло на точке зрения защиты отечества, на самом конгрессе и в его решениях на этот принцип не было и намека. Это об'ясняется тем, что многие деятели II-го Интернационала признавали, что ближайшая война будет войной империалистической, грабительской, в которой с точки зрения пролетарской не может быть и речи об обороне и нападении. Вот почему Штутгартский конгресс ни словом не обмолвился о необходимости разграничения современных войн на оборонительные и наступательные, и не высказался совершенно о тезисе защиты отечества в будущей войне. В 1907 году ни один социалист не решился бы стать на сторону одного из империалистических трестов, боровшихся за раздел мира. Никто не решался бы обратиться к рабочим всех стран с словами о защите отечества, о поддержке войны. Считаясь с массами, оппортунисты и центр, составлявшие подавляющее большинство в Штутгарте, вынуждены были принять поправку революционных марксистов, бывших на конгрессе в меньшинстве.

Однако оппортунистическое большинство и центр не верили в страшные слова о войне и революции.

Манифест чрезвычайного революционного конгресса социалистов в Базеле (1912 г.) написан в ожидании европейской войны, разразившейся в 1914 году. Считая, что это будет империалистическая война, он не говорил ни слова о защите отечества. Он призывал к организации гражданской войны, ссылаясь на опыт парижской коммуны и русско-японской войны.

Тем яснее представляется вина Адлера и других вождей, говоривших тогда о революции, тем глубже их падение, тем позорнее измена. Ничто не разоблачает так позора социал-предателей, как те заявления, которые они делали сами в течение последних дней перед официальным об'явлением войны 1914 года. Германские социалисты тогда говорили, что в войне будет повинен германский империализм. Официальные французские социалисты указывали, что вина за нее падет и на колониальную политику Франции, и на иностранную политику царизма.

И тов. Зиновьев приходит к выводу, что слабой стороной II Интернационала было признание им принципа защиты отечества, вернее—идеи национальных войн, без ясного и точного указания, что этот критерий не применим к войне империалистской.

В течение 25-летнего существования II-го Интернационала в нем боролись два основные направления—марксистское и оппортунистическое. Оппортунисты и центр получили в последние годы существования II-го Интернационала большинство. Но представители пролетарской революции не отказываются ни на минуту от наследия революционного марксистского направления, всегда существовавшего и во время II-го Интернационала. Оппортунизм, с одной стороны, и анархо-синдикализм, с другой обанкротились во время войны: она была громадным ударом по социализму, но она же помогла похоронить оба мелко-буржуазных извращения социализма.

«Центр, все время помогал во II-ом Интернационале оппортунизму, центр помогает теперь социал-шовинизму».

И против оппортунистов и против марксистов центра!

«Назад, к Марксу, и во-имя этого III Интернационал», заключает свою книгу тов. Зиновьев.

Те четыре года, которые прошли со времени ее составления, подтвердили бесчисленными фактами правильность произведенного в ней анализа основных тенденций хода пролетарского движения. Если во время империалистской войны социал-шовинисты блокировались с правительствами своих стран против иностранных буржуазий и пролетариата, то после империалистского мира, перешедшего в гражданскую войну, оппортунисты заключают союз с буржуазией на этот раз против пролетарской революции, победившей в России, к победе во всем мире.

С буржуазией и против революционного пролетариата, — такова тактика социал-шовинистов всего мира. Псевдомарксисты центра и во время мира продолжали гнуть ту же линию, которая проводилась ими во время войны. Когда началась гражданская война они лили воду на мельницу социал-шовинизма, укрепляя его позиции, саботируя дело пролетарской революции, отстаивая принцип буржуазной демократии, под которым кроется угнетение масс капиталом.

Подобно тому, как империалистский мир явился завершением империалистской войны и в нем воплотилась его подлинная сущность, так и тактика социал-патриотов во время империалистского мира явилась достойным завершением предательства ими интересов рабочего класса в период грабительской войны.

И III Интернационал, продолжающий тенденции революционного марксистского направления, всегда существовавшего во II-м Интернационале, вернулся назад к марксизму и во имя его он об'являет беспощадную войну как открытому предательству интересов рабочих шейдемановцами, так и скрытому оппортунизму каутскианцев!

В. Быстрянский.

ИЗ КАЛЕНДАРЯ КОМИНТЕРНА.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1921 Г.

января.

Правительство Юго-Славии приступило к решительным мерам против большевистского движения: закрытию всех коммунистических организаций и запрещению коммунистических печатных изданий.

2 января

В Берлине, по инициативе Об'единенной Коммунистической партии Германии, состоялась массовая демонстрация протеста против белого террора в Венгрии.

На с'езде в Диффердинге, в котором участвовала Клара Цеткин, Социалистическая партия Люксембурга высказалась 97 голосами против 21 за условное вхождение в III Интернационал. 21 делегат, стоящие за безусловное присоединение, вышли из партии и образовали Коммунистическую партию Люксембурга.

Правительство Чехо-Словакии приостанавливает в некоторых местностях, в особенности в Словакии—русинской области южнее Карпат—в Праге и Брюнне, действие судов с присяжными. Арестованные коммунисты будут преданы особому суду, состоящему из 6 судей.

3 января.

В Ларберте (Larbert) открылся под председательством Вильямса Мартина (Williams Martin) с'езд Независимой Рабочей партии Шотландии по вопросу о присоединении к III Интернационалу. Вопрос был решен отрицательно 93 голосами против 57.

4 января.

Центральный Комитет (Comité Directeur) Франц. Социалистической партии (франц. секции Коммунистического Интернационала) произвел выборы бюро. Л. О. Фроссар (L.-O. Frossard) переизбран генеральным секретарем, Лорио (Loriot) избран международным секретарем, Антонио Коэн (Antonio Coën) помощником секретаря, Дондиколь (Dondicol)—казначеем, Марсель Кашен (Marcel Cachin) переизбран отв. редакт. L'Humanité, Раульф Верфейль (Raoul Werfeuil), Андре Жюльен (André Julien), Люси Кольяр (Lucie Colliard), Ф. Вейрен (F. Veyren) избраны для ведения пропаганды. Финансовая комиссия избрана в составе секретаря Гурдо (Gourdeaux) и членов Луи Сельe (Louis Sellier), Бойе (Boyet), Дондиколь (Dondicol) и Сервантье (Servantier). Комиссия пропаганды избрана в составе секретаря Вальян-Кутюрье (Vaillant-Couturier) и членов Александра Блана, Раппопорта, Трена (Treint), Рену (Renoult), Марты Биго (Marthe Bigot), Бестеля (Bestel) и Кашена. В архивную комиссию вошли секретарем Люси Лейсиаг (Lucie Leiciague) и членами Амедей Дюнуа (Amédée Dunois), Виктор Мерик (Victor Méric), Александр Блан и Поль Луи (Paul Louis). В комиссию уставов и регламентов были избраны секретарем Коэн и членами Р. Бюро (R. Bureau), Рену, Фроссар и Жорж Леви (Georges Lévy).

В Айлингтоне (Islington), южной части Лондона, демонстрация безработных закончилась столкновением с полицией.

В Фленсбурге, при похоронах убитого местного коммуниста Гофмана, произошло кровавое столкновение с полицией.

В Берлине осужден к 400 марок денежного штрафа ответственный редактор «Rote Fahne» Бруно Шефер (Bruno Schäfer) за помещение в газете воззвания И. К К. И. к пролетариям всех стран по случаю октябрьской годовщины.

5 января.

Кассационная жалоба Сильвии Панкхэрст, приговоренной к 6 месяцам тюремного заключения, отклонена.

7 января.

Об'единенная Коммунистическая партия Германии предлагает Всеобщему Германскому Об'единению Профессиональных союзов (Allgemeine Deutsche Gewerkschaftsbund), Трудовому Об'единению свободных союзов служащих (Arbeitsgemeinschaft freier Angestelltenverbände), Всеобщему Рабочему Союзу (Allgemeine Arbeiterunion), Свободному Рабочему [redacted] (Freie Arbeiterunion-Syndikalisten), Социал-Демократической партии Германии, Независимой Социал-Демократической партии Германии и Коммунистической Рабочей партии Германии координировать свои действия в борьбе за повышение заработной платы, удешевление жизни, немедленное разоружение и роспуск буржуазных организаций самозащиты, за создание пролетарских организаций самозащиты, за амнистию, немедленное возобновление торговых и дипломатических сношений с Советской Россией и т. п.

9 января.

В Берлине, по инициативе Об'единенной Коммунистической партии Германии, состоялась массовая демонстрация протеста против убийства коммуниста Гофмана (Hoffman) в Фленсбурге.

В Рейхенберге открылась окружная конференция Немецкой Социал-Демократической партии Чехо-Словакии.

10 января.

Социалистическая партия Аргентины на с'езде в Бахиа-Бланка (Bahia-Blanca) отвергла 5.013 голосами против 3.656 присоединение к III Интернационалу.

Рейхенбергская конференция, осудив измену Ц. К. Немецкой Социал-Демократической партии Чехо-Словакии и вождей профсоюзов во время последних выступления, постановила о необходимости создания самостоятельной Коммунистической партии Чехо-Словакии (секции III Интернационала).

11 января.

L'Humanité сообщает, что Анатоль Франс примкнул к III Интернационалу.

Во Франции из социалистической парламентской фракции, насчитывающей 70 депутатов, вышли 12, с целью образовать самостоятельную коммунистическую фракцию: Оссолейль (Aussoleil), Бертон (Berthon), Александр Блан (Blanc), Кашен (Cachin), Дормуа (Dormoy), Э. Лафон (E. Lafont), Жорж Леви (Georges Lévy), Морель (Maurel), Моруччи (Morucci), Фильбуа (Philbois), Вальян-Кутюрье (Vaillant-Couturier) и Жан Рено (Jean Renauld). Секретарем фракции избран Пьер Дормуа, казначеем—Оссолейль.

Центральный Комитет Социалистической партии (Французской секции Коммунистического Интернационала) передал расследование дела Лафона в конфликтную комиссию.

Герм. Свободный Рабочий Союз (синдикалистов) принимает предложение Об'единенной Коммунистической партии Германии от 7 янв. о совместной деятельности, при условии сохранения полной самостоятельности.

Всеобщий Рабочий Союз отвечает на предложение Об'единенной Коммунистической партии Германии от 7 января резкой критикой партии.

12 января.

L'Humanité сообщает, что Анри Барбюс и Северин решили формально примкнуть к III Интернационалу.

13 января.

Социал-Демократическая партия Германии и Независимая С.-Д. партия Германии отвергают предложение Об'единенной Коммунистической партии Германии от 7 января.

Во Франции суд вынес приговор о роспуске Всеобщей Конфедерации Труда.

14 января.

Коммунистическая Рабочая партия Германии отклоняет предложение Об'единенной К. П. Г. от 7 января, считая его оппортунистическим.

15 января.

Годовщина убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург прошла в Германии в демонстрациях и столкновениях с полицией.

В Ливорно открылся XVII с'езд Итальянской Социалистической партии в присутствии Эмбер-Дроза, Кабакчиева, Пауля Леви, Розы Блох и др.

В Христиании открывается конференция оппозиционной группы Рабочей партии Норвегии. Отклонив 21 условие III Интернационала, конференция постановляет 168 голосами против 5 образовать самостоятельную организацию—Социал-Демократическую Рабочую партию Норвегии. В новую партию вошли президент стортинга Буэн (Buen) и президент ландтага Нильсен (Nielsen).

16 января.

Об'единенная Коммунистическая партия Германии, ввиду отклонения ее предложения от 7 января, обращается ко всему германскому пролетариату с воззванием, призывая его образовать единый революционный фронт борьбы против капитализма и к разрыву с разрушителями единства пролетариата.

В Любохнии (Lubochnia, Словакия) открылся с'езд левых социалистических партий всех национальностей Словакии. На с'езде представлено 240.000 организованных рабочих.

Конференция округа Остpау (Моравия) Немецкой Социал-Демократической партии Чехо-Словакии приняла 41 голосом против пяти 21 условие III Интернационала.

В Тифлисе, в ночь на 17, властями произведен разгром помещения редакции Ц. К. К. П. Грузии.

17 января.

Немецкая Социал-Демократическая партия Чехо-Словакии исключила из своей среды участников последнего коммунистического выступления (рейхенбергскую организацию).

С'езд в Любохнии единогласно принял 21 условие III Интернационала.

19 января.

Ввиду слухов о формировании боевых коммунистических организаций, германское правительство совершает ряд обысков и арестов в Рейнланде-Вестфалии.

«Юманите» помещает заявление Комитета III Интернационала о предстоящем его вступлении в Коммунистическую партию.

20 января.

Постановлением В. Ц. И. К. образованы автономные Дагестанская и Горская Социалистические Советские Республики.

Из 216.337 членов Итальянской Социалистической партии 172.487 приняли участие в голосовании. Унитаристы (Серрати и д'Аррагона) получили 98.028 голосов, чистые коммунисты (Бомбаччи) — 58.783, концентрационисты (Турати и Тревес)—14.695, воздержались 981.

Штеттинский с'езд германского союза моряков, насчитывающего 15.000 членов, принял резолюцию, приветствующую Междунар. Совет. профсоюзов и целиком присоединяющуюся к выдвинутой последним платформе. Решено участвовать в Московском с'езде профсоюзов. Постановлено создать Балтийский Союз для противодействия военным мерам против России и облегчения России торговых сношений.

Произведен обыск в помещении Ц. К. Об'единенной К. П. Г. в виду слухов о военных организациях.

21 января.

Коммунистическая фракция покидает Ливорнский с'езд, организуясь в Коммунистическую партию (итальянскую секцию III Интернационала). В Ц. К. вошли: Бомбаччи (Bombacci), Марабини (Marabini), Бордига (Bordiga), Полано (Polano), Беллони (Belloni), Тарсиа (Tarsia), Греко (Grieco), Сепра (Sepra), Терначини (Terracini), Репосси (Repessi), Пароди (Parodi), Мизиано (Misiano), Фортичиари (Fortichiari), Грамши (Gramsci) и Дженнари (Gennari). Ц. К. будет заседать в Милане.

22 января.

В Вене заседали первая имперская конференция солдатских организаций Коммунистической партии Немецкой Австрии и первая имперская конференция женщин-коммунисток.

23 января.

В Липпе при выборах в ландтаг буржуазные партии собрали 46.000 голосов (13 мандатов), Социал-Демократическая партия Германии — 25.400 голосов (7 мандатов) и коммунисты—3.400 голосов (1 мандат).

24 января.

В Вене открылся об'единенный партейтаг Коммунистической партии Немецкой Австрии, Социалистической Рабочей партии (левых) и чешских централистов. С приветствием от германских коммунистов выступил Штекер. После продолжительных прений принята резолюция, требующая присоединения Западной Венгрии к Австрии. По вопросу о присоединении Австрии к Германии принята резолюция, предложенная Об'единенной Комм. партией Германии, отклоняющая участие в социал-демократической кампании в пользу присоединения. В целях тесного сотрудничества с германскими товарищами, будет создана междупартийная комиссия.

25 января.

Венский партейтаг закончился об'единением Социалистической Рабочей партии (левых) и чешских централистов с Коммунистической партией Немецкой Австрии. В малый президиум партии избраны: Штрассер (Strasser), Вертгейм (Wertheim), Томани (Tomann), Глясс (Glass), Грубер, Коричонер (Koritschoner), Фрей (Frey), Тобер и Новотни (Novotny). В расширенный президиум вошли: Рис (Riehs), Гайдт (Haidt), Штейн (Stein), Фурман (Fuhrmann), Мареш (Maresch), Рейтер (Reiter), Гарих (Harich), Тейблер (Teubler), Маркус (Markus), Кельдорфер (Kehldorfer), Кирхбергер, Клокер (Klocker), Идль, Шлезингер, Трантинер, Тимель и Штремер (Strömer). В контрольную комиссию избраны: Морник, Поллак, Рат (Rath), Шрот (Schroth), Долешаль (Doleschal), Крумбек (Krumböck), Вердини (Verdini), Туттингер, Риннер и Венгер (Wenger).

26 января.

В парламентскую фракцию Коммунистической партии Италии входят Роберто (Roberto), Рабеццана (Rabezzana), Мизиано, Беллони, Репосси, Франчески (Franceschi), Гранди (Grandi), Феррари (Ferrari), Марабини, Грациадеи (Graciadei), Бомбаччи, Кроче (Croce), Каротти (Carotti), Сальваторн (Salvatori), Делла Сета (Della Seta), Кварантини (Quarantini) и Ради (Radi).

27 января.

В виду воспрещения норвежским правительством ввоза стокгольмского издания «Коммунистического

Интернационала», известный ученый врач Шарфанберг призывает в «Социал-Демократен» всю радикальную интеллигенцию страны протестовать против безумной попытки блокировать коммунистическую литературу.

29 января.

«Петроградская Правда» помещает обращение социалистов-революционеров—Льва Либермана, Григория Ратнера, А. А. Березовского, Георгия Торбека и Б. А. Змайро-Бабиной (Б. Невской), призывающее сотоварищей по партии к вступлению в Р. К. П., «ввиду банкротства теоретической системы народничества».

В Лидсе открылась об'единенная конференция британских коммунистов под председательством Джэка Таннера (Jack Tanner).

30 января.

Конференция в Лидсе закончилась об'единением всех коммунистических групп в единую партию под названием Об'единенной Коммунистической партии Великобритании. Председателем партии избран Мэк Манус.

В «Freiheit» подводятся итоги референдуму (Urabstimmung) в Социал-Демократической партии Швейцарии. Из 54.000 членов партии в голосовании приняли участие 34.974 (64,9%). За присоединение к III Интернационалу подано 8.777 голосов против—25.475.

Полиция произвела в Париже ряд обысков и арестовала 6 сербов и 3 русских, подозревая в них советских агентов.

Чрезвычайная конференция рейхенбергского округа Немецкой Социал - Демократической партии Чехо-Словакии высказалась за присоединение к III Интернационалу и образование самостоятельной коммунистической партии. С этой целью созывается на 13 марта партийный с'езд.

31 января.

В Париже арестован член Ц. К. Социалистической партии (французской секции Коммунистического Интернационала) Кер (Ker).

В Москве Грузинской Демократической и Украинской Советской Республиками подписан договор о взаимном признании независимости.

1 февраля.

В Магдебурге арестован Альберт Фатер (Albert Vater) и в местном секретариате Об'единенной Коммунистической партии Германии произведен обыск ввиду подозрения в подготовке боевых организаций.

2 февраля.

На четвертый день совещания в Бухаресте генеральный совет Румынской Социалистической партии раскололся: 18 голосов высказалось за безусловное принятие 21 условия III Интернационала, 12 заняли центристскую позицию, 8 остались верны старой социал-демократической программе. Вождем коммунистов в парламенте является депутат Христеску (Christescu).

4 февраля.

В Берлине начался суд над 5 коммунистами из Вейссензе (Weissensee): Карлом Циглером (Ziegler), Мартином Конрадом (Conrad), Германом Ложе (Logé), Эрихом Лаудиеном (Laudien) и Паулем Арндтом (Arndt) по обвинению в организации красной армии в 1920 г.

Редактор мюнхенской «Neue Zeitung» Отто Томас (Otto Thomas) и секретарь Баварского Комитета Об'единенной Коммунистической партии Германии, член баварского ландтага Отто Граф выступили публично в национал-большевистском духе.

Совет Народных Комиссаров Р. С. Ф. С. Р. постановил отменить плату за отпускаемые по рецептам врачей из аптек медицинские средства.

5 февраля.

Суд над коммунистами из Вейссензе кончился осуждением Пауля Арндта к 6 месячному тюремному заключению; остальные подсудимые оправданы за недостатком улик.

По делу об иностранцах арестован в Париже секретарь редакции «Юманите» (L'Humanité) и член Ц. К. Социалистической партии (французской секции Коммунистического Интернационала) Амедэ Дюнуа (Amédée Dunois).

6 февраля.

На общинных выборах в Филиппополе коммунисты собрали 3.228 голосов (11 мандатов), правые социалисты 513 (1 мандат) и буржуазные партии 3.410 (11 мандатов).

7 февраля.

На совместном с'езде Коммунистической Молодежи Чехии и представителей от немцев и словаков вынесена резолюция о немедленном образовании самостоятельной коммунистической организации на платформе Коммунистического Интернационала Молодежи.

8 февраля.

В гор. Дмитриеве скончался в 3 часа 10 минут утра П. А. Кропоткин.

Парламентская фракция Коммунистической партии Италии исключила из своей среды Букко (Bucco) за его поведение во время болонских событий.

Гофгерихт в Або приговорил 14 лиц к тюремному заключению сроком от 5 до 14 лет за основание рабочей организации, стоящей на платформе классовой борьбы и постановившей присоединиться к III Интернационалу.

В Париже открылось заседание Национального Комитета Всеобщей Конфедерации Труда.

9 февраля.

Национальный Комитет Всеобщей Конфедерации Труда во Франции, 88 голосами (34 федерации, 54 союза), против 24 (7 федераций, 17 союзов) при 10 воздержавшихся и 14 отсутствовавших, постановил не ставить на предстоящем Лилльском с'езде вопросы о выходе из Амстердамского Интернационала и присоединении к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов.

10 февраля.

Национальный Комитет Всеобщей Конфедерации Труда во Франции, 82 голосами (34 федерации, 48 союзов) против 31 (5 федераций, 26 союзов) при 12 воздержавшихся и 12 отсутствовавших, постановил считать автоматически исключенными из своей среды все те организации, которые примкнут к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов. Революционное меньшинство ответило заявлением, что оно останется в конфедерации до Лилльского с'езда, который один правомочен решить вопрос.

В Милане открылся с'езд союза сельско-хозяйственных рабочих. Предложение Константини (Costantini) о немедленном и безусловном присоединении к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов получило 350.000 голосов, предложение оппортунистов получило 405.000 голосов.

11 февраля.

В Эссене начался суд над 15 рабочими-коммунистами по обвинению в участии в боях во время Каповского путша (мятежа).

14 февраля.

В Касселе начался процесс 7 членов Коммунистической партии Германии, арестованных 19 января в Рурской области, по обвинению в подготовке боевой организации и призыве к неподчинению властям.

15 февраля.

В Париже арестованы управляющий газетой «Le Conscrit» (Новобранец) Луи Виллъям (Louis William) и политический секретарь национальной федерации комму-

нистическо-социалистической молодежи Морис Лапорт (Maurice Laporte).

В Готе (Gotha) открылся III с'езд Коммунистической Рабочей партии Германии

16 февраля.

Четвертый процесс коммунистов из Кетена (Cöthen) закончился осуждением всех 25 обвиняемых к тюремному заключению от 14 дней до 9 месяцев.

18 февраля.

Суд в Дессау над коммунистами из Стасфурта (Stassfurt) закончился осуждением Кеппнера (Käppner) к 10, Куниша (Kunisch) к 6, Адамса (Adams) к 5 и Клафке (Klaffke) к 3 месяцам тюремного заключения.

Закрылся III с'езд Коммунистической Рабочей партии Германии. По вопросу о Коммунистическом Интернационале принята следующая резолюция: «Партийный с'езд санкционирует под двумя известными условиями свое присоединение к Коммунистическому Интернационалу в качестве сочувствующей партии. Он обязывает как партию в целом, так и каждого товарища в отдельности, всюду и внутри III Интернационала непримиримую борьбу против всякой формы иллюзионистского оппортунизма и реформизма. Всякие требования III Интернационала к Коммунистической Рабочей партии Германии, противоречащие нашей программе и тактике, надлежит отвергнуть даже под риском быть исключенными». Эта резолюция была принята подавляющим большинством голосов; резолюция Пфемферта (Pfempfert) об отказе от вхождения в III Интернационал была до этого отклонена большинством всех голосов против двух.

19 февраля.

Первый день выборов в Рабочую Камеру (Arbeiter-Kammer) в Вене.

20 февраля.

Закончились выборы в прусский ландтаг. Буржуазные партии собрали 9.761.370 голосов (255 мандатов вместо 233 26 января 1919 г.), Социал-Демократическая партия Германии 4.294.071 голосов (114 мандатов вместо 145), Независимая Социал-Демократическая партия Германии—1.075.344 голоса (28 мандатов вместо 24) и Об'единенная Коммунистическая партия Германии—1.211.741 голос (31 мандат; в предыдущем составе не было ни одного).

Выборы в Гамбургский парламент (Bürgerschaft). Буржуазные партии собрали 208.749 голосов (вместо 154.766)—64 мандата (вместо 46), Социал-Демократическая партия Германии собрала 216.521 голос (вместо 254.237) — 65 мандатов (вместо 78), Независимая Социал-Демократическая партия Германии собрала 7.640 голосов (вместо 42.852)—2 мандата (вместо 13), Об'единенная Коммунистическая партия Германии собрала 58.920 голосов (вместо 2.927)—17 мандатов (в предыдущем составе ни одного).

Выборы в Бременский парламент (Bürgerschaft). Буржуазные партии собрали 95.145 голосов (вместо 73.292)—63 мандата (вместо 56), Социал-Демократическая партия Германии собрала 41.886 голосов (вместо 26.173)—28 мандатов (вместо 22), Независимая Социал-Демократическая партия Германии собрала 38.093 (вместо 46.834)—23 мандата (вместо 27), Об'единенная Коммунистическая партия Германии собрала 12.259 голосов (вместо 7.313)—6 мандатов (вместо 5).

Второй день выборов в Рабочую Камеру в Вене. В рабочей секции подано 112.525 голосов за вольные проф союзы, 6.932 за коммунистов и 5.245 за христианских социалистов; в секции служащих 39.072 голоса подано за вольные профсоюзы, 7.249 за христианских социалистов, 5.525 за немецких националистов (Deutschnationale) и 228 за коммунистов.

По всей Италии массовые демонстрации в пользу Коммунистической партии.

Фриц Платтен отбыл шестимесячное тюремное заключение и вышел на свободу.

22 февраля.

В Берлине открывается заседание Ц. К. Об'единенной Коммунистической партии Германии.

24 февраля.

Заседание Ц. К. Об'единенной Коммунистической партии Германии закончилось, после принятия по вопросу о партийном расколе в Италии резолюции Тальгеймера (Thalheimer) — Штекера (Stöcker), выходом из Ц. К. председателей Эрнста Деймига (Ernst Däumig) и Пауля Леви (Paul Levi), секретарей Клары Цеткин и Отто Брасса (Otto Brass) и члена Адольфа Гофмана (Adolf Hoffmann). На их место избраны: председателями Генрих Брандлер и Вальтер Штекер, секретарями Пауль Фрелих (Paul Fröhlich), Эрнст Мейер (Ernst Meyer), Пауль Беттхер (Paul Böttcher) и Макс Сиверс (Max Sievers) и членом Вегманн (Wegmann). В деле Графа и Томаса, ввиду сознания ими своей ошибки, Ц. К. ограничился смещением обоих с партийных постов и отозванием Графа из ландтага. В Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала делегированы Кенен (Koenen) и Геккерт (Heckert).

25 февраля.

Тифлис взят восставшим грузинским пролетариатом; Грузия об'явлена Советской Республикой.

В Харькове открылся V Всеукраинский С'езд Советов.

26 февраля.

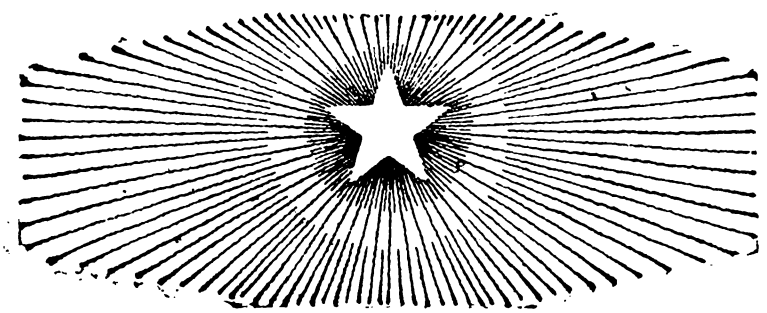
В Ливорно открылся с'езд Всеобщей Конфедерации Труда.

27 февраля.

Берлинская организация Интернационала жертв войны устроила массовую демонстрацию. Раздавались клики: «Да здравствует III Интернационал!», «Да здравствует Советская Россия!».

28 февраля.

В Париже начался судебный процесс коммунистов по обвинению в заговоре против государственной безопасности. Обвинение находится в связи со всеобщей забастовкой, последовавшей за первомайским праздником 1920 г. Преданы суду: члены Комитета III Интернационала Лорио (Loriot), Монатт (Monatte), Суварин (Souvarine), Монмуссо (Monmousseau), члены Коммунистической партии—Сигран (Sigrand), Болт (Bolt), Рабию (Rabilloud) и члены Коммунистической Федерации Советов—Гано (Hanot), Лебур (Lebourg) и Жиро (Giraud).

Содержание 16-го номера.

Зиновьев, Г. Перед третьим конгрессом Коммунистического Интернационала 3481

Радек, Карл. Основание III-го Интернационала . . 3489

Степанов, И. Об иностранных концессиях 3515

Брион, Элен. Одна из задач французского коммунизма 3523

Квелч, Том. Враги социальной революции в Англии 3527

Бела Санто. Урок Венгерской Коммунистической партии 3533

Британский Коммунист. Две революции в Ирландии 3537

Кориченер, Франц. Совет рабочих депутатов в Немецкой Австрии. 3547

Кабакчиев, Хр. Балканы на пороге революции . 3553

Янсен, И. Развитие коммунистической партии в Нидерландах 3559

Герцог, Яков. Борьба за Коммунистический Интернационал в Швейцарии. 3569

Делегат Лиги. Революционное движение в Южной Африке 3573

Виленский, В. (Сибиряков). Накануне образования коммунистической партии в Китае. 3585

Сакай. Очерк социалистического движения в Японии до 1917 года 3595

Сен Катаяма. Революционные веяния в Японии. 3605

Мороз, Г. Из истории гражданской войны в России 3609

Новомирский, Я. П. А. Кропоткин, как теоретик анархизма 3635

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Маркс, Карл. Парижская Коммуна 3651

Стеклов, Ю. Основная беда Парижской Коммуны. 3659

Степанов, И. Парижская Коммуна и русская революция. 3671

Белый террор после падения Коммуны.—Эпизоды майской недели 3681

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ КРАСНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Г. Х. Индустриальные Рабочие Мира 3723

Доклад о Союзе Профессиональной Пропаганды в Швеции 3729

К рабочим Великобритании.—Воззв. Исп. Ком. Коминтерна и Врем. Совета Интерн. Красн. Профсоюзов 3733

Постановления I с'езда профессиональных союзов Балкано-Дунайских стран 3739

Профессиональным союзам рабочих кожевников, сапожников, шорников, перчаточников, чемоданщиков, портфельщиков, меховщиков и щетинщиков всех стран. — Обращение Всероссийского Союза рабочих и служащих в кожевенной, меховой и щетинной промышленности 3745

Генеральному Секретарю Междунар. Союза сапожников и кожевников—Симону, Ген. Секр. Межд. Союза рабочих перчаточников—Малеру и Ген. Секр. Межд. Союза шорников и портфельщиков—Сасенбаху 3747

Промышленный кризис и желтые профсоюзы в Англии 3747

Тяга в Москву 3751

Профессиональное движение в Польше 3753

МЕЖДУНАРОДНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Хинчук, Л. Об'единение кооперативного движения. 3759

Этапы международного кооперативного движения. 3763

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Правила подпольной партийной работы (изданы Ц. И. К. Американской Коммунистической партии) 3767

Безработица.—Возвание Ц. И. К. Американской Коммунистической партии 3775

Поправка к резолюции о присоединении к III Интернационалу (предложение, внесенное Исп. Комит. III Интернационала) 3777

Воззвание Окружного Комитета Немецкой Социал-Демократической партии в Рейхенберге . 3779

Резолюция Ирландской Гражданской армии . . .

Воззвание Правления Общефинляндской Профессиональной организации.—В защиту венгерского пролетариата 3781

Привет-призыв работницам и рабочим всего мира (III с'езда Представителей Губернских Организаторов работниц и крестьян Р. К. П.). . 3783

Привет любимому вождю и соратнику, тов. Кларе Цеткин (III с'езда представителей Губ. Организаторов работниц и крестьянок в Москве). 3785

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ИСПОЛКОМА.

Заседания Исполкома Коминтерна 9, 10 и 14 Января. 3787

III Конгресс Коминтерна 3795

ВОЗЗВАНИЯ И ПИСЬМА.

Зиновьев, Г. Гражданину Жуо (Париж), гражданам Фиммен и Удегесту (Амстердам) . . 3797
Новая попытка международного обмана. О «двухсполовинном интернационале» 3799
К работникам всех стран, ко всем организациям, примыкающим к Коммунистическому Интернационалу 3801
С'езду Французской Социалистической партии в Туре 3803
С'езду Итальянской Социалистической партии во Флоренции 3895
Коммунистической партии Италии.—Т. т. Бомбаччи, Бордига, Терначини и др. 3807
Членам Социалистической партии Румынии и всем сознательным рабочим 3807
Письмо Исполкома Румынской Социалистической партии Исполкому Коминтерна 3815
Раз'яснения по поводу вопросов, предложенных тов. Бухариным в заседании Исп. Ком. Коминтерна 11 ноября 1920 г. 3821
По поводу событий в Чехо-Словакии 3825
Партейтагу Коммунистической партии Немецкой Австрии 3827
Всероссийской конференции Бунда в Минске . . . 3827
Пятидесятилетие Парижской Коммуны.—Ко всем партиям, ко всем фракциям, примыкающим к III Интернационалу 3829
Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.
Организация Статистико-экономического Отдела 3829
Анкета 3833

СЕКЦИИ КОМИНТЕРНА.

Шефлё, Олаф. Положение в Норвегии 3835
Письмо Коммунист. партии Америки Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала 3839
Об'единенная Коммунистическая партия Америки III Интернационалу по поводу об'единения . 3849
С'езд Финской Социалистической организации Америки 3861
С'езд коммунистических партий в Англии 3861
Конференция немецких левых в Рейхенберге . . V 3863
Положение дел в Коммунистическом Интернационале. Доклад тов. Г. Зиновьева на X С'езде Р. К. П. 3873
Проект постановления X С'езда Р. К. П. по вопросу о роли и задачах Профсоюзов (внесенный на рассмотрение Ц. К. Р. К. П. группой членов Ц. К. и членов проф. комиссии при Ц. К.) 3889
Проект постановления X С'езда Р. К. П. по вопросу о роли и задачах Профсоюзов (внес. группой членов Ц. К. Всерос. Профоб'единений, членов Ц. К. К. П. У., президиума В. Ц. С. П. С. и др.) 3895
Перечень организаций, высказавшихся за III Интернационал 3911

ИНТЕРНАЦИОНАЛ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Созыв международного конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи 3943

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Введение к русскому изданию тезисов по интернациональному женскому движению 3945

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Две жертвы американской буржуазии 3951
Франц Виншель. Классовое правосудие в Австрии 3955
Процесс основателей Финляндской Социалистической Рабочей партии. 3957

БИБЛИОГРАФИЯ.

Пресса Коммунистического Интернационала к 1 февраля 1921 года. 3961
Рецензии и заметки 3971
Крах II Интернационала 3981
Из календаря Коммунистического Интернационала 3991

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Портрет П. А. Кропоткина; П. А. Кропоткин в гробу—между стр. . . . . 3636—3637
Портреты деятелей Парижской Коммуны между стр. . . . . 3652—3653, 3660—3661, 3668—3669, 3676—3677
Последняя баррикада на улице Туртиль.—Стена федератов на кладбище Пер-Лашез (с картины Эрнеста Пикио)—между стр. . . . . 3668—3669
В тюрьме Де-Шантье в Версале; расстрелянные коммунары на улице Удино—между стр. . . . 3692—3693
Застрел на месте коммунаров на ул. Сен-Жермен-л'Оксерруа; казнь Милльера у Пантеона; человек, которому смешно—Тьер (шарж Андрэ Жилля)—между стр. . . . . 3700—3701
Осмотр рук пленных; пленные под конвоем; генерал Галлифе, палач Коммуны—между стр. . . . . 3716—3717

Петроград, 31 марта 1921 г.

26-ая Государственная типография. Петроград, Измайловский пр., 29.

Строительство новой жизни. Рисунок *Видберга.*

Ст. 4. Верховным органом Коммунистического Интернационала является всемирный конгресс всех партий и организаций, входящих в состав его. Всемирный конгресс собирается по правилу не реже одного раза в год. Только всемирный конгресс имеет право изменить программу Коммунистического Интернационала. Всемирный конгресс обсуждает и решает наиболее важные программные и тактические вопросы, связанные с деятельностью Коммунистического Интернационала. Число решающих голосов для каждой партии и организации на всемирном конгрессе определяется особым постановлением конгресса.

Ст. 5. Всемирный конгресс избирает Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, который является руководящим органом Коммунистического Интернационала в периоды между всемирными конгрессами Коммунистического Интернационала и который подотчетен только всемирному конгрессу.

Ст. 6. Местопребывание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала каждый раз определяется всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала.

Ст. 7. Экстренный всемирный конгресс Коммунистического Интернационала может быть созван либо по постановлению Исполнительного Комитета либо по требованию половины партий, входивших в состав Коммунистического Интернационала на последнем всемирном конгрессе.

Ст. 8. Главная часть работы в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала лежит на партии той страны, где по постановлению всемирного конгресса имеет местопребывание Исполнительный Комитет.

Партия этой страны вводит в Исполнительный Комитет пять своих представителей с решающим голосом. Кроме того, в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала входят по одному представителю с решающим голосом от 10—12 наиболее крупных коммунистических партий, список которых утверждается очередным всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала. Остальные партии и организации, принятые в Коммунистический Интернационал, имеют право послать в Исполнительный Комитет по одному представителю с совещательным голосом.

Ст. 9. Исполнительный Комитет руководит всей работой Коммунистического Интернационала от с'езда до с'езда, издает не менее чем на четырех языках центральный орган Коммунистического Интернационала (журнал «Коммунистический Интернационал»), выступает с необходимыми воззваниями от имени Коммунистического Интернационала и дает обязательные для всех директивы всем тем партиям и организациям, которые входят в Коммунистический Интернационал. Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала принадлежит право требовать от аффилированных партий исключения групп и лиц, нарушающих международную дисциплину, а также исключать из Коммунистического Интернационала такие партии, которые нарушают постановления всемирного конгресса. Эти партии имеют право апеллировать к всемирному конгрессу. В случаях необходимости Исполнительный Комитет организует в различных странах свои технические и иные вспомогательные бюро, целиком подчиненные Исполнительному Комитету. Представители Исполнительного Комитета выполняют свои политические задания в теснейшем контакте с центральным комитетом коммунистической партии данной страны.

Ст. 10. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право принимать в свою среду с совещательным голосом представителей организаций и партий, не принятых в состав Коммунистического Интернационала, но являющихся организациями, *сочувствующими* коммунизму и приближающимися к нему.

Ст. 11. Органы всех партий и организаций, входящих в Коммунистический Интернационал и числящихся в составе сочувствующих Коммунистическому Интернационалу, обязаны печатать все официальные постановления Коммунистического Интернационала и его Исполнительного Комитета.

Ст. 12. Общая социально-политическая обстановка во всей Европе и Америке диктует коммунистам всего мира необходимость создавать нелегальные коммунистические организации параллельно с легальной организацией. Исполнительный Комитет обязан следить за тем, чтобы это было проведено в жизнь повсюду.

Ст. 13. По правилу, все важнейшие политические сношения между отдельными партиями, входящими в Коммунистический Интернационал, ведутся через Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. В случаях спешных сношения ведутся непосредственно, но одновременно об этом сообщается Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала.

Ст. 14. Профессиональные союзы, стоящие на почве коммунизма и об'единяющиеся в международном масштабе под контролем Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, образуют профессиональную секцию Коммунистического Интернационала. Коммунистические профессиональные союзы посылают своих представителей на всемирные конгрессы Коммунистического Интернационала через коммунистические партии данных стран. Секция профессиональных союзов Коммунистического Интернационала делегирует одного своего представителя в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с решающим голосом. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право послать в секцию профессиональных союзов Коммунистического Интернационала своего представителя с решающим голосом.

Ст. 15. Международный Союз Коммунистической Молодежи является полноправным членом Коммунистического Интернационала и подчинен его Исполнительному Комитету. В Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала делегируется один представитель Исполнительного Комитета Международного Союза Коммунистической Молодежи с решающим голосом. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право послать в исполнительный орган Международного Союза Коммунистической Молодежи своего представителя с решающим голосом.

Ст. 16. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала утверждает Международного Секретаря Коммунистического женского движения и организует женскую секцию Коммунистического Интернационала.

Ст. 17. При переезде из одной страны в другую, каждый член Коммунистического Интернационала встречает братскую поддержку со стороны местных членов III Интернационала.

26-я Государственная типография.
Петроград, Измайловский, 29.